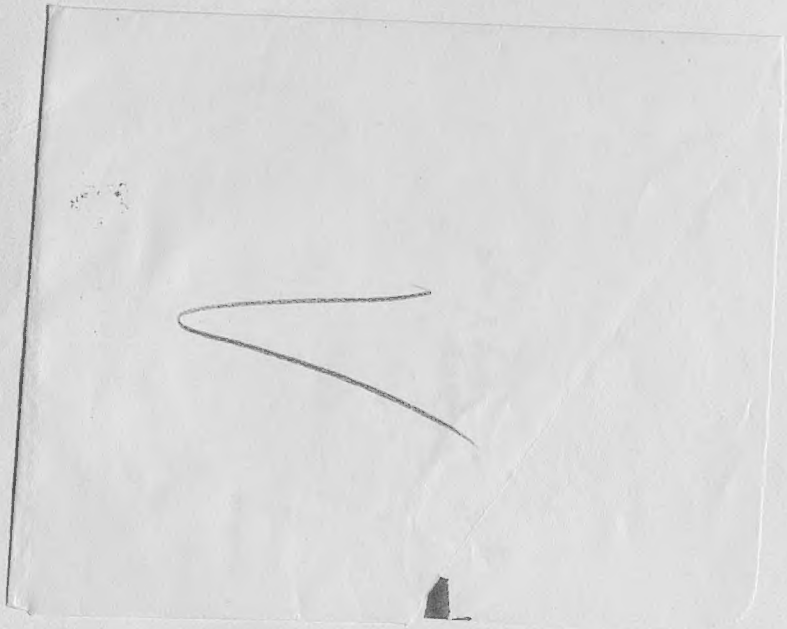
В. К. АРСЕНЬЕВ
В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ



ПРОВЕРЕНО 1968 г.

В. К. Арсеньев

ПРОСМОТРЕНО 51 г.

Проверено | 2015

В. К. АРСЕНЬЕВ

В ДЕБРЯХ УССУРИЙСКОГО КРАЯ

12347

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА
Г. Ш ВМ СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ~ 1950

91
A85

ПРОВЕРЕНО 54 г.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ВЛАДИМИР КЛАВДИЕВИЧ АРСЕНЬЕВ

С 1899 по 1930 г. на Дальнем Востоке работал известный исследователь, путешественник-натуралист и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев.

За 30 лет своей неустанной деятельности В. К. Арсеньев выполнил ряд крупных исследований, посвященных изучению различных районов Дальнего Востока, и опубликовал 62 работы научного, популярного и литературно-художественного характера. Из них самые замечательные — «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» стали чрезвычайно популярными и любимыми у широких кругов советских читателей.

Известно, что В. К. Арсеньев очень рано начал интересоваться природой и готовить себя к исследованиям отдаленных окраин нашей великой Родины. Наибольший интерес у Владимира Клавдиевича вызвал далекий Уссурийский край, сведения о котором в те времена были отрывочными, случайными.

Проявив большую настойчивость в достижении задуманной цели, В. К. Арсеньев последовательно оканчивает экстерном среднюю школу, поступает в юнкерское училище — выходит оттуда в чине прапорщика и добивается назначения на военную службу в Уссурийский край, куда и прибывает в конце 1899 г.

С этого момента начинается деятельность В. К. Арсеньева по изучению Уссурийского края. Во время одной из экспедиций в 1902 г. в истоках реки Лефу он встретил гольда (нанайца) Дерсу Узала. Эта встреча сыграла огромную роль в последующей деятельности Владимира Клавдиевича.

Дерсу Узала был своеобразным следопытом и первым человеком, который раскрыл перед В. К. Арсеньевым тайны Уссурийской тайги, рассказывая про привычки и повадки птиц

и животных, об обычаях, верованиях и быте орочей, гольдов, удэхейцев и других народностей Дальнего Востока.

В результате ряда экспедиций в горную область Сихотэ-Алинь В. К. Арсеньев собрал большой научный материал о рельефе, геологии, гидрологии, животном и растительном мире, а также по быту малых народностей, и одним из первых дал наиболее полное естественно-историческое описание края.

Накопив огромной ценности научные материалы, В. К. Арсеньев уделил много внимания широкой популяризаторской деятельности. Войдя в состав местных краеведческих организаций (Общество изучения Амурского края, Приамурский отдел Русского Географического общества и др.), В. К. Арсеньев начал заниматься музейной работой и в 1910—1918 гг. состоял директором Хабаровского музея, где ему пришлось заново расположить все научные коллекции и дать им правильное объяснение. Сопровождая посетителей музея, Арсеньев живо рассказывал о своих многолетних скитаниях по Уссурийскому краю и сообщал массу таких деталей, которые нигде не были опубликованы в печати. Одновременно с этим он принимал большое участие в чтении популярных лекций среди самых разнообразных слоев населения (учащиеся, учителя, врачи, военные и т. п.). Живые и яркие лекции В. К. Арсеньева отличались большой содержательностью и вызывали у слушателей их желание включиться в ту или другую экспедицию по изучению Дальнего Востока.

Сплотив вокруг себя небольшой кружок любителей природы Дальнего Востока, В. К. Арсеньев стремился еще шире развернуть краеведческую работу. В 1922 г. он принимает деятельное участие в проведении в г. Никольске-Уссурийском (ныне Ворошилов-Уссурийский) первого съезда по изучению Уссурийского края, а в 1926 г., будучи председателем Бюро, организует большую конференцию по изучению производительных сил Дальнего Востока. На всех этих конференциях и других многочисленных совещаниях В. К. Арсеньев выступает не только как один из лучших докладчиков, но и как хороший организатор краеведческой работы.

На этом деятельность В. К. Арсеньева не ограничивается, он почти ежегодно ездит в Москву и Ленинград, где в Русском Географическом обществе, в университетах выступает со своими докладами и сообщениями, оставляя у слушателей яркие впечатления о природе Дальнего Востока, его богатствах и местном населении.

Здесь у него устанавливается самая тесная связь со многими учеными, которые оказывают ему помощь в научной обработке добытых коллекций и поддерживают все его начинания в углубленном изучении Уссурийского края. Так, он встречается со знаменитыми географами П. П. Семеновым-

Тян-Шанским и Д. Н. Анучиным, почетным академиком Ю. М. Шокальским, известным путешественником П. К. Козловым, академиком В. Л. Комаровым и многими другими.

К нему обращаются известные исследователи-путешественники — Г. Н. Потанин, Фритиоф Нансен и многие другие — с просьбой помочь в сборе научных материалов по отдельным вопросам.

Вслед за восторженным отзывом А. М. Горького к Владимиру Клавдиевичу обращаются многие писатели и поэты за помощью в разработке дальневосточной тематики в советской литературе. Ряд писателей, например М. М. Пришвин, развивал в своих художественных сочинениях темы из жизни людей и природы Дальнего Востока, встречающиеся в произведениях В. К. Арсеньева.

Под влиянием большого интереса слушателей к отдаленному уголку нашей Родины — Уссурийскому краю, В. К. Арсеньев приступил к написанию популярных книг о природе и богатствах Дальнего Востока. Так, в зимние вечера 1918—1920 гг. В. К. Арсеньев, прочитывая свои путевые дневники и вспоминая свою странническую жизнь в дальневосточной тайге, написал две книги: «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала».

В. К. Арсеньев писал эти книги как экспедиционные отчеты и в предисловии к ним указал: «Настоящий труд, предлагаемый мною читателям, есть популярный обзор путешествия, предпринятого мною в горную область Сихотэ-Алиня в 1906 г. Он заключает в себе географические описания пройденных маршрутов и путевой дневник».

Первые издания этих книг — 1921 и 1923 гг. во Владивостоке — не получили широкой известности: многим местным читателям они казались вначале обычными книгами, повествующими о природе Дальнего Востока.

Однако, благодаря писателю М. М. Пришвину, они стали известны А. М. Горькому, который, прочтя их, прислал Арсеньеву свой восторженный отзыв, ставший вскоре известным советским читателям.

Вот этот отзыв А. М. Горького:

« ... книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, — конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силою. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественен. Искренно поздравляю Вас... Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну...».

Так был «открыт» А. М. Горьким В. К. Арсеньев как писатель. Между ними возникла дружеская переписка, которая продолжалась до самой смерти Владимира Клавдиевича.

А. М. Горький следил за работой В. К. Арсеньева и оказывал на него большое влияние. В. К. Арсеньев усиленно обрабатывал свои дневники, отделывал рукописи и много печатал, знакомя советскую общественность с новыми и новыми фактами из жизни природы и местного населения Дальнего Востока.

Книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» переиздавались много раз при жизни автора и особенно после его смерти.

С каждым новым изданием этих книг любовь и тяга на советский Дальний Восток все время возрастали, а имя их автора — В. К. Арсеньева — стало чрезвычайно популярным.

Научное значение трудов В. К. Арсеньева получило в свое время высокую оценку и признание Академии наук, Русского Географического общества и других научных учреждений, куда он представлял свои многочисленные коллекции и где неоднократно выступал с научными докладами и сообщениями.

Работы В. К. Арсеньева выделяются большими литературно-художественными достоинствами. Обладая огромным талантом излагать материалы своих путешествий в популярной форме, В. К. Арсеньев дал нам прекрасные художественные образцы описания картин природы и ее богатств.

В. К. Арсеньев запечатлел и художественно описал образ проводника туземца-гольда Дерсу Узала, своего спутника и верного друга, и показал его высокие моральные качества, которые снискали у советского читателя всеобщее уважение и признание.

Образ Дерсу Узала раскрыт настолько ярко и полно, что не случайно А. М. Горький поздравил В. К. Арсеньева, сумевшего в своих книгах воплотить черты натуралиста и писателя.

Книги В. К. Арсеньева находили и будут находить живой отклик у советских читателей, перечитывающих каждый раз яркие страницы о советском Дальнем Востоке, его богатствах и замечательных людях. Эти книги с неослабевающей силой влекут и зовут на Дальний Восток все новых и новых людей, которые едут туда жить и работать.

Книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» написаны были Арсеньевым более 25 лет тому назад и по материалам, собранным им в 1902—1912 гг.

Советский Дальний Восток за годы сталинских пятилеток неузнаваемо преобразился. Там, где Арсеньев шел с котомкой за плечами через чащу, прорубая просеки и разбирая заломы на горных реках, проделги железнодорожные и шоссейные дороги, выросли города и поселки с массой школ, клубов, библиотек, больниц. Белые пятна географической карты Приморья исчезли. Богатства недр и тайги поставлены на службу нашему народу.

Забитые в прошлом малые народности края — орочи, удэхейцы, нанайцы, судьбу которых В. К. Арсеньев желал видеть лучшей, — благодаря проведению ленинско-сталинской национальной политики получили широкую возможность творческого развития и удовлетворения своих материальных и духовных нужд.

По многим горным рекам Дальнего Востока, где некогда стояли одиночные стойбища орочей, удэхейцев и нанайцев, появились промысловые артели-колхозы, вместо берестяных шатров построены светлые просторные дома, школы, клубы, больницы, проведено электричество, радио, телефон.

В дни Великой Отечественной войны представители многих малых народностей Дальнего Востока храбро сражались на фронтах с немецко-фашистскими полчищами, дошли до их логова — Берлина и с орденами и медалями на груди вернулись в свои родные места. Некоторые из них окончили Ленинградский институт народов Севера, работают в сельсоветах, культурных и торговых учреждениях. Появились среди них и свои писатели, рассказывающие о беспросветной жизни своего народа в прошлом и счастливой в наши дни.

Владимир Клавдиевич Арсеньев был географом-краеведом, топографом, этнографом, археологом и историком, ботаником и охотоведом, экономистом и, наконец, писателем-художником.

Не со всеми его работами в области этнографии мы можем согласиться — они местами устарели, не точны, но научно-художественные произведения В. К. Арсеньева являются лучшими образцами краеведческой географической литературы.

Всей своей деятельностью В. К. Арсеньев стремился помочь освоению природных богатств, хозяйственному и культурному развитию Дальнего Востока.

В царское время ему чинили массу препятствий, тормозили и задерживали выезды в экспедиции, и только в советский период, после Великой Октябрьской социалистической революции, В. К. Арсеньеву удалось полностью развернуть свои дарования и провести исключительно большие исследования.

Вся деятельность В. К. Арсеньева является ярким примером беззаветного служения Родине.

Владимир Клавдиевич Арсеньев чертами своего характера очень напоминал крупных русских путешественников. Многое сближает его с Николаем Михайловичем Пржевальским: та же сила и неутомимость, мужество и энергия, скромность и страсть к своему делу. Многое сближает его и с другим крупным русским путешественником — Николаем Николаевичем Миклухо-Маклаем: любовь к тому населению, с которым он встречался во время своих путешествий, способность сближаться с ним, становиться родным для него. С обоими этими великими русскими географами его соединяет патриотизм, горячая любовь к Родине, стремление прославить ее своими трудами.

Про Владимира Клавдиевича можно сказать теми же словами, какими Антон Павлович Чехов сказал про Николая Михайловича Пржевальского, что Владимир Клавдиевич своим мужеством, способностью преодолевать все и всяческие препятствия, любовью к экспедиционной работе, скромностью и простотой может служить примером для нашей молодежи.

В. К. Арсеньева вместе с тем отличает от Н. М. Пржевальского, Н. Н. Миклухо-Маклая и многих других русских путешественников то, что он исследовал не далекие территории, расположенные за пределами нашей Родины, не наезжал временами на Дальний Восток, а постоянно изучал свой родной край, в котором прожил десятилетия. Таким образом, В. К. Арсеньев являет собою не только пример путешественника, но и пример краеведа, все свои силы отдающего изучению родного края.

Личность и труды В. К. Арсеньева привлекают внимание советских читателей и вызывают у них чувство законной гордости за его прекрасную жизнь и деятельность по изучению Дальнего Востока.

Текст предлагаемой читателю книги несколько отличается от текста соответствующих произведений В. К. Арсеньева, вошедших в шеститомное собрание его сочинений, изданное Приморским издательством (г. Владивосток) в 1947—1949 гг. В текст этого издания редакцией Государственного издательства географической литературы внесены некоторые исправления и дополнения по книге «В дебрях Уссурийского края» («Книжное дело», Хабаровск — Владивосток, 1928 г.), отредактированной и подготовленной к изданию самим автором.

Н. Е. Кабанов.

Письмо А. М. Горького к В. К. Арсеньеву

Уважаемый Владимир Клавдиевич,

книгу Вашу я читал с великим наслаждением. Не говоря о ее научной ценности, — конечно несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силою. Вам удалось объединить в себе Брема и Фенимора Купера, — это, поверьте, не плохая похвала. Гольд написан Вами отлично, для меня он более живая фигура, чем «Следопыт», более художественен. Искренно поздравляю Вас.

Разумеется, я буду очень рад получить второе издание этой чудесной книги от автора но, кроме того, я Вас прошу сказать «Книжному делу», чтоб мне выслали еще два экземпляра. Это — для знакомых, которые брали у меня первое издание и так же влюбились в книгу, как я.

Почему Вы не предложите Госиздату издать этот Ваш труд? Важность его так же неоспорима, как и красота.

У Вас, вероятно, есть фотографии, книгу можно бы иллюстрировать. Подумайте, какое прекрасное чтение для молодежи, которая должна знать свою страну.

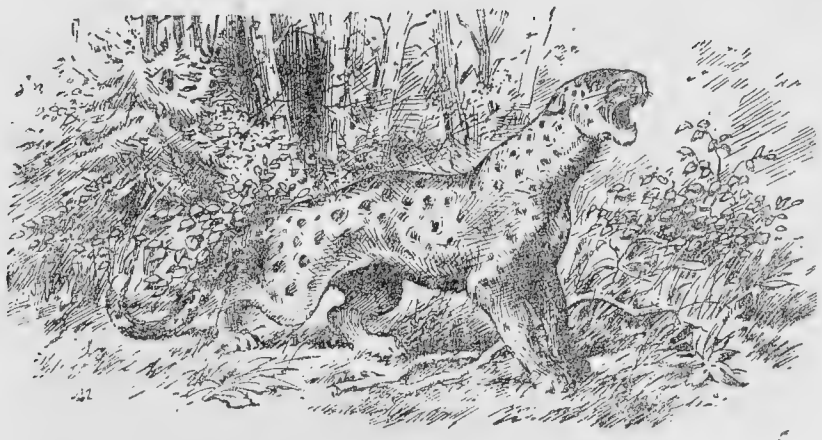
Посылаю Вам свою книгу. Будьте здоровы.

А. Пешков.

21. 1. 28. Sorrento.

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

(ПУТЕШЕСТВИЕ В ГОРНУЮ ОБЛАСТЬ СИХОТЭ-АЛИНЬ В 1902 – 1906 гг.)



ГЛАВА ПЕРВАЯ

СТЕКЛЯННАЯ ПАДЬ

Бухта Майтун. — Село Шкотово. — Река Бэйца. — Встреча с пантерой. — Да-дянь-шань. — Изюбры.

В 1902 г. во время одной из командировок с охотничьей командой я пробирался вверх по р. Цимухе[1], впадающей в Уссурийский залив около села Шкотова. Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками. Цель моей командировки заключалась в обследовании Шкотовского района в военном отношении и в изучении перевалов в горном узле Да-дянь-шань[2], откуда берут начало четыре реки: Циму, Майхе, Даубихе[3] и Лефу. Затем я должен был осмотреть все тропы около озера Ханка и вблизи Уссурийской железной дороги.

Горный хребет, о котором здесь идет речь, начинается около Имана и идет к югу параллельно р. Уссури в направлении от С.-С.-В. к Ю.-Ю.-З. так, что на запад от него будут р. Сунгача и озеро Ханка, а на восток — р. Даубихе. Далее он разделяется на две ветви. Одна идет к юго-западу и образует хребет Богатую Гриву, протянувшийся вдоль всего полуострова Муравьева-Амурского, а другая ветвь направляется к югу и сливается с высокой грядой, служащей водоразделом между рр. Даубихе и Сучаном[4].

Верхняя часть Уссурийского залива называется бухтой Майтун. Бухта эта раньше значительно глубже вдавалась

в материк. Это бросается в глаза с первого взгляда. Береговые обрывы ныне отодвинуты в глубь страны километров на пять. Устье р. Тангоузы[5] раньше было на месте нынешних озер Сан[6] и Эль-Поуза[7], а устье р. Майхе[8] находилось немного выше того места, где теперь пересекает ее железная дорога. Вся эта площадь в 22 кв. км представляет собой болотистую низину, заполненную наносами рр. Майхе и Тангоузы[9]. Среди болот сохранились еще кое-где озерки с водой; они указывают, где были места наиболее глубокие. Этот медленный процесс отступления моря и нарастания суши происходит еще и теперь. Скоро та же участь постигнет и бухту Майтун. Она и теперь уже достаточно мелководна. Западные берега ее слагаются из порфиров, а восточные — из третичных отложений: в долине Майхе развиты граниты и сиениты, а к востоку от нее — базальты.

Село Шкотово находится около устья р. Цимухе, на правом берегу. Основание его относится к 1864 г. В 1868 г. его сожгли хунхузы, но на другой год оно возродилось снова. Пржевальский в 1870 г. в нем насчитал шесть дворов и 34 души обоего пола[10]. Я уже застал Шкотово довольно большим селом[11].

Здесь мы провели двое суток, осматривали окрестности и снаряжались в далекий путь. Река Цимухе, длиной в 30 км, течет в широтном направлении и имеет с правой стороны один только приток — Бейцу. Долину, по которой протекает река, здешние переселенцы называют «Стеклянной падью». Такое название она получила от китайской зверовой фанзы, в окне которой был вставлен небольшой кусочек стекла. Надо заметить, что тогда в Уссурийском крае не было ни одного стекольного завода, и потому в глухих местах стекло ценилось особенно высоко. В глубине гор и лесов оно было своего рода меновой единицей. Пустую бутылку можно было выменять на муку, соль, чумизу и даже на пушнину. Старожилы рассказывают, что во время ссор враги старались проникнуть друг к другу в дом и перебить стеклянную посуду. Немудрено поэтому, что кусочек стекла в окне китайской фанзы[12] был роскошью. Это обратило внимание первых переселенцев, и они назвали «Стеклянной» не только фанзу и речку, но и всю прилегающую местность.

От Шкотова вверх по долине Цимухе сначала идет проселочная дорога, которая после села Новороссийского сразу переходит в тропу. По этой тропе можно выйти и на Сучан и на р. Кангоузу[13], к селу Новонежину. Дорога несколько раз переходит с одного берега реки на другой, и это является причиной, почему во время половодья сообщение по ней прекращается.

Из Шкотова мы выступили рано, в тот же день дошли до Стеклянной пади и свернули в нее. Река Бейца течет на З.-Ю.-З. почти по прямому направлению и только около устья поворачивает на запад. Ширина Стеклянной пади не везде одинакова: то она суживается метров до ста, то расширяется более чем на километр. Как и большинство долин в Уссурийском крае,

она отличается удивительной равнинностью. Окаймляющие ее горы, поросшие корявым дубняком, имеют очень крутые склоны. Границы, где равнина соприкасается с горами, обозначены чрезвычайно резко. Это свидетельствует о том, что здесь были большие денудационные процессы. Долина раньше была гораздо глубже и только впоследствии выполнилась наносами реки.

По мере того как мы углублялись в горы, растительность становилась лучше. Дубовое редколесье сменилось густыми смешанными лесами, среди которых было много кедра. Путеводной нитью нам служила маленькая тропинка, проложенная китайскими охотниками и искателями женьшеня. Дня через два мы достигли того места, где была «Стеклянная фанза», но нашли здесь только ее развалины. С каждым днем тропинка становилась все хуже и хуже. Видно было, что по ней давно уже не ходили люди. Она заросла травой и во многих местах была завалена буреломом. Вскоре мы ее совсем потеряли. Встречались нам и звероные тропы; мы пользовались ими, пока они тянулись в желательном для нас направлении, но больше шли целиной. На третий день к вечеру мы подошли к хребту Дадянь-шань, который идет здесь в меридиональном направлении и имеет высоту в среднем около 700 м. Оставив людей внизу, я с Олентьевым поднялся на одну из соседних вершин, чтобы оттуда посмотреть, далеко ли еще осталось до перевала. Сверху хорошо были видны все горы. Оказалось, что водораздел был в двух или трех километрах от нас. Стало ясно, что к вечеру нам не дойти до него, а если бы мы и дошли, то рисковали заночевать без воды, потому что в это время года горные ключи в истоках почти совсем иссякают. Я решил стать на бивак там, где остались лошади, а завтра со свежими силами итти к перевалу.

Обыкновенно свой маршрут я никогда не затягивал до сумерек и останавливался на бивак так, чтобы засветло можно было поставить палатки и заготовить дрова на ночь. Пока стрелки возились на биваке, я пользовался свободным временем и отправлялся осматривать ближайшие окрестности. Постоянным моим спутником в такого рода экскурсиях был Поликарп Олентьев — отличный человек и прекрасный охотник. Ему было тогда лет двадцать шесть. Он был среднего роста и хорошо сложен. Русые волосы, крупные черты лица и небольшие усы дадут читателю некоторое представление о его наружности. Олентьев был оптимист. Даже в тех случаях, когда мы попадали в неприятные положения, он не терял хорошего настроения и старался убедить меня, что «все к лучшему в этом лучшем из миров». Сделав нужные распоряжения, мы взяли с ним ружья и пошли на разведку.

Солнце только-что успело скрыться за горизонтом, и в то время, когда лучи его золотили верхушки гор, в долинах

появились сумеречные тени. На фоне бледного неба резко выделялись вершины деревьев с пожелтевшими листьями. Среди птиц, насекомых, в сухой траве, словом, всюду, даже в воздухе, уже чувствовалось приближение осени.

Перейдя через невысокий хребет, мы попали в соседнюю долину, поросшую густым лесом. Широкое и сухое ложе горного ручья пересекало ее поперек. Тут мы разошлись. Я пошел по галечниковой отмели налево, а Олентьев — направо. Не прошло и двух минут, как вдруг в его стороне грянул выстрел. Я обернулся и в это мгновение увидел, как что-то гибкое и пестрое мелькнуло в воздухе. Я бросился к Олентьеву. Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и затвор не закрывался.

— Кого ты стрелял? — спросил я его.

— Кажется, тигра, — отвечал он. — Зверь сидел на дереве. Я хорошо прицелился и, наверное, попал.

Наконец застрявший патрон был вынут. Олентьев вновь зарядил ружье, и мы осторожно двинулись к тому месту, где скрылось животное. Кровь на сухой траве указывала, что зверь действительно был ранен. Вдруг Олентьев остановился и стал прислушиваться. Впереди, немного вправо от нас, слышался храп. Сквозь заросли папоротников ничего нельзя было видеть. Большое дерево, поваленное на землю, преграждало нам путь. Олентьев хотел было уже перелезть через валежник, но раненое животное предупредило его и стремительно бросилось навстречу. Олентьев второпях выстрелил в упор, даже не приставляя приклада ружья к плечу, — и очень удачно. Пуля попала прямо в голову зверя. Он упал на дерево и повис на нем так, что голова и передние лапы свесились по одну сторону, а задняя часть тела — по другую. Убитое животное сделало еще несколько конвульсивных движений и начало грызть землю. В это время центр тяжести переместился, оно медленно подалось вперед и грузно свалилось к ногам охотника.

С первого же взгляда я узнал маньчжурскую пантеру [14], называемую местными жителями «барсом». Этот великолепный представитель кошачьих был из числа крупных. Длина его тела от носа до корня хвоста равнялась 1,4 м. Шкура пантеры, ржаво-желтая по бокам и на спине и белая на брюхе, была покрыта черными пятнами, причем пятна эти располагались рядами, как полосы у тигра. С боков, на лапах и на голове они были сплошные и мелкие, а на шее, спине и хвосте — крупные кольцевые.

В Уссурийском крае пантера держится только в южной части страны и главным образом в Суйфунском, Посьетском и Барабашском районах. Главной пищей ей служат пятнистые олени, дикие козули и фазаны. Животное это крайне хитрое и осторожное. Спасаясь от человека, пантера влезает на дерево и выбирает такой сук, который приходится против ее следов на

земле и, следовательно, как раз против луча зрения охотника. Растянувшись вдоль ветви, она кладет голову на передние лапы и в этом положении замирает. Пантера отлично понимает, что со стороны головы ее тело, прижатое к суку, менее заметно, чем сбоку.

Снимание шкуры с убитого животного отняло у нас более часа. Когда мы тронулись в обратный путь, были уже глубокие сумерки. Мы шли долго и, наконец, увидели огни бивака. Скоро между деревьями можно было различить силуэты людей. Они двигались и часто заслоняли собой огонь. На биваке собаки встретили нас дружным лаем. Стрелки окружили пантеру, рассматривали ее и вслух высказывали свои суждения. Разговоры затянулись до самой ночи.

На другой день мы продолжали наш путь. Долина суживалась, и итти становилось труднее. Мы шли целиной и только заботились о том, чтобы поменьше кружить.

В полдень мы подошли к самому гребню. Подъем был крутой и трудный. Лошади карабкались на кручу изо всех сил; от напряжения у них дрожали ноги, они падали и, широко раскрыв ноздри, тяжело и порывисто дышали. Чтобы облегчить путь, пришлось итти зигзагами, часто останавливаться и поправлять вьюки. Наконец, мы взобрались на хребет. Здесь дан был получасовой отдых. По хребту, поросшему лесом, надо итти всегда осторожно, надо часто останавливаться, осматриваться, иначе легко сбиться с пути, в особенности во время тумана. Помню, раньше я несколько раз таким образом блуждал. Чтобы не повторить ошибки, я взобрался на самую его вершину.

Сверху я увидел весь горный хребет Да-дянь-шань, как на ладони. Он шел на север с легким изгибом к востоку. Здесь он имел характер расплывчатый, неясный, а далее на восток (вероятно в верховьях Даубихе и Улахе[15]) был высок и величественен. Западные его склоны казались крутыми и обрывистыми, восточные — более пологими. Слева вдали виднелись Майхе и Цимухе, справа — сложный бассейн Сучана. С этой стороны местность была такой пересеченной, что я долго не мог сообразить, куда текут речки и к какому они принадлежат бассейну. Впереди, километрах в пяти, высилась какая-то куполообразная гора. Ее-то я и наметил пунктом, где следовало второй раз ориентироваться.

На вершине хребта Да-дянь-шань растет лес крупный, чистый, вследствие чего наше передвижение с вьюками происходило довольно быстро. В одном месте мы спугнули двух изюбров — самца и самку. Олени отбежали немного и остановились, как вкопанные, повернув головы в нашу сторону. Один из казаков хотел было стрелять, но я остановил его — мне жаль было убивать этих прекрасных животных. Продовольствия мы имели достаточно, а лошади были перегружены настолько, что захватить с собой убитых оленей мы все равно не могли бы.

ФИЛИАЛ Центральной БМБ
БИБЛИОТЕКА

Я несколько минут любовался изюбрами. Наконец, самец не выдержал. Он издал короткий крик и, положив рога на спину, сильными прыжками пошел наискось под гору.

Благородный олень, обитающий в Приморском крае, называется изюбром. Это стройное и красивое животное имеет в длину 1,9, а в высоту — 1,4 м. Вес тела достигает 197 кг. Шерсть изюбра летом светлокоричневая, зимой — серовато-бурая с бело-желтым зеркалом сзади. На длинной и сильной шее, украшенной у самцов гривой, помещается красивая голова с большими трубчатыми и подвижными ушами. Вилообразно расходящиеся рога имеют впереди два прямых бивня и несколько верхних отростков. Рога эти зимой спадают и весной вырастают вновь и притом каждый раз одним отростком больше. Поэтому по числу отростков можно судить о возрасте оленя, считая один лишний год, когда он ходит безрогим (саек). Однако количеству отростков есть предел. Обыкновенно взрослый самец имеет их не более семи. В дальнейшем идет только увеличение веса рогов, их размеров и толщины. Молодые весенние рога, наполненные кровью и еще не затвердевшие, называются пантами.

В Уссурийском крае благородный олень обитает в южной части страны, по всей долине р. Уссури и ее притокам, не заходя за границу хвойных насаждений Сихотэ-Алиня. На побережье моря он встречается до мыса Олимпиады.

Летом изюбр держится по теневым склонам лесистых гор, а зимой — на солнцепеках и в долинах, среди равнинной тайги, где полянки чередуются с перелесками. Любимый летний корм изюбра составляет лespедеца, а зимой — молодые побеги осины, тополя и низкорослой березы.

В полдень мы сделали большой привал. По моим соображениям, теперь мы должны были находиться недалеко от куполообразной горы.

В походе надо сообразоваться не столько с силами людей, сколько с силами вьючных животных. И в самом деле, они несут большие тяжести, поэтому при всякой более или менее продолжительной остановке надо облегчать их спины от груза.

Как только лошади были расседланы, их тотчас пустили на свободу. Внизу, под листьями, трава была еще зеленая, и это давало возможность пользоваться кое-каким подножным кормом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВСТРЕЧА С ДЕРСУ

Бивак в лесу. — Ночной гость. — Бессонная ночь. — Рассвет.

После отдыха отряд наш снова тронулся в путь. На этот раз мы попали в бурелом и потому подвигались очень медленно. Часам к четырем дня мы подошли к какой-то вершине. Оставив людей и лошадей на месте, я сам пошел наверх, чтобы еще раз осмотреться.

Влезать на дерево непременно надо самому. Поручать это стрелкам нельзя. Тут нужны личные наблюдения. Как бы толково и хорошо стрелок ни рассказывал о том, что он заметил, на основании его слов трудно ориентироваться.

То, что я увидел сверху, сразу рассеяло мои сомнения. Куполообразная гора, где мы находились в эту минуту, была тем самым горным узлом, который мы искали. От него к западу тянулась высокая гряда, падавшая на север крутыми обрывами. По ту сторону водораздела общее направление долин шло к северо-западу. Вероятно, это были истоки р. Лефу.

Спустившись с дерева, я присоединился к отряду. Солнце уже стояло низко над горизонтом, и надо было торопиться разыскать воду, в которой и люди и лошади очень нуждались. Спуск с куполообразной горы был сначала пологий, но потом сделался крутым. Лошади спускались, присев на задние ноги. Вьюки лезли вперед, и если бы при седлах не было шлей,

они съехали бы им на голову. Пришлось сделать длинные зигзаги, что при буреломе, который валялся здесь во множестве, было делом далеко не легким.

За перевалом мы сразу попали в овраги. Местность была чрезвычайно пересеченная. Глубокие распадки, заваленные корчами, водотоки и скалы, обросшие мхом, — все это создавало обстановку, которая живо напоминала мне картину Вальпургиевой ночи. Трудно представить себе местность более дикую и неприветливую, чем это ущелье.

Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда. Иногда, наоборот, горы кажутся угрюмыми, дикими. И странное дело! Чувство это не бывает личным, субъективным, оно всегда является общим для всех людей в отряде. Я много раз проверял себя и всегда убеждался, что это так. То же было и теперь. В окружающей нас обстановке чувствовалась какая-то тоска, было что-то жуткое и неприятное — и это жуткое и тоскливое понималось всеми одинаково.

— Ничего, — говорили стрелки, — как-нибудь переночуем. Нам не год тут стоять. Завтра найдем место повеселее.

Не хотелось мне здесь останавливаться, но делать было нечего. Сумерки приближались, и надо было торопиться. На дне ущелья шумел поток, я направился к нему и, выбрав место поровнее, приказал ставить палатки.

Величавая тишина леса сразу огласилась звуками топоров и голосами людей. Стрелки стали таскать дрова, расседлывать коней и готовить ужин.

Бедные лошади! Среди камней и бурелома они должны были остаться голодными. Зато завтра, если нам удастся дойти до земледельческих фанз, мы их накормим как следует.

Сумерки в лесу всегда наступают рано. На западе сквозь густую хвою еще виднелись кое-где клочки бледного неба, а внизу, на земле, уже ложились ночные тени. По мере того как разгорался костер, ярче освещались выступавшие из темноты кусты и стволы деревьев. Разбуженная в осыпях пищуха подняла было пронзительный крик, но вдруг испугалась чего-то, проворно спряталась в свою норку и уже больше не показывалась наружу.

Наконец, на нашем бивуаке стало все понемногу успокаиваться. После чая люди занялись каждый своим делом: кто чистил винтовку, кто поправлял седло или починял разорванную одежду. Такой работы всегда бывает много. Покончив со своими делами, стрелки стали ложиться спать. Они плотно прижались друг к другу и, прикрывшись шинелями, заснули, как убитые. Не найдя корма в лесу, лошади подошли к биваку и, опустив головы, погрузились в дремоту. Не спали только я и Олентьев. Я записывал в дневник пройденный маршрут, а он починял свою обувь. Часов в десять вечера я закрыл тет-

радь и, завернувшись в бурку, лег к огню. От жара, подымавшегося вместе с дымом кверху, качались ветки старой ели, у подножия которой мы расположились, и то закрывали, то открывали темное небо, усеянное звездами. Стволы деревьев казались длинной колоннадой, уходившей в глубь леса и незаметно сливавшейся там с ночным мраком.

Вдруг лошади подняли головы и насторожили уши; потом они успокоились и опять стали дремать. Сначала мы не обратили на это особого внимания и продолжали разговаривать. Прошло несколько минут. Я что-то спросил Олентьева и, не получив ответа, повернулся в его сторону. Он стоял на ногах в выжидательной позе и, заслонив рукой свет костра, смотрел куда-то в сторону.

— Что случилось? — спросил я его.

— Кто-то спускается с горы, — ответил он шопотом.

Мы оба стали прислушиваться, но кругом было тихо, так тихо, как только бывает в лесу в холодную осеннюю ночь. Вдруг сверху посыпались мелкие камни.

— Это, вероятно, медведь, — сказал Олентьев и стал заряжать винтовку.

— Стреляй не надо! Моя люди!.. — послышался из темноты голос, и через несколько минут к нашему огню подошел человек.

Одет он был в куртку из выделанной оленьей кожи и такие же штаны. На голове у него была какая-то повязка, на ногах унты[16], за спиной большая котомка, а в руках сошки и старая длинная берданка.

— Здравствуй, капитан, — сказал пришедший, обратясь ко мне.

Затем он поставил к дереву свою винтовку, снял со спины котомку и, обтерев потное лицо рукавом рубашки, подсел к огню. Теперь я мог хорошо его рассмотреть. На вид ему было лет сорок пять. Это был человек невысокого роста, коренастый и, видимо, обладавший достаточной физической силой. Грудь у него была выпуклая, руки — крепкие, мускулистые, ноги немного кривые. Загорелое лицо его было типично для туземцев: выдающиеся скулы, маленький нос, глаза с монгольской складкой век и широкий рот с крепкими зубами. Небольшие темно-русые усы окаймляли его верхнюю губу, и маленькая рыжеватая бородка украшала подбородок. Но всего замечательнее были его глаза. Темносерые, но не карие, они смотрели спокойно и немного наивно. В них сквозили решительность, прямота характера и добродушие.

Незнакомец не рассматривал нас так, как рассматривали мы его. Он достал из-за пазухи кисет с табаком, набил им свою трубку и молча стал курить. Не расспрашивая его, кто он и откуда, я предложил ему поесть. Так принято делать в тайге.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Моя шибко хочу кушай, моя сегодня кушай нету.

Пока он ел, я продолжал его рассматривать. У его пояса висел охотничий нож. Очевидно, это был охотник. Руки его были загрубелые, исцарапанные. Такие же, но еще более глубокие царапины лежали на лице: одна на лбу, а другая на щеке около уха. Незнакомец снял повязку, и я увидел, что голова его покрыта густыми русыми волосами; они росли в беспорядке и свешивались по сторонам длинными прядями.

Наш гость был из молчаливых. Наконец, Олентьев не выдержал и спросил пришельца прямо:

— Ты кто будешь, китаец или кореец?

— Моя гольд, — ответил он коротко.

— Ты, должно быть, охотник? — спросил я его опять.

— Да, — отвечал он. — Моя постоянно охота ходи, другой работы нету, рыба лови понимай тоже нету, только один охота понимай.

— А где ты живешь? — продолжал допрашивать его Олентьев.

— Моя дома нету. Моя постоянно сопка живи. Огонь клади, палатка делай — спи. Постоянно охота ходи, как дома живи?

Потом он рассказал, что сегодня охотился за изюбрями, ранил одну матку, но слабо. Идя по подранку, он наткнулся на наши следы. Они завели его в овраг. Когда стемнело, он увидел огонь и пошел прямо на него.

— Моя тихонько ходи, — говорил он. — Думай, какой люди далеко сопках ходи? Посмотри — капитан есть, солдата есть. Моя тогда прямо ходи.

— Тебя как зовут? — спросил я незнакомца.

— Дерсу Узала, — отвечал он.

Меня заинтересовал этот человек. Что-то в нем было особенное, оригинальное. Говорил он просто, тихо, держал себя скромно, не заискивающе. Мы разговорились. Он долго рассказывал мне про свою жизнь, и чем больше он говорил, тем становился симпатичнее. Я видел перед собой первобытного охотника, который всю свою жизнь прожил в тайге. Из его слов я узнал, что средства к жизни он добывал ружьем и предметы своей охоты выменивал у китайцев на табак, свинец и порох и что винтовка ему досталась в наследие от отца. Потом он рассказал мне, что ему теперь пятьдесят три года, что у него никогда не было дома, он вечно жил под открытым небом и только зимой устраивал себе временную юрту из корья или бересты. Первые проблески его детских воспоминаний были: река, шалаш, огонь, отец, мать и сестренка.

— Все давно помирай, — закончил он свой рассказ и задумался. Он помолчал немного и продолжал снова: — У меня раньше тоже жена была, сын и девчонка. Осна все люди кончай. Теперь моя один остался...

Лицо его стало грустным от переживаемых воспоминаний. Я пробовал было его утешить, но что были мои утешения для этого одинокого человека, у которого смерть отняла семью— это единственное утешение в старости. Он ничего мне не отвечал и только еще более поник головой. Хотелось мне как-нибудь выразить ему свое сочувствие, что-нибудь для него сделать, и я не знал, что именно. Наконец, я надумал: я предложил ему обменять его старое ружье на новое, но он отказался, сказав, что берданка ему дорога как память об отце, что он к ней привык и что она бьет очень хорошо. Он потянулся к дереву, взял свое ружье и стал гладить рукой по ложу.

Звезды на небе переместились и показывали далеко за полночь. Часы летели за часами, а мы все сидели у костра и разговаривали. Говорил больше Дерсу, а я его слушал и слушал с удовольствием. Он рассказывал мне про свою охоту, про то, как раз он попал в плен к хунхузам, но убежал от них. Рассказывал про свои встречи с тиграми, говорил о том, что стрелять их нельзя, потому что это боги, охраняющие женьшень от человека, говорил о злых духах, о наводнениях и т. д.

Один раз на него напал тигр и сильно изранил. Жена искала его несколько дней подряд, прошла более двухсот километров и по следам нашла его, обессиленного от потери крови. Пока он болел, она ходила на охоту.

Потом я стал его расспрашивать о том месте, где мы находимся. Он сказал, что это истоки р. Лефу и что завтра мы дойдем до первой зверовой фанзы.

Один из спящих стрелков проснулся, удивленно посмотрел на нас обоих, пробормотал что-то про себя, улыбнулся и заснул снова.

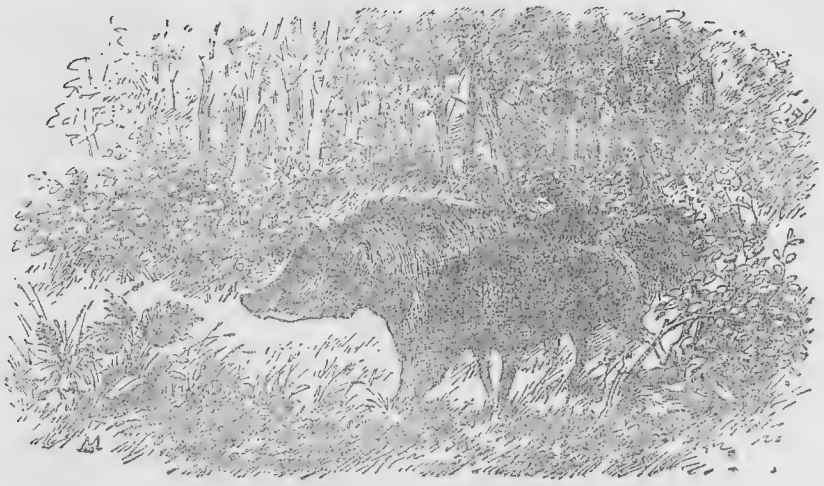
На земле и на небе было еще темно, только в той стороне, откуда подымались все новые звезды, чувствовалось приближение рассвета. На землю пала обильная роса — верный признак, что завтра будет хорошая погода. Кругом царила торжественная тишина. Казалось, природа отдыхала тоже.

Через час восток начал алеть. Я посмотрел на часы— было шесть часов утра. Пора было будить очередного артельщика. Я стал трясти его за плечо. Стрелок сел и начал потягиваться. Яркий свет костра резал ему глаза — он морщился. Затем, увидев Дерсу, проговорил, усмехнувшись:

— Вот диво, человек какой-то?.. — и начал обуваться.

Небо из черного сделалось синим, а потом серым, мутным. Ночные тени стали жаться в кусты и овраги. Они выйдут оттуда, когда солнце скроется за горизонт. Вскоре бивак наш опять ожил: заговорили люди, очнулись от оцепенения лошади, заверещала в стороне пищуха, ниже по оврагу ей стала вторить другая; послышался крик дятла и трещетная музыка желны.

Тайга просыпалась. С каждой минутой становилось все светлее, и вдруг яркие солнечные лучи снопом вырвались из-за гор и озарили весь лес. Наш бивак принял теперь другой вид. На месте яркого костра лежала груда золы; огня почти не было видно; на земле валялись порожние банки из-под консервов; там, где стояла палатка, торчали одни жерди и лежала примятая трава.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОХОТА НА КАБАНОВ

Изучение следов. — Забота о путнике. — Звероная фанза. — Гора Тудинза и верховья р. Лефу. — Кабаны. — Анимизм Дерсу. — Сон.

После чаю стрелки начали вьючить коней. Дерсу тоже стал собираться. Он одел свою котомку, взял в руки сошки и берданку. Через несколько минут отряд наш тронулся в путь. Дерсу пошел с нами.

Ущелье, по которому мы шли, было длинное и извилистое. Справа и слева к нему подходили другие такие же ущелья. Из них с шумом бежала вода. Распадок [17] становился шире и постепенно превращался в долину. Здесь на деревьях были старые затески, они привели нас на тропинку. Гольд шел впереди и все время внимательно смотрел под ноги. Порой он нагибался к земле и разбирал листву руками.

— Что такое? — спросил я его.

Дерсу остановился и сказал, что тропа эта не конная, а пешеходная, что идет она по соболиным ловушкам, что несколько дней тому назад по ней прошел один человек и что, по всей вероятности, это был китаец.

Слова гольда нас всех поразили. Заметив, что мы отнеслись к нему с недоверием, он воскликнул:

— Как ваша понимай нету? Посмотри сам!

После этого он привел такие доказательства, что все мои сомнения отпали разом. Все было так ясно и так просто, что я удивился, как этого раньше я не замечал. Во-первых, на тропе нигде не было видно конских следов, во-вторых, по сторонам она не была очищена от ветвей; наши лошади пробирались с трудом и все время задевали вьюками за деревья. Затем повороты были так круты, что кони не могли повернуться и должны были делать обходы; через ручьи следы шли по броду, и нигде тропа не спускалась в воду; бурелом, преграждавший путь, не был прорублен; люди шли свободно, а лошадей обводили стороной. Все это доказывало, что тропа не была приспособлена для путешествий с вьюками.

— Давно один люди ходи, — говорил Дерсу, как бы про себя. — Люди ходи кончай, дождь ходи, — и он стал высчитывать, когда был последний дождь.

Часа два шли мы по этой тропе. Мало-помалу хвойный лес начал заменяться смешанным. Все чаще и чаще стали попадаться тополь, клен, осина, береза и липа. Я хотел было сделать второй привал, но Дерсу посоветовал пройти еще немного.

— Наша скоро балаган найди есть, — сказал он и указал на деревья, с которых была снята кора.

Я сразу понял его. Значит, поблизости должно быть то, для чего это корье предназначалось. Мы прибавили шагу и через десять минут на берегу ручья увидели небольшой односкатный балаган, поставленный охотниками или искателями женьшеня. Осмотрев его кругом, наш новый знакомый опять подтвердил, что несколько дней тому назад по тропе прошел китаец и что он ночевал в этом балагане. Прибитая дождем зола, одинокое ложе из травы и брошенные старые наколенники из дабы[18] свидетельствовали об этом.

Тогда я понял, что Дерсу не простой человек. Передо мной был следопыт, и невольно мне вспомнились герои Купера и Майн-Рида.

Надо было покормить лошадей. Я решил воспользоваться этим, лег в тени кедра и тотчас же уснул. Часа через два меня разбудил Олентьев. Проснувшись, я увидел, что Дерсу наколол дров, собрал бересту и все это сложил в балаган.

Я думал, что он хочет его спалить, и начал отговаривать от этой затеи. Но вместо ответа он попросил у меня щепотку соли и горсть рису. Меня заинтересовало, что он хочет с ними делать, я приказал дать просимое. Гольд тщательно обернул берестой спички, отдельно в бересту завернул соль и рис и повесил все это в балагане. Затем он поправил снаружи корье и стал собираться.

— Вероятно, ты думаешь вернуться сюда? — спросил я гольда.

Он отрицательно покачал головой. Тогда я спросил его, для кого он оставил рис, соль и спички.

— Какой-какой другой люди ходи, — отвечал Дерсу, — балаган найди, сухие дрова найди, спички найди, кушай найди — пропади нету!

Помню, меня глубоко поразило это. Я задумался... Гольд заботился о неизвестном ему человеке, которого он никогда не увидит и который тоже не узнает, кто приготовил ему дрова и продовольствие. Я вспомнил, что мои люди, уходя с бивака, всегда жгли корье на кострах. Делали они это не из озорства, а так просто, ради забавы, и я никогда их не останавливал. Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее.

— Лошади готовы! Надо бы итти, — сказал подошедший ко мне Олентьев.

Я очнулся.

— Да, надо итти...

— Трогай! — сказал я стрелкам и пошел вперед по тропинке.

К вечеру мы дошли до того места, где две речки сливаются вместе, откуда собственно и начинается Лефу[19]. Здесь она шириной 6—8 м и имеет быстроту течения 120—140 м в минуту. Глубина реки неравномерная и колеблется от 30 до 60 см.

После ужина я рано лег спать и тотчас уснул.

На другой день, когда я проснулся, все люди были уже на ногах. Я тотчас отдал приказание седлать лошадей и, пока стрелки возились с вьюками, успел приготовить планшет и пошел вперед вместе с гольдом.

От места нашего ночлега долина стала понемногу поворачивать на запад. Левые склоны ее были крутые, правые — пологие. С каждым километром тропа становилась шире и лучше. В одном месте лежало срубленное топором дерево. Дерсу подошел, осмотрел его и сказал:

— Весной рубили; два люди работали; один люди высокий — его топор тупой, другой люди маленький — его топор острый.

Для этого удивительного человека не существовало тайн. Как ясновидящий, он знал все, что здесь происходило. Тогда я решил быть внимательнее и попытаться самому разобраться в следах. Вскоре я увидел еще один порубленный пень. Кругом валялось множество щепок, пропитанных смолой. Я понял, что кто-то добывал растопку. Ну, а дальше? А дальше я ничего не мог придумать.

— Фанза близко, — сказал гольд как бы в ответ на мои размышления.

Действительно, скоро опять стали попадаться деревья, оголенные от коры (я уже знал, что это значит), а метрах в двухстах от них на самом берегу реки, среди небольшой полянки стояла зверовая фанза. Это была небольшая постройка

с глинобитными стенами, крытая корьем. Она оказалась пустой. Это можно было заключить из того, что вход в нее был припертколом снаружи. Около фанзы находился маленький огородик, взрытый дикими свиньями, и слева — небольшая деревянная кумирня, обращенная, как всегда, лицом к югу.

Внутренняя обстановка фанзы была грубая. Железный котел, вмазанный в низенькую печь, от которой шли дымовые ходы, согревающие каны (нары), два-три долбленые корытца, деревянный ковш для воды, железный кухонный резак, металлическая ложка, метелочка для промывки котла, две запыленные бутылки, кое-какие брошенные тряпки, одна или две скамеечки, масляная лампа и обрывки звероных шкур, разбросанные по полу, составляли все ее убранство.

Отсюда вверх по Лефу шли три тропы. Одна была та, по которой мы пришли, другая вела в горы на восток и третья направлялась на запад. Эта последняя была многохоженная, конная. По ней мы пошли дальше. Стрелки закинули лошадям поводья на шею и предоставили им самим выбирать дорогу. Умные животные шли хорошо и всячески старались не зацеплять вьюками за деревья. В местах болотистых и на каменистых россыпях они не прыгали, а ступали осторожно, каждый раз пробуя почву ногой, прежде чем поставить ее, как следует. Этой сноровкой отличаются именно местные лошадки, привыкшие к путешествиям в тайге с вьюками.

От звероной фанзы р. Лефу начала понемногу загибать к северо-востоку. Пройдя еще километров шесть, мы подошли к земледельческим фанзам, расположенным на правом берегу реки, у подножья высокой горы, которую китайцы называют Тудинза[20].

Неожиданное появление военного отряда смутило китайцев. Я велел Дерсу сказать им, чтобы они не боялись нас и продолжали свои работы.

Мне хотелось посмотреть, как живут в тайге китайцы и чем они занимаются.

Звероные шкурки, растянутые для просушки, изюбровые рога, сложенные грудой в амбаре, панты, подвешенные для просушки мешочки с медвежьей желчью[21], оленьи выпоротки[22], рысьи, куньи, соболья и беличьи меха и инструменты для ловушек — все это указывало на то, что местные китайцы занимаются не столько земледелием, сколько охотой и звероловством. Около фанз были небольшие участки обработанной земли. Китайцы сеяли пшеницу, чумизу и кукурузу. Они жаловались на кабанов и говорили, что недавно целые стада их спустились с гор в долины и начали травить поля. Поэтому пришлось собирать овощи, не успевшие дозреть, но теперь на землю осыпались жолуди, и дикие свиньи удалились в дубняки.

Солнце стояло еще высоко, и я решил подняться на гору Тудинза, чтобы оттуда осмотреть окрестности. Вместе со мной

пошел и Дерсу. Мы отправились налегке и захватили с собой только одни винтовки.

Гора Тудинза представляет собой массив, круто падающий в долину р. Лефу и изрезанный глубокими падями с северной стороны. Пожелтевшая листва деревьев стала уже осыпаться на землю. Лес повсюду начинал сквозить, и только дубняки стояли еще одетыми в свой наряд, поблекший и полузасохший.

Гора была крутая. Раза два мы садились и отдыхали, потом опять лезли вверх.

Кругом вся земля была взрыта. Дерсу часто останавливался и разбирал следы. По ним он угадывал возраст животных, пол их, видел следы хромого кабана, нашел место, где два кабана дрались и один гонял другого. С его слов все это я представил себе ясно. Мне казалось странным, как это раньше я не замечал следов, а если видел их, то, кроме направления, в котором уходили животные, они мне ничего не говорили.

Через час мы достигли вершины горы, покрытой осыпями. Здесь мы сели на камни и стали осматриваться.

На востоке высился высокий водораздел между бассейном Лефу и водами, текущими в Даубихе. Другой горный хребет тянулся с востока на запад и служил границей между Лефу и р. Майхе. На юго-востоке, там, где оба эти хребта сходились вместе, высилась куполообразная гора Да-дянь-шань.

Отсюда, с вершины Тудинзы, нам хорошо был виден весь бассейн верхнего течения Лефу, слагающийся из трех речек одинаковой величины. Две из них сливаются раньше и текут с В.-С.-В., третья — та, по которой мы шли, имела направление меридиональное. Истоки каждой из них состоят из нескольких горных ручьев, сливающихся в одно место. В топографическом отношении горы верхнего Лефу представляют собой плоские возвышенности с чрезвычайно крутыми склонами, покрытые густым смешанным лесом с большим преобладанием хвои.

Близ земледельческих фанз р. Лефу делает небольшую излучину, чему причиной является отрог, выдвинувшийся из южного массива. Затем она склоняется к югу и, обогнув гору Тудинза, опять поворачивает к северо-востоку, какое направление и сохраняет уже до самого своего впадения в озеро Ханка. Как раз против Тудинзы р. Лефу принимает в себя еще один приток — р. Отрадную. По этой последней идет вьючная тропа на р. Майхе.

— Посмотри, капитан, — сказал мне Дерсу, указывая на противоположный склон пади. — Что это такое?

Я взглянул в указанном направлении и увидел какое-то темное пятно. Я думал, что это тень от облака, и высказал Дерсу свое предположение. Он засмеялся и указал на небо. Я посмотрел вверх. Небо было совершенно безоблачным: на беспредельной его синеве не было ни одного облака. Через

несколько минут пятно изменило свою форму и немного передвинулось в сторону.

— Что это такое? — спросил я гольда в свою очередь.

— Тебе понимай нету, — отвечал он. — Надо ходи посмотри.

Мы стали спускаться вниз. Скоро я заметил, что пятно тоже двигалось нам навстречу. Минут через десять гольд остановился, сел на камень и указал мне знаком, чтобы я сделал то же.

— Наша тут надо дожидай, — сказал он. — Надо тихо сиди, чего-чего ломай не надо, говори тоже не надо.

Мы стали ждать. Вскоре я опять увидел пятно. Оно возросло до больших размеров. Теперь я мог рассмотреть его составные части. Это были какие-то живые существа, постоянно передвигающиеся с места на место.

— Кабаны? — воскликнул я.

Действительно, это были дикие свиньи. Их было тут более сотни. Некоторые животные отходили в сторону, но тотчас опять возвращались назад. Скоро можно было рассмотреть каждое животное отдельно.

— Один люди шибко большой, — тихонько проговорил Дерсу.

Я не понял, про какого «человека» он говорил и посмотрел на него недоумевающе.

Посредине стада, как большой бугор, выделялась спина огромного кабана. Он превосходил всех своими размерами и, вероятно, имел около 250 кг веса. Стадо приближалось с каждой минутой. Теперь ясно были слышны шум сухой листвы, взбиваемой сотнями ног, треск сучьев, резкие звуки, подаваемые самцами, хрюканье свиней и визг поросят.

— Большой люди близко ходи нету, — сказал Дерсу. И я опять его не понял.

Самый крупный кабан был в центре стада, множество животных бродило по сторонам и некоторые отходили довольно далеко от табуна, так что, когда эти одиночные свиньи подошли к нам почти вплотную, большой кабан был еще вне выстрела. Мы сидели и не шевелились. Вдруг один из ближайших к нам кабанов поднял кверху свое рыло. Он что-то жевал. Я как сейчас помню большую голову, настороженные уши, свирепые глаза, подвижную морду с двумя носовыми отверстиями и белые клыки. Животное замерло в неподвижной позе, перестало есть и уставилось на нас злобными вопрошающими глазами. Наконец, оно поняло опасность и издало резкий крик. Вмиг все стадо с шумом и фырканьем бросилось в сторону. В это мгновение грянул выстрел. Одно из животных грохнулось на землю. В руках у Дерсу дымилась винтовка. Еще несколько секунд в лесу был слышен треск ломаемых сучьев, затем все стихло.

Кабан, обитающий в Уссурийском крае, — вид, близкий к японской дикой свинье, — достигает 295 кг веса и имеет наи-

большие размеры: 2 м в длину и 1 м в высоту. Общая окраска животного бурая; спина и ноги черные; поросята всегда продольно-полосатые. Тело его овальное, несколько сжатое с боков и поддерживается четырьмя крепкими ногами. Шея короткая и очень сильная; голова клиновидная; морда оканчивается довольно твердым и подвижным «пятачком», при помощи которого дикая свинья копает землю. Кабан относится к бугорчатозубым, но, кроме коренных зубов, самцы вооружены еще острыми клыками, которые с возрастом увеличиваются, загибаются назад и достигают длины 20 см. Так как кабан любит тереться о стволы елей, кедров и пихт, жесткая щетина его бывает часто запачкана смолой. Осенью во время холодов он валяется в грязи. От этого к щетине его примерзает вода; сосульки все увеличиваются и образуют иногда такой толстый слой льда, что он служит помехой его движениям.

Область распространения диких свиней в Уссурийском крае тесно связана с распространением кедра, ореха, ясеня и дуба. Северная граница этой области проходит от низов Хунгари, через среднее течение Анюя, верхнее—Хора и истоки Бикина, а оттуда идет через Сихотэ-Алинь на север к мысу Успения. Одиночные кабаны попадаются на рр. Копи, Хади и Тумнин. Животное это чрезвычайно подвижное и сильное. Оно прекрасно видит, отлично слышит и имеет хорошее обоняние. Будучи ранен, кабан становится весьма опасен. Беда неразумному охотнику, который без мер предосторожности вздумает пойти по подранку. В этих случаях кабан ложится на свой след, головой навстречу преследователю. Завидев человека, он с такой стремительностью бросается на него, что последний нередко не успевает даже приставить приклад ружья к плечу и выстрелить.

Кабан, убитый гольдом, оказался двухгодовалой свиньею. Я спросил старика, почему он не стрелял секача.

— Его старый люди, — сказал он про кабана с клыками. — Его худо кушай, мяса мало-мало пахнет.

Меня поразило, что Дерсу кабанов называет «людьми». Я спросил его об этом.

— Его все равно люди, — подтвердил он, — только рубашка другой. Обмани понимай, сердись понимай, кругом понимай! Все равно люди.

Для меня стало ясно. Воззрения на природу этого первобытного человека были анимистические, и потому все окружающее он очеловечивал.

На горе мы пробыли довольно долго. Незаметно кончился день. У облаков, столпившихся на западе, края светились так, точно они были из расплавленного металла. Сквозь них прорывались солнечные лучи и веерообразно расходились по небу.

Дерсу наскоро освежевал убитого кабана, взвалил его к себе на плечи, и мы пошли к дому. Через час мы были уже на биваке.

В китайских фанзах было тесно и дымно, поэтому я решил лечь спать на открытом воздухе вместе с Дерсу.

— Моя думай, — сказал он, поглядывая на небо, — ночью тепло будет, завтра вечером — дождь...

Я долго не мог уснуть. Всю ночь мне мерещилась кабанья морда с раздутыми ноздрями. Ничего другого, кроме этих ноздрей, я не видел. Они казались мне маленькими точками. Потом вдруг увеличивались в размерах. Это была уже не голова кабана, а гора и ноздри — пещеры, и будто в пещерах опять кабаны с такими же дыроватыми мордами.

Странно устроен человеческий мозг. Из впечатлений целого дня, из множества разнородных явлений и тысяч предметов, которые всюду попадаются на глаза, что-нибудь одно, часто даже не главное, а случайное, второстепенное, запоминается сильнее, чем все остальное. Некоторые места, где у меня не было никаких приключений, я помню гораздо лучше, чем те, где что-нибудь случилось. Почему-то запомнились одно дерево, которое ничем не отличалось от других деревьев, муравейник, пожелтевший лист, один вид мха и т. д. Я думаю, что я мог бы вещи эти нарисовать подробно со всеми деталями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОИСШЕСТВИЕ В КОРЕЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Приметы Дерсу о погоде. — Перестрелка. — Равнодушие корейцев. — Деревня Казакевичево. — Экскурсия на речные террасы. — Дерсу устраивается на ночь. — Тропа до деревни Ляличи.

Утром я проснулся позже других. Первое, что мне бросилось в глаза, — отсутствие солнца. Все небо было в тучах.

Заметив, что стрелки укладывают вещи так, чтобы их не промочил дождь, Дерсу сказал:

— Торопиться не надо. Наша днем хорошо ходи, вечером будет дождь.

Я спросил его, почему он думает, что днем дождя не будет.

— Тебе сам посмотри, — ответил гольд. — Видишь, маленькие птицы туда-сюда ходи, играй, кушай. Дождь скоро — его тогда тихонько сиди, все равно спи.

Действительно, я вспомнил, что перед дождем всегда бывает тихо и сумрачно, а теперь — наоборот: лес жил полной жизнью; всюду перекликались дятлы, сойки и кедровки и весело посвистывали суетливые поползни.

Расспросив китайцев о дороге, мы тронулись в путь.

После горы Тудиза долина р. Лефу сразу расширяется (от 1 до 3 км). Отсюда начинались жилые места. Часам к двум дня мы дошли до деревни Николаевки, в которой насчитывалось тогда 36 дворов. Отдохнув немного, я велел Олентьеву купить

овса и накормить хорошенько лошадей, а сам вместе с Дерсу пошел вперед. Мне хотелось поскорей дойти до корейской деревни Казакевичево и устроить своих спутников на ночь под крышу.

Осенью в пасмурный день всегда смеркается рано. Часов в пять начал накрапывать дождь. Мы прибавили шагу. Скоро дорога разделилась надвое. Одна шла за реку, другая как будто бы направлялась в горы. Мы выбрали последнюю. Потом стали попадаться еще другие дороги, пересекающие нашу в разных направлениях. Когда мы подходили к корейской деревне, было уже совсем темно.

В это время стрелки дошли до перекрестка дорог и, не зная, куда итти, дали два выстрела. Опасаясь, что они могут заблудиться, я ответил им тем же. Вдруг в ближайшей фанзе раздался крик, и вслед за тем из окна ее грянул выстрел, потом другой, третий, и через несколько минут стрельба поднялась по всей деревне. Я ничего не мог понять: дождь, крики, ружейная пальба... Что случилось, почему поднялся такой переполох? Вдруг из-за одной фанзы показался свет. Какой-то кореец нес в одной руке керосиновый факел, а в другой берданку. Он бежал и кричал что-то по-своему. Мы бросились к нему навстречу. Неровный красноватый свет факела прыгал по лужам и освещал его искаженное страхом лицо. Увидев нас, кореец бросил факел на землю, выстрелил в упор в Дерсу и убежал. Разлившийся по земле керосин вспыхнул и загорелся дымным пламенем.

— Ты не ранен? — спросил я Дерсу.

— Нет, — сказал он, — и стал подымать факел.

Я видел, что в него стреляют, а он стоял во весь свой рост, махал рукой и что-то кричал корейцам.

Услышав стрельбу, Олентьев решил, что мы подверглись нападению хунхузов. Оставив при лошадях двух коноводов, он с остальными людьми бросился к нам на выручку. Наконец, стрельба из ближайшей к нам фанзы прекратилась. Тогда Дерсу вступил с корейцами в переговоры. Они ни за что не хотели открывать дверей. Никакие увещевания не помогали. Корейцы ругались и грозились возобновить пальбу из ружей.

Нечего делать, надо было становиться биваком. Мы разложили костры на берегу реки и начали ставить палатки. В стороне стояла старая развалившаяся фанза, а рядом с ней были сложены груды дров, заготовленных корейцами на зиму. В деревне стрельба долго еще не прекращалась. Те фанзы, что были в стороне, отстреливались всю ночь... От кого? Корейцы и сами не знали этого. Стрелки и ругались и смеялись.

На другой день была назначена дневка. Я велел людям осмотреть седла, просушить то, что промокло, и почистить винтовки.

Дождь перестал; свежий северо-западный ветер разогнал тучи; выглянуло солнце.

Я одевся и пошел осматривать деревню.

Казалось бы, что после вчерашней перепалки корейцы должны были прийти на наш бивак и посмотреть людей, в которых они стреляли. Ничего подобного. Из соседней фанзы вышло двое мужчин. Они были одеты в белые куртки с широкими рукавами, в белые ватные шаровары и имели плетеную веревочную обувь на ногах. Они даже не взглянули на нас и прошли мимо. Около другой фанзы сидел старик и крутил нитки. Когда я подошел к нему, он поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых нельзя было прочесть ни любопытства, ни удивления. По дороге навстречу нам шла женщина, одетая в белую юбку и белую кофту; грудь ее была открыта. Она несла на голове глиняный кувшин с водой и шла прямо, ровной походкой, опустив глаза на землю. Поравнявшись с нами, кореянка не посторонилась и, не поднимая глаз, прошла мимо. И всюду, куда я ни приходил, я видел то удивительное равнодушие, которым так отличаются корейцы. «Страна утреннего спокойствия» — вспомнилось мне название, данное Корее. Корейцы живут хуторами. Фанзы их разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и каждая находится в середине своих полей и огородов. Вот почему небольшая корейская деревня сплошь и рядом занимает пространство в несколько квадратных километров.

Возвращаясь назад к биваку, я вошел в одну из фанз. Тонкие стены ее были обмазаны глиной изнутри и снаружи. В фанзе имелось трое дверей с решетчатыми окнами, оклеенными бумагой. Соломенная четырехскатная крыша была покрыта сетью, сплетенной из сухой травы.

Корейские фанзы все одинаковы. Внутри их имеется глиняный кан. Он занимает больше половины помещения. Под каном проходят печные трубы, согревающие полы в комнатах и распространяющие тепло по всему дому. Дымовые ходы выведены наружу в большое дуплистое дерево, заменяющее трубу. В одной половине фанзы, где находятся каны, помещаются люди, в другой, с земляным полом, — куры, лошади и рогатый скот. Жилая половина досчатыми перегородками разделяется еще на отдельные комнаты, устланные чистыми циновками. В одной комнате помещаются женщины с детьми, в других — мужчины и гости.

В фанзе я увидел ту самую женщину, которая переходила нам дорогу с кувшином на голове. Она сидела на корточках и деревянным ковшом наливала в котел воду. Делала она это медленно, высоко поднимала ковш кверху и лила воду как-то странно, через руку в правую сторону. Она равнодушно взглянула на меня и молча продолжала свое дело. На кане сидел мужчина лет пятидесяти и курил трубку. Он не шевельнулся

и ничего не ответил на мое приветствие. Я посидел с минуту, затем вышел на улицу и направился к своим спутникам.

После обеда я отправился экскурсировать по окрестностям. Переправившись на другую сторону реки, я поднялся на возвышенность. Это была древняя речная терраса, высотой в 20 м. Нижние слои ее состоят из песчаников, верхний — из пористой лавы. Большие пустоты в лаве свидетельствовали о том, что в момент извержения она была сильно насыщена газами. Многие пустоты выполнены каким-то минералом черного и серо-синего цвета.

С высоты террасы мне открывался чудный вид на долину р. Лефу. Правый берег, где расположилась корейская деревня, был низменный. В этих местах р. Лефу принимает в себя четыре притока: Малую Лефу и Пичинзу — с левой стороны и рр. Ивановку и Лубянку — с правой. Между устьями двух последних, на такой же древней речной террасе, расположилось русское село Ивановское, насчитывающее в себе около 200 дворов [23]. Дальше долина р. Лефу становится расплывчатой. Пологие холмы, мало возвышающиеся над общим уровнем, покрыты дубовым и чернобережовым редколесьем.

Часа два я бродил по окрестностям и, наконец, опять подошел к обрыву.

День склонялся к вечеру. По небу медленно ползли легкие розовые облачка. Дальние горы, освещенные последними лучами заходящего солнца, казались фиолетовыми. Оголенные от листвы деревья приняли однотонную серую окраску. В корейской деревне попрежнему царило полное спокойствие. Из длинных труб фанз вились белые дымки. Они быстро таяли в прохладном вечернем воздухе. По дорожкам кое-где мелькали белые фигуры корейцев. Внизу, у самой реки, горел огонь. Это был наш бивак.

Когда я возвращался назад, уже смеркалось. Вода в реке казалась черной, и на спокойной поверхности ее отражались пламя костра и мигающие на небе звезды. Около огня сидели стрелки; один что-то рассказывал, другие смеялись.

— Ужинать! — крикнул артельщик.

Смех и шутки сразу прекратились.

После чая я сел у огня и стал записывать в дневнике свои наблюдения. Дерсу разбирал свою котомку и поправлял костер.

— Мало-мало холодно, — сказал он, пожимая плечами.

— Иди спать в фанзу! — посоветовал я ему.

— Не хочу, — ответил он, — моя всегда так спи.

Затем он натыкал позади себя несколько ивовых прутьев и обтянул их полотнищами палатки, потом постелил на землю козью шкуру, сел на нее и, накинув себе на плечи кожаную куртку, закурил трубку. Через несколько минут я услышал легкий храп. Он спал. Голова его свесилась на грудь, руки

опустились, погасшая трубка выпала изо рта и лежала на коленях... «И так всю жизнь, — подумал я. — Каким тяжелым трудом, ценой каких лишений добывал себе этот человек средства к жизни!». Но тотчас я поймал себя на другой мысли: едва ли бы этот зверолов согласился променять свою свободу.

В стороне глухо шумела река; где-то за деревней лаяла собака; в одной из далеких фанз плакал ребенок. Я завернулся в бурку, лег спиной к костру и сладко уснул.

На другой день чуть свет мы все были уже на ногах. Ночью наши лошади, не найдя корма на корейских пашнях, ушли к горам на отаву. Пока их разыскивали, артельщик приготовил чай и сварил кашу. Когда стрелки вернулись с конями, я успел закончить свои работы. В 8 часов утра мы выступили в путь.

От корейского села Казакевичева[24] по долине р. Лефу есть две дороги. Одна из них, кружная, идет на село Ивановское, другая, малохоженая и местами болотистая, идет по левому берегу реки. Мы выбрали последнюю.

Чем дальше, тем долина все более и более принимала характер луговой.

По всем признакам видно было, что горы кончаются. Они отодвинулись куда-то в сторону, и на место их выступили широкие и пологие увалы, покрытые кустарниковой порослью. Дуб и липа дровяного характера с отмерзшими вершинами растут здесь кое-где группами и в одиночку. Около самой реки — частые насаждения ивы, ольхи и черемухи. Наша тропа стала принимать влево, в горы, и увела нас от реки километра на четыре.

В этот день мы немного не дошли до деревни Ляличи[25] и заночевали в шести километрах от нее на берегу маленького и извилистого ручейка.

Вечером я сидел с Дерсу у костра и беседовал с ним о дальнейшем маршруте по р. Лефу. Мне очень хотелось взглянуть на озеро Ханка, воспетое Н. М. Пржевальским. Гольд говорил, что далее пойдут обширные болота и бездорожье, и советовал плыть на лодке, а лошадей и часть команды оставить в Ляличах. Совет его был вполне благоразумный. Я последовал ему и только изменил местопребывание команды.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НИЖНЕЕ ТЕЧЕНИЕ РЕКИ ЛЕФУ

Ночевка около деревни Ляличи. — Море травы. — Осенний перелет птиц. — Стрельба Дерсу. — Село Халкидон. — Живая вода и живой огонь. — Пернатое население болот. — Теневой сегмент земли. — Тяжелое состояние после сна. — Перемена погоды.

На другое утро я взял с собой Олентьева и стрелка Марченко, а остальных людей отправил в село Черниговку с приказанием дожидаться там моего возвращения. При содействии старосты нам очень скоро удалось заполучить довольно сносную плоскодонку. За нее мы уплатили двенадцать рублей деньгами и две бутылки водки. Весь день был употреблен на оборудование лодки. Дерсу сам приспособлял весла, устраивал из колышков уключины, налаживал сидения и готовил шесты. Я любовался, как работа у него в руках спорилась и кипела. Он никогда не суетился, все действия его были обдуманны, последовательны и ни в чем не было проволочек. Видно было, что он в жизни прошел такую школу, которая приучила его быть энергичным, деятельным и не тратить времени понапрасну. Случайно в одной избе нашлись готовые сухари. А больше нам ничего не надо было. Все остальное — чай, сахар, соль, крупу и консервы — мы имели в достаточном количестве. В тот же вечер по совету гольда все имущество было перенесено в лодку, а сами мы остались ночевать на берегу.

Ночь выпала ветреная и холодная. За недостатком дров огня большого развести было нельзя, и потому все зябли и почти не спали. Как я ни старался завернуться в бурку, но холодный ветер находил где-нибудь лазейку и знобил то плечо, то бок, то спину. Дрова были плохие, они трещали и бросали во все стороны искры. У Дерсу прогорело одеяло. Сквозь дремоту я слышал, как он ругал полено, называя его по-своему — «худой люди».

— Его постоянно так гори — все равно кричи, — говорил он кому-то и при этом изобразил своим голосом, как трещат дрова. — Его надо гоняй.

После этого я слышал всплеск на реке и шипение головешки. Очевидно, старик бросил ее в воду. Потом мне удалось как-то согреться, и я уснул.

Ночью я проснулся и увидел Дерсу, сидящего у костра. Он поправлял огонь. Ветер раздувал пламя во все стороны. Поверх бурки на мне лежало одеяло гольда. Значит, это он прикрыл меня, вот почему я и согрелся. Стрелки тоже поверх шинелей были прикрыты его палаткой. Я предлагал Дерсу лечь на мое место, но он отказался.

— Не надо, капитан, — сказал он. — Тебе спи, моя буду караулить огонь. Его шибко вредный, — он указал на дрова.

Чем ближе я присматривался к этому человеку, тем больше он мне нравился. С каждым днем я открывал в нем новые достоинства. Раньше я думал, что эгоизм особенно свойственен дикому человеку, а чувство гуманности, человеколюбия и внимания к чужому интересу присуще только европейцам. Не ошибся ли я? Под эти мысли я опять задремал и проспал до утра. Когда совсем рассвело, Дерсу разбудил нас. Он согрел чай и изжарил мясо. После завтрака я отправил команду с лошадьми в Чернигóвку, затем мы спустили лодку в воду и тронулись в путь.

Подгоняемая шестами, лодка наша хорошо шла по течению. Километров через пять мы достигли железнодорожного моста и остановились на отдых. Дерсу рассказал, что в этих местах он бывал еще мальчиком с отцом. Они приходили сюда на охоту за козами. Про железную дорогу он слышал от китайцев, но никогда ее раньше не видел.

После короткого отдыха мы поплыли дальше. Около железнодорожного моста горы кончились. Я вышел из лодки и поднялся на ближайшую сопку, чтобы в последний раз осмотреться во все стороны. Красивая панорама развернулась перед моими глазами. Сзади, на востоке, толпились горы; на юго были пологие холмы, поросшие лиственным редколесьем; на севере, насколько хватал глаз, расстилалось бесконечное низменное пространство, покрытое травой. Сколько я ни напрягал зрение, я не мог увидеть конца этой низины. Она уходила вдаль и скрывалась где то за горизонтом. Порой по ней пробе-

гал ветер. Трава колыхалась и волновалась, как море. Кое-где группами и в одиночку росли чахлые березки, тощие лиственницы и другие какие-то деревья. С горы, на которой я стоял, реку Лефу далеко можно было проследить по ольшаникам и ивнякам, растущим по ее берегам в изобилии. Вначале она сохраняет свое северо-восточное направление, но, не доходя сопок, видневшихся на западе километрах в восьми, поворачивает на север и немного склоняется к востоку. Бесчисленное множество проток, слепых рукавов, заводей и озерков окаймляет ее с обеих сторон. Низина эта казалась безжизненной и пустынной. Ярко блестевшие на солнце в разных местах лужи свидетельствовали о том, что долина р. Лефу в дождливый период года легко затопляется водой.

На всем этом пространстве р. Лефу принимает в себя с левой стороны два притока: р. Сандуган [26] и р. Хунухезу [27]. Последняя протекает по такой же низменной и болотистой долине, как и сама Лефу.

К полудню мы доехали еще до одной возвышенности, расположенной на самом берегу реки с левой стороны. Сопка эта высотою 120—140 мм и покрыта редколесьем из дуба, березы, липы, клена, ореха и акаций. Отсюда шла тропинка, вероятно, к селу Вознесенскому, находящемуся западнее, километрах в двенадцати.

Во вторую половину дня мы проехали еще столько же и стали биваком довольно рано.

Долгое сидение в лодке наскучило, и потому всем хотелось выйти и размять онемевшие члены. Меня тянуло в поле. Олентьев и Марченко принялись устраивать бивак, а мы с Дерсу пошли на охоту. С первого же шага буйные травы охватили нас со всех сторон. Они были так высоки и так густы, что человек в них казался утонувшим. Внизу под ногами — трава, спереди и сзади — трава, с боков — тоже трава и только вверху — голубое небо. Казалось, что мы шли по дну травяного моря. Это впечатление становилось еще сильнее, когда, взобравшись на какую-нибудь кочку, я видел, как степь волновалась. С робостью и опаской я опять погружался в траву и шел дальше. В этих местах так же легко заблудиться, как и в лесу. Мы несколько раз сбивались с дороги, но тотчас же спешили исправить свои ошибки. Найдя какую-нибудь кочку, я взбирался на нее и старался рассмотреть что-нибудь впереди. Дерсу хватал вейник и полынь руками и пригибал их к земле. Я смотрел вперед, в стороны, и всюду передо мной расстилалось бесконечное волнующееся травяное море.

Население этих болотистых степей главным образом пернатое. Кто не бывал в низовьях р. Лефу во время перелета, тот не может себе представить, что там происходит. Тысячи тысяч птиц большими и малыми стаями тянулись к югу. Некоторые шли в обратном направлении, другие — наискось

в сторону. Вереницы их то подымались кверху, то опускались вниз, и все разом, ближние и дальние, проектировались на фоне неба, в особенности внизу около горизонта, который вследствие этого казался как бы затянутым паутиной. Я смотрел, как очарованный. Выше всех были орлы. Распластав свои могучие крылья, они парили, описывая большие круги. Что для них расстояния?! Некоторые из них кружились так высоко, что едва были заметны. Ниже их, но все же высоко над землей, летели гуси. Эти осторожные птицы шли правильными косяками и, тяжело вразброд махая крыльями, оглашали воздух своими сильными криками. Рядом с ними летели казарки и лебеди. Внизу, ближе к земле, с шумом неслись торопливые утки. Тут были стан грузной кряквы, которую легко можно было узнать по свистящему шуму, издаваемому ее крыльями, и совсем над водой тысячами летели чирки и другие мелкие утки. Там и сям в воздухе виднелись канюки и пустельга. Эти представители соколов описывали красивые круги, подолгу останавливались на одном месте и, трепеща крыльями, зорко высматривали на земле добычу. Порой они отлетали в сторону, опять описывали круги и вдруг, сложив крылья, стремглав бросались книзу, но, едва коснувшись травы, снова быстро взмывали вверх. Грациозные и подвижные чайки и изящные проворные крачки своей снежной белизной мелькали в синеве лазурного неба. Кроншнепы летели легко, плавно и при полете своем делали удивительно красивые повороты. Остроклювые крохали на лету посматривали по сторонам, точно выискивали место, где бы им можно было остановиться. Сивки-моряки держались болотистых низин. Лужи стоячей воды, видимо, служили для них вехами, по которым они и держали направление. И вся эта масса птиц неслась к югу. Величественная картина!

Вдруг совершенно неожиданно откуда-то взялись две козули. Они были от нас шагах в шестидесяти. В густой траве их почти не было видно — мелькали только головы с растопыренными ушами и белые пятна около задних ног. Отбежав шагов полтораста, козули остановились. Я выпалил из ружья и промахнулся. Раскатистое эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по реке. Тысячи птиц поднялись от воды и с криками полетели во все стороны. Испуганные козули сорвались с места и снова пошли большими прыжками. Тогда прицелился Дерсу. И в тот момент, когда голова одной из них показалась над травой, он спустил курок. Когда дым рассеялся, животных уже не было видно. Гольд снова зарядил свою винтовку и, не торопясь, пошел вперед. Я молча последовал за ним. Дерсу огляделся, потом повернулся назад, пошел в сторону и опять вернулся обратно. Видно было, что он что-то искал.

— Кого ты ищешь? — спросил я его.

— Козулю, — ответил он.

— Да ведь она ушла...

— Нет, — сказал он уверенно. — Моя в голову его попади.

Я принялся тоже искать убитое животное, хотя и не совсем верил гольду. Мне казалось, что он ошибся. Минут через десять мы нашли козулю. Голова ее оказалась, действительно, простреленной. Дерсу взвалил ее себе на плечи и тихонько пошел обратно. На бивак мы возвратились уже в сумерки.

Вечерняя заря еще пыталась было бороться с надвигающейся тьмой, но не могла ее осилить, уступила и ушла за горизонт. Тотчас на небе замигали звезды, словно и они обрадовались тому, что наконец-то солнце дало им свободу. Около протоки темнела какая-то роща. Деревьев теперь разобрать было нельзя; они все стали похожи друг на друга. Сквозь них виднелся свет нашего костра. Вечер был тихий и прохладный. Слышно было, как где-то неподалеку от нас с шумом опустилась в воду стая уток. По полету можно было узнать, что это были чирки.

После ужина Дерсу и Олентьев принялись свежевать козулю, а я занялся своей работой. Покончив с дневником, я лег, но долго не мог уснуть. Едва я закрывал глаза, как передо мной тотчас появлялась качающаяся паутина: это было волнующееся травяное море и бесчисленные стаи гусей и уток. Наконец, под утро я уснул.

На следующий день мы встали довольно рано, наскоро напились чаю, уложили свои пожитки в лодку и поплыли по Лефу. Чем дальше, тем извилистее становилась река. Кривуны ее (так местные жители называют извилины) описывают почти полные окружности и вдруг поворачивают назад, опять загибаются, и нет места, где река хоть бы немного текла прямо.

В нижнем течении Лефу принимает в себя с правой стороны два небольших притока: Монастырку и Черниговку. Множество проток и длинных слепых рукавов идет перпендикулярно к реке наискось и параллельно ей и образует весьма сложную водную систему. Километров на восемь ниже Монастырки горы подходят к Лефу и оканчиваются здесь безымянной сопкой в 290 м высоты. У подножья ее расположилась деревня Халкидон. Это было последнее русское селение. Дальше к северу до самого озера Ханка жилых мест не было.

Взятые с собой запасы продовольствия подходили к концу. Надо было их пополнить. Мы вытащили лодку на берег и пошли в деревню. Посредине ее проходила широкая улица, дома стояли далеко друг от друга. Почти все крестьяне были старожилами и имели надел в 100 десятин. Я вошел в первую попавшуюся избу. Нельзя сказать, чтобы на дворе было чисто, нельзя сказать, чтобы чисто было и в доме.

Когда мы зашли во двор, навстречу нам вышла женщина с ребенком на руках.

Я невольно обратил внимание на окна. Они были с двойными рамами в четыре стекла. Пространство же между ними почти

до половины нижних стекол было заполнено чем-то серовато-желтоватым. Сначала я думал, что это опилки, и спросил хозяйку, зачем их туда насыпали.

— Какие это опилки, — сказала женщина, — это комары.

Я подошел поближе. Действительно, это были сухие комары. Их тут было, по крайней мере, с полкилограмма.

— Мы только и спасаемся от них двумя рамами в окнах, — продолжала она. — Они залезают между стекол и там пропадают. А в избе мы раскладываем дымокуры и спим в комарниках.

— А вы бы выжигали траву в болотах, — сказал ей стрелок Марченко.

— Мы выжигали, да ничего не помогает. Комары-то из воды выходят. Что им огонь! Летом трава сырая, не горит.

В это время подошел Олентьев и сообщил, что хлеб куплен. Обойдя всю деревню, мы вернулись к лодке. Тем временем Дерсу изжарил на огне козлятину и согрел чай. На берег за нами прибежали деревенские ребятишки. Они стояли в стороне и поглядывали на нас с любопытством.

Через полчаса мы тронулись дальше. Я оглянулся назад. Ребята толпились на берегу и провожали нас глазами. Река сделала поворот, и деревня скрылась из вида.

Трудно проследить русло р. Лефу в лабиринте его притоков. Ширина реки здесь колеблется от 15 до 80 м. При этом она отделяет от себя в сторону большие слепые рукава, от которых идут длинные, узкие и глубокие канавы, сообщающиеся с озерами и болотами или с такими речками, которые также впадают в Лефу значительно ниже. По мере того как мы подвигались к озеру Ханка, течение становилось медленнее. Шесты, которыми стрелки проталкивали лодки вперед, упираясь в дно реки, часто завязали и настолько крепко, что вырывались из рук. Глубина Лефу в этих местах весьма неровная. То лодка наша натыкалась на мели, то проходила по глубоким местам, так что без малого весь шест погружался в воду.

Почва около берегов более или менее твердая, но стоит только отойти немного в сторону, как сразу попадешь в болото. Среди зарослей скрываются длинные озерки. Эти озерки и кусты ивняков и ольшаников, растущие рядами, свидетельствуют о том, что р. Лефу раньше текла иначе и несколько раз меняла свое русло. К вечеру мы немного не дошли до р. Черниговки и стали биваком на узком перешейке между ней и небольшой протокой.

Сегодня был особенно сильный перелет. Олентьев убил несколько уток, которые и составили нам превосходный ужин. Когда стемнело, все птицы прекратили свой лет. Кругом сразу воцарилась тишина. Можно было подумать, что степи эти совершенно безжизненны, а между тем не было ни одного озерка, ни одной заводи, ни одной протоки, где не ночевали бы стада лебедей, гусей, крохалей, уток и другой водяной птицы.

Вечером Марченко и Олентьев улеглись спать раньше нас, а мы с Дерсу, по обыкновению, сидели и разговаривали. Забытый на огне чайник настойчиво напоминал о себе шипением. Дерсу отставил его немного, но чайник продолжал гудеть. Дерсу отставил его еще дальше. Тогда чайник запел тоненьким голоском.

— Как его кричи! — сказал Дерсу. — Худой люди! — Он вскочил и вылил горячую воду на землю.

— Как «люди»? — спросил я его в недоумении.

— Вода, — отвечал он просто. — Его могу кричи, могу плакать, могу тоже играй.

Долго мне говорил этот первобытный человек о своем мировоззрении. Он видел живую силу в воде, видел ее тихое течение и слышал ее рев во время наводнений.

— Посмотри, — сказал Дерсу, указывая на огонь, — его тоже все равно люди.

Я взглянул на костер. Дрова искрились и трещали. Огонь вспыхивал то длинными, то короткими языками, то становился ярким, то тусклым; из угольев слагались замки, гроты, потом все это разрушалось и создалось вновь. Дерсу умолк, а я долго еще сидел и смотрел на «живой огонь».

В реке шумно всплеснула рыба. Я вздрогнул и посмотрел на Дерсу. Он сидел и дремал. В степи попрежнему было тихо. Звезды на небе показывали полночь. Подбросив дров в костер, я разбудил гольда, и мы оба стали укладываться на ночь.

На следующий день мы все проснулись очень рано. Вышло это как-то случайно, само собой.

Как только начала заниматься заря, пернатое царство поднялось на воздух и с шумом и гамом снова понеслось к югу. Первыми снялись гуси, за ними пошли лебеди, потом утки и уже последними тронулись остальные перелетные птицы. Сначала они низко летели над землей, но по мере того как становилось светлее, поднимались все выше и выше.

До восхода солнца мы успели отплыть от бивака километров восемь и дошли до горы Чайдынза[28], покрытой ильмом и осиной. У подножья ее протекает небольшая речка Сяохеза[29].

Кроме Сяохезы, в Лефу впадают еще две речки: Люганка — с правой стороны и Сеузгу[30] — с левой. Дальше до самого озера Ханка никаких притоков нет.

Мы плыли по главному руслу и только в случае крайней нужды сворачивали в сторону с тем, чтобы при первой же возможности выйти на реку снова. Протоки эти, заросшие лозой и камышами, совершенно скрывали нашу лодку. Мы плыли тихо и нередко подходили к птицам ближе, чем на ружейный выстрел. Иногда мы задерживались нарочно и подолгу рассматривали их.

Прежде всего я заметил белую цаплю с черными ногами и желто-зеленым клювом. Она чинно расхаживала около бе-

рега, покачивала в такт головой и внимательно рассматривала дно реки. Заметив лодку, птица подпрыгнула два раза, грузно поднялась на воздух и, отлетев немного, снова спустилась на соседней протоке. Потом мы увидели выпь. Серовато-желтая окраска перьев, грязножелтый клюв, желтые глаза и такие же желтые ноги делают ее удивительно непривлекательной. Эта угрюмая птица ходила сгорбившись по песку и все время преследовала подвижного и хлопотливого кулика-сороку. Кулик отлетал немного, и, как только садился на землю, выпь тотчас же направлялась туда шагом и, когда подходила близко, бросалась бегом и старалась ударить его своим острым клювом. Заметив лодку, выпь забилась в траву, вытянула шею и, подняв голову кверху, замерла на месте. Когда лодка проходила мимо, Марченко выстрелил в нее, но не попал, хотя пуля прошла так близко, что задела рядом с ней камышинны. Выпь не шелохнулась. Дерсу рассмеялся.

— Его шибко хитрый люди. Постоя нно так обмани, — сказал он.

Действительно, теперь выпь нельзя уже было заметить. Окраска ее оперения и поднятый кверху клюв совершенно затерялись в траве.

Дальше мы увидели новую картину. Низко над водой около берега на ветке лозняка уединенно сидел зимородок. Эта маленькая птичка с большой головой и с большим клювом, казалось, дремала. Вдруг она рпнулась в воду, нырнула и снова показалась на поверхности, держа в клюве маленькую рыбку. Проглотив добычу, зимородок сел на ветку и опять погрузился в дремоту, но, услышав шум приближающейся лодки, с криком понесся вдоль реки. Яркой синевой мелькнуло его оперенье. Отлетев немного, он уселся на куст, потом отлетел еще дальше и, наконец, совсем скрылся за поворотом.

Раза два мы встречали болотных курочек-лысух — черных нырящих птичек с большими ногами, легко и свободно ходивших по листьям водяных растений. Но в воздухе они казались беспомощными. Видно было, что это не их родная стихия. При полете они как-то странно болтали ногами. Создавалось впечатление, будто они недавно вышли из гнезда и еще не научились летать как следует.

Кое-где в стоячих водах держались поганки с торчащими в сторону ушами и с воротничками из цветных перьев. Они не улетали, а спешили спрятаться в траве или нырнуть в воду.

Погода нам благоприятствовала. Был один из тех теплых осенних дней, которые так часто бывают в Южно-Уссурийском крае в октябре. Небо было совершенно безоблачное, ясное; легкий ветерок тянул с запада. Такая погода часто обманчива, и нередко после нее начинают дуть холодные северо-западные ветры, и чем дольше стоит такая тишь, тем резче будет перемена.

Часов в одиннадцать утра мы сделали большой привал около р. Люганки. После обеда люди легли отдыхать, а я пошел побродить по берегу. Куда я ни обращал свой взор, я всюду видел только траву и болото. Далеко на западе чуть-чуть виднелись туманные горы. По бескрайным равнинам кое-где, как оазисы, темнели пятна мелкой кустарниковой поросли.

Пробираясь к ним, я спугнул большую болотную сову — «ночную птицу открытых пространств», которая днем всегда прячется в траве. Она испуганно шарахнулась в сторону от меня и, отлетев немного, опять спустилась в болото. Около кустов я сел отдохнуть и вдруг услышал слабый шорох. Я вздрогнул и оглянулся. Но страх мой оказался напрасным. Это были камышевки. Они порхали по тростникам, поминутно подергивая хвостиком. Затем я увидел двух крапивников. Миловидные, рыжевато-пестрые птички эти все время прятались в зарослях, потом выскакивали вдруг где-нибудь с другой стороны и скрывались снова под сухой травой. Вместе с ними была одна камышевка-овсянка. Она все время лазала по тростникам, нагибала голову в сторону и вопрошающе на меня посматривала. Я видел здесь еще много других мелких птиц, названия которых мне были неизвестны.

Через час я вернулся к своим. Марченко уже согрел чай и ожидал моего возвращения. Утолив жажду, мы сели в лодку и поплыли дальше. Желая пополнить свой дневник, я спросил Дерсу, следы каких животных он видел в долине Лефу с тех пор, как мы вышли из гор и начались болота. Он отвечал, что в этих местах держатся козули, енотовидные собаки, барсуки, волки, лисицы, зайцы, хорьки, выдры, водяные крысы, мыши и землеройки.

Во вторую половину дня мы прошли еще километров двенадцать и стали биваком на одном из многочисленных островов.

Сегодня мы имели случай наблюдать на востоке теневой сегмент земли. Вечерняя заря переливалась особенно яркими красками. Сначала она была бледная, потом стала изумрудно-зеленой, и на этому зеленому фону, как расходящиеся столбы, поднялись из-за горизонта два светложелтых луча. Через несколько минут лучи пропали. Зеленый свет зари сделался оранжевым, а потом красным. Самое последнее явление заключалось в том, что багрово-красный горизонт стал темным, словно от дыма. Одновременно с закатом солнца на востоке появился теневой сегмент земли. Одним концом он касался северного горизонта, другим — южного. Внешний край этой тени был пурпуровый, и чем ниже спускалось солнце, тем выше поднимался теневой сегмент. Скоро пурпуровая полоса слилась с красной зарей на западе, и тогда наступила темная ночь.

Я смотрел и восторгался, но в это время услышал, что Дерсу ворчит:

— Понимай нету!

Я догадался, что это замечание относилось ко мне, и спросил его, в чем дело.

— Это худо, — сказал он, указывая на небо. — Моя думай, будет большой ветер.

Вечером мы долго сидели у огня. Утром мы встали рано, за день утомились и поэтому, как только поужинали, тотчас же легли спать. Предрассветный наш сон был какой-то тяжелый. Во всем теле чувствовались истома и слабость, движения были вялые. Так как это состояние ощущалось всеми одинаково, то я испугался, думая, что мы заболели лихорадкой или чем-нибудь отравились, но Дерсу успокоил меня, что это всегда бывает при перемене погоды. Нехотя мы поели и нехотя поплыли дальше.

Погода была теплая; ветра не было совершенно; камыши стояли неподвижно и как будто дремали. Дальние горы, виденные дотоле ясно, теперь совсем утонули во мгле. По бледному небу протянулись тонкие растянутые облачка, и около солнца появились венцы. Я заметил, что кругом уже не было такой жизни, как накануне. Куда-то исчезли и гуси, и утки, и все мелкие птицы. Только в небе парили орланы. Вероятно, они находились вне тех атмосферных изменений, которые вызвали среди всех животных на земле общую апатию и сонливость.

— Ничего! — говорил Дерсу. — Моя думай, половина солнца кончай, другой ветер найди есть.

Я спросил его, отчего птицы перестали летать, и он прочел мне длинную лекцию о перелете.

По его словам, птицы любят двигаться против ветра. При полном штиле и во время теплой погоды они сидят на болотах. Если ветер дует им вслед, они зябнут, потому что холодный воздух проникает под перья. Тогда птицы прячутся в траве. Только неожиданное выпадение снегов может принудить пернатых лететь дальше, невзирая на ветер и стужу.

Чем ближе мы двигались к озеру Ханка, тем болотистее становилась равнина. Деревья по берегам проток исчезли, и их место заняли редкие тощие кустарники. Замедление течения в реке тотчас сказалось на растительности. Появились лилии, кувшинки, курослеп, водяной орех и т. д. Иногда заросли травы были так густы, что лодка не могла пройти сквозь них, и мы вынуждены были делать большие обходы. В одном месте мы заблудились и попали в какой-то тупик. Олентьев хотел было выйти из лодки, но едва вступил на берег, как провалился и увяз по колено. Тогда мы повернули назад, вошли в какое-то озеро и там случайно нашли свою протоку. Лабиринт, заросший травой, остался теперь позади, и мы могли радоваться, что отделались так дешево. С каждым днем ориентировка становилась все труднее и труднее.

Раньше по деревьям можно было далеко проследить реку, теперь же нигде не было даже кустов, вследствие этого на несколько метров вперед нельзя было сказать, куда свернет протока, влево или вправо.

Предсказание Дерсу сбылось. В полдень начал дуть ветер с юга. Он постепенно усиливался, в то же время менял направление к западу. Гуси и утки снова поднялись в воздух и полетели низко над землей.

В одном месте было много плавникового леса, принесенного во время наводнений. На р. Лефу этим пренебрегать нельзя, иначе рискуешь заночевать без дров. Через несколько минут стрелки разгружали лодку, а Дерсу раскладывал огонь и ставил палатку.

До озера Ханка оставалось немного. Я знал, что река здесь отклоняется к северо-востоку и впадает в восточный угол залива Лебяжьего, названного так потому, что во время перелетов здесь всегда держится много лебедей. Этот залив длиной от 6 до 8 и шириной около одного километра. Он очень мелководен и соединяется с озером узкой протокой. Таким образом, для того чтобы достигнуть Ханка на лодке, нужно было пройти еще километров пятнадцать, а напрямик целиной — не более двух с половиной или трех. Было решено, что завтра мы вместе с Дерсу пойдем пешком и к сумеркам вернемся назад. Олентьев и Марченко должны были остаться на биваке и ждать нашего возвращения.

Вечером у всех было много свободного времени. Мы сидели у костра, пили чай и разговаривали между собой. Сухие дрова горели ярким пламенем. Камыши качались и шумели, и от этого шума ветер казался сильнее, чем он был на самом деле. На небе лежала мгла, и сквозь нее чуть-чуть виднелись только крупные звезды. С озера до нас доносился шум прибоя. К утру небо покрылось слоистыми облаками. Теперь ветер дул с северо-запада. Погода немного ухудшилась, но не настолько, чтобы помешать нашей экскурсии.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПУРГА НА ОЗЕРЕ ХАНКА

Исторические и географические сведения об озере Ханка. — Торопливый перелет птиц. — Заблудились. — Пурга. — Шалаш из травы. — Возвращение на бивак. — Путь до Дмитровки. — Дерсу заботится о лодке. — Бивак гольда за деревней. — Планы Дерсу. — Прощание. — Возвращение во Владивосток.

Озеро Ханка (по-гольдски Кепка) имеет несколько яйцевидную форму. Оно расположено (между 44° 36′ и 45° 2′ с. ш.) таким образом, что закругленный овал его находится на севере, а острый конец — на юге. С боков этот овал немного сжат. Наибольшая ширина озера равна 60 км, наименьшая — 30. В окружности оно около 260 км и в длину — 85. Это дает площадь в 2 400 кв. км.

На севере Ханка имеет еще один придаток — озеро Малое Ханка (по-китайски Сяо-Ху и по-гольдски — Дабуку). Оно длиной в 15, шириной 25 км и отделено от большого озера только песчаной косой, по которой в прежнее время пролегал путь из Маньчжурии в Уссурийский край. Верхняя часть озера Ханка (приблизительно четвертая) принадлежит Китаю. Граница между обоими государствами проходит здесь по прямой линии от устья р. Тур (по-китайски Бай-мин-хе[31]) к р. Сунгаче (по-китайски Сун-ачан[32]), берущей начало из озера Ханка в точке, имеющей следующие географические координаты:

45° 27′ с. ш. к 150° 10′ в. д. от Ферро на высоте 86 м над уровнем моря.

При ляоской династии озеро Ханка называлось Бейцинхай, а в настоящее время — Ханка, Хинкай и Синкай-ху, что значит «Озеро процветания и благоденствия». Надо полагать, что название озера Ханка произошло от другого слова, именно от слова «ханхай», что значит «впадина». Этим именем китайцы называют всякое пониженное место, будет ли это сухая или заполненная водой котловина. Так они называют, например, западную часть пустыни Такла-Макан. Озеро Ханка с окрестными болотами действительно представляет собой впадину, и потому название Ханхай вполне ему соответствует. Впоследствии русские переделали это слово в Ханка, а местные крестьяне в искажении пошли еще дальше — они говорят Ханькан.

Сплошные топи и болота на севере, западе и к югу от озера свидетельствуют о том, что раньше оно было значительно больше. Устье р. Лефу было где-нибудь около Халкидона, а может быть, и еще южнее. Река Сунгача[33], вероятно, тоже не существовала, и озеро соединилось непосредственно с Уссури протокой. В настоящее время озеро Ханка выше уровня моря не более как на 50 м. Средняя высота хребта, отделяющего Суйфунский[34] бассейн от озера, равняется 180 м. Этим объясняется обилие болот и топей по долинам рек внутреннего бассейна. Самый древний берег озера Ханка — западный. Здесь в обнажениях видна глина третичной формации. Самыми старыми поселками на озере будут: Турий Рог и Камень-Рыболов. Последний у китайцев назывался Хонту-Найза. Ханка, как и все озера, через которые проходит река, находится в периоде обмеления. Наибольшая глубина его равна 10 м. Этот медленный процесс заполнения озера песком и илом продолжается и теперь. Вследствие мелководья оно очень бурное. Небольшое волнение уже достигает дна — поэтому прибой создается не только у берегов, но и посредине.

На другой день часов в 10 утра, сделав нужные распоряжения, мы с Дерсу отправились в путь. Мы полагали, что к вечеру возвратимся назад, и потому пошли налегке, оставив все лишнее на биваке. На всякий случай под тужурку я одел фуфайку, а Дерсу захватил с собой полотнище палатки и две пары меховых чулок.

По дороге он часто посматривал на небо, что-то говорил сам с собой и затем обратился ко мне с вопросом:

— Как, капитан, наша скоро назад ходи или нет? Моя думай, ночью будет худо.

Я ответил ему, что до Ханка недалеко и что задерживаться мы там не будем.

Дерсу был сговорчив. Его всегда можно было легко уговорить. Он считал своим долгом предупредить об угрожающей

опасности и, если видел, что его не слушают, покорялся, шел молча и никогда не спорил.

— Хорошо, капитан, — сказал он мне в ответ. — Тебе сам посмотри, а моя как ладно, так и ладно.

Последняя фраза была обычной формой выражения им своего согласия.

Итти можно было только по берегам проток и озерков, где почва была немного суше. Мы направились левым берегом той протоки, около которой был расположен наш бивак. Она долгое время шла в желательном для нас направлении, но потом вдруг круто повернула назад. Мы оставили ее и, перейдя через болотце, вышли к другой узкой, но очень глубокой протоке. Перепрыгнув через нее, мы снова пошли камышами. Затем я помню, что еще другая протока появилась у нас слева. Мы направились по правому ее берегу. Заметив, что она загибается к югу, мы бросили ее и некоторое время шли целиной, обходя лужи стоячей воды и прыгая на кочки. Так, вероятно, прошли мы километра три. Наконец, я остановился, чтобы ориентироваться. Теперь ветер дул с севера, как раз со стороны озера. Тростник сильно качался и шумел. Порой ветер пригибал его к земле, и тогда являлась возможность разглядеть то, что было впереди. Северный горизонт был затянут какой-то мглой, похожей на дым. Сквозь тучи на небе неясно просвечивало солнце, и это казалось мне хорошим предзнаменованием. Наконец, мы увидели Ханка. Оно пенилось и бурлило.

Дерсу обратил мое внимание на птиц. Он заметил у них что-то такое, что стало его беспокоить. Это не был спокойный перелет, это было торопливое бегство. Птица, как говорят охотники, шла валом и в беспорядке. Гуси летели низко, почти над самой землей. Странный вид имели они, когда двигались нам навстречу и находились на линии зрения. В это время они были похожи на древних летучих ящеров. Ни ног, ни хвоста не было видно — виднелось что-то кургузое, машущее длинными крыльями и приближающееся с невероятной быстротой. Увидев нас, гуси сразу взмывали кверху, но, обойдя опасное место, опять выстраивались в прежний порядок и снова спускались к земле.

Около полудня мы с Дерсу дошли до Ханка. Грозный вид имело теперь пресное море. Вода в нем кипела, как в котле. После долгого пути по травяным болотам вид свободной водяной стихии доставлял большое удовольствие. Я сел на песок и стал глядеть в воду. Что-то особенно привлекательное есть в прибое. Можно целыми часами смотреть, как бьется вода о берег.

Озеро было пустынным. Нигде ни одного паруса, ни одной лодки. Около часу мы бродили по берегу и стреляли птиц.

— Утка кончай ходи, — сказал Дерсу вслух.

Действительно, перелёт птиц сразу прекратился.

Черная мгла, которая дотоле была у горизонта, вдруг стала подниматься кверху. Солнца теперь уже совсем не было видно. По темному небу, покрытому тучами, точно вперегонки бежали отдельные белесоватые облака. Края их были разорваны и висели клочьями, словно грязная вата.

— Капитан, надо наша скоро ходи назад,— сказал Дерсу. — Моя мало-мало боится.

В самом деле, пора было подумать о возвращении на бивак. Мы переобулись и пошли обратно. Дойдя до зарослей, я остановился, чтобы в последний раз взглянуть на озеро. Точно разъяренный зверь на привязи, оно металось в своих берегах и вздымало кверху желтоватую пену.

— Вода прибавляй есть, — сказал Дерсу, осматривая проток.

Он был прав. Сильный ветер гнал воду к устью Лефу, вследствие чего река вышла из берегов и понемногу стала затоплять равнину. Вскоре мы подошли к какой-то большой протоке, преграждавшей нам путь. Место это мне показалось незнакомым. Дерсу тоже не узнал его. Он остановился, подумал немного и пошел влево. Протока стала заворачиваться и ушла куда-то в сторону. Мы оставили ее и пошли напрямик к югу. Через несколько минут мы попали в топь и должны были возвратиться назад к протоке. Тогда мы повернули направо, наткнулись на новую протоку и перешли ее вброд. Отсюда мы пошли на восток, но попали в трясину. В одном месте мы нашли сухую полоску земли. Как мост, тянулась она через болото. Ощупывая почву ногами, мы осторожно пробирались вперед и, пройдя с полкилометра, очутились на сухом месте, густо заросшем травой. Топь теперь осталась позади.

Я взглянул на часы. Было около четырех часов пополудни, а казалось, как будто наступили уже сумерки. Тяжелые тучи опустились ниже и быстро неслись к югу. По моим соображениям, до реки оставалось не более двух с половиной километров. Одинокая сопка вдали, против которой был наш бивак, служила нам ориентировочным пунктом. Заблудиться мы не могли, могли только запоздать. Вдруг совершенно неожиданно перед нами очутилось довольно большое озеро. Мы решили обойти. Но оно оказалось длинным. Тогда мы пошли влево. Шагов через полтораста перед нами появилась новая протока, идущая к озеру под прямым углом. Мы бросились в другую сторону и вскоре опять подошли к тому же зыбучему болоту. Тогда я решил еще раз попытать счастья в правой стороне. Скоро под ногами стала хлюпать вода; дальше виднелись большие лужи. Стало ясно, что мы заблудились. Дело принимало серьезный оборот. Я предложил гольду вернуться назад и разыскать тот перешеек, который привел нас на этот остров. Дерсу согласился. Мы пошли обратно, но вторично его найти уже не могли.

Вдруг ветер сразу упал. Издали донесся до нас шум озера Ханка. Начало смеркаться, и одновременно с тем в воздухе закружилось несколько снежинок. Штиль продолжался только несколько минут, и вслед за тем налетел вихрь. Снег пошел сильнее.

«Придется ночевать», — подумал я, — и вдруг вспомнил, что на этом острове нет дров: ни единого деревца, ни единого кустика, ничего, кроме воды и травы. Я испугался.

— Что будем делать? — спросил я Дерсу.

— Моя шибко боится, — отвечал он.

Тут я только понял весь ужас нашего положения. Ночью во время пурги нам приходилось оставаться среди болот без огня и теплой одежды. Единственная моя надежда была на Дерсу. В нем одном я видел свое спасение.

— Слушай, капитан! — сказал он. — Хорошо слушай! Надо наша скоро работай. Хорошо работай нету, — наша пропал. Надо скоро резать траву.

Я не спрашивал его, зачем это было нужно. Для меня было только одно понятно— «надо скорее резать траву». Мы быстро сняли с себя все снаряжение и с лихорадочной поспешностью принялись за работу. Пока я собирал такую охапку травы, что ее можно было взять в одну руку, Дерсу успевал нарезать столько, что еле охватывал двумя руками. Ветер дул порывами и с такой силой, что стоять на ногах было почти невозможно. Моя одежда стала смерзаться. Едва успевали мы положить на землю срезанную траву, как сверху ее тотчас заносило снегом. В некоторых местах Дерсу не велел резать траву. Он очень сердился, когда я его не слушал.

— Тебе понимай нету! — кричал он. — Тебе надо слушай и работай. Моя понимай!

Дерсу взял ремни от ружей, взял свой пояс, у меня в кармане нашлась веревочка. Все это он свернул и сунул к себе за пазуху. Становилось все темнее и холоднее. Благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть на земле. Дерсу двигался с поразительной энергией. Как только я прекращал работу, он кричал мне, что надо торопиться. В голосе его слышались нотки страха и негодования. Тогда я снова брался за нож и работал до изнеможения. На рубашку мне навалилось много снега. Он стал таять, и я почувствовал, как холодные струйки воды потекли по спине. Я думаю, мы собирали траву более часа. Пронзительный ветер и колючий снег нестерпимо резали лицо. У меня озябли руки. Я стал согревать их дыханием и в это время обронил нож. Заметив, что я перестал работать, Дерсу вновь крикнул мне:

— Капитан, работай! Моя шибко боится! Скоро пропади!

Я сказал, что потерял нож.

— Рви траву руками, — крикнул он, стараясь перекричать шум ветра.

Автоматически, почти бессознательно, я стал ломать камыши и порезал руки, но боялся оставить работу и продолжал рвать траву до тех пор, пока окончательно не обессилел. В глазах у меня стали ходить круги, зубы стучали, как в лихорадке. Намокшая одежда коробилась и трещала. На меня напала дремота. «Так вот замерзают», — мелькнуло у меня в голове, и вслед за тем я впал в какое-то забытье. Сколько времени продолжалось это обморочное состояние — я не знаю. Вдруг я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я очнулся. Надо мной, наклонившись, стоял Дерсу.

— Становись на колени, — сказал он мне.

Я повиновался и уперся руками в землю. Дерсу накрыл меня своей палаткой, а затем сверху стал заваливать травой. Сразу стало теплее. Закапала вода. Дерсу долго ходил вокруг, подгребал снег и утаптывал его ногами.

Я стал согреваться и затем впал в тяжелое дремотное состояние. Вдруг я услышал голос Дерсу:

— Капитан, подвинься!..

Я сделал над собой усилие и прижался в сторону. Гольд вполз под палатку, лег рядом со мной и стал покрывать нас обоих своей кожаной курткой. Я протянул руку и нащупал на ногах у себя знакомую мне меховую обувь.

— Спасибо, Дерсу, — говорил я ему. — Покрывайся сам.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал он. — Теперь бояться не надо. Моя крепко трава вяжи. Ветер ломай не могу.

Чем больше засыпало нас снегом, тем теплее становилось в нашем импровизированном шалаше. Капанье сверху прекратилось. Снаружи доносилось завывание ветра. Точно где-то гудели гудки, звонили в колокола и отпевали покойников. Потом мне стали грезиться какие-то пляски, куда-то я медленно падал, все ниже и ниже, и, наконец, погрузился в долгий и глубокий сон... Так, вероятно, мы проспали часов двенадцать. Когда я проснулся, было темно и тихо. Вдруг я заметил, что лежу один.

— Дерсу! — крикнул я испуганно.

— Медведи! — услышал я голос его снаружи. — Медведи! Вылезай! Надо своя берлога ходи, как чужой берлога долго спи.

Я поспешно вылез наружу и невольно закрыл глаза рукой. Кругом все белело от снега. Воздух был свежий, прозрачный. Морозило. По небу плыли разорванные облака: кое-где виднелось синее небо. Хотя кругом было еще хмуро и сумрачно, но уже чувствовалось, что скоро выглянет солнце. Прибитая снегом трава лежала полосами. Дерсу собрал немного сухой ветоши, развел небольшой огонек и сушил на нем мои обутки.

Теперь я понял, почему Дерсу в некоторых местах не велел резать траву. Он скрутил ее и при помощи ремней и веревок

перетянул поверх шалаша, чтобы его не разметало ветром. Первое, что я сделал, поблагодарил Дерсу за спасение.

— Наша вместе ходи, вместе работай. Спасибо не надо.

И, как бы желая перевести разговор на другую тему, он сказал:

— Сегодня ночью много люди пропади.

Я понял, что «люди», о которых говорил Дерсу, были пернатые.

После этого мы разобрали травяной шатер, взяли свои ружья и пошли искать перешеек. Оказалось, что наш бивак был очень близко от него. Перейдя через болото, мы прошли немного по направлению к озеру Ханка, а потом свернули на восток к р. Лефу.

После пурги степь казалась безжизненной и пустынной. Гуси, утки, чайки, крохали — все куда-то исчезли. По буро-желтому фону большими пятнами белели болота, покрытые снегом. Итти было славно, мокрая земля подмерзла и выдерживала тяжесть ноги человека. Скоро мы вышли на реку и через час были на биваке.

Олентьев и Марченко не беспокоились о нас. Они думали, что около озера Ханка мы нашли жилье и остались там ночевать. Я переобулся, напился чаю, лег у костра и крепко заснул. Мне грезилось, что я опять попал в болото и кругом бушует снежная буря. Я вскрикнул и сбросил с себя одеяло. Был вечер. На небе горели яркие звезды; длинной полосой протянулся млечный путь. Поднявшийся ночью ветер раздувал пламя костра и разносил искры по полю. По другую сторону огня спал Дерсу. Марченко приготовил ужин и разбудил нас обоих.

На другой день утром ударил крепкий мороз. Вода всюду замерзла; по реке шла шуга. Переправа через протоки Лефу отняла у нас целый день. Мы часто попадали в слепые рукава и должны были возвращаться назад. Пройдя километра два нашей протокой, мы свернули в соседнюю — узкую и извилистую. Там, где она соединялась с главным руслом, высилась отдельная коническая сопка, покрытая порослью дубняка. Здесь мы и заночевали. Это был последний наш бивак. Отсюда следовало итти походным порядком в Черниговку, где нас ожидали остальные стрелки с конями. Уходя с бивака, Дерсу просил Олентьева помочь ему вытащить лодку на берег. Он старательно очистил ее от песка и обтер травой, затем перевернул вверх дном и поставил на катки. Я уже знал, что это делается для того, чтобы какой-нибудь «люди» мог в случае нужды ею воспользоваться.

Утром мы распрощались с Лефу и в тот же день после полудня пришли в деревню Дмитровку, расположенную по ту сторону Уссурийской железной дороги. Переходя через полотно дороги, Дерсу остановился, потрогал рельсы рукой, посмотрел в обе стороны и сказал:

— Гм! Моя это слыхал. Кругом люди говорили. Теперь понимай есть.

В деревне мы встали по квартирам, но гольд не хотел итти в избу и, по обыкновению, остался ночевать под открытым небом. Вечером я соскучился по нем и пошел его искать.

Ночь была хотя и темная, но благодаря выпавшему снегу можно было кое-что рассмотреть. Во всех избах топились печи. Беловатый дым струйками выходил из труб и спокойно подымался кверху. Вся деревня курилась. Из окон домов свет выходил на улицу и освещал сугробы. В другой стороне, «на задах», около ручья виднелся огонь. Я догадался, что это бивак Дерсу, и направился прямо туда. Гольд сидел у костра и о чем-то думал.

— Пойдем в избу чай пить, — сказал я ему.

Он не ответил мне и, в свою очередь, задал вопрос:

— Куда завтра ходи?

Я ответил, что пойдем в Черниговку, а оттуда — во Владивосток, и стал приглашать его с собой. Я обещал в скором времени опять пойти в тайгу, предлагал жалованье ... Мы оба задумались. Не знаю, что думал он, но я почувствовал, что в сердце мое закралась тоска. Я стал снова рассказывать ему про удобства и преимущества жизни в городе. Дерсу слушал молча. Наконец, он вздохнул и проговорил:

— Нет, спасибо, капитан. Моя Владивосток не могу ходи. Чего моя там работай? Охота ходи нету, соболя гоняй тоже не могу, город живи — моя скоро пропади.

«В самом деле, — подумал я. — Житель лесов не выживет в городе, и не делаю ли я худо, что сбиваю его с того пути, на который он встал с детства?»

Дерсу замолчал. Он, видимо, обдумывал, что делать ему дальше. Потом, как бы отвечая на свои мысли, сказал:

— Завтра моя прямо ходи. —Он указал рукой на восток. — Четыре солнца ходи, Даубихе найди есть, потом Улахе ходи, потом — Фудзин, Дзуб-Гын[35] и море. Моя слыхал, там на морской стороне чего-чего много: соболь есть, олень тоже есть.

Долго мы еще с ним сидели у огня и разговаривали. Ночь была тихая и морозная. Изредка набегающий ветерок чуть-чуть шелестел дубовой листвой, еще не опавшей на землю. В деревне давно уже все спали, только в том доме, где поместился я со своими спутниками, светился огонек. Созвездие Ориона показывало полночь. Наконец, я встал, попрощался с гольдом, пошел к себе в избу и лег спать. Какая-то неприятная тоска овладела мной. За это короткое время я успел привязаться к Дерсу. Теперь мне жаль было с ним расставаться. С этими мыслями я и задремал.

На следующее утро первое, что я вспомнил, это то, что Дерсу должен уйти от нас. Напившись чаю, я поблагодарил хозяев и вышел на улицу.

Стрелки были уже готовы к выступлению, Дерсу был тоже с ними.

С первого же взгляда я увидел, что он снарядился в далекий путь. Котомка его была плотно уложена, пояс затянут, унты хорошо одеты.

Отойдя от Дмитровки с километр, Дерсу остановился. Настал тяжелый момент расставания.

— Прощай, Дерсу, — сказал я ему, пожимая руку. — Дай бог тебе всего хорошего. Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал. Прощай! Быть может, когда-нибудь увидимся.

Дерсу попрощался со стрелками, затем кивнул мне головой и пошел в кусты налево. Мы остались на месте и смотрели ему вслед. В двухстах метрах от нас высилась небольшая горка, поросшая мелким кустарником. Минут через пять он дошел до нее. На светлом фоне неба отчетливо вырисовывалась его фигура с котомкой за плечами, с сошками и с ружьем в руках. В этот момент яркое солнце взошло из-за гор и осветило гольца. Поднявшись на гривку, он остановился, повернулся к нам лицом, помахал рукой и скрылся за гребнем. Словно что оторвалось у меня в груди. Я почувствовал, что потерял близкого мне человека.

— Хороший он человек, — сказал Марченко.

— Да, таких людей мало, — ответил ему Олентьев.

«Прощай, Дерсу, — подумал я. — Ты спас мне жизнь. Я никогда не забуду этого».

К сумеркам мы дошли до Черниговки и присоединились к отряду. Вечером в тот же день я выехал во Владивосток к месту своей постоянной службы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

СБОРЫ В ДОРОГУ И СНАРЯЖЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ (1906 г.)

Новая экспедиция. — Состав отряда. — Вьючный обоз. — Научное снаряжение. — Одежда и обувь. — Продовольствие. — Работа путешественника. — Отъезд. — Река Уссури. — Растительность около ст. Шмаковка. — Пресмыкающиеся. — Грызуны. — Птицы. — Порядок дня в походе. — Село Успенка. — Даубихе и Улахе. — Болота. — Охота за пчелами. — Борьба пчел с муравьями.

Прошло четыре года. За это время произошли некоторые перемены в моем служебном положении. Я переехал в Хабаровск, где Приамурский отдел Русского Географического общества предложил мне организовать экспедицию для обследования хребта Сихотэ-Алинь и береговой полосы в Зауссурийском крае от залива Ольги на север, насколько позволит время, а также верховьев рр. Уссури и Имана. Моими помощниками были назначены Г. И. Гранатман, Анофриев и А. И. Мерзляков. Кроме того, в состав экспедиционного отряда вошли шесть сибирских стрелков (Дьяков, Егоров, Загурский, Мелян, Туртыгин, Бочкарев) и четыре уссурийских казака (Белоножкин, Эпов, Мурзин, Кожевников).

Кроме лиц, перечисленных в приказе, в экспедиции приняли еще участие: бывший в это время начальником штаба округа

генерал-лейтенант П. К. Рутковский и в качестве флориста — лесничий Н. А. Пальчевский. Цель экспедиции — естественно-историческая. Маршруты были намечены по рр. Уссури, Улахе и Фудзину по 10-верстной и в прибрежном районе по 40-верстной картам издания 1889 г.

В то время все сведения о центральной части Сихотэ-Алиня были крайне скудны и не заходили за пределы случайных рекогносцировок. Что же касается до побережья моря к северу от залива Ольги, то о нем имелись лишь отрывочные сведения от морских офицеров, изредка посещавших эти места для промера бухт и заливов.

Наши сборы в экспедицию начались в половине марта и длились около двух месяцев. Мне предоставлено было право выбора стрелков из всех частей округа, кроме войск инженерных и крепостной артиллерии. Благодаря этому в экспедиционный отряд попали лучшие люди, преимущественно сибиряки Тобольской и Енисейской губерний. Правда, это был народ немного угрюмый и малообщительный, но зато с детства привыкший переносить всякие невзгоды.

В путешествие просилось много людей. Я записывал всех, а затем наводил справки у ротных командиров и исключал жителей городов и занимавшихся торговлей. В конце концов в отряде остались только охотники и рыболовы. При выборе обращалось большое внимание на то, чтобы все умели плавать и знали какое-нибудь ремесло.

Кроме стрелков, в экспедицию всегда просится много и посторонних лиц. Все эти «господа» представляют себе путешествие как легкую и веселую прогулку. Они никак не могут понять, что это тяжелый труд. В их представлении рисуются: караваны, палатки, костры, хороший обед и отличная погода.

Но они забывают про дожди, «гнус»[36], голодовки и множество других лишений, которым постоянно подвергается всякий путешественник, как только он минует селения и углубится в лесную пустыню.

Собираются ехать всегда многие, а выезжают на сборный пункт два или три человека. Уже накануне отъезда начинаешь получать письма примерно такого содержания: «Вследствие изменившихся обстоятельств ехать не могу. Желаю счастливого пути ...» и т. д. На сборном пункте получаешь такие же телеграммы. Наконец, прибывают двое. Один из них имеет вид воскресного охотника, другой — скромный, серьезный, ко всему присматривающийся. Первый много говорит, все зло критикует и с видом бывалого человека гордо едет впереди отряда, едет до тех пор, пока не надоест ему безделье и пока погода благоприятствует. Но лишь только спрыснет дождь или появятся комары, он тотчас поворачивает назад, проклиная тот день и час, когда задумал итти в путешествие. Второй участник экспедиции, которого я назвал «скромный», идет молча

и работает. К нему вскоре все привыкают. Такие люди всегда оставляют по себе хорошие воспоминания. Так было и в данном случае: собирались ехать многие, а поехали только те, кто был перечислен выше.

Теперь необходимо сказать несколько слов о том, как был организован вьючный обоз экспедиции. В отряде было двенадцать лошадей. Очень важно, чтобы люди изучили коней и чтобы лошади, в свою очередь, привыкли к людям. Заблаговременно надо познакомить стрелков с уходом за лошадью, познакомить с седловкой и с конским снаряжением, надо приучить лошадей к носке вьюков и т. д. Для этого команда собрана была дней за тридцать до похода.

Вьючные седла с нагрудниками и шлеями были хорошо пригнаны к лошадям и приспособлены как для перевозки тяжестей, так и для верховой езды. Впрочем, все участники экспедиции шли пешком, и лошадьми никто не пользовался. Особое внимание было обращено на седельные ленчики. Дужки их были сделаны высокими, полочки правильно разогнуты и потники из лучшего войлока — толстые и мягкие. В таких случаях никогда не надо скупиться на расходы. Надо помнить, что раз упущено на месте сборов, того уже нельзя будет исправить в дороге. Крепкие недоуздки с железными кольцами, торбы и путы, ковочный инструмент и гвозди, запас подков (по три пары на каждого коня) и колокольчик для передовой лошади, которая на пастбище водит весь табун за собой, дополняли конское снаряжение. Кроме того, для каждой лошади были сшиты головные покрывала с наушниками. Без этих приспособлений кони сильно страдают от мошки. Она набивается в уши и разъедает их до крови.

Вьюками были брезентовые мешки и походные ящики, обитые кожей и окрашенные масляной краской. Такие ящики удобно переносимы на конских вьюках, помещаются хорошо в лодках и на нартах. Они служили нам и для сидений и столами. Если не мешать имущество в ящиках и не перекладывать его с одного места на другое, то очень скоро запоминаешь, где что лежит; и в случае нужды расседлываешь ту лошадь, которая несет искомый груз.

Из животных, кроме лошадей, в отряде еще были две собаки: одна моя — Альпа, другая командная — Леший, крупная зверовая, по складу и по окраске напоминающая волка.

Научное снаряжение экспедиции состояло из следующих инструментов[37]: буссоли Шмалькальдера, шагомера, секундомера, двух барометров-анероидов, гипсотермометров, термометров для измерения температуры воздуха и воды, анемометра, геологического молотка, горного компаса, рулетки, фотографического аппарата, тетрадей, карандашей и бумаги. Затем были ящики для собирания насекомых, препарировочные

инструменты, пресс, бумаги для сушки растений, банки с формалином и т. д.

Кроме упомянутых инструментов, в отряде набралось еще много походного инвентаря, как-то: котлы, чайники, топоры, поперечная пила, саперная лопата, паяльник, струг, напильники и пр.

Все стрелки были вооружены трехлинейными винтовками (без штыков) кавалерийского образца, приспособленными для носки на ремне. На каждого было взято по 300 патронов, из которых по 50 патронов находилось при себе, остальные были отправлены на питательные базы, устроенные на берегу моря. Кроме этого оружия, в экспедиции были две винтовки системы Маузера и Винчестера, малокалиберное ружье Франкота и двухствольный дробовик Зауэра.

Снаряжение стрелков состояло из следующих предметов: финские ножи, патронташи, носившиеся вместо поясов, крученые веревки длиной в 2 м с кольцами и небольшие кожаные сумки для разной мелочи (иголки, нитки, крючки, гвозди и т. д.). Холщевые мешки с бельем стрелки приспособили для носки на спине, сообразно чему перешили лямки. Вес вьюка каждого участника экспедиции равнялся 12—15 кг. Летняя одежда стрелков состояла из рубах и шаровар защитного цвета и легких фуражек. Нарукавники, стягивающие рукава около кистей рук, летом служили для защиты от комаров и мошек, а зимой для того, чтобы холодный ветер не задувал под одежду. Вместо сапог, были сшиты унты по туземному образцу. Эта обувь оказалась наиболее пригодной. Правда, она скоро промокала, но зато скоро и высыхала. Ноги от колена до ступни обматывались суконными лентами. Сначала это не ладилось, ленты спадали с ног, закатанные туго — давили икры, но потом сукно вытянулось, люди приспособились и уже всю дорогу шли, не оправляясь. На зиму были запасены шинели, теплые куртки, фуфайки, шаровары, сшитые из верблюжьего сукна, шерстяные чулки, башлыки, рукавицы и папахи. Зимняя обувь — те же унты, только большего размера, для того чтобы можно было набивать их сухой травой и одевать на теплую портянку.

Из опыта прежних лет выяснилось, что только тогда можно хорошо работать, когда ночью выспишься как следует. Днем от комаров еще можно найти защиту, но вечером от мелких мошек уже нет спасения. Эти отвратительные насекомые всю ночь не дают сомкнуть глаз. Люди нервничают и с нетерпением ждут рассвета. Единственной защитой является комарник; он сшивается из белой дрели, через которую воздух легко проникает. Он устроен таким образом, что когда в нем вставляли поперечные распорки и за кольца привязывали к деревьям, то получалось нечто вроде футляра, в котором можно было лежать, сидеть и работать. На случай дождя над комарником растягивался

тент в виде двускатной крыши. Вместо постели, у каждого имелись тонкие войлоки, обшитые с одной стороны непромокаемым брезентом, под которые подвертывались края пологов. Таким образом, комарники спасали людей от дождя, от холодного ветра и от докучливых насекомых. Участники экспедиции, ведущие научные работы, имели каждый по особому комарнику, а стрелки по одному на два человека, для чего их пологи шились больше размерами. Осенью, с исчезновением насекомых, когда ночи делаются холоднее, из комарников ставятся односкатные палатки. Перед ними раскладываются длинные костры, дающие много тепла и света.

Теперь относительно продовольствия. Общий запас его был рассчитан на шесть месяцев и состоял из муки, галет, риса, чумизы, экспортного масла, сухой прессованной зелени, соли, перца, горохового порошка, клюквенного экстракта, сахара и чая.

Ящики с продовольствием были отправлены на питательные базы заблаговременно и выгружены при устьях рр. Тадушу, Тетюхе, в заливе Джигит и в бухте Терней. Там, где поблизости жили китайцы, ящики оставили у них в фанзах; там же, где берег был пустынный, их просто сложили в кучу и прикрыли брезентом, обозначив место вехой.

Хлебные сухари брались только в сухое время года, осенью и зимой. Летом они жадно впитывают в себя влагу из воздуха и чем больше их прикрывать брезентами, тем скорее они портятся. То же самое и мясной порошок. Через двадцать четыре часа после вскрытия банки он уже слипается в комки, а еще через сутки начинает цвести и издавать запах. Мы сушили мясо тонкими ломтями. Правда, оно занимало много места, и это не спасало его от плесени, но все же его можно было употреблять в пищу. Перед тем как класть мясо в котел, его надо опалить на огне; тогда плесень сгорает и мясо становится мягким и съедобным. Сухой яичный белок и шоколад, предназначенные на случай голодовок, везлись как неприкосновенный запас в особых цинковых коробках. Гораздо легче сохранять белую муку. Для этого следует кулек с мукой снаружи смочить. Вода, проникшая сквозь холст, смешивается с мукой и образует слой теста в палец толщиной. Таким образом, получается корка, совершенно непроницаемая для сырости; вместе с тем и мешок становится твердым и не рвется в дороге.

В отряде имелась хорошо подобранная походная аптечка, набор хирургических инструментов (бритва, ножницы, пинцеты, ланцеты, иглы, шелк, иглодержатель, ушной баллон, глазная ванночка, шприц Праватца) и значительное количество перевязочного материала.

14 мая все было готово, 15-го числа была отправлена по железной дороге команда с лошадьми, а 16-го выехали из Хабаровска и все остальные участники экспедиции.

Сборным пунктом была назначена станция Шмаковка, находящаяся несколько южнее того места, где железная дорога пересекает р. Уссури.

К путешественнику предъявляются следующие требования: он должен уметь организовать экспедицию и исполнить все подготовительные работы на месте еще задолго до выступления; должен уметь собрать коллекции; уметь вести дневник; знать, на что обратить внимание: отличить ценное от рухляди; уметь доставить коллекции и обработать собранные материалы.

Что значит путешествие, в чем заключается работа исследователей? К сожалению, для этого какого-нибудь катехизиса дать нельзя. Многое зависит от личности самого путешественника и от того, насколько он подготовлен к такого рода деятельности.

Первый период, период подготовительный, для нас прошел. Теперь на очереди было само путешествие. Накануне отъезда всегда много забот и хлопот. Надо все обдумать, вспомнить, не забыли ли что-нибудь, надо послать телеграммы, уложить свои вещи, известить то или иное лицо по телефону и т. д. Целый день бегаешь по городу, являешься к начальнику и делаешь последние распоряжения. Вечер уходит на писание писем. Ночью почти не спишь. Все время беспокоит одна и та же мысль: все ли сделано и все ли взято. На другой день чуть свет вы уже на ногах. Последние ваши хлопоты на вокзале около кассы. Наконец, ударил станционный колокол, раздался свисток, и поезд тронулся. В эту минуту чувствуешь, как какая-то неимоверная тяжесть свалилась с плеч. Все беспокойства остались позади. Сознание, что ровно год будешь вне сферы штабов, управлений и канцелярий и ровно год тебя не будут беспокоить предписаниями и телефонами, создает душевное равновесие. Чувствуешь себя свободным; за работу принимаешься с удовольствием и сам себе удивляешься, откуда берется энергия.

Мы имели отдельный вагон, прицепленный к концу поезда. Нас никто не стеснял, и поэтому мы расположились, как дома. День мы провели в дружеской беседе, рассматривали карты и строили планы на будущее.

Погода была пасмурная. Дождь шел не переставая. По обе стороны полотна железной дороги тянулись большие кочковатые болота, залитые водой и окаймленные чахлой растительностью. В окнах мелькали отдельные деревья, телеграфные столбы, выемки. Все это было однообразно. День тянулся долго, тоскливо. Наконец, стало смеркаться. В вагоне зажгли свечи.

Утомленные хлопотами последних дней, убаюкиваемые покачиванием вагона и ритмическим стуком колес, все очень скоро уснули.

На другой день мы доехали до станции Шмаковка. Это был наш сборный пункт. Отсюда должно было начаться путеше-

ствие. Ночью дождь перестал, и погода немного разгулялась. Солнце ярко светило. Смоченная водой листва блестела, как лакированная. От земли подымался пар... Стрелки встретили нас и указали нам квартиру.

Остаток дня прошел в разборке имущества и в укладке вьюков.

Следующий день, 18 мая, был дан стрелкам в их распоряжение. Они переделывали себе унты, шили наколенники, приготовляли патронташи — вообще последний раз снаряжали себя в дорогу. Вначале сразу всего не доглядишь. Личный опыт в таких случаях — прежде всего. Важно, чтобы в главном не было упущений, а мелочи сами сгладятся.

Пользуясь свободным временем, мы вместе с П. К. Рутковским пошли осматривать окрестности.

В этом месте течение р. Уссури чрезвычайно извилистое. Если ее вытянуть на карте, она, вероятно, заняла бы вдвое более места. Нельзя сказать, чтобы река имела много притоков: такой кружевной вид ей придают излучины.

Почти все реки Уссурийского края имеют течение довольно прямое до тех пор, пока текут по продольным межскладочным долинам. Но как только они выходят из гор на низины, начинают делать меандры [38]. Тем более это удивительно, что состав берегов всюду один и тот же: под дерном лежит небольшой слой чернозема, ниже — супесок, а еще ниже — толщи ила вперемежку с галькой. Я думаю, это можно объяснить так: пока река течет в горах, она может уклоняться в сторону только до известных пределов. Благодаря крутому падению тальвега [39] вода в реке движется быстро, смывает все, что попадается ей на пути, и выпрямляет течение. Река действует в одно и то же время и как пила и как напильник. Совсем иное дело на равнине. Здесь быстрота течения значительно уменьшается, глубина становится ровнее, берега однообразнее. При этих условиях немного нужно, чтобы заставить реку изменить направление, например, случайное скопление в одном месте глины или гальки, тогда как рядом находятся рыхлые пески. Вот почему такие «кривуны» непостоянны: после каждого наводнения они изменяются, река образует новые колена и заносит песком места своего прежнего течения. Очень часто входы в старые русла закупориваются, образуются длинные слепые рукава, как в данном случае мы видим это на Уссури. Среди наносов реки много глины. Этим объясняется заболоченность долины.

Лето 1906 г. было дождливое. Всюду по низинам стояла вода, и если бы не деревья, торчащие из луж, их можно было бы принять за озера. От поселка Нижне-Михайловского до речки Кабарги болота тянутся с правой стороны Уссури, а выше к селу Нижне-Романовскому (Успенка) — с той и другой стороны, но больше с левой. Здесь посреди равнины поды-

маются две сопки со старыми тригонометрическими знаками: северная (высотой в 370 м), называемая Медвежьей горой, и южная (в 250 м), сохранившая еще китайское название Хандо-Динза-Сычо [40]. Между этими сопками находятся минеральные Шмаковские ключи. На северо-востоке гора Медвежья раньше, видимо, соединялась с хребтом Тырыдынза[41], но впоследствии их разобщила р. Уссури.

Среди уссурийских болот есть много релок* с хорошей плодородной землей, которыми и воспользовались крестьяне для распашек. В пяти километрах от реки на восток начинаются горы. Лет десять назад они были покрыты лесами, от которых ныне не осталось и следов. Ту древесную растительность, которую мы видим теперь в долине Уссури, лесом назвать нельзя. Эта жалкая поросль состоит главным образом из липы, черной и белой березы и растущих полукустарниками — ольхи, ивняка и, наконец, раскидистого кустарника, похожего на леспедецу.

Почерневшие стволы деревьев, обуглившиеся пни и отсутствие молодняка указывают на частые палы. Около железной дороги и быть иначе не может.

Цветковые растения растут такой однообразной массой, что кажется, будто здесь вовсе нет ойкологических сообществ. То встречаются целые площади, покрытые только одной полынью, то белым ползучим клевером, то тростниками, то рисом, ландышами и т. д.

Благодаря тому, что кругом было очень сыро, релки сделались местом пристанища для различного рода мелких животных. На одной из них я видел двух ужей и одну копьеголовую ядовитую змею. На другой релке, точно сговорившись, собрались грызуны и насекомоядные: красные полевки, мышки-экономки и уссурийские землеройки.

В стороне от дороги находился большой водоем. Около него сидело несколько серых скворцов. Эти крикливые птицы были теперь молчаливы; они садились в лужу и купались, стараясь крылышками обдать себя водой. Вблизи возделанных полей встречались ошейниковые овсянки. Они прыгали по тропе и близко допускали к себе человека, но, когда подбегали к ним собаки, с шумом поднимались с земли и садились на ближайшие кусты и деревья. На опушке леса я увидел еще какую-то маленькую серенькую птицу. П. К. Рутковский убил ее из ружья. Это оказалась восточноазиатская совка, та самая, которую китайцы называют «ли-у» и которая якобы уводит искателей женьшеня от того места, где скрывается дорогой корень.

Несколько голубовато-серых амурских кобчиков гонялось за насекомыми, делая в воздухе резкие повороты. Некоторые

---

* Релка — местное название возвышенного места среди затопляемой равнины.

птицы сидели на кочках и равнодушно посматривали на людей проходивших мимо них.

Когда мы возвратились на станцию, был уже вечер. В теплом весеннем воздухе стоял неумолкаемый гомон. Со стороны болот неслись лягушачьи концерты, в деревне лаяли собаки, где-то в поле звенел колокольчик.

Завтра в поход. Что-то ожидает нас впереди!

Работа между участниками экспедиции распределялась следующим образом. На Г. И. Гранатмана было возложено заведывание хозяйством и фуражное довольствие лошадей. А. И. Мерзлякову давались отдельные поручения в сторону от главного пути. Этнографические исследования и маршрутные съемки я взял на себя, а Н. А. Пальчевский направился прямо в залив Ольги, где в ожидании отряда решил заняться сбором растений, а затем уже присоединиться к экспедиции и следовать с ней дальше по побережью моря.

Самый порядок дня в походе распределялся следующим образом: очередной артельщик, выбранный сроком на две недели, вставал раньше других. Он варил какую-нибудь кашу, грел чай и, когда завтрак был готов, будил остальных людей. На утренние сборы уходило около часа. Приблизительно между семью и восемью часами мы выступали в поход. Около полудня делался большой привал. Лошадей развьючивали и пускали на подножный корм. Горячая пища варилась два раза в сутки, утром и вечером, а днем на привалах пили чай с сухарями или ели мучные лепешки, испеченные накануне. В час дня выступали дальше и шли примерно часов до четырех.

За день мы успевали пройти от 15 до 25 км, смотря по местности, погоде и той работе, которая производилась в пути. Место для бивака всегда выбирали где-нибудь около речки. Пока варился обед и ставили палатки, я успевал вычертить свой маршрут. В это время товарищи сушили растения, препарировали птиц, укладывали насекомых в ящики и нумеровали геологический материал. Часов в пять обедали и ужинали в одно и то же время. После этого с ружьем в руках я уходил экскурсировать по окрестностям и заходил иногда так далеко, что не всегда успевал возвратиться назад к сумеркам. Темнота застигала меня в дороге, и эти переходы в лунную ночь по лесу оставили по себе неизгладимые воспоминания. Часов в девять вечера последний раз мы пили чай, затем стрелки занимались своими делами: чистили ружья, починяли одежду и обувь, исправляли седла... В это время я заносил в дневник свои наблюдения.

Во время путешествия скучать не приходится. За день так уходишься, что еле-еле дотащишься до бивака. Палатка, костер и теплое одеяло кажутся тогда лучшими благами, какие только даны людям на земле; никакая городская гостиница не может сравниться с ними. Выпьешь поскорее горячего

чая, залезешь в свой спальный мешок и успешь таким сном, каким спят только усталые.

В походе мы были ежедневно. Дневки были только случайные: например, заболела лошадь, сломалось седло и т. д. Если окрестности были интересны, мы останавливались в этом месте на двое суток, а то и более. Из опыта выяснилось, что во время сильных дождей быть в дороге невыгодно, потому что пройти удается немного, люди и лошади скоро устают, седла портятся, планшет мокнет и т. д. В результате выходит так, что в ненастье идешь, а в солнечный день сидишь в палатке, приводишь в порядок съемки, доканчиваешь дневник, делаешь вычисления — одним словом, исполняешь ту работу, которую почему-либо не успел сделать раньше.

В день выступления, 19 мая, мы все встали рано, но выступили поздно. Это вполне естественно. Первые сборы всегда затягиваются. Дальше в пути все привыкают к известному порядку, каждый знает своего коня, свой вьюк, какие у него должны быть вещи, что сперва надо укладывать, что после, какие предметы бывают нужны в дороге и какие на биваке.

В первый день все участники экспедиции выступили бодрыми и веселыми.

День был жаркий, солнечный. На небе не было ни одного облачка, но в воздухе чувствовался избыток влаги.

Грязная проселочная дорога между селениями Шмаковкой и Успенкой пролегает по увалам горы Хандо-Диниза-Сы. Все мосты на ней уничтожены весенними палами, и потому переправа через встречающиеся на пути речки, превратившиеся теперь в стремительные потоки, была делом далеко не легким.

На возвышенных местах характер растительности был тот же самый, что и около железной дороги. Это было редколесье из липы, дубняка и березы.

При окружающих пустырях редколесье это казалось уже густым лесом.

Часам к трем дня отряд наш стал подходить к р. Уссури. Опытный глаз сразу заметил бы, что это первый поход. Лошади сильно растянулись, с них то и дело съезжали седла, расстегивались подпруги, люди часто останавливались и переобувались. Кому много приходилось путешествовать, тот знает, что это в порядке вещей. С каждым днем эти остановки делаются реже, постепенно все налаживается, и дальнейшие передвижения происходят уже ровно и без заминок. Тут тоже нужен опыт каждого человека в отдельности.

Когда идешь в далекое путешествие, то никогда не надо в первые дни совершать больших переходов. Наоборот, надо итти понемногу и чаще отдыхать. Когда все приспособятся, то люди и лошади сами пойдут скорее и без понукания.

Вступление экспедиции в село Успенку для деревенской жизни было целым событием. Ребятишки побросали свои игры

и высыпали за ворота; из окон выглядывали испуганные женские лица; крестьяне оставляли свои работы и подолгу смотрели на проходивший мимо них отряд.

Село Успенка расположено на высоких террасах с левой стороны р. Уссури. Основано оно в 1891 г. и теперь имело около 180 дворов.

Было каникулярное время, и потому нас поместили в школе, лошадей оставили на дворе, а все имущество и седла сложили под навесом.

Вечером приходили крестьяне-старожилы. Они рассказывали о своей жизни в этих местах, говорили о дороге и давали советы.

На другой день мы продолжали свой путь. За деревней дорога привела нас к р. Уссури. Вся долина была затоплена водой. Возвышенные места казались островами. Среди этой массы воды русло реки отмечалось быстрым течением и деревьями, росшими по берегам ее. При обыкновенном уровне р. Уссури имеет около 200 м ширины, около 4 м глубины и быстроту течения $3^1/_2$ км в час. Сопровождавшие нас крестьяне говорили, что во время наводнений сообщение с соседними деревнями по дороге совсем прекращается, и тогда они пробираются к ним только на лодках.

Посоветовавшись, мы решили итти вверх по реке до такого места, где она идет одним руслом, и там попробовать переправиться вплавь с конями.

С рассветом казалось, что день будет пасмурный и дождливый, но к десяти часам утра погода разгулялась. Тогда мы увидели то, что искали. Километрах в пяти от нас река собирала в себя все протоки. Множество сухих релок давало возможность подойти к ней вплотную. Но для этого надо было обойти болота и спуститься в долину около горы Кабарги.

Лошади уже отабунились, они не лягались и не кусали друг друга. В поводу надо было вести только первого коня, а прочие шли следом сами. Один из стрелков по очереди шел сзади и подгонял тех лошадей, которые сворачивали в сторону или отставали.

Поравнявшись с горой Кабаргой, мы повернули на восток к фанзе Хаудцен[42], расположенной на другой стороне Уссури, около устья р. Ситухе. Перебираясь с одной релки на другую и обходя болотины, мы вскоре достигли леса, растущего на берегу реки. На наше счастье у китайцев оказалась лодка. Она цедила, как решето, но все же это была посудина, которая в значительной степени облегчала нашу переправу. Около часа было потрачено на ее починку. Щели лодки мы кое-как законопатили, доски сбили гвоздями, а вместо уключин вбили деревянные колышки, к которым привязали веревочные петли. Когда все было готово, приступили к переправе. Сначала перевезли седла, потом переправили людей. Осталась

очередь за конями. Сами лошади в воду итти не хотели, и надо было, чтобы кто-нибудь плыл вместе с ними. На это опасное дело вызвался казак Кожевников. Он разделся донага, сел верхом на наиболее ходового белого коня и смело вошел в реку. Стрелки тотчас же всех остальных лошадей погнали за ним в воду. Как только лошадь Кожевникова потеряла дно под ногами, он тотчас же соскочил с нее и, ухватившись рукой за гриву, поплыл рядом. Вслед за ним поплыли и другие лошади. С берега видно было, как Кожевников ободрял коня и гладил рукой по шее. Лошади плыли фыркая, раздувая ноздри и оскалив зубы. Несмотря на то, что течение сносило их, они все же подвигались вперед довольно быстро.

Удастся ли Кожевникову выплыть с конями к намеченному месту?

Ниже росли кусты и деревья, берег становился обрывистым и был завален буреломом. Через десять минут его лошадь достала до дна ногами. Из воды появились ее плечи, затем спина, круп и ноги. С гривы и хвоста вода текла ручьями. Казак тотчас же влез на коня и верхом выехал на берег.

Так как одни лошади были сильнее, другие слабее и плыли медленнее, то естественно, что весь табун растянулся по реке. Когда конь Кожевникова достиг противоположного берега, последняя лошадь была еще на середине реки. Стало ясно, что ее снесет водой. Она напрягала все свои силы и держалась против воды, стараясь преодолеть течение, а течение увлекало ее все дальше и дальше. Кожевников видел это. Дождавшись остальных коней, он в карьер бросился вдоль берега вниз по течению. Выбрав место, где не было бурелома, казак сквозь кусты пробрался к реке, остановился в виду у плывущей лошади и начал ее окликать; но шум реки заглушал его голос. Белый конь, на котором сидел Кожевников, насторожился и, высоко подняв голову, смотрел на воду. Вдруг громкое ржание пронеслось по реке. Плывущая лошадь услышала этот крик и начала менять направление. Через несколько минут она выходила на берег. Дав ей отдышаться, казак надел на нее недоуздок и повел в табун. Тем временем лодка перевезла остальных людей и их грузы.

После переправы у фанзы Хаудиен экспедиция направилась вверх по р. Ситухе[43], стараясь обойти болота и поскорее выйти к горам.

Река Ситухе течет в широтном направлении. Она длиной около 50 км. Большинство протоков ее находится с левой стороны. Сама по себе Ситухе маленькая речка, но, не доходя 3 км до Уссури, она превращается в широкий и глубокий канал.

Здесь происходит слияние р. Даубихе с р. Улахе (44° 58′ с. ш., 133° 34′ в. д. от Гринвича — по Гамову). Отсюда начинается, собственно, р. Уссури, которая на участке до

р. Сунгачи принимает в себя справа две небольшие речки — Гирма-биру и Курма-биру.

Река Улахе течет некоторое время в направлении от юга к северу. Истоки ее находятся в горах Да-дянь-шань с перевалами на р. Сучан и на р. Лефу. В верховьях она слагается из трех рек: Тудагоу[44], Эрлдагоу[45] и Сандагоу[46], затем принимает в себя притоки: справа — Сыдагоу[47], Ханихезу[48], Яньцзиньгоу[49], Чутангоузу[50], а слева — Хамахезу[51], Даубихезу[52], Шитухе и Угыдынзу[53]. Длиной Даубихе более 250 км, глубиной 1,5—1,8 м, при быстроте течения около 5 км в час.

Река Улахе течет некоторое время в направлении от юга к северу, но потом вдруг на высоте фанзы Линда-Пау круто поворачивает на запад. Здесь улахинская вода с такой силой вливается в даубихинскую, что прижимает ее к левому берегу. Вследствие этого как раз против устья р. Улахе образовалась длинная заводь. Эта заводь и обе реки (Даубихе и Улахе) вместе с Уссури расположились таким образом, что получилась крестообразная фигура. Во время наводнения здесь скопляется много воды. Отсюда, собственно, и начинает затопляться долина Уссури. От того места, где Улахе поворачивает на запад, параллельно Уссури, среди болот, цепью друг за другом, тянется длинный ряд озерков, кончающихся около канала Ситухе, о котором говорилось выше. Озера эти и канал Ситухе указывают место прежнего течения Улахе. Слияние ее с р. Даубихе раньше происходило значительно ниже, чем теперь.

Почувствовав твердую почву под ногами, люди и лошади пошли бодрее. К полудню мы миновали старообрядческую деревню Подгорную, состоящую из 25 дворов. Время было раннее, и потому решено было не задерживаться здесь. Дорога шла вверх по р. Ситухе. Слева был лес, справа — луговая низина, залитая водой. По пути нам снова пришлось переходить еще одну небольшую речушку, протекающую по узенькой, но чрезвычайно заболоченной долине. Люди перебирались с кочки на кочку, но лошадям пришлось трудно. На них жалко было смотреть; они проваливались по брюхо и часто падали. Некоторые кони так увязали, что не могли уже подняться без посторонней помощи. Пришлось их расседлывать и переносить грузы на руках.

Когда последняя лошадь перешла через болото, день уже был на исходе. Мы прошли еще немного и стали биваком около ручья с чистой проточной водой.

Вечером стрелки и казаки сидели у костра и пели песни. Откуда-то взялась у них гармоника. Глядя на их беззаботные лица, никто бы не поверил, что только два часа тому назад они бились в болоте, измученные и усталые. Видно было, что они совершенно не думали о завтрашнем дне и жили только настоящим. А в стороне, у другого костра, другая группа

людей рассматривала карты и обсуждала дальнейшие маршруты.

На следующий день решено было сделать дневку. Надо было посушить имущество, почистить седла и дать лошадям отдых. Стрелки с утра взялись за работу. Каждый из них знал, у кого что неладно и что надо исправить.

Сегодня мы имели случай наблюдать, как казаки охотятся за пчелами. Когда мы пили чай, кто-то из них взял чашку, в которой были остатки меда. Немедленно на биваке появились пчелы — одна, другая, третья и так несколько штук. Одни пчелы прилетали, а другие с ношей торопились вернуться и вновь набрать меду. Разыскать мед взялся казак Мурзин. Заметив направление, в котором летели пчелы, он встал в ту сторону лицом, имея в руках чашку с медом. Через минуту появилась пчела. Когда она полетела назад, Мурзин стал следить за ней до тех пор, пока не потерял ее из виду.

Тогда он перешел на новое место, дождался второй пчелы, перешел опять, выследил третью и т. д. Таким образом он медленно, но верно шел к улью. Пчелы сами указали ему дорогу. Для такой охоты нужно запастись терпением.

Часа через полтора Мурзин возвратился назад и доложил, что нашел пчел и около их улья увидел такую картину, что поспешил вернуться обратно за товарищами. У пчел шла война с муравьями. Через несколько минут мы были уже в пути, захватив с собой пилу, топор, котелки и спички. Мурзин шел впереди и указывал дорогу. Скоро мы увидели большую липу, растущую под углом в 45°. Вокруг нее вились пчелы. Почти весь рой находился снаружи. Вход в улей (леток) был внизу около корней. С солнечной стороны они переплелись между собой и образовали пологий скат. Около входного отверстия в улей густо столпились пчелы. Как раз против них, тоже густой массой, стояло полчище черных муравьев. Интересно было видеть, как эти два враждебных отряда стояли друг против друга, не решаясь на нападение. Разведчики-муравьи бегали по сторонам. Пчелы нападали на них сверху. Тогда муравьи садились на брюшко и, широко раскрыв челюсти, яростно оборонялись. Иногда муравьи принимали обходное движение и старались напасть на пчел сзади, но воздушные разведчики открывали их, часть пчел перелетала туда и вновь преграждала муравьям дорогу.

С интересом мы наблюдали эту борьбу. Кто кого одолеет? Удастся ли муравьям проникнуть в улей? Кто первый уступит? Быть может, с заходом солнца враги разойдутся по своим местам для того, чтобы утром начать борьбу снова; быть может, эта осада пчелиного улья длится уже не первый день.

Неизвестно, чем кончилась бы эта борьба, если бы на помощь пчелам не пришли казаки. Они успели согреть воду и стали кипятком обливать муравьев. Муравьи корчились,

суетились и гибли на месте тысячами. Пчелы были возбуждены до крайности. В это время по ошибке кто-то плеснул на пчел горячей водой. Мигом весь рой поднялся на воздух. Надо было видеть, в какое бегство обратились казаки. Пчелы догоняли их и жалили в затылок и шею. Через минуту около дерева никого не было. Люди стояли в отдалении, ругались, смеялись и острили над товарищами, но вдруг лица их делались испуганными, они принимались отмахиваться руками и убегали еще дальше.

Решено было дать пчелам успокоиться. Перед вечером два казака вновь пошли к улью, но уже ни меда, ни пчел не нашли. Улей был разграблен медведем. Так неудачно кончился наш поход за диким медом.

В ночь с 25 на 26 июня шел сильный дождь, который прекратился только к рассвету. Утром небо было хмурое; тяжелые дождевые тучи низко ползли над землей и, как саваном, окутывали вершины гор. Надо было ждать дождя снова.

Когда идешь в дальнюю дорогу, то уже не разбираешь погоду. Сегодня вымокнешь, завтра высохнешь, потом опять вымокнешь и т. д. В самом деле, если все дождливые дни сидеть на месте, то, пожалуй, недалеко уйдешь за лето. Мы решили попытать счастья и хорошо сделали. Часам к десяти утра стало видно, что погода разгуляется. Действительно, в течение дня она сменялась несколько раз: то светило солнце, то шел дождь. Подсохшая было дорога размокла, и опять появились лужи.

Перейдя р. Ситухе, мы подошли к деревне Крыловке, состоящей из 66 дворов. Следующая деревня, Межгорная (17 дворов), была так бедна, что мы не могли купить в ней 4 кг хлеба. Крестьяне вздыхали и жаловались на свою судьбу. Последнее наводнение сильно их напугало.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ВВЕРХ ПО УССУРИ

Маньчжурский заяц. — Голльды рода Юкомина. — Сухая мгла. — Перемена погоды. — Полоз Шренка. — Гроза. — Река Вангоу. — Деревня Загорная. — Старозер Паначев.

Дальнейший путь экспедиции лежал через горы. На этом пути нам предстояло еще одно испытание. Нужно было перейти пять сильно заболоченных распадков[54]. Первый распадок находился сейчас же за деревней, а последний, самый большой, — недалеко от р. Улахе. Дорога, проложенная самими крестьянами, не имела ни канав, ни мостов, ни гатей. Грязь на ней была непролазная. Казаки пробовали было вести лошадей целиной, но это оказалось еще хуже. Чтобы закрепить зыбуны, стрелки рубили ивняк и бросали его коням под ноги. Правда, это немного облегчало переправу людей, но мало помогало лошадям. Такая непрочная гать только обманывала их, они оступались и падали. Приходилось опять их расседлывать и переносить на себе вьюки. Наконец, и эти болота были пройдены.

По сведениям, полученным от крестьян, дальше дорога шла лесом. Выйдя на твердую почву, отряд остановился на отдых.

В это время вдруг совершенно неожиданно откуда-то из кустов выскочил заяц. В одно мгновение люди бросились за

ним в погоню. Надо было видеть, какой поднялся переполох в отряде. Кто свистал, кто гикал, кто бросал в убегающего зайца палкой, камнем и всем, что попадало под руку. Несчастный зверек бежал зигзагами и хотел укрыться в кустарнике. Это, вероятно, ему удалось бы сделать, если бы Загурский не выстрелил из ружья. Пуля ударила в землю как раз около головы зайца и оглушила его. В это время другой стрелок подбежал и схватил его руками. Заяц метнулся, заверещал и, прижав к спине уши, притаился. Бедный зверек был страшно напуган. Его раздвоенная верхняя губа быстро двигалась, сердце усиленно билось. Он сидел на руках у Туртыгина, прислушивался и озирался.

Пойманный заяц был маленький, серо-бурого цвета. Такую окраску он сохраняет все время и летом и зимой. Областью распространения этого зайца в Приамурье является долина р. Уссури с притоком и побережье моря до мыса Белкина. Кроме этого зайца, в Уссурийском крае водится еще заяц-беляк и черный заяц — вид, до сих пор еще не описанный. Он совершенно черного цвета и встречается редко. Быть может, это просто меланистическое отклонение зайца-беляка. Ведь есть же чернобурые лисицы, черные волки, даже черные зайцы-русаки.

Заяц внес в отряд большое оживление. Дожди, болота, усталость — все это было забыто. Стрелки кричали и наперерыв старались рассказать друг другу, кто и как увидел зайца, как он бежал и каким образом его поймали. Никакое другое животное не дало бы столько тем для разговоров. Вокруг Туртыгина столпились люди. Каждому хотелось как-нибудь выказать зверьку свое внимание: кто гладил его по спине, кто тянул за хвостик, кто тыкал ему папиросой в нос и дергал за ухо. Уж как только стрелки ни крестили зайца, как только ни острили над ним и в десятый раз рассказывали друг другу о его поимке! Не только у русских, но и у китайцев и амурских туземцев слово «заяц» означает насмешку над человеком трусливым, делающим от страха всякие глупости.

Приказ седлать коней заставил стрелков заняться делом. После короткого совещания решено было дать зайцу свободу. Едва только спустили его на землю, как он тотчас же бросился бежать. Свист и крики понеслись ему вдогонку. Шум и смех сопровождали его до тех пор, пока он не скрылся из вида.

Когда лошади были заседланы, отряд двинулся дальше. Теперь тропа пошла косогорами, обходя горные ключи и медленно взбираясь на перевал. Дубовое редколесье сменилось лесонасаждениями из клена, липы и даурской березы; кое-где мелькали одиночные кедры и остроконечные вершины елей и пихт.

Часа через полтора мы достигли перевала. Здесь у подножия большого дуба стояла маленькая кумирня, сложенная из

плитнякового камня. Кумирня эта была поставлена китайскими охотниками и искателями женьшеня. Лицевая ее сторона была украшена красной тряпицей с иероглифической надписью: «Санлинчжичжу», т. е. «владыке гор и лесов» (тигру).

С вершины перевала нам открылся великолепный вид на р. Улахе. Солнце только что скрылось за горизонтом. Кучевые облака на небе и дальние горы приняли нежную пурпуровую окраску. Справа от дороги светлой полосой змеилась река. Вдали виднелись какие-то фанзы. Дым от них не подымался кверху, а стлался по земле и казался неподвижным. В стороне виднелось небольшое озерко. Около него мы стали биваком.

Как и всегда, сначала около огней было оживление, разговоры, смех и шутки. Потом все стало успокаиваться. После ужина стрелки легли спать, а мы долго сидели у огня, делились впечатлениями последних дней и строили планы на будущее.

Вечер был удивительно тихий. Слышно было, как паслись кони на лугу; где-то в горах ухал филин, и несмолкаемым гомоном с болот доносилось кваканье лягушек.

На другой день мы встали рано и рано выступили в дорогу. Фанзы, которые вчера мы видели с перевала, оказались гольдскими. Местность эта называется Чжумтайза[55], что по-китайски означает «Горный ручей». Живущие здесь гольды принадлежали к роду Юкомика, ныне почти совершенно уничтоженному оспенными эпидемиями. Стойбища их были на Амуре, на том месте, где теперь стоит Хабаровск.

Потесненные русскими, они ушли на Уссури, а оттуда, под давлением казаков, перекочевали на р. Улахе. Теперь их осталось только двенадцать человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей.

Мужчины были одеты по-китайски. Они носили куртки, сшитые из синей дабы, и такие же штаны. Костюм женщин более сохранил свой национальный характер. Одежда их пестрела вышивками по борту и по краям подола и была обвешана побрякушками. Выбежавшие из фанз грязные ребятишки испуганно смотрели на нас. Трудно сказать, какого цвета была у них кожа: на ней были и загар, и грязь, и копоть. Гольды эти еще знали свой язык, но предпочитали объясняться по-китайски. Дети же ни одного слова не понимали по-гольдски.

Покончив с осмотром фанз, отряд наш пошел дальше. Тропа стала прижиматься к горам. Это будет как раз в том месте, где р. Улахе начинает менять свое широтное направление на северо-западное. Здесь она шириной около 170 м и в среднем имеет скорость течения около 5 км в час. Из притоков ее замечательны: с правой стороны — известная уже нам Ситухе, затем Чжумтайза, Тяпигоу[56], Ното[57], Вамбахеза[58] и Фудзин[59], а с левой стороны — Хуанихеза[60] и Вангоу.

От гольдских фанз шли два пути. Один был кружный по левому берегу Улахе и вел на Ното, другой шел в юго-восточ-

ном направлении мимо гор Хуанихеза и Игыдинза. Мы выбрали последний. Решено было все грузы отправить на лодках с гольдами вверх по Улахе, а самим переправиться через реку и по долине Хуанихезы выйти к поселку Загорному, а оттуда с легкими вьюками пройти напрямик в деревню Кокшаровка.

Уже с половины дня можно было предсказать, что завтрашний день будет дождливый. В Уссурийском крае так называемая сухая мгла часто является предвестником непогоды. Первые признаки ее замечались еще накануне вечером. На другой день к утру она значительно сгустилась, а в полдень стала заметной даже вблизи. Контуры дальних гор тогда можно было рассмотреть, если наблюдатель наперед знал их очертание. Казалось, будто весь воздух наполнился дымом. Небо сделалось белесоватым; вокруг желтого солнца появились венцы; тонкая паутина слоистых облаков приняла грязно-серый оттенок. Потом вдруг воздух сделался чистым и прозрачным. Дальние горы приняли цвет темносиний и стали хмурыми. О том, что зашло солнце, мы узнали только по надвинувшимся сумеркам. В природе все замерло, притаилось. Одни только лягушки как будто радовались непогоде и наперерыв старались перекричать друг друга.

Вечером пошел дождь.

Перейдя реку Уссури, мы некоторое время шли вверх по р. Ситухе, а затем круто свернули к р. Улахе. От места слияния этой последней с р. Даубихе и начинается собственно Уссури.

Мы думали, что к утру дождь прекратится, но ошиблись. С рассветом он пошел еще сильнее. Чтобы вода не залила огонь, пришлось подкладывать в костры побольше дров. Дрова горели плохо и сильно дымили. Люди забились в комарники и не показывались наружу. Время тянулось утомительно долго.

В Уссурийском крае дожди выпадают сразу на очень большой площади и идут с удивительным постоянством. Они захватывают сразу несколько бассейнов, иногда даже всю область. Этим и объясняются большие наводнения.

У Дерсу была следующая примета: если во время дождя в горах появится туман и он будет лежать неподвижно, это значит, что дождь скоро прекратится. Но, если туман быстро двигается, это признак затяжного дождя и, может быть, тайфуна[61].

Утром перед восходом солнца дождь перестал, но вода в реке начала прибывать, и потому надо было торопиться с переправой. В этом случае значительную помощь оказали нам гольды. Быстро, без проволочек, они перебросили на другую сторону все наши грузы. Слабенькую лошадь переправили в поводу рядом с лодкой, а остальные переплыли сами.

Часов в восемь утра солнечные лучи прорвались сквозь

тучи и стали играть в облаках тумана, освещая их своим золотистым светом. Глядя на эту картину, я мысленно перенесся в глубокое прошлое, когда над горячей поверхностью земли носились еще тяжелые испарения.

Наконец, туман начал рассеиваться; природа, очищенная от ненастья, стала оживать; послышалось пение жаворонков, в воздухе опять появились насекомые.

Когда лодка отчалила от берега, мы тоже тронулись в путь. Теперь горы были справа, а река — слева. Болота кончились, но это нас не избавило от сырости. От последних дождей земля была сильно пропитана водой; ручьи вышли из берегов и разлились по долине.

Вследствие какой-то задержки в пути лошади отстали, а мы ушли вперед. На опушке леса стояла старая, развалившаяся фанза. Тут мы сели на камни и стали ждать коней. Вдруг длинная темная полоса мелькнула в стороне. Стрелки бросились туда. Это было какое-то большое пресмыкающееся. Оно быстро скользило по траве, направляясь к кустарникам. Стрелки бежали по сторонам, не решаясь подойти к нему близко. Их пугали размеры змеи. Через минуту она доползла до дерева, лежащего на земле, и скрылась в нем. Это был древесный обломок с гнилой сердцевиной около 4 м длиной и 15 см в диаметре. А. И. Мерзляков схватил палку и стал тыкать ею в отверстие. В ответ на это в дупле послышалось жужжание, а затем оттуда стали вылезать шмели. Значит, внутри дерева было их гнездо. Но тогда куда же девалась змея? Неужели она залезла к шмелям? Почему в таком случае шмели не подняли тревоги, какую они подняли тогда, когда мы просунули в дупло палку? Это заинтересовало всех. Стрелки стали разрубать дерево. Оно было гнилое и легко развалилось на части. Как только дерево было раскрыто, мы увидели змею. Она медленно извивалась, стараясь скрыться в рухляке. Однако это ее не спасло. Казак Белоножкин ударил животное топором и отсек ему голову. Вслед за тем змея была вытащена наружу. Это оказался полоз Шренка[62]. Он был длиной 1,9 м при толщине 6 см.

Внутри дерева дупло вначале узкое, а затем к комлю несколько расширялось. Птичий пух, клочки шерсти, мелкая сухая трава и кожа, сброшенная ужом при линянии, свидетельствовали о том, что здесь находилось его гнездо, а ближе к выходу и несколько сбоку было гнездо шмелей.

Когда змея вылезала из дерева или входила в него, она каждый раз проползала мимо шмелей. Очевидно, и шмели и уж уживались вместе и не тяготились друг другом.

Стрелки рассматривали ужа с интересом.

— У него что-то есть внутри! — сказал Белоножкин.

Действительно, живот ужа был сильно вздут. Интересно было посмотреть, чем питаются эти крупные пресмыкающиеся.

Велико было наше удивление, когда в желудке ужа оказался довольно крупный кулик с длинным клювом. Как только он мог проглотить такую птицу и не подавиться ею?!

Гольды рассказывают, что уссурийский уж вообще большой охотник до пернатых. По их словам, он высоко взбирается на деревья и нападает на птиц в то время, когда они сидят в гнездах. В особенности это ему удается в том случае, если гнездо находится в дупле. Это понятно. Но как он ухитрился поймать такую птицу, которая бегает и летает, и как он мог проглотить кулика, длинный клюв которого, казалось бы, должен служить ему большой помехой?!

— Надо торопиться, гроза будет, — сказал А. И. Мерзляков и посмотрел на небо.

Как бы в подтверждение его слов издали донесся глухой удар грома.

Пока ловили ужа, мы и не заметили, как нашла туча. На земле сразу стало темнее. Это заставило людей вернуться к коням, которые мирно паслись на траве около дороги. Сопровождавшие нас гольды говорили, что недалеко есть две китайские фанзы, где можно будет укрыться от непогоды.

Туча двигалась очень скоро. Передний край ее был белесовато-серый и точно клубился; отдельные облака бежали по сторонам и, казалось, спорили с тучей в быстроте движения.

Уйти от грозы нам не удалось. Едва только мы тронулись в путь, как пошел дождь. Сначала с неба упало несколько крупных капель, а затем хлынул настоящий ливень.

Обыкновенно такие ливни непродолжительны, но в Уссурийском крае бывает иначе. Часто именно затяжные дожди начинаются грозой. Так было и теперь. Гроза прошла, но солнце не появлялось. Кругом, вплоть до самого горизонта, небо покрылось слоистыми тучами, сыпавшими на землю мелкий и частый дождь. Торопиться теперь к фанзам не имело смысла. Это поняли и люди и лошади.

Китайские фанзы находились в стороне за протоком. Чтобы попасть к ним, надо было делать большой обход. Поэтому решено было итти прямо к старообрядцам.

Невысокие горы, окаймляющие долину Вангоу, имели большей частью коническую форму. Между горами образовались глубокие распадки. Вероятно при солнечном освещении местность эта очень живописна, но теперь она имела неприветливый вид.

Рассчитывать на перемену погоды к лучшему было нельзя. К дождю присоединился ветер; появился туман. Он то заволакивал вершины гор, то опускался в долину, то вдруг подымался кверху, и тогда дождь шел еще сильнее.

Река Вангоу невелика. Она шириной в 4—6 м и глубиной 40—60 см, но теперь она разлилась и имела грозный вид. Вода шла через лес. Люди переходили затопленные места без

особых затруднений, лошадям же опять досталось. Они ступали наугад и проваливались в глубокие ямы.

Но вот лес кончился. Перед нами открылась большая поляна. На противоположном конце ее, около гор, приютилась деревушка Загорная. Но попасть в нее было нелегко. Мост, выстроенный староверами через реку, был размыт. Более двух часов мы провозились над его починкой. На дождь уже никто не обращал внимания. Тут всем пришлось искупаться как следует.

Наконец, это препятствие было преодолено, и мы вошли в деревню. Она состояла из восьми дворов и имела чистенький, опрятный вид. Избы были срублены прочно. Видно было, что староверы строили их не торопясь и работали, как говорится, не за страх, а за совесть. В одном из окон показалось женское лицо, и вслед за тем на пороге появился мужчина. Это был староста. Узнав, кто мы такие и куда идем, он пригласил нас к себе и предложил остаться у него в доме. Люди сильно промокли и потому старались поскорее расседлать коней и уйти под крышу.

Наш хозяин был мужчина среднего роста, лет сорока пяти. Карие глаза его глядели умно. Он носил большую бороду и на голове длинные волосы, обрезанные в кружок одинаково ровно как на лбу, так и на затылке. Одежда его состояла из широкой ситцевой рубахи, слабо подпоясанной тесемчатым пояском, плисовых штанов и сапог с низкими каблуками.

Внутри избы были две комнаты. В одной из них находилась большая русская печь и около нее разные полки с посудой, закрытые занавесками, и начищенный медный рукомойник. Вдоль стен стояли две длинные скамьи; в углу деревянный стол, покрытый белой скатертью, а над столом божница со старинными образами, изображающими святых с большими головами, темными лицами и тонкими длинными руками.

Семья старовера состояла из его жены и двух маленьких ребятишек. Женщина была одета в белую кофточку и пестрый сарафан, стянутый выше талии и поддерживаемый на плечах узкими проймами, располагавшимися на спине крестообразно. На голове у нее был одет платок, завязанный как кокошник. Когда мы вошли, она поклонилась в пояс низко, по-старинному.

Другая комната была просторнее. Тут у стены стояла большая кровать, завешанная ситцевым пологом. Под окнами опять тянулись скамьи. В углу, так же как и в первой комнате, стоял стол, покрытый самодельной скатертью. В простенке между окнами висели часы, а рядом с ними полка с большими старинными книгами в кожаных переплетах. В другом углу стояла ручная машина Зингера, около дверей на гвозде висела малокалиберная винтовка Маузера и бинокль Цейсса. Во всем доме полы были чисто вымыты, потолки хорошо выструганы, стены как следует проконопачены.

Мы стали раздеваться и нагрязнили. Это нас смутило.

— Ничего, ничего, — говорил хозяин. — Бабы подотруг. Вишь, погода какая. Из тайги чистым не придешь...

Через несколько минут на столе появились горячий хлеб, мед, яйца и молоко. Мы с аппетитом, чтобы не сказать с жадностью, набросились на еду.

Оставшаяся часть дня ушла на расспросы о пути к Кокшаровке. Оказалось, что дальше никакой дороги нет и что из всех здешних староверов только один, Паначев, мог провести нас туда целиной через горы.

Староста послал за ним. Паначев тотчас явился. На вид ему было более сорока лет. Он тоже носил бороду, но так как никогда ее не подстригал, то она росла у него неправильно, клочьями. Получалось впечатление, будто он только что встал со сна и не успел еще причесаться. Видно было, что человек этот добрый, безобидный. Войдя в избу, Паначев трижды размашисто перекрестился на образа и трижды поклонился так, чтобы достать до земли рукой. Длинные волосы лезли ему на глаза. Он поминутно встряхивал головой и откидывал их назад.

— Здравствуйте! — сказал он тихо, отошел к дверям и стал мять свою шапку.

На сделанное ему предложение проводить нас до Кокшаровки он охотно согласился.

— Хорошо, пойду, — сказал он просто, и в этом «пойду» слышалась готовность услужить, покорность и сознание, что только он один знает туда дорогу.

Решено было итти завтра, если дождь перестанет. Паначев ушел, а мы принялись беседовать с хозяином. Мерзлякова заинтересовали старинные книги.

— Можно их посмотреть? — спросил он старосту.

— А если только понимаете по-славянски, — отвечал старовер, — то читайте, пожалуйста.—И он принялся доставать книги, одну за другой.

На дворе бушевала непогода. Дождь с ветром хлестал по окнам. Из темноты неслись жалобные звуки: точно выла собака или кто-то стонал на чердаке под крышей. Под этот шум мы сладко заснули.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МАРШРУТ ЧЕРЕЗ ГОРЫ К ДЕРЕВНЕ КОКШАРОВКЕ

Уссурийская тайга. — Производство съемки в лесу. — Заблудились. — Подлесье. — Средства от комаров и мошек. — Деревня Кокшаровка. — Китайское селение Нотохоуза. — Река Улахе. — Жара и духота.

На другой день (31 мая), чуть только стало светать, я бросился к окну. Дождь перестал, но погода была хмурая, сырая. Туман, как саваном, окутал горы. Сквозь него слабо виднелись долина, лес и какие-то постройки на берегу реки.

Раз дождя нет, значит можно итти дальше. Но одно обстоятельство заставило нас задержаться — не был готов хлеб.

Часов в восемь утра вдруг все петухи разом запели.

— Погода разгуляется, будет вёдро. Ишь, петухи как кричат. Это верная примета, — говорили казаки между собой.

Известно, что домашние куры очень чувствительны к перемене погоды. Впрочем, они часто и ошибаются. Достаточно иногда небу немного проясниться, чтобы петухи тотчас начали перекликаться. Но на этот раз они не ошиблись. Вскоре туман, действительно, поднялся кверху, кое-где проглянуло синее небо, а вслед за тем появилось и солнышко.

В десять часов утра отряд наш, во главе с Паначевым, выступил из деревни и направился кверху по р. Вангоу. Нам предстояло перевалить через хребет, отделяющий Даубихе

от Улахе, и по реке, не имеющей названия, выйти к устью Фудзина.

Тотчас за деревней дорога превратилась в тропу. Она привела нас к пасеке Паначева.

— Пройдемте кто-нибудь со мной, ребята, — обратился старовер к казакам.

Затем он полез через забор, открыл кадушку и стал передавать им сотовый мед. Пчелы вились кругом него, садились ему на плечи и забивались в бороду. Паначев разговаривал с ними, называл их ласкательными именами, вынимал из бороды и пускал на свободу. Через несколько минут он возвратился, и мы пошли дальше.

Понемногу погода разгулялась совсем: туман исчез, всюду по земле струйками бежала вода, намокшие цветы подняли свои головки, в воздухе опять замелькали чешуекрылые.

Паначев повел нас целиной «по затескам». Как только мы углубились в лес, тотчас же пришлось пустить в дело топоры.

Читатель ошибается, если представляет себе тайгу в виде рощи. Уссурийская тайга — это девственный и первобытный лес, состоящий из кедра, черной березы, амурской пихты, ильма, тополя, сибирской ели, липы маньчжурской, даурской лиственицы, ясеня, дуба монгольского, пальмовидного диморфанта, пробкового дерева, с листвой, напоминающей ясень, с красивой пробковой корой, бархатистой наощупь, маньчжурского ореха, с крупной листвой, расположенной на концах сучьев пальмообразно, и многих других пород. Подлесье состоит из густых кустарниковых зарослей. Среди них бросаются в глаза: колючий элеутерококкус красноягодник, с острыми листьями, лесная калина с белыми цветами, желтая жимолость с узловатыми ветвями и с морщинистой корой, лесная таволожка с коротко заостренными зубчатыми листьями и вьющийся по дереву персидский наслен. И все это перепуталось виноградником, лианами и кишмишом. Стебли последнего достигают иногда толщины в руку.

Паначев рассказывал, что расстояние от Загорной до Кокшаровки он налегке проходил в один день. Правда, один день он считал от рассвета до сумерек. А так как мы шли с вьюками довольно медленно, то рассчитывали этот путь сделать в двое суток, с одной только ночевкой в лесу.

Около полудня мы сделали большой привал. Люди тотчас же стали раздеваться и вынимать друг у друга клещей из тела. Плохо пришлось Паначеву. Он все время почесывался. Клещи набились ему в бороду и в шею. Обобрав клещей с себя, казаки принялись вынимать их у собак. Умные животные отлично понимали, в чем дело, и терпеливо переносили операцию. Совсем не то лошади: они мотали головами и сильно бились. Пришлось употребить много усилий, чтобы освободить их от паразитов, впившихся в губы и веки глаз.

После чая Паначев опять пошел вперед, за ним стрелки с топорами, а через четверть часа после их ухода тронулись и вьюки.

— А ведь опять будет дождь, — сказал Мурзин.

— Не надолго! — ответил ему старовер. — К вечеру, бог даст, перестанет.

По его словам, если после большого ненастья нет ветра и сразу появится солнце, то в этот день к вечеру надо снова ждать небольшого дождя. От сырой земли, пригретой солнечными лучами, начинают подыматься обильные испарения. Достигая верхних слоев атмосферы, пар конденсируется и падает на землю мелким дождем.

Паначев оказался прав. Часов в пять вечера начало моросить; незадолго до сумерек дождь перестал, и тучи рассеялись. Какой-то особенно нежный свет разлился по всему лесу. Это была последняя улыбка солнца. Начавшая было засыпать жизнь в лесу встрепенулась: забегали бурундуки, послышались крики иволги и удода. Но вот свет на небе начал гаснуть; из-под старых елей и кустов поднялись ночные тени. Пламя от костра стало светлее. Около него толпились люди... Паначев сидел в стороне и молча ел хлеб, подбирая крошки. Казаки разбирали вьюки, ставили комарники и готовили ужин. Некоторые из них разделись донага, собирали с белья клещей и нещадно ругались.

— А что, дядя, сколько будет верст до Кокшаровки?—спросил старовера Белоножкин.

— А кто его знает! Разве кто тайгу мерил? Тайга, так тайга и есть! Завтра надо бы дойти, — ответил старовер.

В этом «надо бы дойти» слышалась неуверенность.

— Ты хорошо эти места знаешь? — продолжал допрашивать его казак.

— Да не шибко хорошо. Два раза ходил и не блудил. Ничего, господь даст, пройдем помаленьку.

Покончив ужин, Паначев, не смущаясь присутствием посторонних, помолился, потом взял свой топор и стал подтачивать его на камне.

Следующий день был первое июня. Утром, когда взошло солнце, от ночного тумана не осталось и следа. Первым с бивака тронулся Паначев. Он снял шапку, перекрестился и пошел вперед, высматривая затески. Два стрелка помогали ему расчищать дорогу.

Путешествие по тайге всегда довольно однообразно. Сегодня — лес, завтра — лес, послезавтра — опять лес. Ручьи, которые приходится переходить вброд, заросшие кустами, заваленные камнями, с чистой прозрачной водой, сухостой, валежник, покрытый мхом, папоротники удивительно похожи друг на друга. Вследствие того, что деревья постоянно приходится видеть близко перед собой, глаз утомляется и ищет

простора. Чувствуется какая-то неловкость в зрении, является непреодолимое желание смотреть вдаль.

Иногда среди темного леса вдруг появляется просвет. Неопытный путник стремится туда и попадает в бурелом. Просвет в лесу в большинстве случаев означает болото или место пожарища, ветролома. Не всегда бурелом можно обойти стороной.

Если поваленные деревья невелики, их перерубают топорами, если же дорогу преграждает большое дерево, его стесывают с боков и сверху, чтобы дать возможность перешагнуть лошадям. Все это задерживает вьюки, и потому движение с конями по тайге всегда очень медленно.

Если итти по лесу без работы, то путешествие скоро надоедает.

Странствовать по тайге можно только при условии, если целый день занят работой. Тогда не замечаешь, как летит время, забываешь невзгоды и миришься с лишениями.

Путевые записки необходимо делать безотлагательно на месте наблюдения. Если это не сделать, то новые картины, новые впечатления заслоняют старые образы, и виденное забывается. Эти путевые заметки можно делать на краях планшета или в особой записной книжке, которая всегда должна быть под рукой. Вечером сокращенные записки подробно заносятся в дневники. Этого тоже никогда не следует откладывать на завтра. Завтра будет своя работа.

Так как тропа в лесу часто кружит и делает мелкие извилины, которые по масштабу не могут быть нанесены на планшет, то съемщику рекомендуется итти сзади на таком расстоянии, чтобы хвост отряда можно было видеть между деревьями. Направление берется по последней лошади. Если же отряд идет быстрее, чем это нужно съемщику, то, чтобы не задерживать коней с вьюками, приходится отпускать их вперед, а с собой брать одного стрелка, которому поручается итти по следам лошадей на таком расстоянии от съемщика, чтобы последний мог постоянно его видеть. В чаще, где ничего не видно, направление приходится брать по звуку, например, по звону колокольчика, ударом палки о дерево, окриками, свистками и т. д.

В пути наш отряд разделился на три части. Рабочий авангард под начальством Гранатмана, с Паначевым во главе, шел впереди, затем следовали вьюки под командой Мерзлякова. Остальные участники экспедиции шли сзади. Вперед мы подвигались очень медленно. Приходилось часто останавливаться и ожидать, когда впереди рабочие прорубят дорогу. Около полудня кони вдруг совсем встали.

— Трогай! — кричали сзади нетерпеливые.

— Обожди! Старовер затески потерял,— отвечали передние.

— А где сам-то он?

— Да пошел вперед искать дорогу.

Прошло минут двадцать. Наконец, Паначев вернулся. Достаточно было взглянуть на него, чтобы догадаться, в чем дело. Лицо его было потное, усталое, взгляд растерянный, волосы растрепанные.

— Ну что, есть затески? — спросил его Гранатман.

— Нету! — отвечал старовер. — Они, должно, левее остались. Нам надо так итти, — сказал он, указывая рукой на северо-восток.

Пошли дальше. Теперь Паначев шел уже не так уверенно, как раньше: то он принимал влево, то бросался в другую сторону, то заворачивал круто назад, так что солнце, бывшее дотоле у нас перед лицом, оказывалось назади. Видно было, что он шел наугад. Я пробовал его останавливать и расспрашивать, но от этих расспросов он еще более терялся. Собран был маленький совет, на котором П. К. Рутковский высказался за возвращение назад до затесок, но Паначев говорил, что он пройдет и без дороги и, как только подымется на перевал и осмотрится, возьмет верное направление.

Надо было дать вздохнуть лошадям. Их расседлали и пустили на подножный корм. Казаки принялись варить чай, а Паначев и Гранатман полезли на соседнюю сопку. Через полчаса они возвратились. Гранатман сообщил, что, кроме гор, покрытых лесом, он ничего не видел. Паначев имел смущенный вид и хотя уверял нас, что место это ему знакомо, но в голосе его звучало сомнение.

Едва мы тронулись с привала, как попали в такой буерак, из которого не могли выбраться до самого вечера. Паначев вел нас как-то странно. То мы карабкались на гору, то шли косогором, то уже опять спускались в долину. Обыкновенно, когда заблудишься, то уже идешь без расчета.

Целый день мы были в пути и стали там, где застигла ночь. Невесело было на биваке. Сознание, что мы заблудились, действовало на всех угнетающим образом. Особенно грустным казался Паначев. Он вздыхал, посматривал на небо, ерошил волосы на голове и хлопал руками по полам своего армяка.

— Ты клещей-то из бороды вытащи, — говорили ему стрелки.

—Вот беда-то! — говорил он сам с собой. — Как на грех потерял затески!

Надо было выяснить, каковы наши продовольственные запасы. Уходя из Загорной, мы взяли с собой хлеба по расчету на три дня. Значит, на завтра продовольствия еще хватит, но что будет, если завтра мы не выйдем к Кокшаровке? На вечернем совещании решено было строго держаться восточного направления и не слушать более Паначева.

На другой день чуть свет мы были уж на ногах. В том положении, в котором мы находились, поспешность была необходима.

Пройдя километра два с половиной от бивака, мы вдруг совершенно неожиданно наткнулись на затески. Они были старые, заплывшие.

— Чьи это затески? — спросил Мерзляков.

— Китайские, — отвечал Паначев.

— Значит, и у вас в тайге есть китайцы? — спросили его казаки.

— Где их нет? — ответил старовер. — В тайге насквозь китайцы. Куда только ни пойдешь, везде их найдешь.

Затески были наделаны часто и шли в желательном для нас направлении, поэтому мы решили итти по ним, пока возможно. Паначев потому и заблудился, что свои знаки он ставил редко. Он упустил из виду, что со временем они потускнеют и на большом расстоянии будут видны плохо.

Идя по линии затесок, мы скоро нашли соболиные ловушки. Некоторые из них были старые, другие — новые, видимо, только что выстроенные. Одна ловушка преграждала дорогу. Кожевников поднял бревно и сбросил его в сторону. Под ним что-то лежало. Это оказались кости соболя. Очевидно, вскоре после того, как зверек попал в ловушку, его завалило снегом. Странно, почему китаец не осмотрел свои ловушки перед тем, как уйти из тайги. Быть может, он обходил их, но разыгравшаяся буря помешала ему дойти до крайних затесок, или он заболел и не мог уже более заниматься охотой. Долго ждал пойманный соболь своего хозяина, а весной, когда стаял снег, вороны расклевали дорогого хищника, и теперь от него остались только клочки шерсти и мелкие кости.

Я вспомнил Дерсу. Если бы он теперь был с нами, мы узнали бы, почему соболь остался в ловушке. Гольд наверно нашел бы дорогу и вывел бы нас из затруднительного положения.

К полудню мы поднялись на лесистый горный хребет, который тянется здесь в направлении от С.-С.-В. на Ю.-Ю.-З. и, в среднем, имеет высоту около полукилометра. Сквозь деревья можно было видеть другой такой же перевал, а за ним еще какие-то горы. Сверху гребень хребта казался краем громадной чаши, а долина — глубокой ямой, дно которой терялось в тумане.

Обсудив наше положение, мы решились спуститься в долину и итти по течению воды. Восточный склон хребта был крутой, заваленный буреломом и покрытый осыпями. Пришлось спускаться зигзагами, что отняло много времени. Ручей, которого мы придерживались, скоро стал забирать на юг; тогда мы пошли целиной и пересекли еще несколько горных отрогов.

Паначев работал молча: он попрежнему шел впереди, а мы плелись за ним сзади. Теперь уже было все равно. Исправить ошибку нельзя, и оставалось только одно: итти по течению воды до тех пор, пока она не приведет нас к р. Улахе. На

большом привале я еще раз проверил запасы продовольствия. Выяснилось, что сухарей хватит только на сегодняшний ужин, поэтому я посоветовал сократить дневную дачу.

Густой смешанно-хвойный лес, по которому мы теперь шли, имел красивый и декоративный вид. Некоторые деревья поражали своими размерами. Это были настоящие лесные великаны, от 20 до 30 м высоты и от 2 до 3 м в обхвате. На земле среди зарослей таволги, лещины и лespедецы валялось много колодника, покрытого цветистыми лишаями и мхами. По сырым местам тысячами разрослись пышные папоротники, вайи которых достигают 0,9 м длины. По внешнему виду растения эти походят на гигантские зеленые лилии.

В Уссурийской тайге растет много цветковых растений. Прежде всего в глаза бросается ядовитая чемерица с грубыми остроконечными плойчатыми листьями и белыми цветами, затем — бадьян с овально-ланцетовидными листьями и ярко-розовыми цветами, выделяющими обильные эфирные масла. Синими цветами из травянистых зарослей выделялся борец с зубчатыми листьями, рядом с ним — башмачки с большими ланцетовидными листьями, нежные василистники с характерными яркими цветами, большие огненно-красные зорки с сидячими овально-ланцетовидными листьями и группы оранжевых троллиусов.

Несмотря на постигшую нас неудачу, мы не могли быть равнодушными к красотам природы. Художники, ботаники или просто любители природы нашли бы здесь неистощимые материалы для своих наблюдений.

Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют ее «гнусом». Уссурийская мошка — истинный бич тайги. После ее укуса сразу открывается кровоточивая ранка. Она ужасно зудит, и чем больше расчесывать ее, тем зуд становится сильнее. Когда мошки много, ни на минуту нельзя снять сетку с лица. Мошка слепит глаза, набивается в волосы, уши, забивается в рукава и нестерпимо кусает шею. Лицо опухает, как при рожистом воспалении.

Дня через два или три организм вырабатывает иммунитет, и опухоль спадает.

Люди могли защищаться от гнуса сетками, но лошадям пришлось плохо. Мошкара разъела им губы и веки глаз. Бедные животные трясли головами, но ничего не могли поделать со своими маленькими мучителями.

Самой рациональной защитой от мошкары является сетка. Металлической сетки никогда одевать не следует. Она сильно нагревается. Лучше мучиться от мошкары, чем задыхаться в горячем воздухе, насыщенном еще вдобавок собственными испарениями. Кисейная сетка непрочна, она все время цепляется за сучки и рвется. В образовавшееся отверстие набиваются насекомые, и тогда от них можно освободиться только

снимании головного убора. Лучшая сетка — волосяная, она достаточно прочна и не так нагревается от солнца, как металлическая. Некоторые рекомендуют мазаться вазелином. Я пробовал, и могу сказать, что это средство никуда не годится. Во-первых, к вазелину прилипают насекомые. Они шевелятся и щекочут лицо. Другое неудобство заключается в том, что вазелин тает и смывается потом. Разные пахучие масла, вроде гвоздичного, еще хуже. Они проникают в раскрытые поры и жгут, как крапивой. Самое лучшее средство — терпенье. Нетерпеливого человека гнус может довести до слез.

Запасшись этим средством, мы шли вперед до тех пор, пока солнце совсем не скрылось за горизонтом. Паначев тотчас же пошел на разведку. Было уже совсем темно, когда он возвратился на бивак и сообщил, что с горы видел долину Улахе и что завтра к полудню мы выйдем из леса. Люди ободрились, стали шутить и смеяться.

Незатейлив был наш ужин. Оставшиеся от сухарей крошки в виде муки были розданы всем поровну.

Часов в восемь вечера на западе начала сверкать молния, и послышался отдаленный гром. Небо при этом освещении казалось иллюминованным. Ясно и отчетливо было видно каждое отдельное облачко. Иногда молнии вспыхивали в одном месте, и мгновенно получались электрические разряды где-нибудь в другой стороне. Потом все опять погружалось в глубокий мрак. Стрелки начали было ставить палатки и прикрывать брезентами седла, но тревога оказалась напрасной. Гроза прошла стороной. Вечером зарницы долго еще играли на горизонте.

Утром, как только мы отошли от бивака, тотчас же наткнулись на тропу. Она оказалась звероной и шла куда-то в горы. Паначев повел нас по ней. Мы начали было беспокоиться, но оказалось, что на этот раз он был прав. Тропа привела нас к звероной фанзе. Теперь смешанный лес сменился лиственным редколесьем. Почуяв конец пути, лошади прибавили шаг. Наконец, показался просвет, и вслед за тем мы вышли на опушку леса. Перед нами была долина р. Улахе. Множество признаков указывало на то, что деревня недалеко.

Через несколько минут мы подошли к реке и на другом ее берегу увидели Кокшаровку. Старообрядцы подали нам лодки и перевезли на них седла и вьюки. Понукать лошадей не приходилось. Умные животные отлично понимали, что на той стороне их ждет обильный корм. Они сами вошли в воду и переплыли на другую сторону реки.

После этого перехода люди очень устали, лошади тоже нуждались в отдыхе. Мы решили простоять в Кокшаровке трое суток.

Воспользовавшись этим временем, я отправился к китайской деревне Нотохоуза, расположенной около устья р. Ното-

хе. Последняя получила свое название от китайского слова «науту» (ното), что значит «енот». Такое название китайцы дали реке по той причине, что раньше здесь водилось много этих животных.

Деревня Нотохоуза — одно из самых старых китайских поселений в Уссурийском крае. Во времена Венюкова (1857 г.) сюда со всех сторон стекались золотопромышленники, искатели женьшеня, охотники и звероловы. Старинный путь, которым уссурийские китайцы сообщались с постом Ольги, лежал именно здесь. Вьючные караваны их шли мимо Ното по р. Фудзину через Сихотэ-Алинь к морю. Этой дорогой предстояло теперь пройти и нам.

Выражение «река Улахе» состоит из трех слов: русского, маньчжурского и китайского, причем каждое из них означает одно и то же — «река». В переводе получается что-то странное — «Река-река-река».

Улахе течет в направлении к С.-С.-В. по продольной межскладчатой долине. Она шириной около 120 м и глубиной, в среднем, 1,8 м. Продолжением ее тектонической долины будут долины нижнего Ното и его притока Себучара[63], текущих ей навстречу.

Из притоков Улахе самые большие: слева — Табахеза[64] и Синанца. Название последней показывает направление ее течения (си — запад, нан — юг и ца — разветвление, т. е. юго-западный приток). С правой стороны в нее впадает много речек: Янмутьхоуза[65], Тудагоу, Эрлдагоу, Сандагоу, Сыдагоу. Затем дальше идут Фудзин и Нотохе, о которой говорилось выше. Все эти реки берут начало с Сихотэ-Алиня[66]. Самым большим притоком Улахе, бесспорно, будет р. Янмутьхоуза. Ее, собственно, и следует считать за начало Уссури. По ней можно выйти на берег моря к бухтам Ванчин и Валентин. Горные хребты, окаймляющие долину справа и слева, дают в стороны длинные отроги, поросшие густыми смешанными лесами и оканчивающиеся около реки небольшими сопками в 400—500 м высоты.

Долина Улахе является одной из самых плодородных местностей в крае. По ней растут в одиночку большие старые вязы, липы и дубы. Чтобы они не заслоняли солнца на огородах, китайцы снимают с них кору около корней. Деревья подсыхают и затем идут на топливо.

День был чрезвычайно жаркий. Небесный свод казался голубой хрустальной чашей, которой как будто нарочно прикрывали землю, точно так, как прикрывают молодые всходы, чтобы они скорее росли, — и от этого именно так душно и жарко. Ни дуновения ветерка внизу, ни одного облачка на небе. Знойный воздух реял над дорогой. Деревья и кусты оцепенели от жары и поникли листвой. Река текла тихо, бесшумно. Солнце отражалось в воде, и казалось, будто светят два солнца: одно сверху, а другое откуда-то снизу. Все мелкие

животные попрятались в своих норах. Одни только птицы проявляли признаки жизни. У маньчжурского жаворонка хватило еще сил описывать круги по воздуху и звонким пением приветствовать жаркое лето. В редколесье около дороги я заметил двух голубых сорок. Осторожные, хитрые птицы эти прыгали по веткам, ловко проскальзывали в листве и пугливо озирались по сторонам. В другом месте, в старом болотистом протоке, я вспугнул северную плиску — маленькую серо-зеленую птичку с желтым брюшком и желтой шеей. Она поднялась на воздух, чтобы улететь, но увидела стрекозу и, нимало не смущаясь моим присутствием, принялась за охоту.

После полудня опять появилось много гнуса. Я прекратил работу и пошел в деревню. По дороге меня догнал табун крестьянских лошадей. Кони брыкались, мотали головами и били себя хвостами. Слепни и оводы гнались за ними тучей. Увидев в стороне кусты, весь табун бросился туда. Ветви хлестали животных по ногам, по брюху. Это было единственное средство согнать крылатых кровопийцев. В деревне уже ждали лошадей; около дворов курились дымокуры. Добежав до костров, лошади уткнулись мордами чуть ли не в самый огонь. На них жалко было смотреть. Широко раздув ноздри, они тяжело и порывисто дышали. Все тело их было покрыто каплями крови, в особенности круп, губы, шея и холка, т. е. такие места, которые лошадь не может достать ни хвостом, ни зубами.

Следующий день был еще более томительный и жаркий. Мы никуда не уходили, сидели в избах и расспрашивали староверов о деревне и ее окрестностях. Они рассказывали, что Кокшаровка основана в 1903 г., что в ней 22 двора и что это последнее русское селение. Далее по Фудзину живут только китайцы, которые занимаются охотой, исканием женьшеня и соболеванием.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ДОЛИНА ФУДЗИНА

Китайская земледельческая фанза. — Варка пантов. — Аноффриев в роли начальника отряда. — Крушение лодки. — Подлесье в тайге. — Лесные птицы. — Встреча с промышленником.

Шестого июня мы распрощались с Кокшаровкой. Наши лошади отдохнули и теперь шли гораздо бодрее, несмотря на то, что слепней и мошек было так же много, как и вчера. Особенно трудно было итти задним. Главная масса мошкары держится в хвосте отряда. В таких случаях рекомендуется по очереди менять местами людей и лошадей.

От деревни Кокшаровки дорога идет правым берегом Улахе, и только в одном месте, где река подымает утесы, она удаляется в горы, но вскоре опять выходит в долину. Река Фудзин имеет направление течения широтное, но в низовьях постепенно заворачивает к северу и сливается с Улахе километра на два ниже левого края своей долины.

Рододендроны были теперь в полном цвету, и от этого скалы, на которых они росли, казались пурпурно-фиолетовыми.

Долину Фудзина можно назвать луговой. Старый дуб, ветвистая липа и узловатый осокорь растут по ней одиночными деревьями. Невысокие горы по сторонам покрыты смешанным лесом с преобладанием пихты и ели.

Дикая красота долины смягчалась присутствием людей. Точно перепелки, попрятавшиеся от охотника, там и сям между деревьями виднелись серенькие китайские фанзы. Они имели уютный вид. Все вокруг носило характер мира, тишины и трудолюбия. Около фанз широко раскинулись хлебные поля и огороды. Чего только здесь не было: пшеница, кукуруза, чумиза, овес, мак снотворный, бобы, табак и множество других растений, которых я не знаю. Ближе к фанзам росли: фасоль, картофель, редька, тыква, дыня, капуста, салат, брюква, огурцы, помидоры, лук разных сортов и горошек. В полях всюду виднелись синие фигуры китайцев. Они прекратили работы и долго провожали нас глазами. Появление военного отряда, видимо, их сильно смущало, а наличие вьючных коней указывало, что отряд этот идет издалека и далеко.

Я направился к одной фанзе. Тут на огороде работал глубокий старик. Он полол грядки и каждый раз, нагибаясь, стонал. Видно было, что ему трудно работать, но он не хотел жить праздно и быть другим в тягость. Рядом с ним работал другой старик — помоложе. Он старался придать овощам красивый вид, оправлял их листья и подрезал те, которые разрослись и выделялись из общего уровня. Когда мы подошли, оба старика приветствовали нас по-своему и затем, вытерев лицо грязной тряпицей, поплелись сзади.

Фанза, к которой мы подошли, состояла из трех построек, расположенных «покоем»: из жилой фанзы — посредине и двух сараев — по сторонам. Двор между ними, чисто выметенный и прибранный, был обнесен высоким частоколом в уровень с сараями. Почуяв посторонних людей, собаки подняли неистовый лай и бросились к нам навстречу. На шум из фанзы вышел сам хозяин. Он тотчас распорядился, чтоб рабочие помогли нам расседлать коней.

Китайская фанза — оригинальная постройка. Стены ее сложены из глины; крыша двухскатная, тростниковая. Решетчатые окна, оклеенные бумагой, занимают почти весь ее передний фасад, зато сзади и с боков окон не бывает вовсе. Рамы устроены так, что они подымаются кверху и свободно могут выниматься из своих гнезд. Замков ни у кого нет. Дверь прикрывается не от людей, а для того, чтобы туда случайно не зашли собаки.

Внутри фанзы, по обе стороны двери, находятся низенькие печки, сложенные из камня с вмазанными в них железными котлами. Дымовые ходы от этих печей идут вдоль стен под канами и согревают их. Каны сложены из плитнякового камня и служат для спанья. Они шириной около 2 м и прикрыты соломенными циновками. Ходы выведены наружу в длинную трубу, тоже сложенную из камня, которая стоит немного в стороне от фанзы и не превышает конька крыши. Спят китайцы всегда голыми, головой внутрь фанзы и ногами к стене.

Деревянной перегородкой фанза делится на две половины. В меньшей помещается сам хозяин и его компаньон, в большей — рабочие. Посредине фанзы на треножнике стоит котел, наполненный песком и золой. Это жаровня, куда складываются горящие угольи из печей, когда пища сварена и каны достаточно нагреты. Если нужно согреть пищу, китайцы разводят огонь прямо в жаровне. Вследствие этого в жилом помещении всегда дымно и пыльно. Потолка в фанзе нет, крыша поставлена непосредственно на стены. Деревянные балки, кедровое корье и даже солома до того прокоптились, что стали черными и блестящими. Все предметы, находящиеся выше роста человека, тоже закопчены и покрыты толстым слоем пыли.

Хозяин фанзы пригласил нас в свое помещение. Здесь было несколько чище, чем у рабочих. Около стен стояли большие сундуки с наклеенными на них красными бумажками с новогодними иероглифическими письменами. Прямо против входа было устроено нечто вроде кумирни, а около нее на столе подсвечники с красными свечами, какие-то желтые коробочки и запыленные бутылочки. Рядом на стенках висели размалеванные картины, характерные для китайского художества по отсутствию в них перспективы и изображающие исторические театральные сцены, что легко узнать по костюмам, заученным позам актеров и по их раскрашенным физиономиям.

Хозяин разостлал на кане новое ватное одеяло, поставил маленький столик и налил нам по кружке чаю. Китайский чай дает навар бледножелтый, слабый, но удивительно ароматный; его надо пить без сахара — сладкий он неприятен.

Первые вопросы, с которыми обратились ко мне китайцы, были такие:

— Сзади еще идут люди или нет?

— Сколько у вас людей?

Сначала я возмущался такими вопросами, усматривая в них злое намерение, но впоследствии убедился, что эта справка нужна им только для того, чтобы знать, на сколько людей надо готовить ужин.

Мы расположились в фанзе, как дома. Китайцы старались предупредить все наши желания и просили только, чтобы не пускать лошадей на волю, дабы они не потравили полей. Они дали коням овса и наносили травы столько, что ее хватило бы до утра на отряд вдвое больший, чем наш.

Все исполнялось быстро, дружно и без всяких проволочек.

После сытного обеда из вареной курицы, яиц, жареного картофеля и лепешек, испеченных на бобовом масле, я пошел осматривать сараи.

Половина одной постройки предназначалась для выгонки спирта. Тут были две заторных ямы, перегонный куб и посуда. На стеллажах под крышей рядами лежали «сулевые»[67] кирпичи. По мере надобности их опять укладывают в яму и смачивают

водой. От этого они набухают и разваливаются. Затору дают побродить немного и затем лопатами насыпают в котел, над которым ставят деревянный бездонный чан, а поверх него еще другой котел с холодной водой. Винные пары оседают на холодном днище верхнего котла и по приемнику выходят наружу.

В другой половине помещалась мельница, состоящая из двух жерновов, из которых нижний был неподвижный. Мельница приводится в движение силой лошади. С завязанными глазами она ходит вокруг и вращает верхний камень. Мука отделяется от отрубей при помощи сита. Оно помещается в особом шкафу и приводится в движение ногами человека. Он же следит за лошадью и подсыпает зерно к жерновам.

Рядом с мельницей была кладовая, где хранились зерновые продукты и вообще разное имущество. Здесь были шкуры зверей, оленьи панты, медвежья желчь, соболья и беличья меха, бумажные свечи, свертки с чаем, новые топоры, плотничьи и огородные инструменты, луки, настораживаемые на зверей, охотничье копье, фитильное ружье, приспособления для носки на спине грузов, одежда, посуда, еще не бывшая в употреблении, китайская синяя даба, белая и черная материя, одеяла, новые улы, сухая трава для обуви, веревки и тулузы[68] с маслом. В таких же, но только маленьких тулузах китайцы в походе носят бобовое масло. Пробкой обыкновенно служит кочерыжка кукурузы, обмотанная тряпицей. Изготовление маленьких тулузов явилось следствием недостатка стеклянной и глиняной посуды.

Постройка с правой стороны двора служила конюшней для лошадей и хлевом для рогатого скота. Изъеденная колода и обгрызанные столбы свидетельствуют о том, что лошадям зимой дают мало сена. Китайцы кормят их резкой соломы вперемешку с бобами. Несмотря на это, лошади у них всегда в хорошем теле.

От фанзы шла маленькая тропинка. Я пошел по ней. Тропинка привела меня к кумирне, сколоченной из досок и украшенной резьбой. В ней была повешена картинка, изображающая бога стихий «Лун-ван-е», окруженного другими богами. Все они имели цветные гневные лица. Перед богами стояли маленькие фарфоровые чашечки, в которые, вероятно, наливали спирт во время жертвоприношения. Впереди кумирни стояли два фигурных столба с украшениями.

Позади фанзы и несколько в стороне была большая груда дров, аккуратно наколотых, но еще аккуратнее сложенных в круглый штабель, по внешнему виду похожий на стог сена.

В соседней фанзе варили панты. Я пошел туда посмотреть, как производится эта операция. Варка происходила на открытом воздухе. Над огнем на трех камнях стоял котел, наполненный водой. Китаец-пантовар внимательно следил за тем, чтобы вода была горячей, но не кипела. В руках у него была

деревянная разливалка, к которой бечевками привязаны молодые оленьи рога. Обмакнув панты в воду, он давал им немного остынуть, сдувая ртом пар, затем опять погружал их в котел и опять остужал дуновением. Варка пантов производится ежедневно до тех пор, пока они не потемнеют и не сделаются твердыми. В этом виде они могут храниться много лет. Если передержать их в горячей воде дольше двух-трех секунд за раз, они лопнут и потеряют ценность.

Когда я возвращался назад, день уже кончился. Едва солнце коснулось горизонта, как все китайцы, словно по команде, прекратили свои работы и медленно, не торопясь, пошли домой. В поле никого не осталось.

Возвратись в фанзу, я принялся за дневник. Тотчас ко мне подсели два китайца. Они следили за моей рукой и удивлялись скорописи. В это время мне случилось написать что-то машинально, не глядя на бумагу. Крик восторга вырвался из их уст. Тотчас с кана соскочило несколько человек. Через пять минут вокруг меня стояли все обитатели фанзы, и каждый просил меня проделать то же самое, еще и еще, бесконечное число раз.

Жидкая кукурузная кашица, немного соленых овощей и два хлебца из темной пшеничной муки — вот все, что составляет вечернюю трапезу рабочих-китайцев. Сидя на корточках за маленьким столиком, они ели молча. После ужина китайцы разделись и легли на каны. Некоторые курили табак, другие пили чай. Теперь все разговаривали. В фанзе было два посторонних человека, пришедших с р. Ното. Они что-то горячо рассказывали, а слушатели время от времени выражали свое удивление возгласами «айя-хан». Такая беседа длилась около часа. Наконец, разговор мало-помалу стал затихать и незаметно перешел в храп. Только в одном углу еще долго горела масляная лампочка. Это старик-китаец курил опий.

Видя меня сидящим за работой в то время, когда другие спят, китайцы объяснили это по-своему. Они решили, что я не более, как писарь, и что главный начальник — Анофриев. Заключили они это потому, что последний постоянно кричал на них, ругался и гнал из чистой половины в помещение для рабочих. Я вспомнил, что и в других фанзах было то же самое. Китайцы боялись его, как огня. Когда кому-нибудь в отряде не удавалось чего-либо добиться от них, стоило только обратиться к Анофриеву, и тотчас же китайцы становились покорными и без всяких пререканий исполняли приказания. Очевидно, весть о том, кто начальник в отряде, передавалась из фанзы в фанзу. И с этим ничего нельзя было поделать. Когда на другое утро я проснулся и попросил у китайцев чаю, они указали на спящего Анофриева и шопотом сказали мне, что надо подождать, пока не встанет «сам капитан». Я разбудил Анофриева и попросил его сделать распоряжение. Он

прикрикнул на китайцев, те сразу засуетились и тотчас подали мне чай и булочки, испеченные на пару.

Расплатившись с хозяином фанзы, мы отправились дальше вверх по р. Фудзину.

Горы с левой стороны долины состоят из базальтовой лавы, которая в обнажениях, под влиянием атмосферных агентов, принимает красно-бурую окраску. По вершинам их и кое-где по склонам виднеются осыпи. Издали они кажутся серыми плешинами. Эти сопки изрезаны распадками и покрыты дубовым редколесьем.

С правой стороны Фудзина тянется массивный горный кряж, поросший густым хвойно-смешанным лесом.

К полудню отряд наш дошел до того места, где долина делает крутой поворот на север. Пройдя в этом направлении километра три, она снова поворачивает к востоку.

На другой стороне реки виднелась фанза. Здесь жили два китайца. Один из них был хромой, другой слепой.

Вода в реке стояла на прибыли, и потому вброд ее перейти было нельзя. У китайцев нашлась небольшая лодка. Мы перевезли в ней седла и грузы, а коней переправили вплавь.

За последние дни лошади сильно похудели. Днем они были в работе, а ночью страдали от гнуса. Они не хотели пастись на траве и все время жались к дымокурам. Чтобы облегчить их работу, я решил часть грузов отправить в лодке с двумя стрелками. Китайцы охотно уступили ее нам за недорогую цену. Но не суждено было ей совершить это плавание. Как только она вышла на середину реки, один из пассажиров потерял равновесие и упал. Лодка тотчас перевернулась. Стрелки умели плавать и без труда добрались до берега, но ружья, топоры, запасные подковы, пила и ковочный инструмент утонули.

Лодку скоро задержали, но впопыхах потеряли место, где произошло крушение.

В команде нашлись два человека (Мурзин и Мелян), которые умели нырять. До самых сумерек они бродили по воде, щупали шестами, закидывали веревки с крючьями, но все было напрасно.

Следующий день (8 июня) ушел на поиски в воде ружей. Мы рассчитывали, что при солнце будет лучше видно дно реки, но погода, как на грех, снова испортилась. Небо покрылось тучами, и стало моросить. Тем не менее, после полудня Меляну удалось найти два ружья, ковочный инструмент, подковы и гвозди. Удовольствовавшись этим, я приказал собираться в дорогу.

Нет худа без добра. Случилось так, что последние две ночи мошки было мало; лошади отдохнули, выкормились. Злополучную лодку мы вернули китайцам и в два часа дня тронулись в путь.

Погода нам благоприятствовала. Было прохладно и морочно [69]. По небу бежали кучевые облака и заслоняли собой солнце.

Дальше Фудзин делает излучину в виде буквы «П». Отсюда тропа поворачивает направо в горы, что значительно сокращает дорогу. По пути она пересекает два невысоких кряжика и обильный водой источник.

В полдень у ручья я приказал остановиться. После чаю я не стал дожидаться, пока завьючат коней, и, сделав нужные распоряжения, пошел вперед по тропинке.

Во вторую половину дня состояние погоды не изменилось: попрежнему было сумрачно, но чувствовалось, что дождя не будет. Такой погодой всегда надо пользоваться. В это время можно много сделать и много пройти. Откуда-то берется энергия и, главное, совершенно не чувствуешь усталости. Гнус тоже исчез. При ветре мошка не может держаться в воздухе. Зато, если день солнечный и безветреный, мошек появляется чрезвычайно много. Им не так нужно солнце, как теплый и насыщенный парами воздух. Вот почему гнус всегда появляется перед дождем и в сумерки.

На втором перевале через горный отрог тропка разделилась. Одна пошла влево, а другая — прямо в лес. Первая мне показалась мало хоженой, а вторая — более торной. Я выбрал последнюю.

В течение дня из пернатых в здешних местах я видел уссурийского пестрого дятла. Эта бойкая и подвижная птица с белым, черным и красным оперением все время перелетала с одного дерева на другое, часто постукивала носом по коре и, казалось, прислушивалась, стараясь по звуку угадать, дуплистое оно или нет. Увидев меня, дятел спрятался за дерево и тотчас показался с другой его стороны. Он осторожно выглядывал оттуда одним глазом. Заметив, что я приближаюсь, он с криком перелетел еще дальше и вскоре совсем скрылся в лесу.

В стороне звонко куковала кукушка. Осторожная и пугливая, она не сидела на месте, то и дело шныряла с ветки на ветку и в такт кивала головой, подымая хвост кверху. Не замечая опасности, кукушка бесшумно пролетела совсем близко от меня, села на дерево и начала было опять куковать, но вдруг испугалась, оборвала на половине свое кукование и торопливо полетела обратно.

Из соседних кустов я выгнал вальдшнепа.

Он подпустил меня очень близко, но потом вдруг сорвался с места и полетел низко над землей, ловко лавируя между деревьями. В тех местах, где заросли были гуще, держались серые сорокопуты. Заметив подходившего человека, они подняли сильное стрекотание. Небольшие птицы с сердитым взглядом и с клювом, как у хищника, они поминутно то взлетали на ветви деревьев, то опускались на землю, как будто что-то

клевэли в траве, затем опять взлетали наверх и ловко прятались в листве. Около воды по опушкам держались китайские иволги и сибирские соловьи. Они выдавали себя своим пением. Иволги, красивые оранжево-желтые птицы, величиной с голубя, сидели на высоких деревьях. Несмотря на величину и яркое оперение, увидеть их всегда трудно. Вторые — серые птички с красным горлом — также предпочитали держаться в зарослях около воды. Голос сибирского соловья не такой богатый, как у соловья, обитающего в Европе. После короткого пения сразу наступает щелканье и стрекотанье. По голосу я сначала даже и не принял его за соловья, но потом разглядел и признал в нем пернатого музыканта.

Моя тропа заворачивала все больше к югу. Я перешел еще через один ручей и опять стал подыматься в гору. В одном месте я нашел чей-то бивак. Осмотрев его внимательно, я убедился, что люди здесь ночевали давно и что это, по всей вероятности, были китайские охотники.

Лес становился гуще и крупнее: кое-где мелькали тупые вершины кедров и остроконечные ели, всегда придающие лесу угрюмый вид. Незаметно для себя я перевалил еще через один хребтик и спустился в соседнюю долину. По дну ее бежал шумный ручей.

Усталый, я сел отдохнуть под большим кедром и стал рассматривать подлесье. Тут росли: даурская крушина с овальнозаостренными листьями и мелкими белыми цветами, многолистый шиповник, небольшой кустарник с сильно колючими ветвями и желтая акация с яркозолотистыми венчиками. Там и сям среди кустарников высились: зонтичная ангелика, вороний глаз с расходящимися во все стороны узкими ланцетовидными листьями и особый вид папоротника с листьями, напоминающими развернутое орлиное крыло, и вследствие этого называемый в просторечии «орляком».

Вдруг издали донеслись до меня какие-то однообразные и заунывные звуки. Они приближались, и вслед затем я услышал совсем близко над своей головой шум птичьего полета и глухое воркованье. Тихонько я поднял голову и увидел восточносибирскую лесную горлицу. По неосторожности я что-то выронил из рук, горлица испугалась и стремительно скрылась в чаще. Потом я увидел восточного седоголового дятла. Эта лазящая птица с зеленовато-серым оперением и с красным пятном на голове, подвижная и суетливая, выражала особенное беспокойство, видимо, потому, что я сидел неподвижно. Она перелетала с одного места на другое и так же, как и первый дятел, пряталась за деревья. По другому резкому крику я узнал кедровку. Вскоре я увидел ее самое — большеголовую, пеструю и неуклюжую. Она проворно лазала по деревьям, лущила еловые шишки и так пронзительно кричала, как будто хотела всему лесу оповестить, что здесь есть человек.

Наконец, мне наскучило сидеть на одном месте: я решил повернуть назад и итти навстречу своему отряду. В это время до слуха моего донесся какой-то шорох. Слышно было, как кто-то осторожно шел по чаще. «Должно быть, зверь», — подумал я и приготовил винтовку. Шорох приближался.

Притаив дыхание, я старался сквозь чащу леса рассмотреть приближающееся животное. Вдруг сердце мое упало — я увидел промышленника. По опыту прежних лет я знал, как опасны встречи с этими людьми.

В тайге Уссурийского края надо всегда рассчитывать на возможность встречи с дикими зверями. Но самое неприятное — это встреча с человеком. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. В таких случаях и охотник, и зверь — каждый знает, что надо делать. Другое дело человек. В тайге один бог свидетель, и потому обычай выработал особую сноровку. Человек, завидевший другого человека, прежде всего должен спрятаться и приготовить винтовку.

В тайге все бродят с оружием в руках: туземцы, китайцы, корейцы и зверопромышленники. Зверопромышленник — это человек, живущий почти исключительно охотой. В большинстве случаев хозяйством его ведает отец, брат или кто-либо из близких родственников. Весьма интересно ходить с ним на охоту. У него много интересных приемов, выработанных долголетним опытом: он знает, где держится зверь, как его обойти, где искать подранка. Способность ориентироваться, устроиться на ночь во всякую погоду, умение быстро, без шума открывать зверя, подражать крику животных — вот отличительные черты охотника-зверопромышленника.

Но надо отличать зверопромышленника от промышленника. Насколько первый в большинстве случаев отличается порядочностью, настолько надо опасаться встречи со вторым. Промышленник идет в тайгу не для охоты, а вообще «на промысел». Кроме ружья, он имеет при себе саперную лопату и сумочку с кислотами. Он ищет золото, но при случае непрочь поохотиться за «косачами» (китайцами) и за «лебедями» (корейцами), непрочь угнать чужую лодку, убить корову и продать мясо ее за оленину.

Встреча с таким «промышленником» гораздо опаснее, чем встреча со зверем. Надо всегда быть готовым к обороне. Малейшая оплошность — и неопытный охотник погиб. Старые охотники с первого взгляда разбирают, с кем имеют дело — с порядочным человеком или с разбойником.

Передо мной был именно промышленник. Одет он был в какой-то странный костюм, наполовину китайский, наполовину русский. Он шел наискось мимо меня, сгорбившись, и все время оглядывался по сторонам. Вдруг он остановился, проворно сдернул с плеча свою винтовку и тоже спрятался за

дерево. Я понял, что он меня увидел. В таком положении мы пробыли несколько минут. Наконец, я решил отступать. Тихонько я пополз по кустам назад и через минуту добрался до другого большого дерева. Промышленник тоже отходил и прятался в кустах.

Тогда я понял, что он меня боится. Он никак не мог допустить, что я мог быть один, и думал, что поблизости много людей. Я знал, что если я выстрелю из винтовки, то пуля пройдет сквозь дерево, за которым спрятался бродяга, и убьет его. Но я тотчас же поймал себя на другой мысли: он уходил, он боится, и если я выстрелю, то совершу убийство. Я отошел еще немного и оглянулся. Чуть-чуть между деревьями мелькала его синяя одежда. У меня отлегло от сердца.

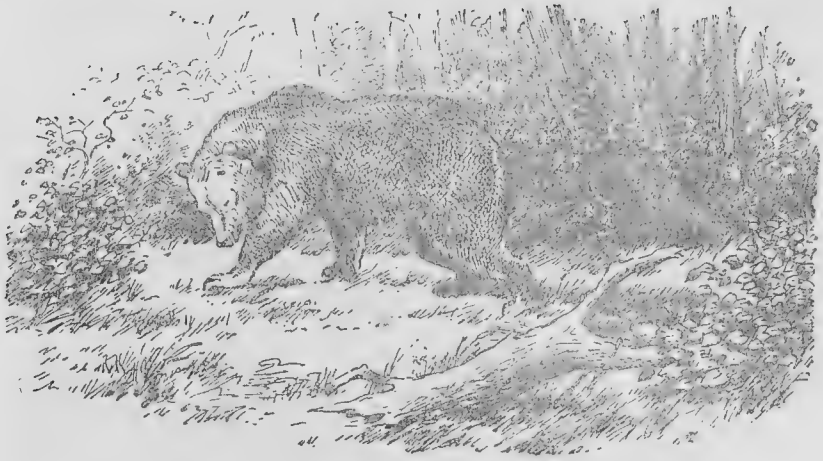
Осторожно от дерева к дереву, от камня к камню, я стал удаляться от опасного места и, когда почувствовал себя вне выстрелов, вышел на тропинку и спешно пошел назад к своему отряду.

Через полчаса я был на том месте, где расходились дороги. Я вспомнил уроки Дерсу и стал рассматривать обе тропы. Свежие конские следы шли влево.

Я пошел скорее и через полчаса подходил к Фудзину. За рекой я увидел китайскую фанзу, окруженную частоколом, а около нее на отдыхе наш отряд.

Местность эта называется Иолайза. Это была последняя земледельческая фанза. Дальше шла тайга — дикая и пустынная, оживающая только зимой на время соболевания.

Отряд ожидал моего возвращения. Я приказал расседлывать коней и ставить палатки. Здесь надо было в последний раз пополнить запасы продовольствия.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

СКВОЗЬ ТАЙГУ

Тазы. — Ловцы жемчуга. — Скрытность китайцев. — Лесная тропа. — Таза-охотник. — Сумерки в лесу. — Пищуха. — Бурундук. — Встреча с медведем. — Гнус.

После короткого отдыха я пошел осматривать тазовские фанзы, расположенные по соседству с китайскими. Аборигены Уссурийского края, обитающие в центральной части горной области Сихотэ-Алиня и на побережье моря к северу до мыса Успения, называют себя «удэ-хе»[70]. Те, которые жили в южной части страны, со временем окитаились, и теперь уже их совершенно нельзя отличить от китайцев. Китайцы называют их да-цзы, что значит инородец (не русский, не кореец и не китаец). Отсюда получилось искаженное русскими слово «тазы». Характерны для этих ассимилированных туземцев бедность и неряшливость: бедность в фанзе, бедность в одежде, бедность в еде.

Когда я подходил к их жилищу, навстречу мне вышел таза. Одетый в лохмотья, с больными глазами и с паршой на голове, он приветствовал меня, и в голосе его чувствовались и страх, и робость. Неподалеку от фанзы с собаками играли ребятишки; у них на теле не было никакой одежды.

Фанза была старенькая, покосившаяся; кое-где со стен ее обваливалась глиняная штукатурка; старая, заплатанная и пожелтевшая от времени бумага в окнах во многих местах была

прорвана; на пыльных канах лежали обрывки цыновок, а на стене висели какие-то выцветшие и закопченые тряпки. Всюду запустение, грязь и нищета.

Раньше я думал, что это от лени, но потом убедился, что такое обеднение тазов происходит от других причин — именно от того положения, в котором они очутились среди китайского населения. Из расспросов выяснилось, что китаец, владелец фанзы Иолайза, является цайдуном[71] (хозяин реки). Все туземцы, живущие на Фудзине, получают от него в кредит опиум, спирт, продовольствие и материал для одежды. За это они обязаны отдавать ему все, что добудут на охоте, соболей, панты, женьшень и т. д. Вследствие этого тазы впали в неоплатные долги. Случалось не раз, что за долги от них отбирали жен и дочерей и нередко самих продавали в другие руки, потом в третьи и т. д. Инородцы эти, позаимствовав китайскую культуру, не могли с ней справиться и подпали под влияние тех же китайцев. Жить как земледельцы они не умели, а от жизни охотника и зверолова отстали. Китайцы воспользовались их духовной бедностью и сумели сделаться для них необходимыми. С этого момента тазы утратили всякую самостоятельность и превратились в рабов.

Возвращаясь от них, я сбился с дороги и попал к Фудзину. Здесь, на реке, я увидел двух китайцев, занимавшихся добыванием жемчуга. Один из них стоял на берегу и изо всей силы упирал шест в дно реки, а другой опускался по нему в воду. Правой рукой он собирал раковины, а левой держался за палку. Необходимость работать с шестом вызывается быстрым течением реки. Водолаз бывает под водой не более полминуты. Задержанное дыхание позволило бы ему пробыть там и дольше, но низкая температура воды заставляет его скоро всплывать наверх. Вследствие этого китайцы ныряют в одежде.

Я сел на берегу и стал наблюдать за их работой. После короткого пребывания в воде водолаз минут пять грелся на солнце. Так как они чередовались, то выходило, что в час каждый из них спускался в воду не более десяти раз. За это время они успели достать всего только восемь раковин, из которых ни одной не было с жемчугом. На задаваемые вопросы китайцы объяснили, что примерно из пятидесяти раковин одна бывает с жемчугом. За лето они добывают около двухсот жемчужин на сумму 500—600 рублей. Китайцы эти не ограничиваются одним Фудзином, ходят по всему краю и выискивают старые тинистые протоки. Самым лучшим местом жемчужного лова считается р. Ваку.

Вскоре китайцы приостановили свою работу, одели сухую одежду и выпили немного подогретой водки. Затем они уселись на берегу, стали молотками разбивать раковины и искать в них жемчуг. Я вспомнил, что раньше по берегам рек мне случалось встречать такие кучи битых раковин. Тогда я не мог

найти этому объяснения. Теперь мне все стало понятным. Конечно, искание жемчуга ведется хищнически. Раковины разбиваются и тут же бросаются на место. Из восьмидесяти раковин китайцы отложили две драгоценных. Сколько я ни рассматривал их, не мог найти жемчуга до тех пор, пока мне его не указали. Это были небольшие наросты блестящего грязновато-серого цвета. Перламутровый слой был гораздо ярче и красивее, чем сам жемчуг.

После того, как раковины просохли, китайцы осторожно ножами отделили жемчужины от створок и убрали их в маленькие кожаные мешочки. Пока я был у тазов и смотрел, как китайцы ловят жемчуг, незаметно подошел вечер. В нашей фанзе зажгли огонь.

После ужина я расспрашивал китайцев о дороге к морю. Или они не хотели указать места, где находятся зверовые фанзы, или у них были какие-либо другие причины скрывать истину, только я заметил, что они давали уклончивые ответы. Они говорили, что к морю по р. Ли-Фудзин[72] давно уже никто не ходит, что тропа заросла и завалена буреломом. Китайцы рассчитывали, что мы повернем назад, но, видя наше настойчивое желание продолжать путь, стали рассказывать всевозможные небылицы: пугали медведями, тиграми, говорили о хунхузах и т. д. Вечером Гранатман ходил к тазам и хотел нанять у них проводника, но китайцы предупредили его и воспретили тазам указывать дорогу. Нечего делать, приходилось нам рассчитывать на собственные силы и руководствоваться только расспросными данными, которым тоже нельзя было особенно доверяться.

На следующий день мы выступили из Иолайзы довольно рано. Путеводной нитью нам служила небольшая тропка. Сначала она шла по горам с левой стороны Фудзина, а затем, миновав небольшой болотистый лесок, снова спустилась в долину. Размытая почва, галечниковые отмели и ямы с водой — все это указывало на то, что река часто выходит из берегов и затопляет долину.

День выпал томительный, жаркий. Истома чувствовалась во всем. Ни малейшего дуновения ветра. Знойный воздух словно окаменел. Все живое замерло и притаилось. В стороне от дороги сидела какая-то хищная птица, раскрыв рот. Видимо, и ей жарко было.

По мере того как мы удалялись от фанзы, тропа становилась все хуже и хуже. Около леса она разделилась надвое. Одна, более торная, шла прямо, а другая, слабая, направлялась в тайгу. Мы стали в недоумении. Куда итти?

Вдруг из чащи леса вышел китаец. На вид ему было лет сорок. Его загорелое лицо, изорванная одежда и изношенная обувь свидетельствовали о том, что он шел издалека. За спиной у китайца была тяжелая котомка. На одном плече он нес

винтовку, а в руках имел палку, приспособленную для того, чтобы стрелять с нее, как с упора. Увидев нас, китаец испугался и хотел было убежать, но казаки закричали ему, чтобы он остановился. Китаец с опаской подошел к ним. Скоро он успокоился и стал отвечать на задаваемые вопросы. Из его слов удалось узнать, что по торной тропе можно выйти на р. Тадушу, которая впадает в море значительно севернее залива Ольги, а та тропа, на которой мы стояли, идет сперва по речке Чау-Суи[73], затем переваливает через высокий горный хребет и выходит на р. Синанцу, впадающую в Фудзин в верхнем его течении. На Синанце тропа опять разделяется надвое. Конная идет на р. Янмутьхоузу (приток р. Улахе), а старая тропа после шестого брода подымается налево в горы. Это и есть наш путь. Здесь надо хорошо смотреть, чтобы не пройти ее мимо.

Поблагодарив китайца за сведения, мы смело пошли вперед. Жилые фанзы, луга, пашни и открытые долины — все это осталось теперь сзади.

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который тянется на несколько сот километров, невольно испытываешь чувство, похожее на робость. Такой первобытный лес — своего рода стихия.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником. В горах растительный слой почвы очень незначителен, поэтому корни деревьев не углубляются в землю, а распространяются по поверхности. Вследствие этого деревья стоят непрочно и легко опрокидываются ветрами. Вот почему тайга Уссурийского края так завалена буреломом. Упавшее дерево поднимает кверху свои корни вместе с землей и с застрявшими между ними камнями. Сплошь и рядом такие баррикады достигают высоты до 4—6 м. Вот почему лесные тропы очень извилисты. Приходится все время обходить то одно поваленное дерево, то другое. Всегда надо принимать во внимание эти извилины и считать все расстояния в полтора раза больше, чем они показаны на картах. Деревья, растущие внизу, в долине, более прочно укрепляются в толще наносной земли.

Здесь можно видеть таких лесных великанов, которые достигают 25—35 м высоты и 3,7—4,5 м в окружности. Нередко старые тополи служат берлогами медведям. Иногда охотники в одном дупле находят две-три медвежьих лежки.

Долинный лес иногда бывает так густ, что сквозь ветки его совершенно не видно неба. Внизу всегда царит полумрак, всегда прохладно и сыро. Утренний рассвет и вечерние сумерки в лесу и в местах открытых не совпадают по времени. Чуть только тучка закроет солнце, лес сразу становится угрюмым, и погода кажется пасмурной. Зато в ясный день освещенные солнцем стволы деревьев, яркозеленая листва, блестящая хвоя, цветы, мох и пестрые лишайники принимают декоративный вид.

К сожалению, все, что может дать хорошая погода, отравляется гнусом. Трудно передать мучения, которые испытывает

человек в тайге летом. Описать их нельзя — это надо перечувствовать.

Часа три мы шли без отдыха, пока в стороне не послышался шум воды. Вероятно, эта была та самая река Чау-Сун, о которой говорил китаец-охотник. Солнце достигло своей кульминационной точки на небе и палило во-всю. Лошади шли, тяжело дыша и понурив головы. В воздухе стояла такая жара, что даже в тени могучих кедровников нельзя было найти прохлады. Не слышно было ни зверей, ни птиц; только одни насекомые носились в воздухе, и чем сильнее припекало солнце, тем больше они проявляли жизни.

Я полагал было остановиться на привал, но лошади отказывались от корма и жались к дымокурам. Сидение на месте в таких случаях тяжелее похода. Я велел опять заседлать коней и итти дальше.

Часа в два дня тропа привела нас к горам, покрытым осыпями. Отсюда начинался подъем на хребет. Все было так, как говорил охотник-китаец.

На самом перевале стояла маленькая кумирня. Читатель, может быть, подумает, что это большая каменная постройка. Если бы не красные тряпицы, повешенные на соседние деревья, то можно было бы пройти мимо нее и не заметить. Представьте себе два плоских камня, поставленных на ребро, и третий такой же камень, покрывающий их сверху. Вот вам и кумирня! В глубине ее помещаются лубочные картинки, изображающие богов, иногда деревянные дощечки с надписями религиозного содержания. При внимательном осмотре около камней можно заметить огарки бумажных свечей, пепел, щепотку риса, кусочек сахару и т. д. Это жертвы «духу гор и лесов, охраняющему прирост богатства».

По другую сторону хребта тропа привела нас к зверовой фанзе, расположенной на левом берегу р. Синанцы. Хозяин ее находился в отлучке. Я решил дождаться его возвращения и приказал людям устраивать бивак.

Часов в пять вечера владелец фанзы явился. Увидев стрелков, он испугался и тоже хотел было убежать, но казаки задержали его и привели ко мне. Скоро он убедился в том, что зла мы ему не хотим причинить, и стал охотно отвечать на вопросы. Это был таза лет тридцати, с лицом, сильно изрытым оспой. Из его слов я понял, что он работает на хозяина фанзы Иолайза, у которого состоит в долгах. Сумму своего долга он, конечно, не знал, но чувствовал, что его обижают. На предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня он отказался на том основании, что если китайцы узнают об этом, то убьют его. Я не стал настаивать, но зато узнал, что мы идем правильно. Чтобы расположить таза в свою пользу, я дал ему двадцать пять берданочных патронов. Он так обрадовался этому подарку, что стал петь и плясать и затем заявил, что

укажет нам дорогу до следующей фанзы, где живут два зверовщика-китайца.

До сумерек было еще далеко. Я взял свою винтовку и пошел осматривать окрестности. Отойдя от бивака с километр, я сел на пень и стал слушать. В часы сумерек пернатое население тайги всегда выказывает больше жизни, чем днем. Мелкие птицы взбирались на верхушки деревьев, чтобы взглянуть оттуда на угасающее светило и послать ему последнее прости. Я весь ушел в созерцание природы и совершенно забыл, что нахожусь один, вдали от бивака. Вдруг в стороне от себя я услышал шорох. Среди глубокой тишины он показался мне очень сильным. Я думал, что идет какое-нибудь крупное животное, и приготовился к обороне, но это оказался барсук. Он двигался мелкой рысцой, иногда останавливался и что-то искал в траве; он прошел так близко от меня, что я мог бы достать его концом ружья. Барсук направился к ручью, полакал воду и заковылял дальше. Опять стало тихо.

Вдруг резкий, пронзительный и отрывистый писк, похожий на звонкое щелкание ножницами, раздался сзади. Я обернулся и увидел пищуху. Зверек этот имеет весьма большое распространение по всему востоку и северо-востоку Сибири. Он похож на маленького кролика, только без длинных ушей; общая окраска его буро-серая. Любимым местопребыванием пищух являются каменистые осыпи по склонам гор и россыпи в долинах, слегка прикрытые мхами. Животное это дневное, но крайне осторожное и пугливое. Его очень трудно убить так, чтобы не испортить шкуру; она разрывается на части от одной дробинки.

Мое движение испугало зверька и заставило быстро скрыться в норку. По тому, как он прятался, видно было, что опасность приучила его быть всегда настороже и не доверяться предательской тишине леса. Затем я увидал бурундука. Эта пестренькая земляная белка, бойкая и игривая, проворно бегала по колоднику, влезала на деревья, спускалась вниз и снова пряталась в траве. Окраска бурундука пестрая, желтая; по спине и по бокам туловища тянется пять черных полос.

Животное это равномерно распространено по всему Уссурийскому краю. Его одинаково можно встретить как в густом смешанном лесу, так и на полях около редколесья. Убегая, оно подымает пронзительный писк и тем выдает себя. Китайцы иногда употребляют его шкурки на оторочки своих головных уборов.

Я заметил, что бурундук постоянно возвращался к одному и тому же месту и каждый раз что-то уносил с собой. Когда он уходил, его защечные мешки были туго набиты, когда же он появлялся снова на поверхности земли, рот его был пустой. Меня это очень заинтересовало. Я подошел поближе и стал наблюдать. На колоднике лежали сухие грибки, корешки и

орехи. Так как ни грибов, ни кедровых орехов в лесу еще не было, то, очевидно, бурундук вытащил их из своей норки. Но зачем? Тогда я вспомнил рассказы Дерсу о том, что бурундук делает большие запасы продовольствия, которых ему хватает иногда на два года. Чтобы продукты не испортились, он время от времени выносит их наружу и сушит на валежнике, а к вечеру уносит обратно в свою норку.

Посидев еще немного, я пошел дальше. Все время мне попадался в пути свежеперевернутый колодник. Я узнал работу медведя. Это его любимейшее занятие. Слоняясь по тайге, он подымает бурелом и что-то собирает под ним на земле. Китайцы в шутку говорят, что медведь сушит валежник, поворачивая его к солнцу то одной, то другой стороной.

На обратном пути как-то само собой вышло так, что я попал на старый след. Я узнал огромный кедр, у которого останавливался, перешел через ручей по знакомому мне повалённому дереву, миновал каменную осыпь и незаметно подошел к тому колодинку, на котором бурундук сушил свои запасы. На месте его норки теперь была глубокая яма. Орехи и грибы разбросаны по сторонам, а на свежевырытой земле виднелись следы медведя. Все стало ясно. Косолапый разорил гнездо бурундука, поел его запасы и, может быть, съел и самого хозяина.

Между тем подошел и вечер. Заря угасла, потемнел воздух, и ближние и дальние деревья приняли одну общую однотонную окраску, которую нельзя назвать ни зеленой, ни серой, ни черной. Кругом было так тихо, что казалось, будто в ушах звенит. В темноте мимо меня с гудением пронесся какой-то жук. Я шел осторожно, стараясь не оступиться. Вдруг в стороне раздался сильный шум. Какое-то большое животное стояло впереди и сопело. Я хотел было стрелять, но раздумал. Испуганный зверь мог убежать, но мог и броситься. Минута мне показалась вечностью. Я узнал медведя. Он усиленно нюхал воздух. Я долго стоял на месте, не решаясь пошевельнуться, наконец, не выдержал и осторожно двинулся влево. Не успел я сделать двух шагов, как услышал уханье зверя и треск ломаемых сучьев. Сердце мое сжалось от страха. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил в его сторону. Удаляющийся шум показывал, что животное убегало. Через минуту с бивака послышался ответный выстрел.

Тогда я вернулся назад и пошел в прежнем направлении. Через полчаса я увидел огни бивака. Яркое пламя освещало землю, кусты и стволы деревьев. Вокруг костров суетились люди. Вьючные лошади паслись на траве; около них разложены были дымокуры. При моем приближении собаки подняли лай и бросились навстречу, но, узнав меня, сконфузились и в смущении вернулись обратно. С заходом солнца крупная мошка исчезла, а на ее месте появился «мокрец»[74] — мельчай-

шие, почти невидимые для глаза насекомые. Когда начинают гореть уши — это первый признак появления мелкой мошки. Потом кажется, что на лицо ложится колючая паутина. Особенно сильное ощущение зуда бывает на лбу. Мокрец набивается в волосы, лезет в уши, нос и рот. Люди ругаются, плюются и то и дело обтирают лицо руками. Стрелки поддели под фуражки носовые платки, чтобы хоть немного защитить шею и затылок. Меня мучила жажда, и я попросил чаю.

— Пить нельзя, — сказал казак Эпов, подавая кружку.

Я поднес ее к губам и увидел, что вся поверхность чая была покрыта какой-то пылью.

— Что это такое? — спросил я казака.

— Гнус, — ответил он. — Его обварило паром, он и нападал в горячую воду.

Сначала я попробовал сдуть мошек ртом, потом принялся снимать их ложкой, но каждый раз, как я прекращал работу, они снова наполняли кружку. Казак оказался прав. Так напиться чаю мне и не удалось. Я выплеснул чай на землю и залез в свой комарник.

После ужина люди начали устраиваться на ночь. Некоторые из них поленились ставить комарники и легли спать на открытом воздухе, покрывшись одеялами. Они долго ворочались, охали, ахали, кутались с головой, но это не спасало их от гнуса. Мелкие насекомые пробирались в каждую маленькую складку. Наконец, один из них не выдержал:

— Нате, ешьте, чорт вас возьми! — крикнул он, раскрываясь, и раскинул в сторону руки.

Раздался общий смех. Оказалось, что не он один, а все не спали, но никому первому не хотелось вставать и раскладывать дымокуры. Минуты через две разгорелся костер. Стрелки смеялись друг над другом, опять охали и ругались. Малопомалу на биваке стала водворяться тишина. Миллионы комаров и мошек облепили мой комарник. Под жужжанье их я начал дремать и вскоре уснул крепким сном.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ВЕЛИКИЙ ЛЕС

Совет таза. — Птицы в тайге. — Геология Сихотэ-Алиня. — Ночь в лесу. — Китайцы-таежники. — Плантация женьшеня. — Возвращение отряда. — Проводник. — Старый китаец. — Старинный путь к посту Ольги. — Лес в предгорьях Сихотэ-Алиня. — Утомление и недостаток продовольствия.

Утром я проснулся от говора людей. Было пять часов. По фырканью коней, по тому шуму, который они издавали, обмахиваясь хвостами, и по ругани казаков я догадался, что гнуса много. Я поспешно оделся и вылез из комарника. Интересная картина представилась моим глазам. Над всем нашим биваком кружились несметные тучи мошки. Несчастные лошади, уткнув морды в самые дымокуры, обмахивались хвостами, трясли головами.

На месте костра поверх золы лежал слой мошкары. В несметном количестве она падала на огонь до тех пор, пока он не погас.

От гнуса может быть только два спасения: большие дымокуры и быстрое движение. Сидеть на месте не рекомендуется. Отдав приказ вьючить коней, я подошел к дереву, чтобы взять ружье, и не узнал его. Оно было покрыто густым серопепельным налетом — все это были мошки, прилипшие к маслу. Наскоро собрав свои инструменты и не дожидаясь, когда завьючат коней, я пошел по тропинке.

В километре от фанзы тропа разделилась надвое. Правая пошла на р. Улахе, а левая — к Сихотэ-Алиню. Здесь таза остановился: он указал ту тропу, которой нам следовало держаться, и, обращаясь ко мне, сказал:

— Капитан! Дорога хорошо смотри. Кони ходи есть, тебе ходи есть, кони ходи нету, тебе ходи нету.

Для непривычного уха такие фразы показались бы бессмысленным набором слов, но я понял его сразу. Он говорил, что надо придерживаться конной тропы и избегать пешеходной.

Когда подошли лошади, таза вернулся обратно, а мы отправились по новой дороге вверх по р. Синанце.

В этих местах растет густой смешанный лес с преобладанием кедра. Сильно размытые берега, бурелом, нанесенный водой, рытвины, ямы, поваленные деревья и клочья сухой травы, застрявшие в кустах, — все это свидетельствовало о недавних больших наводнениях.

Реки Уссурийского края обладают свойством после каждого наводнения перемещать броды с одного места на другое. Найти замытую тропу не так-то легко. На розыски ее были посланы люди в разные стороны. Наконец, тропа была найдена, и мы весело пошли дальше.

На пути нам встречались звериные следы, между которыми было много тигровых. Два раза мы вспугивали оленей и кабанов, стреляли по ним, но убить не удалось — люди торопились и мешали друг другу.

Уссурийские леса кажутся пустынными. Такое впечатление является благодаря отсутствию певчих птиц. Кое-где по пути я видел уссурийских соек. Эти дерзкие и беспокойные птицы все время шмыгали с одной ветки на другую и провожали нас резкими криками. Желая рассмотреть их, я попробовал подойти к ним поближе. Сойки сперва старались скрыться в листве и улетели только тогда, когда заметили, что я настойчиво их преследую. При полете благодаря синему оперению крыльев с белым зеркалом они кажутся красивее, чем есть на самом деле.

Время от времени в лесу слышались странные звуки, похожие на барабанный бой. Скоро мы увидели и виновника этих звуков — то была желна. Недоверчивая и пугливая, черная, с красной головкой, издали она похожа на ворону. С резкими криками желна перелетала с одного места на другое и, как все дятлы, пряталась за деревьями.

В сырой чаще около речки ютились рябчики. Испуганные приближением собак, они отлетели в глубь леса и стали пересвистываться. Дьяков и Мелян хотели было поохотиться за ними, но рябчики не подпускали их близко. Я уговорил стрелков не тратить времени попусту и итти дальше.

С одного дерева снялась большая хищная птица. Это был царь ночи — уссурийский филин. Он сел на сухостойную ель

и стал испуганно озираться по сторонам. Как только мы стали приближаться к нему, он полетел куда-то в сторону. Больше мы его не видели.

Геология долины Синанцы очень проста. Это тектоническая долина, идущая сначала с юго-запада, а потом поворачивающая на север вдоль Сихотэ-Алиня. По среднему течению реки (с левой стороны), в местности Идагоуза[75], встречаются осыпи из мелкозернистого гранита, а ниже фельзитовый порфирит, разложившийся аплит и миндалевидный диабаз с кальцитом и халцедоном.

Чем более мы углублялись в горы, тем порожистее становилась река. Тропа стала часто переходить с одного берега на другой. Деревья, упавшие на землю, служили природными мостами. Это доказывало, что тропа была пешеходная. Помня слова таза, что надо придерживаться конной тропы, я удвоил внимание. Скоро я стал замечать, что мы все более и более забираем к югу. Не было сомнения, что мы ошиблись и пошли не по той дороге. Наша тропа, вероятно, отвернула в сторону, а эта, более торная, несомненно, вела к истокам Улахе.

К вечеру мы дошли до зверовой фанзы. Хозяева ее отсутствовали, и расспросить было некого. На общем совете решено было, оставив лошадей на биваке, разойтись в разные стороны на разведку. Г. И. Гранатман пошел прямо, А. И. Мерзляков — на восток, а я должен был вернуться назад и постараться разыскать потерянную тропинку.

К вечеру, как только ветер стал затихать, опять появился мокрец. Маленькие кровопийцы с ожесточением набросились на людей и лошадей.

День кончился. Последние отблески вечерней зари угасли на небе, но прохлады не было. Нагретая земля и вечером еще продолжала излучать теплоту. Лесные травы благоухали. От реки подымались густые испарения. Казаки вокруг бивака кольцом разложили дымокуры. Люди и лошади жались к дыму и сторонились чистого воздуха. Когда все необходимые бивачные работы были закончены, я приказал поставить свой комарник и забился под спасительный полог. Через час стемнело совсем. Взошла луна и своим мягким фосфорическим светом озарила лес. Вскоре после ужина весь бивак погрузился в сон; не спали только собаки, лошади да очередные караульные.

На другой день было еще темно, когда я вместе с казаком Белопожкиным вышел с бивака. Скоро начало светать; лунный свет поблек; ночные тени исчезли; появились более мягкие тона. По вершинам деревьев пробежал утренний ветерок и разбудил пернатых обитателей леса. Солнышко медленно взбиралось по небу все выше и выше, и вдруг живительные лучи его брызнули из-за гор и разом осветили весь лес, кусты и траву, обильно смоченные росой.

Около первой звериной фанзы мы действительно нашли небольшую тропинку, отходящую в сторону. Она привела нас к другой такой же фанзочке. В ней мы застали двух китайцев. Один был молодой, а другой — старик. Первый занимался охотой, второй был искателем женьшеня. Молодой китаец был лет двадцати пяти, крепкого телосложения. По лицу его видно было, что он наслаждался жизнью, был счастлив и доволен своей судьбой. Он часто смеялся и постоянно забавлял себя детскими выходками. Старик был высокого роста, худощавый и более походил на мумию, чем на живого человека. Сильно морщинистое и загорелое лицо и седые волосы на голове указывали на то, что годы его перевалили за седьмой десяток. Оба китайца были одеты в синие куртки, синие штаны, наколенники и улы, но одежда молодого китайца была новая, щеголеватая, а платье старика — старое и заплатанное. На головах у того и другого были шляпы: у первого — соломенная покупная, у второго — берестяная самодельная.

Китайцы сначала испугались, но потом, узнав в чем дело, успокоились. Они накормили нас чумизной кашей и дали чаю. Из расспросов выяснилось, что мы находимся у подножья Сихоте-Алиня, что далее к морю дороги нет вовсе и что тропа, по которой прошел наш отряд, идет на р. Чжюдямагоу[76], входящую в бассейн верхней Улахе.

Тогда я влез на большое дерево, и то, что увидел сверху, вполне совпадало с планом, который старик начертил мне палочкой на земле. На востоке виднелся зубчатый гребень Сихотэ-Алиня. По моим расчетам до него было еще два дня ходу. К северу, насколько хватал глаз, тянулась слабо всхолмленная низина, покрытая громадными девственными лесами. В больших лесах всегда есть что-то таинственное, жуткое. Человек кажется маленьким, затерявшимся. На юг и дальше на запад характер страны вновь становится гористым. Другой горный хребет шел параллельно Сихоте-Алиню, за ним текла, вероятно, р. Улахе, но ее не было видно.

Такая топография местности меня немало удивила. Казалось, что чем ближе подходить к водоразделу, тем характер горной страны должен быть выражен интенсивнее. Я ожидал увидеть высокие горы и остроконечные причудливые вершины. Оказалось наоборот: около Сихоте-Алиня были пологие холмы, изрезанные мелкими ручьями. Это результат эрозии.

Ориентировавшись, я спустился вниз и тотчас отправил Белопожкина назад к П. К. Рутковскому с извещением, что дорога найдена, сам остался с китайцами. Узнав, что отряд наш придет только к вечеру, китайцы собрались итти на работу. Мне не хотелось оставаться одному в фанзе, и я пошел вместе с ними.

Старик держал себя с большим достоинством и говорил мало, зато молодой китаец оказался очень словоохотливым. Он рас-

сказал мне, что у них в тайге есть женьшеневая плантация и что именно туда они и направляются. Я так увлекся его рассказами, что потерял направление пути и без помощи китайцев, вероятно, не нашел бы дороги обратно. Около часа мы шли косогорами, перелезали через какую-то скалу, потом спустились в долину. На пути нам встречались каскадные горные ручьи и глубокие овраги, на дне которых лежал еще снег. Наконец, мы дошли до цели своего странствования. Это был северный нагорный склон, поросший густым лесом.

Читатель ошибется, если вообразит себе женьшеневую плантацию в виде поляны, на которой посеяны растения. Место, где найдено было в разное время несколько корней женьшеня, считается удобным. Сюда переносятся и все другие корни. Первое, что я увидел, — это навесы из кедрового корья для защиты женьшеня от палящих лучей солнца. Для того чтобы не прогревалась земля, с боков были посажены папоротники, и из соседнего ручья проведена узенькая канавка, по которой сочилась вода.

Дойдя до места, старик опустился на колени, сложил руки ладонями вместе, приложил их ко лбу и дважды сделал земной поклон. Он что-то говорил про себя, вероятно, молился. Затем он встал, опять приложил руки к голове и после этого принялся за работу. Молодой китаец в это время развешивал на дереве красные тряпицы с иероглифическими письменами.

Женьшень! Так вот он каков!

Нигде на земле нет другого растения, вокруг которого сгруппировалось бы столько легенд и сказаний. Под влиянием литературы или под влиянием рассказов китайцев, не знаю почему, но я тоже почувствовал благоговение к этому невзрачному представителю аралиевых. Я встал на колени, чтобы ближе рассмотреть его. Старик объяснил это по-своему: он думал, что я молюсь. С этой минуты я совсем расположил его в свою пользу.

Оба китайца занялись работой. Они убирали сухие ветки, упавшие с деревьев, пересадили два каких-то куста и полили их водой. Заметив, что воды идет в питомник мало, они пустили ее побольше. Потом они стали полоть сорные травы, но удаляли не все, а только некоторые из них, и особенно были недовольны, когда поблизости находили элеутерококкус.

Предоставив им заниматься своим делом, я пошел побродить по тайге. Опасаясь заблудиться, я направился по течению воды с тем, чтобы назад вернуться по тому же ручью. Когда я возвратился на женьшеневую плантацию, китайцы уже покончили свою работу и ждали меня. К фанзе мы подошли как-то с другой стороны, из чего я заключил, что назад мы шли другой дорогой.

Незадолго перед сумерками к фанзочке подошел отряд. Китайцы уступили нам немного буды, хотя у них самих ее

было мало. Вечером мне удалось уговорить их провести нас за Сихотэ-Алинь к истокам Вай-Фудзина. Провожатым согласился быть сам старик, но по своей слабости он мог пройти только до водораздела. Дальше проводником обещал быть молодой китаец. Ему непременно нужно было добраться до земледельческих фанз и купить там муки и чумизы. Старик поставил условием, чтобы на него не кричали и не вступали с ним в пререкания. О первом пункте не могло быть и речи, а со вторым мы все охотно согласились.

Чуть только смерклось, снова появился гнус. Китайцы разложили дымокур внутри фанзы, а мы спрятались в свои комарники. Успокоенные мыслью, что с помощью провожатых перейдем через Сихотэ-Алинь, мы скоро уснули. Теперь была только одна забота: хватит ли продовольствия?

На следующий день в 8 часов утра мы были уже готовы к выступлению. Старик пошел впереди, за ним последовал молодой китаец и два стрелка с топорами, затем остальные люди и вьючные лошади. Старик держал в руках длинный посох. Он ничего не говорил и только молча указывал направление, которого следовало держаться, и тот валежник, который следовало убрать с дороги. Несмотря на постоянные задержки в пути, отряд наш подвигался вперед все же довольно быстро. Китайцы долго держались юго-западного направления и только после полудня повернули на юг.

Ближайшие предгорья Сихотэ-Алиня состоят из порфиропда и порфирового туфа. Горные породы на дневной поверхности распались на обломки и образовали осыпи, покрытые мхами и заросшие кустарниками.

В Уссурийском крае едва ли можно встретить сухие хвойные леса, т. е. такие, где под деревьями земля усеяна осыпавшейся хвоей, и не растет трава. Здесь всюду сыро, всюду мох, папоротники и мелкие осоки.

Сегодня первый раз приказано было сократить выдачу буды наполовину. Но при этом расчете продовольствия могло хватить только на двое суток. Если по ту сторону Сихотэ-Алиня мы не сразу найдем жилые места, придется голодать. По словам китайцев, раньше в истоках Вай-Фудзина была зверовая фанза, но теперь они не знают, существует она или нет. Я хотел было остановиться и заняться охотой, но старик настаивал на том, чтобы не задерживаться и итти дальше. Помня данное ему обещание, я подчинился его требованиям. Нужно отдать справедливость старику, он вел нас очень хорошо. В одном месте он остановился и указал на старую тропу, заросшую травой и кустарниками. Это был тот старинный путь, по которому уссурийские китайцы раньше сообщались с заливом Ольги. Этой дорогой в 60-х годах XIX столетия прошли Будищев и Максимович. Передо мной сразу встали их образы и сделанные ими описания. Судя по тому, насколько этот путь был протоптан, видно было, что

здесь ранее происходило большое движение. Когда же военный порт был перенесен из Николаевска во Владивосток, китайские охотники перестали ходить этой дорогой, тропа заросла и совершенно утратила свое значение.

За последние дни люди сильно обносились: на одежде появились заплаты; изорванные головные сетки уже не приносили пользы; лица были изъедены в кровь; на лбу и около ушей появилась экзема.

Ограниченные запасы продовольствия заставили нас торопиться. Мы сократили большой привал до тридцати минут и во вторую половину дня шли до самых сумерек.

Такой большой переход трудно достался старику. Как только мы остановились на бивак, он со стоном опустился на землю и без посторонней помощи не мог уже подняться на ноги. У меня во фляге нашлось несколько капель рома, который я берег на тот случай, если кто-нибудь в пути заболеет. Теперь такой случай представился. Старик шел для нас, завтра ему придется итти опять, а потом возвращаться обратно. Я вылил в кружку весь ром и подал ему. В глазах китайца я прочел выражение благодарности. Он не хотел пить один и указывал на моих спутников. Тогда мы все сообща стали его уговаривать. После этого старик выпил ром, забрался в свой накомарник и лег спать. Я последовал его примеру.

Прислушиваясь к жужжанию мошек и комаров, я вспомнил библейское сказание о казнях египетских: «Появилось множество мух, которые нестерпимо уязвляли египтян». В стране, где сухо, где нет москитов, случайное появление их казалось ужасной казнью, здесь же, в Приамурском крае, гнус был обычным явлением.

Чуть брезжилось, когда меня разбудил старик-китаец.

— Надо ходи! — сказал он лаконически.

Закусив немного холодной кашицей, оставленной от вчерашнего ужина, мы тронулись в путь. Теперь проводник-китаец повернул круто на восток. Сразу с бивака мы попали в область размытых гор, предшествовавших Сихотэ-Алиню. Это были невысокие холмы с пологими склонами. Множество ручьев текло в разные стороны, так что сразу трудно ориентироваться и указать то направление, куда стремилась выйти вода.

Чем ближе мы подходили к хребту, тем лес становился все гуще, тем больше он был завален колодником. Здесь мы впервые встретили тис, реликтовый представитель субтропической флоры, имевшей когда-то распространение по всему Приамурскому краю. Он имеет красную кору, красноватую древесину, красные ягоды и похож на ель, но ветви его расположены, как у лиственного дерева.

Здешний подлесок состоит главным образом из актинидии, которую русские переселенцы называют почему-то кишмишом, жимолости Маака, барбариса, маньчжурского орех-

ника с перовно-зубчатыми листьями и мохового мирта с белыми чешуйками на листьях и с белыми цветами. Из цветковых растений чаще всего попадались на глаза бело-розовые пионы, собираемые китайскими знахарями на лекарства, затем — охотский лесной хмель с лапчато-зубчатыми листьями и фиолетовыми цветами и клинтония, крупные сочные листья которой расположены розеткой.

К сумеркам мы дошли до водораздела. Люди сильно проголодались, лошади тоже нуждались в отдыхе. Целый день они шли без корма и без привалов. Поблизости бивака нигде травы не было. Кони так устали, что когда с них сняли вьюки, они легли на землю. Никто не узнал бы в них тех откормленных и крепких лошадей, с которыми мы вышли со станции Шмаковки. Теперь это были исхудалые животные, измученные бескормицей и гнусом.

Китайцы поделились со стрелками жидкой похлебкой, которую они сварили из листьев папоротника и остатков чумизы. После такого легкого ужина, чтобы не мучиться голодом, все люди легли спать. И хорошо сделали, потому что завтра выступление было назначено еще раньше, чем сегодня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ЧЕРЕЗ СИХОТЭ-АЛИНЬ К МОРЮ

Перевал Максимовича. — Кусок сахара. — Лес на восточных склонах Сихотэ-Алиня. — Насекомые и птицы. — Сихотэ-Алинь как климатическая граница. — Долина р. Вай-Фудзина и ее притоки. — Горал. — Светящиеся насекомые. — Птицы в прибрежном районе. — Гостеприимство китайцев. — Тазовская гора. — Деревня Фудзин и село Пермское. — Бедствия первых переселенцев из России. — Охотники. — Заказчик на оленей. — Ценность пантов. — Кашлев — «Тигриная смерть». — Дюны. — Маньчжурская полевая мышь. — Конец пути.

Следующий день был 16 июня. Мы снялись с бивака в пять часов утра и сразу стали подыматься на Сихотэ-Алинь. Подъем был медленный и постепенный. Наш проводник по возможности держал прямое направление, но там, где было круто, шел зигзагами.

Чем выше мы подымались, тем больше иссякали ручьи и, наконец, пропали совсем. Однако глухой шум под камнями указывал, что источники эти еще богаты водой. Мало-помалу шум этот тоже начинал стихать. Слышно было, как под землей бежала вода маленькими струйками, точно ее лили из чайника, потом струйки эти превратились в капли, и затем все стихло.

Через час мы достигли гребня. Здесь подъем сразу сделался крутым, но не надолго.

На самом перевале, у подножья большого кедра, стояла маленькая кумирня, сложенная из корья. Старик-китаец остановился перед ней и сделал земной поклон. Затем он поднялся и, указывая рукой на восток, сказал только два слова:

— Река Вай-Фудзин[77].

Это значило, что мы были на водоразделе. После этого старик сел на землю и знаком дал понять, что следует отдохнуть.

Воспользовавшись этим, я прошел немного по хребту на юг, поднялся на одну из каменных глыб, торчащих из земли во множестве, и стал смотреть.

Прилегающая часть Сихотэ-Алиня слагается из кварцевого порфира. Водораздельный хребет идет здесь от юго-запада на северо-восток. Наивысшие точки его будут около 1 100 м над уровнем моря. К северу Сихотэ-Алинь немного понижается. Западный склон его пологий, восточный—значительно круче. Весь хребет покрыт густым хвойно-смешанным лесом. Гольцы находятся только на отдельных его вершинах и местах осыпей. На старинных китайских картах этот водораздел называется Сихотэ-Алинь. Местные китайцы называют его Сихотэ-Лин, а чаще всего Лао-Лин, т. е. старый перевал (в смысле «большой, древний»). По гипсометрическим измерениям высота перевала, на котором мы находились, равнялась 980 м. Я окрестил его именем К. И. Максимовича, одного из первых исследователей Уссурийского края.

К востоку от водораздела, насколько хватал глаз, все было покрыто туманом. Вершины соседних гор казались разобщенными островами. Волны тумана надвигались на горный хребет и, как только переходили через седловины, становились опять невидимыми. К западу от водораздела воздух был чист и прозрачен. По словам китайцев, явление это обычное. Впоследствии я имел много случаев убедиться в том, что Сихотэ-Алинь является серьезной климатической границей между прибрежным районом и бассейном правых притоков Уссури.

Должно быть, я долго пробыл в отлучке, потому что в отряде подняли крик.

Казаки согрели чай и ждали моего возвращения.

Прополоскав немного желудок горячей водицей, мы пошли дальше.

Спуск с хребта в сторону Вай-Фудзина, как я уже сказал, был крутой. Перед нами было глубокое ущелье, заваленное камнями и буреломом. Вода, стекающая каскадами, во многих местах выбила множество ям, замаскированных папоротниками и представляющих собой настоящие ловушки. Гранатман толкнул глыбу. При падении своем она увлекла другие камни и произвела целый обвал.

Спускаться по таким оврагам очень тяжело. В особенности трудно пришлось лошадям. Если графически изобразить наш спуск с Сихотэ-Алиня, то он представился бы в виде мелкой

извилистой линии по направлению к востоку. Этот спуск продолжался часа два. По дну лощины протекал ручей. Среди зарослей его почти не было видно. С веселым шумом бежала вода вниз по долине, словно радуясь тому, что наконец-то она вырвалась из-под земли на свободу. Нижнее течение ручья становилось спокойнее.

Но вот еще такой же глубокий овраг подошел справа. Теперь ущелье превратилось в узкую долину, которую местное китайское население называет Синь-Квандагоу[78]. За перевалом хвойно-смешанный лес начал быстро сменяться лиственным. Дуб монгольский рос преимущественно по склонам гор с солнечной стороны. В долине леса были разнообразнее и богаче. Здесь можно отметить мелколистную липу, любительницу опушек и прогалин, желтый клен с глубоко разрезанными бледными листьями, иву пепельную — полукуст-полудерево, крылатый бересклет, имеющий вид кустарника с пробковыми крыльями по стволу и по веткам. Из настоящих кустарников можно указать на таволожник иволистный с яркорозовыми цветами, особый вид боярышника с редкими и короткими иглами и с белесоватыми листьями с нижней стороны, жимолость Маака более 4 м высоты, с многочисленными розоватыми цветами и богородскую траву с лежащими по земле стеблями, ланцетовидными мелкими листьями и яркопурпурово-фиолетовыми цветами. В стороне от тропы были еще какие-то кустарники; хотелось мне их посмотреть, но голод принуждал торопиться. На полях наблюдателя поражало обилие цветов. Тут были присы самых разнообразных оттенков, от бледноголубого до темнофиолетового, целый ряд орхидей разных окрасок, желтый куреслеп, темнофиолетовые колокольчики, душистый ландыш, лесная фиалка, скромный цветочек земляники, яркая гвоздика и красные, оранжевые и желтые лилии. Этот переход от густого хвойного леса к дубовому редколесью и к полянам с цветами был настолько резок, что невольно вызывал возгласы удивления. То, что мы видели на западе, в трех-четырех переходах от Сихотэ-Алиня, тут было у самого его подножья. Кроме того, я заметил еще одну особенность: те растения, которые на западе были уже отцветшими, здесь еще вовсе не начинали цвести.

В бассейне Ли-Фудзина было много гнуса, мало чешуекрылых. Здесь, наоборот, всюду мелькали кирпично-красные с радужными переливами крапивницы, бело-желтые с черными и красными пятнами аполлоны и большие темносиние махаоны. Последние часто садились на воду и, распластав крылья, представляли себя течению реки. Можно было подумать, что бабочки эти случайно попали в воду и не могли подняться на воздух. Я несколько раз хотел было взять их, но едва только протягивал руку, они совершенно свободно подымались на воздух и, отлетев немного, снова опускались на воду. Всюду

на цветах реяли пчелы и осы, с шумом по воздуху носились мохнатые шмели с черным, оранжевым и белым брюшком. Внизу, в траве, бегали проворные жужелицы. Этих жуков за их хищный характер можно было бы назвать тиграми среди насекомых. По тропе ползали черные могильщики и трехцветные скакуны. Последние передвигались как-то порывисто, и не разберешь — прыгали они или летали. На зонтичных растениях держались преимущественно слоники и зеленые клопы, а около воды и по дорогам, где было посырее, с прозрачными крыльями и с большими голубыми глазами летали стрекозы.

Полюбовавшись насекомыми, я стал рассматривать птиц. Прежде всего я увидел завирушек. Они прыгали под деревьями и копошились в старой листве. Когда я стал подходить к ним, они отлетели немного в сторону и вновь опустились на траву. По берегам горных ручьев, качая хвостиками, перебегали с камня на камень горные трясогузки. Птички эти доверчиво подпускали к себе человека и только в том случае, когда я уж очень близко к ним подходил, улетали не торопясь. Около шиповников держались свиристели. Они искусно лазали по ветвям кустарников и избегали открытых пространств. В другом месте я заметил долгохвостых синиц, шныряющих в листве деревьев и мало обращающих внимание на своих соседок. Рядом с ними суетились подвижные ганчки, совсем маленькие птички с крохотным клювом и коротким хвостиком.

Из млекопитающих, судя по многочисленным следам, здесь обитали дикие козули, олени, кабаны, медведи и тигры.

Несмотря на утомление и на недостаток продовольствия, все шли довольно бодро. Удачный маршрут через Сихотэ-Алинь, столь резкий переход от безжизненной тайги к живому лесу и, наконец, тропка, на которую мы наткнулись, действовали на всех подбадривающим образом. В сумерки мы дошли до пустой зверовой фанзы. Около нее был небольшой огород, на котором росли брюква, салат и лук.

По сравнению с овощами, которые мы видели на Фудзине, эти огородные растения были тоже отсталыми в росте. Одним словом, во всем, что попадалось нам на глаза, видна была резкая разница между западным и восточным склонами Сихотэ-Алиня. Очевидно, в Зауссурийском крае вегетационный период наступает гораздо позже, чем в бассейне Уссури.

Дальше мы не пошли и здесь, около фанзочки, стали биваком.

Продовольствие в тайгу китайцы завозят вьюками, начиная с августа. В самые отдаленные фанзы соль, мука и чумиза переносятся в котомках. Запасы продовольствия складываются в липовые долбленые кадушки, прикрытые сверху корьем. Запоров нигде не делается, и кадушки прикрываются только для того, чтобы в них не залезли мыши и бурундуки.

Чужое продовольствие в тайге трогать нельзя. Только в случае крайнего голода можно им воспользоваться, но при непременном условии, чтобы из первых же земледельческих фанз взятое было доставлено обратно на место. Тот, кто не исполнит этого обычая, считается грабителем и подвергается жестокому наказанию. Действительно, кража продовольствия в зверовой фанзе принуждает соболевщика раньше времени уйти из тайги, а иногда может поставить его прямо-таки в безвыходное положение.

Вечером старик-китаец заявил нам, что далее он итти не может и останется здесь ожидать возвращения своего товарища.

На следующий день, 17 июня, мы расстались со стариком. Я подарил ему свой охотничий нож, а А. И. Мерзляков — кожаную сумочку. Теперь топоры нам были уже не нужны. От зверовой фанзы вниз по реке шла тропинка. Чем дальше, тем она становилась лучше. Наконец, мы дошли до того места, где р. Синь-Квандагоу сливается с р. Тудагоу. Эта последняя течет в широтном направлении, под острым углом к Сихотэ-Алиню. Она значительно больше Синь-Квандагоу и по справедливости могла бы присвоить себе название Вай-Фудзина. По этой реке в 1860 г. спустился Будищев. По слухам, в истоках ее есть несколько китайских фанз, обитатели которых занимаются звероловством. От места слияния упомянутых двух речек начинается Вай-Фудзин, названная русскими переселенцами Аввакумовкой.

Лес кончился, и перед нами вдруг неожиданно развернулась величественная горная панорама. Возвышенности с левой стороны долины покрыты дубовым редколесьем с примесью липы и черной березы. По склонам их в вертикальном направлении идут осыпи, заросшие травой и мелкой кустарниковой порослью.

Долина Вай-Фудзина богата террасами. Террасы эти идут уступами, точно гигантские ступени. Это так называемые «пенеплены». В древние геологические периоды здесь были сильные денудационные процессы, потом произошло поднятие всей горной системы и затем опять размывание. Вода в реках в одно и то же время действовала и как пила, и как напильник.

Против р. Тудагоу, справа, в Вай-Фудзин впадает порожистая речка Танюгоуза[79], а ниже ее, приблизительно на равном расстоянии друг от друга, еще четыре небольшие речки одинаковой величины: Харчишкина, Хэмутагоу[80], Куандиза[81] и Воротная. По первой лежит путь на р. Ли-Фудзин, к местности Сяень-Лаза[82]. На Хэмутагоу русские переселенцы нашли христианскую могилу и потому назвали реку Крестовой. По словам китайцев, р. Куандиза течет по весьма извилистому ложу; она очень бурлива и порожиста. Долина Воротной реки обставлена высокими скалистыми горами и считается хорошим охотничьим местом.

Между Харчинкиной падью и р. Синь-Квандагоу, среди скал и осыпей, держатся горалы, имеющие по внешнему виду сходство с козлами. Животные эти относятся к антилопам, имеют размеры: в длину около 2 м и в высоту до 0,8 м. Шерсть их грязносеро-желтого цвета, морда, спина и хвост — темно-бурые, горло и брюхо — белесоватые. На шее волосы несколько длиннее и образуют нечто вроде гривы; голова украшена небольшими, загнутыми назад рожками. В Уссурийском крае область распространения горала доходит до р. Имана включительно и в прибрежном районе — до бухты Терней (река Кудяхе). Живут они небольшими табунами в таких местах, где с одной стороны есть хвойно-смешанный лес, а с другой — неприступные скалы. День горал проводит в лесу, а ночью спускается в долину для утоления жажды. При малейшем намеке на опасность он сейчас же перебегает на скалистую сторону сопки. Зная это, охотники делятся на две группы. Одни из них заходят в лес, а другие караулят животных в камнях. Вследствие того, что горалы привязаны к определенным местам, которые хорошо известны зверопромышленникам, надо считать, что они находятся на пути к совершенному исчезновению.

Часов в десять утра мы увидели на тропе следы колес. Я думал, что скоро мы выйдем на дорогу, но провожающий нас китаец объяснил, что русские сюда заезжают только осенью и зимой на охоту и что настоящая колесная дорога начнется только от устья р. Эрлдагоу.

Лошади сильно истомились; они еле передвигали ноги и шатались, как пьяные. Пришлось сделать привал. Воспользовавшись этим, я поднялся на небольшую сопку, чтобы ориентироваться.

Общее направление р. Вай-Фудзина юго-восточное. В одном месте она делает излом к югу, но затем выпрямляется вновь и уже сохраняет это направление до самого моря. На западе ясно виднелся Сихотэ-Алинь. Я ожидал увидеть громаду гор и причудливые острые вершины, но предо мной был ровный хребет с плоским гребнем и постепенным переходом от куполообразных вершин к широким седловинам. Время и вода сделали свое дело.

Долина р. Вай-Фудзина будет продольная, хотя из направлений ее притоков, текущих параллельно берегу моря и хребту Сихотэ-Алиню, как будто немного намечается денудационный характер.

Восточные предгорья Сихотэ-Алиня слагаются из гранитов, сиенитов и кварцевого порфира. Этот последний, встреченный нами еще по ту сторону водораздела, тянулся и теперь. Высокие древнеречные террасы с левой стороны Вай-Фудзина, с массивным основанием (тоже из кварцевого порфира) особенно резко выступают близ устья Харчинкиной пади.

Часа через полтора я вернулся и стал будить своих спутников. Стрелки и казаки проснулись усталые; сон их не подкрепил. Они обулись и пошли за конями. Лошади не убегали от людей, послушно позволили надеть на себя недоуздки и с равнодушным видом пошли за казаками.

Китаец говорил, что если мы будем итти целый день, то к вечеру дойдем до земледельческих фанз. Действительно, в сумерки мы дошли до устья р. Эрлдагоу (Вторая Большая падь). Это чрезвычайно порожистая и быстрая река. Она течет с юго-запада к северо-востоку и на пути своем прорезает мощные порфировые пласты. Некоторые из порогов ее имеют вид настоящих водопадов. Окрестные горы слагаются из роговика и кварцита. Отсюда до моря китайцы считают 150 ли, что в переводе на наши меры будет 78 км.

На другой стороне реки под сенью огромных вязов стояла китайская фанза. Мы обрадовались ей так, как будто это была первоклассная гостиница. Узнав, что мы последние два дня ничего не ели, гостеприимные китайцы стали торопливо готовить ужин. Лепешки на бобовом масле и чумизная каша с солеными овощами показались нам вкуснее самых изысканных городских блюд. По молчаливому соглашению мы решили остаться здесь ночевать. Китайцы убрали свои постели и предоставили нам большую часть канов. Последние были сильно нагреты, но мы предпочли лучше мучиться от жары, чем страдать от гнуса.

От множества сбившихся людей в фанзе стояла духота, которая увеличивалась еще оттого, что все окна в ней были завешаны одеялами. Я оделся и вышел на улицу.

Ночь была тихая, теплая, как раз такая, какую любят ночные насекомые. То, что я увидел, так поразило меня, что я совершенно забыл про мошек и глядел, как очарованный. Весь воздух был наполнен мигающими синеватыми искрами. Это были светляки. Свет, испускаемый ими, был прерывистый и длился каждый раз не более одной секунды. Следя за одной такой искрой, можно было проследить полет каждого отдельного насекомого. Светляки эти появляются не сразу, а постепенно, по одиночке. Рассказывают, что переселенцы из России, увидев впервые такой мигающий свет, стреляли в него из ружей и в страхе убегали. Теперь это не были одиночные насекомые, их были тысячи тысяч, миллионы. Они летали в траве, низко над землей, реяли в кустах и носились вверху над деревьями. Мигали насекомые, мерцали и звезды. Это была какая-то пляска света. Вдруг вспыхнула яркая молния и разом озарила всю землю. Огромный метеор с длинным хвостом пронесся по небу. Через мгновение болид рассыпался на тысячу искр и упал где-то за горами. Свет погас. Как по мановению волшебного жезла исчезли фосфоресцирующие насекомые. Прошло минуты две-три, и вдруг в кустах вспыхнул один

огонек, за ним другой, десятый, и еще через полминуты в воздухе опять закружились тысячами светящиеся эльфы.

Как ни прекрасна была эта ночь, как ни величественны были явления светящихся насекомых и падающего метеора, но долго оставаться на улице было нельзя. Мошкара облепила мне шею, руки, лицо и набилась в волосы. Я вернулся в фанзу и лег на кан. Усталость взяла свое, и я заснул.

На другой день назначена была дневка. Надо было дать отдохнуть и людям, и лошадям. За последние дни все так утомились, что нуждались в более продолжительном отдыхе, чем ночной сон. Молодой китаец, провожавший нас через Сихотэ-Алинь, сделал необходимые закупки и рано утром выступил в обратный путь.

Вчера мы до того были утомлены, что даже не осмотрелись как следует. Было не до наблюдений. Только сегодня, после сытного завтрака, я решил сделать прогулку по окрестностям. В средней части долина р. Аввакумовки шириной около полукилометра. С правой стороны ее тянутся двойные террасы, с левой — скалистые сопки, состоящие из трахитов, конгломератов и брекчий. Около террас можно видеть длинное болото. Это место, где раньше проходила река. Во время какого-то большого наводнения она проложила себе новое русло.

Из пернатых я здесь видел восточносибирских жаворонков. На побережье моря была еще весна, и потому их звонкое пение неслось отовсюду. Они то опускались к земле, то опять подымались высоко на воздух. Около ивняков кружился уссурийский малый дятел — действительно маленький, но так же пестро окрашенный, как и другие его сородичи. Между листвой кое-где мелькали японские пеночки-непоседы. Они все время были в движении, одновременно и веселились, и охотились за насекомыми. По сторонам дороги, в кустах, мелькали зеленые овсянки. В сообществе с полевыми воробьями они клевали конский навоз и купались в пыли. Кроме того, в прибрежном районе водятся уссурийский перепел и уссурийский фазан. Первая птица весьма похожа на куропатку и держится по долинам рек в местах равнинных. Моя собака выгнала двух перепелок. Они с криком поднялись у ней из-под самого носа. Отлетев шагов двести, перепелки опять спустились в траву. На возвратном пути я видел двух фазанов. Когда петух поднимается из кустарников, он сперва взлетает кверху метра на три и при этом неистово кричит. Крик его немного похож на крик обыкновенного петуха, когда последний чего-нибудь испугается. В другом месте собака выгнала курицу с цыплятами. По фазану собака редко делает твердую стойку. Она ложится и начинает ползти на брюхе, иногда замедляя, иногда прибавляя шаг. Испуганная птица прежде всего старается спастись бегством; она хитрит, путает следы и часто возвращается назад. Потеряв след, собака начинает бросаться в сто-

роны. Этим моментом фазан пользуется и взлетает на воздух. Курица всегда подымается молча и летит дальше, чем петух. Но в данном случае она вела себя иначе: летела лениво, медленно и низко над землей, летела не по прямой линии, а по окружности, так что собака едва не хватала ее за хвост зубами. Я сразу понял, в чем дело. У фазанихи были цыплята, и она старалась отвести от них собаку.

Я взял свою Альпу на поводок и пошел назад.

Китайцы уже приготовили обед и ждали моего возвращения.

Когда мы пили чай, в фанзу пришел еще какой-то китаец. За спиной у него была тяжелая котомка; загорелое лицо, изношенная обувь, изорванная одежда и закопченный котелок свидетельствовали о том, что он совершил длинный путь. Пришедший снял котомку и сел на кан. Хозяин тотчас же стал за ним ухаживать. Прежде всего он подал ему свой кисет с табаком.

— Кто это? — спросил я у хозяина.

— Прохожий, — отвечал он.

— Знакомый тебе?

— Нет, — отвечал он и затем обратился к повару с приказанием приготовить для путника обед.

Пока пришедший курил табак, китайцы расспрашивали его о новостях. Он охотно рассказывал им то, что случилось в тех местах, откуда он прибыл, и что он видел по дороге. Оказалось, что китаец идет с Ното и держит путь на р. Псухун.

Вечером, во время ужина, китайцы, прежде чем самим сесть за стол, пригласили гостя. Все китайцы наперерыв старались ему услужить. Едва его чашка опорожнялась, как тотчас ее наполняли снова. Потом гостю отвели лучшее место на кане и дали два одеяла: одно — для подстилки, другое — под голову вместо подушки. Прохожий остался в этой фанзе на весь следующий день для отдыха.

У местного китайского населения сильно развито внимание к путнику. Всякий прохожий может бесплатно прожить в чужой фанзе трое суток, но если он останется дольше, то должен работать или уплачивать деньги за харчи по общей раскладке.

На следующий день, 19 июня, мы распрощались с гостеприимными китайцами и пошли дальше. Отсюда начиналась колесная дорога. Чтобы облегчить спины лошадей, я нанял две подводы.

В нижнем течении долина Вай-Фудзина очень живописна. Утесы с правой стороны имеют причудливые очертания и похожи на людей, замки, минареты и т. д. С левой стороны опять потянулись высокие двойные террасы из глинистых сланцев, постепенно переходящие на севере в горы.

Здесь есть один только небольшой приток — Касафунова падь, которую местные китайцы называют р. Чамигоузой[83]. Она длиной около 15 км и имеет направление течения сперва на юго-восток, а потом на юг. Правый край Касафуновой долины нагорный, левый — пологий, слегка холмистый. Долина эта узкая и расширяется только в среднем течении там, где в нее впадает речка Грушевая. Если итти вверх по реке, то с правой стороны видны какие-то карнизы, которые дальше переходят в широкие террасы. Окрестные горы покрыты лиственным редколесьем дровяного характера.

Километрах в восемнадцати от моря видны обнажения известняков.

Немного ниже Касафуновой пади в р. Вай-Фудзин с правой стороны впадают две реки — Сандагоу и Лисягоу[84]. Последняя берет начало с Тазовской горы, о которой речь будет ниже. Верховья реки Сандагоу слагаются из множества горных ручьев, стекающих по узким распадинам. Раньше здесь были большие леса, изобиловавшие зверем, но лесные пожары в значительной степени обесценили это охотничье эльдорадо.

Колесная дорога, проложенная китайцами по долине р. Вай-Фудзина, дважды проходит по реке вброд, что является большим препятствием для сообщений во время наводнений. Чтобы избежать этих бродов, надо итти по тропе. Она начинается около террас, с левой стороны долины подымается в гору и идет по карнизу. Здесь тропа на протяжении 300 м буквально висит над пропастью.

Лет сорок тому назад на террасах около устья р. Касафуновой жили тазы-удэхейцы. Впоследствии их оттеснили китайцы, но большей частью они вымерли во время оспенной эпидемии в 1881 г.

Удэхейцы эти на охоту ходили всегда на Тазовскую гору, командующую над всеми окрестными высотами, отчего она и получила свое настоящее название.

По всей долине Вай-Фудзина, от устья р. Эрлдагоу до Тазовской горы, разбросаны многочисленные китайские фанзы. Обитатели их занимаются летом земледелием и морскими промыслами, а зимой — соболеванием и охотой.

Самым большим притоком Вай-Фудзина будет р. Арзамасовка. Она впадает в него с левой стороны. Немного выше устья Арзамасовки, на возвышенном месте, расположился маленький русский поселок Фудзин (ныне переименованный в Веткино). В 1906 г. в деревне этой жило всего только четыре семьи. Жители ее были самыми первыми переселенцами из России. Какой-то особенный отпечаток носила на себе эта деревушка. Старенькие, но чистенькие домики глядели уютно; крестьяне были веселые, добродушные. Они приветливо встретили нас и разместили у себя по квартирам. Вечером собрались старики. Они рассказывали о том, сколько бедствий им

пришлось претерпеть на чужой земле в первые годы переселения. Привезли их сюда в 1859 г. и высадили в заливе Ольги, предоставив самим устраиваться, кто как может и кто как умеет. Сначала они поселились в одном километре от бухты и образовали небольшой поселок Новинку. Скоро крестьяне заметили, что чем дальше от моря, тем туманов бывает меньше. Тогда они перекочевали в долину Вай-Фудзина. В 1906 г. в Новинке жил только один человек. Места, где раньше были крестьянские дома, видны и по сие время. Но и на новых местах их ожидали невзгоды. По неопытности они посеяли хлеб внизу, в долине; первым же наводнением его смыло, вторым — унесло все сено; тигры поели весь скот и стали нападать на людей. Ружье у крестьян было только одно, да и то пистонное. Чтобы не умереть с голода, они нанялись в работники к китайцам с поденной платой 400 г чумизы в день. Расчет производили раз в месяц, и чумизу эту за 70 км должны были доставлять на себе в котомках. Старики долго не могли привыкнуть к новым местам. У них были еще живы воспоминания о родине, зато молодежь скоро приспособилась; из них выработались великолепные стрелки и отличные охотники. Быстрое течение в реках их уже не пугало; скоро они начали плавать по морю. Для Европейской России охота на медведя в одиночку считается геройским подвигом. Здесь же каждый юноша бьет медведя один на один. Некрасов воспел крестьянина, который убил сорок медведей, а здесь были братья Пятышкины и Мякишевы, из которых каждый, в одиночку, убил более семидесяти медведей. Затем следуют Силины и Воровы, которые убили по нескольку тигров и потеряли счет убитым медведям. Один раз они задумали связать медведя так, ради забавы, и чуть за это не поплатились жизнью. Каждый из этих охотников носил на себе следы тигровых зубов и кабаньих клыков; каждый не раз видел смерть лицом к лицу, и только случаи спасали их от гибели.

Фудзинские крестьяне серьезно относятся к охоте. Они не только бьют зверя, но и заботятся о его сохранности. Факт этот знаменателен. Крестьяне собрались и на сходе порешили не трогать самок, телят и не бить самцов во время гона. Кроме того, они сами отвели заказник, сами установили границы его и дали друг другу зарок там не охотиться. Вновь прибывший элемент из России не пожелал с этим считаться и начал хищничать. Так как заказник возник по частной инициативе и находился на казенной земле, то привлекать виновных к ответственности они не могли. Этим воспользовались браконьеры, и благое начинание фудзинских крестьян сошло на-нет.

Ценность пантов в Ольгинском районе доходит до 1 200 рублей пара. В деревне Пермской у крестьянина Пятышкина я видел панты высотой в 52 см и толщиной в 22 см (расстояние между рогами у основания равнялось 86 см); на концах они

только что начали разветвляться; вес их был 4,4 кг. Панты эти были проданы по очень низкой цене, за 870 рублей. По словам братьев Пятышкиных, в 1905 г. от продажи четырех пар пантов они выручили 2 200 рублей.

Во время этих рассказов в избу вошел какой-то человек. На вид ему было лет сорок пять. Он был среднего роста, сухощавый, с небольшой бородой и с длинными волосами. Вошедший поклонился, виновато улыбнулся и сел в углу на ящик.

— Кто это? — спросил Гранатман.

— Кашлев — «Тигриная смерть», — отвечало несколько голосов.

Мы стали его расспрашивать, но он оказался не из разговорчивых. Посидев немного, Кашлев встал.

— Убить зверя нетрудно, ничего хитрого тут нет, хитро его только увидеть, — сказал он, затем надел свою шапку и вышел на улицу.

О Кашлеве мы кое-что узнали от других крестьян. Прозвище «Тигриная смерть» он получил оттого, что в своей жизни больше всех перебил тигров. Никто лучше его не может выследить зверя. По тайге Кашлев бродил всегда один, ночевал под открытым небом и часто без огня. Никто не знал, куда он уходил и когда возвращался обратно. Это настоящий лесной скиталец. На реке Сандагоу он нашел утес, около которого всегда проходят тигры. Тут он их и караулил.

Среди крестьян были и такие, которые ловили тигров живыми. При этом никаких клеток и западней не ставилось. Тигров они ловили руками и связывали веревками. Найдя свежий след тигрицы с годовалыми тигрятами, они пускали много собак и с криками начинали стрелять в воздух. От такого шума тигры разбегались в разные стороны. Тогда они начали следить их по одиночке. Для такой охоты нужны смелость, ловкость и отвага.

Беседы наши затянулись. Это было так интересно, что мы готовы были слушать до утра. В полночь крестьяне стали расходиться по своим домам.

На другой день мы отправились в село Пермское, расположенное на четыре километра ниже Фудзина.

Экономическое благосостояние пермских крестьян не заставляет желать ничего лучшего. Село это можно было назвать образцовым во всех отношениях. На доброхотные пожертвования они построили у себя в деревне школу. У ребятишек было много книг по природоведению и географии России. Все крестьяне достаточно начитанны и развиты; некоторые из них интересовались техникой, применяя ее у себя в хозяйстве. Кабака в селе Пермском не было. При нас один новосел позволил себе выругаться площадной бранью. Надо было видеть, какую проборку задали ему старожилы. Все пермские крестьяне такие же разумные охотники, как и фудзинцы.

Земля в долине Вай-Фудзина весьма плодородная. Крестьяне не помнят ни одного неурожайного года, несмотря на то, что в течение сорока лет пашут без удобрения на одних и тех же местах.

В период летних дождей вода, стекающая с окрестных гор, переполняет реку и разливается по долине. Самые большие наводнения происходят в нижнем течении Вай-Фудзина, там, где река принимает в себя сразу два притока: Сыдагоу — справа и р. Арзамасовку — слева. По словам пермцев, умеренные наводнения не только не приносят вреда, но, наоборот, даже полезны, так как после них на земле остается плодородный ил. Большие же наводнения совершенно смывают пашни и приносят непоправимый вред.

От устья р. Сыдагоу долина Вай-Фудзина сразу расширяется. Отсюда видно уже море.

От села Пермского дорога идет сначала около левого края долины у подножья террасы, а затем отклоняется вправо и постепенно подходит к реке. Здесь растет редкий лес дровяного характера, состоящий из низкорослой черной березы, японской ольхи со спирально скрученным стволом и ольгинской лиственицы. Песчаная почва сверху покрыта тонким слоем наносного ила, поросшего травою. Где только дерновой слой подвергся уничтожению, оголились пески. Вследствие этого дорога между селом Приморским и берегом моря считается тяжелой.

Выйдя на почтовый тракт, я кончил съемку, отдал планшет сопровождавшему меня стрелку и взял ружье. Несмотря на пройденный длинный путь, моя собака все время бегала по кустам, выискивая птиц. Один раз она сделала стойку по слуху. Я подошел к ней. Она прыгнула в заросли, что-то схватила зубами, потрясла головой и бросила в сторону. Это оказалась маньчжурская полевая мышь, весьма распространенная по всему краю. Величиной она с обыкновенную домашнюю мышь, но с буро-желтой окраской и с белыми лапками. Эта мышь не так подвижна, как домашняя, и вследствие этого легко становится добычей хищных птиц. Кормом ей служат различные семена растений, дубовые жолуди и корни трав. Забрав мертвую мышь как охотничий трофей, я пошел дальше по дороге.

На половине пути между селом Пермским и постом Ольги с левой стороны высится скала, называемая местными жителями «Чортовым утесом». Еще пятнадцать минут ходу, и вы подходите к морю. Читатель поймет то радостное настроение, которое нас охватило. Мы сели на камни и с наслаждением стали смотреть, как бьются волны о берег.

Из морского песка здесь образовались дюны, заросшие шиповником, травою и низкорослыми дубками, похожими скорее на кустарники, чем на деревья. Там, где наружный

покров дюн был нарушен, пески пришли в движение и погребли под собою все, что встретилось им на пути.

Наш путь был окончен.

В пост Ольги мы прибыли 21 июня в два часа дня и разместились по квартирам. Все наши грузы шли на пароходе морем. В ожидании их я решил заняться обследованием окрестностей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЗАЛИВ ОЛЬГИ

История залива. — Тихая пристань. — Китайский поселок Пимынь. — Пост Ольги. — И. А. Пятышин. — Отъезд П. К. Рутковского. — Крестовая гора. — Б. Н. Бунин. — Геология залива Ольги. — Китаец-золотоискатель. — Птицы. — Тигр на вершине хребта. — Гольцы. — Лишаи и мхи. — Мабита. — Поиски. — Лед подземный. — Истоки р. Сандагоу. — Пятнистые олени.

Залив Ольги (43° с. ш. и 152° 57′ в. д. от о. Ферро) открыт французским мореплавателем Лаперузом в 1787 г. и тогда был назван портом Сеймура. Во время Крымской кампании несколько английских судов преследовали русский военный корабль. Пользуясь туманом, судно укрылось в какую-то бухту. Англичане потеряли его из виду и ушли ни с чем. Так как это случилось 11 июля, в день Ольги, то русские залив своего спасения назвали ее именем. В память избавления своего от врага они поставили крест на высокой горе, которая с той поры стала называться Крестовою.

При входе в залив Ольги справа высится одинокая скала, названная моряками островом Чихачева. На этой скале поставлена сигнальная башня, указывающая судам место входа. Но так как летом в этой части побережья почти все время стоят туманы, то она является совершенно бесполезной, ибо с моря ее все равно не видно.

Залив Ольги закрыт с трех сторон; он имеет километра три в длину, столько же в ширину и в глубину около 25 м. Зимой он замерзает на три месяца только с северной стороны. Северо-восточная часть залива образует еще особую бухту, называемую местными жителями «Тихою пристанью». Эта бухта соединяется с большим заливом узким проходом и замерзает на более продолжительное время. Тихая пристань (глубиною посредине 10—12 м, длиною с километр и шириною в 500 м) постепенно заполняется наносами речки Ольги.

На восточном берегу залива находится китайский поселок Ши-мынь[85], называемый русскими «Кошкой». Раньше поселок этот был главным китайским торговым пунктом в Уссурийском крае. Ежегодно сюда приходило до сотни шаланд с товарами из Хунчуна. Охотники с р. Уссури доставляли в Ши-мынь соболиные меха, ценные панты и дорогой женьшень. Цары тайги выменивались на продукты морского промысла. По длинному ряду бараков, расположенных на берегу моря для склада товаров и разного сырья, можно судить о размерах торговых оборотов китайцев в заливе Ольги.

В самом углу залива находится русское селение, называвшееся ранее постом Ольги. Первая постройка, которая появилась здесь в 1854 г., была матросская казарма. В 1878 г. сюда приехали лесничий и фельдшер, а до того времени местный пристав исполнял их обязанности: он был и учителем, и врачом, чинил суд и расправу.

В 1906 г. в посту Ольги была небольшая деревянная церковь, переселенческая больница, почтово-телеграфная станция и несколько мелочных лавок. В настоящее время пост Ольги не деревня и не село. Ольгинцы в большинстве случаев были разночинцы и запасные солдаты, арендовавшие землю в казне. Никто не занимался ни огородничеством, ни хлебопашеством, никто не сеял, не жал и не собирал в житницы, но все строили дома, хотя бы и в долг; все надеялись на то, что пост Ольги станет городом и захваченная земля перейдет в собственность, после чего ее можно будет выгодно продать.

Русско-японская война тяжело отразилась на этом маленьком русском поселке, отрезанном бездорожьем от других жилых мест Уссурийского края. Предметов первой необходимости, как керосин, свечи, мыло, чай и сахар, нельзя было достать ни за какие деньги. Да и теперь еще население его, в ожидании лучших дней, перебивается с хлеба на квас. Некоторые жители не живут в посту Ольги, а уехали во Владивосток. Много домов брошено и заколочено досками. Домовладельцы рады-радешеньки сдать кому-нибудь свои постройки не только в аренду, но даже в бесплатное пользование, лишь бы кто-нибудь охранял их от расхищения.

Около поста есть старинное кладбище, совершенно запущенное. Через несколько лет оно будет совсем утеряно. Пер-

вымн на нем похоронили в 1860 г. матросов, умерших от цынги.

Другой достопримечательностью поста была маленькая чугунная пушка на неподвижном деревянном лафете. Я видел ее в полном пренебрежении на площади около дома лесничего. По рассказам старожилов, она привезена была в пост Ольги для того, чтобы во время тумана подавать сигналы кораблям, находящимся в открытом море.

В заключение еще остается сказать несколько слов об одном местном обывателе, весьма способствовавшем процветанию этого уголка далекой русской окраины. Я говорю о крестьянине И. А. Пятышине. Обремененный большой семьей, этот удивительный труженик вечно находился в работе, вечно о чем-нибудь хлопотал. Сперва Пятышин открыл в посту Ольги торговлю, но, будучи по характеру добрым и доверчивым человеком, роздал в кредит весь свой товар и разорился. Потом он занялся рыболовством, но вода унесла у него невода. Тогда он стал добывать морскую капусту, но рабочие-китайцы, забрав вперед задатки, разбежались. После этого он взялся за лесное дело — наводнение унесло у него весь лес. Пятышин собрал все свои остатки и начал строить кирпичный завод, но кирпич не нашел сбыта; ломку мрамора постигла та же участь; не пошло в ход также и выжигание извести.

Последнее дело, которым неудачно занимался Пятышин, — это подрядная постройка домов и разбивка улиц в посту Ольги. Другой на месте И. А. Пятышина давно опустил бы руки и впал в отчаяние, но он не упал духом и вновь занялся рыбной ловлей. Ни на кого он не жаловался, винил только свою судьбу и продолжал с нею бороться. Много неимущих переселенцев находило заработок у Пятышина, много личного труда и денежных средств он вложил в устроение поста Ольги. К сожалению, в свое время он ниоткуда не получил поддержки, бросил все, перекочевал на р. Нельму.

Первые два дня мы отдыхали и ничего не делали. В это время за П. К. Рутковским пришел из Владивостока миноносец «Бесшумный». Вечером П. К. Рутковский распрощался с нами и перешел на судно. На другой день на рассвете миноносец ушел в море. П. К. Рутковский оставил по себе в отряде самые лучшие воспоминания, и мы долго не могли привыкнуть к тому, что его нет более с нами.

Первая моя экскурсия в окрестностях залива Ольги была на гору Крестовую.

Крест, о котором говорилось выше, еще стоял на месте, но уже покачнулся. В него была врезана металлическая доска с надписью. Теперь ее нет. Осталось только гнездо и следы гвоздей.

С Крестовой горы можно было хорошо рассмотреть все окрестности. В одну сторону шла широкая долина Вай-Фуд-

зина. Вследствие того, что около р. Сандагоу она делает излом, конца ее не видно. Сихотэ-Алинь заслоняли теперь другие горы. К северо-западу протянулась р. Арзамасовка. Она загибала на север и терялась где-то в горах. Продолжением бухты Тихой пристани является живописная долина р. Ольги, текущей параллельно берегу моря.

Горы в окрестностях залива невысоки, но выражены весьма резко и большею частью состоят из серого гранита, кварцевого порфира, песчаника, роговика, аркоза и зеленой яшмы, в которой в разных направлениях проходят тонкие кварцевые прожилки. В окрестностях найдено много железных, медных и серебро-свинцовых руд.

Большинство сопок покрыто осыпями, являющимися результатом разрушения горных пород деятельностью атмосферных агентов. Образование этих осыпей можно проследить с момента появления трещин в скалах до рассыпания их на мелкие обломки. Если молотом ударить по такой глыбе или с силою бросить ее о землю, она разобьется по трещинам, по которым внутрь проникла вода. И сколько бы ни разбивать эти камни на еще более мелкие обломки, они нигде не дадут свежих изломов.

В посту Ольги я познакомился с Б. Н. Буниным, знатоком Южно-Уссурийского края, исходившим его вдоль и поперек. В 1901 г. он был тяжело ранен хунхузами из фалконета и после этого стал прихрамывать на одну ногу.

Однажды он отправился в горы по своим делам и пригласил меня с собою. 24 июня рано утром мы выехали с ним на лодке и, миновав Мраморный мыс, высадились на берегу против острова Чихачева. Эта экскурсия дала мне возможность хорошо ознакомиться с заливом Ольги и устьем р. Вай-Фудзина.

Вдоль берега моря и параллельно ему тянутся рядами болота и длинные озерки, отделенные друг от друга песчаными валами. Чем ближе к берегу моря, тем валы эти свежее и выражены резче. По ним грядами растут кустарниковая ольха с коротко-волосистыми ветвями и слегка опушенными листьями и березолистный таволожник — маленький кустарник с бледно-розовыми цветами. Во многих местах от валов уже не осталось следа, и только растительность указывает бывшее их направление. Произведенные в некоторых местах раскопки дали обломки морских раковин. Здесь над приростом суши трудились одновременно и река и море. Первая приносила готовый материал, второе складывало его в валы. Ныне в низовьях реки образовалось много островов. Они только что вышли из воды, состоят из чистого песка и еще не успели зарасти травою.

Геологу рисуется картина далекого прошлого. Залив Ольги имел совсем не такой вид, какой он имеет теперь. Он

был в три раза больше и далеко вдавался в сушу в западном направлении. Со стороны моря ясно видны границы древнего залива, в который самостоятельно впадали Вай-Фудзин, Сыдагоу и Арзамасовка. Заболоченность нижней части долины Аввакумовки, протоки, озерки, слепые рукава, соединяющиеся с морем, тоже указывают на это. Около устья течения реки почти незаметно. Даже наоборот, при свежем восточном ветре и во время приливов замечается обратное движение воды. На Чортовом утесе можно видеть следы морского прибоя. Этот безмолвный свидетель говорит нам о том, что когда-то и он был омываем волнами Великого океана.

Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить твердую горную породу и превратить ее в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду! Немалое участие в заполнении долины принимал и плавниковый лес. Тысячами кряжин и пней завалено русло реки и острова. Стволы деревьев сейчас же заносятся песком, на поверхности остаются торчать только сучья и корни. Мало-помалу погребаются и они. Каждое новое наводнение приносит новый бурелом и накладывает его сверху, потом опять заносит песком и т. д. Так отступает океан, нарастает суша, и настанет время, когда р. Вай-Фудзин будет впадать не в залив Ольги, а непосредственно в море.

Мы высадились на южном берегу залива часов в десять утра, лодку отправили назад, а сами пошли в горы. По дороге к нам присоединился китаец — искатель золота. У него в котомке была железная лопата без черенка, деревянный лоток для промывания песка и облегченный заступ с короткой рукояткой. Китаец этот был средних лет, худой, с рябоватым лицом и с соломенной шляпой на голове. Он охотно отвечал на задаваемые ему вопросы. Это дало мне возможность познакомиться с китайскими приемами золотоискательства. Прежде всего он старался найти такую речку, против которой в море есть остров. Это верный признак, что в долине будет золото. Подымаясь вверх по реке, он искал такой приток, чтобы против устья его была отвесная скала, причем направление новой долины должно быть строго перпендикулярно к плоскости скалы и не меньше как в два километра длиною. Если это расстояние было короче или если долина шла не совсем под прямым углом к скале, она не годилась. Китаец все время шел вперед и выискивал все новые и новые притоки, причем протяжение их сокращалось от двух километров до одного, потом до полукилометра и т. д. Последний ключик имел метров двести длиною. Китаец остановился и сказал, что тут надо искать золото. Он стал рассматривать в ручье гальку и песок. То и другое, видимо, его удовлетворило, и он решил остаться здесь для разведок. Многие объяснения его для меня были непонятны. Так, например, он говорил, что есть люди, которые непосред-

ственно чувствуют присутствие золота в земле; к числу их он присоединял и себя.

В топографическом отношении местность, по которой мы теперь шли, представляла собою сильно размытые горы с пологими скатами. Кое-где торчали скалы, находящиеся в последней стадии разрушения; большинство их превратилось уже в осыпи.

Характер растительности был тот же самый, что и около поста Ольги. Дуб, береза, бархат, тополь, ясень и ива росли то группами, то в одиночку. Различные кустарники, главным образом лоспедеца, калина и таволга, опутанные виноградом и полевым горошком, делали некоторые места положительно непроходимыми, в особенности если к ним еще примешивалось чортово дерево. Итти по таким кустарникам в жаркий день очень трудно. Единственная отрада — ручьи с холодной водой.

В полдень мы дошли до водораздела. Солнце стояло на небе и заливало землю своими палящими лучами. Жара стояла невыносимая. Даже в тени нельзя было найти прохлады. Отдохнув немного на горе, мы стали спускаться по ручью на запад. Расстилавшаяся перед нами картина была довольно однообразная. Куда ни взглянешь, всюду холмы, и всюду одна и та же растительность.

Над землею висел раскаленный воздух, насыщенный влагою. Деревья и кусты поникли листвой и казались безжизненными.

За весь день мы не видели ни одного животного, хотя козьих и оленьих следов попадалось много. В пути я не упускал случая делать заметки по орнитологии.

Прежде всего упомяну о зеленом дятле с красною головою. Говорят, что он ходит по земле довольно хорошо. Проворный, пугливый и крикливый, он по ухваткам походит на своих пестрых собратьев. Затем тут были маньчжурские жаворонки; голоса их слышны были повсюду. Некоторые птицы выпархивали у нас из-под ног и, отлетев немного, садились опять на землю. Казалось, на них жара не действовала совсем; они высоко подымались к небу и звонким пением оглашали окрестности. В низине из кочковатой болотинки собаки выгнали нескольких куличков. Я убил одного из них. Это оказался восточносибирский бекас. В другом месте из чащи вылетел красивый длинноносый дупель. На поваленных деревьях и на пнях кое-где встречались японские коньки. Они проворно бегали по земле и грелись на солнышке. При приближении людей они не улетали, а ловко скрывались в кустах и появлялись только тогда, когда убеждались, что опасность миновала. Судя по тому, что здесь было много мелких птиц, можно было допустить присутствие малого перепелятника. И действительно, одного такого ястреба я вспугнул из травы, что было очень странно, так как ноги его совсем не приспособлены

к хождению по земле. Быть может, эти хищники из опыта знали, что вид их, сидящих на сухостойных деревьях, пугает мелких птиц, тогда как, спрятавшись, они скорее могут рассчитывать на добычу.

День близился к концу. Солнце склонилось на запад, от деревьев по земле протянулись длинные тени. Надо было становиться на ночь. Выбрав место, где есть вода, мы стали устраивать бивак.

Вечером я долго сидел с Б. Н. Буниным у огня. Он рассказывал мне о своих путешествиях, о хунхузах, об охоте и т. д. Наконец я почувствовал, что сон начинает овладевать мною. Я лег к огню, завернулся в бурку и скоро уснул.

На следующий день мы расстались с золотоискателем. Он пошел назад к перевалу, а мы направились к реке Сыдагоу и оттуда обратно в пост Ольги.

Спуск с Крестовой горы оказался труднее, чем подъем. На обратном пути я несколько сбился с дороги и попал в осыпь, заросшую кустарниками и каменной полынью. Когда я входил в селение, в домах уже засветились огни. Придя к себе, я занес свои наблюдения в дневник и рано лег спать.

Двадцать шестого числа небо начало хмуриться. Порывистый ветер гнал тучи и густой туман. Это был плохой признак. Ночью пошел дождь с ветром, который не прекращался подряд трое суток. 28-го числа разразилась сильная буря с проливным дождем. Вода стекала с гор стремительными потоками; реки переполнились и вышли из берегов; сообщение поста Ольги с соседними селениями прекратилось.

В ожидании парохода, который должен был привезти наши грузы, я решил отправиться на обследование реки Сыдагоу и наметил такой маршрут: перевалить через водораздел около Тазовской горы, спуститься по р. Сандагоу и опять выйти на р. Вай-Фудзин. На выполнение этого маршрута потребовалось шесть суток.

Первое июля прошло в сборах. Лошадей я оставил дома на отдыхе, из людей взял с собой только Загурского и Туртыгина. Вещи свои мы должны были нести на себе в котомках.

Утром после бури еще моросил мелкий дождь. В полдень ветер разорвал туманную завесу, выглянуло солнце, и вдруг все ожило: земной мир сделался снова прекрасным. Камни, деревья, трава, дорога приняли праздничный вид; в кустах запели птицы; в воздухе появились насекомые, и даже шум воды, сбегающей пенистыми каскадами с гор, стал ликующим и веселым.

Через р. Вай-Фудзин мы переправились верхом на лошадях и затем пошли по почтовому тракту, соединяющему пост Ольги с селом Владимиро-Александровским на р. Сучане.

Река Сыдагоу длиною 60 км. В верхней половине она течет параллельно Вай-Фудзину, затем поворачивает к востоку и

впадает в него против села Пермского. Мы вышли как раз к тому месту, где Сыдагоу делает поворот. Река эта очень каменистая и порожистая. Пермцы пробовали было по ней сплавлять лес, но он так сильно обивался о камни, что пришлось бросить это дело. Нижняя часть долины, где проходит почтовый тракт, открытая и удобная для земледелия, средняя — лесистая, а верхняя — голая и каменистая.

Лес на р. Сыдагоу растет девственный и величественный. Натуралист-ботаник отметил бы здесь, кроме кедра, ели, даурской березы и маньчжурского ореха, еще сибирскую лиственницу, растущую вместе с дубом и с мелколистным кленом; «моно» — собственно, орочское название этого дерева; академик Максимович удержал его как видовое. Среди таволги, леспедецы, орешника и калины здесь произрастали бородавчатая боярка с серою корою, редкими шипами и листьями, глубоко рассеченными, и притянутый к земле черемушник, перепутанный с колючим элеутерококкусом. Обыкновенно древесные стволы служат опорой для ползучих растений, которые стремятся вверх к солнцу; они так сильно вдавливают свои стебли в кору деревьев, что образуют в ней глубокие рубцы.

Из таких вьющихся растений можно указать на уже знакомую коломикту и лимонник с запахом и вкусом, действительно напоминающими лимон. В сырых местах росли папоротник чистоуст с красным пушком на стеблях, что придает растению весьма эффектный вид, и целые заросли гигантского белокопытника. Листья его большие, раздельнозубчатые, сверху блеснозеленые, внизу матовобледные. Весной это самое лакомое блюдо медведей.

Как только мы вошли в лес, сразу попали на тропинку. После недавних дождей в лесу было довольно сыро. На грязи и на песке около реки всюду попадались многочисленные следы кабанов, оленей, изюбров, козуль, кабарожки, росомах, рысей и тигров. Мы несколько раз подымали с лежки зверей, но в чаще их нельзя было стрелять. Один раз совсем близко от меня пробежал кабан. Это вышло так неожиданно, что, пока я снимал ружье с плеча и взводил курок, от него и след простыл.

В полдень тропа привела нас к китайской фанзе. Множество шкур, сложенных в амбаре, свидетельствовало о том, что обитатели ее занимаются охотой очень успешно. Фанза была новая, видимо, недавно выстроенная. На крыше для просушки были растянуты две оленьи шкуры, а над дымокуром на веревочке висела медвежья желчь. Китайцы употребляют ее как лекарство от трахомы. Для этого они разбавляют сухую желчь водою и тряпицей смачивают веки глаз. Медвежья желчь ценится от двух до пяти рублей, в зависимости от ее размеров.

За день нам удалось пройти двадцать два километра.

Лес на левом берегу кончился, и началась гарь[86]. Горы, окаймляющие долину, состоят из диорита, сиенита, кварца, полевошпатового порфира, совершенно обезлесены и сплошь покрыты осыпями. Верховья р. Сыдагоу представляются в виде небольшой горной речки, в которую справа и слева впадает множество мелких ручьев. Во время последнего наводнения вода размыла ложе реки шириною более двухсот метров. Все это пространство занесено песком и галькой. С правой стороны, там, где кончалась каменистая отмель, сразу начинался обрывистый берег. В обрезе его видно, что почва долины состоит из такой же гальки вперемешку с илом.

В одном месте река делала изгиб; русло ее проходило у противоположного берега, а с нашей стороны вытянулась длинная коса. На ней мы и расположились биваком; палатку поставили у края берегового обрыва лицом к реке и спиною к лесу, а впереди развели большой огонь.

В этот день мне нездоровилось немного, и потому я не стал дожидаться ужина и лег спать. Во сне мне грезилось, будто бы я попал в капкан, и от этого сильно болели ноги. Когда я проснулся, было уже темно.

Осмотревшись, я понял причину своих снов. Обе собаки лежали у меня на ногах и смотрели на людей с таким видом, точно боялись, что их побьют. Я прогнал их. Они перебежали в другой угол палатки.

— Вот диво! — сказал Загурский. — Не хотят собаки итти наружу.

Поведение собак действительно было странное. В особенности удивил меня Леший. Он всегда уходил в кусты и ложился где-нибудь за палаткой, а теперь жался к людям. Наконец, мы собак выгнали, но не надолго. Через несколько минут они вновь пробрались в палатку и расположились около изголовий.

В это время в лесу раздался какой-то шорох. Собаки подняли головы и насторожили уши. Я встал на ноги. Край палатки приходился мне как раз до подбородка. В лесу было тихо, и ничего подозрительного я не заметил. Мы сели ужинать. Вскоре опять повторился тот же шум, но сильнее и дальше в стороне. Тогда мы стали смотреть втроем, но в лесу, как нарочно, снова водворилась тишина. Это повторилось несколько раз сряду.

— Вероятно, мыши, — сказал Туртыгин.

— Или, может быть, заяц, — ответил Загурский.

Наконец, все успокоились. После чаю стрелки стали уговариваться, по скольку часов они будут караулить ночью. Я отдохнул хорошо, спать мне не хотелось, и потому предложил им ложиться, а сам решил заняться своим дневником.

— Пошли вон! — прогонили стрелки собак из палатки.

Собаки вышли, немного посидели у огня, а затем снова полезли к людям. Ленни примостился в ногах у Туртыгина, а Альпа легла на мое место.

Ночь была такая тихая, что даже осины замерли и не трепетали листьями. В сонном воздухе слышались какие-то неясные звуки, точно кто-то вздыхал, шептался, где-то капала вода, чуть слышно трещали кузнечики. По темному небу, усеянному тысячами звезд, вспыхивали едва уловимые зарницы. Красные блики от костра неровно ложились по земле, и за границей их ночная тьма казалась еще черней.

Я подложил дров в огонь и стал делать записи в дневник. В это время обе собаки подняли головы и стали глухо ворчать. Я встал со своего места, осмотрелся и хотя ничего не увидел, но зато услышал удаляющийся шорох. «Вероятно, барсук или енот», подумал я и сел снова за работу. Прошло с полчаса. Вдруг я услышал, как в стороне, слева от бивака, посыпалась галька. Кто-то спускался с обрыва к реке. По моим расчетам это было от нашего костра метрах в пятидесяти, не более. Прикрыв рукою глаза от света, я стал усиленно смотреть на реку. Собаки выражали крайний испуг. Альпа забилась в самую глубь палатки. Вслед за тем я услышал, как кто-то осторожно шел по отмели. Под давлением чьей-то ноги галька раздавалась в стороны. Это не было копытное животное. Изюбр или олень стучат сильнее ногами; это не могло быть и маленькое животное, потому что вес его тела был бы недостаточен для того, чтобы производить такой шум. Это было крупное животное, у которого большая и мягкая лапа. Бренчанье гальками удалилось по направлению к реке, и вдруг я увидел на краю отмели около воды какую-то длинную тень. «Тигр!» мелькнуло у меня в голове. Не спуская глаз с зверя, я потянулся за ружьем, но, как на грех, оно не попадалось мне под руку. Дальше случилось что-то похожее на суматоху. Толкнув Загурского, я схватил винтовку. Стрелок спросонья толкнул собаку. Альпа испугалась и бросилась в другую сторону и села на голову Туртыгину. В это мгновение я выстрелил. Животное, стоявшее на отмели, издало короткий отрывистый звук, похожий на храп, и бросилось в воду, затем быстро взобралось на противоположный берег и исчезло в кустах.

Сна как не бывало. На биваке поднялся шум. Голоса людей смешались с лаем собак. Каждый старался рассказать, что он видел. Загурский говорил, что видел кабана, а Туртыгин спорил и доказывал, что это был медведь. Собаки отбегали от костра, лаяли, но тотчас же возвращались обратно. Только перед рассветом они немного успокоились.

Часа через два темное небо начало синеть. Можно было уже рассмотреть противоположный берег и бурелом на реке, нанесенный водою. Мы пошли на то место, где видели зверя. На песке около воды были ясно видны отпечатки большой коша-

чьей лапы. Очевидно, тигр долго бродил около бивака с намерением чем-нибудь поживиться, и собаки почуяли его и забились в палатку.

Тигр, обитающий в Уссурийском крае, крупнее своего индийского собрата. Длина его тела равна 2,7—3 м, высота 1,2—1,5 м при весе в 250—300 кг. Окраска шерсти такая же пестрая, как и у южного тигра, но встречаются иногда экземпляры бледно окрашенные, с редкими и тусклыми полосами. Тигр — животное чрезвычайно красивое. Основной цвет его шерсти рыжево-желтый, испещренный черными полосами. На груди, шее и передних лапах они расположены реже, а на спине и на задних ногах выражены особенно ярко. Голова пестрая, бакенбардов нет, брюхо белое. Такая окраска является для тигра вполне защитной. Когда он бежит по тайге, среди кустарников, лишенных листвы, черный, желтый и белый цвета сливаются, и зверь принимает однотонную буро-серую окраску. Осенью среди оранжево-красных виноградников и сухих желтых папоротников, в которых есть немало почерневших старых листьев, тигра трудно увидеть даже на близком расстоянии. Возможно, что при более тщательных исследованиях длинношерстный тигр окажется родственником пещерного тигра, обитавшего когда-то в Европе. Тогда Уссурийский край можно считать его родиной. Животное это чрезвычайно любит залезать в пещеры. Летом мне часто приходилось видеть в них тигровые следы и перегрызенные кости. Тигр мало обращает внимания на климатические условия страны. Ему не страшны ни снег, ни холод. Он держится там, где гуще заросли и где достаточно есть корма, главным образом коз, кабанов и оленей. В Уссурийском крае он обитает в южной части страны; на побережье моря граница его распространения доходит до мыса Гиляк. Затем он встречается по всей долине р. Уссури и ее притокам и по рр. Мухеню, Пихце, Анюю и Хунгари, впадающим в Амур с правой стороны. Одиночные экземпляры заходят еще дальше на восток и на север. Если корма достаточно, тигр не трогает домашний скот, только крайняя нужда заставляет его приближаться к селениям и нападать на человека. Особенно старательно тигры охотятся за собаками.

Я вспомнил Дерсу. Он говорил мне, что тигр не боится огня и смело подходит к бивaку, если на нем тихо. Сегодня мы имели случай в этом убедиться. За утренним чаем мы еще раз говорили о ночной тревоге и затем стали собирать свои котомки.

Сразу с бивака мы повернули вправо и пошли по ключику в горы.

Подъем был продолжительный и трудный. Чем выше мы поднимались, тем растительность становилась скуднее. Лесные великаны теперь остались назади. Вместо них появились корявый дубок, маньчжурская рябина с голыми ветками и слабо опушенными листьями, желтая береза с мохнатой корой, вися-

щей по стволу лохмотьями, рододендроны с кожистыми, иногда зимующими листьями и белая ясеница. Турыгин сел около одного куста и стал закуривать трубку. Едва он чиркнул спичку, как окружающие куст эфирные масла вспыхнули с шумом бесцветным пламенем. Это понравилось стрелкам, и они стали устраивать такие фейерверки около каждого куста. Наконец, я остановил их, прося поберечь спички. Если непривычный человек в безветренный жаркий день попадает в заросли этого растения, с ним может сделаться дурно: так много оно выделяет из себя эфирного масла.

Отсюда начинался подъем на хребет. Я взял направление по отрогу, покрытому осыпями. Интересно наблюдать, как приспособляются деревья, растущие на камнях. Кажется, будто они сознательно ищут землю и посылают к ней корни по кратчайшему направлению. Через час мы вступили в область произрастания мхов и лишайников.

Откуда эти тайнобрачные добывают влагу? Вода в камнях не задерживается, а между тем мхи растут пышно. Наощупь они чрезвычайно влажны. Если мох выжать рукой, из него капает вода. Ответ на заданный вопрос нам даст туман. Он-то и есть постоянный источник влаги. Мхи получают воду не из земли, а из воздуха. Так как в Зауссурийском крае летом и весною туманных дней несравненно больше, чем солнечных, то пышное развитие мхов среди осыпей становится вполне понятным.

Но вот и мхи остались сзади. Теперь начались гольцы. Это не значит, что камни, составляющие осыпи на вершинах гор, голые. Они покрыты лишаями, которые тоже питаются влагой из воздуха. Смотря по времени года, они становятся или сухими, так что легко растираются пальцами руки в порошок, или делаются мягкими и влажными. Из отмерших лишайников образуется тонкий слой почвы, на нем вырастают мхи, а затем уже травы и кустарники.

Когда мы поднялись на вершину хребта, утренняя мгла рассеялась и открылся великолепный вид во все стороны. Внизу протекала река Сыдагоу. Сверху хорошо было видно, как она извивалась по лесу и блестела на солнце. На севере высилась Тазовская гора, которую мы должны были обогнуть. На юго-западе виднелся лесистый бассейн р. Пхусуна[87], на юго-востоке — море, а на западе — еще какие-то горы. Разобраться в них не всякий сумеет. Для этого нужен большой опыт. Знакомые вершины меняют свои очертания до неузнаваемости. Например, Столовая гора, если смотреть на нее по направлению продольной оси, кажется острым пиком. Тазовская гора служила нам прекрасным ориентировочным пунктом. Это дало мне возможность взять верное направление.

В полдень я подал знак к остановке. Хотелось пить, но нигде не было воды. Спускаться в долину было далеко. Поэтому мы

решили перетерпеть жажду, отдохнуть немного и итти дальше. Стрелки растянулись в тени скал и скоро уснули. Вероятно, мы проспали довольно долго, потому что солнце переместилось на небе и заглянуло за камни. Я проснулся и посмотрел на часы. Было три часа пополудни, следовало торопиться. Все знали, что до воды мы дойдем только к сумеркам. Делать нечего, оставалось запастись терпением.

Хребет, по которому мы теперь шли, состоял из ряда голых вершин, подымающихся одна над другою в восходящем порядке. Впереди, километрах в двадцати, перпендикулярно к нему шел другой такой же хребет. В состав последнего с правой стороны входила уже известная нам Тазовская гора. Надо было достигнуть узла, где соединялись оба хребта, и оттуда начать спуск в долину р. Сандагоу.

День, как на грех, выпал тихий, безветреный; жара стояла невыносимая. Один раз мы попробовали было спуститься с хребта за водою. Воды не нашли, но зато на обратном подъеме так измучились, что более уже не проделывали этого опыта. Взбираясь на вершины, мы каждый раз надеялись по ту сторону их увидеть что-нибудь такое, что предвещало бы близость воды, но каждый раз надежда эта сменялась разочарованием. Впереди, кроме голых, безжизненных осыпей, ничего не было видно. Будь это не осыпи, будь скалы, все-таки можно бы рассчитывать найти какую-нибудь щель, наполненную дождевой водой. Но что найдешь среди камней, в беспорядке наваленных друг на друга? Люди шли молча, опустив головы, и, высунув изо рта длинные языки, тихонько за ними плелись собаки.

В горах расстояния очень обманчивы. Мы шли целый день, а горный хребет, служащий водоразделом между рр. Сандагоу и Сыдагоу, как будто тоже удалялся от нас. Мне очень хотелось дойти до него, но вскоре я увидел, что сегодня нам этого сделать не удастся. День приближался к концу; солнце стояло почти у самого горизонта.

Нагретые за день камни сильно излучали теплоту. Только свежий ветер мог принести прохладу.

Перед нами высилась еще одна высокая гора. Надо было ее «взять» во что бы то ни стало. На все окрестные горы легла вечерняя тень, только одна эта сопка была озарена солнечными лучами. Последний подъем был очень труден. Раза три мы садились и отдыхали, потом опять поднимались и через силу карабкались вверх.

Когда мы достигли вершины горы, солнце уже успело сесть. Отблески вечерней зари еще некоторое время играли в облаках, но они скоро стали затягиваться дымкой вечернего тумана.

Опасение, что к сумеркам мы не найдем воды, придало всем энергию. За горой была глубокая седловина и около нее выемка, покрытая низкорослой древесной растительностью. Мы стали спускаться в эту ложбину. Чем скорее мы найдем воду, тем

меньше завтра будем тратить усилий на обратное восхождение на хребет. Поэтому, спускаясь вниз, все внимательно прислушивались. Вскоре наша ложбина приняла вид оврага. На дне его густо росли трава и кустарники, любящие влагу. От седловины мы уже спустились метров на двести, а воды все еще не было видно. Вдруг ухо мое уловило глухой шум под землею. Стрелки сбросили котомки и стали разбирать камни, но вода оказалась далеко. Тогда мы перешли ниже и принялись опять копаться в земле. На этот раз труды наши увенчались успехом: вода была найдена. Первым делом все бросились утолять жажду, но вода была так холодна, что ее пить можно было только маленькими глотками с перерывами.

Когда Туртыгин развел огонь, я принялся осматривать ручей. Температура воды была +0,9° С. Я просунул руку в образовавшееся отверстие и вынул оттуда несколько камней, покрытых концентрическими слоями льда. Льда было так много, что камни казались в него вмерзшими. Местами лед достигал мощности десяти сантиметров.

Несколько раз стрелки принимались варить чай. Пили его перед тем, как ставить палатку, потом пили после того, как она была поставлена, и еще раз пили перед сном. После ужина все тотчас уснули. Бивак охраняли одни собаки.

Следующий день был такой же душный и жаркий, как и предыдущий.

В Уссурийском крае летние жары всегда бывают очень влажными. Причиной этому является муссон, приносящий сырость с моря.

Дерновой покров и громадное количество отмершего листа на земле задерживают значительную часть влаги, не давая ей скатываться в долины. Днем, когда пригреет солнце, эта влага начинает испаряться до полного насыщения воздуха. Этим объясняются вечерние и утренние росы, которые бывают так обильны, что смачивают растительность точно дождем. При сравнительно высокой летней температуре и обилии поливки, климат Уссурийского края мог бы быть весьма благоприятным для садоводства, но страшная сухость и сильные ветры зимой губительно влияют на фруктовые деревья и не позволяют им развиваться, как следует.

Влажные жары сильно истомляют людей и животных. Влага оседает на лицо, руки и одежду, бумага становится вакхою[88] и перестает шуршать, сахар рассыпается, соль и мука слипаются в комки, табак не курится; на теле часто появляется тропическая сыпь.

Часа два прошло, пока мы опять достигли водораздела. Теперь начался спуск. Горы, окаймляющие истоки р. Сандагоу, также обезлесены пожарами. Обыкновенно после первого пала остаются сухостои, второй пожар подтачивает их у корня, они падают на землю и горят, пока их не зальет дождем. Тре-

тий пожар уничтожает эти последние остатки, и только одна поросль около пней указывает на то, что здесь был когда-то большой лес. С исчезновением лесов получается свободный доступ солнечным лучам к земле, а это в свою очередь сказывается на развитии травяной растительности. На горелых местах всегда растут буйные травы, превышающие рост человека. Итти по таким зарослям, заваленным колодником, всегда очень трудно.

Спуск с хребта был не легче подъема. Люди часто падали и больно ушибались о камни и сучья валежника. Мы спускались по высохшему ложу какого-то ручья и опять долго не могли найти воды. Рытвины, ямы, груды камней, заросли чортова дерева, мошка и жара делали эту часть пути очень тяжелой.

После полудня мы вышли, наконец, к р. Сандагоу. В русле ее не было ни капли воды. Отдохнув немного в тени кустов, мы пошли дальше и только к вечеру могли утолить мучившую нас жажду. Здесь в глубокой яме было много мальмы[89]. Загурский и Туртыгин без труда наловили ее столько, сколько хотели. Это было как раз кстати, потому что взятое с собой продовольствие приходило к концу.

В верхней части р. Сандагоу слагается из двух рек — Малой Сандагоу, имеющей истоки у Тазовской горы, и Большой Сандагоу, берущей начало там, где и р. Эрлдагоу (приток Вай-Фудзина). Мы вышли на вторую речку почти в самых ее истоках. Пройдя по ней два-три километра, мы остановились на ночлег около ямы с водою на краю размытой террасы. Ночью снова была тревога. Опять какое-то животное приближалось к биваку. Собаки страшно беспокоились. Загурский два раза стрелял в воздух и криками отогнал зверя.

Следующий день был воскресный. Пользуясь тем, что вода в реке была только кое-где в углублениях, мы шли прямо по руслу. В средней части р. Сандагоу растут такие же хорошие леса, как и на р. Сыдагоу. Всюду виднелось множество звериных следов.

В одном месте река делает большую петлю. Стрелки шли впереди, а я немного отстал от них. За поворотом они увидали на протоке пятнистых оленей — телка и самку. Загурский стрелял и убил матку. Телок не убежал; он остановился и недоумевающе смотрел, что люди делают с его матерью и почему она не встает с земли. Я велел его прогнать. Трижды Туртыгин прогонял телка, и трижды он возвращался назад. Пришлось пугнуть его собаками.

Биваком мы стали на месте охоты. Часть мяса мы решили взять с собой, а остальное передать китайцам.

За ночь погода испортилась. Утро грозило дождем. Мы спешно собрали свои котомки и к полудню дошли до утеса, около которого Кашлев караулит тигров. Место это представ-

ляет собой теснину, между скалой и глубокой протокой, не замерзающей даже зимою. Здесь постоянно ходят полосатые хищники, выслеживающие кабанов, а за ними, в свою очередь, охотится Кашлев.

Пройдя от скалы еще километров пять, мы добрались, наконец, до первой земледельческой фанзы и указали китайцам, где можно найти оленье мясо. К вечеру мы дошли до р. Вай-Фудзина, а еще через двое суток возвратились в пост Ольги.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ НА РЕКЕ АРЗАМАСОВКЕ

Притоки р. Арзамасовки. — Китаец Че-Фан. — Пещеры. — Птицы. — Древесные и кустарниковые породы в лесу. — Охота на кабанов. — Заблудился. — Дождь. — Опасное положение. — Услуга, оказанная Лешим. — Тропа. — Упадок сил. — Огонь. — Чужой бивак. — Мурзин. — Возвращение.

Начиная с 7 июля, погода снова стала портиться. Все время шли дожди с ветром. Воспользовавшись непогодой, я занялся вычерчиванием маршрутов и обработкой путевых дневников. На эту работу ушло трое суток. Покончив с ней, я стал собираться в новую экскурсию на р. Арзамасовку. А. И. Мерзлякову было поручено произвести съемку Касафуповой долины и Кабаньей пади, а Г. И. Гранатман взялся произвести рекогносцировку в направлении Арзамасовка — Тадушу.

Пятнадцатого июля, рано утром, я выступил в дорогу, взяв с собою троих казаков: Мурзина, Эпова и Кожевникова. Ночевали мы в селе Пермском, а на другой день пошли дальше.

Река Арзамасовка по-китайски называется Да-дун-гоу [90]. Она длиною километров сорок пять, шириною около устья сто метров и глубиною по руслу около двух метров. Долина ее вначале узкая, но выше, после впадения р. Кабаньей, значительно расширяется. В настоящее время все китайские и туземные названия уже утрачены. Пермские крестьяне передe-

лали их по-своему. С[illegible] стороны пади Широкой в долину Арзамасовки выдвигаются мощные речные террасы, местами сильно размытые. Здесь в горах много осыпей. Своим серым цветом они резко выделяются из окружающей их растительности.

Интересною особенностью Арзамасовских гор, находящихся против пади Широкой, является однообразие их форм. Пусть читатель представит себе несколько трехгранных пирамид, положенных набок друг около друга, основанием в долину, а вершинами к водоразделу. Трехгранные углы их будут возвышенностями, а углубления между ними — распадками. Треугольные основания их по отношению к долине находятся под углом градусов в шестьдесят.

Частые и сильные наводнения в долине Вай-Фудзина принудили пермских крестьян искать места, более удобные для земледелия, где-нибудь в стороне. Естественно, что они прежде всего обратили внимание на Да-дун-гоу.

От залива Ольги в долину Арзамасовки есть два пути. Один идет через село Пермское, а другой — по р. Поддеваловке, названной так потому, что после дождей на размытой дороге образуется много ям-ловушек. Дорога эта выходит как раз против пади Широкой. Последняя представляет собою действительно широкую долину, по которой протекает маленькая речка. Выше ее в долину Арзамасовки входят три пади: Колывайская, Угловая и Лиственичная. По ним можно выйти на р. Хулуай, впадающую в залив Владимира. Перевалы через невысокие горные хребты состоят из целого ряда конических сопок, слагающихся из известняков.

В первый день мы дошли до фанзы китайца Че-Фана. По единогласному свидетельству всех пермских и фудзинских крестьян, китаец этот отличается удивительной добротой. Когда впервые у них наводнениями размыло пашни, он пришел к ним на помощь и дал семян для новых посевов. Всякий, у кого была какая-нибудь нужда, шел к Че-Фану, и он никому ни в чем не отказывал. Если бы не Че-Фан, переселенцы ни за что не поднялись бы на ноги. Многие эксплоатировали его доброту, и, несмотря на это, он никогда не являлся к обидчикам в качестве кредитора.

В настоящее время Че-Фан почти разорился и думает оставить Уссурийский край и уехать к себе на родину.

Утром на следующий день я пошел осматривать пещеры в известковых горах с правой стороны Арзамасовки, против устья р. Угловой. Их две: одна вверху на горе, прямая, похожая на шахту, длина ее около 100 м, высота — от 2,4 до 3,6 м; другая пещера находится внизу на склоне горы. Она спускается вниз колодцем метров на двенадцать, затем идет наклонно под углом в 10°. Раньше это было русло подземной реки. Длина второй пещеры около 120 м, ширина и высота неравномерны: то она становится узкой с боков и высокой, то, наоборот, низ-

кой и широкой. Дно пещеры завалено камнями, свалившимися сверху, вследствие этого в ней нет сталактитов. Так как эти обвалы происходят всюду и равномерно, то пещера как бы перемещается в вертикальном направлении.

Как и во всех таких пещерах, в ней было много летучих мышей с большими ушами и белых комаров-долгоножек.

Когда мы окончили осмотр пещер, наступил уже вечер. В фанзе Че-Фана зажгли огонь. Я хотел было ночевать на улице, но побоялся дождя. Че-Фан отвел мне место у себя на кане. Мы долго с ним разговаривали. На мои вопросы он отвечал охотно, зря не болтал, говорил искренно. Из этого разговора я вынес впечатление, что он действительно хороший, добрый человек, и решил по возвращении в г. Хабаровск хлопотать о награждении его чем-нибудь за ту широкую помощь, какую он в свое время оказывал русским переселенцам.

Перед рассветом с моря потянул туман. Он медленно взбирался по седловинам в горы. Можно было ждать дождя. Но вот взошло солнце, и туман стал рассеиваться. Такое превращение пара из состояния конденсации в состояние нагретое, невидимое, в Уссурийском крае всегда происходит очень быстро. Не успели мы согреть чай, как от морского тумана не осталось и следа; только мокрые кустарники и трава еще свидетельствовали о недавнем его нашествии.

15 и 16 июля я посвятил осмотру рр. Угловой и Лиственичной. Река Угловая (Нандунгоу) в верховьях слагается из трех горных ручьев. По ней можно выйти на р. Мокрушу (нижний правый приток Хулуая). Наносная пловатая почва в этой долине чрезвычайно плодородна. Сопки, защищающие ее от губительных морских ветров, покрыты лесом. Среди лиственных пород кое-где мелькают одиночные кедры. Зато с подветренной стороны они почти совершенно оголены от растительности. В самой долине растут низкорослый корявый дуб, похожий скорее на куст, чем на дерево, дуплистая липа, черная береза; около реки — тальник, вяз и ольха, а по солнцепекам — леспедеца, таволга, калина, орешник, полынь, тростник, виноград и полевой горошек.

Достигнув водораздела, мы повернули на север и пошли вдоль хребта к истокам р. Лиственичной. Печальную картину представляет собою этот хребет с чахлою растительностью по склонам и с гольцами по гребню. Сейчас же за перевалом высится куполообразная гора, которую местные жители называют «Борисовой плешиной». Относительная высота этой горы над истоками р. Лиственичной равняется 680 м. Спуск с водораздела, медленный и пологий к Арзамасовке, становится крутым в сторону р. Хулуая. В верховьях р. Лиственичная (Сяо-дун-гоу) состоит из двух речек одинаковой величины. Левая сторона ее покрыта редколесьем из дуба и березы.

Последняя является господствующей и составляет более 70% всей древесной растительности.

Из крупных четвероногих, судя по тем следам, которые я видел на земле, тут водились кабаны, изюбры, пятнистые олени и дикие козы. Два раза мы стреляли по ним, но неудачно.

Птиц тут было также очень много. По воздуху без шума носились два азиатских канюка, все время гонявшихся друг за другом. Один старался другого ударить сверху, с налета, но последний ловко увертывался от него. Верхняя птица по инерции проносилась мимо, а нижняя подымалась вверх, так что потом нельзя уже было разобраться, которая из них была нападающей и которая обороняющейся. Потом канюки спустились в траву и, распустив крылья, продолжали бой на земле. Леший спугнул их. Птицы поднялись на воздух и на этот раз разлетелись в разные стороны. Около каменистых осыпей в одиночку держались необщительные каменные дрозды. Они шаркали по камням, прятались в щелях и неожиданно появлялись где-нибудь с другой стороны. При малейшем намеке на опасность они поспешно старались скрыться в кустариках и среди россыпей. В другом месте я заметил мухоловок, которые легко ловили на лету насекомых и так были заняты своим делом, что совершенно не замечали людей и собак и даже не обращали внимания на ружейные выстрелы. В высокой густой траве то и дело встречались длиннохвостые камышевки. Им тут и место. Они лазали по тростникам, садились на кусты, бегали по земле. У них была какая-то боязнь открытых мест, лишенных растительности. Одна из этих птичек вылетела было на дорогу, но вдруг, как бы чего-то испугавшись, метнулась назад и тогда только успокоилась, когда села на камышинку. Около горного ручья между сухими кочками собака моя выгнала еще какую-то птицу. Я выстрелил и убил ее. Это оказался восточный горный дупель. Потом я заметил камчатскую черную трясогузку — грациозную и наивную птичку. Она не выражала страха перед человеком, бегала около воды и что-то клевала на берегу.

17 июля ушло на осмотр р. Арзамасовки. Истоки ее находятся как раз против верховьев р. Сибогоу, входящей в бассейн р. Тадушу. В верхней части своего течения р. Арзамасовка течет в меридиональном направлении и по пути принимает в себя речку Менную, потом Лиственичную, а немного ниже — еще две речки с правой стороны, которые местные крестьяне называют «Фальи пади» (от китайского слова «фалу», что значит олень). Отсюда Арзамасовка поворачивает к югу и сохраняет это направление до конца. По пути она забирает воду с правой стороны из р. Вымойной, которая, в свою очередь, принимает в себя рр. Сальную, Клыпную и Судновую. Эта последняя имеет притоками справа: рр. Форточкину, Сухую,

Комфоркину и слева — Прострельную. В долине р. Сальной можно наблюдать весьма интересные образования. Вода, стекающая с горы, по узким ложбинам выносит массы песка и щебня. По выходе в долину материал этот складывается в большие конусы, которые тем больше, чем длиннее и глубже ущелье. Вероятно, конусы эти нарастают периодически, во время сильных ливней, потому что только масса быстро двигающейся воды способна переносить столь крупные обломки горной породы.

Дойдя до истоков р. Арзамасовки, мы поднялись на водораздел и шли некоторое время горами в юго-западном направлении. В этом районе преобладающими горными породами будут известняки. В контактах их с массивно-кристаллическими породами встречаются богатые цинковые и серебро-свинцовые руды.

В сумерки с моря снова потянул туман. Я опасался, как бы опять не испортилась погода, но на наше счастье следующий день был хотя и пасмурный; но сухой.

Из новых древесных пород в этих местах я заметил неклен — небольшое стройное дерево с красно-коричневой корой и с звездообразно рассеченными листьями, затем — сибирскую яблоню, дающую очень мелкие плоды, похожие скорее на ягоды, чем на яблоки. Медведи особенно любят ими лакомиться. Около речки росли: душистый тополь с приземистым стволом и с узловатыми ветвями, рядом с ним — вечно трепещущая осина, а на галечниковых отмелях, как бамбуковый лес — тонкоствольные тальники. На скалах около ручья приютилась японская черемуха — полукуст, полудерево — и камчатская дафния с светлосерой корой и с красными ягодами. Дальше виднелась амурская сирень — основной элемент маньчжурской флоры, крупный кустарник с серой корой, а по опушкам — вьющаяся диоскорея — растение раздельнополое, причем мужские экземпляры отличаются от женских не только цветами, но и листвой.

Землистая, сильно избитая, лишенная растительности тропа привела нас к Спхотэ-Алиню. Скоро она разделилась. Одна пошла в горы, а другая направилась куда-то по правому берегу Лиственичной. Здесь мы отаборились. Решено было, что двое из нас пойдут на охоту, а остальные останутся на биваке.

Летом охота на зверя возможна только утром, на рассвете, и в сумерки, до темноты. Днем зверь лежит где-нибудь в чаще, и найти его трудно. Поэтому, воспользовавшись свободным временем, мы растянулись на траве и заснули.

Когда я проснулся, мне в глаза бросилось отсутствие солнца. На небе появились слоистые облака, и на землю как будто спустились сумерки. Было четыре часа пополудни. Можно было собираться на охоту. Я разбудил казаков, они обулись и принялись греть воду.

После чая мы с Мурзиным взяли свои ружья и разошлись в разные стороны. На всякий случай я захватил с собой на поводке Лешего.

Вскоре я нашел кабанов и начал их следить. Дикие свиньи шли, не останавливаясь, и на ходу все время рыли землю. Судя по числу следов, их было, вероятно, больше двадцати. В одном месте видно было, что кабаны перестали копаться в земле и бросились врассыпную. Потом опять сошлись вместе. Я уже хотел было прибавить шагу, как вдруг то, что я увидел, заставило меня оглянуться. Около лужи на грязи был свежий отпечаток тигровой лапы. Ясно представил себе, как шли кабаны и как следом за ними крался тигр. «Не вернуться ли назад?»—подумал я, но тотчас же взял себя в руки и осторожно двинулся вперед.

Теперь дикие свиньи пошли в гору, потом спустились в соседнюю падь, оттуда по ребру опять стали подниматься вверх, но, не дойдя до вершины, круто повернули в сторону и снова спустились в долину. Я так увлекся преследованием их, что совершенно забыл о том, что надо осматриваться и запоминать местность. Все внимание мое было поглощено кабанами и следами тигра. Так прошел я еще около часа.

Несколько мелких капель, упавших сверху, заставили меня остановиться: начал накрапывать дождь. Сперва он немного только поморосил и перестал. Минут через десять он опять попрыскал и снова перестал. Перерывы эти делались короче, а дождь сильнее, и, наконец, он полил как следует.

«Пора возвращаться на бивак»,—подумал я и стал осматриваться, но за лесом ничего не было видно. Тогда я поднялся на одну из ближайших сопок, чтобы ориентироваться.

Кругом, насколько хватал глаз, все небо было покрыто тучами; только на крайнем западном горизонте виднелась узенькая полоска вечерней зари. Облака двигались к западу. Значит, рассчитывать на то, что погода разгуляется, не приходилось. Горы, которые я теперь увидел, показались мне незнакомыми. Куда итти? Я понял свою ошибку. Я слишком увлекся кабанами и слишком мало уделил внимания окружающей обстановке. Итти назад по следам было немыслимо. Ночь застигла бы меня раньше, чем я успел бы пройти и половину дороги. Тут я вспомнил, что я, как некурящий, не имею спичек. Рассчитывая к сумеркам вернуться на бивак, я не захватил их с собой. Это была вторая ошибка. Я два раза выстрелил в воздух, но не получил ответных сигналов. Тогда я решил спуститься в долину и, пока возможно, итти по течению воды. Была маленькая надежда, что до темноты я успею выбраться на тропу. Не теряя времени, я стал спускаться вниз. Леший покорно поплелся сзади.

Как бы ни был мал дождь в лесу, он всегда вымочит до последней нитки. Каждый куст и каждое дерево собирают дожде-

вую воду на листьях и крупными каплями осыпают путника с головы до ног. Скоро я почувствовал, что одежда моя стала намокать.

Через полчаса в лесу начало темнеть. Уже нельзя было отличить яму от камня, колодник от земли. Я стал спотыкаться. Дождь усилился и пошел ровный и частый. Пройдя еще с километр, я остановился, чтобы перевести дух. Собака тоже вымокла. Она сильно встряхнулась и стала тихонько визжать. Я снял с нее поводок. Леший только и ждал этого. Встряхнувшись еще раз, он побежал вперед и тотчас скрылся с глаз. Чувство полного одиночества охватило меня. Я стал окликать его, но напрасно. Простояв еще минуты две, я пошел в ту сторону, куда побежала собака.

Когда идешь по тайге днем, то обходишь колодник, кусты и заросли. В темноте же всегда, как нарочно, залезаешь в самую чащу. Откуда-то берутся сучья, которые то и дело цепляются за одежду, ползучие растения срывают головной убор, протягиваются к лицу и опутывают ноги.

Быть в лесу, наполненном дикими зверями, без огня, во время ненастья — жутко. Сознанье своей беспомощности заставляло меня итти осторожно и прислушиваться к каждому звуку. Нервы были напряжены до крайности. Шелест упавшей ветки, шорох пробегающей мыши казались преувеличенными и заставляли круто поворачивать в их сторону. Я несколько раз порывался стрелять из ружья в сторону шума.

Наконец, стало так темно, что в глазах уже не было нужды. Я промок до костей; с фуражки за шею текла вода ручьями. Пробираясь ощупью в темноте, я залез в такой бурелом, из которого и днем-то едва ли можно скоро выбраться. Нащупывая руками опрокинутые деревья, вывороченные пни, камни и сучья, я ухитрился как-то выйти из этого лабиринта. Я устал и сел отдохнуть, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Зубы выстукивали дробь; я весь дрожал, как в лихорадке. Усталые ноги требовали отдыха, а холод заставлял двигаться дальше.

Залезть на дерево! Эта глупая мысль всегда первой приходит в голову заблудившемуся путнику. Я сейчас же отогнал ее прочь. Действительно, на дереве было бы еще холоднее, и от неудобного положения стали бы затекать ноги. Зарыться в листья! Это не спасло бы меня от дождя, но, кроме того, на мокрой земле легко простудиться. Как я ругал себя за то, что не взял с собой спичек! Я мысленно дал себе слово на будущее время не отлучаться без них от бивака даже на несколько метров.

Я стал карабкаться через бурелом и пошел куда-то под откос. Вдруг с правой стороны послышался треск ломаемых сучьев и чье-то порывистое дыхание. Я хотел было стрелять, но винтовка, как на грех, дульной частью зацепилась за лианы.

Я вскрикнул не своим голосом и в этот момент почувствовал, что животное лизнуло меня по лицу... Это был Леший.

В душе моей смешались два чувства: злоба к собаке, что она меня так напугала, и радость, что она возвратилась. Леший с минуту повертелся около меня, тихонько повизжал и снова скрылся в темноте.

С неимоверным трудом я подвигался вперед. Каждый шаг мне стоил больших усилий. Минут через двадцать я подошел к обрыву. Где-то глубоко внизу шумела вода. Разыскав ощупью большой камень, я столкнул его под кручу. Камень полетел по воздуху; я слышал, как он глубоко внизу упал в воду. Тогда я круто свернул в сторону и пошел вправо, в обход опасного места. В это время опять ко мне прибежал Леший. Я уже не испугался его и поймал за хвост. Он осторожно взял зубами мою руку и стал тихонько визжать, как бы прося его не задерживать. Я отпустил его. Отбежав немного, собака снова вернулась назад и тогда только успокоилась, когда убедилась, что я иду за ней следом. Так прошли мы еще с полчаса.

Вдруг в одном месте я поскользнулся и упал, больно ушибив колено о камень. Я со стоном опустился на землю и стал потирать больную ногу. Через минуту прибежал Леший и сел рядом со мной. В темноте я его не видел — только ощущал его теплое дыхание. Когда боль в ноге утихла, я поднялся и пошел в ту сторону, где было не так темно. Не успел я сделать и десяти шагов, как опять поскользнулся, потом еще раз и еще. Тогда я стал ощупывать землю руками. Крик радости вырвался из моей груди. Это была тропа. Несмотря на усталость и боль в ноге, я пошел вперед.

«Теперь не пропаду, — думал я, — тропинка куда-нибудь приведет».

Я решил итти по ней всю ночь до рассвета, но сделать это было не так-то легко. В полной темноте я не видел дороги и ощупывал ее только ногой. Поэтому движения мои были до крайности медленными. Там, где тропа терялась, я садился на землю и шарил руками. Особенно трудно было разыскивать ее на поворотах. Иногда я останавливался и ждал возвращения Лешего, и собака вновь указывала мне потерянное направление. Часа через полтора я дошел до какой-то речки. Вода с шумом катилась по камням. Я опустил в нее руку, чтобы узнать направление течения. Речка бежала направо.

Перейдя вброд горный поток, я сразу попал на тропку. Я ни за что не нашел бы ее, если бы не Леший. Собака сидела на самой дороге и ждала меня. Заметив, что я подхожу к ней, она повертелась немного на месте и снова побежала вперед. В темноте ничего не было видно, слышно было только, как шумела вода в реке, шумел дождь и шумел ветер в лесу. Тропа вывела меня на другую дорогу. Теперь являлся вопрос, куда итти, вправо или влево. Обдумав немного, я стал ждать собаку,

но она долго не возвращалась. Тогда я пошел вправо. Минут через пять появился Леший. Собака бежала мне навстречу. Я нагнулся к ней. В это время она встряхнулась и всего меня обдала водой. Я уже не ругался, погладил ее и пошел следом за ней.

Итти стало немного легче; тропа меньше кружила и не так была завалена буреломом. В одном месте пришлось еще раз переходить вброд речку. Перебираясь через нее, я поскользнулся и упал в воду, но от этого одежда моя не стала мокрее.

Наконец, я совершенно выбился из сил и сел на пень. Руки и ноги болели от заноз и ушибов, голова отяжелела, веки закрывались сами собой. Я стал дремать. Мне грезилось, что где-то далеко между деревьями мелькает огонь. Я сделал над собой усилие и открыл глаза. Было темно; холод и сырость пронизывали до костей. Опасаясь, чтобы не простудиться, я вскочил и начал топтаться на месте, но в это время опять увидел свет между деревьями. Я решил, что это галлюцинация. Но вот огонь появился снова. Сонливость моя разом пропала. Я бросил тропу и пошел прямо по направлению огня. Когда ночью перед глазами находится свет, то нельзя определить, близко он или далеко, низко или высоко над землей.

Через четверть часа я подошел настолько близко к огню, что мог рассмотреть все около него. Прежде всего я увидел, что это не наш бивак. Меня поразило, что около костра не было людей. Уйти с бивака ночью во время дождя они не могли. Очевидно, они спрятались за деревьями. Мне стало жутко. Итти к огню или нет? Хорошо, если это охотники, а если я наткнулся на табор хунхузов? Вдруг из чащи сзади меня выскочил Леший. Он смело подбежал к огню и остановился, озираясь по сторонам. Казалось, собака тоже была удивлена отсутствием людей. Она обошла вокруг костра, обнюхивая землю, завиляла хвостом. Значит, там был кто-нибудь из своих, иначе собака выражала бы гнев и беспокойство. Тогда я решил подойти к огню, но спрятавшийся опередил меня. Это оказался Мурзин. Он тоже заблудился и, разведя костер, решил ждать утра. Услышав, что по тайге кто-то идет, и не зная, кто именно, он спрятался за дерево. Его больше всего смутила та осторожность, с которой я приближался, и в особенности то, что я не подошел прямо к огню, а остановился в отдалении.

Тотчас мы стали сушиться. От намокшей одежды клубами повалил пар. Дым костра относило то в одну, то в другую сторону. Это был верный признак, что дождь скоро перестанет. Действительно, через полчаса он превратился в изморось. С деревьев продолжали падать еще крупные капли.

Под большой елью, около которой горел огонь, было немного суше. Мы разделись и стали сушить белье. Потом мы нарубили пихтача и, прислонившись к дереву, погрузились в глубокий сон.

К утру я немного прозяб. Проснувшись, я увидел, что костер прогорел. Небо еще было серое; кое-где в горах лежал туман. Я разбудил казака. Мы пошли разыскивать свой бивак. Тропа, на которой мы ночевали, пошла куда-то в сторону, и потому пришлось ее бросить. За речкой мы нашли другую тропу. Она привела нас к табору.

Подкрепив силы чаем с хлебом, часов в одиннадцать утра мы пошли вверх по р. Сальной. По этой речке можно дойти до хребта Сихотэ-Алинь. Здесь он ближе всего подходит к морю. Со стороны Арзамасовки подъем на него крутой, а с западной стороны — пологий. Весь хребет покрыт густым смешанным лесом. Перевал будет на р. Ли-Фудзин, по которой мы вышли с р. Улахе к заливу Ольги.

После полудня погода вновь стала портиться. Опасаясь, как бы опять не пошли затяжные дожди, я отложил осмотр Ли-Фудзина до другого, более благоприятного случая. Действительно, ночью полил дождь, который продолжался и весь следующий день. 21 июля я повернул назад и через двое суток возвратился в пост Ольги.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ЗАЛИВ ВЛАДИМИРА

Р. Ольга. — Ночевка около китайской фанзы. — Р. Владимировка. — Геология залива. — Китайские морские промыслы. — Осьминог. — Р. Хулуай.

Пока я был на р. Арзамасовке, из Владивостока прибыли давно жданные грузы. Это было как раз кстати. Окрестности залива Ольги уже были осмотрены, и надо было двигаться дальше. 24 и 25 июля прошли в сборах. За это время лошади отдохнули и оправились. Конское снаряжение и одежда людей были в порядке, запасы продовольствия пополнены.

Дальнейший план работ был намечен следующим образом: Г. И. Гранатману было поручено пройти горами между р. Арзамасовкой и р. Сибегоу (приток р. Тадушу), а А. И. Мерзляков должен был обойти р. Арзамасовку с другой стороны. В верховьях Тадушу мы должны были встретиться. Я с остальными людьми наметил себе путь по побережью моря к заливу Владимира. Мои товарищи выступили в поход 26 июля утром, а я 28-го числа после полудня.

День выпал хороший и теплый. По небу громоздились массы кучевых облаков. Сквозь них прорывались солнечные лучи и светлыми полосами ходили по воздуху. Они отражались в лужах воды, играли на камнях, в листве ольшаников и

освещали то один склон горы, то другой. Издали доносились удары грома.

Залив Владимира и залив Ольги расположены рядом в расстоянии 50 км друг от друга. Посредине между ними проходит небольшой горный кряж, высотой в среднем около 250 м с наивысшими точками в 450 м, служащий водоразделом между речкой Ольгой (13 км) и речкой Владимировкой (9 км), впадающей в залив того же имени. Обе речки текут по широким продольным долинам, отделенным от моря невысоким горным хребтом, который начинается у мыса Шкота (залив Ольги) и тянется до мыса Ватовского (залив Владимира). Направление этой складки можно проследить и дальше на север.

Река Ольга состоит из двух речек одинаковой величины со множеством мелких притоков, отчего долина ее кажется широкой размытой котловиной. Раньше жители поста Ольги сообщались с заливом Владимира по тропе, проложенной китайскими охотниками. Во время русско-японской войны в 1905 г. в заливе Владимира разбился крейсер «Изумруд». Для того чтобы имущество с корабля можно было перевезти в пост Ольги, построили колесную дорогу. С того времени между обоими заливами установилось правильное сообщение.

Гроза прошла стороной, и после полудня небо очистилось. Солнце так ярко светило, что казалось, будто все предметы на земле сами издают свет и тепло. День был жаркий и душный.

Сумерки спустились на землю раньше, чем мы успели дойти до перевала. День только что кончился. С востока, откуда-то издалека, из-за моря, точно синий туман, надвигалась ночь. Яркие зарницы поминутно вспыхивали на небе и освещали кучевые облака, столпившиеся на горизонте. В стороне шумел горный ручей, в траве неумолкаемым гомоном трещали кузнечики.

Я уже хотел подать сигнал к остановке, как вдруг один из казаков сказал, что видит огонь. Действительно, маленький огонек виднелся в стороне около леса, шагах в трехстах от дороги. Мы пошли туда. Это была китайская фанза. Собака своим лаем известила хозяев о нашем приближении. Два китайца вышли нам навстречу. В улыбках и поклонах их были страх и покорность, заискивание и гостеприимство. Китайцы предлагали мне лечь у них в фанзе, но ночь была так хороша, что я отказался от их приглашения и с удовольствием расположился у огня вместе со стрелками.

Обыкновенно после долгой стоянки первый бивак всегда бывает особенно оживленным. Все полны сил и энергии, всего вдоволь, все чувствуют, что наступает новая жизнь, всякому хочется что-то сделать. Опять у стрелков появилась гармоника. Веселые голоса, шутки, смех разносились далеко по долине.

Стояла китайская фанзочка много лет в тиши, слушая только шум воды в ручье, и вдруг все кругом наполнилось песнями и веселым смехом. Китайцы вышли из фанзы, тоже развели небольшой огонек в стороне, сели на корточки и молча стали смотреть на людей, так неожиданно пришедших и нарушивших их покой. Мало-помалу песни стрелков начали затихать. Казаки и стрелки последний раз напились чаю и стали устраиваться на ночь.

Я спал плохо, раза два просыпался и видел китайцев, сидящих у огня. Кругом стояла удивительная тишина. Только время от времени с поля доносилось ржание какой-то беспокойной лошади и собачий лай. Но потом все стихло. Я завернулся в бурку и заснул крепким сном. Перед солнечным восходом пала на землю обильная роса. Кое-где в горах еще тянулся туман. Он словно боялся солнца и старался спрятаться в глубокие лощины. Я проснулся раньше других и стал будить команду.

Распростившись с китайцами, мы тронулись в путь. Я заплатил им за дрова и овощи. Китайцы пошли было нас провожать, но я настоял на том, чтобы они возвратились обратно. Часов в девять утра мы перевалили через водораздел и спустились в долину р. Владимировки.

На этом маршруте следует отметить весьма интересные эоловые образования в виде гладко обточенных столбов, шарообразных глыб, покоящихся на небольших пьедесталах в виде выпуклостей с перетяжками, овальных углублений и т. д. Некоторые из них поражают своей оригинальностью. Одни глыбы похожи на зверей, другие на колонны, третьи на людей и т. д. Образования эти заслуживают особого внимания потому еще, что вблизи нигде нет песков, которые играли бы роль шлифовального материала. Высокий горный хребет, служащий водоразделом между рр. Ольгой и Владимировкой, спускается к морю мысами и состоит из песчаников, конгломератов и серых вакк. Речка Владимировка имеет вид обыкновенного горного ручья, протекающего по болотистой долине, окаймленной сравнительно высокими горами.

К вечеру отряд наш дошел до ее устья и расположился биваком на берегу моря.

В сумерки на западе слышны были раскаты грома. Мы стали ставить палатки, но опасения наши оказались напрасными. Гроза опять прошла стороной. Однако нас смутило другое явление. Как только погасла вечерняя заря, звезды начали меркнуть и небо стало заволакиваться нето тучами, нето туманом. Прохладный ветерок тянул с суши на море, а мгла вверху шла в обратном направлении. Это бризы. В августе и сентябре на берегу моря их можно наблюдать почти ежедневно. На рассвете небо кажется серым. Туман неподвижно лежит над землей в полгоры. Когда же солнце подымается над горизонтом

градусов на пятнадцать, он приходит в движение, начинает клубиться и снова ползет к морю, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Сперва это нас обеспокоило. Все казалось, что будет дождь. Потом мы привыкли к этому явлению и уже более не обращали на него внимания.

Весь следующий день был посвящен осмотру залива Владимира. Китайцы называют его Хулуай (от слов «хулу», что означает — круглая тыква, горлянка, и «вай» — залив или бухта).

Некоторые русские вместо Хулуай говорят Фалуай и производят его от китайского слова «фалу», что значит пятнистый олень. Это совершенно неправильно.

Залив Владимира (45° 53′ с. ш. и 135° 37′ в. д. от о-ва Ферро — астр. пункт находится на мысе Орехова) представляет собой огромный водоем глубиной до 12 м, обставленный со всех сторон гранитными горами высотой, в среднем, около 230 м. Он значительно больше залива Ольги и состоит из трех частей: северо-западной — большой, юго-восточной — меньшей и средней — самой маленькой. Со стороны открытого моря залив этот окаймлен двумя гористыми полуостровами: Валюзека и Ватовского. Третий полуостров, Рудановского, находится в середине залива. Из упомянутых полуостровов наибольшим будет южный — Ватовского. Видно, что они еще недавно были под водой и на поверхность поднялись в новейший период.

Вокруг залива Владимира, около устьев впадающих в него речек, находится целый ряд небольших озерков с опресненной водой. Эти озера и окружающие их болота свидетельствуют о том, что залив раньше глубже вдавался в материк. Потом вода была оттеснена, и суша сделала кое-где захваты. Самое большое озеро — южное. Оно величиной около $1^1/_2$ кв. км и глубиной от 3 до 6 м. Вследствие того, что через него проходит река, оно быстро мелеет. Два озера с соленой водой, на перешейках около полуостровов, тоже живые свидетели того недавнего прошлого, когда полуострова эти были еще островами. Морской прибой постарался соединить их с материком. Теперь уже можно предсказать и будущее залива Владимира. Море медленно отступает. Со временем оно закроет вход в залив и превратит его в лагуну; лагуна станет выполняться наносами рек, обмелеет и превратится в болото. По низине пройдет река, и все речки, впадающие теперь в залив самостоятельно, сделаются ее притоками.

Растительность в окрестностях залива Владимира еще более скудная, чем около поста Ольги. Склоны гор, обращенные к морю, совершенно голые. В долинах берега рек, как бордюром, окаймлены ольхой и тальниками. В тех местах, где деревья подвержены влиянию морских ветров, они низкорослы и имеют жалкий вид. Во всякой лощинке, которая запи-

щена от ветра, развивается растительность более пышная, чем на склонах, обращенных к морю. Таким образом по растительности можно судить о преобладающих ветрах в данной местности и указать, где находится море.

При входе в залив Владимира с левой стороны ниже мыса Орехова можно видеть какую-то торчащую из воды бесформенную массу. Это крейсер «Изумруд», выскочивший на мель и взорвавший себя в 1905 г. Грустно смотреть на эту развалину. Что можно было, то с «Изумруда» сняли, перевезли в пост Ольги и отправили во Владивосток, остальное разграбили хунхузы.

На берегах залива мы нашли несколько промысловых фанз. По кучкам около них можно было сказать, чем занимались их обитатели. В одном месте было навалено много створок раковин большого гребешка. Некоторые кучи уже покрылись слоем земли и обросли травой. Это были своего рода маленькие «киекенмединги». Китайцы берут у моллюсков только одни мускулы, соединяющие створки раковин, и в сухом виде отправляют их в город. В Китае этот продукт ценится очень дорого как гастрономическое лакомство.

Около другой фанзочки были нагромождены груды панцырей крабов, высохших и покрасневших на солнце. Тут же на цыновках сушилось мясо, взятое из ног и клешней животных.

Следующая фанзочка принадлежала капустоловам, а рядом с ней тянулись навесы из травы, под которыми сушилась морская капуста. Здесь было много народа. Одни китайцы особыми крючьями доставали ее со дна моря, другие сушили капусту на солнце, наблюдая за тем, чтобы она высохла ровно настолько, чтобы не стать ломкой и не утратить своего зеленовато-бурого цвета. Наконец, третья группа китайцев была занята увязыванием капусты в пучки и укладкой ее под навесы.

Идя вдоль берега моря, я издали видел, как у противоположного берега в полосе мелководья, по колено в воде, с шестами в руках, бродили китайцы. Они были так заняты своим делом, что заметили нас только тогда, когда мы подошли к ним вплотную. Раздетые до пояса и в штанах, засученных по колено, китайцы осторожно двигались в воде и что-то высматривали на дне моря. Иногда они останавливались, тихонько опускали в воду свои палки и что-то выбрасывали на берег. Это оказался съедобный ракушник. Палки, которыми работали китайцы, имели с одной стороны небольшую сеточку в виде ковшика, а с другой — железный крючок. Увидев двустворчатку, китаец отрывал ее багром от камней, а затем вынимал сеточкой. Китайцы на берегу сейчас же опускали их в котел с горячей водой. Умирая, моллюски сами раскрывали раковины. При помощи ножей вынималось их содержимое и заготовлялось впрок продолжительным кипячением.

Китайцы далеко разбрелись по берегу по одному и по два человека. Я сел на камни и стал смотреть в море. Вдруг слева от меня раздались какие-то крики. Я повернулся в ту сторону и увидел, что в воде происходила борьба. Китайцы старались палками выбросить какое-то животное на берег, наступали на него, в то же время боялись его и не хотели упустить. Я побежал туда. Животное, с которым боролись китайцы, оказалось большим осьминогом. Своими сильными щупальцами он цеплялся за камни, иногда махал ими по воздуху, затем вдруг стремительно бросался в одну какую-нибудь сторону с намерением прорваться к открытому морю. В это время на помощь прибежало еще три китайца.

Огромный осьминог был настолько близок к берегу, что я мог его хорошо рассмотреть. Я затрудняюсь сказать, какого он был цвета. Окраска его постоянно менялась: то она была синеватая, то красная, то яркозеленая, то серая и даже желтоватая. Чем ближе китайцы подвигали моллюска на мель, тем беспомощнее он становился. Наконец, они вытащили его на берег. Это был огромный мешок с головой, от которой отходили длинные щупальцы, унизанные множеством присосков. Когда он подымал кверху сразу два-три из них, можно было видеть его большой черный клюв. Иногда этот клюв сильно выдвигался вперед, иногда совсем втягивался внутрь, и на месте его оставалось только небольшое отверстие. Особенно интересны были его глаза. Трудно найти другое животное, у которого глаза так напоминали бы человеческие.

Мало-помалу движения осьминога становились медленнее; по телу его начали пробегать судороги, окраска стала блекнуть, и наружу все больше и больше стал выступать один общий буро-красный цвет.

Наконец, животное успокоилось настолько, что явилась возможность подойти к нему без опаски. Я смерил его. Этот представитель головоногих был чрезвычайно больших размеров. Мешок с внутренностями был длиной 0,8 м. Турбинный аппарат, при помощи которого двигается животное, находился спереди около головы, немного сбоку. Голова моллюска имела бо́льшие размеры в ширину, чем в длину, и равнялась 28 см. Роговой клюв, до-нельзя напоминающий клюв попугая, был 9 см по наружной кривизне и 5 см, если мерить его сбоку. Щупальцы осьминога были 1,4 м длиной и толщиной около головы 12 см в окружности. Пневматические присоски, которыми была усеяна вся внутренняя сторона щупальцев, около головы, имели размеры трехкопеечной монеты, а на конце — величиной с серебряный пятачок.

Этот интересный экземпляр осьминога был достоин помещения в любой музей, но у меня не было подходящей посуды и достаточного количества формалина, поэтому пришлось ограничиться только куском ноги. Этот обрезок я положил в

одну банку с раковинами раков-отшельников. Вечером, когда я стал разбирать содержимое банки, то к своему удивлению не нашел двух раковин. Оказалось, что они были глубоко засосаны обрезком ноги спрута. Значит, присоски ее действовали некоторое время и после того, как она была отрезана и положена в банку с формалином.

Осмотр морских промыслов китайцев и охота за осьминогом заняли почти целый день. Незаметно подошли сумерки, и пора было подумать о биваке. Я хотел было итти назад и разыскивать бивак, но узнал, что мои спутники расположились около китайской фанзы, близ устья р. Хулуая.

Вечером китайцы угощали меня мясом осьминога. Они варили его в котле с морской водой. На вид оно было белое, на ощупь упругое и вкусом несколько напоминало белые грибы.

Следующий день был посвящен осмотру р. Хулуая. Река эта длиной километров в двадцать. Она течет в меридиональном направлении и впадает в залив Владимира с северной стороны. Около устья долина Хулуая сужена, но выше она расширяется. Высоты с правой стороны имеют резко выраженный горный характер. Большинство их покрыто осыпями. С левой — тянутся широкие террасы, которые дальше от реки переходят в увалы, покрытые редколесьем из липы, дуба и даурской березы. С этой стороны в Хулуай впадает несколько ключей, которые во время дождей выносят в долину много мусора и засоряют участки плодородной земли.

Из притоков Хулуая наибольшего внимания заслуживает р. Тихий ключ, впадающая с правой стороны. По этому ключу идет тропа на р. Арзамасовку. Ключ этот вполне оправдывает свое название. В нем всегда царит тишина, свойственная местам болотистым. Растительность по долине мелкорослая, редкая и состоит главным образом из белой березы и кустарниковой ольхи. Первые разбросаны по всей долине в одиночку и небольшими группами, вторые образуют частые насаждения по берегам реки.

Ориентировочным пунктом может служить здесь высокая скалистая сопка, называемая старожилами-крестьянами Петуший гребень. Гора эта входит в состав водораздела между р. Тапоузой и р. Хулуаем. Подъем на перевал в истоках р. Хулуая длинный и пологий, но спуск к р. Тапоузе крутой. Кроме этой сопки есть еще другая гора — Зарод; в ней находится Макрушинская пещера, самая большая, самая интересная и до сих пор еще не прослеженная до конца.

Вход в пещеру имеет треугольную форму и расположен довольно высоко над землей (40—50 м).

Сначала исследователь попадает в первый зал, длиной 35—40 м и высотой до 30 м. В конце его находится глубокий колодец, в который легко провалиться. Не доходя колодца,

надо повернуть влево, в нишу; в ней есть длинный проход, имеющий подъем и спуск. На вершине подъема проход суживается между двумя сталагмитовыми столбами. Далее приходится продвигаться ползком. Этот проход длиной до 50 м, после чего исследователь вступает в широкий коридор, который приводит его во второй зал снежной белизны. Он небольшой, но очень красивый. Отсюда опять через узкий коридор можно попасть в третий зал, самый величественный. Он гораздо больше первых двух, взятых вместе. Здесь сталактиты и сталагмиты образовали роскошные колоннады. Всюду по стенам слои натечной извести, производящей впечатление застывших водопадов.

Кое-где местами в котловинах собралась вода, столь чистая и прозрачная, что исследователь замечает ее только тогда, когда попадает в нее ногой. Тут опять есть очень глубокий колодец и боковые ходы. В этом большом зале наблюдателя невольно поражают удивительные акустические эффекты — на каждое громкое слово отвечает стоголосое эхо, а при падении камня в колодец поднимается грохот, словно пушечная пальба: кажется, будто происходят обвалы и рушатся своды.

В 5 км от устья долина расширяется и становится удобной для заселения. Здесь расположились китайские земледельческие фанзы. Их немного — всего только пять. Ближайшая к морю называется Сяо-чинза.

Целый день я бродил по горам и к вечеру вышел к этой фанзе. В сумерки один из казаков убил кабана. Мяса у нас было много, и потому мы поделились с китайцами. В ответ на это хозяин фанзы принес нам овощей и свежего картофеля. Он предлагал мне свою постель, но, опасаясь блох, которых всегда много в китайских жилищах, я предпочел остаться на открытом воздухе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ДЕРСУ УЗАЛА

Р. Тадушу. — Р. Тапоуза. — Происхождение названия Тадушу. — Низовье реки. — Притоки. — Фанза Си-Ян. — Рассказы старика-маньчжура. — Население. — Сумерки и ненастье. — Бивак незнакомца. — Встреча. — Ночная беседа. — Речные террасы. — Лудевая фанза. — Истоки Тадушу. — Сихотэ-Алинь. — Перевал Венюкова. — Р. Ли-Фудзин и р. Дун-бей-ца.

Солнечный восход застал нас в дороге.

От залива Владимира на р. Тадушу есть два пути. Один идет вверх по р. Хулуаю, потом по р. Тапоузе и по р. Лисагоу (приток Тадушу); другой (ближайший к морю) ведет на р. Тапоузу, а затем горами к устью р. Тадушу. Я выбрал последний как мало известный.

Возвышенности между заливом Владимира и р. Тапоузой состоят из кварцепорфирового туфа с включением обломков бескварцевого и фельзитового порфира и смоляного камня.

Название Тапоуза есть искаженное китайское слово «Дапао-цзы» (т. е. Большая лагуна). Действительно, р. Тапоуза впадает не непосредственно в море, а в большое прибрежное озеро, имеющее в окружности около 10 км. Озеро это отделено от моря песчаной косой и соединяется с ним небольшим рукавом. И здесь мы видим тот же процесс выравнивания берега и отвоевания сушей части территории, ранее захваченной

морем. По словам туземцев, в прежние годы в этих местах водилось очень много пятнистых оленей. Тазы при помощи собак загоняли животных в озера, где специально отряженные охотники караулили их в лодках. Загнанных животных били из самострелов и кололи копьями.

Река Тапоуза (по-тазовски Кайя), длиной 25 км, течет параллельно р. Хулуаю. Собственно говоря, Тапоуза состоит из слияния двух рек: самой Тапоузы и р. Ченгзагоу[91]. Горный хребет, выходящий мысом между двумя этими речками, состоит из кварцевого и полевошпатового порфира.

Залив Владимира соединяется с долиной р. Тадушу пешеходной тропой. Ею можно пользоваться и для движения с вьючными обозами. Тропа начинается у р. Хулуая и идет по первому ближайшему к морю ключику до перевала. Перейдя горы, она спускается в долину р. Тапоузы. Подъем на хребет и спуск с него — длинные и пологие, поросшие редким дубовым лесом. Среди деревьев есть много дуплистых. На коре одного из них казаки заметили следы зубов и когтей. Это медведь добывал мед. Какие-то проходившие мимо охотники прогнали медведя и затем сами доставали мед таким же хищническим способом.

За перевалом дорога некоторое время идет вверх по р. Тапоузе, среди роскошного дубового леса. Здесь также развиты высокие речные террасы. Через 10 км тропа переходит к левому краю долины и потом по маленькому ключику, не имеющему названия, опять подымается в горы. Этот перевал немного выше предыдущего. Подъем со стороны Тапоузы — крутой, зато спуск к р. Тадушу — пологий. Дальше путь пролегает по речке Сяо-Поуза[92], почти совершенно обезлесенной, впадающей в р. Тадушу километрах в двух от ее устья. В общем, пройденный нами в этот день путь равнялся 28 км и имел направление, параллельное берегу моря.

В лесу попадалось много следов пятнистых оленей. Вскоре мы увидели и самих животных. Их было три: самец, самка и теленок. Казаки стреляли, но промахнулись, чему я был несказанно рад, так как продовольствия у нас было вдоволь, а время пантовки[93] давно уже миновало.

Тадушу! — Так вот та самая река, по которой первым прошел М. Венюков. Здесь китайцы перегородили ему путь и потребовали, чтобы он возвратился обратно. При устье Тадушу Венюков поставил большой деревянный крест с надписью, что он здесь был в 1875 г. Креста этого я нигде не нашел. Вероятно, китайцы уничтожили его после ухода русских. Следом за Венюковым Тадушу посетили Максимович, Будищев и Пржевальский.

В Уссурийском крае реки, горы и мысы на берегу моря имеют различные названия. Это произошло оттого, что тазы называют их по-своему, китайцы — по-своему, а русские, в

свою очередь, окрестили их своими именами. Поэтому, чтобы избежать путаницы, следует там, где живут китайцы, придерживаться названий китайских; там, где обитают тазы, не следует руководствоваться названиями, данными русскими. Последние имеют место только на картах, и местным жителям совершенно неизвестны.

Расспросив китайцев о дорогах, я наметил себе маршрут вверх по р. Тадушу, через хребет Сихотэ-Алинь, в бассейн реки Ли-Фудзин и оттуда на р. Ното. Затем я полагал по этой последней опять подняться до Сихотэ-Алиня и попытаться выйти на р. Тетюхе. Если бы это мне удалось, то я мог бы снова вернуться на Тадушу, где и дождаться прихода Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Река Тадушу почему-то называется на одних картах Ли-Фуле, на других — Лей-фын-хе, что значит «Удар грома». Тазы (удэхейцы) называют ее Узи. Некоторые ориенталисты пытаются слово «Тадушу» произвести от слова «Дацзы» (тазы). Это совершенно неверно. Китайцы называют ее Да-цзо-шу (т. е. Большой дуб). Старожилы-китайцы говорят, что дуб этот рос в верховьях реки около Сихотэ-Алиня. Дерево было дуплистое и такое большое, что внутри него могли свободно поместиться восемь человек. Искатели женьшеня устроили в нем кумирню, и все проходившие мимо люди молились богу. Но вот однажды искатели золота остались в нем ночевать. Они вынесли кумирню наружу, сели в дупло и стали играть в карты. Тогда бог послал жестокую грозу. Молния ударила в дерево, разбила его в щепы и убила всех игроков на месте. Отсюда и получились два названия: Лей-фын-хе и Да-цзо-шу, впоследствии искаженное.

Низовья р. Тадушу представляют собою большую болотистую низину — это был большой залив. Устье реки находилось немного выше того места, где ныне расположилась деревня Новотадушинская. Высокие террасы на берегу моря и карнизы по склонам гор указывают на отрицательное движение береговой линии и отступание моря. Немалую роль в этом сыграла и сама река, в течение многих веков наносившая осадочный материал и откладывавшая его в виде мощных напластований. Затем образовалась большая лагуна, отделенная от моря одним только валом. Озера, оставшиеся ныне среди болот, — это наиболее глубокие места лагуны; здесь в непосредственной близости к воде я увидел большие заросли какой-то снежно-белой растительности, при ближайшем осмотре оказавшейся эдельвейсом. Как-то странно было видеть этот красивый альпийский цветок на самом берегу моря.

В заводях Тадушу осенью держится много красноперки, тайменя, кунжи, горбуши и кеты. В озерах есть караси и щуки.

Длина всей реки 67 км. Протекает она по типичной денудационной долине, которая как бы слагается из ряда обшир-

ных котловин. Особенно это заметно около ее притоков. В долине р. Тадушу сильно развиты речные террасы. Они тянутся все время то с одной, то с другой стороны почти до самых истоков.

Если итти вверх по реке, то в последовательном порядке будут попадаться следующие притоки: с левой стороны (по течению) — Дунгоу[94], Канхеза[95] и Цимухе. По последней идет тропа на р. Тетюхе. Затем еще две небольшие речки: Либагоуза[96] и Дитагоуза [97] с перевалами на р. Динзахе. Справа маленькие речки: Квандагоу[98] и Сюен-лаза, потом следует Сяо-лисягоу[99] и Далисягоу[100] с перевалами на р. Тапоузу. Еще дальше — Юшангоу[101] со скрытым устьем (перевал на р. Хулуай) и Сибегоу[102] (перевал на Арзамасовку). Последняя длиной 30 км и состоит из двух речек: Хансязагоу[103] и Цименсангоуза[104]. У места слияния их поселились все тадушинские тазы.

Наш путь лежал по левому берегу реки. Там, где ранее было древнее ее устье, тропа взбирается на гору и идет по карнизу. Отсюда открывается великолепный вид на восток — к морю, и на запад — вверх по долине. Слева характер горной страны выражен очень резко. Особенно величественной кажется голая сопка, которую местные китайцы называют Дита-шань[105], а удэхейцы — Дита-кямони, покрытая трахитовыми осыпями. По рассказам тазов, на ней раньше водилось много пятнистых оленей, но теперь они почти все выбиты. Внизу, у подножья горы, почти на самой тропе, видны обнажения бурого угля.

Из правых притоков Тадушу интересна р. Лисагоу. Она длиной 12 км, по ней проходит тропа на р. Арзамасовку. Подъем на перевал с южной стороны пологий, зато спуск в долину Тадушу крутой и очень живописный. Тропа здесь проложена по карнизу. Это след старинной дороги, которая в древние времена проходила вдоль всего побережья моря и кончалась где-то у мыса Гиляк. Само название р. Лисагоу показывает, что здесь много растет грушевых деревьев. Около устья р. Лисагоу в долину Тадушу вдается горный отрог, соединяющийся с соседними горами глубокой седловиной, от чего он кажется как бы отдельно стоящей сопкой. У подножья ее расположилась богатая фанза Си-Ян, окруженная старыми осокорями.

День кончился. На землю спустилась ночная тень. Скоро все должно было погрузиться в мрак.

Когда мы подходили к фанзе, в дверях ее показался хозяин дома. Это был высокий старик, немного сутуловатый, с длинной седой бородой и с благообразными чертами лица. Достаточно было взглянуть на его одежду, дом и людские пристройки, чтобы сказать, что живет он здесь давно и с большим достатком. Китаец приветствовал нас по-своему. В каждом движении

его, в каждом жесте сквозило гостеприимство. Мы вошли в фанзу. Внутри ее было так же все в порядке, как и снаружи. Я не раскаивался, что принял приглашение старика.

Вечером после ужина я стал его расспрашивать о р. Тадушу и о дороге на Ли-Фудзин. Сначала он говорил неохотно, но потом оживился и, вспоминая старину, рассказал много интересного. Оказалось, что он был маньчжур, по имени Кинь-Чжу, родом из Нингуты. На р. Тадушу он жил более шестидесяти лет и уже собирался уехать на родину, чтобы там схоронить свои кости. После этого он рассказал мне о первых годах своей жизни в дикой стране среди туземцев. От этого маньчжура я впервые услышал интересное сказание о давно минувшем Уссурийского края. То была междоусобная борьба между каким-то царем Куань-Юном, жившим на р. Сучане, и князем Чин Ятай-цзы из г. Нингуты. Далее он говорил о битве на р. Даубихе и на горе Коуче-дын-цза (около поста Ольги). Старик говорил пространно и очень красиво. Слушая его, я совершенно перенесся в то далекое прошлое и забыл, что нахожусь на р. Тадушу. Не один я увлекся его рассказами; я заметил, что в фанзе все китайцы притихли и слушали повествование старика. Далее он говорил о какой-то страшной болезни, которая уничтожила почти все оставшееся после войны население. Тогда край впал в запустение.

Первые китайцы, появившиеся в Уссурийской тайге, были искателями женьшеня. Вместе с ними пришел сюда и он, Кинь-Чжу. На Тадушу он заболел и остался у удэхейцев (тазов), потом женился на женщине их племени и прожил с тазами до глубокой старости.

Наконец, старик кончил. Я очнулся и вновь увидел себя в современной обстановке. В фанзе было душно; я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Небо было черное; звезды горели ярко и переливались всеми цветами радуги; на земле было тоже темно. Рядом в конюшне пофыркивали кони. В соседнем болоте стонала выпь; в траве стрекотали кузнечики... Долго я сидел на берегу реки. Величавая тишина ночи и спокойствие, царившие во всей природе, так гармонировали друг с другом. Я вспомнил Дерсу, и мне стало грустно. Я поднялся, пошел в фанзу, лег на приготовленную постель, но долго не мог уснуть. На другой день, распростившись со стариком, мы пошли вверх по реке. Погода нам благоприятствовала. Несмотря на то, что небо было покрыто кучевыми облаками, солнце светило ярко.

Верхняя половина долины Тадушу несколько разнится от нижней. Внизу, как выше было сказано, она слагается из целого ряда больших котловин, а вверху становится похожей на продольную долину. Здесь она принимает в себя с правой стороны маленькую речку Чингоузу[103] с тропой, ведущей к тазовским фанзам на р. Сибегоу, а с левой стороны будет

большой приток Динзахе. Этот последний длиннее и многоводнее, чем сама Тадушу, и потому его надо бы считать главной рекой, а Тадушу притоком. О реке Динзахе я буду говорить ниже подробнее.

На р. Тадушу много китайцев. Я насчитал девяносто семь фанз. Они живут здесь гораздо зажиточнее, чем в других местах Уссурийского края. Каждая фанза представляет собой маленький ханшинный[107] завод. Кроме того, я заметил, что тадушинские китайцы одеты чище и опрятнее и имеют вид здоровый и упитанный. Вокруг фанз видны всюду огороды, хлебные поля и обширные плантации мака, засеваемого для сбора опия.

В верхней части долины живут тазы. Они, как всегда, ютятся в маленьких фанзочках китайского типа. Китайцы их немилосердно эксплоатируют. Грязь в жилище, грязь в одежде и грязь на теле является источником всяческих болезней и причиной их вымирания. Китайцы приходят в Уссурийский край одинокими и отбирают от туземцев женщин силой. От этого брака получаются дети, которых нельзя причислить ни к китайцам, ни к туземцам. Большая часть у туземного населения Южноуссурийского края, в том числе и на р. Тадушу, будут именно такие нечистокровные тазы. Очень многие из них, и в особенности женщины, курят опий. Это тоже является одной из главных причин их обеднения.

Табак курят все, даже малые ребятишки. Мне неоднократно приходилось видеть детей, едва умеющих ходить, сосущих грудь матери и курящих трубку.

Забавно было смотреть на малыша, которого мать только что отогнала от груди. Это так сильно его обидело, что он горько заплакал, потом взял трубку, направился к огню и сквозь слезы стал раскуривать ее угольком.

Долина р. Тадушу весьма плодородна. Больших наводнений в ней не бывает. Даже в том месте, где на коротком протяжении впадают в нее сразу три сравнительно большие реки (Динзахе, Сибегоу и Юшангоу), вода немного выходит из берегов, и то не надолго. Тадушу во всем Ольгинском районе является лучшим местом для колонизации.

Горы в средней части долины, выше тазовской фанзы Ся-Пиза[108], слагаются из песчаников и глинистых сланцев с многочисленными кварцевыми прослойками. Горный отрог, входящий острым клином между рр. Сибегоу и Тадушу, состоит из мелафира, порфирита и витрофира. С южной стороны его, внизу, выступает обсидиан с призматической отдельностью.

После полудня погода стала заметно портиться. На небе появились тучи. Они низко бежали над землей и задевали за вершины гор. Картина сразу переменилась: долина приняла хмурый вид. Скалы, которые были так красивы при солнечном освещении, теперь казались угрюмыми; вода в реке потемнела.

Я знал, что это значит, велел ставить палатки и готовить побольше дров на ночь.

Когда все бивачные работы были закончены, стрелки стали проситься на охоту. Я посоветовал им не ходить далеко и пораньше возвращаться на бивак. Загурский пошел по долине р. Динзахе, Туртыгин — вверх по Тадушу, а я с остальными людьми остался на биваке.

Должно быть солнце скрылось за горизонтом, потому что вдруг стало темно. Дневной свет некоторое время еще спорил с сумерками, но видно было, что ночь скоро возьмет верх и завладеет сперва землей, а потом и небесами.

Через час Туртыгин возвратился и доложил мне, что километрах в двух от нашего бивака у подножья скалистой сопки он нашел бивак какого-то охотника. Этот человек расспрашивал его, кто мы такие, куда идем, давно ли мы в дороге, и когда узнал мою фамилию, то стал спешно собирать свою котомку. Это известие меня взволновало.

Кто бы это мог быть?

Стрелок говорил, что ходить туда не стоит, так как незнакомец сам обещал к нам притти. Странное чувство овладело мной. Что-то неудержимо влекло меня туда, навстречу этому незнакомцу. Я взял свое ружье, крикнул собаку и быстро пошел по тропинке.

Сразу от огня вечерний мрак мне показался темнее, чем он был на самом деле, но через минуту глаза мои привыкли, и я стал различать тропинку. Луна только что нарождалась. Тяжелые тучи быстро неслись по небу и поминутно закрывали ее собой. Казалось, луна бежала им навстречу и точно проходила сквозь них. Все живое кругом притихло; в траве чуть слышно стрекотали кузнечики.

Обернувшись назад, я уже не видел огней на биваке. Простояв с минуту, я пошел дальше.

Вдруг собака моя бросилась вперед и яростно залаяла. Я поднял голову и невдалеке от себя увидел какую-то фигуру.

— Кто здесь? — окликнул я.

И в ответ на мой оклик я услышал голос, который заставил меня вздрогнуть.

— Какой люди ходи?

— Дерсу! Дерсу! — закричал я радостно и бросился к нему навстречу.

Если бы в это время был посторонний наблюдатель, то он увидел бы, как два человека схватили друг друга в объятья, словно хотели бороться. Не понимая в чем дело, моя Альпа яростно бросилась на Дерсу, но тотчас узнала его, и злобный лай ее сменился ласковым визжанием.

— Здравствуй, капитан! — сказал гольд, оправляясь.

— Откуда ты? Как ты сюда попал? Где был? Куда идешь? — засыпал я его своими вопросами.

Он не успевал мне отвечать.

Наконец, мы оба успокоились и стали говорить как следует.

— Моя недавно Тадушу пришел, — говорил он. — Моя слыхал, четыре капитана и двенадцать солдат в Ши-мыне (пост Ольги) есть. Моя думай, надо туда ходи. Сегодня один люди посмотри, тогда все понимай.

Поговорив еще немного, мы повернули назад к нашему биваку. Я шел радостный и веселый. И как было не радоваться: Дерсу был опять со мной.

Через несколько минут мы подошли к биваку. Стрелки расступились и с любопытством стали рассматривать гольда.

Дерсу нисколько не изменился и не постарел. Одет он был попрежнему в кожаную куртку и штаны из выделанной оленьей кожи. На голове его была повязка, и в руках та же самая берданка, только сошки как будто новее.

С первого же раза стрелки поняли, что мы с Дерсу старые знакомые. Гольд повесил свое ружье на дерево и тоже принялся меня рассматривать. По выражению его глаз, по улыбке, которая играла на его губах, я видел, что и он доволен нашей встречей.

Я велел подбросить дров в костер и согреть чай, а сам принялся его расспрашивать, где он был и что делал за эти три года. Дерсу мне рассказал, что, расставшись со мной около озера Ханка, он пробрался на р. Ното, где ловил соболей всю зиму, весной перешел в верховья р. Улахе, где охотился за пантами, а летом отправился на Фудзин, к горам Сяен-Лаза. Пришедшие сюда из поста Ольги китайцы сообщили ему, что наш отряд направляется к северу по побережью моря. Тогда он пошел на Тадушу.

Стрелки недолго сидели у огня. Они рано легли спать, а мы остались вдвоем с Дерсу и просидели всю ночь. Я живо вспомнил р. Лефу, когда он впервые пришел к нам на бивак, и теперь опять, как и в тот раз, я смотрел на него и слушал его рассказы.

Сумрачная ночь близилась к концу. Воздух начал синеть. Уже можно было разглядеть серое небо, туман в горах, сонные деревья и потемневшую от росы тропинку. Свет костра потускнел: красные уголья стали блекнуть. В природе чувствовалось какое-то напряжение: туман подымался все выше и выше, и, наконец, пошел частый и мелкий дождь.

Тогда мы легли спать. Теперь я ничего не боялся. Мне не страшны были ни хунхузы, ни дикие звери, ни глубокий снег, ни наводнения. Со мной был Дерсу. С этими мыслями я крепко уснул.

Проснулся я в 9 час. утра. Дождь перестал, но небо попрежнему было сумрачное. В такую погоду скверно итти, но еще хуже сидеть на одном месте. Поэтому приказание вьючить лошадей было встречено всеми с удовольствием. Через

полчаса мы были уже в дороге. У нас с Дерсу произошло молчаливое соглашение. Я знал, что он пойдет со мной. Это было вполне естественно. Другого решения у него и не могло явиться. По пути мы зашли к скалистой сопке и там захватили имущество Дерсу, которое попрежнему все помещалось в одной котомке.

Теперь с левой стороны у нас была река, а с правой — речные террасы в 38 м высотой. Они особенно выдвигаются в долину Тадушу после р. Динзахе. Террасы эти состоят из весьма плотных известняков, с плитняковой отдельностью.

Последним притоком Тадушу будет р. Вангоу[109]. По ней можно выйти через хребет Сихотэ-Алинь на р. Ното. Немного не доходя до ее устья, в долину выдвигаются две скалы. Одна с левой стороны у подножья террасы — низкая и очень живописная, с углублением вроде ниши, в котором китайцы устроили кумирню, а другая — с правой, как раз против устья р. Вангоу, носящая название Ян-тун-лаза[110]. Около нее есть маленький ключик Чингоуза[111].

Скала Ян-тун-лаза высотой 110 м. В ней много углублений, в которых гнездятся дикие голуби. На самой вершине из плитняковых камней китайцы сложили подобие кумирни. Китайцы питают особую любовь к высоким местам; они думают, что, подымаясь на гору, становятся ближе к богу.

Тропа привела нас к фанзе Лудевой, расположенной как раз на перекрестке путей, идущих на Ното и на Ли-Фудзин. Раньше обитатели этой фанзы занимались ловлей оленей ямами, отчего фанза и получила такое название. Тогда она функционировала как постоялый двор. Здесь всегда можно встретить прохожих китайцев, идущих от моря на Уссури или обратно. Хозяин фанзы снабжал их продовольствием за плату и таким образом зарабатывал значительную сумму денег. Фанза была расположена у подножья большой террасы, которая сильно выдвигается в долину и прижимает р. Тадушу к горам с правой стороны. Поверхность террасы заболочена и покрыта группами тощей березы.

Лудевую фанзу мы прошли мимо и направились к Сихотэ-Алиню. Хмурившаяся с утра погода стала понемногу разъясниваться. Туман, окутавший горы, начал клубиться и подыматься кверху; тяжелая завеса туч разорвалась, выглянуло солнышко и улыбнулась природа. Сразу все оживилось; со стороны фанзы донеслось пение петухов, засуетились птицы в лесу, на цветах снова появились насекомые.

В верхней части р. Тадушу течет с северо-запада на юго-восток. Истоки ее состоят из мелких горных ключей, которые располагаются так: с левой стороны — Царлгоуза[112]. Люденза-Янгоу[113] и Сатенгоу[114], а с правой — Безымянный и Салингоу[115]. Здесь находится самый низкий перевал через Сихотэ-Алинь. Небольшие холмы со сглаженными контурами и

сильно размытые ложа ручьев свидетельствуют о больших денудационных процессах.

С реки Тадушу через Сихотэ-Алинь идут три пути: два на Ното и один на Ли-Фудзин. Первый начинается от известной уже нам Лудовой фанзы и идет по р. Вангоу. Этой дорогой пользуются только те китайцы, которые имеют целью верховья р. Дананцы (приток Ното). Второй путь начинается около устья р. Людензы. Тропа долгое время идет по хребту Сихотэ-Алинь, затем спускается в долину р. Дуи-бей-цы (северо-восточный приток Ли-Фудзина) и направляется по ней до истоков. По пути она пересекает еще три перевала и только тогда выходит на р. Дананцу. Этой дорогой идут те пешеходы, которым надо выйти в нижнюю часть Ното. Третий путь, который мы избрали, идет прямо по ручью Салингоу на Ли-Фудзин.

Маньчжурское слово «Сихотэ-Алинь» местные китайцы переделали по-своему «Си-хо-та-Линь», т. е. «Перевал западных больших рек». И действительно, к западу от водораздела текут большие реки: Ваку, Иман, Бикин, Хор и т. д. Гольды называют его Дзуб-Гын, а удэхейцы — Ада-Сололи, причем западный его склон они называют Ада-Цазани, а восточный — Ада-Намузани, от слова «наму», что значит «море».

У подножья хребта мы сделали привал. Сухая рыба с солью, пара сухарей и кружка горячего кофе составили обед, который в тайге считается очень хорошим.

Подъем на Сихотэ-Алинь крутой около гребня. Самый перевал представляет собой широкую седловину, заболоченную и покрытую выгоревшим лесом. Абсолютная высота его равняется 480 м. Его следовало бы назвать именем М. Венюкова. Он прошел здесь в 1857 г., а следом за ним, как по проторенной дорожке, пошли и другие. Вечная память и вечная слава первому исследователю Уссурийского края!

На самом перевале около тропы с правой стороны стоит небольшая кумирня, сложенная из пакатника. Внутри ее помещена лубочная картина, изображающая китайских богов, а перед ней поставлены два деревянных ящика с огарками от бумажных свечей. С другой стороны лежало несколько листочков табаку и два куска сахара. Это жертва богу лесов. На соседнем дереве была повешена красная тряпица с надписью: «Шань мэн чжэн вэй Си-жи Ци-го вэй да суай Цзин цзан данин чжэнь шань-лин», т. е. «Господину истинному духу гор (тигру). В древности в государстве Ци он был главнокомандующим Да-циньской династии, а ныне охраняет леса и горы».

От перевала Венюкова Сихотэ-Алинь имеет вид гряды, медленно повышающейся на север. Этот подъем так незаметен для глаза, что во время пути совершенно забываешь, что идешь по хребту, и только склоны по сторонам напоминают о том, что находишься на водоразделе. Места эти покрыты берез-

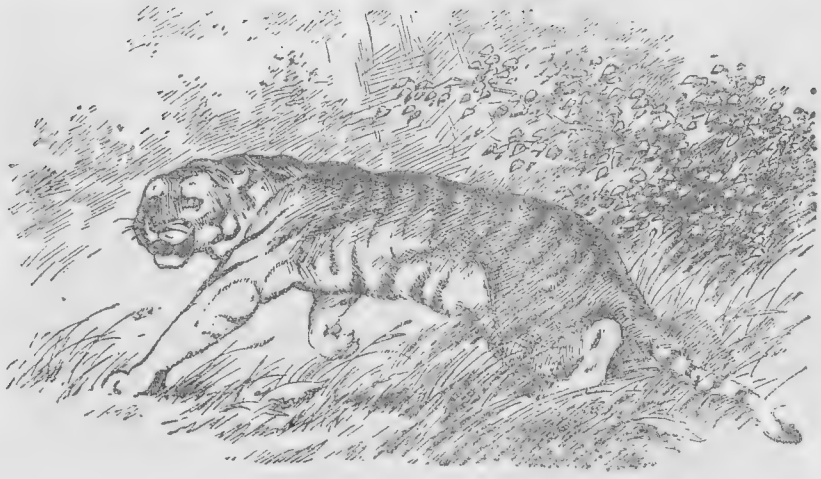
няком, которому можно дать не более сорока лет. Он, вероятно, появился здесь после пожаров.

Спуск с хребта длинный и пологий. Идя по траве, то и дело натыкаешься на обгорелые, поваленные деревья. Сейчас же за перевалом начинается болото, покрытое замшистым хвойным лесом. Часам к трем пополудни мы дошли до того места, где Ли-Фудзин сливается с р. Лун-бей-ца, и стали биваком на галечниковой отмели.

Река Дун-бей-ца[116] длиной километров сорок. Она все время течет вдоль Сихотэ-Алиня и в верховьях слагается из трех горных ручьев. Следы эрозии видны на каждом шагу. Местами горы так сильно размыты, что за лесом их совсем не видно, создается впечатление, что идешь по слабо всхолмленной низине, покрытой хвойным лесом, состоящим из пихты, ели, кедра, березы, тиса, клена, лиственницы и ольхи. Недавно этот лес выгорел. Теперь вся долина представляет собой сплошную гарь. Здесь проходит та самая тропа, которой местное китайское население пользуется для сообщения с р. Ното. По пути на расстоянии перехода друг от друга были расположены четыре зверовые фанзы, обитатели которых занимались охотой и соболеванием. Первое, что мы сделали, — развели дымокуры, а затем уже принялись таскать дрова из леса. Стрелки хотели было ночевать в комарниках, но Дерсу посоветовал ставить односкатную палатку.

К вечеру погода начала хмуриться; туман поднялся вверх и превратился в тучи. Дерсу помогал солдатам во всех работах, и они сразу его оценили. Он хотел было ставить свою палатку отдельно, но я уговорил его ночевать вместе. Тогда Дерсу схватил топор и побежал в тайгу за кедровым корьем. Сперва он надрубил у дерева кору сверху и снизу зубцами, затем прорубил ее вдоль и стал снимать заостренной палкой. Таких пластов было снято шесть. Два пласта он положил на землю, два пошли на крышу, а остальные поставил с боков для защиты от ветра.

В сумерки пошел крупный дождь. Комары и мошки сразу куда-то исчезли. После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго еще сидели у огня и разговаривали. Он рассказывал мне о жизни китайцев на Ното, рассказывал о том, как они его обидели — отобрали меха и ничего не заплатили.



ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

АМБА

Анимизм Дерсу. — Тигр-преследователь. — Дерсу говорит со зверем. — Квандагоу. — Охота на солонцах. — Дерсу просит тигра не сердиться. — Возвращение. — Волнение гольда. — Ночь.

На другой день густой, тяжелый туман окутывал все окрестности. День казался серым, пасмурным; было холодно, сыро.

Пока люди собирали имущество и вьючили лошадей, мы с Дерсу, наскоро напившись чаю и захватив в карман по сухарю, пошли вперед. Обыкновенно по утрам я всегда уходил с бивака раньше других. Производя маршрутные съемки, я подвигался настолько медленно, что часа через два отряд меня обгонял, и на большой привал я приходил уже тогда, когда люди успевали поесть и снова собирались в дорогу. То же самое было и после полудня: уходил я раньше, а на бивак приходил лишь к обеду.

Еще накануне Дерсу говорил мне, что в этих местах бродит много тигров, и потому не советовал отставать от отряда.

Путь наш лежал правым берегом Ли-Фудзина. Иногда тропинка отходила в сторону, углубляясь в лес настолько, что трудно было ориентироваться и указать, где течет Ли-Фудзин, но вдруг, совершенно неожиданно, мы снова выходили на реку и шли около береговых обрывов.

Кто не бывал в тайге Уссурийского края, тот не может себе представить, какая это чаща, какие это заросли. Буквально в нескольких шагах ничего нельзя увидеть. В четырех или шести метрах не раз случалось подымать с лежки зверя, и только шум и треск сучьев указывали направление, в котором уходило животное. Вот именно по такой-то тайге мы и шли уже подряд в течение двух суток.

Погода нам не благоприятствовала. Все время моросило, на дорожке стояли лужи, трава была мокрая, с деревьев падали редкие крупные капли. В лесу стояла удивительная тишина. Точно все вымерло. Даже дятлы — и те куда-то исчезли.

— Чорт знает, что за погода, — говорил я своему спутнику. — Нето туман, нето дождь, не разберешь, право. Ты как думаешь, Дерсу, разгуляется погода, или станет еще хуже?

Гольд посмотрел на небо, оглянулся кругом и молча пошел дальше. Через минуту он остановился и сказал:

— Наша так думай: это земля, сопка, лес — все равно люди. Его теперь потеет. Слушай! — Он насторожился. — Его дышит, все равно люди...

Он пошел снова вперед и долго еще говорил мне о своих воззрениях на природу, где все было живым, как люди.

Было уже около одиннадцати часов утра. Судя по времени, вьючный обоз должен был давно уже обогнать нас, а между тем сзади, в тайге, ничего не было слышно.

— Надо подождать! — сказал я своему спутнику.

Он молча остановился, снял с плеча свою берданку, приставил ее к дереву, сошки воткнул в землю и стал искать трубку.

— Тьфу! Моя трубка потерял, — сказал он с досадой.

Он хотел итти назад и искать свою трубку, но я советовал ему подождать, в надежде, что люди, идущие сзади, найдут его трубку и принесут с собой. Мы простояли минут двадцать. Старику, видимо, очень хотелось курить. Наконец, он не выдержал, взял свое ружье и сказал:

— Моя думай, трубка тут близко есть. Надо назад ходи.

Обеспокоенный тем, что вьюков нет долго, и опасаясь, что с лошадьми могло что-нибудь случиться, я вместе с Дерсу пошел назад. Гольд шел впереди и, как всегда, качал головой и рассуждал вслух сам с собой.

— Как это моя трубка потерял? Али старый стал, али моя голова худой, али как?..

Он не докончил фразы, остановился на полуслове, затем попятился назад и, нагнувшись к земле, стал рассматривать что-то у себя под ногами. Я подошел к нему. Дерсу озирался, имел несколько смущенный вид и говорил шопотом:

— Посмотри, капитан, это Амба. Его сзади наша ходи. Это шибко худо. След совсем свежий. Его сейчас тут был...

Действительно, совершенно свежие отпечатки большой кошачьей лапы отчетливо виднелись на грязной тропинке.

Когда мы шли сюда, следов на дороге не было. Я это отлично помнил, да и Дерсу не мог бы пройти их мимо. Теперь же, когда мы повернули назад и пошли навстречу отряду, появились следы: они направлялись в нашу сторону. Очевидно, зверь все время шел за нами «по пятам».

— Его близко, тут прятался, — сказал Дерсу, указав рукой в правую сторону. — Его долго тут стоял, когда наша там остановился, моя трубка искал. Наша назад ходи, его тогда скоро прыгал. Посмотри, капитан, в следах воды еще нету...

Действительно, несмотря на то, что кругом всюду были лужи, вода еще не успела наполнить следы, выдавленные лапой тигра. Не было сомнения, что страшный хищник только что стоял здесь и затем, когда услышал наши шаги, бросился в чащу и спрятался где-нибудь за бурелом.

— Его далеко ходи нету. Моя хорошо понимай. Погоди, капитан!..

Несколько минут мы простояли на одном месте в надежде, что какой-нибудь шорох выдаст присутствие тигра, но тишина была гробовая. Эта тишина была какой-то особенно таинственной, страшной.

— Капитан, — обратился ко мне Дерсу, — теперь надо хорошо смотри. Твоя винтовка, патроны есть? Тихонько надо ходи. Какая ямка, какое дерево на земле лежи, надо хорошо посмотри. Торопиться не надо. Это — Амба. Твоя понимай — Амба!..

Говоря это, он сам осматривал каждый куст и каждое дерево. Так прошли мы около получаса. Дерсу все время шел впереди и не спускал глаз с тропинки.

Наконец, мы услышали голоса: кто-то из казаков ругал лошадь. Через несколько минут подошли люди с конями. Две лошади были в грязи. Седла тоже были замазаны глиной. Оказалось, что при переправе через одну проточку обе лошади оступились и завязли в болоте. Это и было причиной их запоздания. Как я думал, стрелки нашли трубку Дерсу на тропе и принесли ее с собой.

Чтобы итти дальше, нужно было поправить вьюки, переложить грузы и хоть немного обмыть лошадей от грязи.

Я хотел было сделать привал и варить чай, но Дерсу посоветовал поправить одну седловку и итти дальше. Он говорил, что где-то недалеко в этих местах есть охотничий балаган. Там он полагал остановиться биваком. Подумав немного, я согласился.

Люди начали снимать с измученных лошадей вьюки, а я с Дерсу снова пошел по дорожке. Не успели мы сделать и двухсот шагов, как снова наткнулись на следы тигра. Страшный зверь опять шел за нами и опять, как и в первый раз, почуяв наше приближение, уклонился от встречи. Дерсу остановился и, оборотившись лицом в ту сторону, куда скрылся

тигр, закричал громким голосом, в котором я заметил нотки негодования:

— Что ходишь сзади?.. Что нужно тебе, Амба? Что ты хочешь? Наша дорога ходи, тебе мешай нету. Как твоя сзади ходи? Неужели в тайге места мало?

Он потрясал в воздухе своей винтовкой. В таком возбужденном состоянии я никогда его не видывал. В глазах Дерсу была видна глубокая вера в то, что тигр, Амба, слышит и понимает его слова. Он был уверен, что тигр или примет вызов, или оставит нас в покое и уйдет в другое место. Прождав минут пять, старик облегченно вздохнул, затем закурил свою трубку и, взбросив винтовку на плечо, уверенно пошел дальше, по тропинке. Лицо его снова стало равнодушно-сосредоточенным. Он устыдил тигра и заставил его удалиться.

Приблизительно еще с час мы шли лесом. Вдруг чаща начала редеть. Перед нами открылась большая поляна. Трона перерезала ее наискось по диагонали.

Продолжительное путешествие по тайге сильно нас утомило. Глаз искал отдыха и простора. Поэтому можно себе представить, с какой радостью мы вышли из леса и стали осматривать поляну.

— Это Квандагоу, — сказал Дерсу. — Скоро наши балаган найди есть.

Елань, по которой мы теперь шли, была покрыта зарослями низкорослого папоротника-орляка. За лесом, с северной стороны, слабо, сквозь туман, виднелись высокие горы, покрытые лесом. По низине кое-где стояли одиночные деревья, преимущественно клен, дуб и даурская береза. С правой стороны поляны было узкое болото с солонцами, куда, по словам Дерсу, постоянно по ночам выходили изюбры и дикие козы, чтобы полакомиться водяным лютиком и погрызть соленую черную землю.

— Надо наша сегодня на охоту ходи, — говорил Дерсу, показывая сошками на болото.

Часам к трем пополудни мы действительно нашли двускатный балаганчик. Сделан он был из кедрового корья китайскими охотниками так, что дым от костра, разложенного внутри, выходил по обе стороны и не позволял комарам проникнуть внутрь помещения. Около балагана протекал небольшой ручей. Пришлось опять долго возиться с переправой лошадей на другой берег, но, наконец, и это препятствие было преодолено.

Между тем погода попрежнему, как выражался Дерсу, «потела». С утра хмурившееся небо начало как бы немного проясняться. Туман поднялся выше, кое-где появились просветы, дождь перестал, но на земле было еще попрежнему сыро.

Я решил остаться здесь на ночь. Мне очень хотелось поохотиться на солонцах, тем более, что у нас давно не было мяса, и мы уже четвертые сутки питались одними сухарями.

Через несколько минут на биваке закипела та веселая спешная работа, которая знакома всякому, кому приходилось подолгу бывать в тайге и вести странннческий образ жизни. Развьюченные лошади были пущены на волю. Как только с них сняли седла, они сперва повалялись на земле, потом, встряхнувшись, пошли на поляну кормиться.

На случай дождя все вьюки сложили в одно место и прикрыли их брезентом.

Пока возились с лошадьми и разбирали седла, кто-то успел уже разложить костер и повесить над огнем чайник.

На биваке Дерсу проявлял всегда удивительную энергию. Он бегал от одного дерева к другому, снимал бересту, рубил жерди и сошки, ставил палатку, сушил свою и чужую одежду и старался разложить огонь так, чтобы внутри балагана можно было сидеть и не страдать от дыма глазами. Я всегда удивлялся, как успевал этот уже старый человек делать сразу несколько дел. Мы давно уже разулись и отдыхали, а Дерсу все еще хлопотал около балагана.

Через час наблюдатель со стороны увидел бы такую картину: на поляне около ручья пасутся лошади; спины их мокры от дождя. Дым от костров не подымается кверху, а стелется низко над землей и кажется неподвижным. Спасаясь от комаров и мошек, все люди спрятались в балаган. Один только человек все еще торопливо бегает по лесу — это Дерсу: он хлопочет о заготовке дров на ночь.

В августе, да еще в пасмурный день, смеркается очень рано. Так было и теперь. Туман держался только по вершинам гор. Клочья его бродили по кустам и казались привидениями.

Наскоро поужинав, мы пошли с Дерсу на охоту. Путь наш лежал по тропинке к биваку, а оттуда наискось к солонцам около леса. Множество следов изюбров и диких коз было заметно по всему лугу. Черноватая земля солонцов была почти совершенно лишена растительности. Малые низкорослые деревья, окружавшие их, имели чахлый и болезненный вид. Здесь местами земля была сильно истоптана. Видно было, что изюбры постоянно приходили сюда и в одиночку и целыми стадами.

Выбрав удобное местечко, мы сели и стали поджидать зверя. Я прислонился к пню и стал осматриваться. Темнота быстро сгущалась около кустов и внизу под деревьями. Дерсу долго не мог успокоиться. Он ломал сучки, чтобы открыть себе обстрел, и зачем-то пригибал растущую позади него березку.

Кругом в лесу и на поле стояла мертвящая тишина, нарушаемая только однообразным жужжанием комаров. Такая тишина как-то особенно гнетуще действует на душу. Невольно сам уходишь в нее, подчиняешься ей, и, кажется, сил нехватило бы нарушить ее словом или каким-нибудь неосторожным движением.

В воздухе и на земле становилось все темнее и темнее. Кусты и деревья начали принимать неопределенные очертания: они казались живыми существами и как-будто передвигались с одного места на другое. Порой мне грезилось, что это олени; фантазия дополняла остальное. Я сжимал ружье в руках и готов был уже выстрелить, но каждый раз, взглянув на спокойное лицо Дерсу, я приходил в себя. Иллюзия сразу пропадала, и темный силуэт оленя снова принимал фигуру куста или дерева. Как мраморное изваяние сидел Дерсу. Он пытливо смотрел на кусты около солонцов и спокойно выжидал свою добычу. Один раз он вдруг насторожился, тихонько поднял свое ружье и стал напрягать зрение. Сердце мое усиленно забилось. Я тоже стал смотреть в ту сторону, куда смотрел старик, но ничего не видел.

Скоро я заметил, что Дерсу успокоился; успокоился и я тоже. Стало совсем темно, так темно, что в нескольких шагах нельзя уже было рассмотреть ни черной земли на солонцах, ни темных силуэтов деревьев. Комары нестерпимо кусали шею и руки. Я прикрыл лицо сеткой. Дерсу сидел без сетки и, казалось, совершенно не замечал их укусов.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Я не ошибся. Шорох исходил из кустов, находящихся по другую сторону солонцов, как раз против того места, где мы сидели. Я посмотрел на Дерсу. Он пригибал голову и, казалось, силой своего зрения хотел проникнуть сквозь темноту и узнать причину этого шума. Иногда шорох усиливался и становился очень явственным, иногда затихал и прекращался совершенно. Сомнений не было: кто-то осторожно приближался к нам через заросли. Это изюбр шел грызть и лизать соленую землю. Мое воображение рисовало уже стройного оленя с красивыми ветвистыми рогами. Я отбросил сетку, стал слушать и смотреть, совершенно позабыв про комаров. Я искал глазами изюбра, который по моим расчетам был от нас в семидесяти или восьмидесяти шагах, не более.

Вдруг грозное ворчание, похожее на отдаленный гром, пронеслось в воздухе.

— Рррррр!..

Дерсу схватил меня за руку.

— Амба, капитан! — сказал он испуганным голосом.

Жуткое чувство сразу всколыхнуло мое сердце. Я хотел бы передать, что я почувствовал, но едва ли я сумею это сделать.

Я почувствовал, как какая-то истома, какая-то тяжесть стала опускаться мне в ноги. Колени заныли, точно в них налили свинец. Ощущение это знакомо всякому, кому случалось неожиданно чего-нибудь сильно испугаться. Но в то же время другое чувство, чувство, смешанное с любопытством, с благоговением к царственному грозному зверю и с охотничьей страстью, наполнило мою душу.

— Худо! Наша напрасно сюда ходи. Амба сердится! Это его место, — говорил Дерсу, и я не знаю, говорил ли он сам с собою или обращался ко мне. Мне показалось, что он испугался.

Рррррр! — снова раздалось в тихом ночном воздухе.

Вдруг Дерсу быстро поднялся с места. Я думал, он хочет стрелять. Но велико было мое изумление, когда я увидел, что в руках у него не было винтовки, и когда я услышал речь, с которой он обратился к тигру:

— Хорошо, хорошо, Амба! Не надо сердиться, не надо!.. Это твое место. Наша это не знал. Наша сейчас другое место ходи. В тайге места много. Сердиться не надо!..

Гольд стоял, протянув руки к зверю. Вдруг он опустился на колени, дважды поклонился в землю и вполголоса что-то стал говорить на своем наречии. Мне почему-то стало жаль старика. Наконец, Дерсу медленно поднялся, подошел к нию и взял свою берданку.

— Пойдем, капитан! — сказал он решительно и, не дожидаясь моего ответа, быстро через заросли пошел на тропинку.

Я безотчетно последовал за ним.

Спокойный вид Дерсу, уверенность, с какой он шел без опаски и не озираясь, успокоили меня: я почувствовал, что тигр не пойдет за нами и не решится сделать нападения.

Пройдя шагов двести, я остановился и стал уговаривать старика подождать еще немного.

— Нет, — сказал Дерсу. — Моя не могу. Моя тебе вперед говори, в компании стрелять Амба никогда не буду! Твоя хорошо это слушай. Амба стреляй — моя товарищ нету...

Он снова молча зашагал по тропинке. Я хотел было остаться один, но жуткое чувство овладело мною, я побежал и догнал гольда.

Начала всходить луна. И на небе и на земле сразу стало светлее. Далеко, на другом конце поляны, мелькал огонек нашего бивака. Он то замирал, то как будто угасал на время, то вдруг снова разгорался яркой звездочкой.

Всю дорогу мы шли молча. У каждого из нас были свои думы, свои воспоминания. Жаль мне было, что я не увидел тигра. Эту мысль я вслух высказал своему спутнику.

— О, нет! — ответил Дерсу. — Его худо посмотри. Наша так говори. Такой люди, который никогда Амба посмотри нету, — счастливый. Его всегда хорошо живи.

Дерсу глубоко вздохнул, помолчал немного и продолжал:

— Моя много Амба посмотри. Один раз напрасно его стреляй. Теперь моя шибко боится. Однако моя когда-шибудь худо будет!

В словах старика было столько душевного волнения, что я опять стал жалеть его, начал успокаивать и старался перевести разговор на другую тему.

Через час мы подошли к биваку. Лошади, испуганные нашим приближением, шарахнулись в сторону и начали храпеть. Около огня засуетились люди. Два казака вышли нам навстречу.

— Сегодня кони все время чего-то боятся, — сказал один из них. — Не едят, все куда-то смотрят. Нет ли какого зверя поблизости.

Я приказал казакам взять коней на поводки, развести костры и выставить вооруженного часового.

Весь вечер молчал Дерсу. Встреча с тигром произвела на него сильное впечатление. После ужина он тотчас же лег спать, и я заметил, что он долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок и как-будто разговаривал сам с собой.

Я рассказал людям, что случилось с нами. Казаки оживились, начали вспоминать свою жизнь на Уссури, свои приключения на охоте, кто что видел и с кем что случалось. Наши разговоры затянулись далеко за полночь. Наконец, усталость начала брать свое: кто-то зевнул, кто-то начал стлать постель и укладываться на ночь. Через несколько минут в балагане все уже спали. Кругом воцарилась тишина. Слышно было только мерное дыхание спящих да треск горящих сучьев в костре. С поля доносилось пофыркивание лошадей, в лесу ухал филин и где-то далеко-далеко кричал сыч-воробей.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЛИ-ФУДЗИН

Леса: — Содержимое котомки Дерсу. — Приспособленность к жизни в тайге. — Поляны Сяень-Лаза. — Родные могилы. — Заживо погребенные. — Р. Поугоу. — Барсук. — Нападение шершней. — Лекарственное растение.

Чуть только начало светать, наш бивак опять атаковали комары. О сне нечего было и думать. Точно по команде все встали. Казаки быстро завьючили коней; не пивши чаю, тронулись в путь. С восходом солнца туман начал рассеиваться; кое-где проглянуло синее небо.

От устья р. Квандагоу Ли-Фудзин начинает понемногу склоняться к северо-западу. Дальше русло его становится извилистым. Обрывистые берега и отмели располагаются, чередуясь то с той, то с другой стороны.

В долине Ли-Фудзина растут великолепные смешанные леса. Тут можно найти всех представителей маньчжурской флоры. Кроме кедра, лиственицы, пихты, ели, вяза, дуба, ясеня, ореха и пробкового дерева, здесь произрастают: желтая береза с желтовато-зеленой листвой и с желтой пушистой корой, не дающей бересты; особый вид клена — развесистое дерево с гладкой темносерой корой, с желтоватыми молодыми ветвями и с глубоко рассеченными листьями. Затем ильм — высокое стройное дерево, имеющее широкую разве-

систую крону и острые шершавые листья; граб, отличающийся от других деревьев темной корой и цветами, висящими, как кисти, черемуха Максимовича с пригнутыми к земле ветвями, образующими непроходимую чащу, и наконец бересклет — небольшое тонкоствольное деревцо с корой, покрытой беловатыми чечевицами, располагающимися продольными рядами, и с листьями удлиненно-обратноовальными. Около реки и вообще по сырым местам, где больше света, росли: козья ива — полукуст, полудерево; маньчжурская смородина с трехлопастными острозубчатыми листьями; таволожка шелковистая — очень ветвистый кустарник, который легко узнать по узким листьям, любящий каменистую почву; жасмин — теневое растение с красивыми сердцевидными, заостренными листьями и белыми цветами, и ползучий лимонник с темной крупной листвой и красными ягодами, цепляющийся по кустам и деревьям.

Лес, растущий около воды, скорее способствует обрушиванию берегов, чем их закреплению. Небольшое деревцо, подмытое водой, при падении своем увлекает огромную глыбу земли, а вместе с ней и деревья, растущие поблизости. Бурелом этот плывет по реке до тех пор, пока не застрянет где-нибудь в протоке. Тотчас вода начинает заносить его песком и галькой. Нередко можно видеть водопады, основанием которых служат гигантские стволы тополей или кедров. Если такому плавнику посчастливится пройти через перекаты, то до устья дойдет только ствол, измочаленный и лишенный коры и веток.

В среднем течении Ли-Фудзин проходит у подножья так называемых «Черных скал». Здесь река разбивается на несколько проток, которые имеют вязкое дно и илистые берега. Вследствие засоренности главного русла вода не успевает пройти через протоки и затопляет весь лес. Тогда сообщение по тропе прекращается. Путники, которых случайно застанет здесь непогода, карабкаются через скалы и в течение целого дня успевают пройти не более трех или четырех километров.

В полдень мы остановились на большой привал и стали варить чай.

При уходе из поста Ольги С. З. Балк дал мне бутылку с ромом. Ром этот я берег как лекарство и давал его стрелкам пить с чаем в ненастные дни. Теперь в бутылке осталось только несколько капель. Чтобы не нести напрасно посуды, я вылил остатки рома в чай и кинул ее в траву. Дерсу стремглав бросился за ней.

— Как можно его бросай? Где в тайге другую бутылку найди? — воскликнул он, развязывая свою котомку.

Действительно, для меня, горожанина, пустая бутылка никакой цены не имела. Но для дикаря, живущего в лесу, она составляла большую ценность.

По мере того как он вынимал свои вещи из котомки, я все больше и больше изумлялся. Чего тут только не было: порож-

ний мешок из-под муки, две старенькие рубашки, свиток тонких ремней, пучок веревок, старые унты, гильзы от ружья, пороховница, свинец, коробочка с капсулями, полотнище палатки, козья шкура, кусок кирпичного чая вместе с листовым табаком, банка из-под консервов, шило, маленький топор, жестяная коробочка, спички, кремень, огниво, трут, смолье для растопок, береста, еще какая-то баночка, кружка, маленький котелок, тупоконечный кривой ножик, жильные нитки, две иголки, пустая катушка, какая-то сухая трава, кабанья желчь, зубы и когти медведя, копытца кабарги и рысьи когти, нанизанные на веревочку, две медные пуговицы и множество разного хлама. Среди этих вещей я узнал такие, которые я раньше бросал по дороге. Очевидно, все это он подбирал и нес с собой.

Осматривая его вещи, я рассортировал их на две части и добрую половину посоветовал выбросить. Дерсу взмолился. Он просил ничего не трогать и доказывал, что потом все может пригодиться. Я не стал настаивать и решил впредь ничего не бросать, прежде чем не спрошу на это его согласия.

Точно боясь, чтобы у него не стянули чего-нибудь, Дерсу спешно собрал свою котомку и особенно старательно спрятал бутылку.

Около Черных скал тропа разделилась. Одна (правая) пошла в горы в обход опасного места, а другая направилась куда-то через реку. Дерсу, хорошо знающий эти места, указал на правую тропу. Левая, по его словам, идет только до звероловой фанзы Цу-жунь-гоу[117] и там кончается.

Сразу с привала начинается подъем, но до самой вершины тропа не доходит. С километр она идет косогором, а затем опять спускается в долину.

К вечеру небо снова заволокло тучами. Я опасался дождя, но Дерсу сказал, что это не туча, а туман, и что завтра будет день солнечный, даже жаркий. Я знал, что его предсказания всегда сбываются, и потому спросил его о приметах.

— Моя так посмотри, думай — воздух легкий, тяжело нету. — Гольд вздохнул и показал себе на грудь.

Он так сжился с природой, что органически всем своим существом мог предчувствовать перемену погоды. Как будто для этого у него было еще шестое чувство.

Дерсу удивительно приспособился к жизни в тайге. Место для своего ночлега он выбирал где-нибудь под деревом между двумя корнями, так что дупло защищало его от ветра; под себя он подстилал кору пробкового дерева, на сучок где-нибудь вешал унты так, чтобы их не спалило огнем. Винтовка тоже была рядом с ним, но она не лежала на земле, а покоилась на двух коротеньких сошках. Дрова у него всегда горели лучше, чем у нас. Они не бросали искр, и дым от костра относило в сторону. Если ветер начинал меняться, он с подветренной

стороны ставил заслон. Все у него было к месту и под рукой.

По отношению к человеку природа безжалостна. После короткой ласки она вдруг нападает и как будто нарочно старается подчеркнуть его беспомощность. Путешественнику постоянно приходится иметь дело со стихиями: дождь, ветер, наводнение, гнус, болота, холод, снег и т. д. Даже самый лес представляет собой стихию. Дерсу не находился под влиянием природы. Он скорее был в соответствии с окружающей его обстановкой.

Следующий день был 7 августа. Как только взошло солнце, туман начал рассеиваться, и через какие-нибудь полчаса на небе не было ни одного облачка. Роса перед рассветом обильно смочила траву, кусты и деревья. Дерсу не было на биваке. Он ходил на охоту, но неудачно, и возвратился обратно как раз ко времени выступления. Мы сейчас же тронулись в путь.

По дороге Дерсу рассказал мне, что несколько лет тому назад к западу от Сихотэ-Алиня жили гольды, а с восточной стороны удэхейцы, но потом всюду стали хозяйничать китайцы. Действительно, китайские охотничьи шалаши встречались во множестве. Можно было так соразмерить свой путь, чтобы каждый раз ночевать в балагане.

Километров через десять нам пришлось еще раз переправляться через реку, которая разбилась на множество протоков, образуя низкие острова, заросшие лесом. Слом пла, бурелома, рытвины и пригнутый к земле кустарник — все это указывало на недавнее большое наводнение.

Вдруг лес сразу кончился, и мы вышли к полянам, которые китайцы называют Сяонь-Лаза. Их три: первая — длиной в 2 км, вторая — метров в 500 и третья — самая большая, занимающая площадь в 6 кв. км. Поляны эти отделены друг от друга небольшими перелесками. Здесь происходит слияние Ли-Фудзина с р. Синанцой, по которой мы прошли первый раз через Сихотэ-Алинь к посту Ольги. Выйдя из леса, река отклоняется сначала влево, а затем около большой поляны снова пересекает долину и подходит к горам с правой стороны. Дальше мы не пошли и стали биваком на берегу реки, среди дубового редколесья.

Возвратившиеся с разведок казаки сообщили, что видели много звериных следов, и стали проситься на охоту.

Днем четвероногие обитатели тайги забиваются в чащу, но перед сумерками начинают подыматься со своих лежек. Сначала они бродят по опушкам леса, а когда ночная мгла окутает землю, выходят пастись на поляны. Казаки не стали дожидаться сумерек и пошли тотчас, как только развьючили лошадей и убрали седла. На биваке остались мы вдвоем с Дерсу.

Сегодня я заметил, что он весь день был как-то особенно рассеян. Иногда он садился в стороне и о чем-то напряженно

думал. Он опускал руки и смотрел куда-то вдаль. На вопрос не болен ли он, старик отрицательно качал головой, хватался за топор и, видимо, всячески старался отогнать от себя какие-то тяжелые мысли.

Прошло два с половиной часа. Удлинившиеся до невероятных размеров тени на земле указывали, что солнце уже дошло до горизонта. Пора было итти на охоту. Я окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

— Капитан, — сказал он мне, и в голосе его зазвучали просительные ноты, — моя не могу сегодня охота ходи. Там, — он указал рукой в лес, — помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву — нельзя нарушать покой усопших.

Я понял причину его тоски, и мне жаль стало старика. Я сказал ему, что совсем не пойду на охоту и останусь с ним на биваке.

В сумерки я услышал три выстрела — и обрадовался. Охотники стреляли далеко в стороне от того места, где находились могилы.

Когда совсем смерклось, возвратились казаки и принесли с собой козулю. После ужина мы рано легли спать. Два раза я просыпался ночью и видел Дерсу, сидящего у огня в одиночестве.

Утром мне доложили, что Дерсу куда-то исчез. Вещи его и ружье остались на месте. Это означало, что он вернется. В ожидании его я пошел побродить по поляне и незаметно подошел к реке. На берегу ее около большого камня я застал гольда. Он неподвижно сидел на земле и смотрел в воду. Я окликнул его. Он повернул ко мне свое лицо. Видно было, что он провел бессонную ночь.

— Пойдем, Дерсу! — обратился я к нему.

— Тут раньше моя живи, раньше здесь юрта была и амбар. Давно сгорели. Отец, мать тоже здесь раньше жили...

Он не докончил фразы, встал и, махнув рукой, молча пошел на бивак. Там все уже было готово к выступлению; казаки ждали только нашего возвращения.

От места слияния Ли-Фудзина с р. Синанцой начинается р. Фудзин. Горы с левой стороны состоят из выветрелого туфа и кварцевого порфира. Прилегающая часть долины покрыта лесом, заболоченным и заваленным колодником. Поэтому тропа здесь идет косогорами в полгоры, а километра через два опять спускается в долину.

Вскоре после полудня мы дошли до знакомой нам фанзы Иолайза. Когда мы проходили мимо тазовских фанз, Дерсу зашел к туземцам. К вечеру он прибежал испуганный и сообщил страшную новость: два дня тому назад по приговору

китайского суда заживо были похоронены в земле китаец и молодой таза. Такое жестокое наказание они понесли за то, что из мести убили своего кредитора. Погребение состоялось в лесу, в расстоянии одного километра от последних фанз. Мы бегали с Дерсу на это место и увидели там два невысоких холмика земли. Над каждой могилой была поставлена доска, на которой тушью были написаны фамилии погребенных. Усопшие уже не нуждались в нашей помощи, да и что могли сделать мы вчетвером среди многочисленного, хорошо вооруженного китайского населения!?

Я полагал провести в фанзе Иолайза два дня, но теперь это место мне стало противным. Мы решили уйти подальше и где-нибудь в лесу остановиться на дневку.

Вместе с Дерсу мы выработали такой план: с р. Фудзина пойти на р. Ното, подняться до ее истоков, перевалить через Сихотэ-Алинь и по р. Вангоу снова выйти на р. Тадушу. Дерсу знал эти места очень хорошо, и потому расспрашивать китайцев о дороге не было надобности.

Утром 8 августа мы оставили Фудзин — это ужасное место, где людей хоронят живыми. От фанзы Иолайза мы вернулись сначала к горам Сяень-Лаза, а оттуда пошли прямо на север по небольшой речке Поугоу, что в переводе на русский язык значит «Козья долина». Проводить нас немного вызвался один пожилой таза. Он все время шел с Дерсу и что-то рассказывал ему вполголоса. Впоследствии я узнал, что они были старые знакомые и таза собирался тайно переселиться с Фудзина куда-нибудь на побережье моря. Расставаясь с ним, Дерсу в знак дружбы подарил ему ту самую бутылку, которую я бросил на Ли-Фудзине. Надо было видеть, с какой довольной улыбкой таза принял от него этот подарок.

Долина реки Поугоу представляет собой довольно широкий распадок. Множество горных ключей впадает в него с той и с другой стороны. Пологие холмы и высокие реки, вдающиеся в долину с боков, покрыты редким лиственным лесом и кустарниковой порослью. Это и есть самые любимые места диких козуль.

После полудня Дерсу нашел маленькую тропку, которая вела нас к перевалу, покрытому густым лесом. Здесь было много барсучьих нор. Одни из них были старые, другие — совсем свежие. В некоторых норах поселились лисицы, что можно было узнать по следам на песке.

Отряд наш несколько отстал, а мы с Дерсу шли впереди и говорили между собой. Вдруг шагах в тридцати от себя я увидел, что в зарослях кто-то шевелится. Это оказался барсук, близко родственный японскому барсуку и распространенный по всему краю. Окраска его буро-серая с черным, морда белесоватая с продольными темными полосами около глаз. Барсук — животное всеядное, ведущее одиночную жизнь. Китайцы и

тувинцы специально за ним не охотятся, но бьют, если он попадается под выстрелы. Шкура его, покрытая жесткими волосами, употребляется ими на чехлы к ружьям и оторочку сумок.

Замеченный мной барсук часто поднимался на задние ноги и старался что-то достать, но что именно — я рассмотреть никак не мог. Он так был занят своим делом, что совершенно не замечал нас. Долго мы следили за ним, наконец, мне наскучило это занятие, и я пошел вперед.

Испуганный шумом, барсук бросился в сторону и быстро исчез из вида. Придя на то место, где было животное, я остановился и стал осматриваться. Вдруг я услышал крики Дерсу. Он махал руками и давал мне понять, чтобы я скорее отходил назад. В это время я почувствовал сильную боль в плече. Схватив рукой больное место, я поймал какое-то крупное насекомое. Оно тотчас ужалило меня в руку. Тут только я заметил на кусте бузины совсем рядом с собой большое гнездо шершней. Я бросился бежать и стал ругаться. Несколько насекомых погнались за мной следом.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу, вынимая топор из котомки. Выбрав тонкое деревцо, он срубил его и очистил от веток. Потом набрал бересты и привязал ее к концу жерди. Когда шершни успокоились, он зажег бересту и поднес ее под самое гнездо. Оно вспыхнуло, как бумага. Подпаливая шершней, Дерсу приговаривал:

— Что будешь нашего капитана кусать?

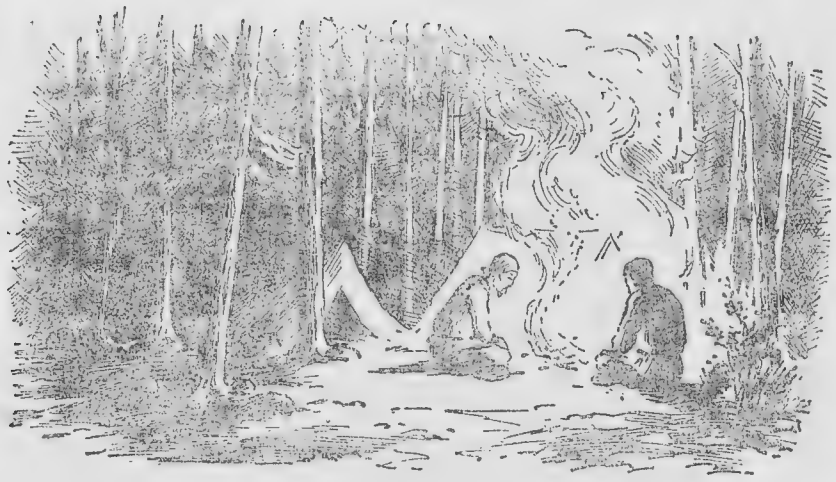
Покончив с шершнями, он побежал опять в лес, нарвал какой-то травы и, растерев ее на лезвии топора, приложил мне на больные места, а сверху прикрыл кусочками мягкой бересты и обвязал тряпицами. Минут через десять боль стала утихать. Я просил его показать мне эту траву. Он опять сходил в лес и принес растение, которое оказалось маньчжурским ломоносом. Дерсу сообщил мне, что трава эта также помогает и от укусов змей, что эту-то именно траву и едят собаки. Она вызывает обильное выделение слюны; слюна, смешанная с соком травы, при зализывании укушенного места является спасительной и парализует действие яда. Покончив с перевязкой, мы пошли дальше. Разговор наш теперь вертелся около шершней и ос. Дерсу считал их самыми «вредными людьми» и говорил:

— Его постоянно сам кусай. Теперь моя всегда его берестой пали.

Дня через два мы достигли водораздела. И подъем на хребет и спуск с него были одинаково крутыми. По ту сторону перевала мы сразу попали на тропинку, которая привела нас к фанзе соболевщика-китайца. Осмотрев ее, Дерсу сказал, что хозяин ее жил здесь несколько дней подряд и ушел только вчера. Я высказывал сомнение. В фанзе мог быть и не хозяин,

а работник или случайный прохожий. Вместо ответа Дерсу указал мне на старые вещи, выброшенные из фанзы и замененные новыми. Это мог сделать только сам хозяин. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Не доходя километров десяти до перевала, тропа делится на две. Одна идет на восток, другая поворачивает к югу. Если итти по первой, то можно выйти на р. Дунзахе, вторая приведет на р. Вангоу (приток Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта пешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега реки на другой.



ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО

Енотовидная собака. — Охота на кабанов. — Лес в истоках р. Дананцы. — Привидения. — Перевал Забытый. — Гора Тудинза. — Птицы. — Р. Вангоу. — Страшный выстрел. — Дерсу ранен. — Солонцы. — Брошенная лудева. — Встреча с Гранатманом и Мерэляковым. — Р. Динзахе. — Птицы. — Искатель женьшеня.

К вечеру в этот день нам удалось дойти до р. Ното. Истоки ее находятся приблизительно там, где пересекаются 45-я параллель и 135-й меридиан (от Гринвича). Отсюда берут начало р. Ваку и все верхние левые притоки Имана.

Река Ното (по-удэхейски Ныпту) длиной около 120 км. В верхней половине она состоит из двух рек одинаковой величины: Дабэйцы [118] и Дананцы [119]. Названия эти китайские и указывают направление их течений. Первая течет с севера, вторая — с юга. Место слияния их определяет границу, где кончаются леса и начинаются открытые места и земледельческие фанзы. Если итти вверх по р. Дабэйце, то можно выйти в верховья р. Ваку и далее к охотничьему поселку Сидатун на Имане.

Верховья Ното по справедливости считаются самыми глухими местами Уссурийского края. Китайские фанзы, разбросанные по тайге, нельзя назвать ни охотничьими, ни земледельческими. Сюда стекается весь беспокойный китайский элемент,

падкий до легкой наживы, способный на грабежи и убийства.

Долина нижнего Ното является как бы продолжением долины Данапцы. Она принимает в себя справа р. Себучар и, согласуясь с ее направлением, поворачивает к югу. Недалеко от впадения своего в р. Улахе она снова склоняется на юго-запад. Таким образом бассейн р. Ното со своими притоками составляет систему тектонических долин, сходящихся почти под прямыми углами с денудационными долинами прорыва. Первые представляют собой прямые долины, низкие в вершинах и постепенно расширяющиеся книзу, вторые — изломанные и состоящие из целого ряда котловин, замыкаемых горами, так что вперед сказать, куда повернет река, — невозможно. Котловины между собой соединены узкими проходами. Обыкновенно в этих местах река делает поворот. Вследствие этого очень часто притоки легко принять за главную долину, ошибка разъясняется только тогда, когда подходишь к ним вплотную.

Река Ното порожистая, и плавание по ней считается опасным. В нижнем течении она около 60 м ширины, в 1 м глубины и имеет быстроту течения до 86 км в час в малую воду. В дождливый период года вода, сбегающая с гор, переполняет реку и производит внизу большие опустошения.

Тут мы нашли брошенные юрты туземцев и старые развалившиеся летники. Дерсу мне сообщил, что раньше на р. Ното жили удэхейцы (четверо мужчин и две женщины с тремя детьми), но китайцы вытеснили их на р. Вану. В настоящее время по всей долине Ното охотничают и соболюют одни китайцы.

На другой день мы пошли вверх по р. Данапце. Она длиной около 50 км.

Здесь в лесах растет много тиса. Некоторые деревья достигают 10 м высоты и 1 м в обхвате на грудной высоте.

Не доходя километров десяти до перевала, тропа делится на две. Одна идет на восток, другая поворачивает к югу. Если итти по первой, то можно выйти на р. Динзахе, вторая приведет на р. Вангоу (притоки Тадушу). Мы выбрали последнюю. Тропа эта нешеходная, много кружит и часто переходит с одного берега на другой.

В походе Дерсу всегда внимательно смотрел себе под ноги, он ничего не искал, но делал это просто так, по привычке. Один раз он нагнулся и поднял с земли палочку. На ней были следы удэхейского ножа. Место среза давно уже почернело.

Разрушенные юрты, зарубки на деревьях, пни, на которых раньше стояли амбары, и эта строганая палочка свидетельствовали о том, что удэхейцы были здесь год тому назад.

В сумерки мы встали биваком на галъке в надежде, что около воды нас не так будут донекать комары.

Козулятина приходила к концу, надо было достать еще мяса. Мы сговорились с Дерсу и пошли на охоту. Было решено, что

от рассошины [120] я пойду вверх по реке, а он по ручейку в горы.

Уссурийская тайга оживает два раза в сутки: утром перед восходом солнца и вечером во время заката.

Когда мы вышли с бивака, солнце стояло уже низко над горизонтом. Золотистые лучи его пробирались между стволами деревьев в самые затаенные уголки тайги. Лес был удивительно красив в эту минуту. Величественные кедры своей темной хвоей как будто хотели прикрыть молодняк. Огромные тополи, насчитывающие себе около трехсот лет, казалось, спорили в силе и мощности с вековыми дубами. Рядом с ними в сообществе росли гигантские липы и высокостольные ильмы. Позади них виднелся коренастый ствол осокоря, потом черная береза, за ней: ель и пихта, граб, пробковое дерево, желтый клен и т. д. Дальше за ними уже ничего не было видно. Там все скрывалось в зарослях крушины, бузины и черемушника.

Время шло. Трудовой день кончился; в лесу сделалось сумрачно. Солнечные лучи освещали теперь только вершины гор и облака на небе. Свет, отраженный от них, еще некоторое время освещал землю, но мало-помалу и он стал блекнуть.

Жизнь пернатых начала замирать, зато стала просыпаться другая жизнь — жизнь крупных четвероногих.

До слуха моего донесся шорох. Скоро я увидел и виновника шума — это была енотовидная собака — животное, занимающее среднее место между собаками, куницами и енотами. Тело ее, длиной около 80 см, поддерживается короткими ногами, голова заостренная, хвост длинный, общая окраска серая с темными и белесоватыми просветами, шерсть мохнатая, отчего животное кажется больше, чем есть на самом деле.

Енотовидная собака обитает почти по всему Уссурийскому краю, преимущественно же в западной и южной его частях, и держится главным образом по долинам около рек. Животное это довольно трусливое, ведущее большей частью ночной образ жизни, и весьма прожорливое. Его можно назвать всеядным; оно не отказывается от растительной пищи, но любимое лакомство его составляют рыбы и мыши. Если летом корма было достаточно, то зимой енотовидная собака погружается в спячку.

Проводив ее глазами, я постоял с минуту и пошел дальше.

Через полчаса свет на небе еще более отодвинулся на запад. Из белого он стал зеленым, потом желтым, оранжевым и, наконец, темнокрасным. Медленно земля совершала свой поворот и, казалось, уходила от солнца навстречу ночи.

В это время я услышал треск сучьев и вслед за тем какое-то сопение. Я замер на месте. Из чащи, окутанной мраком, показались две темные массы. Я узнал кабанов. Они направлялись к реке. Судя по неторопливому шагу животных, я понял, что они меня не видали. Один кабан был большой, а другой поменьше. Я выбрал меньшего и стал в него целиться. Вдруг большой кабан

издал резкий крик, и одновременно я спустил курок. Эхо подхватило звук выстрела и далеко разнесло его по лесу. Большой кабан шарахнулся в сторону. Я думал, что промахнулся, и хотел было уже двинуться вперед, но в это время увидел раненого зверя, поднимающегося с земли. Я выстрелил второй раз, животное ткнулось мордой в траву и опять стало подниматься. Тогда я выстрелил в третий раз. Кабан упал и остался неподвижным. Я подошел к нему. Это была свинья средней величины, вероятно не более 130 кг весом.

Чтобы мясо не испортилось, я выпотрошил кабана и хотел было уже итти на бивак за людьми, но опять услышал шорох в лесу. Это оказался Дерсу. Он пришел на мои выстрелы. Я очень удивился, когда он спросил меня, кого я убил. Я мог и промахнуться.

— Нет, — засмеялся он, — моя хорошо понимай, тебе убей есть.

Я просил объяснить мне, на чем он основывает свои предположения. Гольд сказал мне, что обо всем происшедшем он узнал не по выстрелам, а по промежуткам между ними. Одним выстрелом редко удается убить зверя. Обыкновенно приходится сделать два-три выстрела. Если бы он слышал только один выстрел, то это значило бы, что я промахнулся. Три выстрела, часто следующих один за другим, говорят за то, что животное убегает и выстрелы пускаются вдогонку. Но выстрелы с неравными промежутками между ними доказывают, что зверь ранен и охотник его добивает.

Решено было, что до рассвета кабан останется на месте, а с собой мы возьмем только печень, сердце и почки животного. Затем мы разложили около него огонь и пошли назад.

Было уже совсем темно, когда мы подходили к биваку. Свет от костров отражался по реке яркой полосой. Полоса эта как будто двигалась, прерывалась и появлялась вновь у противоположного берега. С бивака доносились удары топора, говор людей и смех. Расставленные на земле комарники, освещенные изнутри огнем, казались громадными фонарями. Казаки слышали мои выстрелы и ждали добычи. Принесенная кабанина тотчас же была обращена в ужин, после которого мы напились чаю и улеглись спать. Остался только один караульный для охраны коней, пущенных на волю.

Одиннадцатого числа мы продолжали свой путь по р. Данапцо. Здесь в изобилии растет кедр. По мере приближения к Сихотэ-Алиню строевой лес исчезает все больше и больше и на смену ему выступают леса поделочного характера, и, наконец, в самых истоках растет исключительно замшистая и жидкая ель, лиственица и пихта. Корни деревьев не углубляются в землю, а стелются на поверхности. Сверху они чуть-чуть только прикрыты мхами. От этого деревья недолговечны и стоят непрочно. Молодняк двадцатилетнего возраста свободно

опрокидывается на землю усилиями одного человека. Отмирание деревьев происходит от вершин. Иногда умершее дерево продолжает еще долго стоять на корню, но стоит до него слегка дотронуться, как оно тотчас же обваливается и рассыпается в прах.

При подъеме на крутые горы, в особенности с ношей за плечами, следует быть всегда осторожным. Надо внимательно осматривать деревья, за которые приходится хвататься. Уже не говоря о том, что при падении такого рухляка сразу теряешь равновесие, но кроме того обломки сухостоя могут еще разбить голову. У берез древесина разрушается всегда скорее, чем кора. Труха из них высыпается, и на земле остаются лежать одни берестяные футляры.

Такие леса всегда пустынны. Не видно нигде звериных следов, нет птиц, не слышно жужжания насекомых. Стволы деревьев в массе имеют однотонную буро-серую окраску. Тут нет подлеска, нет даже папоротников и осок. Куда ни глянешь, всюду кругом мох: и внизу под ногами, и на камнях, и на ветвях деревьев. Тоскливое чувство навевает такая тайга. В ней всегда стоит мертвая тишина, нарушаемая только однообразным свистом ветра по вершинам сухостоев. В этом шуме есть что-то злобное, предостерегающее. Такие места удэхейцы считают обиталищами злых духов.

К вечеру мы немного не дошли до перевала и остановились у предгорий Сихотэ-Алиня. На этот день на разведки я послал казаков, а сам с Дерсу остался на биваке. Мы скоро поставили односкатную палатку, повесили над огнем чайник и стали ждать возвращения людей. Дерсу молча курил трубку, а я делал записи в свой дневник.

В переходе от дня к ночи всегда есть что-то таинственное. В лесу в это время становится сумрачно и тоскливо. Кругом воцаряется жуткое безмолвие. Затем появляются какие-то едва уловимые ухом звуки. Как будто слышатся глубокие вздохи. Откуда они исходят? Кажется, это вздыхает сама тайга. Я оставил работу и весь отдался влиянию окружающей меня обстановки. Голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Худо здесь наша спи, — сказал он как бы про себя.

— Почему? — спросил я его.

Он молча указал рукой на клочья тумана, которые появились в горах и, точно привидения, бродили по лесу.

— Тебе, капитан, понимай нету, — продолжал он. — Его тоже все равно люди.

Дальше из его слов я понял, что раньше это были люди, но они заблудились в горах, погибли от голода, и вот теперь души их бродят по тайге в таких местах, куда редко заходят живые. Вдруг Дерсу насторожился.

— Слушай, капитан, — сказал он тихо.

Я прислушался: со стороны, противоположной той, куда

ушли казаки, издали доносились странные звуки. Точно кто-нибудь рубил там дерево. Потом все стихло. Прошло минут девять, и опять новый звук пронесся в воздухе. Точно кто-то лязгал железом, но только очень далеко. Вдруг сильный шум прокатился по всему лесу. Должно быть, упало дерево.

— Это его, его! — забормотал испуганно Дерсу, и я понял, что он говорил про души заблудившихся и умерших. Затем он вскочил на ноги и что-то по-своему стал сердито кричать в тайгу. Я спросил его, что это значит.

— Мся мало-мало ругался, — отвечал он. — Моя ему сказал, что наша одну только ночь здесь спи и завтра ходи дальше.

В это время с разведок вернулись казаки и принесли с собой оживление. Ночных звуков больше не было слышно, и ночь прошла спокойно.

На следующий день я проснулся раньше солнца и тотчас же принялся будить разоспавшихся казаков. Солнечный восход застал нас уже в дороге.

Подъем со стороны р. Данапцы был длинный, пологий, спуск в сторону моря — крутой. Самый перевал представляет собой довольно глубокую седловину, покрытую хвойным лесом, высотой в 870 м. Я назвал его Забытым.

В горах Сихотэ-Алиня почти всегда около глубоких седловин располагаются высокие горы. Так было и здесь. Слева от нас высилась большая гора с плоской вершиной, которую местные китайцы называют Тудинза.

Оставив казаков ожидать нас в седловине, мы вместе с Дерсу поднялись на гору. По гипсометрическим измерениям высота ее равна 1 160 м. Подъем, сначала пологий, по мере приближения к вершинам становился все круче. Бесспорно, что гора Тудинза является самой высокой в этой местности. Вершина ее представляет собой небольшую площадку, покрытую травой и обставленную по краям низкорослой ольхой и березой.

Сверху с горы открывался великолепный вид во все стороны. Перед нами развернулась красивая панорама. Земля внизу казалась морем, а горы — громадными окаменевшими волнами. Ближайшие вершины имели причудливые очертания, за ними толпились другие, но контуры их были задернуты дымкой синеватого тумана, а дальше уже нельзя было разобрать, горы это или кучевые облака на горизонте. В этом месте хребет Сихотэ-Алиня делает небольшой излом к морю, а затем опять поворачивает на северо-восток. Гора Тудинза находилась как раз в углу излома. Сверху я легко мог разобраться в расположении горных складок и в направлениях течений рек. К западу текли рр. Ли-Фудзин и Ното, к северо-востоку — Тетюхе, к востоку — Дунзахе и на юго-восток — Вангоу.

Покончив с кипячением воды, мы стали спускаться обратно к седловине.

Я не знаю, что труднее: подъем или спуск. Правда, при подъеме в работе участвует дыхание, зато положение тела устойчивее. При спуске приходится все время бороться с тяжестью собственного тела. Каждый знает, как легко подыматься по осыпям вверх и как трудно по ним спускаться книзу. Надо все время упираться ногой в камни, в валежины, в основание куста, в кочку, обросшую травой и т. д. При подъеме на гору это неопасно, но при спуске всегда надо быть осторожным. В таких случаях легко сорваться с кручи и полететь вниз головой.

Восхождение на гору Тудинзу отняло у нас целый день. Когда мы спустились в седловину, было уже поздно.

На самом перевале находилась кумирня. Казаки нашли в ней китайские леденцы. Они сидели за чаем и благодушествовали.

И здесь, как и на р. Вай-Фудзине, при переходе через Сихотэ-Алинь, наблюдателя поражает разница в растительности. За водоразделом мы сразу попали в лиственный лес; хвоя и мох остались позади.

В истоках Вангоу стояла китайская зверовая фанза Цоцогоуза [121]; в ней мы и заночевали.

Перед сумерками я взял ружье и отправился на разведки. Я шел медленно, часто останавливался и прислушивался. Вдруг до слуха моего донеслись какие-то странные звуки, похожие на певучее карканье. Я притаился и вскоре увидел ворона. Птица эта гораздо крупнее обыкновенной вороны. Крики, издаваемые вороном, довольно разнообразны и даже приятны для слуха. Он сидел на дереве и как будто разговаривал сам с собой. В голосе его я насчитал девять колен. Заметив меня, птица испугалась. Она легко снялась с места и полетела назад. В одном месте в расщелине между корой и древесиной я заметил гнездо пищухи, а затем и ее самое. Эта серенькая живая и веселая птичка лазала по дереву и своим длинным и тонким клювом ощупывала кору. Иногда она двигалась так, что приходилась спиной книзу и лапками держалась за ветки. Рядом с ней суетились два амурских поползня. Они тихонько пищали и проворно осматривали каждую складку на дереве и действовали своими коническими клювами, как долотом, нанося удары не прямо, а сбоку, то с одной, то с другой стороны.

На возвратном пути я убил трех рябчиков, которые и доставили нам хороший ужин.

На рассвете (это было 12 августа) меня разбудил Дерсу. Казаки еще спали. Захватив с собой гипсометры, мы снова поднялись на Сихотэ-Алинь. Мне хотелось смерить высоту с другой стороны седловины. Насколько я мог уяснить, Сихотэ-Алинь тянется здесь в направлении к юго-западу и имеет пологие склоны, обращенные к Дананце, и крутые к р. Тадушу. С одной стороны были только мох и хвоя, с другой — смешанные лиственные леса, полные жизни.

Когда мы вернулись в фанзу, отряд наш был уже готов к выступлению. Стрелки и казаки позавтракали, согрели чай и ожидали нашего возвращения. Закусив немного, я велел им седлать коней, а сам вместе с Дерсу пошел вперед по тропинке.

Река Вангоу имеет вид горной таежной речки, длиной около 20 км, протекающей по продольно моложавчатой долине, покрытой отличным строевым лесом. На этом протяжении она принимает в себя пять небольших притоков: три с левой стороны — Туница [122], Сяоца [123] и Сиявангул [124], и два с правой — Та-Сица[125] и Сяо-Сица [126].

К несчастью, р. Вангоу сплавной быть не может, потому что русло ее засорено галькой и завалено буреломом.

Около устья первой речки мы остановились, чтобы подождать вьючный обоз. Дерсу сел на берегу речки и стал переобуваться, а я пошел дальше.

Тропинка описывает здесь дугу градусов в сто двадцать. Отойдя немного, я оглянулся назад и увидел его, сидящего на берегу речки. Он махнул мне рукой, чтобы я его не дожидался.

Едва я вступил на опушку леса, как сразу наткнулся на кабанов, но выстрелить не успел. Заметив, куда побежали животные, я бросился им наперерез. Действительно, через несколько минут я опять догнал их. Сквозь чащу я видел, как что-то мелькнуло. Выбрав момент, когда темное пятно остановилось, я приложился и выстрелил. В то же мгновение я услышал человеческий крик и затем болезненный стон. Безумный страх овладел мной. Я понял, что стрелял в человека, и кинулся через заросли к роковому месту. То, что я увидел, поразило меня, как обухом по голове. На земле лежал Дерсу.

— Дерсу, Дерсу! — закричал я не своим голосом и бросился к нему.

Он уперся левой рукой в землю и, приподнявшись немного на локте, правой рукой закрыл глаза. Я тормошил его и торопливо, испуганно спрашивал, куда попала пуля.

— Спина больно, — отвечал он.

Я спешно стал снимать с него верхнюю одежду. Его куртка и нижняя рубашка были разорваны. Наконец я его раздел. Вздох облегчения вырвался из моей груди. Пулевой раны нигде не было. Вокруг контуженного места был кровоподтек немного более пятикопеечной монеты. Тут только я заметил, что я дрожу, как в лихорадке. Я сообщил Дерсу характер его ранения. Он тоже успокоился. Заметив мое волнение, он стал меня успокаивать.

— Ничего, капитан! Тебе виноват нету. Моя назади был. Как тебе понимай, что моя впереди ходи.

Я поднял его, посадил и стал расспрашивать, как могло случиться, что он оказался между мной и кабанами. Оказалось, что кабанов он заметил со мной одновременно. Прирожденная охотничья страсть тотчас в нем заговорила. Он вскочил и

бросился за животными. А так как я двигался по круговой тропе, а дикие свиньи шли прямо, то, следуя за ними, Дерсу скоро обогнал меня. Куртка его по цвету удивительно подходила к цвету шерсти кабана. Дерсу в это время пробирался по чаще, согнувшись. Я принял его за зверя и выстрелил.

Пуля разорвала куртку и контузила спину, вследствие чего у него отнялись ноги.

Минут через десять подошли вьюки. Первое, что я сделал,— это смазал ушиб раствором иода, затем освободил одну лошадь, а груз разложил по другим коням. На освободившееся седло мы посадили Дерсу и пошли дальше от этого проклятого места.

После полудня там, где р. Вангоу принимает в себя сразу три притока, мы нашли еще одну звероную фанзу. Дальше итти было нельзя: у Дерсу болела голова и ломило спину. Я решил остановиться на ночлег. Раненого мы перенесли на руках в фанзу и положили на кан. Я старался окружить его самым заботливым уходом. Первым долгом я положил ему согревающий компресс на спину, для чего разорвал на полосы один комарник.

К вечеру Дерсу немного успокоился. Зато я не мог найти себе места. Мысль, что я стрелял в человека, которому обязан жизнью, не давала мне покоя. Я проклинал сегодняшний день, проклинал кабанов и охоту. Ведь, если бы на сантиметр я взял левее, если бы моя рука немного дрогнула, Дерсу был бы убит! Всю ночь я не мог уснуть. Мне все мерещился лес, кабаны, мой выстрел, крик Дерсу и куст, под которым он лежал. В испуге я вскакивал с кана и несколько раз выходил на воздух; я старался успокоить себя тем, что Дерсу жив и находится со мной, но ничто не помогало. Тогда я развел огонь и попробовал было читать. Скоро я заметил, что представляю себе не то, что написано в книге, а другую картину... Наконец стало светать. На мое счастье проснулся очередной артельщик. Он принялся готовить утренний завтрак, а я стал ему помогать.

Утром Дерсу почувствовал себя легче. Боль в спине утихла совсем. Он начал ходить, но все еще жаловался на головную боль и слабость. Я опять приказал одного коня предоставить больному. В девять часов утра мы выступили с бивака.

В нижнем течении р. Вангоу немного болотистая. Здесь есть кое-где небольшие полянки с землей плодородной, заросшей орешником, лещедецей, тростником и полынью. Километрах в пяти от устья, слева, в Вангоу впадает маленький ключик, называемый китайцами Талазагоу [127] — «Долина большой скалы». Действительно, такая скала здесь есть. Порода, из которой она состоит, разрушаясь под действием солнца, дождя и ветра, дает беловатую рыхлую массу, похожую на глину. По склонам падов, летом во время пантовки здесь всегда держится много изюбров. Они с какой-то особенной жадностью грызут эту землю. При ближайшем обследовании скалы на ней действительно

были найдены многочисленные следы, оставленные зубами оленей. С одной стороны ими было съедено так много породы, что образовалась выемка около аршина глубиной.

Неподалеку от скалы находилась лудева, т. е. забор, преграждавший животным доступ к водопою. Он был сделан частью из буреломного леса, частью из живых деревьев. При помощи кольев валежник закрепляется так, чтобы животные не могли разбросать его ногами. Кое-где оставляются проходы, в которых копают глубокие ямы, сверху искусно замаскированные травой и сухой листвой. Ночью олени идут к воде, натыкаются на забор и, пытаясь обойти его, попадают в ямы. Такие лудевы тянутся иногда на 50 км с лишним и имеют около двухсот действующих ям.

Лудева на р. Вангоу была заброшена. Видно было, что китайцы не навещали ее уже давно. В одной из ям мы нашли матку изюбра. Бедное животное попало туда, видно, суток трое тому назад. Мы остановились и стали рассуждать о том, как его спасти. Один из стрелков хотел было спуститься в яму, но Дерсу посоветовал не делать этого. Олень мог убиться сам и переломать охотнику ноги. Тогда мы решили вынуть его арканами. Так и сделали. В две петли, брошенные на землю, изюбр попал ногами, третью набросили ему на голову и быстро вытащили наверх. Казалось, что он задохся. Но едва петли были сняты, он тотчас начал ворочать глазами. Отдышавшись немного, олень поднялся на ноги и, шатаясь, пошел в сторону, но не доходя до леса, увидел ручей и, не обращая на нас более внимания, стал жадно пить воду.

Дерсу ужасно ругал китайцев за то, что они, бросив лудеву, не позаботились завалить ямы землей. Через час мы подошли к знакомой нам Лудевой фанзе. Дерсу совсем оправился и хотел было сам итти разрушить лудеву, но я посоветовал ему остаться и отдохнуть до завтра. После обеда я предложил всем китайцам стать на работу и приказал казакам строго следить за тем, чтобы все ямы были уничтожены.

После пяти часов полудня погода стала портиться: с моря потянул туман; откуда-то на небе появились тучи. В сумерках возвратились казаки и доложили, что в трех ямах они еще нашли двух мертвых оленей и одну живую козулю.

Весь следующий день мы простояли на месте. Погода была переменная, но больше дождливая и пасмурная. Люди стирали белье, починяли одежду и занимались чисткой оружия. Дерсу оправился окончательно, чему я несказанно радовался.

После полудня мы услышали выстрелы. Это Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков давали знать о своем возвращении. Встреча наша была радостной. Начались расспросы и рассказы друг другу о том, кто где был и кто что видел. Разговоры эти затянулись до самой ночи.

14 августа мы были готовы к продолжению путешествия. Теперь я полагал подняться по р. Динзахе и спуститься в бассейн Тетюхе, а Г. И. Гранатман с А. И. Мерзляковым взялись обследовать другой путь по р. Вандагоу, впадающей в Тетюхо с правой стороны недалеко от устья.

15 августа в 9 часов утра оба наши отряда разделились и пошли каждый своей дорогой.

Густой туман, лежавший до сих пор в долинах, вдруг начал подыматься. Сначала оголились подошвы гор, потом стали видны склоны их и седловины. Дойдя до вершин, он растянулся в виде скатерти и остался неподвижен. Казалось, вот-вот хлынет дождь, но благоприятные для нас стихии взяли верх: день был облачный, но не дождливый.

Река Динзахе [128] длиной около 50 км. Общее направление ее течения с севера на юг. Немного не доходя до Тадушу, она круто поворачивает на запад и течет некоторое время ей параллельно. Высокий отрог горного хребта, вклинившийся между этими двумя реками, состоит из трахитового туфа, фельзитов с плитняковой отдельностью и зеленого оруденелого кварцита. Лесонасаждение в горах редкое. Здесь растут белая и черная береза, клен, дуб и липа. Китайцы, которым нужно попасть на р. Динзахе, идут прямо через этот отрог, чем значительно сокращают расстояние и выигрывают во времени. Последние три километра река снова склоняется на юг и под прямым углом впадает в Тадушу.

Сначала на протяжении 10 км по долине р. Динзахе тянутся поляны, отделенные друг от друга небольшими перелесками, а затем начинаются сплошные леса, такие же роскошные, как и на р. Ли-Фудзине. Тут я впервые заметил японскую березу с треугольными листьями. Говорят, она часто встречается к югу от р. Тадушу, затем — бересклет малоцветковый, украшенный бахромчатыми ветвями и с бледными листьями, абрикосовое дерево с мелкими плодами и черешню Максимовича, растущую всегда одиноко и дающую черные безвкусные плоды. В другом месте я заметил приземистый тальник со слабоопушенными листьями и пепельную иву, растущую то кустом, то деревом. Кое-где одиночно встречались кусты смородины Максимовича, которую всегда можно узнать по красивой листве и мелким ягодам, и изредка княжик охотский с тонкими заостренными долями листьев.

Некоторые деревья поражали своей величиной. Измеренные стволы их в обхвате на грудной высоте дали следующие цифры: кедр — 2,9, пихта — 1,4, ель — 2,8, береза белая — 2,3, тополь — 3,5 и пробковое дерево — 1,4 м.

Река Динзахе сильно извивается по долине. Местами она очень мелка, течет по гальке и имеет много перекатов, но местами образует глубокие ямы. Вода в массе, вследствие посторонних примесей, имеет красивый опаловый оттенок.

С каждым днем гнуса становилось все меньше и меньше. Это очень облегчило работу. Комары стали какие-то желтые, холодные и злые.

Первым большим притоком Дунзахе с правой стороны будет р. Капхеза. По ней можно выйти на р. Вангоу. В этот день мы прошли сравнительно немного и на ночь остановились в густом лесу около брошенной звероловой фанзы.

Когда стемнело, с моря ветром опять нанесло туман. Конденсация пара была так велика, что влага непосредственно из воздуха оседала на землю мелкой изморосью. Туман был так густ, что в нескольких шагах нельзя было рассмотреть человека. На нем, как на экране, отражались тени людей. Они ходили по радиусам, принимали гигантские размеры и прыгали с одного места на другое. В такой сырости не хочется долго сидеть у огня. После ужина все, словно сговорившись, залезли в комарники и легли спать.

С восходом солнца туман рассеялся. По обыкновению, мы с Дерсу не стали дожидаться, когда казаки заседлают лошадей, и пошли вперед.

Чем дальше, тем лес становился гуще. В этой девственной тайге было что-то такое, что манило в глубину ее и в то же время пугало своей неизвестностью. В спокойном проявлении сил природы здесь произрастали представители всех лиственных и хвойных пород маньчжурской флоры. Эти молчаливые великаны могли бы многое рассказать из того, чему они были свидетелями за двести и триста с лишним лет своей жизни на земле.

Проникнуть в самую глубь тайги удается немногим. Она слишком велика. Путнику все время приходится иметь дело с растительной стихией. Много тайн хранит в себе тайга и ревниво оберегает их от человека. Она кажется угрюмой и молчаливой. Таково первое впечатление. Но кому случалось поближе с ней познакомиться, тот скоро привыкает к ней и тоскует, если долго не видит леса. Мертвой тайга кажется только снаружи, на самом деле она полна жизни. Мы с Дерсу шли, не торопясь, и наблюдали птиц.

В чаще подлесья в одиночку кое-где мелькали бойкие ремезы-овсянки. Там и сям на деревьях можно было видеть уссурийских малых дятлов. Из них особенно интересен зеленый дятел с золотистой головкой. Он усердно долбил деревья и нимало не боялся приближения людей. Рядом по веткам шоркали две уссурийские сойки-пересмешницы. Один раз мы вспугнули сокола-дербника. Он низко полетел над землей и скрылся вскоре за деревьями.

Над водой резвились стрекозы. За одной из них гналась азиатская трясогузка; она старалась поймать стрекозу на лету, но последняя ловко от нее увертывалась.

Вдруг где-то в стороне тревожно закричала кедровка. Дерсу сделал мне знак остановиться.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Его сюда ходи.

Действительно, крики приближались. Не было сомнения, что эта тревожная птица кого-то провожала по лесу. Минут через пять из зарослей вышел человек. Увидев нас, он остановился, как вкопанный. На лице его изобразилась тревога.

Я сразу узнал в нем искателя женьшеня. Одет он был в рубашку и штаны из синей дабы, кожаные унты, а на голове у него красовалась берестяная шляпа. Спереди на нем был одет промасленный передник для защиты одежды от росы, а сзади к поясу привязана шкура барсука, позволявшая садиться на мокрый валежник без опасения замочить одежду. У его пояса висел нож, костяная палочка для выкапывания женьшеня и мешочек, в котором хранились кремень и огниво. В руках китаец держал длинную палку для разгребания травы и листвы под ногами.

Дерсу сказал ему, чтобы он не боялся и подошел поближе. Это был человек лет пятидесяти пяти, уже поседевший. Лицо и руки у него так загорели, что приняли цвет оливково-красный. Никакого оружия у него не было.

Когда китаец убедился, что мы не хотим ему сделать зла, он сел на колодник, достал из-за пазухи тряпицу и стал вытирать ею потное лицо. Вся фигура старика выражала крайнее утомление.

Так вот он, искатель женьшеня! Это был своего рода пустынник, ушедший в горы и отдавший себя под покровительство лесных духов.

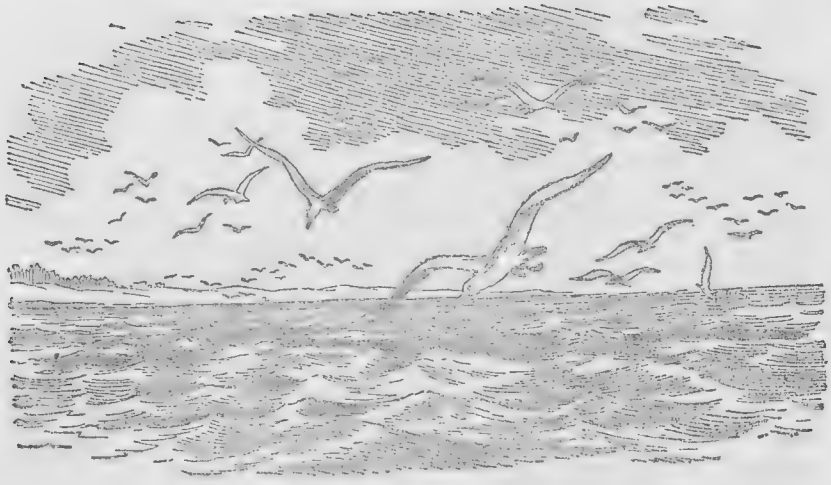
Из расспросов выяснилось, что в верховьях Динзахе у него есть фанза. В поисках за чудодейственным корнем он иногда уходил так далеко, что целыми неделями не возвращался к своему дому.

Он рассказал нам, как найти его жилище, и предложил остановиться у него в доме. Отдохнув немного, старик попрощался с нами, взял свою палку и пошел дальше. Я долго следил за ним глазами. Один раз он нагнулся к земле, взял мох и положил его на дерево. В другом месте он бантом закрутил ветку черемухи. Это условные знаки. Они означали, что данное место осмотрено и другому женьшенщику делать здесь нечего. Великий смысл заключается в этом. Искатели не будут ходить по одному и тому же месту и понапрасну тратить время. Через несколько минут старик исчез из вида, и мы тоже пошли своей дорогой.

В полдень мы были на половине пути от Тадушу до перевала, а к вечеру дошли до р. Удагоу [129], самого верхнего притока Динзахе. Тут мы действительно нашли маленькую фанзочку, похожую на туземную юрту с двускатной крышей, опирающейся непосредственно на землю. Два окна, расположенные по сторонам двери, были заклеены бумагой, разорванной и вновь заклеенной лоскутами. Здесь уже не было орудий звероловства, зато были заступы, скребки, лопаточки, берестяные коробочки разной величины и палочки для выкапывания женьшеня.

Шагах в пятидесяти от фанзы стояла маленькая кумирня со следующей надписью: «Чжень шань лин ван си жи Хань чао чжи го сян Цзинь цзо жень цзян фу лу мэн», т. е. «Находящемуся в лесах и горах князю (тигру). В древнее время при Ханьской династии — спасавший государство. В настоящие дни — дух, дающий счастье людям».

В верхнем течении р. Динзахе состоит из двух рек одинаковой величины: Ситцы [130] и Тунцы (Дунца). Первая приведет на Ното, вторая — на Тетюхе, куда именно я и направлял свой путь. От фанзы искателя женьшеня шла маленькая тропинка, но скоро она исчезла, и нам опять целый день пришлось итти целиной. Долина р. Динзахе, как и все тектонические долины, суживается постепенно. В верхней части дно ее занесено щебнем, из чего можно заключить, что в дождливое время года она заливается водой. Горный хребет, служащий водоразделом между ею и р. Тетюхе, представляет собой один из отрогов Сихотэ-Алиня, высотой, в среднем, 1 110 м. Гребень водораздела однообразно ровный, без выдающихся вершин и глубоких седловин и состоит из каолинизированного кварцевого порфира, в котором включены кристаллы полевого шпата.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Енотовидные собаки. — Долина Инза-Лазагоу. — Устье р. Тетюхе. — Стрельба по уткам. — Философия Дерсу. — Баня. — Бухта Тетюхе. — Птицы на берегу моря. — Гроза. — Рр. Цимухе и Вандагоу. — Выступление. — Тазы. — Кета. — Потрава пашен кабанами. — Рудник. — Летяга.

За перевалом, следуя течению воды к востоку, мы часа в три с половиной дня вышли на реку Инза-Лазагоу — «Долина серебряной скалы». Река эта будет самым большим и ближайшим к морю притоком Тетюхе.

В верховьях р. Инза-Лазагоу состоит тоже из двух речек, именуемых также Спцой и Тунцой. Каждая из них, в свою очередь, слагается из нескольких мелких ручьев. В этот день мы дошли до слияния их и стали биваком в густом лесу.

Здесь в реке было много мальмы. Мы ее ловили просто руками. Она подавалась нам ежедневно утром на завтрак и вечером на ужин. Интересно отметить, что рыбка эта особенно распространена в Зауссурийском крае. Туземцы говорят, что к западу от Сихотэ-Алиня преобладает ленок, которого вовсе нет в прибрежном районе.

Стрелки занялись ловлей рыбы на удочку, а я взял ружье и отправился на разведки в горы. Проходив до самых сумерек и ничего не найдя, я пошел по берегу реки. Вдруг в одной яме

я услышал шум, похожий на полосканье. Подойдя осторожно к обрыву, я заглянул вниз и увидел двух енотовидных собак. Они так были заняты ловлей рыбы, что совершенно не замечали моего присутствия. Передними ногами еноты стояли в воде и зубами старались схватить шмыгающих мимо них рыбешек. Я долго наблюдал за животными. Иногда они вдруг круто оборачивались назад, бросались за землеройками и принимались торопливо рыть землю. Но вот один из зверьков поднял голову, внимательно посмотрел в мою сторону и издал какой-то звук, похожий на тявканье. Вслед за тем оба енота быстро исчезли в траве и больше уже не показывались около речки.

На биваке я застал всех в сборе. После ужина мы еще с час занимались каждый своей работой, а затем напились чаю и легли спать, кто где нашел для себя удобней.

Следующий день мы продолжали свой маршрут по р. Низа-Лазагоу. Долина ее в средней части суживается, но затем опять начинает расширяться. Горы с правой стороны крутые и скалистые. В их обрывах китайцы нашли прожилки серебро-свинцовой руды, отчего и долина получила свое настоящее название. Долина Низа-Лазагоу большей частью свободна от леса, но так как почва в ней каменистая, она совершенно неудобна для земледелия. Вот почему китайцы игнорировали ее и поселились около устья.

На всем протяжении река принимает в себя с правой стороны только два небольших горных ручья: Тамчасегоу [131] и Панчасегоу [132]. От места слияния их идет тропа, проложенная тазовскими охотниками и китайцами-соболевщиками.

По пути я замечал, что в некоторых местах земли была истоптана и взрыта. Я думал, что это кабаны, но Дерсу указал мне на исковерканное деревцо, лишенное коры и листьев, и сказал:

— Его скоро начинай кричи!

Из объяснений его я понял, что как только у изюбра окрепнут молодые рога (панты), он старается содрать с них кожу, для чего треплет какое-нибудь деревцо. Другой самец, придя на это место, понимает, что это значит. Он начинает злиться, рыть землю ногами и бить молодняк рогами.

Река Низа-Лазагоу впадает в р. Тетюхе в 5 км от моря.

Нижняя часть долины последней представляет собой три широкие котловины. Китайские фанзы расположены с левой стороны.

Километрах в двух от устья реки начинаются болота. Песчаные валы и лужи стоячей воды между ними указывают место, до которого раньше доходило море. В приросте суши принимали участие три фактора: отрицательное движение береговой линии, наносы реки и морской прибой.

Около самого залива река вдруг поворачивает налево и течет вдоль берега моря, отделяясь от него только песчаной

косой. Раньше устье Тетюхе было около Северного мыса. Во время наводнения в 1904 г. река прорвала эту плотину и вышла прямо к бухте. Как только в прежнем русле ослабевало течение, море заметало его устье песком. Так образовался слепой рукав, впоследствии обмелевший. В скором времени он превратился в болото. Длинное озеро, которое сохранилось между валами в одном километре от моря, вероятно, было самое глубокое место залива. Ныне озеро это почти все заросло травой.

На нем плавало множество уток. Я остался с Дерсу ради охоты, а отряд ушел вперед. Стрелять уток, плававших на озере, не имело смысла. Без лодки мы все равно не могли бы их достать. Тогда мы стали караулить перелетных. Я стрелял из дробовика, а Дерсу из винтовки, и редкий раз он давал промахи. Глядя на его стрельбу, я невольно вслух высказал похвалу.

— Моя раньше хорошо стреляй, — отвечал он. — Никогда пуля мимо ходи нету. Теперь мало-мало плохо.

В это мгновенье над нами высоко пролетела утка. Дерсу быстро поднял ружье и выстрелил. Птица, простреленная пулей, перевернулась в воздухе, камнем полетела вниз и грузно ударилась о землю. Я остановился и в изумлении посматривал то на него, то на утку. Дерсу развеселился. Он предложил мне бросать кверху камни величиной в куриное яйцо. Я бросил десять камней, и восемь из них он в воздухе разбил пулями. Дерсу был доволен. Но не тщеславие говорило в нем, он просто радовался тому, что средства к жизни может еще добывать охотой.

Долго мы бродили около озера и стреляли птиц. Время летело незаметно. Когда вся долина залилась золотистыми лучами заходящего солнца, я понял, что день кончился. Вслед за трудовым днем приближался покой; вся природа готовилась к отдыху. Едва солнце успело скрыться за горизонтом, как с другой стороны, из-за моря, стала надвигаться темная ночь.

Широкой полосой перед нами расстилались пески, они тянулись километра на три. Далеко впереди, точно караван в пустыне, двигался наш отряд. Собрав поскорее птиц, мы пошли за ним следом.

Около моря караван наш остановился. Через несколько минут кверху взвилась струйка белого дыма, — это разложили огонь на биваке. Через полчаса мы были около своих.

Стрелки стали на ночь рядом с маленькой фанзой, построенной из плавникового леса, около береговых обрывов. Здесь жили два китайца, занимавшихся сбором съедобных ракушек в полосе мелководья. Большего радушия и большего гостеприимства я никогда не встречал.

За этот переход все сильно устали. На несчастье я сильно натер пятку. Надо было всем отдохнуть, поэтому я решил сделать дневку и дожидаться возвращения Г. И. Гранатмана и А. И. Мерзлякова.

Ночью больная нога не позволяла мне сомкнуть глаз, и я несказанно был рад, когда стало светать. Сидя у огня, я наблюдал, как к жизни пробуждалась природа.

Раньше всех проснулись бакланы. Они медленно, не торопясь, летели над морем куда-то в одну сторону, вероятно на корм. Над озером, заросшим травой, носились табуны уток. В море, на земле и в воздухе стояла глубокая тишина.

Дерсу поднялся раньше других и начал греть чай. В это время стало всходить солнце. Словно живое, оно выглянуло из воды одним краешком, затем отделилось от горизонта и стало взбираться вверх по небу.

— Как это красиво! — воскликнул я.

— Его самый главный люди, — ответил мне Дерсу, указывая на солнце. — Его пропади, кругом все пропади. — Он подождал с минуту и затем опять стал говорить: — Земля тоже люди. Голова его — там, — он указал на северо-восток, — а ноги — туда, — он указал на юго-запад. — Огонь и вода тоже два сильные люди. Огонь и вода пропади — тогда все сразу кончай.

В этих простых словах было много анимистического, но было много и мысли. Услышав наш разговор, стали просыпаться стрелки и казаки. Весь день я просидел на месте. Стрелки тоже отдыхали и только по временам ходили посмотреть лошадей, чтобы они не ушли далеко от бивака.

Сегодня мы устроили походную баню. Для этого была поставлена глухая двускатная палатка. Потом в стороне на кострах накалили камни, а у китайцев в большом котле и двух керосиновых банках согрели воду. Когда все было готово, палатку снаружи смочили водой, внесли в нее раскаленные камни и стали поддавать пар. Получалась довольно хорошая паровая баня. Правда, в палатке было тесно и приходилось мыться по очереди. Пока одни мылись, другие калили камни.

Много было шуток, много смеха, но все же все вымылись и даже постирали белье.

Следующие три дня провели за починкой обуви. Прежде всего я позаботился доставить продовольствие Н. А. Пальчевскому, который собирал растения в окрестностях бухты Терней. На наше счастье, в устье р. Тетюхе мы застали большую парусную лодку, которая шла на север. Дерсу уговорил хозяина ее, маньчжура Хэй-Батсу [133], зайти в бухту Терней и передать Н. А. Пальчевскому письмо и два ящика с грузом.

Погода эти дни стояла переменная: дули резкие западные ветры; ночи стали прохладные: приближалась осень.

Нога моя скоро поправилась, и явилась возможность продолжать путешествие.

Там, где р. Тетюхе впадает в море, нет ни залива, ни бухты. Незначительное углубление береговой линии внутрь материка не дает укрытия судам во время непогоды. Поэтому, если ветер начинает свежеть, они спешат сняться с якоря и уйти подальше

от берега. Бухта Тетюхе (будем так и звать ее) окаймлена с севера и с юга возвышенными горами, лишенными древесной растительности; только по распадкам и вообще в местах, защищенных от морских ветров, кое-где растут группами дуб и липа исключительно дровяного характера. Южная возвышенность представляет собой великолепный образчик горы, отмытой по вертикали от вершины до основания и оканчивающейся мысом Бринера. Это — одинокая скала, соединяющаяся с материком намывной косой из песка и гальки. Посредине косы есть небольшая, но довольно глубокая лагуна с соленой водой. К югу от мыса Бринера, метрах в двухстах от берега, из воды торчат еще две скалы, именуемые, как всегда, «Братом и сестрой». Раньше это были береговые ворота. Свод их обрушился, и остались только одни столбы. Если смотреть на мыс Бринера с северного берега бухты Тетюхе, то кажется, что столбы эти стоят на песчаном перешейке.

Несколько южнее в береговых обрывах можно наблюдать выходы вулканического туфа с прослойками горючей серы. Горы с северной стороны бухты оканчиваются обрывами высотой в 75—98 м, с узкой намывной полосой прибоя, на которую море выбросило множество морской травы.

Такие травяные завалы всегда служат местопребыванием разного рода куликов. Прежде всего я заметил быстро бегающих по песчаной отмели восточносибирских грязовиков. Они заходили в воду, и, казалось, совершенно не обращали внимания на прибой. Рядом с ними были кулики-травники. Эти красноногие смирные птички держались маленькими стайками, ходили по траве и выискивали в ней корм. При приближении человека они испуганно, с криками снимались с места и летели сначала в море, потом вдруг круто поворачивали в сторону и разом, точно по команде, садились снова на берег. Там, где морская трава чередовалась с полосками песка, можно было видеть уссурийских зуйков. Симпатичные птички эти постоянно заглядывали под щепки, камни и ракушки и то и дело заходили в воду, и только, когда сильная прибойная волна дальше обыкновенного забегала на берег, они вспархивали и держались на воздухе до тех пор, пока вода не отходила назад. Невдалеке от них по берегу чинно расхаживали два кулика-сороки и что-то клевали. Около мысов плавали нырковые морские утки-белобоки с серой спиной и пестрые каменушки. Они то и дело ныряли за кормом. Поднявшись на поверхность воды, утки осматривались по сторонам, встряхивали своими коротенькими хвостиками и опять принимались за нырянье. Дальше в море держались тихоокеанские бакланы. Они ныряли очень глубоко и всплывали на поверхность на значительном расстоянии от того места, где погружались в воду.

Над морем носилось множество чаек. Из них особенно выделялись восточносибирские хохотуньи. Порой они спускались

на воду и тогда поднимали неистовый крик, действительно напоминающий человеческий смех. Чайки по очереди снимались с воды, перелетали друг через друга и опять садились рядом, при этом старались одна другую ударить клювом или отнять пойманную добычу.

В другой стороне, над самым устьем р. Тетюхе, кружились два белохвостых орлана, зорко высматривавших добычу. Вдруг, точно сговорившись, они разом опустились на берег; вороны, чайки и кулички без спора уступили им свои места.

Последние два дня были грозовые. Особенно сильная гроза была 23-го числа вечером. Уже с утра было видно, что в природе что-то готовится; весь день сильно парило; в воздухе стояла мгла. Она постепенно увеличивалась и после полудня сгустилась настолько, что даже ближние горы приняли неясные и расплывчатые очертания. Небо сделалось белесоватым. На солнце можно было смотреть невооруженным глазом: вокруг него появилась желтая корона.

— Будет агды (гром), — сказал Дерсу. — Постоянно так начинай.

Часа в два дня с запада донеслись глухие раскаты грома. Все птицы разом куда-то исчезли. Стало сумрачно; точно сверху на землю опустился темный саван, и вслед за тем пошел редкий и крупный дождь. Вдруг могучий удар грома потряс воздух. Сильные молнии сверкали то тут, то там, и не успевали в небе заглохнуть одни раскаты, как появлялись новые. Горное эхо вторило грозе и разносило громовые удары «во все стороны света белого». К дождю присоединился вихрь. Он ломал мелкие сучья, срывал листву с деревьев и высоко подымал их на воздух. Вслед за тем хлынул сильный ливень. Буря эта продолжалась до восьми часов вечера.

На другой день, 24 августа, сразу были три грозы. Я заметил, что по мере приближения к морю грозы затихали. Над водой вспышки молнии происходили только в верхних слоях атмосферы, между облаками.

Как и надо было ожидать, последний ливень перешел в мелкий дождь, который продолжался всю ночь и следующие двое суток без перерыва.

26 августа дождь перестал, и небо немного очистилось. Утром солнце взошло во всей своей лучезарной красоте, но земля еще хранила на себе следы непогоды. Отовсюду сбегала вода; все мелкие ручейки превратились в бурные и пенящиеся потоки.

В этот день на Тетюхе пришли Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков. Их путь до фанзы Тадяпза [134] лежал сначала по р. Тадушу, а затем по левому ее притоку, р. Цимухе. Последняя состоит из двух речек, разделенных между собой небольшой возвышенностью, поросшей мелким лесом и кустарниками. Одна речка течет с севера, другая — с востока.

Береговая тропа проложена китайцами очень искусно. Она все время придерживается таких долин, которые идут вдоль берега моря; перевалы избраны самые низкие, подъемы и спуски возможно пологие.

Высота перевала между обеими упомянутыми речками равняется 200 м. Все окрестные горы состоят главным образом из кварцитов.

Далее тропа идет по р. Вандагоу [135], впадающей в Тетюхе недалеко от устья. Она длиной около 12 км, в верхней части — лесистая, в нижней — заболоченная. Лес, растущий на ней, редкий и носит на себе следы частых пожарищ.

У последней земледельческой фанзы тропа разделяется. Одна идет низом, по болотам, прямо к морю, другая — к броду на р. Тетюхе, километрах в пяти от устья.

26 августа мы отдыхали, 27-е число посвятили сборам, а 28-го вновь выступили в поход. Я с Дерсу и с четырьмя казаками пошел вверх по р. Тетюхе, Г. И. Гранатман отправился на р. Иодзыхе, а А. И. Мерзлякову было поручено произвести обследование побережья моря до залива Джигит.

По длине своей р. Тетюхе (по-удэхейски Ногуле) будет, пожалуй, больше всех рек южной части прибрежного района (около 80 км). Название ее—искаженное китайское слово «Чжючжи-хе» (т. е. «Река диких свиней»). Такое название она получила оттого, что дикие кабаны на ней как-то раз разорвали двух охотников. Русские в искажении пошли еще дальше, и слово «Тетюхе» [136] исказили в «Тетиха», что уж окончательно не имеет никакого смысла.

Если смотреть на долину со стороны моря, то кажется, будто Тетюхе течет с запада. Ошибка эта скоро разъясняется: видимая долина есть знакомая нам р. Инза-Лазагоу.

Долина Тетюхе — денудационная; она слагается из целого ряда котловин, замыкаемых горами. Проходы из одной котловины в другую до того узки, что трудно усмотреть, откуда именно течет река. Очень часто какой-нибудь приток мы принимали за самое Тетюхе, долго шли по нему и только по направлению течения воды узнавали о своей ошибке.

У места слияния рр. Тетюхе и Инза-Лазагоу живут китайцы и тазы. Я насчитал сорок четыре фанзы, из числа которых было шесть тазовских. Последние несколько отличаются от тех тазов, которых мы видели около залива Ольги. У них уже и физический облик был несколько иной. Вследствие притеснения китайцев и злоупотребления спиртом они находились в ужасной нищете. Позаимствовав кое-что от китайской культуры, они увеличили свои потребности, но не изменили в корне уклада жизни, вследствие чего началось быстрое падение их экономического благосостояния. У стариков еще живы воспоминания о тех временах, когда они жили одни и были многочисленным народом. Тогда не было китайцев, и только с приходом их появляются те страш-

ные болезни, от которых они гибли во множестве. Среди тазов я не нашел ни одной семьи, в которой не было бы прибора для курения опиума. Особенно этой пагубной страсти преданы женщины.

Тут я нашел одну старуху, которая еще помнила свой родной язык. Я уговорил ее поделиться со мной своими знаниями. С трудом она могла вспомнить только одиннадцать слов. Я записал их, они оказались принадлежащими удэхейцам. Пятьдесят лет тому назад старуха (ей тогда было 20 лет) ни одного слова не знала по-китайски, а теперь она совершенно утратила все национальное, самобытное, даже язык.

В этот день мы дошли до фанзы таза Лай-Серл. Здесь р. Тетюхе принимает в себя с левой стороны две маленькие речки: Сысенкурл [137] и Сибегоу [138].

Мы попали на р. Тетюхе в то время, когда кета шла из моря в реки метать икру. Представьте себе тысячи тысяч рыб от 3,3 до 5 кг весом, наводняющих реку и стремящихся вверх к порогам. Какая-то неудержимая сила заставляет их итти против воды и преодолевать препятствия.

В это время кета ничего не ест и питается только тем запасом жизненных сил, которые она приобрела в море. Сверху, с высоты речных террас, видно все, что делалось в воде. Рыбы было так много, что местами за ней совершенно не было видно дна реки. Интересно наблюдать, как кета проходит пороги. Она двигается зигзагами, перевертывается с боку на бок, кувыркается и все-таки идет вперед. Там, где ей мешает водопад, она подпрыгивает из воды и старается зацепиться за камни. Избитая, израненная, она достигает верховьев реки, оставляет потомство и погибает.

Сперва мы с жадностью набросились на рыбу, но вскоре она приелась и опротивела.

После продолжительного отдыха у моря люди и лошади шли охотно.

Дальние горы задернулись синей дымкой вечернего тумана. Приближался вечер. Скоро кругом должна была воцариться тишина. Однако я заметил, что по мере того как становилось темнее, какими-то неясными звуками наполнялась долина. Слышались человеческие крики и лязганье по железу. Некоторые звуки были далеко, а некоторые совсем близко.

— Дерсу, что это такое? — спросил я гольда.

— Манзы чушку гоняй, — отвечал он.

Я не понял его и подумал, что китайцы загоняют своих свиней на ночь. Дерсу возражал. Он говорил, что пока не убрана кукуруза и не собраны овощи с огородов, никто свиней из загонов не выпускает.

Мы пошли дальше. Минут через двадцать я заметил огни, но не около фанз, а в стороне от них.

— Манзы чушку гоняй, — опять сказал Дерсу, и я опять его не понял.

Наконец мы обогнули утесы и вышли на поляну. Звуки стали сразу яснее. Китаец кричал таким голосом, как будто аукался с кем-нибудь, и время от времени колотил палкой тазик. Услышав шум приближающегося отряда, он закричал еще больше и стал разжигать кучу дров, сложенных около тропинки.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Так худо ходи. Его могу стреляй. Его думай, наша чушка есть.

Я начал понимать. Китаец принимал нас за диких свиней и, действительно, мог выстрелить из ружья. Дерсу что-то закричал ему. Китаец тотчас ответил и побежал нам навстречу. Видно было, что и он испугался и обрадовался нашему приходу.

Я решил здесь ночевать. Казаки принялись развьючивать лошадей и ставить палатки, а я вошел в фанзу и стал расспрашивать китайцев. Они пеняли на свою судьбу и говорили, что вот три ночи подряд кабаны травят пашни и огороды. За двое суток они уничтожили почти все огородные овощи. Осталась одна кукуруза. Около нее днем китайцы уже видели диких свиней, и не было сомнения, что ночью они явятся снова. Китаец просил меня стрелять в воздух, за что обещал платить деньги. После этого он выбежал из фанзы и опять начал кричать и бить в тазик. Далеко из-за горы ему вторил другой китаец, еще дальше — третий. Эти нестройные звуки неслись по долине и таяли в тихом ночном воздухе. После ужина мы решили заняться охотой.

Когда заря потухла на небе, китаец сбегал к кукурузе и зажег около нее огонь. Взяв ружья, мы с Дерсу отправились на охоту. Китаец тоже пошел с нами. Он не переставал кричать. Я хотел было его остановить, но Дерсу сказал, что это не мешает, и кабаны все равно придут на пашню. Через несколько минут мы были около кукурузы. Я сел на пень с одной стороны, Дерсу — с другой, и стали ждать. От костра столбом подымался кверху дым; красный свет прыгал по земле неровными пятнами и освещал кукурузу, траву, камни и все, что было поблизости.

Нам пришлось ждать недолго. За пашней, как раз против того места, где мы сидели, послышался шум. Он заметно усиливался. Кабаны взбивали ногами траву и фырканьем выражали свое неудовольствие, чуя присутствие людей. Несмотря на крики китайца, несмотря на огонь, дикие свиньи прямо шли к кукурузе. Через минуту-две мы увидели их. Передние уже начали потраву. Мы выстрелили почти одновременно. Дерсу уложил одно животное, я — другое. Кабаны бросились назад, но через четверть часа они опять появились в кукурузе. Снова два выстрела; и еще пара свиней осталась на месте; одно животное, раскрыв рот, ринулось к нам навстречу, но выстрел Дерсу уложил его. Китаец бросал в свиней головешками. Выстрелы гремели один за другим, но ничто не помогало. Кабаны шли точно на приступ. Я хотел было итти к убитым животным, но Дерсу не пустил меня, сказав, что это очень опасно, потому

что среди них могли быть раненые. Подождав еще немного, мы пошли в фанзу и, напившись чаю, легли спать. Но уснуть не удалось: китаец всю ночь кричал и колотил в медный таз.

К рассвету он, повидимому, устал. Тогда я забылся крепким сном. Часов в девять я проснулся и спросил про кабанов. Дерсу сообщил мне, что ночью мы убили пять животных. После нашего ухода кабаны все-таки пришли на пашню и потравили остальную кукурузу начисто. Китаец был очень опечален. Мы взяли с собой только одного кабана, а остальных бросили на месте.

По словам китайцев, раньше кабанов было значительно меньше. Они расплодились в последние десять лет, и, если бы их не уничтожали тигры, они заполнили бы всю тайгу.

Распростившись с китайцем, мы пошли своей дорогой.

Чем дальше, тем интереснее становилась долина. С каждым поворотом открывались все новые и новые виды. Художники нашли бы здесь неистощимый материал для своих этюдов. Некоторые виды были так красивы, что даже казаки, почти всегда равнодушные к красотам природы, не могли оторвать от них своих глаз и смотрели, как зачарованные.

Кругом высились горы с причудливыми гребнями и утесы, похожие на человеческие фигуры, которым кто-то как будто приказал охранять сопки. Другие скалы походили на животных, птиц или просто казались длинной колоннадой. Утесы, выходящие в долину, увешанные гирляндами ползучих растений, листва которых приняла уже осеннюю окраску, были похожи на портики храмов, развалины замков и т. д.

Большинство гор в долине Тетюхе состоит из серых гранитов, порфиров и известняков. Лесонасаждение здесь крайне разнообразное: у моря растут преимущественно дуб и черная береза, в среднем течении — ясень, клен, вяз, липа и бархат, ближе к горам начинает попадаться пихта, а около реки в изобилии растут тальник и ольха. Иной раз положительно останавливаешься в недоумении перед деревом, выросшим, буквально, на голом камне. Кажется, и трещины нет, но дерево стоит прочно, корни его оплели камень со всех сторон и укрепились в осыпях.

В среднем течении река принимает в себя с левой стороны приток, р. Горбушу. Издали невольно ее принимаешь за р. Тетюхе, которая на самом деле проходит левее через узкое ущелье.

Не доходя до р. Горбуши километра два, тропа разделяется. Конная идет вброд через реку, а пешеходная взбирается на утесы и лепится по карнизу. Место это считается опасным, потому что почва на тропе под давлением ноги ползет книзу.

В этот день мы дошли до серебро-свинцового рудника. Здесь была одна только фанза, в которой жил сторож-кореец. Он тоже жаловался на кабанов и собирался перекочевать к морю. Место руды открыто китайцами лет сорок тому назад. Они пробовали

было выплавлять из нее серебро, но неудачно. Впоследствии место это застолбил Ю. И. Бринер.

С каждым днем комаров и мошек становилось все меньше и меньше. Теперь они стали появляться только перед сумерками и на рассвете. Это, вероятно, объясняется сильными росами и понижением температуры после захода солнца.

Ночи сделались значительно холоднее. Наступило самое хорошее время года. Зато для лошадей в другом отношении стало хуже. Трава, которой они главным образом кормились в пути, начала подсыхать. За неимением овса, изредка, где были фанзы, казаки покупали буду и понемногу подкармливали их утром перед походом и вечером на биваках.

У корейца в фанзе было так много клопов, что сам хозяин вынужден был спать снаружи, а во время дождя прятался в сарайчик, сложенный из тонкого накатника. Узнав об этом, мы отошли от фанзы еще с километр и стали биваком на берегу реки.

Вечером, после ужина, мы все сидели у костра и разговаривали. Вдруг что-то белесовато-серое пролетело мимо, бесшумно и неторопливо. Стрелки говорили, что это птица, а я думал что это большая летучая мышь. Через несколько минут странное существо появилось снова. Оно не махало крыльями, а летело горизонтально и несколько наклонно книзу. Животное село на осину и затем стало взбираться вверх по стволу. Окраска зверька до того подходила под цвет коры дерева, что если бы он оставался неподвижным, то его совершенно нельзя было бы заметить. Поднявшись метров на шесть, он остановился и, казалось, замер на месте. Я взял дробовое ружье и хотел было стрелять, но меня остановил Дерсу. Он быстро нарезал мелких веток и прикрепил их в виде веника к длинной палке, затем подошел к дереву и поднял их так, чтобы не закрывать свет костра. Ослепленное огнем животное продолжало сидеть на одном месте. Когда веник был достаточно высоко, Дерсу прижал его к дереву, затем велел одному казаку держать палку, а сам взобрался до ближайшего сука, сел на него и веником, как тряпкой, схватил свою добычу. Испуганный зверек запищал и стал биться. Это оказалась летяга. Она относится к отряду грызунов и к семейству беличьих. По бокам между передними и задними ногами имеется эластичная складка кожи, которая позволяет ей планировать от одного дерева к другому. Все тело летяги покрыто мягкой шелковистой светлосерой шерстью с пробором на хвосте.

Летяга распространена по всему Уссурийскому краю и живет в смешанных лесах, где есть береза и осина. Пойманный нами экземпляр был длиной 50 см и шириной (вместе с растянутой перепонкой) 16 см. Казаки и стрелки столпились и рассматривали летучего грызуна. Особенно оригинальна была его голова с большими усами и огромными черными глазами, приспособлен-

ными для восприятия возможно большего количества световых лучей ночью. Когда все кончили рассматривать летягу, Дерсу поднял ее над головой, что-то громко сказал и пустил на свободу. Летяга полетела над землей и скрылась в темноте. Я спросил гольда, зачем он отпустил летягу.

— Его птица нету, мышь нету, — отвечал он. — Его нельзя убей.

И он принялся мне рассказывать о том, что это душа умершего ребенка. Она некоторое время скитается по земле в виде летяги и только впоследствии попадает в загробный мир, находящийся в той стороне, где закатывается солнце.

Мы долго беседовали с ним на эту тему. Он рассказывал мне и о других животных. Каждое из них было человекоподобное и имело душу. У него была даже своя классификация их. Так, крупных животных он ставил отдельно от мелких, умных — отдельно от глупых. Соболя он считал самым хитрым животным.

На вопрос, какой зверь, по его мнению, самый вредный, Дерсу подумал и сказал:

— Крот!

А на вопрос, почему именно крот, а не другое животное, он ответил:

— Так! никто его не хочу стреляй, никто не хочу его кушай.

Этими словами Дерсу хотел сказать, что крот животное бесполезное, никчемное.

Оглянувшись кругом, я увидел, что все уже спали. Пожелав Дерсу покойной ночи, я завернулся в бурку, лег поближе к огоньку и сладко уснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

РЕВ ИЗЮБРОВ

Лесная растительность. — Женьшень. — Заездка для ловли рыбы. — Истоки р. Тетюхе. — Перевал Скалистый. — Верховья Имана. — Дерсу перед китайской кумирней. — Сильный вихрь. — Тихая ночь. — Р. Горбуша. — Пещеры. — Медведь добывает желуди. — Р. Папигоуза. — Изюбры. — Тигр на охоте за оленями. — Факел. — Возвращение на бивак.

На следующий день, 30 августа, мы пошли дальше. В трех километрах от корейской фанзы, за «щеками» [139], долина повернула к северо-западу. С левой стороны ее по течению тянется невысокая, но обширная речная терраса. Когда-то здесь была глухая тайга. Три раза следовавшие друг за другом пожары уничтожили ее совершенно. Остались только редкие обгорелые стволы. Точно гигантские персты, они указывали на небо, откуда за хищническое истребление лесов должно явиться возмездие в виде сильных дождей и связанных с ними стремительных наводнений. Этот горелый лес тянется далеко в стороны. Чрезвычайно грустный и безжизненный вид имеют такие гари.

К полудню мы вошли в густой лес. Здесь был сделан небольшой привал. Воспользовавшись свободным временем, я стал осматривать древесную и кустарниковую растительность и отметил у себя в записной книжке: белый клен с гладкой зеленоватой корой и с листьями, слабо зазубренными, мохнатыми

и белокорыми снизу; черемуху Маака, отличительными признаками которой являются кора, напоминающая бересту, и остроконечная зазубренная листва; каменную березу с желтовато-грязной корой, чрезвычайно изорванной и висящей лохмотьями; особый вид смородины, почти не отличающийся от обыкновенной красной; несмотря на август месяц, на кустах еще не было ягод; шиповник без шипов с красноватыми ветвями, мелкими листьями и крупными розовыми цветами; спирею, имеющую клиновидно-заостренные, мелкозубчатые листья и белые цветы, и бузину — куст со светлой корой, с парноперистыми, овально-ланцетовидными и мелкозазубренными листьями и с желтоватыми цветами.

Подкрепив свои силы едой, мы с Дерсу отправились вперед, а лошади остались сзади. Теперь наша дорога стала подыматься куда-то в гору. Я думал, что р. Тетюхе протекает здесь по ущелью, и потому тропа обходит опасное место. Однако я заметил, что это была не та тропа, по которой мы шли раньше. Во-первых, на ней не было конских следов, а во-вторых, она шла вверх по ручью, в чем я убедился, как только увидел воду. Тогда мы решили повернуть назад и пти напрямик к реке, в надежде, что где-нибудь пересечем свою дорогу. Оказалось, что эта тропа увела нас далеко в сторону. Мы перешли на левую сторону ручья и пошли у подножья какой-то сопки.

Вековые дубы, могучие кедры, черная береза, клен, аралия, ель, тополь, граб, пихта, лиственница и тис росли здесь в живописном беспорядке. Что-то особенное было в этом лесу. Внизу, под деревьями, царил полумрак. Дерсу шел медленно и, по обыкновению, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг он остановился и, не спуская глаз с какого-то предмета, стал снимать с себя котомку; положил на землю ружье и сошки, бросил топор, затем лег на землю ничком и начал кого-то о чем-то просить.

Я думал, что он сошел с ума.

— Дерсу, что с тобой? — спрашивал я его.

Он поднялся и, указав рукой на траву, сказал одно только слово:

— Панцуй (женьшень)!

Тут росло много травы. Которая из них была женьшень, — я не знал. Дерсу показал мне его. Я увидел небольшое травянистое растение величиной в 40 см, с четырьмя листьями. Каждый лист состоял из пяти листочков, из которых средний был длиннее, два покороче, а два крайние — самые короткие. Женьшень уже отцвел, и появились плоды. Это были маленькие, кругленькие коробочки, расположенные так же, как и у зонтичных. Коробочки еще не вскрылись и не осыпали семян. Дерсу очистил вокруг растения землю от травы, потом собрал все плоды и завернул их в тряпицу. После этого он попросил меня придержать растение сверху рукой, а сам принялся выкапывать корень. Откапывал он его очень осторожно. Все внимание было обращено

на то, чтобы не порвать корневые мочки. Затем он понес его к воде и стал осторожно смывать землю.

Я помогал ему, как мог. Мало-помалу земля стала отваливаться, и через несколько минут корень можно было рассмотреть. Он был длиною 11 см, с двумя концами, значит — мужской. Так вот каков этот женьшень, излечивающий все недуги и возвращающий старческому телу молодую бодрость жизни! Дерсу отрезал растение, уложил его вместе с корнем в мох и завернул в бересту. После этого он помолился, затем одел свою котомку, взял ружье и сошки и сказал:

— Ты, капитан, счастливый!

По дороге я спросил гольда, что он думает делать с женьшенем. Дерсу сказал, что он хочет его продать и на вырученные деньги купить патронов. Тогда я решил купить у него женьшень и дать ему денег больше, чем дали бы китайцы. Я высказал ему свои соображения, но результат получился совсем неожиданный. Дерсу тотчас полез за пазуху и, подавая мне корень, сказал, что отдает его даром. Я отказался, но он начал настаивать. Мой отказ и удивил и обидел его. Только впоследствии я понял, что делать подарки в обычае туземцев и что обычай требует отблагодарить дарившего равноценной вещью.

Разговаривая таким образом, мы скоро вышли на р. Тетюхе и здесь нашли потерянную тропинку.

С первого же взгляда Дерсу увидел, что наш вьючный отряд прошел вперед.

Надо было торопиться. Километра через два долина вдруг стала суживаться. Начали попадаться глинистые сланцы, верный признак, что Сихотэ-Алинь был недалеко. Здесь река протекает по узкому ложу. Шум у подножия береговых обрывов указывал, что дно реки загромождено камнями. Всюду пенились каскады; они чередовались с глубокими водоемами, наполненными прозрачной водой, которая в массе имела красивый изумрудный цвет.

В реке было много крупной мальмы. Дерсу хотел было стрелять в нее из ружья, но я уговорил его поберечь патроны. Мне хотелось поскорее присоединиться к отряду, тем более, что стрелки считали меня и Дерсу находящимися впереди, и, конечно, торопились догнать нас. Таким образом они могли уйти далеко вперед.

Часов в пять мы подошли к зверовой фанзе. Около нее я увидел своих людей. Лошади уже были расседланы и пущены на волю. В фанзе, кроме стрелков, находился еще какой-то китаец. Узнав, что мы с Дерсу еще не проходили, они резонно решили, что мы остались позади, и остановились, чтобы обождать. У китайца было много кабарожьего мяса и рыбы, пойманной заездками.

Китайская заездка устраивается следующим образом: при помощи камней река перегораживается от одного берега до другого, а в середине небольшой проход. Вода просачивается между

камнями, а рыба идет по руслу к отверстию и падает в решето, связанное из тальниковых прутьев. Раза два или три в сутки китаец осматривает его и собирает богатую добычу.

От хозяина фанзы мы узнали, что находимся у подножья Сихотэ-Алиня, который делает здесь большой излом, а р. Тетюхе течет вдоль него. Затем он сообщил нам, что дальше от его фанзы идут две тропы: одна к северу прямо на водораздельный хребет, а другая — на запад, вдоль р. Тетюхе. До истоков последней оставалось еще километров двенадцать.

Вечером после ужина мы держали совет. Решено было, что завтра я, Дерсу и китаец-охотник отправимся вверх по р. Тетюхе, перевалим через Сихотэ-Алинь и назад вернемся по р. Лянчихезе. На это путешествие нужно было употребить трое суток. Стрелки и казаки с лошадьми останутся в фанзе и будут ожидать нашего возвращения.

На другой день рано утром мы втроем наладили свои котомки, взяли ружья и тронулись в путь.

Чем дальше, тем тропа становилась все хуже и хуже. Долина сузилась совсем и стала походить на ущелье. Приходилось карабкаться на утесы и хвататься руками за корни деревьев. От жесткой почвы под ногами стали болеть подошвы ступней.

Мы старались обходить каменистые россыпи и ступать на мох или мягкий гнилой рухляк, но это мало помогало.

Истоки р. Тетюхе представляют собой два ручья. По меньшему, текущему с юга, можно выйти на р. Ното, и по большему, текущему с северо-запада, — на Иман. У места слияния их высота над уровнем моря равняется 651 м. Мы выбрали последний путь как наименее известный.

С этой стороны Сихотэ-Алинь казался грозным и недоступным. Вследствие размывов, а может быть от каких-либо других причин, здесь образовались узкие и глубокие распадки, похожие на каньоны. Казалось, будто горы дали трещины, и эти трещины разошлись. По дну оврагов бежали ручьи, но их не было видно; внизу, во мгле, слышно было только, как шумели каскады. Ниже бег воды становился покойнее, и тогда в рокоте ее можно было уловить игривые нотки.

Каким затерявшимся кажется человек среди этих скалистых гор, лишенных растительности! Незадолго до сумерек мы взобрались на перевал, высота которого измеряется в 1 215 м. Я назвал его Скалистым. Отсюда, сверху, все представляется в мелком масштабе; вековой лес, растущий в долине, кажется мелкой щетиной, а хвойные деревья — тоненькими иглами.

Заночевали мы по ту сторону Сихотэ-Алиня, на границе лесных насаждений. Ночью было сыро и холодно, мы почти не спали. Я все время кутался в одеяло и никак не мог согреться. К утру небо затянулось тучами, и начал накрапывать дождь.

Сегодня первый осенний день — пасмурный и ветреный. Живо, без проволочек, мы собрали свои пожитки и стали

спускаться в бассейн Имана. Насколько подъем был крутым со стороны Тетюхе, настолько он был пологим со стороны Имана. Сначала я даже думал, что мы находимся на плоскогорье, только когда я увидел воду, понял, что мы уже спустились с гребня.

Лес, растущий на западных склонах Сихотэ-Алиня, — старый, замшистый, низкорослый и состоит, главным образом, из лиственницы, ели и пихты, с небольшой примесью ольхи и березы.

В верховьях Иман слагается из двух рек, текущих с юга. Мы попали на правую речку, которую китайцы называют Ханихеза. От Сихотэ-Алиня до слияния их будет не менее 30 км.

Старые затески на деревьях привели нас к зверовой фанзе. Судя по сложенным в ней запасам продовольствия, видно было, что иманские зверовщики уже готовились к соболеванию.

Китаец не повел нас далеко по Иману, а свернул на восток к р. Лянчихезе. Здесь наш проводник немного заблудился и долго искал тропу.

К полудню погода испортилась совсем. Тучи быстро бежали с юго-востока и заволакивали вершины гор. Я часто поглядывал на компас и удивлялся, как наш проводник без всяких инструментов держал правильное направление.

В одном ручье мы нашли много сухой ольхи. Хотя было еще рано, но я по опыту знал, что значат сухие дрова во время ненастья, и потому посоветовал остановиться на бивак. Мои опасения сказались напрасными. Ночью дождя не было, а утром появился густой туман.

Китаец торопил нас. Ему хотелось поскорее добраться до другой фанзы, которая, по его словам, была еще километрах в двенадцати. И действительно, к полудню мы нашли эту фанзочку. Она была пустая. Я спросил нашего вожатого, кто ее хозяин. Он сказал, что в верховьях Имана соболеванием занимаются китайцы, живущие на берегу моря, дальше, вниз по реке, будут фанзы соболевщиков с р. Подзяхе, а еще дальше на значительном протяжении следует пустынная область, которая снова оживает немного около р. Кулумбе.

Отдохнув здесь немного, мы пошли снова к Сихотэ-Алиню. По мере приближения к гребню подъем становился более пологим. Около часа мы шли как бы по плоскогорью. Вдруг около тропы я увидел кумирню. Это служило показателем того, что мы достигли перевала. Высота его равнялась 1 190 м. Я назвал его Рудным. Отсюда начался крутой ступенчатый спуск к Тетюхе.

Отдохнув немного, мы стали спускаться с водораздела. Спуск в долину р. Тетюхе, как я уже сказал, идет уступами. По эту сторону был также хвойный лес, но по качеству несравненно лучше иманского.

С перевала тропа привела прямо к той фанзе, где оставались люди и лошади. Казаки соскучились и были чрезвычайно рады

нашему возвращению. За это время они убили кабана и наловили много рыбы.

Перед вечером небо вдруг как-то быстро стало расчищаться. Тучи, которые доселе лежали неподвижно, ровной пеленой, разорвались. Облака имели разлохмаченный вид, двигались вразброд, навстречу друг другу, и вслед за тем налетел такой сильный ветер, что столетние деревья закачались, как слабые тростники. В воздухе закружилась сухая трава, листва, сорванная с деревьев, и мелкие сучья. Какая-то птица пыталась было бороться с разбушевавшейся стихией, но скоро выбилась из сил. Ее понесло куда-то вниз и она скорее упала, чем спустилась, на землю. Вдруг один кедр, растущий недалеко от фанзы, накренился и начал медленно падать. Со страшным грохотом рухнул он на землю, увлекая за собой соседний молодняк. Около часа свирепствовал этот вихрь и затем пропал так же неожиданно, как и появился. В лесу непрежнему стало тихо.

Я оделся, взял ружье, свистнул собаку и пошел вниз по речке. Отойдя немного от фанзы, я сел на камень и стал слушать. Монотонный шум ручья, который обыкновенно не замечаешь днем, вечером кажется сильнее. Внизу под обрывом плескалась рыба, по ту сторону реки, в лесу, ухал филин-пугач, в горах ревели изюбры, и где-то поблизости тоскливо мычала кабарга. Я так увлекся созерцанием природы, что не заметил, как прошло время. Одежда моя стала мокнуть от росы. Я вернулся в фанзу, забрался на теплый кан и уснул, как убитый.

Следующие два дня (3 и 4 сентября) мы употребили на переход от Сихотэ-Алиня до устья р. Горбуши. Я намеревался сначала пройти по ней до перевала, а затем спуститься по р. Аохобе к морю.

Река Горбуша (по-китайски Дуймеца) длиной 8 км. Общее направление ее течения будет по кривой с востока к югу. Невдалеке от своего устья, с правой стороны, она принимает в себя безымянный приток, на котором есть довольно обширные пещеры. Они расположены в два яруса и идут книзу спиралями. Глубокие колодцы, ходы сообщений и сталактиты в виде колонн делают эти пещеры весьма интересными. Внутри их по стенам в виде барельефов спускаются натеки, рядом с которыми блестят друзы горного хрусталя и весьма крупные кристаллы известкового шпата. Другая пещера, меньшая по размерам, находится с левой стороны р. Горбуши, как раз против устья р. Безымянной. В этой пещере на мягкой наносной почве валялось много костей, и виднелись свежие тигровые следы.

Осмотрев обе пещеры, мы пошли дальше.

В долине р. Горбуши развиты речные террасы. Они тянутся все время, чередуясь то с правой, то с левой стороны. Здесь раньше были хорошие смешанные леса, впоследствии уничтоженные пожарами.

Скоро выяснилось, что р. Горбуша идет вдоль Сихотэ-Алиня и в истоках подходит к нему почти вплотную.

После полудня мы с Дерсу опять пошли вперед. За рекой тропка поднялась немного на косогор. Здесь мы сели отдохнуть. Я начал переобуваться, а Дерсу стал закуривать трубку. Он уже хотел было взять ее в рот, как вдруг остановился и стал пристально смотреть куда-то в лес. Через минуту он рассмеялся и сказал:

— Ишь, хитрый! Чего-чего понимай!

— Кто? — спросил я его.

Он молча указал рукой. Я поглядел в ту сторону, но ничего не видел. Дерсу посоветовал мне смотреть не на землю, а на деревья. Тогда я заметил, что одно дерево затряслось, потом еще и еще раз. Мы встали и тихонько двинулись вперед. Скоро все разъяснилось. На дереве сидел белогрудый медведь и лакомился жолудями.

Животное это по размерам своим значительно уступает обыкновенному бурому медведю. Максимальная его длина 1,8 м, а высота в плечах 0,7 м при наибольшем весе в 160 кг. Окраска его шерсти — черная, блестящая, на груди находится белое пятно, которое захватывает нижнюю часть шеи. Иногда встречаются (правда, очень редко) такие медведи, у которых брюхо и даже лапы белые. Голова зверя конусообразная, с маленькими глазами и большими ушами. Вокруг нее растут длинные волосы, имеющие вид пышного воротника.

Белогрудые медведи устраивают свои берлоги в дуплах старых тополей. Следовательно, область распространения их тесно связана с маньчжурской флорой. Северная граница этой области проходит приблизительно от Анюя к истокам Имана и оттуда по побережью моря к мысу Олимпиады. Главной пищей им служат: весной — корни росянки и листва белокопытника, летом — ягоды коломикты, черемухи и жолуди, а осенью — лещина, маньчжурские и кедровые орехи и плоды дикой яблони. В зимнюю спячку этот медведь впадает рано. Вверху, в стволе, он прогрызает небольшую отдушину, вокруг которой собирается замерзший иней. По этому признаку охотники узнают о присутствии в дупле зверя.

Подойдя к медведю шагов на сто, мы остановились и стали за ним наблюдать. «Косолапый» взобрался на самую вершину дерева и там устроил себе нечто в роде лабаза [140]. Много жолудей оставалось на тех сучьях, до которых он не в силах был дотянуться. Тогда медведь начинал трясти дерево и поглядывать на землю. Расчет его оказался правильным. Жолуди созрели, но не настолько, чтобы осыпаться самостоятельно. Через некоторое время он спустился вниз и принялся искать в траве.

— Тебе какой люди? — закричал ему Дерсу.

Медведь быстро обернулся, насторожил уши и стал усиленно нюхать воздух. Мы не шевелились. Медведь успокоился и хотел было опять приняться за еду, но Дерсу в это время свистнул. Медведь поднялся на задние лапы, затем спрятался за дерево

и стал выглядывать оттуда одним глазом. В это время ветер подул нам в спину. Медведь рявкнул, прижал уши и без оглядки пустился наутек. Через несколько минут подошли казаки с конями.

Подъем на перевал, высота которого измеряется в 770 м как со стороны р. Горбуши, так и со стороны р. Синанцы, одинаково пологий. Ближайшие горы состоят из кварцевого порфира. Отсюда Сихотэ-Алинь постепенно отходит к северо-востоку.

С перевала мы спустились к р. Папигоузе, получившей свое название от двух китайских слов: «папи» — т. е. береста и «гоуза» — долинка [141]. Речка эта принимает в себя справа и слева два горных ручья. От места слияния их начинается р. Синанца, что значит юго-западный приток. Дальше долина заметно расширяется и идет по отношению к Сихотэ-Алиню под углом в десять градусов. Пройдя по ней километра четыре, мы стали биваком на берегу реки.

Конец августа и начало сентября — самое интересное время в тайге. В это время начинается рев изюбров и бой самцов за обладание матками. Для подзывания изюбра обыкновенно делается берестяной рожок, для чего снимается береста лентой, сантиметров десять шириной.

Она скручивается спирально, и таким образом получается труба длиной в 60—70 см. Звук получается от втягивания в себя воздуха.

Убить оленя во время рева очень легко. Самцы, ослепленные страстью, совершенно не замечают опасности и подходят к охотнику, когда он их подманивает рожком, почти вплотную.

Мясом мы были вполне обеспечены, поэтому я не пустил казаков на охоту, но сам решил пойти в тайгу ради наблюдений.

Запасшись такими рожками, мы с Дерсу отправились в лес и, отойдя от бивака с километр, разошлись в разные стороны. Выбрав место, где заросли были не так густы, я сел на пень и стал ждать.

По мере того как угасал день, в лесу становилось все тише и тише.

В переходе от дня к ночи в тайге всегда есть что-то торжественное. Угасающий день нагоняет на душу чувство жуткое и тоскливое. Одиночество родит мысли, воспоминания. Я так ушел в себя, что совершенно забыл о том, где я нахожусь и зачем пришел сюда в этот час сумерек.

Вдруг где-то на юге заревел один изюбр. Призывный крик его разнесся по всему лесу, и тотчас в ответ ему ответил другой — совсем недалеко от меня. Это, должно быть, был старый самец. Он начал с низких нот, затем постепенно перешел на высокие и окончил густой октавой. Я ответил ему на берестяном рожке.

Не более как через минуту я услышал треск сучьев и вслед за тем увидел стройного оленя. Он шел уверенной грациозной походкой, покачивая головой и поправляя рога, задевающие

за сучья деревьев. Я замер на месте. Изюбр остановился и, закинув голову, делал носом гримасы, стараясь по запаху узнать, где находится его противник. Глаза его горели, ноздри были раздуты и уши насторожены. Минуты две я любовался прекрасным животным и совершенно не имел намерения лишать его жизни. Чувствуя присутствие врага, олень волновался. Он начал рогами рыть землю, затем поднял свою голову вверх и издал могучий крик. Легкий пар вылетел у него изо рта. Не успело ему ответить эхо, как со стороны Синанцы послышался другой рев. Олень встрепенулся, как-то завыл, затем вой его перешел в рев, короткий и яростный. В это время олень был удивительно красив.

Вдруг слева от меня послышался слабый шум. Я оглянулся и увидел самку. Когда я снова повернул голову к оленям, самцы уже дрались. С изумительной яростью они бросились друг на друга. Я слышал удары их рогов и тяжелые вздохи, вырывавшиеся из груди вместе со стонами. Задние ноги животных были вытянуты, а передние подогнуты под брюхо. Был момент, когда они так крепко сцепились рогами, что долго не могли разойтись. Сильным встряхиванием головы один олень отломал у другого верхний отросток рога и только этим освободил себя и противника. Бой изюбров продолжался минут десять. Наконец стало ясно, что один из них должен уступить. Он тяжело дышал и понемногу пятился назад. Заметив отступление противника, другой олень стал нападать еще яростнее. Скоро оба изюбра скрылись у меня из вида.

Я вспомнил про самку и стал искать ее глазами. Она стояла на том же месте и равнодушно смотрела на обоих своих поклонников, сцепившихся в смертельной схватке. Шум борьбы постепенно удалялся. Очевидно, один олень гнал другого. Самка следовала сзади в некотором расстоянии.

Вдруг по лесу прокатился отдаленный звук выстрела. Я понял, что это стрелял Дерсу. Только теперь я заметил, что не одни эти олени дрались. Рев их несся отовсюду—в лесу стоял настоящий гомон.

Начинало быстро темнеть. На небе последние вспышки зари боролись с ночным мраком, быстро наступавшим с востока.

Через полчаса я пришел на бивак. Дерсу был уже дома. Он сидел у огня и чистил свою винтовку. Он мог бы убить несколько изюбров, но ограничился одним только рябчиком.

Долго сидели мы у костра и слушали рев зверей. Изюбры не давали нам спать всю ночь. Сквозь дремоту я слышал их крики и то и дело просыпался. У костра сидели казаки и ругались. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, кружились и одна за другой гасли в темноте. Наконец, стало светать. Изюбриный рев понемногу стих. Только одинокие ярые самцы долго еще не могли успокоиться. Они слонялись по теплым

склонам гор и ревели, но им уже никто не отвечал. Но вот взошло солнце, и тайга снова погрузилась в безмолвие.

Оставив всех людей на биваке, мы с Дерсу пошли на Сихотэ-Алинь. Для этого мы воспользовались одним из ключиков, текущих с водораздела к р. Синанце. Подъем был сначала длинный и пологий, а затем сделался крутым. Пришлось итти без тропы по густой кустарниковой заросли, заваленной горелым лесом.

Приближалась осень. Листва на деревьях уже стала опадать на землю. Днем она шуршит под ногами, а вечером от росы опять становится мягкой. Это позволяет охотнику подойти к зверю очень близко.

В полдень мы были на вершине Сихотэ-Алиня. Здесь я увидел знакомую картину: гарь — к востоку и замшистый хвойный лес — к западу. Восточный склон Сихотэ-Алиня крутой, а западный — пологий. Дерсу нашел следы лося и сообщил мне, что сохатый в этих местах встречается только до Ното. Ниже этой границы он не спускается.

Часам к шести пополудни мы возвратились на бивак. Было еще довольно светло, когда наиболее ярые самцы заревели, сначала на высоких горах, а потом и в долинах.

Бой изюбров в прошлый вечер произвел на меня сильное впечатление; я решил пойти в тайгу и пригласил с собой Дерсу.

Мы переправились через реку и вступили в лес, полный таинственного сумрака. Отойдя от бивака километра полтора, мы остановились около тихого ручья и стали слушать. Когда солнце скрылось за горизонтом, на землю опустились сумерки, и чем темнее становилось в тайге, тем больше ревели изюбры. Эта волшебная музыка наполняла весь лес. Мы пробовали было подходить к оленям, но неудачно. Раза два мы видели животных, но как-то плохо: или видна была одна голова с рогами, или задняя часть тела и ноги. В одном месте мы заметили красивого самца. Около него уже табунились три матки. Олени не стояли на месте, а тихонько шли. Мы следовали за ними по пятам. Если бы не Дерсу, я давно потерял бы их из вида. Самец шел впереди. Он чувствовал, что он сильней других самцов, и потому отвечал на каждый брошенный ему вызов. Вдруг Дерсу остановился и стал прислушиваться. Он повернул назад и замер в неподвижной позе. Оттуда слышался рев старого быка, но только ноты его голоса были расположены не в том порядке, как обыкновенно у изюбров.

— Гм, тебе понимай, какой это люди? — спросил меня Дерсу. Я ответил, что думаю, что это изюбр, но только старый.

— Это Амба, — ответил он мне шопотом. — Его шибко хитрый. Его постоянно так изюбра обмани. Изюбр теперь понимай нету, какой люди кричи, Амба скоро матка поймай есть.

Как бы в подтверждение его слов, в ответ на рев тигра изюбр ответил громким голосом. Тотчас ответил и тигр. Он довольно ловко подражал оленю, но только под конец его рев закончился коротким мурлыканьем.

Тигр приближался и, вероятно, должен был пройти близко от нас. Дерсу казался взволнованным. Сердце мое усиленно забилось. Я поймал себя на том, что чувство страха начало овладевать мной. Вдруг Дерсу принялся кричать:

— А-та-та, та-та-та, та-та-та!..

После этого он выстрелил из ружья в воздух, затем бросился к березе, спешно сорвал с нее кору и зажег спичкой. Ярким пламенем вспыхнула сухая береста, и в то же мгновение вокруг нас сразу стало вдвое темнее. Испуганные выстрелом изюбры шарахнулись в сторону, а затем все стихло. Дерсу взял палку и накрутил на нее горящую бересту. Через минуту мы шли назад, освещая дорогу факелом. Перейдя реку, мы вышли на тропинку и по ней возвратились на бивак.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ОХОТА НА МЕДВЕДЯ

Р. Аохобе. — Лудева. — Береговая тропа. — Страшный зверь. — Три выстрела. — Бегство. — Бурый медведь. — Трофей, закопанный в землю. — Дерсу по следам восстанавливает картину борьбы с медведем. — Возвращение на бивак. — От р. Мутухе до Сеохобе. — Р. Мутухе. — Отставшие перелетные птицы. — Лежбище сивучей. — Злоупотребление огнестрельным оружием. — Пал. — Поиски бивака. — Дым и холодные утренники. — Озера р. Сеохобе. — Хищничество китайцев.

На другой день (7 сентября) мы продолжали наше путешествие. От китайского охотничьего балагана шли две тропы: одна — вниз по р. Синанце, а другая — вправо, по р. Аохобе (по-удэхейски Эhе, что значит «чорт»). Если бы я пошел по Синанце, то вышел бы прямо к заливу Джигит. Тогда побережье моря между рр. Тетюхе и Иодзыхе осталось бы неосмотренным.

Поэтому я решил спуститься к морю по р. Аохобе, а Синанцу осмотреть впоследствии.

Сначала путь наш лежал на юг по небольшой тропинке, проложенной по самому верхнему и правому притоку р. Синанцы, длиной в два или три километра.

Горы в этих местах состоят из порфиров, известняков и оруденелых фельзитов. Во многих местах я видел прожилки серебро-свинцовой руды, цинковой обманки и медного колчедана.

Поднявшись на перевал высотой в 270 м, я стал осматриваться. На северо-западе высокой грядой тянулся голый Сихотэ-Алинь, на юге виднелась р. Тетюхе, на востоке — р. Мутухе, и прямо на запад шла р. Дунца — приток Аохобе. По ней нам и надлежало итти. Всюду на горах лес был уничтожен пожарами; он сохранился только в долинах, кое-где, как бы отдельными островками.

После короткого отдыха на перевале мы начали спускаться к р. Дунце, протекающей по небольшой извилистой долине, поросшей березой, бархатом и тополем. Вскоре мы наткнулись на какой-то забор. Это оказалась лудева. Она пересекала долину Аохобе поперек и шла дальше по правому ее притоку на протяжении 14 км.

При лудеве находилась фанза с двором, окруженным высоким частоколом. Здесь обыкновенно производится операция снимания пантов с живых оленей. За фанзой около забора были выстроены какие-то клетки, похожие на стойла. В этих клетках китайцы держат оленей до тех пор, пока их рога не достигнут наибольшей ценности.

Справа у забора стоял амбар на сваях. В нем хранились кожи изюбров, сухие рога и более 160 кг жил, вытянутых из задних ног животных. Сваренные панты и высушенные оленьи хвосты висели рядами под коньком у самой крыши.

В фанзе мы застали четырех китайцев. Сначала они испугались, но затем, когда увидели, что мы им зла не хотим причинить, успокоились, и раболепство их сменилось услужливостью.

Вечером в фанзу пришли еще три китайца. Они что-то рассказывали и ужасно ругались, а Дерсу смеялся. Я долго не мог понять, в чем дело. Оказалось, что в одну из ям попал медведь. Конечно, он сейчас же вылез оттуда и принялся ломать забор и разбрасывать покрышки, которыми были замаскированы ямы.

Теперь китайцам предстояла большая работа по приведению их в порядок.

Лудевая фанза была маленькая, и китайцев набралось в ней много, поэтому я решил пройти еще несколько километров и заночевать под открытым небом.

Дальше тропа пошла по долине р. Аохобе, придерживаясь левой ее стороны. Здесь особенно развиты речные террасы с массивно кристаллическим основанием, высотой до 4 м. Средняя часть долины Аохобе свободна от леса, но тем не менее совершенно непригодна для занятия земледелием. Тонкий слой земли едва прикрывает жесткую каменистую почву и легко смывается водой. По теневым склонам гор растет редкий смешанный лес, состоящий из кедра, бархата, липы, дуба, тополя, березы, ореха и т. д. На солнцепеках — кустарники лещины, лиспедецы, калины и таволги. Около реки, в таких местах, где больше влаги, — заросли тонкоствольных тальников, ольхи и осины.

В нижней части живет много китайцев. На р. Аохобе они появились не более 20 лет тому назад. Раньше здесь жили удэхейцы, впоследствии вымершие и частью переселившиеся на другое место.

Если смотреть на долину со стороны моря, то она кажется очень короткой. Когда-то это был глубокий морской залив, и устье Аохобе находилось там, где суживается долина. Шаг за шагом отходило море и уступало место суше. Но самое интересное — это сама река. Километрах в пяти от моря она иссякает и течет под камнями. Только во время дождей вода выступает на дневную поверхность и тогда идет очень стремительно.

С Тетюхе на Аохобе можно попасть и другой дорогой. Расстояние между ними всего только 7 км. Тропа начинается от того озерка, где мы с Дерсу стреляли уток. Она идет по ключику на перевал, высота которого равна 310 м. Редколесье по склонам гор, одиночные старые дубы в долинах и густые кустарниковые заросли по увалам — обычные для всего побережья. Спуск на Аохобе в два раза длиннее, чем подъем со стороны Тетюхе. Тропа эта продолжается и далее по побережью моря.

Между р. Синанцой, о которой говорилось выше, и р. Аохобе тянется невысокий горный хребет, состоящий из кварцевого порфира. От него к морю идет несколько отрогов, между которыми текут небольшие горные речки, имеющие обычные китайские числительные названия: Турлдагоу, Эрлдагоу, Сандагоу и Сыдагоу. Тропа пересекает их в самых истоках.

После полудня мы как-то сбились с дороги и попали на звериную тропу. Она завела нас далеко в сторону. Перейдя через горный отрог, покрытый осыпями и почти лишенный растительности, мы случайно вышли на какую-то речку. Она оказалась притоком Мутухе. Русло ее во многих местах было завалено буреломным лесом. По этим завалам можно судить о размерах наводнений. Видно, что на Мутухе они коротки, но чрезвычайно стремительны, что объясняется близостью гор и крутизной их склонов.

Пока земля прикрыта дерном, она может еще сопротивляться воде, но как только цельность дернового слоя нарушена, начинается размывание. Быстро идущая вода уносит с собой легкие частицы земли, оставляя на месте только гребень. От ила, который вместе с пресной водой выносится реками, море, около берегов, полосой в несколько километров, из темнозеленого становится грязножелтым. Таковы результаты уничтожения лесов огнем.

Долину р. Мутухе можно считать самым звериным местом на побережье моря. Из зарослей лещедецы и орешника то и дело выбегали олени, козули и кабаны. Казаки ахали, волновались, и мне стоило немалого труда удержать их от стрельбы и бесполезного истребления животных. Часа в три дня я подал сигнал к остановке.

Мне очень хотелось убить медведя. «Другие бьют медведей один на один, — думал я. — Почему бы мне не сделать то же?» Охотничий задор разжег во мне чувство тщеславия, и я решил попытать счастье.

Многие охотники рассказывают о том, что они били медведя без всякого страха, и выставляют при этом только комичные стороны охоты. По рассказу одних, медведь убегает после выстрела; другие говорят, что он становится на задние лапы и идет навстречу охотнику, и что в это время в него можно влепить несколько пуль. Дерсу не соглашался с этим. Слушая такие сказы, он сердился, плевался, но никогда не вступал в пререкания.

Узнав, что я хочу итти на медведя один, он посоветовал мне быть осторожнее и предлагал свои услуги. Его уговоры еще больше подзадорили меня, и я еще тверже решил во что бы то ни стало поохотиться за «косолапым» в одиночку.

Я отошел от бивака не более полкилометра, но уже успел вспугнуть двух козуль и кабана. Здесь так много зверя, что получилось одно впечатление зверинца, где животные собраны в одно место и ходят на свободе.

Перейдя ручей, я остановился среди редколесья и стал ждать. Через несколько минут я увидел оленя; он пробежал по опушке леса. Рядом в орешнике шумели кабаны и взвизгивали поросята.

Вдруг впереди меня послышался треск сучьев, и вслед за тем я услышал чьи-то шаги. Кто-то шел мерной тяжелой походкой. Я испугался и хотел было уйти назад, но поборол в себе чувство страха и остался на месте. Вслед за тем я увидел в кустах какую-то темную массу. Это был большой медведь. Он шел наискось по увалу и был немного больше меня. Он часто останавливался, копался в земле, переворачивал валежник и что-то внимательно под ним рассматривал. Выждав, когда зверь был от меня шагах в сорока, я медленно прицелился и спустил курок. Сквозь дым выстрела я увидел, как медведь с ревом быстро повернулся и схватил себя зубами за то место, куда ударила пуля. Что дальше случилось, я плохо помню. Все произошло так быстро, что я уже не мог разобраться, что чему предшествовало. Тотчас же после выстрела медведь во весь дух бросился ко мне навстречу. Я почувствовал сильный толчок, и в то же время произошел второй выстрел. Когда и как я успел зарядить ружье, это для меня самого осталось загадкой. Кажется, я упал на левую сторону. Медведь перевернулся через голову и покатился по склону вправо. Как случилось, что я очутился опять на ногах и как я не выпустил ружья из рук, — не помню. Я побежал вдоль увала и в это время услышал за собой погоню. Медведь бежал за мной следом, но уже не так быстро, как раньше. Каждый свой прыжок он сопровождал грузными вздохами и ворчаньем. Вспомнив, что ружье мое не заряжено, я остановился и быстро передернул затвор.

«Надо стрелять! От хорошего прицела зависит спасение жизни», — мелькнуло у меня в голове.

Я вставил приклад ружья в плечо, но ни мушки, ни прицела не видел. Я видел только мохнатую голову медведя, его раскрытый рот и злобные глаза. Если бы кто-нибудь в это время посмотрел на меня со стороны, то, наверное, увидел бы, как лицо мое исказилось от страха.

Я ни за что не поверю охотникам, уверяющим, что в зверя, бегущего им навстречу, они стреляют так же спокойно, как в пустую бутылку. Это неправда! Неправда потому, что чувство самосохранения свойственно всякому человеку. Вид разъяренного зверя не может не волновать охотника и непременно отразится на меткости его стрельбы.

Когда медведь был от меня совсем близко, я выстрелил почти в упор. Он опрокинулся, а я отбежал снова. Когда я оглянулся назад, то увидел, что медведь катается по земле. В это время с правой стороны я услышал еще шум. Инстинктивно я обернулся и замер на месте. Из кустов показалась голова другого медведя, но сейчас же опять спряталась в зарослях. Тихонько, стараясь не шуметь, я побежал влево и вышел на реку.

Минут двадцать я бесцельно бродил по одному месту, пока не успокоился. Итти на бивак с пустыми руками стыдно. Если я убил медведя, то бросить его было жалко. Но там был еще другой медведь, не раненый. Что делать. Так я бродил до тех пор, пока солнце не ушло за горизонт. Лучи его оставили землю, и теперь светили куда-то в небо. Тогда я решил пройти стороной и издали взглянуть на медведей. Чем ближе я подходил к опасному месту, тем становилось страшнее. Нервы мои были напряжены до последней крайности. Каждый шорох заставлял меня испуганно оборачиваться. Всюду мне мерещились медведи, всюду казалось, что они идут за мной по пятам. Я часто останавливался и прислушивался. Наконец, я увидел дерево, около которого последний раз свалился медведь. Оно показалось особенно страшным. Я решил обойти его по косогору и посмотреть с гребня увала. Для этого я бросал камнями.

Вдруг я заметил, что в кустах кто-то шевелится. Медведь! — подумал я и попятился назад. Но в это время услышал человеческий голос. Это был Дерсу. Я страшно обрадовался и побежал к нему. Увидев меня, гольд сел на лежавшее на земле дерево и стал закуривать свою трубку. Я подошел к нему и спросил, как он попал сюда. Дерсу рассказал мне, что с бивака он услышал мои выстрелы и пошел мне на помощь. По следам он установил, где я стрелял медведя, и как он на меня бросился. Затем он указал место, где я упал; дальше следы показали ему, что медведь гнался за мной и т. д. Одним словом, он рассказал мне все, что со мной случилось.

— Должно быть, подранок ушел, — сказал я своему товарищу.

— Его остался здесь, — ответил Дерсу и указал на большую кучу земли.

Я понял все. Мне вспомнились рассказы охотников о том, что медведь, найдя какое-нибудь мертвое животное, всегда закапывает его в землю. Когда мясо станет разлагаться, он лакомится им. Но я не знал, что медведь закапывает медведя. Для Дерсу это тоже было новинкой.

Через несколько минут мы откопали медведя. Кроме земли, на него было наложено много камней и валежника.

Я стал раскладывать огонь, а Дерсу принялся потрошить зверя. Убитый мной медведь был из крупных, чернобурой масти. Вид этот близок к американскому гризли. Длина его тела равняется 2,4 м, высота — 1,2 м, а вес достигает до 330 кг. Он имеет притупленную морду, небольшие уши и маленькие глаза. К гигантской силе его надо прибавить крепкие клыки и когти в 8 см длиной. Животное это распространено по всему Уссурийскому краю, но чаще всего встречается в северной его половине и на берегу моря между мысом Гиляк и устьем р. Амура. Любопытно то, что окраска его на юге черная, а чем севернее, тем больше приближается к светлобурой. Нрав этого медведя довольно добродушный, пока его не трогают, но раненый он становится положительно ужасен. Во время течки самцы очень злы. Они слоняются по тайге, нападают на животных и гоняются даже за рябчиками. Пища их, главным образом, растительная, но при случае они непрочь полакомиться мясом и рыбой. Берлогу бурый медведь устраивает под корнями деревьев, в расщелинах камней и даже просто в земле. Подобно своим четвертичным сородичам, он чрезвычайно любит забиваться в пещеры и жить в них не только зимой, но даже и в теплое время года. В зимнюю спячку бурый медведь впадает поздно. Некоторые из них бродят по тайге иногда до декабря. Они не любят лазать по деревьям; быть может, препятствием этому служит их большой вес.

В убитого мной медведя попали все три пули. Одна в бок, другая в грудь и третья в голову.

Когда Дерсу окончил свою работу, было уже темно. Подложив в костер сырых дров, чтобы они горели до утра, мы тихонько пошли на бивак.

Вечер был тихий и прохладный. Полная луна плыла по ясному небу, и, по мере того как свет луны становился ярче, наши тени делались короче и чернее. По дороге мы опять вспугнули диких кабанов. Они с шумом разбежались в разные стороны. Наконец, между деревьями показался свет. Это был наш бивак.

После ужина казаки рано легли спать. За день я так переволновался, что не мог уснуть. Я поднялся, сел к огню и стал думать о пережитом. Ночь была ясная, тихая. Красные блики от огня, черные тени деревьев и голубоватый свет луны перемешивались между собой. По опушкам сонного леса бродили дикие

звёри. Иные совсем близко подходили к биваку. Особенным любопытством отличались козули. Наконец, я почувствовал дремоту, лег рядом с казаками и уснул крепким сном.

На рассвете раньше всех проснулся Дерсу. Затем встал я, а потом и другие. Солнце только что взошло и своими лучами едва озарило верхушки гор. Как раз против нашего бивака, шагах в двухстах, бродил еще один медведь. Он все время топтался на одном месте. Вероятно, он долго еще ходил бы здесь, если бы его не вспугнул Мурзин. Казак взял винтовку и выстрелил. Медведь круто обернулся, посмотрел в нашу сторону и проворно исчез в лесу.

Закусив немного, мы собрали свои котомки и тронулись в путь. Около моря я нашел место бивака Н. А. Пальчевского. Из письма, оставленного мне в бутылке, привязанной к палке, я узнал, что он здесь работал несколько дней тому назад и затем отправился на север, конечным пунктом наметив себе бухту Терней.

Река Мутухе (по-удэхейски Ца-уги) впадает в бухту Опричник (44°27′ с. ш. и 36°40′ в. д. от Гринвича), совершенно открытую со стороны моря и потому для стоянки судов непригодную. Глубокая заводь реки, сразу расширяющаяся долина и необсохшие болота вблизи моря указывают на то, что раньше здесь тоже был залив, довольно глубоко вдававшийся в сушу. По береговым валам, около самой бухты, растет ползучий даурский можжевельник, а по болотам — кустарниковая береза с узкокрылыми плодами.

Название Мутухе есть искаженное китайское название Мучжу-хе («мугу» — самка, «чжу» — дикий кабан, «хе» — река, что значит — «река диких свиней»). Она течет вдоль берега моря по тектонической долине и принимает в себя, не считая мелких горных ручьев, три притока с правой стороны. Так как речки эти у китайцев не имели названий, то я окрестил их по-русски. Первую речку я назвал Оленьей, вторую — Медвежьей, третью — Зверовой.

Там, где долина Оленьей реки сходится с долиной реки Медвежьей, на конце увала, приютилась маленькая фанза. Она была пуста. Окинув ее взором, Дерсу сказал, что здесь живут корейцы, четыре человека, что они занимаются ловлей соболей и недавно ушли на охоту на всю зиму.

Здесь по речкам, в болоте и на берегу моря на песке мы застали кое-каких перелетных птиц. Судя по малочисленности как особей, так и видов, видно, что по берегу моря не бывает большого перелета. Тут было несколько амурских кроншнепов. Они красиво расхаживали по траве. При приближении нашем птицы останавливались, пристально смотрели на нас и затем с хриплым криком снимались с места. Отлетев немного, они опять спускались на землю, но были уже настороже. В другой стороне, около воды, ходила восточная белолобая казарка. Я сначала

принял ее за гуся. Она мне показалась больше размерами, чем есть на самом деле. Мурзин обошел ее по кустам и убил пулей. Из уток здесь было много маленьких чирков. Они держались в ручьях, заросших ольхой и кустарниками. Когда я очень близко подходил к ним, они не улетали, а только немного отплывали в сторону и, видимо, совершенно не боялись человека.

От корейской фанзы вверх по р. Мутухе идет тропа. Она долгое время придерживается правого берега реки и только в верховьях переходит на другую сторону. Горы, окаймляющие долину Мутухе, состоят большей частью из кварцевого порфира. Между реками Оленьей, Медвежьей и Зверовой, по выходе в долину, они кончаются широкими террасами в 20 м высотой. Слева (по течению) растет лес хвойный и смешанный, справа — лиственный. Р. Мутухе будет самое близкое к морю место, где произрастает строевой кедр. Он достигает здесь высоты до 22 м и имеет в обхвате 3—3,5 м.

В верховьях реки небольшими рощицами встречается также тис. Этот представитель реликтовой флоры нигде в крае не растет сплошными лесонасаждениями; несмотря на возраст в 300—400 лет, он не достигает больших размеров и очень скоро становится дуплистым.

Путь по р. Мутухе до перевала чрезвычайно каменист, и движение по нему затруднительно. Расщелины в камнях и решетины между корнями представляют собой настоящие ловушки. Опасения поломать ноги коням делают эту дорогу трудно проходимой. Надо удивляться, как местные некованые китайские лошади ухитряются ходить здесь, да еще нести на себе значительные тяжести.

Пройдя по реке километров пять, мы повернули на восток к морю.

Уже с утра я заметил, что в атмосфере творится что-то неладное. В воздухе стояла мгла; небо из синего стало белесоватым; дальних гор совсем не было видно. Я указал Дерсу на это явление и стал говорить ему многое из того, что мне было известно из метеорологии о сухой мгле.

— Моя думай это дым, — отвечал он. Ветер нету, который сторона гори, понимай не могу.

Едва мы поднялись наверх, как сразу увидели, в чем дело. Из-за гор, с правой стороны Мутухе, большими клубами подымался белый дым. Дальше на севере тоже курились сопки. Очевидно, пал уже успел охватить большое пространство. Полюбовавшись им несколько минут, мы пошли к морю, и когда достигли береговых обрывов, повернули влево, обходя овраги и высокие мысы.

Я обратил внимание, как на распространение звуковых волн влияли встречающиеся на пути препятствия. Как только мы заходили за какую-нибудь вершину, шум моря замирал,

но когда приближались к расщелине, он опять становился явственным.

Вдруг какие-то странные звуки, похожие на хриплый и протяжный лай, донесло до нас ветром снизу. Я тихонько подошел к краю обрыва и то, что увидел, было удивительно интересно.

Множество сивучей, больших и малых, лежало на берегу моря.

Сивуч относится к отряду ластоногих и к семейству ушастых тюленей. Это довольно крупное животное и достигает 4 м длины и 3 м в обхвате около плеч, при весе 680—800 кг. Он имеет маленькие ушные раковины, красивые черные глаза, большие челюсти с сильными клыками, длинную сравнительно шею, на которой шерсть несколько длиннее, чем на всем остальном теле, и большие ноги (ласты) с голыми подошвами. Обыкновенно самцы в два раза больше самок.

В Приморской области сивучи встречаются по всему побережью Японского моря.

За ними охотятся местные жители, главным образом, ради их толстой шкуры, которая идет на обувь и на выделку ремней для собачьей упряжи.

Нежиться на камнях, обдаваемых пеной прибоя, видимо, доставляло сивучам большое удовольствие. Они потягивались, закидывали голову назад, подымали кверху задние ноги, насколько только возможно, поворачивались вверх брюхом и вдруг совершенно неожиданно соскальзывали с камня в воду. Камень не оставался свободным, тотчас же около него показывалась другая голова, и другое животное спешило занять вакантное место. На берегу лежали самки и рядом с ними молодняк, а в стороне, около пещер, выбитых волнением, дремали большие самцы. Старые были светлобурого цвета, молодые более темные. Последние держали себя как-то особенно гордо. Подняв кверху голову, они медленно поворачивали ею из стороны в сторону, и, несмотря на свое неуклюжее тело, им нельзя было отказать в грации. По манере себя держать, по величию и быстроте движений они заслуживали бы названия морских львов, как и их сородичи у берегов Калифорнии.

По свойственной казакам-охотникам привычке, Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нам сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько в сторону отвел винтовку.

— Не надо стреляй, — сказал он. — Таскай не могу. Напрасно стреляй — худо, грех.

Тут только мы заметили, что к лежбищу ни с какой стороны подойти было нельзя. Справа и слева оно замыкалось выдающимися в море уступами, а со стороны суши были отвесные обрывы метров пятьдесят высотой. К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли, значит, убили бы его зря и бросили бы на месте.

Вместе с тем меня поразил Дерсу своими словами. Напрасно стрелять — грех! Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы.

Минут двадцать мы наблюдали сивучей. Я не мог оторвать от них своих глаз. Вдруг я почувствовал, что кто-то трогает меня за плечо.

— Капитан! Надо ходи, — говорил Дерсу.

Из всех виденных мной за эти дни животных более всего мне понравились ластоногие.

Итти по вершине хребта всегда легче, чем косогором, потому что выдающиеся вершины можно обходить по горизонталям.

Когда мы вышли опять на тропу, ночь уже опустилась на землю.

Нам предстояло теперь подняться на высокую гору и оттуда спуститься в седловину. Высота перевала оказалась равной 740 м.

Картина, которую я увидел с вершины горы, так поразила меня, что я вскрикнул от удивления. Шел пал; линия огней опоясывала горы, словно иллюминация. Величественная и жуткая картина. Огни мерцали и гасли, но тотчас вновь разгорались с большей силой. Они уже перешли через седловины и теперь спускались в долину. Наиболее высокие вершины еще не были во власти огня. Пал шел кверху правильным кольцом, точно на приступ. На небе стояли два зарева. Одно на западе, другое на востоке. Одно трепетало, другое было покойное. Начинала выходить луна. Из-за горизонта показался сначала край ее. Медленно, нерешительно выплывала она из воды, все выше и выше, большая тусклая и багровая.

— Капитан! Ходи надо, — шепнул опять мне Дерсу.

Мы спустились в долину и, как только нашли воду, тотчас же остановились среди дубового редколесья. Дерсу велел нам нарвать травы для бивака, а затем пустил встречный пал. Как порох, вспыхнула сухая трава и опавшие листья. Огонь быстро пошел по ветру и в стороны. Теперь лес имел сказочный, феерический вид. Я стал следить за палом. Огонь шел по листве довольно медленно, но когда добирался до травы, то сразу перескакивал вперед. Жар увлекал кверху сухую ветошь. Она летела и горела в воздухе. Таким образом огонь перебрасывался все дальше и дальше. Наконец пал подошел к кустам. С сильным шумом взвилось огромное пламя. Тут росла желтая береза с лохматой корой. В одно мгновение она превратилась в сплошной факел, но только на минуту: кора обгорела и потухла. Старые деревья с сухой сердцевиной горели, стоя на корню. Позади пала, там и сям, взвивались струйки белого дыма — это тлели на земле головешки. Испуганные животные и птицы спасались бегством. Мимо меня пробежал заяц; по начинавшему загораться колоднику прыгал бурундук; с резкими криками от одного дерева к другому носился пестрый дятел.

Я шел за огнем все дальше и дальше, не опасаясь заблудиться, шел до тех пор, пока желудок не напомнил, что пора возвратиться назад. Я полагал, что костер укажет мне место бивака. Обернувшись, я увидел много огней: это догорал валежник. Который из них был наш огонь, я разобрать не мог. Один из огней мне показался больше других. Я направился к нему, но это оказался горящий сухой пень. Я пошел к другому — опять то же. Так я переходил от огня к огню и все не мог найти бивака. Тогда я принялся кричать. Совсем с другой стороны донесся до меня отклик. Я повернул обратно и вскоре добрался до своих. Мои спутники подтрунивали надо мной, и я сам от души смеялся.

Опасения Дерсу сбылись. Во вторую половину ночи пал стал двигаться прямо на нас, но, не найдя себе пищи, прошел стороной. Вопреки ожиданиям, ночь была теплая, несмотря на безоблачное небо. В тех случаях, когда я видел что-либо непонятное, я обращался к Дерсу и всегда получал от него верные объяснения.

— Мороз ходи не могу, — ответил он. — Посмотри кругом, дыму много.

Тогда я вспомнил, как садоводы, при помощи дымокуров, спасают сады свои от утренников.

Днем мы видели изюбра; он пасся около горящего валежника. Олень спокойно перешагнул через него и стал ощипывать кустарники. Частые палы, видимо, приучили животных к огню, и они перестали его бояться.

Солнечный восход застал нас в дороге. После спуска с перевала тропа некоторое время идет по береговому валу, сложенному из окатанной гальки, имея справа море, а слева — болото. Вал этот и болото свидетельствуют о том, что здесь раньше была лагуна. На другом склоне вала лежали огромные валуны из гнейса. Никакое волнение не могло забросить их так высоко. Появление их на намывной полосе прибоя надо приписать действию льдов, которые в зимнее время нагоняются сюда ветрами и «припахивают» берег. Кроме валунов здесь было также много китовых костей: лопатки, ребра, позвонки и части черепа. Вероятно, волнением прибило к берегу целый труп животного. Звери и птицы позаботились убрать все, что можно; остались одни кости.

Отдохнув немного, мы пошли дальше. Через час пути тропа привела нас к озерам. Их было три: Малое, Среднее и Долгое. Последнее было километра три длиной.

С западной стороны в него впадает р. Сеохобе (т. е. «река первого снега»), почему-то названная на морских картах Ядихой. Местность между озерами сильно заболочена. Только один вал из песка и гальки отделяет их от моря. Здесь мы видим опять исчезнувшую бухту. Когда-то залив этот был много длиннее и загибался на север.

Около болот тропа разделилась. Одна пошла влево к горам, а другая по намывной полосе прибоя. Эта последняя привела нас к небольшой, но глубокой протоке, которой озеро Долгое сообщается с морем.

Нечего делать, пришлось остановиться здесь, благо в дровах не было недостатка. Море выбросило на берег много плавника, а солнце и ветер позаботились его просушить. Одно только было нехорошо: в лагуне вода имела солоноватый вкус и неприятный запах. По пути я заметил на берегу моря каких-то куликов. Вместе с ними все время летал большой улит. Он имел белое брюшко, серовато-бурую с крапинками спину и темный клюв.

Пока казаки ставили палатку и таскали дрова, я успел сбегать на охоту. Птицы первый раз подпустили меня близко. Я убил четырех и воротился назад.

Бивак наш был не из числа удачных: холодный резкий ветер всю ночь дул с запада по долине, как в трубу. Пришлось спрятаться за вал к морю. В палатке было дымно, а снаружи холодно.

После ужина все поспешили лечь спать, но я не мог уснуть — все прислушивался к шуму прибоя и думал о судьбе, забросившей меня на берег Великого океана.

20 сентября погода весь день стояла теплая и сухая. Я решил заняться обследованием р. Сеохобе. Сперва нам надлежало переправиться через озеро. При отсутствии лодок сделать это было нелегко. Надо было или вязать плоты, или попытаться перейти вброд. Опыт вышел удачным. Озеро оказалось мелким: самые глубокие места едва достигали 6 м. Мели были извилистые. Мы все время шли ощупью по пояс в воде. По мере приближения к реке вода заметно становилась холоднее. Как только мы вышли на берег, сразу попали на тропу.

Река Сеохобе длиной 22 км. Истоки ее приходятся против среднего течения Спанцы, о которой упоминалось выше. Она, собственно говоря, состоит из двух речек одинаковой величины, сливающихся вместе в 5 км от устья. Немного ниже Сеохобе принимает в себя справа еще один небольшой приток. Тут ходили изюбры целыми стадами. Рев уже кончился: самцы отабунили около себя самок; вскоре олени должны были разойтись поодиночке.

Заметно, что с каждым днем птиц становится все меньше и меньше. За эти дни я заметил только уссурийскую длиннохвостую неясыть — птицу, смелую ночью и трусливую днем; в яркие солнечные дни она забивается в глухие хвойные леса не столько ради корма, сколько ради мрака, который там всегда господствует; уссурийского белоспинного дятла. Птица эта держится в старых смешанных лесах, где есть много рухляка и сухостоев; клинохвостого сорокопута — жадного и задорного хищника, нападающего даже на таких птиц, которые больше его размерами; зеленого конька, обитающего по опушкам лесов, и черноголовых овсянок — красивых, желтобрюхих птичек с чер-

ными шапочками на головах. Они предпочитали открытые места теневым и собирались в небольшие стайки.

Тропа, по которой мы шли, привела нас к лудеве длиной в 24 км, с 74 действующими ямами. Большего хищничества, чем здесь, я никогда нигде не видел. Рядом с фанзой стоял на сваях сарай, целиком набитый оленьими жилами, связанными в пачки. Судя по весу такой пачки, тут было собрано жил, вероятно, около 700 кг. Китайцы рассказывали, что оленьи сухожилия раза два в год отправляют во Владивосток, а оттуда в Чифу. На стенах фанзочки сушилось около сотни шкурок сивучей. Все они принадлежали молодняку.

Не было сомнения, что китайцы знали о лежбище ластоногих около р. Мутухе и хозяйничали там так же хищнически, как и на Сеохобе.

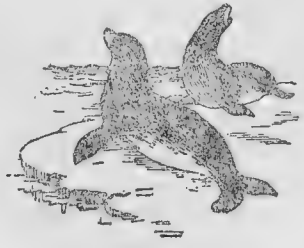
— Все кругом скоро манза совсем кончай, — сказал Дерсу.— Моя думай еще десять лет — олень, соболь, белка пропади есть.

С его словами нельзя было не согласиться. У себя на родине китайцы уничтожили все живое. У них в стране остались только вороны, собаки и крысы. Даже в море, вблизи берегов, они уничтожили всех трепангов, крабов, моллюсков и всю морскую капусту. Богатый зверем и лесами Приамурский край ожидает та же участь, если своевременно не будут приняты меры к борьбе с хищничеством.

Около моря, в полукилометре от озера, есть еще одна небольшая лудева. Она длиной 3 км и имеет 7 ям.

В озеро Долгое с севера впадает маленькая безымянная речка, протекающая по болотистой долине. Здесь тропа становится весьма мокрой и вязкой. Местами при ходьбе ощущается колебание почвы. Вероятно, в дождливое время года путь этот трудно проходим.

После перевала (высотой 150 м) тропа придерживается левого берега маленькой речонки, впадающей в р. Тхетибе. Эта последняя длиной 5 км и не менее болотиста, чем р. Безымянная. Положение этих двух долин, параллельных берегу моря, определяет направление невысокого прибрежного горного хребта, отмытого вдоль оси своего простирания и состоящего из кварцитов и еще какой-то кремнистой породы.



ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВСТРЕЧА С ХУНХУЗАМИ

Следы. — Хунхузы. — Дерсу на разведках. — Перестрелка. — Чжан-Бао. — Р. Дунгоу. — Гора Хунтами. — Р. Мулумбе. — Озеро Благодати. — Р. Каимбе. — Грибная фанза. — Каменная кожа. — Путь на р. Санхобе. — Отъезд Н. А. Пальчевского и А. И. Мерзлякова.

Днем на тропе Дерсу нашел человеческие следы. Он стал внимательно их изучать. Один раз он поднял окурок папиросы и кусок синей дабы. По его мнению, здесь проходили два человека. Это не были рабочие китайцы, а какие-то праздные люди, потому что трудящийся человек не бросит новую дабу только потому, что она запачкана; он и старую тряпку будет носить до тех пор, пока она совсем не истреплется.

Затем, рабочие курят трубки, а папиросы для них слишком дороги. Продолжая свои наблюдения, он нашел место, где прошедшие два человека отдыхали, причем один из них переобувался; брошенная ружейная гильза указывала на то, что китайцы были вооружены винтовками.

Чем дальше мы шли, тем разнообразнее были находки. Вдруг Дерсу остановился.

— Еще два люди ходили, — сказал он. — Теперь четыре стало. Моя думай, это худые люди.

Мы посоветовались и решили оставить тропу и пойти целиной. Взобравшись на первую попавшуюся сопку, мы стали

осматриваться. Впереди, километрах в четырех от нас, виднелся залив Пластун; влево — высокий горный хребет, за которым, вероятно, должна быть р. Спиранца, сзади — озеро Долгое, справа — цепь размытых холмов, за ними — море.

Не заметив ничего подозрительного, я хотел было опять вернуться на тропу, но гольд посоветовал спуститься к ключику, текущему к северу, и дойти по нему до р. Тхетибе.

Через час пути мы дошли до опушки леса. Здесь Дерсу велел нам ожидать его возвращения, а сам пошел на разведки.

Тхетибе представляет собой небольшую горную речку, протекающую по широкой и заболоченной долинке, поросшей ивой, ольхой и белой березой.

Приближались сумерки. Болото приняло одну общую желтобурую окраску и имело теперь безжизненный и пустынный вид. Горы спускались в синюю дымку вечернего тумана и казались хмурыми. По мере того как становилось темнее, ярче разгоралось на небе зарево лесного пожара. Прошел час, другой, а Дерсу не возвращался. Я начал беспокоиться.

Вдруг где-то далеко послышался крик, затем раздались четыре выстрела, опять крик и еще один выстрел. Я хотел бежать было туда, но вспомнил, что таким образом мы потеряем друг друга.

Минут через двадцать гольд возвратился. Вид его был крайне встревоженный. Насколько возможно, он спешно рассказал, что с ним случилось. Идя по следам четырех человек, он дошел до залива Пластун и здесь увидел палатку. В ней было около двадцати человек вооруженных китайцев. Убедившись, что это хунхузы, он пополз по кустам обратно, но в это время его учуяла собака и подняла лай. Три китайца схватили ружья и бросились за ним в погоню. Убегая, Дерсу попал в зыбучее болото. Хунхузы закричали, чтобы он остановился и затем стали стрелять. Выйдя на сухое место, Дерсу прицелился с колена в одного из разбойников и выстрелил. Он хорошо видел, что китаец упал. Двое других остались около раненого, а он побежал дальше. Чтобы сбить хунхузов с толку, Дерсу на глазах у них нарочно направился в сторону, противоположную той, где мы притаились, а затем кружным путем вернулся обратно.

— Моя рубашка хунхузы дырку делай, — сказал Дерсу и показал свою куртку, простреленную пулей. — Надо наша скоро ходи, — закончил он свой рассказ и стал одевать котомку.

Мы тихонько двинулись вперед, стараясь не шуметь. Гольд повел нас осыпями по сухому ложу речки и избегал тропинок.

Часов в девять вечера мы достигли р. Иодзыхе, но не пошли в фанзы, а остались ночевать под открытым небом. Ночью я сильно

зяб, кутался в палатку, но сырость проникала всюду. Никто не смыкал глаз. С нетерпением мы ждали рассвета, но время, как назло, тянулось бесконечно долго.

Как только стало светать, мы тотчас тронулись дальше. Надо было как можно скорее соединиться с Г. И. Гранатманом и А. П. Мерзляковым. Дерсу полагал, что будет лучше, если мы оставим тропу и пойдем горами. Так и сделали. Перейдя вброд реку, мы вышли на тропинку и только собирались юркнуть в траву, как навстречу нам из кустов вышел таза с винтовкой в руках. Сначала он испугался и изрядно, в свою очередь, напугал нас, но, увидев стрелков и казаков, полез за пазуху и подал пакет. Это было письмо от Н. А. Пальчевского. Последний извещал меня, что с р. Санхобе в поисках за хунхузами выступил отряд охотников под начальством китайского старшины Чжан-Бао. Пока я читал письмо, Дерсу расспрашивал таза, а таза в свою очередь расспрашивал его. Выяснилось, что Чжан-Бао со своими тридцатью охотниками ночевал недалеко от нас и теперь подходил уже к р. Иодзыхе.

Действительно, минут через двадцать мы с ним встретились.

Чжан-Бао был мужчина высокого роста, лет сорока пяти. Одет он был в обыкновенную китайскую синюю одежду, только несколько опрятнее, чем у простых рабочих китайцев. На подвижном лице его лежала печать перенесенных лишений. Он носил черные усы, по китайскому обычаю опущенные книзу, в которых уже кое-где пробивалась седина. В черных глазах этого человека сквозил ум, на губах постоянно играла улыбка, и в то же время лицо его никогда не теряло серьезности. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда обдумывал свой ответ и говорил тихо, не торопясь. Мне не приходилось встречать человека, в котором так совмещались бы серьезность, добродушие, энергия, рассудительность, настойчивость и таланты дипломата. В личности Чжан-Бао, в его жестах, во всей его фигуре, в манере держать себя было что-то интеллигентное. Его ум, самолюбие и умение подчинить себе толпу говорили за то, что это не был простой китаец. По всей вероятности, это был один из политических преступников, бежавших из Китая.

Дружина, которой командовал Чжан-Бао, состояла из китайцев и тазов. Все это были молодые люди, крепкие, сильные, хорошо вооруженные. Я сразу заметил, что в его отряде была крепкая дисциплина. Все распоряжения его исполнялись быстро, и не было случая, чтобы он свои приказания повторял дважды.

Во всем районе, от Кусуна до залива Ольги, Чжан-Бао считался самой авторитетной личностью. Китайцы и тазы обращались к нему за советами, и если где-нибудь надо было примирить двух непримиримых врагов, китайцы опять-таки обращались к Чжан-Бао. Он часто заступался за обиженных, и на

этой почве у него было много тайных врагов. Особенную ненависть он питал к хунхузам и своими преследованиями навел на них такой страх, что далее реки Иодзыхе они заходить не решались.

Шайка, на которую мы наткнулись, приехала в залив Пластун на лодках с намерением заняться грабежом шаланд, заходящих сюда во время непогоды.

Чжан-Бао приветствовал меня вежливо, но с достоинством. Узнав, что Дерсу ночью подвергся нападению хунхузов, он стал подробно его расспрашивать, где это случилось, и при этом палочкой чертил план на песке.

Собрав сведения, он сказал, что ему нужно торопиться и что он вернется на р. Санхобе дня через два или три. Затем он простился со мной и пошел с охотниками далее. Теперь уже нам нечего было скрываться от китайцев, поэтому мы отправились в первую попавшуюся фанзу и легли спать. В полдень мы встали, напились чаю и затем пошли вверх по долине р. Дунгоу, что по-китайски означает «Восточная падь».

Горы на левой стороне ее крутые, на правой — пологие и состоят из палевошпатового порфира. Около устья, у подножья речных террас, можно наблюдать выходы мелкозернистого гранита, который в обнажениях превращается в дресвяник. Тропа идет сначала с правой стороны реки, потом около скалы Янтунлаза переходит на левый берег и отсюда взбирается на перевал высотой в 160 м.

Растительность в долине р. Дунгоу довольно скудная. Редколесье из дуба и черной березы, лиственицы и липы дровяного и поделочного характера нельзя назвать лесом. Молодняка нигде нет, он систематически два раза в год уничтожается палами. Склоны гор, обращенные к югу, поросли кустарниками, главным образом таволгой, калиной и леспедецей. Все остальное пространство — луговое и заболоченное. Ширина реки—4—5 м, она порожиста и мелководна. Некоторые пороги очень красивы и имеют вид небольших водопадов.

Во вторую половину дня нам удалось пройти только до перевала. Заметив, что вода в речке начинает иссякать, мы отошли немного в сторону и стали биваком недалеко от водораздела.

Весело затрещали сухие дрова в костре. Мы грелись около огня и делились впечатлениями предыдущей ночи.

Я заметил, что Дерсу собирается меня что-то спросить, но видимо, стесняется. Я помог ему высказаться.

— Моя слыхал, русские хунхузы тоже есть. Правда это или нет? — спросил он, конфузясь.

— Правда, — отвечал я, — только русские хунхузы ходят по одному, по два человека и никогда не собираются такими большими шайками, как китайские. Русское правительство не допускает до этого.

Я думал, что мое объяснение удовлетворило гольда, однако я заметил, что мысли его были направлены в другую сторону.

— Как это? — рассуждал он вслух. — Царь есть, много всяких капитанов есть, и хунхузы есть. У китайцев тоже так: царь есть и хунхузы есть. Как наша живи? Царя нету, капитанов нету и хунхузов нету.

Сначала мне показалось странным сопоставление — царь и хунхузы, но, вникнув в смысл его слов, я понял ход его мысли. Раз происходит сортировка людей по сословиям, то должны быть богатые и бедные, праздные и трудящиеся. Раз их сортируют на честных и бесчестных, то преступный элемент отделяется, ассоциируется и образует нечто вроде особой касты, по-китайски именуемой хунхузами.

Недолго длилась наша беседа. Утренний отдых в фанзе был непродолжителен. Организм требовал еще сна. Положив в огонь сырых дров, чтобы они дольше горели, мы легли на траву и крепко заснули.

Когда на другой день я поднялся, солнце было уже высоко. Напившись чаю, мы взяли свои котомки и пошли к перевалу. Здесь тропа долгое время идет по хребту, огибая его вершины то с одной, то с другой стороны. Поэтому кажется, что она то подымается, то опускается и как будто пересекает несколько горных отрогов.

Поднявшись на перевал (240 м), я увидел довольно интересную картину. Слева от нас высилась высокая гора Хунтами[142], имеющая вид усеченного конуса. Она входит в хребет, отделяющий бассейн р. Санхобе от р. Подзыхе. Со стороны моря Хунтами кажется двугорбой. Вероятно, вследствие этого на морских картах она и названа Верблюдом.

К востоку от нас высились горы, поросшие редким лесом, а впереди расстилалась большая болотистая низина, покрытая изжелта-бурой травой.

С перевала тропа шла вниз по маленькому ключику и скоро пересекла горную речку Мулумбе (по-орочски Мули), впадающую в озеро Хунтами. Китайцы название это толкуют по-своему и производят его от слов му-лу, что значит «самка изюбра».

Несомненно, и тут мы имеем дело со старой лагуной, процесс осыхания которой далеко еще не закончен. Всему виной торфянники, прикрывшие ее сверху и образовавшие болото. Около моря сохранилась еще открытая вода. Это озеро Благодати (44° 47″ с. ш. и 136° 24′ 20″ в. д. от Гринвича). Вероятно, тут было самое глубокое место бухты.

Мелкие ручьи, сбегающие с гор, текут по узким оврагам и питают болото водой. Между ними образовались небольшие релки, покрытые ольхой, березой, липой, а где посуше — дубовым редколесьем. Тропа идет через эти овраги, но затем круто поворачивает к болоту. Расстояние от Мулумбе до р. Каимбе не более

6 км, но на этот переход мы употребили почти целый день — болото оказалось зыбучим. Мы пробовали было итти стороной около тропы, но это оказалось еще хуже. Наконец перед сумерками болото было пройдено. Впереди, около р. Каимбе, виднелась какая-то фанза; к ней мы направили свои стопы.

Река Каимбе (по-орочски Кая) на партах значится Каембэ. Она такой же величины, как и р. Мулумбе, только впадает непосредственно в море. С левой стороны ее тянется длинная и высокая терраса, уже разрушенная временем. Терраса эта является древним берегом лагуны и имеет наклон к озеру и обрывистые края к морю.

В фанзе жили два китайца. Ни огородов, ни пашен вокруг нее не было видно. Однако зоркий глаз Дерсу усмотрел поперечную пилу, топоры с длинными ручками, кузовки, плетеные из лыка, и длинные каны, по соответствующие числу обитателей фанзы. Оказалось, что китайцы занимаются сбором древесных грибов и лишайников с камней. Первые относятся к семейству дрожалковых грибов и собираются исключительно с дуба. Они своеобразно ароматны и содержат в себе много воды (98%). Для культуры их китайцы валят на землю множество дубовых деревьев. Когда дуб начинает гнить, на нем появляются грибы, по внешнему виду похожие на белые кораллы. Китайцы их называют «Му-эр».

Их собирают и сушат, сначала на солнце, а потом в фанзе на сильно нагретых канах.

Лишайники темнооливково-зеленые (называемые китайцами Шихой-пи, т. е. «каменная кожа») в сухом состоянии становятся черными. Их собирают с известковых и сланцевых скал и отправляют во Владивосток в плетеных корзинах, как гастрономическое лакомство.

Нельзя не удивляться предприимчивости китайцев. Одни из них охотятся за оленями, другие ищут женьшень, третьи соболюют, четвертые заняты добычей кабарожьего мускуса, там видишь капустоловов, в другом месте ловят крабов или трепангов, там сеют мак и добывают опий и т. д. Что ни фанза, то новый промысел: ловля жемчуга, добыча какого-то растительного масла, ханшина, корней астрагала, да всего и не перечтешь. Всюду они умеют находить источники обогащения. Вопрос труда отходит у них на второй план, лишь бы источник этот был неиссякаемый.

Мы так устали за день, что не пошли дальше и остались здесь ночевать.

Внутри фанзы было чисто, опрятно. Гостеприимные китайцы уступили нам свои места на канах и вообще старались всячески услужить. На улице было темно и холодно; со стороны моря доносился шум прибоя, а в фанзе было уютно и тепло...

Вечером китайцы угостили нас «каменной кожей». Темнобурые слизлые лишайники были безвкусны, хрустели на зубах, как

грязца, и могли удовлетворить разве только гастрономический вкус китайцев.

По их словам, до Санхобе оставался только один переход. Желая дойти туда засветло, мы выступили на другой день очень рано.

От грибной фанзы тропа идет горами вдоль берега моря и в пути пересекает пять горных отрогов, слагающихся из кварцевого порфира и поросших редколесьем из дуба, липы и черной березы.

Эта тропа считается тяжелой как для лошадей, так и для пешеходов. По пятому, последнему, распадку она поворачивает на запад и идет вверх до перевала, высота которого равна 350 м. Подъем со стороны моря крутой, а спуск к р. Санхобе пологий.

За перевалом картина меняется. Вместо порфиров появляются граниты, и на смену лиственного редколесья выступает хвойно-смешанный лес отличного качества. Маленькая речка, по которой проложена тропа, провела нас на р. Сяненгоу[143], впадающую в Санхобе недалеко от моря.

Когда-то здесь была лесная концессия Гляссера и Хроманского. Предприятие это, как и все скороспелые русские предприятия, обречено было на гибель. Срублено деревьев было много, а вывезено мало. Большинство их брошено в тайге; зато какой горючий материал для лесных пожаров остался на месте!

Китайцы в рыбной фанзе сказали правду. Только к вечеру мы дошли до р. Санхобе. Тропа привела нас прямо к китайскому поселку. В одной фанзе горел огонь. Сквозь тонкую бумагу в окне я услышал голос Н. А. Пальчевского и увидел его профиль. В такой поздний час он меня не ожидал. Г. И. Гранатман и А. И. Мерзляков находились в соседней фанзе. Узнав о нашем приходе, они тотчас прибежали. Начались обоюдные расспросы. Я рассказывал им, что случилось с нами в дороге, а они мне говорили о том, как работали на Санхобе. Как ни интересен был наш разговор, но усталость взяла свое. Н. А. Пальчевский заметил это и стал устраивать мне постель. Я лег на кан и тотчас уснул.

Весь следующий день мы провели в беседе. Река Санхобе являлась крайним пунктом нашего путешествия по берегу моря. Отсюда нам надо было итти к Сихотэ-Алиню и далее на Иман.

На совете было решено остаться на Санхобе столько времени, сколько потребуется для того, чтобы подкрепить силы и снарядиться для зимнего похода.

В виду приближения зимнего времени довольствие лошадей сделалось весьма затруднительным. Поэтому я распорядился всех коней с А. И. Мерзляковым и с частью команды отправить назад к заливу Ольги. Вследствие полного замирания растительности Н. А. Пальчевский тоже пожелал возвратиться во Вла-

дивосток. Для этого он решил воспользоваться шхуной Гляссера, которая должна была уйти через двое суток.

Таким образом, для зимнего похода через Сихотэ-Алинь оставались только я, Г. И. Гранатман, Дерсу, двое казаков (Мурзин и Кожевников) и стрелок Бочкарев.

25 сентября мы расстались с Н. А. Пальчевским, а на следующий день в поход выступил и А. И. Мерзляков.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

ПОЖАР В ЛЕСУ

Бухта Терней. — Птицы на берегу моря. — Население р. Санхобе. — Р. Сица. — Тайга. — Сихотэ-Алинь. — Да-лазагоу. — Изучение следов. — Заноза. — Нарыв на подошве. — Лесной пожар. — Операция. — Возвращение. — Драмы на берегу моря.

Двадцать седьмое число было посвящено осмотру бухты Терней (мыс Страшный 45° с. ш. и 136° 44′ 30″ в. д. от Гринвича), открытой знаменитым Лаперузом 23 июня 1767 г. и окрещенной тогда этим именем. Здесь тоже ясно видно, что раньше бухта Терней гораздо глубже вдавалась в материк; значительная глубина реки около устья, обширный залив, отходящий от нее в сторону, и наконец два озера среди болот указывают, где ранее были глубокие места бухты. Самое море потрудилось над тем, чтобы оттеснить себя от суши. Коса, наметанная морским прибоем, протянувшаяся от одного мыса к другому, превратила залив в лагуну. Потом здесь образовались дюны; они увеличивались в размерах и погребли под собой прибрежные утесы.

Около таких лагун всегда держится много птиц. Одни из них были на берегу моря, другие предпочитали держаться в заводях реки. Среди первых я заметил тихоокеанских чернозобиков. Судя по времени, это были, вероятно, отсталые птицы. Тут же летали и чайки. Они часто садились на воду и вновь взлетали на воздух.

В глубоких заводях можно было заметить больших бакланов. Они то и дело ныряли в воду и никак не могли наполнить свое прожорливое брюхо.

Растительность в нижней части долины р. Санхобе чахлая и низкорослая. С правой стороны по болотам растет небольшими группами сибирская лиственица. Повидимому, р. Санхобе является северной границей акации Маака, по крайней мере, тут она встречается уже как редкость.

Население р. Санхобе смешанное и состоит из китайцев и тазов. Первые живут ближе к морю, вторые дальше — в горах. Китайских фанз 38; в них насчитывается 233 человека. Здешние китайцы положительно убеждены в том, что земля эта принадлежит им, и на русских смотрят как на пришельцев. Тазовских фанз 14; в них живут 72 мужчины, 54 женщины и 89 детей обоего пола.

Положение местных тазов весьма тяжелое. Они имеют совершенно забитый и угнетенный вид. Я стал было их расспрашивать, но они испугались чего-то, пошептались между собой и под каким-то предлогом удалились. Очевидно, они боялись китайцев.

Санхобейские тазы почти ничем не отличаются от тазов на р. Тадушу. Они так же одеты, говорят по-китайски и занимаются хлебопашеством. Но около каждой фанзы есть амбар на сваях, где хранится разный скарб. Этот амбар является типичной тазовской постройкой. Кроме того, я заметил у стариков особые кривые ножи, которыми они владеют весьма искусно и которые заменяют им и шило, и буравчик, и долото, и наструг.

По рассказам тазов, лет тридцать тому назад на р. Санхобе свирепствовала оспа. Не было ни одной фанзы, которую не посетила бы эта страшная болезнь. Китайцы боялись хоронить умерших и сжигали на кострах, выволакивая трупы из фанз крючьями. Были случаи, когда вместе с мертвыми сжигались и больные, впавшие в бессознательное состояние.

В этот день вечером возвратился Чжан-Бао. Он сообщил нам, что не застал хунхузов в заливе Пластун. После перестрелки с Дерсу они ушли на шаланде в море, направляясь, повидимому, на юг.

Следующие три дня, 28—30 сентября, я просидел дома, вычерчивал маршруты, делал записи в путевых дневниках и писал письма. Казаки убили изюбра и сушили мясо, а Бочкарев готовил зимнюю обувь. Я не хотел отрывать их от дела и не брал с собой в экскурсии по окрестностям.

Река Санхобе (на картах — Сачепбея и по-удэхейски — Санкэ) состоит из двух рек одинаковой величины — Сицы (по-китайски «западный приток») и Дунцы («восточный приток»). Путь мой на Иман, на основании расспросных сведений, был намечен по р. Дунце. Поэтому я решил теперь, пока есть время, осмотреть р. Сицу. На эту работу у меня ушло ровно семь суток.

1 октября я вместе с Дерсу с котомками за плечами выступил из своей «штабквартиры».

Слияние Сицы и Дунцы происходит в 10 км от моря. Здесь долина Санхобе разделяется на две части, из которых одна идет на север (Дунца), а другая — на запад (Сица). Вид в долину Сицы со стороны моря очень красив. Высокие горы с острыми и причудливыми вершинами кажутся величественными. Я несколько раз видел их впоследствии, и всегда они производили на меня впечатление какой-то особенной дикой красоты.

На половине пути от моря, на месте слияния Сицы и Дунцы, с левой стороны есть скала Да-лаза. Рассказывают, что однажды какой-то старик-китаец нашел около нее женьшень крупных размеров. Когда корень принесли в фанзу, сделалось землетрясение, и все люди слышали, как ночью скала Да-лаза стонала.

По словам китайцев, р. Санхобе на побережье моря является северной границей, до которой произрастает женьшень. Дальше на север никто его не встречал.

Река Сица течет в направлении к юго-западу. Свое начало она берет с Сихотэ-Алиня (перевал на р. Иман) и принимает в себя только два притока. Один из них Нанца [144], длиной в 20 км, находится с правой стороны, с перевалом на Иодзыхе. От истоков Нанца сперва течет к северу, потом к северо-востоку и затем к северо-западу. В общем, если смотреть вверх по долине, в сумме, действительно, получается направление южное.

Долина р. Сицы покрыта отличным хвойно-смешанным лесом. Особенности этой долины заключаются в мощных террасах. В обнажениях видно, что террасы эти наносного образования и состоят из глины, ила и угловатых камней величиной в конскую голову. Было время, когда какие-то силы создали эти террасы. Затем вдруг наступил покой. Террасы стали зарастать лесом, которому теперь насчитывается более двухсот лет.

Нижняя часть долины Сицы представляется в виде больших котловин, обставленных высокими горами. Здесь растут великолепные леса, среди которых много кедра. Около реки лес вырублен концессионером Хроманским, но вывезена только четвертая его часть. Все остальное брошено на месте. При падении своем лесные великаны поломали множество других деревьев, которые не предполагались к вырубке. В общем, здесь больше испорченного сухого леса, чем живого. По такому лесу итти очень трудно. Один раз мы пробовали было свернуть с тропы в сторону и через несколько шагов попали в такой бурелом, что еле-еле выбрались обратно. Площадь этого вырубленного леса занимает пространство около 15 кв. км. Тропа проходит почти по середине леса. Для того чтобы проложить ее, вероятно, понадобилось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров.

На следующий день мы пошли вверх по р. Сице. Чем дальше, тем тайга становилась глуше. Разрушающая рука лесопромышлен-

ника еще не коснулась этого девственного леса. Кроме кедра, тополя, ели, пробкового дерева, пихты и ореха, тут росли: китайский ясень — красивое дерево с серой корой и с овальными остроконечными листьями; дейция мелкоцветная — небольшое деревцо с мелкими черными ягодами; корзиночная ива — весьма распространенная по всему Уссурийскому краю и растущая обыкновенно по галечниковым отмелям вблизи рек. Растительное сообщество по берегам протоков состояло из кустарниковой ольхи с резкими жилками на крупных листьях; перистого боярышника, который имеет серую кору, клиновидные листья и редкие шипы; рябины бузинолистной с темнозелеными листьями и с крупными яркокрасными плодами; жимолости съедобной, ее легко узнать по бурой коре, мелкой листве и удлиненным ягодам темносинего цвета с матовым налетом, и наконец даурского луносеменника, вьющегося около других кустарников.

По мере того как исчезали следы человеческие, встречалось все более и более следов звериных. Тигр, рысь, медведь, росомаха, изюбр, олень, козуля и кабан — постоянные обитатели здешней тайги.

Река Сица — быстрая и порожистая. Пороги ее не похожи на пороги других рек Уссурийского края. Это скорее шумные и пенистые каскады. В среднем течении река шириной около 10 м и имеет быстроту течения 8 км в час в малую воду. Истоки ее представляются в виде одного большого ручья, принимающего в себя множество мелких ручьев, стекающих с гор по коротким распадкам.

Поднявшись на Сихотэ-Алинь, я увидел, как и надо было ожидать, пологий склон к западу и обрывистый — к востоку. Такая же резкая разница наблюдается в растительности. С западной стороны растет хвойный лес, а с восточной — смешанный, который ниже по реке очень скоро сменяется лиственным.

За водоразделом мы нашли ручей, который привел нас к р. Данапце, впадающей в Кулумбе (верхний приток Имана). Пройдя по ней километров десять, мы повернули на восток и снова взобрались на Сихотэ-Алинь, а затем спустились к р. Далазагоу (приток Сицы). Название это китайское и в переводе означает «падь больших скал».

В геологическом отношении долина Да-лазагоу — денудационная. Если итти от истоков к устью, горные породы располагаются в следующем порядке: глинистые сланцы, окрашенные окисью бурого железняка, затем серые граниты и кварцевый порфир. По среднему течению — диабазовый афанит с неправильным глыбовым распадением и осыпи из туфовидного кварцепорфира.

Пороги на р. Сице состоят: верхний из песчаниковистого сланца и нижний из микропегматита (гранофира), с метаморфозом желтого и ржавого цветов.

Дерсу шел молча и смотрел на все равнодушно. Я восторгался пейзажами, а он рассматривал сломанный сучок на высоте кисти руки человека, и по тому, куда прутик был нагнут, он знал о направлении, в котором шел человек. По свежести излома он определял время, когда это произошло, угадывал обувь и т. д. Каждый раз, когда я не понимал чего-нибудь или высказывал сомнение, он говорил мне:

— Как тебе, столько года в сопках ходи, понимай нету?

То, что для меня было непонятно, ему казалось простым и ясным. Иногда он замечал следы там, где при всем желании что-либо усмотреть я ничего не видел. А он видел, что прошла старая матка изюбра и годовалый теленок... Они щипали листву таволожника, потом стремительно убежали, испугавшись чего-то.

Все это делалось не ради рисовки: мы слишком хорошо знали друг друга. Делалось это просто по вкоренившейся многолетней привычке не пропускать никакой мелочи и ко всему относиться внимательно. Если бы он не занимался изучением следов с детства, то умер бы с голода. Когда я пропускал какой-нибудь ясный след, Дерсу подсмеивался надо мной, покачивал головой и говорил:

— Гм! Все равно мальчик. Так ходи, головой качай. Глаза есть, посмотри не могу, понимай нету. Верно — это люди в городе живи. Олень искай не надо; кушай хочу — купи. Один сопка живи не могу — скоро пропади.

Да, он был прав. Тысячи опасностей ожидают одинокого путешественника в тайге, и только тот, кто умеет разбираться в следах, может рассчитывать на благополучное окончание маршрута.

Во время пути я наступил на колючее дерево. Острый шип проколол обувь и вонзился в ногу. Я быстро разулся и вытащил занозу, но, должно быть, не всю. Вероятно, кончик ее остался в ране, потому что на другой день ногу стало ломить. Я попросил Дерсу еще раз осмотреть рану, но она уже успела запухнуть по краям. Этот день я шел, зато ночью нога сильно болела. До самого рассвета я не мог сомкнуть глаз. На утро стало ясно, что на ноге у меня образовался большой нарыв.

Недостаток взятого с собой продовольствия принуждал итти вперед.

Мы уже и так сидели без хлеба и кормились только тем, что добывали охотой. На биваке были и перевязочные материалы и медикаменты. В тайге могло застать ненастье, и неизвестно, сколько времени я провалялся бы без движения. Поэтому как ни больно было, но я решил итти дальше. Я твердо ступал только на одну правую ногу, а левую волочил за собой. Дерсу взял мою котомку и ружье. При спусках около оврагов он поддерживал меня и всячески старался облегчить мои страдания.

С большим трудом мы прошли в этот день только 8 км, а до бивака осталось еще 24 км.

Ночью ногу страшно ломило. Опухоль распространилась по всей ступне. Удастся ли мне дотащиться хотя до первой тазовской фанзы? Эта мысль, видимо, беспокоила и Дерсу. Он часто поглядывал на небо. Я думал, что он смотрит, не будет ли дождя, но у него были опасения другого рода. По небу тянулась какая-то мгла: она сгущалась все больше и больше. Месяц только что зарождался, но лик его не был светлым, как всегда, а казался красноватым и тусклым. Порой его совсем не было видно. Наконец из-за гор показалось зарево.

— Шибко большой дым, — сказал мой спутник.

Чуть свет мы были уже на ногах. Все равно спать я не мог, и, пока была хоть малейшая возможность, надо было итти. Я никогда не забуду этого дня. Я шел и через каждые сто шагов садился на землю. Чтобы обувь не давила на ногу, я распорол ее.

Скоро мы дошли до того места, где Да-лазагоу впадает в Сицу. Теперь мы вошли в лес, заваленный буреломом. Кругом все было окутано дымом. В пятидесяти шагах нельзя было рассмотреть деревьев.

— Капитан! Надо торопиться, — говорил Дерсу. — Моя мало-мало боится. Трава гори нету, лес — гори!

Последние усилия собрал я и потащился дальше. Где был хотя маленький подъем, я полз на коленях. Каждый корень, еловая шишка, маленький камешек, прутик, попавший под больную ногу, заставлял меня вскрикивать и ложиться на землю.

В дыму итти становилось все труднее и труднее. Начинало першить в горле. Стало ясно, что мы не успеем пройти буреломный лес, который, будучи высушен солнцем и ветром, представлял теперь огромный костер.

Известно, что когда разгорается сильное пламя, то образуется вихрь.

Шум этого вихря уловило привычное ухо гольда. Надо было перейти на другую сторону реки. Это было единственное спасение. Но для того, чтобы перейти Да-лазагоу, надо было крепко держаться на ногах. Для меня это было теперь совершенно немыслимо. Что делать? Вдруг Дерсу, не говоря ни слова, схватил меня на руки и быстро перенес через реку. Тут была широкая полоса гальки. Он опустил меня на землю, как только вышел из воды, и тотчас побежал обратно за ружьями. В это время нанесло дым, и ничего не стало видно. Когда я очнулся, рядом со мной на камнях лежал Дерсу. Мы оба были покрыты мокрой палаткой. Сверху сыпались искры. Густой едкий дым не позволял дышать.

Первый раз в жизни я видел такой страшный лесной пожар.

Огромные кедры, охваченные пламенем, пылали, точно факелы. Внизу, около земли, было море огня. Тут все горело: сухая трава, опавшая листва и валежник; слышно было, как лопались от жара и стонали живые деревья. Желтый дым большими клубами быстро вздымался кверху. По земле бежали

огненные волны; языки пламени вились вокруг пней и облизывали накалившиеся камни.

Вдруг ветер переменился, и дым отнесло в сторону. Дерсу поднялся и растолкал меня. Я попробовал было еще итти по галечниковой отмели, но вскоре убедился, что это свыше моих сил. Я мог только лежать и стонать.

Так как при ходьбе я больше упирался на пятку, то сильно натрудил и ее. Другая нога устала и тоже болела в колене. Убедившись, что дальше я итти не могу, Дерсу поставил палатку, натаскал дров и сообщил мне, что пойдет к китайцам за лошадью. Это был единственный способ выбраться из тайги. Дерсу ушел, и я остался один.

За рекой все еще бушевало пламя. По небу вместе с дымом летели тучи искр. Огонь шел все дальше и дальше. Одни деревья горели скорее, другие медленнее. Я видел, как через реку перебрел кабан, затем переплыл большой полоз Шренка; как сумасшедшая, от одного дерева к другому носилась желна, и, не умолкая, кричала кедровка. Я вторил ей своими стонами. Наконец, стало смеркаться.

Я понял, что сегодня Дерсу не придет. Больная нога сильно отекла. Я разделся и ощупал нарыв. Он уже назрел, но огрубевшая от долгой ходьбы кожа на подошве не прорывалась. Я вспомнил, что имею перочинный нож. Тогда я стал точить его о камни. Подложив дров в костер, я выжидал, когда они хорошенько разгорелись, и вскрыл нарыв. От боли у меня потемнело в глазах. Черная кровь и гной густой массой хлынули из раны. С ужасными усилиями я подполз к воде, оторвал рукав от рубашки и начал промывать рану. После этого я перевязал ногу и вернулся к костру. Через час я почувствовал облегчение: боль в ноге еще была, но уже не такая, как раньше.

В той стороне, куда пошел пожар, виднелось красное зарево. В лесу во многих местах мерцали огни. Это догорал валежник. Я долго сидел в палатке и поглаживал рукой больную ногу. Пламя костра согрело меня, и я погрузился в сон. Когда я проснулся, то увидел около себя Дерсу и китайца. Я был покрыт одеялом. На костре грелся чай; в стороне стояла оседланная лошадь. Боль в ноге утихла, и опухоль начала спадать. Согрев воду, я еще раз промыл рану, затем напился чаю, закусил китайским пресным хлебом и стал одеваться. Дерсу и китаец помогли мне взобраться на коня, и мы тронулись в путь.

За ночь лесной пожар ушел далеко, но в воздухе все еще было дымно.

После полудня мы прибыли на Санхобе. Г. И. Гранатмана не было дома. Он куда-то пошел на разведки и возвратился только через двое суток.

Пришлось мне сидеть на месте до тех пор, пока рана на ноге не зажила как следует. Через три дня я уже мог ходить, а через неделю совсем оправился. Чжан-Бао несколько раз наве-

щал меня. От него я узнал много интересного. Он рассказал мне, как несколько лет тому назад вблизи бухты Терней разбился пароход «Викинг», узнал о том, как в 1905 г. японцы убили его помощника Лю-Пула и как он отомстил им за это; рассказал он мне также о партии каторжан, которые в 1906 г. высадились на материке около мыса Олимпиада. Путь их по берегу моря сопровождался грабежами и убийствами. Чжан-Бао со своими охотниками догнал их около озера Благодати и всех перебил... И много еще чего я узнал от него. Все это были страшные, кровавые драмы.

Наблюдая за китайцами, я убедился, какой популярностью среди них пользовался Чжан-Бао. Слова его передавались из уст в уста. Все, что он приказывал, исполнялось охотно и без проволочек. Многие приходили к нему за советом, и, кажется, не было такого запутанного дела, которого он не мог бы разобрать и найти виновных. Находились и недовольные. Часто это были люди с преступным прошлым. Чжан-Бао умел обуздывать их страсти.

Он постоянно посылал разведчиков то на р. Иодзыхе, то на берег моря, то по тропе на север. Вечером он делал сводки этим разведкам и сообщал их мне ежедневно. Чжан-Бао вел большую корреспонденцию. Каждый почти день прибегал к нему нарочный и приносил письма.

Все эти дни Дерсу пропадал где-то у тазов. Среди них он нашёл старика, который раньше жил на р. Улахе и которого он знал еще в молодые годы. Он успел со всеми перезнакомиться и везде был желанным гостем.

Дня за два до моего отхода Чжан-Бао пришел ко мне проститься. Неотложные дела требовали его личного присутствия на р. Такеме. Он распорядился назначить двух китайцев, которые должны были проводить меня до Сихотэ-Алиня, возвратиться обратно другой дорогой и сообщить ему о том, что они в пути увидят.

15 октября был последний день наших сборов. Из муки мы напекли лепешек, насушили мяса. Предусмотрено было все, не забыта была даже сухая трава для обуви.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ЗИМНИЙ ПОХОД

Выступление. — Отравление. — Противоядие. — Р. Дунца. — Уборка рыбы в истоках реки птицами и зверями. — Проклятое место. — Признаки непогоды. — Пурга. — Перевал Терпения.

Шестнадцатого числа выступить не удалось. Задерживали проводники-китайцы. Они явились только на другой день около полудня. Тазы провожали нас от одной фанзы до другой, прося зайти к ним хоть на минутку. По адресу Дерсу сыпались приветствия, женщины и дети махали ему руками. Он отвечал им тем же. Так от одной фанзы до другой, с постоянными задержками, мы дошли, наконец, до последнего тазовского жилья, чему я, откровенно говоря, очень порадовался. Дальше тропа перешла за реку и потянулась вдоль левого берега еще километра два с половиной, а затем стала взбираться на перевал.

В нижнем течении р. Дунца[145] течет в меридиональном направлении до тех пор, пока не встретит р. Синцу. Тут она делает петлю и огибает небольшой горный отрог, имеющий пологие склоны к р. Санхобе и крутые к р. Дунце. Через этот самый отрог нам и надлежало перейти.

Приближались сумерки. Поэтому мы стали биваком тотчас, как только спустились к воде.

Днем мне недомогалось: сильно болел живот. Китаец-проводник предложил мне лекарство, состоящее из смеси жень-

шеня, опиума, оленьих пантов и навара из медвежьих костей. Полагая, что от опиума боли утихнут, я согласился выпить несколько капель этого варева, но китаец стал убеждать меня выпить целую ложку. Он говорил, что в смеси находится немного опиума, больше же других снадобий. Быть может, дозу он мерил по себе; сам он привык к опиуму, а для меня и малая доза была уже очень большой.

Действительно, вскоре после приема лекарства боль в животе стала утихать, но вместе с тем по всему телу разлилась какая-то слабость. Я лег у огня и погрузился в тяжелый сон, похожий на обморок. Через полчаса я очнулся и хотел подняться на ноги, но не мог. В странном состоянии я находился: я утратил все чувства и ничего не видел, ничего не слышал, ничего не ощущал. Нечеловеческие усилия я сделал над собой, поднял руку, дотронулся до своего лица и испугался. Казалось, это были не мои руки, а чужие, точно не лицо я трогал, а какую-то маску. Ужас охватил меня. После страшной внутренней борьбы я рванулся, вскочил на ноги и тотчас упал на землю. Началась сильная рвота. На мое счастье Дерсу еще не спал. Он принес мне воды. Я сделал несколько глотков и начал приходить в себя. Голова так сильно кружилась, что я не мог сосредоточить своего зрения ни на одном предмете: я понял, что отравился. Несколько раз я пил воду в большом количестве и несколько раз искусственно вызывал рвоту, и это меня спасло. Так промаялся я до утра. Когда рассвело, Дерсу сбегал в лес, принес какой-то травы, велел мне жевать ее и глотать сок.

Растение это оказалось горец земноводный амурский, туземцы его принимают также от дизентерии.

Наконец понемногу я стал приходить в себя, головокружение и головная боль исчезли, зато появились слабость и сильная жажда.

Санхобе протекает по типичной долине прорыва, местами расширяющейся, местами суживающейся ровно настолько, чтобы пропустить одну реку. Наиболее широкие места ее находятся там, где в нее впадают притоки. Из них самым крупным будет р. Фату, текущая с севера вдоль берега моря.

По р. Дунце растет такой же хороший лес, как и по р. Сице. С левой стороны в горах преобладают лиственные породы, с правой — хвойные.

Тропа идет по левому берегу реки, то приближаясь к ней, то удаляясь метров на двести. В одном месте река прижимается вплотную к горам, покрытым осыпями, медленно сползающими книзу. Сверху сыплются мелкие камни. Здесь поставлена кумирня богу Шань-синье, охраняющая ему горы. Сопровождающие нас китайцы не преминули помолиться, нимало не стесняясь нашим присутствием.

Дальше тропа выходит на гарь, которая тянется до самой р. Фагу. Затем опять идут осыпи, а против них речные террасы, занимающие довольно большое пространство с правой стороны реки.

Километров на семь ниже в Санхобе впадает небольшая речка, не имеющая названия. По ней можно выйти к самым истокам р. Биломбе, впадающей в море севернее бухты Терней. Немного выше устья этой безымянной речки Дунца принимает в себя еще один приток, который китайцы называют Сяоца. Тут тропы разделились: одна пошла вверх по Дунце, а другая свернула влево.

Вследствие болезни я не мог итти скоро, часто останавливался, садился на землю и отдыхал.

Дерсу и двое стрелков ходили осматривать р. Сяоцу. Истоки ее сходятся с истоками горного ручья, впадающего в Спицу в среднем течении. Самый перевал покрыт густым хвойным лесом. Как подъем, так равно и спуск с него средней крутизны. Километрах в трех от Дунцы они нашли китайскую звероловую фанзу. Хозяева ее находились в отсутствии.

К вечеру я почти справился, но есть не мог — все еще мешала рвота. Поэтому я решил пораньше лечь спать в надежде, что завтрашний день принесет полное выздоровление.

Часов в двенадцать я проснулся. У огня сидел китаец-проводник и карауля бивак. Ночь была тихая, лунная. Я посмотрел на небо, которое показалось мне каким-то странным, приплюснутым, точно оно спустилось на землю. Вокруг луны было матовое пятно и большой радужный венец. В таких же пятнах были и звезды. «Наверно, к утру будет крепкий мороз», — подумал я, затем завернулся в свое одеяло, прижался к спящему рядом со мной казаку и опять погрузился в сон.

Утром меня разбудил дождь — мелкий и частый. Недомогание мое кончилось, и я чувствовал себя совсем здоровым. Нимало не медля, мы собрали свои котомки и снялись с бивака.

От устья Сяоцы долина Дунцы стала заметно суживаться. С обеих сторон высились горы, покрытые осыпями. От них в долину выдвигается много утесов. Пешеходная тропа лепится здесь по высокому карнизу, а конная несколько раз переходит вброд реку. Миновав теснину, дороги сходятся снова. Немного дальше р. Дунца разделяется на две реки: долина одной из них идет прямо, а сама Дунца поворачивает влево. В этом месте тропа наша опять разделилась. Одна пошла по Дунце, а другая, по словам провожающих нас китайцев, на р. Арму (приток Имана).

После полудня дождь усилился, нам пришлось рано стать на бивак.

До вечера было еще много времени, и поэтому мы с Дерсу взяли свои винтовки и пошли на разведки: Осенью, во время ненастья, лес имеет особенно унылый вид. Голые стволы де-

ревьев, окутанные холодным туманом, пожелтевшая трава, опавшая на землю листва и дряблые потемневшие папоротники указывали, что наступили уже сумерки года. Приближалась зима.

Вдруг какой-то странный шум послышался в стороне. Мы оставили тропу и пошли к берегу реки. Интересная картина представилась нашим глазам. Река была буквально запружена рыбой. Это была кета. Местами от дохлой рыбы образовались целые завалы. Тысячи ее набились в заводи и протоки. Теперь она имела отвратительный вид. Плавники ее были обтрепаны и все тело изранено. Большая часть рыб была мертвой, но некоторые из них еще не утратили способности двигаться. Они все еще стремились вверх против воды, точно рассчитывали там найти избавление от своих страданий.

Для уборки рыбы природа позаботилась прислать санитаров в лице медведей, кабанов, лисиц, барсуков, енотовидных собак, ворон, сизоворонок, соек и т. д. Дохлой кетой питались преимущественно птицы, четвероногие же старались поймать живую рыбу. Вдоль реки они протоптали целые тропы. В одном месте мы увидели медведя. Он сидел на галечниковой отмели и лапами старался схватить рыбу.

Бурый медведь и родственный ему камчатский медведь отъедают у рыб головы, а мясо бросают. Белогрудые же медведи, наоборот, едят мясо, а головы оставляют.

В другом месте рыбой лакомились два кабана. Они отъедали у рыб только хвосты. Пройдя еще немного я увидел лисицу. Она выскочила из зарослей, схватила одну из рыбин, но из предосторожности не стала ее есть на месте, а потащила в кусты.

Больше всего здесь было пернатых. Орлы сидели около воды и лениво, не торопясь, точно сознавая свое превосходство, клевали то, что оставалось от медвежьей трапезы. Особенно же много было ворон. Своим черным опереньем они резко выделялись на светлой каменистой отмели. Вороны передвигались прыжками и особое предпочтение оказывали той рыбе, которая стала уже разлагаться. По кустам шныряли сойки, они ссорились со всеми птицами и пронзительно кричали.

Вода в протоках кое-где уже начала замерзать. Вмерзшая в лед рыба должна остаться здесь на всю зиму. Весной, как только солнышко пригреет землю, она вместе со льдом будет вынесена в море, и там уничтожением ее займутся уже морские животные.

Какой круговорот! Как все это разумно. Ничто не пропадает! Даже в глухой тайге есть кому позаботиться над уборкой падали.

— Один люди другой люди кушай, — высказывал Дерсу вслух свои мысли. — Чего-чего рыба кушай, потом кабан рыбу кушай, теперь надо наша кабана кушай.

Говоря это, он прицелился и выстрелил в одну из свиней. С ревом подпрыгнуло раненое насмерть животное, кинулось было к лесу, но тут же ткнулось мордой в землю и начало барахтаться. Испуганные выстрелом птицы с криком поднялись на воздух и, в свою очередь, испугали рыбу, которая, как сумасшедшая, взад и вперед начала носиться по протоке.

К сумеркам мы возвратились на бивак. Дождь перестал, и небо очистилось. Взошла луна. На ней ясно и отчетливо видны были темные места и белые пятна. Значит, воздух был чист и прозрачен.

Рано мы легли спать и на другой день рано и встали. Когда лучи солнца позолотили вершины гор, мы успели уже отойти от бивака километра три или четыре. Теперь р. Дунца круто поворачивала на запад, но потом стала опять склоняться к северу. Как раз на повороте, с левой стороны, в долину вдвинулась высокая скала, увенчанная причудливым острым гребнем. Одни утесы были похожи на людей, другие на птиц, третьи на животных и т. д.

Китайцы-проводники говорили, что здесь с людьми всегда происходят несчастья: то кто-нибудь сломает ногу, то кто-нибудь умрет и т. д. В подтверждение своих слов они указали на две могилы тех несчастливцев, которых преследовал злой рок на этом месте. Однако с нами ничего не случилось, и мы благополучно прошли мимо Проклятых скал.

Дальше мы вошли в зону густого хвойно-смешанного леса. Зимой колючки чортова дерева становятся ломкими; хватая его рукой, сразу набираешь много заноз. Скверно то, что занозы эти входят в кожу в вертикальном направлении и при извлечении крошатся.

К полудню мы достигли маленькой зверовой фанзочки, расположенной у слияния трех горных ручьев. По среднему лежал наш путь.

Вечером я измерил высоту места. Барометр показал 620 м над уровнем моря.

Все эти дни стояла хорошая и тихая погода. Было настолько тепло, что мы шли в летних рубашках и только к вечеру одевались потеплее. Я восторгался погодой, но Дерсу не соглашался со мной:

— Посмотри, капитан, — говорил он, — как птицы торопятся кушать. Его хорошо понимай, будет худо.

Барометр стоял высоко. Я стал посмеиваться над гольдом, но он на это только возразил:

— Птица сейчас понимай, моя понимай после.

От упомянутой фанзы до перевала через Сихотэ-Алинь будет километров восемь. Хотя котомки и давали себя чувствовать, но тем не менее мы шли бодро и редко делали привалы. Часам к четырем пополудни мы добрались до Сихотэ-Алиня,

оставалось только подняться на его гребень. Я хотел было итти дальше, но Дерсу удержал меня за рукав:

— Погоди, капитан, — сказал он. — Моя думай, здесь надо ночевать.

— Почему? — спросил я его.

— Утром птицы торопились кушать, а сейчас, посмотри сам, ни одной нету.

Действительно, перед закатом солнца птицы всегда проявляют особую живость, а теперь в лесу стояла мертвая тишина. Точно по приказу, они все сразу куда-то спрятались.

Дерсу советовал крепче ставить палатки, и, главное, приготовить как можно больше дров не только на ночь, но и на весь завтрашний день. Я не стал с ним больше спорить и пошел в лес за дровами. Часа через два начало смеркаться. Стрелки натаскали много дров, казалось, больше чем нужно, но гольд не унимался, и я слышал, как он говорил китайцам:

— Лопа [146] понимай нету, наша надо сам работай.

Они вновь принялись за дело. Тогда на помощь им я послал обоих казаков. И только когда на небе угасли последние отблески вечерней зари, мы прекратили работу.

Взошла луна. Ясная ночь глядела с неба на землю. Свет месяца пробирался в глубину темного леса и ложился по сухой траве длинными полосами. На земле, на небе и всюду кругом было спокойно, и ничто не предвещало непогоды. Сидя у огня, мы попивали горячий чай и подтрунивали над гольдом.

— На этот раз ты соврал, — говорили ему казаки.

Дерсу не ответил и молча продолжал укреплять свою палатку. Он забился под скалу, с одной стороны приворотил большой пень и обложил его камнями, а дыры между ними заткнул мхом. Сверху он еще натянул свою палатку, а впереди разложил костер. Мне так показалось у него уютно, что я немедленно перебрался к нему со своими вещами.

Время шло, а кругом было попрежнему тихо. Я тоже начал думать, что Дерсу ошибся, как вдруг около месяца появилось матовое пятно с радужной окраской по наружному краю. Мало-помалу диск луны стал тускнеть, контуры его сделались расплывчатыми, неясными. Матовое пятно расширялось и поглотило наружное кольцо. Какая-то мгла быстро застилала небо, но откуда она взялась и куда двигалась, этого сказать было нельзя.

Я полагал, что дело окончится небольшим дождем, и, убаюканный этой мыслью, заснул. Сколько я спал, не помню. Проснулся я оттого, что кто-то меня будил. Я открыл глаза, передо мной стоял Мурзин.

— Снег идет, — доложил он мне.

Я сбросил с себя одеяло. Кругом была темная ночь. Луна совершенно исчезла. С неба сыпался мелкий снег.

Огонь горел ярко и освещал палатки, спящих людей и сложенные в стороне дрова. Я разбудил Дерсу. Он испугался, спросонья посмотрел по сторонам, посмотрел на небо и стал закуривать свою трубку.

Кругом было тихо, но в этой тишине чувствовалось что-то угрожающее. Через несколько минут снег пошел сильнее, он падал на землю с каким-то особенным шуршанием. Проснулись остальные люди и стали убирать свои вещи.

Вдруг снег начал кружиться.

— Начинай есть, — сказал Дерсу.

И точно в ответ на его слова в горах послышался шум, потом налетел сильный порыв ветра с той стороны, откуда мы его вовсе не ожидали. Дрова разгорелись ярким пламенем. Вслед за первым порывом налетел второй, потом третий, пятый, десятый, и каждый порыв был продолжительнее предыдущего. Хорошо, что палатки наши были крепко привязаны, иначе их сорвало бы ветром.

Я взглянул на Дерсу. Он спокойно курил трубку и равнодушно посматривал на огонь. Начавшаяся пурга его не пугала. Он так много их видел на своем веку, что эта не была для него новинкой. Дерсу как бы понял мои мысли и сказал:

— Дрова много есть, палатка хорошо ставили. Ничего.

Через час начало светать.

Пурга — это снежный ураган, во время которого температура понижается до —15°С и ветер бывает так силен, что снимает с домов крыши и вырывает с корнями деревья. Итти во время пурги положительно нельзя: единственное спасение — отстаиваться на месте. Обыкновенно всякая снежная буря сопровождается человеческими жертвами.

Кругом нас творилось что-то невероятное. Ветер бушевал неистово, ломал сучья деревьев и переносил их по воздуху, словно легкие пушинки. Огромные старые кедры раскачивались из стороны в сторону, как тонкоствольный молодняк. Теперь уже ни гор, ни неба, ни земли — ничего не было видно. Все кружилось в снежном вихре. Порой сквозь снежную завесу чуть-чуть виднелись силуэты ближайших деревьев, но только на мгновение. Новый порыв ветра — и туманная картина пропадала.

Мы забились в свои палатки и в страхе притихли. Дерсу посматривал на небо и что-то говорил сам с собой. Я напомнил ему пургу, которая захватила нас около озера Ханка в 1902 г.

— Моя тогда шибко боялся, — ответил он мне. — Дрова нету — скоро кончай.

После полудня пурга разыгралась со всей силой. Хотя мы были и защищены утесами и палаткой, однако это была ненадежная защита. То становилось жарко и дымно, как на пожаре, когда ветер дул нам в лицо, то холодно, когда пламя отклонялось в противоположную сторону.

Мы уже не ходили за водой, а набивали чайники снегом, благо в нем не было недостатка. К сумеркам пурга достигла своей наибольшей силы, и по мере того как становилось темнее, страшнее казалась буря.

Мало кто спал в эту ночь. Вся забота была только о том, чтобы согреться.

21-го числа мы еще отстаивались от пурги. Теперь ветер переменился и дул с северо-востока, зато порывы его сделались сильнее. Даже вблизи бивака ничего нельзя было рассмотреть.

— Чего его сердится? — говорил в досаде и со страхом Дерсу. — Неужели наша чего-нибудь худо делал?

— Кто? — спросили казаки.

— Моя не знаю, как по-русски говори, — отвечал гольд. — Его мало-мало бог, мало-мало люди, сопка постоянно живи, ветер могу гоняй, дерево ломай. Наша говори Каньгу.

«Горный или лесной дух», — подумал я.

Больших трудов стоило нам поддержать костер. Скверно то, что каждый порыв ветра выносил из него уголья и засыпал их снегом. Около палатки намело большие сугробы, после полудня появились вихри необычайной силы. Они вздымали с земли тучи снега и вдруг рассыпались белой пылью, потом зарождались снова и с воем носились по лесу. Каждый такой вихрь оставлял после себя след из множества поваленных деревьев. Иногда на мгновение наступала короткая пауза, и тотчас вслед за ней опять начиналась пляска снежных привидений.

После полудня небо стало понемногу расчищаться, но вместе с тем стала понижаться температура. Сквозь густую завесу туч в виде неясного пятна чуть-чуть проглянуло солнце.

Надо было позаботиться о дровах. Мы побежали и стали собирать тот бурелом, который находился поблизости. Работали мы долго, пока Дерсу не скомандовал «довольно». Никого не надо было уговаривать. Все разом бросились к палаткам и стали греть у огня руки. Так мы промаялись еще одну ночь.

К утру погода мало изменилась к лучшему. Ветер был резкий и порывистый. На совете решено было попытаться перевалить через Сихотэ-Алинь в надежде, что на западной стороне его будет тише. Решающее значение имел голос Дерсу.

— Моя думай его скоро кончай, — сказал он и начал первый собираться в дорогу.

Сборы наши были недолги. Минут через двадцать мы с котомками за плечами уже лезли в гору.

От бивака сразу начинался крутой подъем. За эти два дня выпало много снега. Местами он был глубиной до метра. На гребне мы остановились передохнуть. По барометрическим измерениям высота перевала оказалась равной 910 м. Мы назвали его перевалом Терпения.

Жуткая картина представилась нам на Сихотэ-Алине. Здесь ветром были повалены целые полосы леса. Пришлось обходить

их далеко стороной. Я уже говорил, что корни деревьев, растущих в горах, распространяются по поверхности земли: сверху они едва только прикрыты мхами. Некоторые из них были оторваны. Деревья качались и подымали всю корневую систему. Черные расщелины то открывались, то закрывались среди снежного покрова, словно гигантские пасти. На одном из корней вздумал было качаться Кожевников. В это время налетел сильный шквал, дерево наклонилось, и едва казак успел отскочить в сторону, как оно со страшным шумом рухнуло на землю, разбрасывая во все стороны комья мерзлой земли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

К ИМАНУ

Дерсу разбирается в следах. — Птицы. — Доставка продовольствия соболевщиками в верховья Имана. — Корейцы. — Кабаргожья лудева. — Удэхейцы. — Ночевка в юрте. — Р. Кулумбе. — Р. Иман. — Удэхейская лодка. — Охотничий поселок Сидатун и его обитатели. — Рабство.

Спуск с Сихотэ-Алиня к западу был пологий, заваленный глыбами камней и поросший густым лесом. Небольшой ручей, в который мы спустились, привел нас к р. Нанце. Она течет с северо-востока вдоль хребта Сихотэ-Алиня и постепенно склоняется к северо-западу. Долина Нанцы широкая, болотистая и покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Китайская охотничья тропа проложена частью по краю долины, частью по горам, которые имеют здесь вид размытых холмов.

По пути нам попалась юрта, сложенная из кедрового корья, с двускатной крышей, приспособленная под фанзу. Утомленные двумя предшествующими ночами, мы стали около нее биваком и, как только поужинали, тотчас легли спать.

23 октября мы продолжали путь вниз по р. Нанце. На свежевыпавшем снегу был виден отчетливо каждый след. Тут были отпечатки ног лосей, кабарги, соболей, хорьков и т. д. Дерсу шел впереди и внимательно их рассматривал. Вдруг он остановился, посмотрел во все стороны и проговорил:

— Кого она боялась?

— Кто? — спросил я его.

— Кабарга, — отвечал он.

Я посмотрел на следы и ничего особенного в них не заметил. Следы как следы — маленькие, частые.

Дерсу удивительно разбирался в приметах. Он угадывал даже душевное состояние животных. Достаточно было небольшой неровности в следах, чтобы он усмотрел, что животное волновалось.

Я просил Дерсу указать мне данные, на основании которых он заключил, что кабарга боялась. То, что рассказал он мне, было опять так просто и ясно. Кабарга шла ровным шагом, затем остановилась и пошла осторожней, потом шарахнулась в сторону и побежала прыжками. На свежевыпавшем снегу все это видно, как на ладони. Я хотел было итти дальше, но Дерсу остановил меня.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Наша надо посмотри, какой люди пугай кабаргу.

Через минуту он крикнул мне, что кабарга боялась соболя. Я подошел к нему. На большом поваленном дереве, занесенном снегом, действительно виднелись его следы. Видно было, что маленький хищник крался тихонько, прятался за сук, затем бросился на кабаргу. Потом Дерсу нашел место, где кабарга валялась на земле. Капли крови указывали на то, что соболь прокусил ей кожу около затылка. Далее следы доказывали, что кабарге удалось сбросить с себя соболя. Она побежала дальше, а соболь погнался было за ней, но отстал, затем свернул в сторону и полез на дерево.

Чувствую, что если бы я подольше походил с Дерсу и если бы он был общительнее, вероятно, я научился бы разбираться в следах, если и не так хорошо, как он, то все же лучше, чем другие охотники. Это было удивительно интересно.

Многое Дерсу видел и молчал. Молчал потому, что не хотел останавливаться, как ему казалось, на всяких мелочах. Только в исключительных случаях, когда на глаза ему попадалось что-нибудь особенно интересное, он рассуждал вслух, сам с собой.

Километрах в двадцати пяти от Сихотэ-Алиня Нанца сливается с р. Бэйцой, текущей с севера. Отсюда собственно и начинается Кулумбе, которая должна была привести нас к Иману. Вода в реке стала уже замерзать, появились широкие забереги. Без труда мы переправились на другую ее сторону и пошли дальше.

Река Кулумбе течет по широкой заболоченной долине в направлении с востока на запад. Тропа все время придерживается правой стороны долины. Лес, растущий в горах, исключительно хвойный, с большим процентом кедра, в болотистых низинах много замшистого сухостоя.

После полудня ветер стих окончательно. На небе не было ни единого облачка, яркие солнечные лучи отражались от снега, и от этого день казался еще светлее. Хвойные деревья оделись в зимний наряд, отяжелевшие от снега ветви пригнулись к земле. Кругом было тихо, безмолвно. Казалось, будто природа находилась в том дремотном состоянии, которое, как реакция, всегда наступает после пережитых треволнений.

Из царства пернатых я видел здесь большеклювых ворон, красноголовых желн, пестрых дятлов и поползней. Раза два мы спугивали белых крохалей с черной головой и с красным носом. Птицы эти остаются на зимовку в Уссурийском крае и приобретают белую защитную окраску. Сплошь и рядом мы замечали их только тогда, когда подходили к ним вплотную.

Следует еще упомянуть об одной симпатичной птичке, которая за свой игривый нрав заслужила у казаков название «веселушка». Это оляпка. Она величиной с дрозда и всегда держится около воды. Одна из них подпустила меня очень близко. Я остановился и стал за ней наблюдать. Оляпка была настороже, она часто поворачивалась, кричала и в такт голоса покачивала своим хвостиком, но затем вдруг бросилась в воду и нырнула. Местные жители говорят, что она свободно ходит по дну реки, не обращая внимания на быстроту течения. Вынырнув на поверхность и увидев людей, оляпка с криком полетела к другой полынье, потом к третьей. Я следовал за ней до тех пор, пока река не отошла в сторону.

В другом месте мы спугнули даурского бекаса. Он держался около воды там, где еще не было снега. Я думал, что это отсталая птица, но вид у него был веселый и бодрый. Впоследствии я часто встречал их по берегам незамерзших проток. Из этого я заключаю, что бекасы держатся в Уссурийском крае до половины зимы и только после декабря перекочевывают к югу.

В этот день мы прошли 12 км и остановились у фанзочки Спу-фу. Высота этого места определяется в 500 м над уровнем моря. Обитатели фанзы, китайцы, занимались ловлей лосей ямами.

Утром китайцы проснулись рано и стали собираться на охоту, а мы — в дорогу. Взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Надо было пополнить их. Я купил у китайцев немного буды и заплатил за это восемь рублей. По их словам, в этих местах пуд муки стоит 16 рублей, а чумиза 12 рублей. Ценятся не столько сами продукты, сколько их доставка.

За ночь р. Кулумбе замерзла настолько, что явилась возможность итти по льду. Это очень облегчило наше путешествие. Сильным ветром снег с реки смело. Лед крепчал с каждым днем. Тем не менее на реке было много еще проталин. От них поднимался густой туман.

Через какие-нибудь километров пять мы подошли к двум корейским фанзам. Хозяева их, два старика и два молодых корейца, занимались охотой и звероловством. Фанзочки были

новенькие, чистенькие, они так мне понравились, что я решил сделать здесь дневку.

После полудня два корейца стали собираться в тайгу для осмотра кабарожьей лудевы.

Я пошел вместе с ними.

Лудева была недалеко от фанзы. Это была изгородь высотой 1,2 м, сложенная из буреломного леса. Чтобы деревья нельзя было растащить, корейцы закрепили их кольями.

Такие лудевы ставятся всегда в горах на кабарожьих тропах. В изгороди местами оставляются проходы, а в них настораживаются веревочные петли. Попав головой в петлю, испуганная кабарга начинает метаться, и чем сильнее бьется, тем больше себя затягивает.

В осматриваемой лудеве было двадцать две петли. В четырех из них корейцы нашли мертвых животных: трех самок и одного самца. Корейцы оттащили самок в сторону и бросили на съедение воронам. На вопрос, почему они бросили пойманных животных, корейцы ответили, что только один самцы дают ценный мускус, который китайские купцы скупают у них по рублю за штуку. Что же касается до мяса, то и одного самца с них довольно, а завтра они поймают еще столько же. По словам корейцев, в зимний сезон они убивают до 125 кабарожек, из которых 75% приходится на маток.

Грустное впечатление вынес я из этой экскурсии. Куда ни взглянешь, всюду наталкиваешься на хищничество. В недалеком будущем богатый зверем и лесами Уссурийский край должен превратиться в пустыню.

На следующий день мы нарочно выступили пораньше, чтобы наверстать то, что потеряли на дневке. Одну из кабарожек, брошенных корейцами, мы взяли с собой.

От корейских фанз р. Кулумбе течет в широтном направлении с небольшим отклонением к югу. Тотчас за фанзами начинается гарь, которая распространяется далеко, по долине и по горам. Заметно, что горы стали выше и склоны их круче.

Сплошные хвойные лесонасаждения теперь остались позади, а на смену им стали выступать тополь, ильм, береза, осина, дуб, осокорь, клен и т. д. В горах замшистая ель и пихта сменились великолепными кедровыми лесами.

За день нам удалось пройти около 15 км. В сумерки стрелки заметили в стороне на протоке одинокую юрту. Дым, выходящий из отверстия в крыше, указывал, что в ней есть люди. Около нее на стойках сушилось множество рыбы. Юрта была сложена из кедрового корья и прикрыта сухой травой. Она имела 3 м в длину и $1^1/_2$ м в высоту. Вход в нее был завешен берестяным пологом. На берегу лежали две опрокинутые вверх дном лодки; одна большого размера, с каким-то странным носом вроде ковша, другая — легонькая, с заостренными концами спереди и сзади. Русские называют ее сморочкой.

Когда мы подошли поближе, две собаки подняли лай. Из юрты вышло какое-то человекоподобное существо, которое я сперва принял было за мальчишку, но серьга в носу изобличала в нем женщину. Она была очень маленького роста, как двенадцатилетняя девочка, и одета в кожаную рубашку длиной до колен, штаны, сшитые из выделанной изюбриной кожи, наколенники, разукрашенные цветными вышивками, такие же расшитые унты и красивые цветистые нарукавники. На голове у нее было белое покрывало.

Карие глаза, расположенные горизонтально, прикрывались сильно развитой монгольской складкой век, выдающиеся скулы, широкое переносье, вдавленный нос и узкие губы — все это придавало ее лицу выражение, чуждое европейцу: оно казалось плоским, пятиугольным и в действительности было шире черепа.

Женщина с удивлением посмотрела на нас, и вдруг на лице ее изобразилась тревога. Какие русские могут притти сюда? Порядочные люди не пойдут. «Это — чолдоны» [147], — подумала она и спряталась обратно в юрту. Чтобы рассеять ее подозрения, Дерсу заговорил с ней по-удэхейски и представил меня как начальника экспедиции. Тогда она успокоилась. Этикет требовал, чтобы женщина не проявляла шумно своего любопытства. Она сдерживала себя и рассматривала нас тихонько, украдкой.

Юрта, маленькая снаружи, внутри была еще меньше. В ней можно было только сидеть или лежать. Я распорядился, чтобы казаки ставили палатки.

Переход от окитаенных тазов на берегу моря к тазам, у которых еще сохранилось так много первобытного, был очень резок.

Женщина молча принялась готовить ужин. Она повесила над огнем котел, налила воды и положила в него две большие рыбины, затем достала свою трубку, набила ее табаком и принялась курить, время от времени задавая Дерсу вопросы.

Когда ужин был готов, пришел сам хозяин. Это был мужчина лет тридцати, сухощавый, среднего роста. Одет он был тоже в длинную рубашку, подвязанную пояском так, что получался напуск в талии. По всему правому борту рубашки, вокруг шеи и подолу тянулась широкая полоса, покрытая узорными вышивками. На ногах у него надеты были штаны, наколенники и унты из рыбьей кожи, а на голове белое покрывало и поверх него маленькая шапочка из козьего меха с торчащим сверху беличьим хвостиком. Красное, загорелое лицо, пестрота костюма, беличий хвостик на головном уборе, кольца и браслеты на руках делали этого дикаря похожим на краснокожего. Впечатление это еще более усиливалось, когда он, почти не обращая на нас внимания, сел у огня и молча стал курить свою трубку.

Этикет требовал, чтобы гости первые нарушили молчание. Дерсу знал это и потому спросил его о дороге и о глубине выпавшего снега. Разговор завязался. Узнав, кто мы и откуда идем, удэхеец сказал, что ему известно было, что мы должны

спуститься по Иману, — об этом он слыхал от своих сородичей, живущих ниже по реке, — и что там внизу нас давно ожидают. Это известие очень меня удивило.

Вечером жена его осмотрела нашу одежду, починила ее, где надо, и взамен изношенных унтов дала новые. Хозяин дал мне для подстилки медвежью шкуру, сверху я покрылся одеялом и скоро уснул.

Ночью я проснулся от страшного холода. Сбросив с головы одеяло, я увидел, что огня в юрте нет. В очаге тлелось только несколько угольков. Через отверстие в крыше виднелось темное небо, усеянное звездами. С другой стороны юрты раздавался храп. Очевидно, ложась спать, удэхейцы, во избежание пожара, нарочно погасили огонь. Я попробовал было плотнее завернуться в одеяло, но ничего не помогало — холод проникал под каждую складку. Я поднялся, зажег спичку и посмотрел на термометр, он показывал —17° С. Тогда я оторвал часть своей берестовой подстилки, положил ее на огонь и стал раздувать уголья. Через минуту вспыхнуло пламя. Собрав разбросанные головешки к огню, я оделся и вышел из юрты. В стороне под покровом палатки спали мои стрелки, около них горел костер. Я погрелся у огня и хотел уже было пойти назад в юрту, но в это время увидел в стороне около реки отсвет другого костра. Здесь внизу, под яром, я нашел Дерсу. Водой подмыло берег, сверху нависла большая дерновина, под ней образовалось нечто вроде ниши. В этом углублении он устроил себе ложе из травы, а впереди разложил огонь. Во рту у Дерсу была трубка, а рядом лежало ружье. Я разбудил его. Гольд вскочил и, думая, что проспал, начал спешно собирать свою котомку.

Узнав в чем дело, он тотчас же уступил мне свое место и сам поместился рядом. Через несколько минут здесь, под яром, я находился в большем тепле и спал гораздо лучше, чем в юрте на шкуре медведя.

Проснулся я тогда, когда все были уже на ногах. Бочкарев варил кабарожье мясо. Когда мы стали собираться, удэхеец тоже оделся и заявил, что пойдет с нами до Сидатуна.

За утренним чаем Г. И. Гранатман заспорил с Кожевниковым по вопросу, с какой стороны ночью дул ветер. Кожевников указывал на восток, Г. И. Гранатман — на юг, а мне казалось, что ветер дул с севера. Мы не могли столковаться и потому обратились к Дерсу. Гольд сказал, что направление ветра ночью было с запада. При этом он указал на листья тростника. Утром с восходом солнца ветер стих, а листья так и остались загнутыми в ту сторону, куда их направил ветер.

От юрты тропа стала забирать к правому краю долины и пошла косогорами на север, а потом свернула к юго-западу. Километров через десять мы опять подошли к р. Кулумбе, которая здесь разбивается на протоки и достигает ширины до 2,4 и глубины по фарватеру до 1,8 м.

В этот день мы прошли немного. По мере того как уменьшались взятые с собой запасы продовольствия, котомки делались легче, а нести их становилось труднее: лямки сильно резали плечи, и я заметил, что не я один, а все чувствовали это.

От холодного ветра снег стал сухим и рассыпчатым, что в значительной степени затрудняло движение. В особенности трудно было подниматься в гору: люди часто падали и съезжали книзу. Силы были уже не те, стала появляться усталость, чувствовалась потребность в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная дневка.

Около реки мы нашли еще одну пустую юрту. Казаки и Бочкарев устроились в ней, а китайцам пришлось спать снаружи около огня. Дерсу сначала хотел было поместиться вместе с ними, но, увидев, что они заготовляли дрова, не разбирая, какие попадались под руку, решил спать отдельно.

— Понимай нету, — говорил он. — Моя не хочу рубашка гори. Надо хорошие дрова искать.

Пустая юрта, видимо, часто служила охотникам для ночевки. Кругом нее весь сухой лес давно уже был вырублен и пожжен. Дерсу это не смутило. Он ушел поглубже в тайгу и издалека приволок сухой ясень. До самых сумерек он таскал дрова, и я помогал ему, сколько мог. Зато всю ночь мы спали хорошо, не опасаясь за палатку и за одежду.

Багровая заря вечером и мгла на горизонте перед рассветом были верными признаками того, что утром будет мороз. Так оно и случилось. Солнце взошло мутное, деформированное. Оно давало свет, но не тепло. От диска его кверху и книзу шли яркие лучи, а по сторонам были светящиеся радужные пятна, которые на языке полярных народов называются «ушами солнца».

Удэхеец, сопровождавший нас, хорошо знал эти места. Он находил тропы там, где надо было сократить дорогу. Не доходя 2 км до устья Кулумбе, тропа свернула в лес, которым мы шли еще около часа. Вдруг лес сразу кончился, и тропа оборвалась. Перед нами была р. Иман.

Теперь бросим беглый взгляд назад на р. Кулумбе. Длина ее около 60 км. Направление течения строго широтное. Вверху она слагается из трех рек: Бейцы, Нанцы и Санцазы [148]. По р. Бейце в два дня можно достигнуть перевала на Арму, а по Санцазе в три дня — до Санхобе. С правой стороны Кулумбе принимает в себя р. Янху [149], а с левой — Денанцу с шестью звероными фанзами. По этой последней в три дня китайцы выходят к истокам р. Санхобе. Еще ниже слева будет река Да-бей-ца (Большой северный приток) с перевалом на р. Нэйкуля (приток Арму).

Последними кулумбейскими притоками в нижнем течении будут реки Сяобейца [150] и Сяонанца [151].

По всей долине Кулумбе развиты глинистые сланцы, которые продолжаются и дальше по Иману. Все древнеречные террасы

состоят именно из этой породы. Весьма возможно, что сланцы эти придется отнести к архейским.

Леса по р. Кулумбе такие же, как и в верховьях Имана: в горах растет кедр с большой примесью ели, а по долине — лиственица, белая береза, осина, ива, ольха, клен, пихта, липа, ясень, тополь, ильм и черемуха, встречается и тис, но одиночными деревьями.

На старинных картах, составленных в 1854 г., река эта значится под именем Нимана. Слово это маньчжурское и означает «горный козел». Отсюда легко могло получиться и другое слово «Иман». Удэхейцы называют ее сокращенно Има, а китайцы к этому названию прибавляют еще слово «хе» (река) и получилось «Има-хе».

Кулумбе встречает Иман уже большой рекой, шириной в 100 м, глубиной в 3 м, при быстроте течения 8 км в час в малую воду. Долина Имана слагается из участков денудационных и тектонических, чередующихся между собою. Первые имеют широтное направление, вторые — меридиональное. Продолжением иманских денудационных долин будут долины притоков рр. Тхетпбе, Арму и Кулумбе.

Иман еще не замерз и только по краям имел забереги. На другом берегу, как раз против того места, где мы стояли, копошились какие-то маленькие люди. Это оказались удэхейские дети. Немного дальше в тальниках виднелась юрта и около нее амбар на сваях. Дерсу крикнул ребятишкам, чтобы они подали лодку. Мальчики испуганно посмотрели в нашу сторону и убежали. Вслед за тем из юрты вышел мужчина с ружьем в руках. Он перекинулся с Дерсу несколькими словами и затем переехал в лодке на нашу сторону.

Удэхейская лодка — длинный плоскодонный челнок, настолько легкий, что один человек может без труда вытащить его на берег. Передняя часть его тупая, но дно выдается вперед, оно расширено и загнуто кверху, так что получается нечто вроде ковша или лопаты, вследствие чего вся лодка кажется несуразной. Благодаря такой конструкции, она не разрезает воду, а, так сказать, взбирается на нее. Имея центр тяжести высоко поднятый, она кажется очень валкой. Когда мы вошли в лодку, она так закачалась, что я невольно ухватился руками за борта. Но как только мы успокоились и отчалили от берега, я убедился, насколько она была устойчива. Удэхеец управлял ею при помощи длинного шеста, стоя на ногах. Сильными толчками он продвигал лодку против воды, течение относило ее в сторону и постепенно прибивало к противоположному берегу.

Наконец, мы пристали к тому месту, где была юрта, и высадились на лед. Навстречу нам вышли женщина и трое ребятишек. Они испуганно прятались за свою мать. Пропустив нас, женщина тоже вошла в юрту, села на корточки у огня и закурила трубку, а дети остались на улице и принялись укладывать рыбу

в амбар. В юрте было множество щелей. В них свистал ветер. По середине помещения горел огонь. Время от времени ребятишки забегали в юрту и грели у огня свои озябшие ручонки. Я удивлялся, как легко они были одеты: с открытой грудью, без рукавиц и без головного убора, они работали и, казалось, нимало не страдали от стужи. Если который-нибудь из них дольше других засиживался у огня, отец прикрикивал на него и выгонял вон.

— Он озяб, — сказал я Дерсу и просил его перевести слова мои удэхейцу.

— Пусть привыкает, — отвечал тот, — иначе умрет с голоду.

С этим нельзя было не согласиться. Кому приходится иметь дело с природой и пользоваться дарами ее в сыром виде, тому надо быть в общении с ней даже тогда, когда она не ласкает.

Я принялся расспрашивать удэхейца об Имане и узнал, что в верхнем течении река имеет направление течения параллельно Сихотэ-Алиню, причем истоки ее находятся на высоте истоков р. Тетюхе. Странное явление! Вода сбегает с водораздела в каких-нибудь 60 км от моря, течет на запад, совершает длинный кружный путь для того, чтобы в конце концов попасть в то же море.

Верховья Имана покрыты густыми смешанными лесами. Трудно себе представить местность более пустынную и дикую. Только в начале зимы она немного оживает. Сюда перекочевывают прибрежные китайцы для соболевания, но долго не остаются: они боятся быть застигнутыми глубокими снегами и потому рано уходят обратно.

Расспросив удэхейцев о дороге, мы отправились дальше и очень скоро дошли до того места, где Иман поворачивает на северо-запад. Здесь в углу с левой стороны примыкает к реке большая поляна. Она длиной 5 км и шириной около 2 км. В конце ее находятся четыре фанзы. Это и есть китайский охотничий поселок Сидатун [152]. На другой стороне Имана живут удэхейцы (пять семейств) в трех юртах. У них я и остановился.

На Сидатуне мы простояли с 27 по 30 октября. За это время я успел осмотреть поселок и ознакомиться со всеми его обитателями. Это были большею частью различные преступники, беглые, уклоняющиеся от суда, и искатели приключений, бурные страсти которых не знали пределов. Они ничего не делали, курили опий, пили водку, играли в кости, ссорились и ругались между собой. Обитатели каждой фанзы делились на три группы: хозяев, работников и бездельников, живущих на средства, добытые грабежами и убийствами. Я вспомнил Чжан-Бао. Он предупреждал меня не доверяться китайцам на Сидатуне.

Как и везде, местное туземное население находилось в полном порабощении. Не имея никакого понятия о письменности, удэхейцы совершенно не знали, кто из них сколько должен китайцам. Последние численностью превосходили их раз

в двадцать, если не больше. Тут можно было видеть рабство в буквальном смысле этого слова. Так, например, удэхеец Сиба-юн за то, что к указанному сроку не доставил определенного числа соболей, был так избит палками, что на всю жизнь остался калекой. Жену и дочь у него отобрали, а самого его продали за 400 рублей в качестве бесплатного работника другому китайцу.

Наблюдая все это, я горел негодованием. Но что могли сделать мы вшестером, находясь среди многочисленных и хорошо вооруженных людей! Я обещал помочь удэхейцам тотчас, как только возвращусь в Хабаровск.

31-го числа морозы заметно усилились, по реке плыл лед. Несмотря на это, удэхейцы решили везти нас на лодке, сколько это будет возможно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ТЯЖЕЛОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Плавание по р. Иману. — Пороги. — Ледоход. — Крушение лодки. — Р. Арму. — Р. Синанца. — Голодовка. — Остатки медвежьей трапезы. — Лапша из кожи. — Утомление. — Ли Тан-куй. — Ночное приключение в Сянь-ши-хеза. — Волнение удэхейцев. — Стойбище Вагунбе. — Восстание туземцев. — Пение шамана.

Первого ноября рано утром мы покинули Сидатун и поплыли вниз по Иману.

К плаванию по горным рекам удэхейцы привыкают с детства. Надо далеко смотреть вперед, надо знать, где следует придержать лодку, где повернуть ее носом против воды или, наоборот, разогнать елико возможно и проскочить опасное место. Все это надо учитывать и быстро принимать соответствующие меры. Малейший промах — и лодка, подхваченная быстрым течением, в один миг будет разбита о камни. На порогах вода находится в волнении, лодка качается, и потому сохранять равновесие в ней еще труднее. Для нас трудность плавания увеличивалась еще тем, что по реке плыл лед и фарватер ее был стеснен заберегами. Льды заставляли плыть не там, где нам хотелось, а там, где это было возможно. Особенно это было заметно в тех случаях, когда порог находился на месте поворота. Чем больше увеличивались забереги, тем быстрее становилось течение по середине реки.

От Сидатуна долина р. Имана носит резко выраженный денудационный характер. Из мелких притоков ее в этом месте замечательны: с правой стороны Дандагоу [153] (с перевалом на Арму), потом — Хуангзегоу [154] и Юлигоу [155], далее — Могеудзгоу [156] и Туфангоу [157].

Немного ниже Сидатуна можно наблюдать высокие древнеречные террасы, слагающиеся из сильно перемятых глинистых сланцев, среди которых попадаются слои красновато-бурых песчаников с прожилками кварца. За террасами километрах в десяти от реки высится гора Янмудинцзы [158].

По рассказам удэхейцев, китайцы тайком моют там золото.

По пути около устьев рр. Мацангоу [159], Сыфангоу [160] и Гадала виднелись пустые удэхейские летники. В некоторых местах рыба еще не была убрана. Для окарауливания ее от ворон туземцы оставили собак. Последние несли сторожевую службу очень исправно. Каждый раз, как только показывались пернатые воровки, они бросались на них с лаем и отгоняли прочь.

Леса, растущие по Иману, превосходного качества. В горах преимущественно — кедровики и пихтачи, в долине преобладают лиственные породы.

На Имане, как на всех горных речках, много порогов. Один из них, тот самый, который находится на половине пути между Сидатуном и р. Арму, считается самым опасным. Здесь шум воды слышен еще издали, уклон дна реки заметен прямо на-глаз. С противоположного берега нависла скала. Вода с пеной бьет под нее. От брызг она вся обмерзла.

Удэхейцы задержали лодку и посоветовались между собой, затем поставили ее поперек воды и тихонько стали спускать по течению. В тот момент, когда сильная струя воды понесла лодку к скале, они ловким толчком вывели ее в новом направлении. По глазам удэхейцев я увидел, что мы подвергались большой опасности. Спокойнее всех был Дерсу. Я поделился с ним своими впечатлениями.

— Ничего, капитан, — отвечал он мне. — Удэхе все равно рыба. Шибко хорошо понимай в лодке ходи. Наша так не могу.

Чем дальше, тем плыть было труднее. Льдов становилось больше, забереги делались шире.

Вся эта часть Имана покрыта хвойно-смешанным лесом: на островах преобладают лиственные породы с примесью стрсевого кедра, а по берегам реки и по галечниковым отмелям — заросли тальника, дающего неисчерпаемый материал туземцам для лыж, юрт, острог, нарт и т. д.

На лодках нам удалось проехать немного. Начавшая с утра хмуриться погода опять разразилась пургой. Удэхейцы очень искусно лавировали между льдами, отталкивая их в сторону шестами. За р. Гадала Иман делает крутой поворот. Здесь скопилось

много пловучего льда. Посредине шел узкий проход. Был ли он сквозной или замыкался — этого не знали наши проводники. Удэхейцы задержали лодку и обратились ко мне с вопросом, рисковать или нет. Путешествие с котомкой на плечах до того надоело, что я решил попытать счастье. Дерсу начал было меня отговаривать, но я не согласился с ним, думая, что в случае неудачи нам все же удастся выбраться на берег. Стоять на одном месте долго было нельзя. Мы тронулись вперед, но не успели сделать и 40 м, как увидели, что проход был закрыт. Дальше шел сплошной лед. Подходить к нему вплотную было опасно. Если нашу тяжело нагруженную лодку течение прижало бы ко льду, она сразу наполнилась бы водой. Надо было спешно выходить назад, но это оказалось не так просто. Повернуть лодку в узком проходе тоже было нельзя. Пришлось двигаться кормой против воды. Как на грех, мы находились на самом фарватере, и шесты едва доставали дна. С большими усилиями мы прошли половину. Вдруг один удэхеец что-то закричал. По тревожному тону его голоса я понял, что нам грозит опасность, и оглянулся назад. Навстречу нам неслась огромная льдина. Она должна была закупорить проход раньше, чем мы успеем из него выйти. Удэхейцы напрягли все свои силы, но льдина не ждала. Она с шумом ударила об один край прохода и затем о другой. В это время случилось еще худшее, то, чего мы вовсе не ожидали. От сильных толчков все льды пришли в движение. Проход начал суживаться.

— Лед скоро лодку ломай! — закричал Дерсу не своим голосом. — Скорей надо ходи!

Он выскочил из лодки и по пловучему льду побежал к берегу, таща за собой веревку. Раза два он проваливался, но скоро опять взбирался на лед. К счастью, до берега было недалеко. Следуя его примеру, выскочили и казаки. Кожевников и Бочкарев достигли берега благополучно, но Мурзин провалился. Он начал карабкаться на льдину, но она перевернулась. Чем больше он карабкался, тем глубже погружался в воду. Еще минута, и он опустился бы на дно. Тогда на выручку ему бросился Дерсу. Был момент, когда он сам мог погибнуть. В это время я вместе с орочами перебирался с одной льдины на другую. Мы тащили лодку и в то же время держались за нее. К счастью, нос лодки скоро оказался вблизи Дерсу и Мурзина, и это спасло их обоих. Лодка опять загрузла. Она стала поперек реки, ее повлекло по течению вместе со льдом. Тогда мы стали бросать на берег наши котомки и затем вылезли сами. Через несколько минут лодку прижало к утесу. Словно живое существо, она некоторое время еще сопротивлялась льдам и вздрагивала, потом вдруг треснула и сломалась пополам. Раздался еще один хруст, из воды показался один обломок, и затем все исчезло.

Выбравшись на берег, первое, что́ мы сделали, — разложили костер. Надо было обсушиться. Кто-то подал мысль, что следует

согреть чай и поесть. Начали искать мешок с продовольствием, но его не оказалось. Не досчитались также одной винтовки. Нечего делать, мы закусили тем, что было у каждого в кармане, и пошли дальше. Удэхейцы говорили, что к вечеру мы дойдем до фанзы Сехозегоуза. Там в амбаре они надеялись найти мороженую рыбу.

В сумерки мы действительно дошли до фанзы. Она оказалась пустой. В амбаре ее казаки нашли две сухие рыбины. Пришлось довольствоваться этим скудным ужином.

От горного ключа Таухомиору [161] Иман поворачивает на северо-запад и делает большую петлю. Здесь он принимает в себя с правой стороны один из самых больших своих притоков — Арму. Река эта длиной более 160 км имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, на широте мыса Арка. В верховьях она слагается из трех речек, каждая длиной километров по тридцати. От места слияния их Арму направляется на запад, потом круто поворачивает на север, затем склоняется к юго-западу и, наконец, в нижнем течении снова принимает широтное направление. Уже из этой схемы видно, что долина Арму состоит из ряда продольных и поперечных долин. Последние являются наиболее извилистыми. Некоторые извилины описывают почти полную окружность. При знании местности зимой можно пользоваться перешейками и значительно сокращать дорогу.

Ширина р. Арму в нижнем течении около 80 м, глубина от 2 до 3 м, быстрота течения 10 км в час. В долине Арму сильно развиты речные террасы. Особенно их много в среднем течении реки, преимущественно с левой стороны. Террасы эти высотой до 10 м, основание их массивное и состоит из плотных глинистых сланцев, поверх которых лежит мощный слой наносного обломочного материала.

В двух километрах от устья ее с правой стороны издавна живут удэхейцы. Стойбище их состоит из четырех фанз. В 1906 г. их тут было только 15 человек обоего пола. В одном переходе от Арму, ниже по Иману, есть другое удэхейское стойбище Лаолю с населением в восемь человек. Лаолю представляет собой поляну с правой стороны реки длиной 4 км и шириной $1^1/_2$ км.

После принятия в себя Арму Иман вдруг суживается и течет без протоков в виде одного русла шириной от 80 до 100 м, отчего быстрота течения его значительно увеличивается. Здесь горы подходят вплотную к реке и теснят ее то с одной, то с другой стороны. На всем этом протяжении преобладающая горная порода — все те же глинистые сланцы.

От места нашей стоянки до Арму, по словам проводников, было три дня хода. Но можно сократить расстояние, если пересечь иманскую петлю напрямик горами. Тогда можно выйти прямо к местности Сянь-ши-хеза, находящейся ниже Арму по течению километров на пятьдесят. Ввиду недостатка в про-

довольствии, сокращение пути теперь было особенно важно. Удэхейцы обещали проводить нас до того места, где нужно было свернуть с Имана, а дальше мы должны были итти сами, без провожатых.

На следующий день к полудню (2 ноября) мы дошли до р. Хутадо, текущей по кривой от запада к югу. По ней нам надлежало подняться до перевала через горный хребет, являющийся причиной петли Имана. Эта речка длиной 3,5 км. Подъем на хребет и спуск с него одинаковой крутизны, приблизительно в 30°, а высота перевала относительно Имана равна 350 м.

Теперь перед нами были два ключа: один шел к северу, другой — к западу. Нам, вероятно, следовало итти по правому, но я по ошибке взял северное направление. Сейчас же за перевалом мы стали на бивак, как только нашли дрова и более или менее ровное место.

Утром 3 ноября мы съели последнюю юколу и пошли в путь с легкими котомками. Теперь единственная надежда осталась на охоту. Поэтому было решено, что Дерсу пойдет вперед, а мы, чтобы не пугать зверя, пойдем сзади шагах в трехстах от него. Наш путь лежал по неизвестной нам речке, которая, насколько это можно было видеть с перевала, текла на запад.

Мы все надеялись, что Дерсу убьет что-нибудь, но напрасно. Выстрелов не было слышно. После полудня долина расширилась. Здесь мы нашли маленькую, едва заметную тропинку. Она шла влево на север, пересекая кочковатое болото.

Голод давал себя чувствовать. Все шли молча, никто не хотел разговаривать. Вдруг я увидел Дерсу: он тихонько переходил с места на место, нагибался и что-то подбирал с земли. Я окликнул его. Он махнул мне рукой.

— Ты что нашел? — спросил его Г. И. Гранатман.

— Медведь кушай рыбу, — отвечал он, — голова бросай, моя подбирай.

В самом деле, на снегу валялось много рыбьих голов. Видно было, что медведи приходили сюда уже после того, как выпал снег.

«На безрыбьи и рак рыба». Во время голодухи можно покормиться и медвежьими объедками. Все дружно принялись за работу, и через четверть часа у людей все карманы были набиты рыбьими головами.

Увлеченные работой, мы не заметили, что маленькая долина привела нас к довольно большой реке. Это была Синанца с притоками Даягоу [162], Маягоу [163] и Пилигоу [164]. Если верить удэхейцам, то завтра к полудню мы должны будем дойти до Имана.

Перейдя на другую сторону реки, мы устроили бивак в густом хвойном лесу. Какими вкусными нам показались рыбьи головы! Около некоторых голов было еще много мяса, такие головы были счастливыми находками. Мы разделили их поровну между собой и поужинали вкусно, но не сытно.

Ночью температура сильно понизилась, но так как в дровах не было недостатка, то мы спали хорошо.

Многим из нас в ту ночь снились пироги и разные закуски.

Утром 4 ноября мы встали голодными.

Теперь путь наш лежал вниз по р. Синанце. Она течет по широкой межскладчатой долине в меридиональном направлении с некоторым склонением на восток. Река эта очень извилиста. Она часто разбивается на протоки и образует многочисленные острова, поросшие тальниками. Ширина ее 40—50 м и глубина 36—45 м. Леса, растущие по обеим сторонам реки, смешанные, со значительным преобладанием хвои.

Я заметил, что в этих местах снега было гораздо больше, чем на р. Кулумбе. Глубина его местами доходила почти до колен. Итти по такому снегу было трудно. В течение часа удавалось сделать километра два, не больше.

Расчет на охоту не оправдался, не оправдались также надежды найти опять рыбьи головы. Казак Кожевников один раз видел кабаргу и стрелял в нее, но промахнулся.

Судя по времени, мы уже должны были дойти до Имана. За каждым поворотом я рассчитывал увидеть устье Синанцы, но дальше шел лес, потом опять поворот, опять лес и т. д.

В сумерки мы достигли маленького балагана, сложенного из корья. Я обрадовался этой находке, но Дерсу остался ею недоволен. Он обратил мое внимание на то, что отсутствие каких бы то ни было предметов таежного обихода свидетельствовало о том, что балаган этот служит путникам только местом ночевок и, следовательно, до р. Имана было еще не менее перехода.

Голод сильно мучил людей. Тоскливо сидели казаки у огня, вздыхали и мало говорили между собой. Я несколько раз принимался расспрашивать Дерсу о том, не заблудились ли мы, правильно ли мы идем. Но он сам был в этих местах первый раз, и все его соображения основывались лишь на догадках. Чтобы как-нибудь утолить голод, казаки легли раньше спать. Я тоже лег, но мне не спалось. Беспокойство и сомнения мучили меня всю ночь. Если завтра мы ничего не убьем и не дойдем до Имана — будет плохо. Летом без пищи можно продержаться несколько дней, но зимой голодные легко замерзают.

Утром Дерсу проснулся раньше всех и разбудил меня. Снова появились опасения за предстоящий путь. Надо итти, пока еще есть возможность, пока еще двигаются ноги. Но едва мы тронулись в путь, как я почувствовал, что силы уже не те: котомка показалась мне вдвое тяжелее, чем вчера, через каждые полкилометра мы садились и отдыхали. Хотелось лежать и ничего не делать. Плохой признак. Так пробились мы до полудня и прошли очень мало. Не было сомнения, что при таких условиях дойти до Имана нам не удастся и сегодня. По пути мы раза два стреляли мелких птиц и убили трех поползней и одного дятла, но что значили эти птицы для пяти человек!

Между тем погода начала хмуриться, небо опять заволокло тучами. Резкие порывы ветра подымали снег с земли. Воздух был наполнен снежной пылью, по реке кружились вихри. В одних местах ветром совершенно сдуло снег со льда, в других, наоборот, намело большие сугробы. За день все сильно прозябли. Наша одежда износилась и уже не защищала от холода.

С левой стороны высилась скалистая сопка. К реке она подходила отвесными обрывами. Здесь мы нашли небольшое углубление вроде пещеры и развели в нем костер. Дерсу повесил над огнем котелок и вскипятил воду. Затем он достал из своей котомки куски изюбровой кожи, опалил ее на огне и стал ножом мелко крошить, как лапшу. Когда кожа была изрезана, он высыпал ее в котелок и долго варил. Затем он обратился ко всем со следующим словами:

— Каждый люди надо кушай. Брюхо обмани. Силы маломало прибавляй. Потом надо скоро ходи. Отдыхать не могу. Когда сегодня солнце кончай, наша Иман найди есть.

Уговаривать никого не нужно было. Каждый готов был глотать все, что угодно. Хотя кожа варилась долго, но она была все же настолько тверда, что не поддавалась зубам. Дерсу не советовал есть много и останавливал жадных, говоря:

— Не надо много есть — худо!

Через полчаса мы снялись с привала. Действительно, съеденная кожа хотя и не утолила голода, но дала желудку механическую работу. Каждый раз, как кто-нибудь отставал, Дерсу начинал ругаться.

День уже кончился, а мы все шли. Казалось, что р. Синанце и конца не будет. За каждым поворотом открывались все новые и новые плесы. Мы еле волочили ноги, шли, как пьяные, и если бы не уговоры Дерсу, то давно стали бы на бивак. Часов в шесть вечера появились первые признаки близости жилья, следы лыж и нарт, свежие порубки, пиленые дрова и т. д.

— Иман далеко нету, — сказал Дерсу довольным голосом.

Все почувствовали прилив энергии и пошли бодрее. Как бы в ответ на его слова впереди послышался отдаленный собачий лай. Еще один поворот, и мы увидели огоньки. Это было китайское селение Сянь-ши-хеза [165].

Через четверть часа мы подходили к поселку. Я никогда не уставал так, как в этот день. Дойдя до первой фанзы, мы вошли в нее и, не раздеваясь, легли на кан. Не хотелось ни есть, ни пить, ни говорить, хотелось только лежать.

Естественно, что наше появление вызвало среди китайцев тревогу. Хозяин фанзы волновался больше всех. Он тайком послал куда-то рабочих. Спустя некоторое время в фанзу пришел еще один китаец. На вид ему было лет тридцать. Он был среднего роста, коренастого сложения и с типично выраженными монгольскими чертами лица. Наш новый знакомый был одет заметно лучше других. Держал он себя очень развязно и имел

голос крикливый. Обратился к нам на русском языке и стал расспрашивать, кто мы такие и куда идем. Речь его была чистая, правильная, неоверканная, слова свои он часто пересыпал русскими пословицами. Затем он стал уговаривать нас перейти к нему в фанзу, назвал себя Ли Тан-куем, сыном Ли Чин-фу, говорил, что его дом лучший во всем поселке, а фанза, в которой мы остановились, принадлежит бедняку и т. д. Затем он вышел на улицу и о чем-то долго шептался с хозяином фанзы. Последний подошел ко мне и тоже стал просить, чтобы мы перешли к Ли Тан-кую. Нечего делать, пришлось уступить. Откуда-то взялись рабочие, которые успели уже перенести наши вещи. Когда мы шли по тропе, Дерсу тихонько дернул меня за рукав и сказал:

— Его шибко хитрый люди. Моя думай, его обмани хочу. Сегодня моя спи не буду.

Мне самому китаец этот казался подозрительным, и очень не нравились его заискивания и фамильярность.

Селение Сянь-ши-хеза расположено на правом берегу Имана. Здесь были 22 китайские фанзы с населением в 196 человек. На другом конце поляны около леса находилось брошенное удэхейское стойбище, состоявшее из 8 юрт. Все удэхейцы в числе 65 человек (21 мужчина, 12 женщин и 32 детей) бросили свои жилища и ушли на Вагунбе.

Минут через пять мы подошли к дому Ли Тан-куя. Вокруг него стояло несколько фанз для рабочих и охотников, а за ними виднелись амбары, кузница, сарай, конюшня и т. д. Мы вошли. Хозяин хотел было меня и Г. И. Гранатмана поместить в своей комнате, но я настоял на том, чтобы казаки и Дерсу ночевали вместе со мной. После этого Ли Тан-куй принялся нас угощать. Каким вкусным показался нам чай с лепешками, испеченными на бобовом масле! На время мы даже забыли свои подозрения. Когда я утолил первые признаки голода, опасения появились вновь. Ли Тан-куй хотя и угощал нас, но в этом угощении не было радушия: в каждом движении его сквозила какая-то задняя мысль. Дерсу все время осторожно следил за ним. Я решил тоже не спать, но не в силах был преодолеть усталость. После ужина я почувствовал, что веки мои слипаются сами собой; незаметно для себя я погрузился в глубокий сон.

Ночью я проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо. Я быстро вскочил на ноги. Рядом со мной сидел Дерсу. Он сделал мне знак, чтобы я не шумел, и затем рассказал, что Ли Тан-куй давал ему деньги и просил его уговорить меня не ходить к удэхейцам на Вагунбе, а обойти юрты их стороной, для чего обещал дать специальных проводников и носильщиков. Дерсу отвечал ему, что это не от него зависит. После этого он, Дерсу, лег на кан и притворился спящим. Ли Тан-куй выждал, когда, по его мнению, Дерсу уснул, тихонько вышел из фанзы и куда-то уехал верхом на лошади.

— Надо наша завтра на Вагунбе ходи. Моя думай, там что-то худо есть, — закончил он свой рассказ.

В это время снаружи послышался конский топот. Мы сунулись на свои места и притворились спящими. Вошел Ли Тан-куй. Он остановился в дверях, прислушался и, убедившись, что все спят, тихонько разделся и лег на свое место. Вскоре я опять заснул и проснулся уже тогда, когда солнце было высоко на небе.

Проснулся я от какого-то шума и спросил, что случилось. Казаки доложили мне, что к фанзе пришло несколько удэхейцев. Я оделся и вышел к ним на улицу. Меня поразила та неприязнь, с какой они на меня смотрели.

После чая я объявил, что пойду дальше. Ли Тан-куй стал уговаривать меня, чтобы я остался еще на один день, обещал заколоть чушку и т. д. Дерсу в это время подмигнул мне, чтобы я не соглашался. Тогда Ли Тан-куй начал навязывать своего проводника, но я отказался и от этих услуг. Как ни хитрил Ли Тан-куй, но обмануть ему нас не удалось.

От Сянь-ши-хезы тропа идет по правому берегу реки у подножья высоких гор. Километра через два она опять выходит на поляну, которую местные китайцы называют Хозенгоу [186]. Поляна эта длиной 5 км и шириной от одного до 3 км. На Хозенгоу я насчитал 19 фанз, в которых живет около 200 китайцев.

Все иманские китайцы хорошо вооружены и живут очень зажиточно. Они относились к нам крайне враждебно. На мои вопросы о дороге и о численности населения они отвечали грубо: «Бу чжи дао» (т. е. не знаю), а некоторые говорили прямо: «Знаю, да не скажу».

Немного дальше и несколько в стороне было удэхейское стойбище Вагунбе, состоящее из 4 фанз и юрт. По сведениям, здесь обитало 85 удэхейцев (29 мужчин, 19 женщин и 37 детей).

Когда мы подходили к их жилищам, они все высыпали нам навстречу. Удэхейцы встретили меня далеко не дружелюбно и не пригласили даже к себе в юрты.

Первый вопрос, который они задали мне, был такой: почему я ночевал в доме Ли Тан-куя? Я ответил им и, в свою очередь, спросил их, почему они так враждебно ко мне относятся. Удэхейцы ответили, что давно ждали меня и вдруг узнали, что я пришел и остановился у китайцев на Сянь-ши-хеза.

Скоро все объяснилось: оказалось, что здесь произошла целая трагедия. Китаец Ли Тан-куй был цайдуном долины Имана, эксплоатировал туземцев и жестоко наказывал их, если они к назначенному времени не доставляли определенного числа мехов. Многие семьи он разорил совершенно, женщин насиловал, детей отбирал и продавал за долги. Наконец, двое из удэхейцев, Масенда и Сомо, из рода Кялондига, выведенные из терпения, поехали в Хабаровск с жалобой к генерал-губернатору. Последний обещал им помочь и между прочим сказал, что я должен притти на Иман со стороны моря. Он велел им обратиться ко

мне, полагая, что на месте я легко разберусь с этим вопросом. Удэхейцы вернулись, сообщили сородичам о результатах своей поездки и терпеливо стали ждать моего прихода. О поездке Сомо и Масенды узнал Ли Тан-куй. Тогда для примера другим он приказал избить жалобщиков палками. Один из них умер во время наказания, а другой хотя и выжил, но остался калекой на всю жизнь. Тогда в Хабаровск поехал брат убитого Гулунга. Ли Тан-куй велел его схватить и заморозить в реке. Узнав об этом, удэхейцы решили с оружием в руках защищать товарища. Создалось осадное положение. Уже две недели туземцы сидели на месте, не ходили на охоту и, за недостатком продовольствия, терпели нужду. Вдруг до них дошла весть, что я пришел на Сянь-ши-хеза и остановился в доме Ли Тан-куя. Я объяснил им, что мне ничего не было известно из того, что случилось на Имане, и что, придя в Сянь-ши-хеза, я до того был утомлен и голоден, что, не разбирая, воспользовался первой попавшейся фанзой.

Вечером все старики собрались в одну юрту. На совете решено было, что по прибытии в Хабаровск я обо всем доложу начальству, буду просить оказать помощь туземцам.

Когда старики разошлись, я оделся и вышел из юрты. Кругом было так темно, что в двух шагах нельзя было рассмотреть человека. О местонахождении удэхейских жилищ можно было только узнать по искрам и клубам дыма, которые вырывались из отверстия в крышах. Вдруг в тихом вечернем воздухе пронеслись странные звуки: то были удары в бубен, и вслед за тем послышалось пение, похожее на стон и плач. В этих звуках было что-то жуткое и тоскливое. Как волны, они неслись в стороны и таяли в холодном ночном воздухе. Я окликнул Дерсу. Он вышел и сказал мне, что в самой крайней юрте шаман лечит больного ребенка. Я отправился туда, но у самого входа в юрту натолкнулся на старуху, она загородила мне дорогу. Я понял, что присутствие мое при камлании [167] нежелательно, и пошел назад по тропе.

В той стороне, где находились китайские фанзы, виднелись огоньки. Я почувствовал, что прозяб, вернулся в юрту и стал греться у костра.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ОТ ВАГУНБЕ ДО ПАРОВОЗИ

Проводы.— Р. Тайцзибери. — Картун. — Враждебное настроение китайцев.— Отказ в ночлеге.— Ориентировка при помощи обоняния.— Лофанга.— Мяолин.— Буйный хозяин.— Паровози.— Р. Нейцухе.— Село Котельное.— Колесная дорога. — Угощение в деревне Гоголевке.— Нижнее течение р. Имана.— Услуга попутчика.— Расставание с Дерсу.— Станция Иман. — Возвращение в Хабаровск.

На следующий день утром (8 ноября) мы продолжали наш путь.

Все удэхейцы пошли нас провожать. Эта толпа людей, пестро одетых, с загорелыми лицами и беличьими хвостиками на головных уборах, производила странное впечатление. Во всех движениях ее было что-то дикое и наивное.

Мы шли в середине, старики рядом, а молодежь бежала по сторонам, увлекаясь следами выдр, лисиц и зайцев. На конце поляны туземцы остановились и пропустили меня вперед. Из толпы вышел седой старик. Он подал мне коготь рыси и велел положить его в карман для того, чтобы я не забыл просьбы их относительно Ли Тан-куя. После этого мы расстались, удэхейцы вернулись назад, а мы пошли своей дорогой.

От устья Синанцы Иман изменяет свое направление и течет на север до тех пор, пока не достигнет р. Тхетибе. Приток этот имеет три названия: гольды называют его Текибира, удэхейцы —

Тэгибяза, русские — Тайцзибери. Отсюда Иман опять поворачивает на запад, какое направление и сохраняет уже до впадения своего в Уссури. Эта часть долины р. Имана тоже слагается из ряда денудационных и тектонических участков, чередующихся между собой. Такого рода долины особенно часто встречаются в Приамурском крае.

Между рр. Синанцой и Тхетибе Иман принимает в себя с левой стороны в последовательном порядке следующие притоки Ташидохе [168] (длиной в 50 км) и Хейсынгоу [169] (10 км). Между их устьями есть гора Ломаза-Цзун [170], далее будут — речка Мыдагоуза [171] (6 км) и гора того же имени и, наконец, речка Сяо-Шибахе [172] (25 км). С правой стороны в том же последовательном порядке будут: Вагунбе (40 км) с притоком Тайгоу [173] (6 км) и Цуцувайза (15 км).

Река Тайцзибери длиной 100 км, она очень порожиста, завалена буреломом; в верхней части течет с востока на запад и только вблизи устья склоняется к югу. Вся долина покрыта густыми хвойно-смешанными лесами. В нижнем течении Тайцзибери имеет следующие притоки: с правой стороны Цологоузу [174] (12 км), Чанцзуйзу [175], с горой того же имени, и Сибичу [176]; потом следуют: Ханихеза [177], Бэйлаза [178] и Динанца. Сибича образуется из слияния Сяо-Сибичи [179] и Санчазы [180] и имеет течение в среднем 9 км в час, глубину около 1,5 м и ширину близ устья 50 м. Если итти вверх по правой речке, то можно в два дня выйти на р. Бейцухе [181], по второй — в четыре дня на Шитохе [182] (верхний приток Бикина). С левой стороны в р. Тайцзибери впадают: Нанца (25 км), Тяпогоу [183] (20 км), Цамцагоуза [184] (30 км), Поумазыгоу [185] (12 км) и Талингоуза [186] (40 км). Между устьями третьей и четвертой рек находится довольно высокая гора, которую местные китайцы называют Логозуйза.

После принятия в себя Тайцзибери Иман поворачивает на запад. Здесь он шириной около 140 м, глубиной 3—4 м. Дальше с левой стороны в него впадают две маленькие речки: Шаньдапоуза [187] (8 км) и Кауланьтунь [188] (15 км). Последнюю китайцы называют Динзахе (Золотая река).

Летом, когда идешь по лесу, надо внимательно смотреть, чтобы не потерять тропу. Зимой, покрытая снегом, она хорошо видна среди кустарников. Это в значительной степени облегчило мне съемку.

Тропа все время придерживалась реки и взбиралась на горы только там, где нельзя миновать береговых обрывов. Долина Имана не везде одинаковой ширины: то она расширяется до трех и более километров, то суживается так, что оставляет только проход для реки.

Иман мало где течет одним руслом, чаще он разбивается на протоки. Некоторые из них имеют значительную длину и далеко отходят в сторону. Из них наиболее замечательны: Тагоуза [189], Наллю и Картунская.

За эти дни мы очень утомились. Хотелось остановиться и отдохнуть. По рассказам удэхейцев, впереди было большое китайское селение Картун. Там мы думали продневать, собраться с силами и, если возможно, нанять лошадей. Но нашим мечтам не суждено было сбыться.

В промежутке между реками Динзахе и Картуном Иман принимает в себя много больших и малых притоков, которые имеют следующие названия: с правой стороны — Яумуга (25 км), Логозуйза[190] (2 км) и Вамбалаза, т. е. «черепашья скала» (25 км). Скалистые горы около Картуна носят то же название. Если смотреть на них в профиль со стороны Имана, то контуры их действительно напоминают черепаху. По рассказам удэхейцев, в горах между Логозуйза и Вамбалаза есть золото. С левой стороны в Иман впадают — Каулентун (10 км), Сядопоуза (15 км), Чулагоу (40 км), Тундагоу (50 км), Тазыгоу[191] (15 км) и Хоамихеза[192] (12 км).

Картун, собственно, представляет собой большую котловину в 6 км длиной и 3 км шириной. Здесь насчитываются 42 китайские фанзы с населением в 575 мужчин, 3 женщины и 9 детей.

Местность Картун можно считать границей, где кончаются смешанные и начинаются широколиственные леса. Горы в стороне от реки покрыты кедровым лесом, который зимой резко выделяется своей темной хвоей.

День кончился, когда мы подошли к Картуну. Солнце только что успело скрыться за горизонтом. Лучи его играли еще в облаках и этим отраженным сиянием освещали землю. В стороне около речки виднелись китайские фанзы. Они прятались за елками, точно хотели укрыться от глаз случайных прохожих. Мы направились к ним.

Слово «картун» (вероятно «гао-ли-тунь») означает «корейский поселок». Рассказывают, что здесь в протоках раньше добывали много жемчуга. По другому толкованию «картун» означает «ворота». Действительно, на западе за Картуном долина опять суживается. С левой стороны к реке подходят горы Хынхуто[193], а справа длинный отрог Вамбалазы.

Более зажиточных фанз, чем в Картуне, я нигде не видывал. Они были расположены на правом берегу реки и походили скорее на заводы, чем на жилые постройки.

Я зашел в одну из них. Китайцы встретили меня враждебно. До них уже долетели вести о том, кто мы и почему удэхейцы нас сопровождают. Неприятно быть в доме, когда хозяева нелюбезны. Я перешел в другую фанзу. Там нас встретили еще хуже, в третьей мы не могли достучаться, в четвертой, пятой, десятой нам был оказан такой же прием. Против рожна не пойдешь. Я ругался, ругались казаки, ругался Дерсу, но делать было нечего. Оставалось только покориться. Ночевать около фанз мне не хотелось. Поэтому я решил итти дальше, пока не найду место, подходящее для бивака.

Настал вечер. Красивое сияние на небе стало блекнуть. Кое-где зажглись звезды.

Китайские фанзы остались далеко позади, а мы все шли. Вдруг Дерсу остановился и, закинув назад голову, стал нюхать воздух.

— Погоди, капитан, — сказал он. — Моя запах дыма найди есть. Это удэхе, — сказал он через минуту.

— Почему ты знаешь? — спросил его Кожевников. — Может быть, китайская фанза?

— Нет, — говорил Дерсу, — это удэхе. Китайская фанза большой труба есть: дым высоко ходи. Из юрты дым низко ходи. Удэхе рыбу жарят.

Сказав это, он уверенно пошел вперед. Порой он останавливался и усиленно нюхал воздух. Так прошли мы пятьдесят шагов, потом сто, двести, а обещанной юрты все еще не было видно. Усталые люди начали смеяться над стариком. Дерсу обиделся.

— Ваша хочу тут спи, а моя хочу юрта ходи, рыбу кушай, — отвечал он спокойно.

Я последовал за ним, а следом за мной пошли и казаки. Минуты через три мы, действительно, подошли к удэхейскому стойбищу. Тут были две юрты. В них жили 9 мужчин и 3 женщины с 4 детьми. Войдя в одну из юрт, я увидел женщин, поджаривающих на огне рыбу. Очевидно, обоняние у Дерсу было развито гораздо сильнее, чем у нас. Запах дыма и жареной рыбы он слышал, по крайней мере, шагов за 250, если не больше.

Через несколько минут мы сидели у огня, ели рыбу и пили чай. За этот день я так сильно устал, что едва мог сделать в дневнике необходимые записи. Я просил удэхейцев не гасить ночью огня. Они обещали по очереди не спать и тотчас принялись колоть дрова.

Ночью был туманный мороз. Откровенно говоря, я был бы очень рад, если бы к утру разразилась непогода. По крайней мере, мы отдохнули бы и выспались как следует, но едва взошло солнце, как туман сразу рассеялся. Прибрежные кусты и деревья около проток заиндевели и сделались похожими на кораллы. На гладком льду иней осел розетками. Лучи солнца играли в них, и от этого казалось, будто по реке рассыпаны бриллианты.

Я видел, что казаки торопятся домой, и пошел навстречу их желанию. Один из удэхейцев вызвался проводить нас до Мяолина. Так назывался большой ханшинный завод, находящийся на правом берегу Имана, километрах в семи от Картуна, ниже по течению.

Сегодня дорога мне показалась еще более тяжелой.

За Картунскими воротами долина опять расширилась. Я поднялся на одну из сопок. Интересное зрелище представилось

моим глазам. На восток шла долина Имана: она терялась где-то в горах. Но на запад, север и юг, насколько хватал глаз, передо мной развертывалась огромная слабо всхолмленная низина, покрытая небольшими группами редкого лиственного леса, а за ними на бесконечном пространстве тянулись белоснежные поля, поросшие травой и кустарниками. Эту огромную низину китайцы называют Лофанза[194]. Она длиной 80 км и в ширину, по крайней мере, 50 км. Места эти казались весьма удобными для земледелия. Однако нигде фанз не было видно. Китайцы избегают их и, вероятно, не без основания: или земля здесь плохая, или она затопляется водой во время разливов Имана. По слухам, в местности Чингуйза есть еще одна юрта, в которой проживают два одиноких удэхейца.

Часа в два дня мы дошли до Мяолина. То была одна из самых старых фанз в Иманском районе. В ней проживали 16 китайцев и одна гольдячка. Хозяин ее поселился здесь лет пятьдесят тому назад, еще юношей, а теперь он насчитывал себе уже семь десятков лет. Вопреки ожиданиям, он встретил нас хотя и не очень любезно, но все же распорядился накормить и позволил ночевать у себя в фанзе. Вечером он напился пьян. Начал о чем-то меня просить, но затем перешел к более резкому тону и стал шуметь.

— Мяолин не вчерашний и не сегодняшний, — говорил он. — Мяолин такой же старый, как и я, а вы пришли меня прогонять. Я вам Мяолин не отдам. Если мне придется уходить отсюда, я его сожгу.

Затем он объявил, что сейчас зажжет фанзу, пошел на двор и притащил оттуда большую охапку соломы.

Все это кончилось тем, что Дерсу напоил его до потери сознания и уложил спать на той же соломе.

Утром мы рано ушли, оставив старика спать в его фанзе, которую он не хотел нам уступить и которую мы не собирались у него отнимать.

Странное дело: чем ближе мы подходили к Уссури, тем самочувствие становилось хуже. Котомки наши были почти пустые, но нести их было тяжелее, чем наполненные в начале дороги. Лямки до того нарезали плечи, что дотронуться до них было больно. От напряжения болела голова, появилась слабость.

Чем ближе мы приближались к железной дороге, тем хуже относилось к нам население. Одежда наша изорвалась, обувь износилась, крестьяне смотрели на нас как на бродяг.

От Мяолина тропа пошла по кочковатому лугу в обход болот и протоков. Часа через два она привела нас к невысоким сопкам, поросшим дубовым редколесьем. Эти сопки представляют собой отдельный массив, выдвинувшийся по середине Лофанзы, носящий название Коу-цзы-шань[195]. Это остатки каких-то больших гор, частью размытых, частью потопленных в толщах потрепич-

ных образований. У подножья их протекает маленькая речка Хуанихеза.

Стрелки шли лениво и часто отдыхали. Незадолго до сумерек мы добрались до участка, носящего странное название Паровози. Откуда произошло это название, так я и не мог добиться. Здесь жил старшина удэхейцев Сарл Кимунка со своей семьей, состоящей из 7 мужчин и 4 женщин. В 1901 г. он с сотрудником Переселенческого управления Михайловым ходили по р. Иману до Сихотэ-Алиня. В награду за это ему был отведен хуторской участок. Сарл Кимунка по личному опыту знал, какие трудности испытывает исследователь Сихотэ-Алиня, поэтому у него в фанзе мы нашли самый радушный прием и сытный ужин из чумизной каши и юколы.

Вечером я узнал от него, что километра на четыре ниже в Иман впадает еще одна большая река Нэйцухэ[196]. Почти половина ее протекает по низине Лофанзы, среди кочковатых болот, покрытых высокой травой и чахлой кустарниковой порослью. По его словам, р. Нэйцухэ очень извилиста. Густые смешанные леса начинаются в 40 км от Имана. Потом идут гари и лесные болота. Из притоков Нэйцухэ р. Хайнето[197] славится как местность, богатая женьшенем.

На следующий день мы встали поздно, закусили немного рыбой и пошли дальше. Сарл Кимунка проводил нас до корейцев, недавно поселившихся около Паровози. Внизу Иман еще не замерз — надо было переправиться на лодке. Мы обошли все фанзы и нигде не нашли ни одного мужчины. Женщины испуганно смотрели на нас, молчали и прятали своих детей. Видя, что ничего добиться нельзя, я махнул рукой и велел стрелкам итти к реке. Удэхеец где-то нашел спрятанную в кустах плоскодонку. В ней он перевез нас через реку по одиночке и затем возвратился назад.

На левом берегу Имана, у подножья отдельно стоящей сопки, расположились четыре землянки: это было русское селение Котельное. Переселенцы только что прибыли из России и еще не успели обстроиться как следует. Мы зашли в одну мазанку и попросились переночевать. Хозяева избушки оказались очень радушными. Они стали расспрашивать нас, кто мы такие и куда идем, а потом принялись пенять на свою судьбу.

С каким удовольствием я поел крестьянского хлеба! Вечером в избу собрались все крестьяне. Они рассказывали про свое житье-бытье на новом месте и часто вздыхали. Должно быть, несладко им досталось переселение. Если бы не кета, они все погибли бы от голода, только рыба их и поддержала.

От села Котельного начиналась дорога, отмеченная верстовыми столбами. Около деревни на столбе значилась цифра 74. Нанять лошадей не было денег. Мне непременно хотелось довести съемки до конца, что было возможно только при условии, если

итти пешком. Кроме того, ветхая одежонка заставляла нас согреваться движением.

Мы выступили рано утром, почти на рассвете.

Тотчас же за р. Нэйцухэ дорога подымается на перевал и на протяжении 9 км идет косогорами, имея с левой стороны болотистую низину Имана, а справа — возвышенности, поросшие старым и редким дубовым лесом дровяного характера. Дорога идет сначала на север, а потом у столба, с датой 57, опять поворачивает на запад.

Следующая деревня была Гончаровка. Она больше Котельной, но состояние ее тоже было незавидное. Бедность проглядывала в каждом окне, ее можно было прочесть и на лицах крестьян, в глазах баб и в одежде ребятишек.

После полудня мы дошли до корейской деревушки Лукьяновки, состоящей из 52 фанз, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Здесь мы отдохнули немного и пошли дальше. Сумерки застали нас в дороге. Мы все сильно устали, прозябли и хотелось есть. Скоро я перестал разбирать цифры на инструменте, но дорога была видна. Тогда я стал работать с огнем. По сигналу один из казаков подносил зажженную спичку к инструменту. При минутном освещении я замечал цифру нониуса, отмечал ее на планшете и шел дальше. Наконец впереди мелькнул огонек.

— Деревня! — воскликнули все в один голос.

— Ночью огонь постоянно обманш, — сказал на это Дерсу.

Действительно, в темноте огонь виден далеко. Иногда он кажется дальше, чем есть на самом деле, иногда совсем близко, почти рядом. Мы шли, и, казалось, огонь тоже уходил от нас. Я уже хотел было сделать привал, но огонь вдруг сразу появился совсем близко. В темноте мы разглядели избу, другую, третью — всего восемь домов. Это была деревня Вербовка. Многих крестьян не было дома, они ушли на заработки в город. Испуганные женщины приняли нас за хунхузов и не хотели отворять дверей. Пришлось прибегнуть к помощи старосты. Он приютил меня, Дерсу и Бочкарева у себя, а Г. И. Гранатмана, Мурзина и Кожевникова — соседи.

За этот день мы прошли 35 км и страшно устали. От переутомления я долго не мог уснуть и все время ворочался с бока на бок. Каждое новое положение давало сладкую истому, но вслед за тем выступала ноющая боль в суставах.

До железной дороги оставалось еще 43 км. Посоветовавшись с моими спутниками, я решил попытаться пройти это расстояние в один переход. Для исполнения этого плана мы выступили очень рано. Около часа я работал опять с огнем. Когда взошло солнце, мы подходили уже к Гоголевке.

Утро было морозное. Вся деревня курилась; из труб столбами поднимался белый дым. Он расстилался по воздуху и принимал золотисто-розовую окраску.

Я не хотел здесь останавливаться, но один из местных жителей узнал, кто мы такие, и просил зайти к нему напиться чаю. От хлеба-соли отказываться нельзя. Хозяин оказался человеком весьма любезным. Он угощал нас молоком, белым хлебом, медом и маслом. Фамилии его я не помню, но от души благодарю его за радушие и гостеприимство. Мало того, он снабдил нас на дорогу продовольствием, а стрелкам дал еще табаку и пряников. Сидя у него за чаем, я посматривал в окно и расспрашивал об окрестностях.

Деревня Гоголевка расположена на левом берегу Имана, в полукилометре от реки. Противоположный берег — нагорный. Горы эти носят следующие названия: Шаньгуачин [198], Хоуши [199], Вамбабоза и Сяошаньцунцзы [200]. Около первой горы (Шаньгуачин) в Иман впадает река Бэйцухе [201], текущая параллельно ему и только в низовьях склоняющаяся немного к югу. Длина реки около 150 км, ширина 40 м, глубина 2 м и скорость течения 3 км в час. В истоках она имеет перевал на р. Ситухе (приток Бикина). Байцухе чрезвычайно извилиста, особенно в нижнем течении. За последние годы здесь производились большие лесные порубки. Из притоков Бэйцухе заслуживают внимания: с левой стороны (от истоков книзу) — Дунанца, Хайхе [202], Сатохе [203] и Сиксинда, справа — Сяухеза [204], Ханихеза, Ушанка и Малая Бэйцухе. Между устьем и Иманом приютилась небольшая корейская деревушка Саровка, а еще ниже, там, где начинаются горы, — две корейские деревни — Омбор и Самбор.

Чай с хлебом подкрепил наши силы. Поблагодарив гостеприимного хозяина, мы отправились дальше и вскоре подошли к деревне Звенигородке. До железной дороги оставалось теперь только 23 км. Но что значит это расстояние после сытного завтрака, когда знаешь, что сегодня можно совсем закончить путь?!

День был ясный, солнечный, но холодный. Мне страшно надоела съемка, и только упорное желание довести её до конца не позволяло бросить работу. Каждый раз, взяв азимут, я спешно зарисовывал ближайший рельеф, а затем согревал руки дыханием. Через час пути мы догнали какого-то мужика. Он вез на станцию рыбу.

— Как же вы так работаете? — спросил он меня. — Неужели вам не холодно?

Я ответил ему, что за дорогу мои перчатки износились.

— Так возьмите ж мои, — сказал попутчик. — У меня есть запасная пара.

Говоря это, он достал с воза теплые вязаные перчатки и подал их мне. Я взял перчатки и продолжал работать. Километра два мы шли вместе, я чертил, а крестьянин рассказывал мне про свое житье и ругательски ругал всех и каждого. Изругал он своих односельчан, изругал жену соседа, досталось учителю и священнику. Надоела мне эта ругань. Лошаденка его шла мед-

ленно, и я видел, что при таком движении к вечеру мне не удастся дойти до Имана. Я снял перчатки, отдал их возчику, поблагодарил его и, пожелав успеха, прибавил шагу.

— Как, — закричал он вслед, — неужто вы мне не заплатите?

— За что? — спросил я.

— А за перчатки!

— А ведь ты получил их обратно, — ответил я ему.

— Вот тебе раз!—протянул с недовольством мой благодетель. — Я вас пожалел, а вы мне не хотите денег платить?

— Хороша у тебя жалость, — вмешались казаки.

Больше всех рассердился Дерсу. Он шел, плевался и все время ругал возчика разными словами.

— Вредный люди, — говорил он, — мой такой не хочу посмотри. У него лица совсем нету.

В выражениях гольда «потерять лицо» значило потерять совесть. И нельзя было не согласиться, что у человека этого, действительно, не было совести.

История эта на целый день испортила мне настроение.

— Как такой люди живи, — не унимался Дерсу. — Моя думай, его живи не могу — его скоро сам пропади.

После полудня мы подошли к р. Ваку и сделали привал на дороге.

По прямой линии до железной дороги оставалось не более 2 км, но на верстовом столбе стояла цифра шесть. Это потому, что дорога здесь огибает большое болото. Ветром доносило свистки паровозов, и уже можно было рассмотреть станционные постройки.

Я втайне лелеял мысль, что на этот раз Дерсу поедет со мной в Хабаровск. Мне очень жаль было с ним расставаться. Я заметил, что последние дни он был ко мне как-то особенно внимателен, что-то хотел сказать, о чем-то спросить и, видимо, не решался. Наконец, преодолев свое смущение, он попросил патронов. Из этого я понял, что он решил уйти.

— Дерсу, не уходи, — сказал я ему.

Он вздохнул и стал говорить, что боится города и что делать ему там нечего.

Тогда я предложил ему дойти со мной до станции железной дороги, где я мог бы снабдить его на дорогу деньгами и продовольствием.

— Не надо, капитан, — ответил гольд. — Моя соболь найди — его все равно деньги.

Напрасно я уговаривал его, он стоял на своем. Дерсу говорил, что он отправится по р. Ваку и в истоках ее будет гонять соболей, а затем, когда станут таять снега, перейдет на р. Даубихе. Там, около урочища Анучина, жил знакомый ему старик-гольд. У него он и решил провести два весенних месяца. Мы условились, что в начале лета, когда я пойду в новую экспедицию,

пришлю за ним казака или приеду сам. Дерсу согласился и обещал ждать. После этого я отдал ему все имеющиеся у меня патроны. Мы сидели и говорили все об одном и том же. Я уже три раза условливался с ним, где нам опять встретиться, и всячески старался оттянуть время. Мне тяжело было с ним расставаться.

— Ну, надо ходи, — сказал Дерсу и стал надевать свою котомку.

— Прощай, Дерсу, — сказал я, крепко пожимая ему руку. — Спасибо за то, что ты помогал мне. Прощай! Я никогда не забуду то многое, что ты для меня сделал!..

Большое красное солнце только что зашло, оставив за собой на горизонте тусклое сияние. Первая, как всегда, зажглась Венера, за ней — Юпитер и другие крупные звезды. Дерсу хотел было еще что-то сказать, но смутился и стал рукавом обтирать приклад своей винтовки. С минуту мы простояли молча, затем еще раз пожали друг другу руки и разошлись. Он свернул на протоку, влево, а мы пошли прямо по дороге. Отойдя немного, я оглянулся и увидел гольда. Он вышел на галечниковую отмель и рассматривал на снегу чьи-то следы... Я окликнул его и стал махать головным убором. Дерсу отвечал мне рукой.

«Прощай, Дерсу», подумал я про себя и пошел дальше. Казаки потянулись за мной.

Теперь перед нами расстилалась равнина, покрытая сухой буро-желтой травой и занесенная снегом. Ветер гулял по ней и трепал сухие былинки. За туманными горами на западе догорала вечерняя заря, а со стороны востока уже надвигалась холодная темная ночь. На станции зажглись белые, красные и зеленые огоньки.

За этот день мы так устали, как не уставали за все время путешествия. Люди растянулись и шли вразброд. До железной дороги оставалось километра два, но это небольшое расстояние далось нам хуже двадцати в начале путешествия. Собрав последние остатки сил, мы потащились к станции, но, не дойдя до нее каких-нибудь двести-триста шагов, сели отдыхать на шпалы. Проходящие мимо рабочие удивились тому, что мы отдыхаем так близко от станции. Один мастеровой даже пошутил:

— Должно быть, до станции далеко, — сказал он товарищу со смехом.

Нам было не до шуток. Жандармы тоже поглядывали подозрительно и, вероятно, принимали нас за бродяг. Наконец мы добрели до поселка и остановились в первой попавшейся гостинице. Городской житель, наверное, возмущался бы ее обстановкой, дороговизной и грязью, но мне она показалась раем. Мы заняли два номера и расположились с большим комфортом.

Все трудности и все лишения остались позади. Сразу появился интерес к газетам. Я все время вспоминал Дерсу. «Где-то он теперь? — думал я. — Вероятно, устроил себе бивак где-

нибудь под берегом, натаскал дров, разложил костер и дремлет с трубкой во рту». С этими мыслями я уснул.

Утром я проснулся рано. Первая мысль, которая мне доставила наслаждение, было сознание, что более нести котомку не надо. Я долго нежился в кровати. Затем оделся и пошел к начальнику Иманского участка Уссурийского казачьего войска Г. Ф. Февралеву. Он принял меня очень любезно и выручил деньгами.

Вечером мы ходили в баню. За время путешествия я так сжился с казаками, что мне не хотелось от них отделяться. После бани мы все вместе пили чай. Это было в последний раз. Вскоре пришел поезд, и мы разошлись по вагонам.

17 ноября вечером мы прибыли в Хабаровск.

Казаки прямо с вокзала направились в казармы, Г. И. Гранатман остановился у А. И. Мерзлякова, а я — у своих товарищей. В дальнейшем мне предстояла обработка собранных материалов до начала будущего лета, когда я вновь решил продолжить свои исследования в горной области Сихотэ-Алиня.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Хе(хэ) — суффикс в значении «речка», — приставляется ко всем именам собственным небольших рек, протекающих по районам, населенным мелкими народностями — гольдами, орочами и др. Ци(Цзи?)-му-хе — сплавная река.
2. Да-цзянь-шань — большие остроконечные горы.
3. Дао-бин-хэ — река, где много было сражений.
4. Су-чан — площадь, засеваемая растением су-цзы, из которого китайцы добывают так называемое травяное масло.
5. Тан-гоу-цзы — болотистая падь.
6. Сан — разлившееся озеро.
7. Эр-цзо-цзы — вторая заводь.
8. Майхе — река, где много сеют пшеницы.
9. Д. Н. Мушкетов, Геологическое описание района Сучанской ж. д. 1919 г.
10. Н. М. Пржевальский, Путешествие по Уссурийскому краю. 1869 г., стр. 135—136.
11. В 1902 г. в селении насчитывалось 88 семейств.
12. Решетчатые окна в китайских фанзах оклеиваются тонкой бумагой.
13. Гань-гоу-цзы — сухая падь (долина).
14. Научные названия животных мной получены от консерватора музея во Владивостоке А. И. Черского.
15. У-ла-хэ — река, где растет много травы у-ла (особый вид осоки), вкладываемой в китайскую охотничью обувь.
16. Обувь в роде олочей, сшитая из сохатиной или изюбриной кожи, выделанной под замшу.
17. Местное название узкой долины.
18. Очень прочная синяя материя, из которой китайцы шьют себе одежду.
19. Ле-фу-хэ — река счастливой охоты.
20. Ту-дин-цзы — земляная вершина.
21. Употребляется китайцами как лекарство от трахомы.
22. Плоды стельных маток тоже идут на изготовление лекарства для надорвавшихся от работы.
23. Основание селения относится к 1883 г.
24. Село Казакевичево основано в 1872 г.

25. Основана в 1885 г.
26. Сань-дао-ган — увал, по которому проходит третья дорога, или третий увал на пути.
27. Ху-ни-хэ-цзы — грязная речка.
28. Чай-дин-цзы — вершина, где есть дрова.
29. Сяо-хэ-цзы — маленькая речка.
30. Сяо-цзы-гау — долина семьи Сяо.
31. Бай-мин-хэ — речка ста имен, т. е. река, на которой живут многие, китайская река (бо-мин, бай-мин — китайцы, весь народ).
32. Сунчжа-Ачан — вероятно, название маньчжурское, означающее Пять связей — пять сходящихся лучей, пять отрогов и т. д. П а л л а д и й, «Известия Русского географического о-ва», том VII, стр. 91.
33. А. М и ч и. Путешествие по Восточной Сибири, 1868 г., стр. 339. Автор р. Сунгачу называет Зунгачан.
34. Сунфунь — маньчжурское слово, означающее «шило». Название одного из маньчжурских народов, переселившихся на эту реку.
35. Так гольды называют Сихотэ-Алинь.
36. Так сибиряки называют комаров и мошек.
37. Большая часть их была дана из Военно-топографического отдела, и только некоторые из них составляли собственность начальника экспедиции.
38. Изгибы реки.
39. Самые низкие места, по которым сбегает вода.
40. Хань-дэ-дянь-цзы-сы — вершина с кумирней Хань-дэ (китайской добродетели).
41. Ди-эр-дянь-цзы — вторая вершина.
42. Хоу-дянз — второй (задний) постоялый двор.
43. Ши-тоу-хе — каменистая речка.
44. Тоу-да-гоу — первая большая долина.
45. Эрл-да-гоу — вторая большая долина.
46. Сань-да-гоу — третья большая долина.
47. Сы-да-гоу — четвертая большая долина.
48. Хань-ни-хэ-цзы — речка с засохшей грязью.
49. Янь-цзы-гоу — долина с проталинами.
50. Чао-тай-гоу-цзы — падь, долина, обращенная к солнцу.
51. Ха-ма-хэ-цзы — жабья речка.
52. Дао-бао-хэ-цзы — малая Дао-бин-хэ.
53. Уго-дин-цзы — пятая вершина.
54. Короткая и широкая долинка с маленьким ручьем.
55. Чжун-дай-цзы — горный ручей.
56. Дяо-ни-гоу — Соболиная долина.
57. Ното-хэ — Енотовая река.
58. Вам-ба-хэ-цзы — Черепашья река.
59. Фу-цзинь — маньчжурское слово «фукэжин» — начало, основание.
60. Хуан-ни-хэ-цзы — речка желтой грязи.
61. Тайфун — искаженное китайское слово «тайфынь» — ураган, буря.
62. Полоз Шренка — наиболее крупный представитель неядовитых змей на Дальнем Востоке, достигающий двух метров длины.
63. Се-бу-ча-эр — косогор, где нужно ногу ставить вкось.
64. Та-ба-хэ-за — тройной поток.
65. Ян-му-гоу-цзы — тополевая долина.
66. Маньчжурское название водораздельного горного хребта.
67. По-корейски водка называется «сули».
68. Корзины, сплетенные из прутьев и оклеенные материей, похожей на бумагу, но настолько прочной, что она не пропускает даже спирт. Тулузы похожи на низкие бутылки с широкими горлышками.
69. Местное выражение, означающее сухую погоду при облачном небе.
70. Две последние буквы произносятся чуть слышно.

71. Цай-дун — владелец капитала.
72. Ли-фу-цзинь — внутренний Фу-цзинь.
73. Чао-су — черная сосна.
74. Мелкая ночная мошка.
75. И-да-фоу-цзы — долина первой дороги.
76. Чжу-цзя-ма-гоу — долина семьи Чжу, где растет конопля.
77. Вай-фу-цзинь — внешний Фу-цзинь, текущий в сторону, обращенную к морю. Сравни с примечаниями 59 и 72.
78. Сип-гуань-да-гоу — пыльная, большая, голая долина.
79. Тан-ню-гоу-цзы — долина, где в топи завязла корова.
80. Хэй-му-да-гоу — большая долина с черными деревьями.
81. Куань-дин-цзы — широкая долина.
82. Сянь-яп-ла-цзы — скала, обращенная к солнцу.
83. Ча-ми-гоу-цзы — долина, в которой легко заблудиться.
84. Ли-ся-гоу — нижняя грушевая долина.
85. Ши-мынь — каменные ворота.
86. Сухостой, оставшийся после пожара.
87. Пу-сун — обширный кедровник.
88. Местное выражение, означающее сырой, влажный на ощупь, но не мокрый предмет.
89. Рыба, похожая на горную форель.
90. Да-дун-гоу — большая восточная долина.
91. Чен-цзы-гоу — долина с городком (валом).
92. Сяо-пао-цзы — малая заводь.
93. Охота за оленями в начале лета ради добычи пантов.
94. Дун-гоу — восточная долина.
95. Гань-хэ-цзы — сухая речка.
96. Ли-ба-гоу-цзы — долина с изгородью для ловли зверей.
97. Ди-та-гоу-цзы — долина с обвалившейся почвой.
98. Гуан-да-гоу — большая голая долина.
99. Сяо-ли-ся-гоу — малая нижняя грушевая долина.
100. Да-ли-ся-гоу — большая нижняя грушевая долина.
101. Ю-шан-гоу — правая верхняя долина.
102. Си-бей-гоу — северо-западная долина.
103. Хай-ся-цзы-гоу — медвежья долина.
104. Цп-мынь-со-гоу — долина семи разбросанных...
105. Ди-та-шань — невысокая гора в виде башни.
106. Цинь-гоу-цзы — чистая долина.
107. Водочный, винокуренный.
108. Сяо-ин-цзы — малый лагерь.
109. Вань-гоу — извилистая долина.
110. Янь-тун-ла-цзы — скала в виде печной трубы.
111. Цинь-гоу-цзы — чистая долина.
112. Ча-эр-гоу-цзы — разветвляющаяся долина.
113. Люй-дянь-цзы-ян-гоу — зеленое козье пастбище.
114. Ша-тянь-гоу — долина с песчаными полями.
115. Са-лин-гоу — долина, идущая с рассыпного хребта.
116. Дун-бэй-да — северо-восточный распадок.
117. Цун-жун-гоу — поляна в лесу около реки.
118. Да-бэй-ча — большой северный распадок.
119. Дан-нан-ча — большой южный распадок.
120. Место, где сливаются две речки.
121. Цао-Цао-гоу-цзы — долина Цао-Цао.
122. Дун-ча — восточное разветвление.
123. Сяо-ча — малое разветвление.
124. Сяо-ван-гоу-эр — малая извилистая долина.
125. Да-сп-ча — большое западное разветвление.
126. Сяо-сп-ча — малое западное разветвление.
127. Да-ла-цзы-гоу — долина большой скалы.
128. Цзинь-цзы-хэ — золотая река.

129. У-да-гоу — пятая большая долина.
130. Си-ча — западное разветвление.
131. Да-ма-ча-цзы-гоу — разветвляющаяся долина, где растет высокая конопля.
132. Пань-чан-гоу — долина извилистая, как кишка.
133. Хэй-ба-тоу — черный лодочник.
134. Да-дянь-цзы — обширное пастбище.
135. Вань-да-гоу — извилистая большая долина.
136. Цзю-цзи-хэ — девятая быстрая река.
137. Сы-сянь-дунь-эр — пещера четырех духов.
138. Сп-бэй-гоу — северо-западная долина.
139. Узкие места долины со скалистыми обрывами с обеих сторон.
140. Помост на ветвях дерева, на котором охотники подкарауливают зверя.
141. Или — «река, по которой много леса».
142. Хун-та-ми — гора в виде большой буддийской пагоды.
143. Сян-ян-гоу — долина, обращенная к солнцу.
144. Нан-ча — южное разветвление.
145. Левый приток реки Санхобэ.
146. Так все маньчжурские народности называют русских.
147. Так удэхейцы называют разбойников.
148. Сан-га-цзы — тройной распадок.
149. Ян-ху — переполненное озеро.
150. Сяо-бэй-ча — малое северное разветвление.
151. Сяо-нан-ча — малое южное разветвление.
152. Си-цзя-тунь — военный поселок Си-цзя.
153. Дунь-да-гоу — большая восточная долина.
154. Хуа-цзянь-гоу — долина, в которой много цветов.
155. Ю-па-гоу — долина рыбьей кожи.
156. Мо-чу-цзы-гоу — долина, где растет много грибов.
157. Ту-фан-гоу — долина с домами из земли.
158. Ян-му-дин-цзы — тополевая вершина.
159. Ма-чан-гоу — долина с пастбищами для лошадей.
160. Сы-фан-гоу — четырехугольная долина.
161. Да-у-хэ-ми-гоу — густо заросшая долина на пятой большой реке.
162. Да-я-гоу — большая утиная долина.
163. Ма-п-гоу — муравьиная долина.
164. Пи-ли-гоу — долина груш.
165. Сянь-ши-хэ-цзы — ароматная речка.
166. Ло-цзы-гоу — долина, имеющая форму лемеха плуга.
167. Камлание — ритуал шамана при вызове духа.
168. Да-ши-тоу-хэ — большая каменистая река.
169. Хэй-шань-гоу — долина черных гор.
170. Лао-ма-цзы-гоу — тигровый след.
171. Май-да-гоу-цзы — большая каменноугольная долина.
172. Сяо-си-бэй-хэ — малая северо-западная река.
173. Да-янь-гоу — большая долина, засеянная маком для сбора опия.
174. Цзо-ло-гоу-цзы — долина с завядшей травой.
175. Чан-цзун-цзы — длинный клюв.
176. Сп-бэй-ча — северо-западная развалина.
177. Хань-хе-цзы — пересыхающая река.
178. Бэй-ла-цзы — северная скала.
179. Сяо-ся-бэй-ча — малое северо-западное разветвление.
180. Сан-ча-цзы — тройной распадок.
181. Бэй-чу-хэ — река, текущая с севера.
182. Ши-тоу-хэ — каменистая речка.
183. Дяо-пи-гоу — соболиная долина.
184. Ча-му-ча-гоу-цзы — долина и речка, на которой есть мост на козлах.
185. Бао-ма-цзы-гоу — долина барсов.
186. Да-минь-го-цзы — долина большого хребта.

187. Сань-да-пао-цзы — третья большая заводь.
188. Као-лин-тун — снежный поселок.
189. Да-гоу-цзы — большая долина.
190. Лао-гуа-цзуй-цзы — вороний клюв.
191. Да-цзы-гоу — долина, где живет народ «да-цзы».
192. Хуан-ми-хэ-цзы — речка, по которой растет липкое просо.
193. Хен-ху-дао — обычный тигровый путь.
194. Лао-фан-цзы — старый дом.
195. Гао-цзы-шань — гора со рвом.
196. Нэй-чу-хэ — река, вытекающая изнутри.
197. Хэй-ни-дао — дорога с черной грязью.
198. Шань-гао-чэн — горный высокий вал.
199. Хоу-ши — толстый камень.
200. Сяо-шань-цун-цзы — маленькая острокопечная гора, похожая на долото.
201. Бэй-чун-хэ — речка, текущая с севера.
202. Хэй-хэ — черная речка.
203. Ша-тоу-хэ — песчаная речка.
204. Сяо-хэ-цзы — маленькая речка.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

(Латинские и русские названия приводятся согласно «Определителю растений Дальневосточного края» акад. В. Л. Комарова и Е. Н. Клобуковой-Алисовой (1931—1932 гг.)

а) Ботанические названия

Абрикосовое дерево	см. абрикос маньчжурский
Абрикос маньчжурский	Armeniaca manshurica Köehne
Акат, акатник	см. маакия амурская
Акация желтая	см. карагана кустарниковая
Акация Маака	см. Маакия амурская
Актинидия коломикта	Actinidia kolomikta Max.
Аралия маньчжурская	Aralia manshurica Rupr. et Max.
Арундинелла	Arundinella anomala Steud.
Бадан тихоокеанский	Bergenia pacifica Kom.
Барбарис амурский	Berberis amurensis Max.
Бархатное дерево амурское	Phellodendron amurense Rupr.
Бархат	см. бархатное дерево
Башмачок вздутый	Cypripedium ventricosum Sw.
Белокопытник гигантский	см. белокопытник дланевидный
Белокопытник дланевидный	Petasites palmata Asa Gray
Береза даурская	Betula dahurica Pall.
Береза желтая	см. береза ребристая
Береза каменная	см. береза Эрмана
Береза кустарниковая	см. береза овальнолистная
Береза маньчжурская	Betula manshurica [Rgl.] Nakai
Береза ребристая	Betula costata Trautv.
Береза черная	см. береза даурская
Береза Эрмана	Betula Ermani Cham.
Береза японская	см. береза маньчжурская
Береза овальнолистная	Betula ovalifolia Rupr.
Бересклет большекрылый	Euonymus macroptera Rupr.
Бересклет крылатый	Euonymus alata Thunb.
Бересклет малоцветковый	Euonymus pauciflora Max.
Богородская трава	см. тимьян боровой
Борец Кузнецова	Aconitum Kusnetzovii Rchnb.
Боярка бородавчатая	см. боярышник перистонадрезанный
Боярышник Максимовича	Crataegus Maximoviczii C. Schn.
Боярышник перистонадрезанный	Crataegus pinnatifida Bunge
Бузина кистевая	Sambucus racemosa L.

Василек крупноцветный	Centaurea monanthos Georgi
Василек полевой	Centaurea cyanus L.
Василек розовый	см. василек крупноцветный
Василистник тычиночный	Thalictrum filamentosum Max.
Вейник Лангсдорфа	Calamagrostis Langsdorffii Trin.
Вейник	см. вейник Лангсдорфа
Вереск болотный	Chamaedaphne calyculata Moench.
Виноград амурский	Vitis amurensis Rupr.
Вишня железистая	Cerasus glandulifolia Rupr. et Max.
Вишня Максимовича	Cerasus Maximoviczii Rupr.
Волчник камчатский	см. дафна камчатская
Вороний глаз шестилистный	Paris hexaphylla Cham.
Восковник пушистый	Myrica tomentosa Asch. et Gr.
Вяз	см. ильм белокорый
Гвоздика бородатая	Dianthus barbatus L.
Горец земноводный	Polygonum amphibium L.
Горошек полевой	Vicia cracca L. и V. ussuriensis Oett.
Граб сердцелистный	Carpinus cordata Blume
Гриб дрожжалковый	см. гриб черный древесный
Гриб черный древесный	Auricularia Auricula-Judae L.
Груша уссурийская	Pirus ussuriensis Max.
Грушевое дерево	см. груша уссурийская
Дафна камчатская	Daphne kamczatica Max.
Дейция мелкоцветная	Deutzia parviflora Bge.
Дикий перец	см. элеутерококк колючий
Диморфант	см. калопанакс клещевинообразный
Диоскорея вьющаяся	см. диоскорея Жиральди
Диоскорея Жиральди	Dioscorea Giraldii R. Knuth.
Дрема сверкающая	Lychnis fulgens Fisch.
Дуб монгольский	Quercus mongolica Fisch.
Дудник даурский	Angelica dahurica Rupr.
Ель аянская	Picea ajanensis Fisch.
Ель корейская	Picea koraiensis Nakai
Ель сибирская	см. ель корейская.
Жасмин	см. чубушник тонколистный
Женьшень	Panax ginseng C. A. Mey.
Жимолость золотистая	Lonicera chrysantha Turcz.
Жимолость желтая	см. жимолость золотистая
Жимолость Маака	Lonicera Maackii Rupr.
Жимолость съедобная	Lonicera edulis Turcz.
Земляника восточная	Fragaria orientalis Los.
Зорька	см. дрема сверкающая
Ива козья	Salix caprea L.
Ива корзиночная	Salix viminalis L.
Ива пепельная	см. ива сереющая
Ива росистая	Salix rorida Laksch.
Ива сереющая	Salix cinrascens [Wahlb] Flod.
Ива трехтычинковая	Salix triandra L.
Ильм белокорый	Ulmus japonica Sarg.
Ильм горный	Ulmus montana Wither. var. heterophylla Max.
Ильм японский	см. ильм белокорый
Ирис одноцветковый	см. касатик одноцветковый

Калина	см. калина Саржента
Калина бурейская	Viburnum burejanum Herder
Калина лесная	см. калина бурейская
Калина Саржента	Viburnum Sargentii Köehne
Калопанакс клещевинообразный	Kalopanax ricinifolia Miq.
Калужница болотная	Caltha palustris L.
Камыш	см. тростник обыкновенный
Капуста морская	см. ламинария
Карагана кустарниковая	Caragana fruticosa Besser.
Касатик одноцветковый	Iris uniflora Pall.
Кедр корейский	Pinus koraiensis S. et Z.
Кишмиш	см. актинидия коломикта
Клевер белый	см. клевер ползучий
Клевер ползучий	Trifolium repens L.
Клен белый	см. клен зеленокорый
Клен бородатый	Acer barbinerve Max.
Клен желтый	Acer ukurunduense Tr. et Mey.
Клен зеленокорый	Acer tegmenfosum Max.
Клен ложнозибольдов	Acer pseudo-sieboldianum Kom.
Клен мелколистный	Acer mono Max.
Клинтония удская	Clintonia udensis Tr. et Mey.
Княжник охотский	Atragene ochotensis Pall.
Колокольчик скученолистный	Campanula glomerata L.
Колокольчик темнофиолетовый	см. колокольчик скученолистный
Коломикта	см. актинидия коломикта
Красноягодник	см. смородина маньчжурская
Крушина даурская	Rhamnus dahuricus Pall.
Кувшинка четырехгранная	Nymphaea tetragona Georgi
Купальница Ледебура	Trollius Ledebourii Reich.
Курослеп желтый	см. калужница болотная

Ламинария	бурые морские водоросли из рода Laminaria [L.] чаще других L. sacharina [L.] Lamour
Ландыш душистый	см. ландыш майский
Ландыш майский	Convallaria majalis L.
Леспедеца двуцветная	Lespedeza bicolor Turcz.
Лещина маньчжурская	Corylus manshurica Max.
Лещина разнолистная	Corylus heterophylla Fisch.
Лилия даурская	Lilium dahuricum Gawl.
Лимонник китайский	Schizandra chinensis Baill.
Липа амурская	Tilia amurensis Kom.
Липа маньчжурская	Tilia manshurica Rupr.
Лиственица даурская	Larix dahurica Turcz.
Лиственица ольгинская	Larix olgensis A. Henry
Лиственица сибирская	см. лиственица ольгинская
Лоза кустарниковая	см. ива кустарниковая
Ломонос маньчжурский	Clematis manshurica Rupr.
Луносемянник даурский	Menispermum dahuricum DC.
Лютик водяной	Batrachium trichophyllum F. Schultz

Маакия амурская	Maackia amurensis Rupr. et Max.
Мак	Papaver somniferum L.
Мирт болотный	см. восковник пушистый
Мискантус сахароцветный	Miscanthus sacchariflorus Hackel.
Можжевельник даурский	Juniperus dahurica Pall.
Му-эр	см. гриб черный древесный

Неклен	см. клен ложнозибольдов

Ольха волосистая	Alnus hirsuta Turcz.
Ольха кустарниковая	Alnus fruticosa L. v. manshurica Call.
Ольха японская	Alnus japonica S. et Z.
Орех водяной	Trapa natans L. v. amurensis Fler.
Орех маньчжурский	Juglans manshurica Max.
Орляк обыкновенный	Pteridium aquilinum Kuhn.
Осина	Populus tremula L. v. Davidiana Schn.
Осмунда коричневая	Osmunda cinnamomea L. v. asiatica Fern.
Осокорь душистый	см. тополь душистый
Папоротник черный	см. страусопер
Папоротник чистоуст	см. осмунда коричневая
Папоротник орляк	см. орляк обыкновенный
Паслен персидский	см. паслен сладко-горький
Паслен сладко-горький	Solanum dulcamara L.
Пион белорозовый	см. пион белоцветковый
Пион белоцветковый	Paeonia albiflora Pall.
Пихта амурская	Abies nephrolepis Max.
Пихта белокорая	см. пихта амурская
Полынь обыкновенная	Artemisia vulgaris L.
Пробковое дерево	см. бархатное дерево
Рододендрон амурский	Rhododendron mucronulatum Turcz.
Рододендрон даурский	см. рододендрон амурский
Роза иглистая	Rosa acicularis Lindl.
Роза мелколистная	Rosa pimpinellifolia L.
Роза ребристая	Rosa rugosa Thunb.
Рябина бузинолистная	Sorbus sambucifolia Trautv.
Рябина двуцветная	Sorbus discolor Max.
Рябина маньчжурская	см. рябина двуцветная
Секуринега ветвецветная	Securinega ramiflora Müll.
Сирень амурская	Syringa amurensis Rupr.
Смородина Максимовича	Ribes Maximoviczianum Kom.
Смородина маньчжурская	Ribes manshuricum [Max.] Kom.
Спирея	см. таволга
Страусопер	Struthiopteris germanica Willd.
Таволга березолистная	Spiraea betulifolia Pall.
Таволга иволистая	Spiraea salicifolia L.
Таволга лесная	Spiraea chamaedrifolia L.
Таволга средняя	Spiraea media Schmidt
Таволга шелковистая	см. таволга средняя
Таволожник	см. таволга
Тальник	см. ива
Тимьян бровой	Thymus serpyllum L.
Тис остроконечный	Taxus cuspidata S. et Z.
Тополь душистый	Populus suaveolens Fisch.
Троллиус оранжевый	см. купальница Ледебура
Тростник обыкновенный	Phragmites communis Trin.
Хмель охотский	см. княжник охотский
Чемерица зеленая	Veratrum Lobelianum Bernh.
Черемуха Маака	Padus Maackii Rupr.
Черемуха Максимовича	см. вишня Максимовича
Черемуха обыкновенная	Padus racemosa L.
Черемуха японская	см. вишня железистая

Черешня Максимовича	см. вишня Максимовича
Чортово дерево	см. аралия маньчжурская
Чозения	Chosenia macrolepis [Turcz.] Kom.
Чубушник тонколистный	Philadelphus tenuifolius Rupr. et Max.
Чумиза	Setaria italica P. B.
Шиповник	см. роза
Шиповник многоиглистый	см. роза мелколистная
Элеутерококк колючий	Eleutherococcus senticosus Max.
Яблоня маньчжурская	Malus manshurica [Max.] Kom.
Яблоня сибирская	см. яблоня маньчжурская
Ясенец белый	ясень пушистоплодный
Ясенец пушистоплодный	Dictamnus dasycarpus Turcz.
Ясень китайский	см. ясенец носолистный
Ясень маньчжурский	Fraxinus manshurica Rupr.
Ясень носолистный	Fraxinus rhynchophylla Hance.

б) Зоологические названия

Аполлон	Parnassius eversmanni Men.
Баклан уссурийский	Phalocrocorax filamentosus Temm. et Schleg.
Барс	Felis pardus orientalis Schleg.
Барсук	Meles meles amurensis Schrenck.
Бекас	Capella stenura Br.
Бурундук	Eutamias sibiricus orientalis Bonh.
Бальдинер	Scolpax rusticola L.
Волк	Canis lupus L.
Воробей полевой	Passer montanus dubowskii Doman.
Ворон	Corvus corax kamtschaticus Dybow.
Ворона	Corvus corone orientalis Eversm.
Выдра	Lutra lutra L.
Выпь	Botaurus stellaris orientalis But.
Голубь скалистый	Columba rupestris rupestris Pall.
Горал	Nemorhaedus goral raddeanus Heide
Горбуша	Oncorhynchus gorbuscha W.
Горлица восточносибирская	Streptopelia orientalis orientalis Lath.
Гребешок большой	Pecten maximus.
Грязовик восточносибирский	Limicola falcinellus sibiricus Dress.
Дрозд каменный	Monticola solitarius magnus La-Touche
Дупель горный	Capella solitaria japonica Br.
Дятел восточный, седоголовый	Picus canus jessoensis Steju.
Дятел зеленый	Picus viridis viridis L.
Дятел пестрый уссурийский	Dryobates japonicus tscherskii But.
Енот	Nyctereutes procyonoides Gray
Жаворонок уссурийский	Alauda arvensis nigrescens Kitst.
Желна	Dryocopus martius martius L.
Жемчужница	Margaritana margaritifera L.
Жужелица	Carabus canaliculatus M. Adam

Заяц беляк	Lepus timidus mordeni Goodwin
Заяц маньчжурский	Lepus mantschuricus Radde
Землеройка уссурийская	Sorex tsherskii Ognev
Зимородок	Alcedo atthis bengalensis Gm.
Змея копьеголовая	Ancistrodon dlomhoffii ussuriensis Em.
Зуек уссурийский	Charadrius placidus Gray
Иволга китайская	Oriolus chinensis diffusus Sharpe
Изюбр	Cervus elaphus xanthopigus M.-E.
Кабан	Sus scrofa continentalis Nehr.
Кабарга	Moschus moschiferus parvipes Holl.
Казарка белолобая	Anser albifrons Scop.
Камышевая овсянка	Emberiza schoeniclus pyrrhulina Sw.
Канюк японский	Buteo buteo burmanicus Hume
Карась	Carassius carassius rinchos Brehm.
Кедровка сибирская	Nucifraga caryocatactes macrorhynchos Brehm
Кобчик амурский	Eryrhropus vespertinus amurensis Radde
Коза дикая	Caprolus capeolus bedfordi Ths.
Комар долгопожка	Tipula sp.?
Конек сибирский	Anthus hodgsoni inopinatus Hart. et St.
Краб	Paralithodes camtshatica Til.
Крапивница	Vanessa urticae L.
Красноперка	Leuciscus brandii Dyb.
Крачка	Sternula sinensis Gm.
Кроншнеп	Numenius cyanopus Vieil.
Крохаль	Mergus serrator L.
Крыса водяная	Arvicola terrestris L.
Кулик-сорока	Haematopus ostralegus osculans Sw.
Куличок травник	Tringa totanus ussuriensis But.
Кунжа	Salvelinus leucomaenis Pall.
Курочка (лысуха) болотная	Fulica atra L.
Кета	Oncorhynchus keta Walb.
Ленок	Brachymystax lenok Pall.
Летяга	Pteromys volans arsenjevi Ogn.
Лисица	Vulpes vulpes L.
Лось	Alces alces bedfordi Lyd.
Мальма	Salvelinus alpinus malma Walb.
Махаон	Papilio Maackii Men.
Медведь	Ursus tibetanus ussuricus Heude
Мокрец-мошка	Culicoides sp.?
Мошка-гнус	Simulia sp.?
Мышь летучая	Myotis ikonnikovi Ogn.
Мышь маньчжурская полевая	Apademus agrarius mantshuricus Thos
Неясыть уссурийская	Strix uralensis nikolskii Rut.
Овсянка ошейниковая	Emberiza fucata fucata Pall.
Овсянка черноголовая	Emberiza melanocephala Scop.
Олень пятнистый	Cervus nippon hortulorum Swinhoe
Оляпка	Cinclus pallasii pallasii Tem.
Орлан белохвостый	Haliaetus albicilla L.
Осьминог	Ostopus sp.?

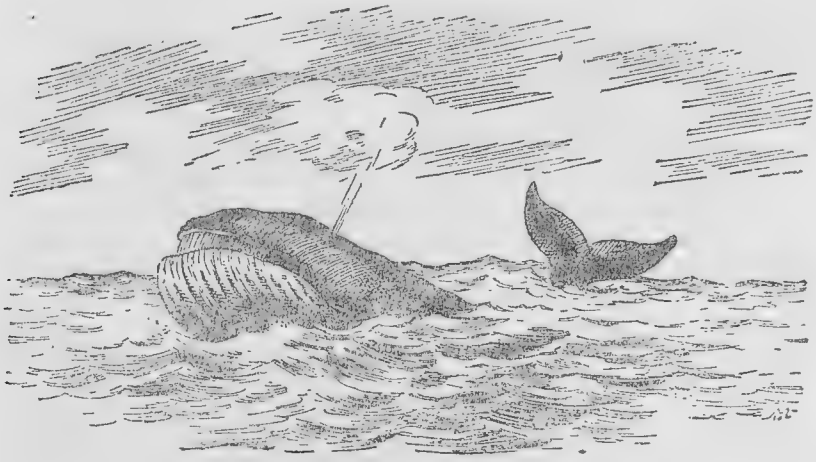
Пантера маньчжурская	Felis pardus orientalis Schleg.
Пеночка японская	Phyllescopus tenellipes Sw.
Перепел уссурийский	Coturnix japonica ussuriensis Bogd.
Перепелятник	Accipiter nisus nisosimilis Tickell
Пищуха	Ochotona hyperborea Pall.
Плиска северная	Motacilla sp.?
Поганка	Podiceps sp.?
Полевка красная	Evotomys rutilus Pall.
Полевка экономка	Microtus oeconomus Pall.
Полоз краснопинный	Elaphe rufodorsalis
Полоз Шренка	Elaphe Schrenckii
Поползень амурский	Sitta europaea amurensis Sw.
Пустельга	Cerchneis tinnunculus doerriesi Sw.
Ракушник	Mytilus edulis L.
Ремез-овсянка	Gulo gulo L.
Росомаха	Emleriza rustica latifascia Por.
Рябчик	Tetrastes banasia ussuriensis But.
Рысь	Felis lynx L.
Светляк	Luciola mongolica
Сивуч	Eumetopias jubatus Schr.
Сизоворонка	Eurystomus orientalis calonix Sharpe
Скворец	Spodiopsar cineraceus Tem.
Собака енотовидная	Nyctereutes procyonoides Gray
Соболь	Martes zibellina arsenjevi Kusn.
Сова болотная	Asio flammeus Pont.
Совка восточная азиатская	Otus japonicus stictonotus Sharpe
Сокол дербник	Aesalom columbarius pacificus Steg.
Соловей сибирский	Luscinia sibilans Sw.
Сорока голубая	Cyanopica cyana pallescens Steg.
Сорокопут клинохвостый	Lanius sphenocercus Cab.
Сорокопут серый	Lanius excubitor subsp.?
Сойка	Garrulus glandarius brandtii Ev.
Сыч-воробей	Glaucidium passerinum orientale Tacz.
Таймень	Hucho taimen
Тигр	Felis tigris longipillis Ftz.
Трясогузка азиатская	Matocilla cinerea malanope Pall.
Трясогузка камчатская, черная	Matocilla alba lugens Glog.
Тюлень ушастый	Eumetopias jubatus Sch.
Удод	Upupa epops saturatus Lon.
Улит	Tringa nehularia Gun?
Утка морская	Nyroca marila mariloides Vig.
Фазан уссурийский	Phasianus mongolicus Pall.
Филин уссурийский	Bubo bubo-ussuriensis Pall.
Хорек	Musteia sibirica Pall.
Хохотунья восточносибирская	Larus cochinnans Pall.
Цапля белая	Egretta alba modesta Gray
Чернозобик тихоокеанский	Erolia alpina sakhalina Viell.
Чирок	Querquedula querquedula L.
Шершень	Vespa sp.?
Щука	Esox reicherii
Ястреб	Accipiter virgatus gularis Temm. et Schleg.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ДЕРСУ

АВТОР

ДЕРСУ УЗАЛА

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ПУТЕШЕСТВИИ
ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ В 1907 г.)



ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОТЪЕЗД

План экспедиции. — Мулы. — Конское снаряжение. — Инвентарь. — Питательные базы. — Прибытие Дерсу. — Помощь, оказанная моряками. — Залив Петра Великого. — Остров Аскольд. — Залив Преображения. — Плавание на миноносцах. — Прибытие в залив Ольги. — Высадка на берег. — Горбуша.

С января до апреля 1907 года я был занят составлением отчетов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предрешен, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45 и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, значит от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков *, ботаника Н. А. Десулави, студента Киевского университета П. П. Бордакова и

* Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров, Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук.

моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаемного препаратора пошел брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твердым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы вещь мало пригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движение коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носки. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешевы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе — уметь предохранить спички от сырости. Сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обертка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство — укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка еще плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремень, огниво, трут и жжёную тряпку.

Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничный инструмент: бурав диаметром в 8 миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки — в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шелковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножиков, серег, колец, разных брелоков, цепочек, стекляруса и т. д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы.

За месяц вперед А. И. Мерзляков был командирован в город Владивосток за покупкой мулов для экспедиции. Важно было приобрести животных некованых, с крепкими копытами. А. И. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Римша, где и оставить их под присмотром трех стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питатель-

ные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реке Такеме, на реке Амагу и на реке Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле все было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было еще исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске еще недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновки Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика-гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги он застал какого-то гольда-охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою. На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал:

— Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучине и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовке Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон.

Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Вану зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэхейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешел в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика-гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленя, рога которого оставил в кредит у китайцев.

Между прочим, в Анучине его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и, по своей наивной простоте, рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Вану и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало [1].

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, зафрахтовало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определенных

рейсов еще не было, и сама администрация не знала, когда вернется пароход и когда он снова отправится в плавание.

Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были итти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит [2].

Миноносцы уходили в плавание только во второй половине июня. Пришлось с этим мириться. Во-первых, потому, что не было другого случая добраться до залива Джигит, а, во-вторых, проезд по морю на военных судах позволял мне сэкономить значительную сумму денег. Кроме того, потеря времени во Владивостоке наполовину окупалась быстротой хода миноносцев.

22 июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не удалось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум — снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря; от воды поднимался густой туман; было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре легкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать.

На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова полуострова (ныне называемого полуостровом Муравьева-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Рикорд) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив) [3].

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Цидао, что значит «Зеленый остров».

Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращенной открытой стороной к югу. Продолжением его по направлению к материку будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырех тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всем острове их насчитывается не более полутораста голов. Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодовитость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из нее золота при помощи амальгамирования ртутью.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимание на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поровнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял; два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на NO (норд-ост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра еще не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту (45°54′ сев. шир. и 151° 34′ вост. долг.).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайший к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на волны, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала легкое суденышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шел вперед.

Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Решив провести ночь на суше, мы съехали на берег и развели костер.

Дерсу, против ожидания, легко перенес морскую качку. Он и миноносец считал живым существом.

— Моя хорошо понимай — его (он указывал на миноносец «Грозный») сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь.

Вокруг нашего костра было темно — ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже все было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах еще кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошел к себе в каюту, разделся и лег в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега.

30-го числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку. Всю ночь качался миноносец на мертвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твердую землю! Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам палатками, мы ответили им фуражками. В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!». Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошел за водою. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьется много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег. Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали еще две небольшие рыбки: 1) огуречник — род корюшки с темными пятнами по бокам и на спине. Это было очень странно, потому что идет она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки, и 2) колюшка — обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно, снесенная к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела еще того безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти ее и начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на нее внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРЕБЫВАНИЕ В ЗАЛИВЕ

Залив Рында. — Вечные переселенцы. — Приспособляемость к местным условиям жизни. — Взгляд на туземцев. — Первобытный коммунизм. — Таинственные следы. — Люди, скрывающиеся в тайге. — Золотая лихорадка. — Экспедиция к заливу. — Пластун. — Туман. — Потерянный трофей. — Бессонная ночь. — Случайная находка. — Стрельба по утке. — Состязание. — Выстрелы гольда. — Дерсу успокаивает подвыпивших стрелков. — Сказка «О рыбаке и рыбке». — Мнение гольда.

Залив Рында находится под 44°47′ сев. шир. и 136°31′ вост. долг. от Гринвича и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного — Пластуна. Оба они открыты со стороны моря и потому во время непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25—28 метрам. Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита со включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотою от 400 до 580 метров.

На прибрежных лугах около кустарников Н. А. Десулави обратил мое внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: 1) астру с удлиненными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую цветы фиолетово-желтые с белым хохолком величиной с копейку, расположенные красивой метелкой; 2) особый вид астрагала, корни которого

в массе добывают китайцы для лекарственных целей — это крупное многолетнее растение имеет ветвистый стебель, мелкие листья и многочисленные мелкие бледножелтые цветы; 3) крупную живокость с синими цветами, у которой вся верхняя часть покрыта нежным пушком; 4) волосистый журавельник с грубыми, глубоко надрезанными листьями и нежными малиновыми цветами; 5) темнопурпуровую кровохлебку с ее оригинальными перистыми листьями; 6) крупнолистную горечавку — растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синевато-фиолетовыми цветами, прикрытыми длинными листьями, и, наконец, 7) из числа сложноцветных — соссюрею Максимовича, имеющую высокий стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветы.

Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана. Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за нею. В другом месте две вороны преследовали сорокопута. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетели куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника.

Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопута и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода.

Дня через три (7 июля) пришел пароход «Эльдорадо», но ни А. И. Мерзлякова, ни мулов на нем не было. Приходилось, значит, ждать другой оказии. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошел к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

— Должно быть, вы раньше встречали друг друга? — спросил я старика.

— Как же, как же, — отвечал старовер, — я давно знаю Дерсу. Он был молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. Жили мы в то время на р. Даубихе, в деревне Петропавловке, а на охоту ходили на р. Улахе, бывали на Фудзине и на Ното.

И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Кососубым, вспо-

минали переселенцев, которых называли странными прозвищами — Зеленый Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй — чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его медом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушел, а я еще долго сидел у старика и слушал его рассказы. Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешел на Дерсу.

— Хороший он человек, правдивый, — говорил старовер. — Одно только плохо — нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот поди-ка, живет на земле все равно так же, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет?

— Да то же, что со мной и с тобой, — ответил я ему.

— Оборони, царица небесная, — сказал старовер и перекрестился. — Я — истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошел к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается.

— Ты куда? — спросил я его.

— На охоту, — отвечал он. — Моя хочу один козуля убей — надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал — шесть есть.

«Не душа, а пар»—вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение, и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов.

Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привез с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую — староверам, третью — китайцам соседних фанз.

Стрелки стали протестовать.

— Нельзя, — возразил Дерсу. — Наша так не могу. Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди кушай — грех.

Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудами своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

20

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Но успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашел чьи-то следы. Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские — четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали. Первое свое заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под напирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продается в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причем у одного из них сгорело одеяло.

С тех пор все чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец, недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам на бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее.

В г. Владивостоке в начале этого года разнесся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и легкое обогащение бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдорадо. Золотая лихорадка охватила всех: и старых и молодых. И в одиночку, и по-двое, и по-трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, по существу душевнобольные люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собой и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дождаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием ближайших окрестностей по направлению к заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулему и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съемок. Н. А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П. П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец, был нанесен последний штрих и поставлена точка. Я взял ружье и пошел на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощею травою, кустарниками леспедецы и редколесьем из дуба, липы и белой березы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе. Это обычное явление, хорошо известное жителям прибрежного района. В то время как на берегу моря бывает пасмурно и сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В сфере нагретого воздуха конденсация пара прекращается, и он становится невидимым для глаза. Вот почему китайцы, как бы ни была хороша земля на берегу моря, никогда здесь не селятся, а предпочитают уйти в горы.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашел маленькую тропинку и пошел по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу. Наученный опытом, я понял, что тропа эта звериная, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил ее и пошел целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашел.

Бо́льшая часть дня уже прошла. Приближался вечер. По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и шире и поглощая все, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружье и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Места, где лежал козел, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошел мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю.

Я решил вернуться на бивак, а завтра притти сюда с людьми и возобновить поиски. Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошел вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или еще что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям она должна была находиться слева и сзади. Прошел час, другой, а тропинка не попадалась. Тогда я переменил направление и пошел по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночевка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и итти дальше. Должно быть, взошла луна; сквозь туман ее не было видно, но на земле стало светлее. Часа два еще я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле — все это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец, я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне незнакомым. Я подошел к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз.

Наконец, стало светать. В воздухе разлился неясный серовато-синий свет утра. Туман казался неподвижным и сонным; трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошел по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мертвого козла.

Оказалось, что я все время кружил около него. Досадно мне стало за бессонную ночь, но тотчас это досадное чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику.

Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всем чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали

мглу и осветили мокрую землю. Тогда все стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо итти. Странным мне показалось, как это я не мог взять правильного направления ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шаг.

Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лег на свое место и уснул крепким сном.

Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утеса.

Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в нее целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолет, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в нее выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударилась в воду совсем в сторону. Утка опять нырнула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь шагах в трехстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукою глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют солдаты.

Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолет, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошел к ним и, смеясь, сказал:

— Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гоняй.

Сказав это, он быстро поднял свое ружье и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала ее водою. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в нее. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть ее можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солда-

тами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать свое искусство. Дьяков сел на колено, долго приспособлялся и долго целился, наконец, спустил курок. Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности. Тогда Дерсу медленно поднял свое ружье, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой. Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы еще долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я услышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили. Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

— Не надо ругаться, — сказал им тихо Дерсу, — слушайте лучше, я вам песню спою. — И, не дожидаясь ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо. Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют; кто поет, тот худо не думает», — вспомнилась мне старинная швейцарская пословица.

Уже смеркалось совсем, зажглись яркие звезды; из-за гор подымалась луна. Еще не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все еще пел свою песню, и пел он ее теперь вполголоса — для себя. Я вернулся в палатку, лег на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

— Верно, такой баба много есть. — Он даже плюнул с досады и продолжал: — Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, делал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был — сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошел к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чем он думает.

— Шибко жалко старика. Его был смирный люди. Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, — наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что сказка «О рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним еще немного, я вернулся в свою палатку.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЙ ПОХОД

Выступление. — Дерсу находит отряд по следам. — Река Иодзыхе и река Литянгоу. — Притоки реки Иодзыхе. — Лудева. — Тайга. — Пауки. — Да-Синанца и его притоки. — Затяжные дожди. — Горбатый таза и его семья. — Бегство их от китайцев. — Сон Дерсу и поминки по усопшим.

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырехстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же ориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам седла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя дневка, а на следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Борпаков с частью команды отправились на реку Синанцу [4], а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошел вверх по реке Литянгоу [5]. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошел Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я выска-

зал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

— Тебе иголка нету, птица тоже нету — летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть — посмотри.

На это у меня уже не было возражений. Я знал его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Подзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал все, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте—именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочком ваты, он заключил, что кто-то натер ногу, и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда.

Река Подзыхе [6] (по-удэхейски — Пеньи) почему-то на морских картах названа Владимировкой и показана маленьким ручейком. Долина ее — шириною около трех верст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый — пологие увалы, поросшие редкой осиной, березой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется, и горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба, растут: черная и белая береза, китайский ясень, орех, клен, пихта, пробковое дерево, тис, акация, осина и липа, а из кустов: лещина, бояръшник, калина, таволга и леспедеца.

Река Подзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего поселка.

Тропа от моря идет вверх по долине так, что все протоки Подзыхе остаются от нее вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около китайских фанз, расположенных у подножья широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

Реку Подзыхе было бы справедливо назвать «Козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело ее имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая притупленная голова с большими подвижными округленными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вилчатыми и имеющими не более шести отростков. Общая окраска тела козули летом темнорыжая, зимою — буро-серая. Сзади на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Его очень заметно, когда козуля бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно

«зеркалом». Защитная окраска делает ее совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой и видно одно только мелькающее белое «зеркало».

Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочевывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторый процент животных остается в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, китаи караулили их и избивали во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Уссури сибирская козуля перестала совершать такие кочевки. Убой животных на переправах сошел на-нет, и о таких ходах ныне сохранились только воспоминания.

В общем, дикая коза — пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком. Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намек на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местом пребывания козули являются лиственные болотистые леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, она все время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно большие прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса.

В Уссурийском крае козуля обитает повсеместно, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся за ней ради ее мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох; рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она погибает. Это особенно заметно на солонцах. Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что, как только на солонцах побывают изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Подзыхе, покрытая высокими тростниками и полынью, весьма благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в зарослях, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней китайцы содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось. А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шел вдоль реки и прятался за валежником. Из

этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унес ребенка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле китайца и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой. Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошел в воду и, погрузив в нее брюхо, хвост и крылья стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбину, бытащил ее на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся на воздух. Тотчас к нему присоединилось еще два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь все выше и выше в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз. В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Минут через пять я присоединился к отряду.

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе длиною 16 километров и слева — Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь итти А. И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая, извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебро-свинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная — нето поперечная, нето продольная. Местами она расширяется до $1^1/_2$ километров, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засоренных камнями и не пригодных для земледелия. Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими.

В верховьях Литянгоу есть китайская зверовая фанза. От нее тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Подзыхе — смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэхейцев). Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше, по долине, около гор.

На следующий день мы расстались с китайцами.

Тропа опять перешла за реку и вскоре привела нас к тому месту, где Подзыхе разбивается на три реки: 1) Синанцу, 2) Кулему (этимология этого слова мне неизвестна) и 3) Ханьдахезу [7]. Кулему, длиною километров сорок, течет с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахеза — 20 километров; по последней можно выйти на реку Спцу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар. От места слияния этих трех рек и начинается, собственно, Подзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у ее подножья. Китайцы говорят, что это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течет по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиною около 75 километров и шириною до 30 метров. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и незаметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с нее, мы прошли еще с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы. Кроме обычных ясеня, березы Эрмана и ольхи, здесь произрастали: аянская ель — представительница охотской флоры, клен с красными ветвями, имеющий листву, как у неклена, затем черемуха Маака с желтой берестой, как у березы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и, наконец, в изобилии по берегам реки ивняки, у которых молодые побеги имеют красновато-сизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник с весьма мелкими, закругленными, мохнатыми листьями и белый дерен с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху темнозелеными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собою так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкою порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный

мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чортова дерева, виноградника и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обводить мулов стороною.

В этот день Н. А. Десулави отметил в своем дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: 1) клинтонию с крупными сочными листьями и белыми цветами на длинном стебельке, 2) гнездовку, украшенную многочисленными ароматичными фиолетовыми цветами, 3) козлец — высокое растение с длинными сидящими листьями и с беловато-желтыми цветами, затем 4) папоротник, большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению напоминают листья орляка, и 5) кочедыжник женский — тоже с отдельными большими листьями, форма которых непостоянна и меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа не приспособлена для передвижений с вьюками.

Во избежание задержек, вперед был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника обивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом.

После полудня отряд дошел до лудевы. Она пересекала долину реки Спинанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудева была старая, и потому следовало внимательно смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около нее на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, звериных шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

Утром спать нам долго не пришлось. На рассвете появилось много мошкары; воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к бивуку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идет густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие черные пауки. Они строят тенета колесного типа, причем основные нити бывают длиною от 5 до 7 метров и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукою. В августе месяце пауки эти пропадают, и на их место появляются другие, меньших размеров, желто-зеленого цвета, с красным рисунком

на брюшке и голово-груди. Их противные паутины встречались чуть ли не на каждом шагу. В особенности много неприятностей испытывает тот, кто едет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос.

В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу [8] и Сяо-Синанцу [9]. Первая является главной рекой, вторая — ее притоком.

По мере приближения к водоразделу угрюмее становился лес и больше попадалось звериных следов; тропа стала часто прерываться и переходить то на одну, то на другую сторону реки, наконец, мы потеряли ее совсем.

На этом протяжении в Синанцу впадают следующие горные речки: Пярл-гоу и Пзимлу — справа; Лаза-гоу и Хунголягоу [10] — слева. Сама по себе река немноговодна, но бурелом, сложенный в большие груды, указывает на то, что во время дождей вода подымается настолько высоко, что деревья по ней свободно переносятся с одного места на другое.

Чем дальше, тем итти становилось труднее. Поэтому я решил оставить мулов на биваке и назавтра продолжать путь с котомками. Мы рассчитывали в два дня достигнуть водораздела, однако этот переход отнял у нас четверо суток. В довершение всего погода испортилась — пошли дожди.

В верховьях река Синанца с левой стороны принимает в себя целый ряд мелких ручьев, стекающих с Сихотэ-Алиня.

Выбрав один из них, мы стали взбираться на хребет. По наблюдениям Дерсу, дождь должен был быть затяжным. Тучи низко ползли над землею и наполовину скутывали горы. Следовательно, на вершине хребта мы увидели бы только то, что было в непосредственной от нас близости. К тому же взятые с собой запасы продовольствия приходили к концу. Это принудило нас на другой день спуститься в долину.

Двое суток мы отсиживались в палатках. Наружу нельзя было показать носа. По хмурому небу низко, словно вперегонки, бежали тяжелые тучи и сыпали дождем. Наконец, терпение наше лопнуло, и, невзирая на непогоду, мы решили итти назад к морю. Не успели мы отойти от бивака на такое расстояние, с которого в тихую погоду слышен ружейный выстрел, как дождь сразу прекратился, выглянуло солнце, и тогда все кругом приняло ликующий вид, только мутная вода в реке, прибитая к земле трава и клочья тумана в горах указывали на недавнее ненастье.

Утомленные непогодой, мы рано стали на бивак. Вечером около нашего табора с ревом ходил тигр. Ночью мы поддерживали усиленный огонь и несколько раз стреляли из ружей.

Дня через два мы дошли до того места, где оставили мулов и часть команды. Около устья реки Синанцы мы застали семью, состоящую из горбатого тазы, его жены, двух малых детей и еще

одного молодого удэхейца по имени Чан-Лин. Они стояли на галечниковой отмели и занимались ловлей рыбы. Неподалеку от них стойбища на гальке лежала опрокинутая вверх дном лодка. Белизна дерева и свежие подпалины на бортах ее свидетельствовали о том, что она только что выдолблена и еще не видела воды. Горбатый таза объяснил нам, что сам он лодок делать не умеет и для этого нарочно пригласил своего племянника с реки Такемы.

Поговорив немного с туземцами, мы пошли дальше, а Дерсу остался. На другой день он догнал нас и сообщил много интересного. Оказалось, что местные китайцы решили отобрать у горбатого тазы его жену с детьми и увезти их на Иман. Таза решил бежать. Если бы он пошел сухопутьем, китайцы догнали бы его и убили. Чан-Лин посоветовал ему сделать лодку и уйти морем.

25 июля мы пошли к китайским фанзам, расположенным около реки Дунгоу, по долине которой идет путь на реку Санхобе.

Следующая ночь была темная и дождливая. Тазы решили воспользоваться ею для побега. Совпало так, что китайцы тоже в эту ночь решили сделать нападение и не только отобрать женщину, но и раз навсегда отделаться от обоих тазов. Дерсу как-то проведал об этом и сообщил удэхейцам о грозящей им опасности. Захватив с собою винтовку, он отправился в фанзу горбатого тазы и разжег в ней огонь, как будто все обитатели ее были дома. В это время тазы тихонько спустили лодку в воду и посадили в нее женщину и детей. Надо было проплыть мимо китайского селения. Ночь была ветреная, дождливая, и это способствовало успеху.

Чтобы лодку не было видно, Дерсу вымазал ее снаружи грязью и углем. Как ни старались оба охотника, но обмануть собак не удалось. Они учуяли тазов и подняли неистовый лай. Китайцы выскочили из фанзы, но лодка прошла опасное место раньше, чем они успели добежать до реки. Дерсу решил проводить тазов до самого моря. Приблизительно через час лодка дошла до моря. Здесь Дерсу распрощался с тазами и вышел на берег. Опасаясь встречи с китайцами, он не пошел назад по дороге, а спрятался в лесу, и только под утро возвратился к нам на бивак.

26 июля мы пробыли еще на реке Иодзыхе. Стрелки занимались приведением в порядок своей обуви и стиркой белья.

Целый день Дерсу был в каком-то мрачном настроении. Он все время уединялся и не хотел ни с кем разговаривать. Потом он попросил у меня три рубля и ушел куда-то. В четыре часа пополудни Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли экскурсировать по окрестностям, а я занялся вычерчиванием маршрута по реке Синанце.

В сумерки снова появился туман. По мере того как становилось темнее, он сгущался все больше и больше; скоро в нем

утонули противоположный берег реки и фанзы китайцев. Казалось, вместе с туманом на землю спустилась мертвящая тишина, нарушаемая только падением капель воды с намокшей листвы деревьев.

В это время пришел один из стрелков и стал рассказывать о том, что Дерсук (так всегда они его звали) сидит один у огня и поет песню.

Я спросил солдата, где он видел гольда.

— Далеко, — отвечал он мне, — в лесу около речки.

Стрелок объяснил мне, что надо итти по тропе до тех пор, пока справа я не увижу свет. Это и есть огонь Дерсу. Шагов триста я прошел в указанном направлении и ничего не видел. Я хотел уже было повернуть назад, как вдруг слабо сквозь туман в стороне действительно заметил отблеск костра. Не успел я отойти от тропы и пятидесяти шагов, как туман вдруг рассеялся.

То, что я увидел, было так для меня неожиданно и ново, что я замер на месте и не смел пошевельнуться. Дерсу сидел перед огнем лицом ко мне. Рядом с ним лежали топор и винтовка. В руках у него был нож. Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал ее и тихо пел какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружки до конца. Они загибались одна за другой и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряженно, но ответа не было. Тогда он бросал стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в нее водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросал на землю во все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костер листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы, новые китайские узы, коробок спичек и, наконец, пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чем-то задумался.

Тогда я решил к нему подойти и нарочно спустился на прибрежную гальку, чтобы он слышал мои шаги. Старик поднял голову и посмотрел на меня такими глазами, в которых я прочел тоску. Я спросил его, почему он так далеко ушел от фанзы, и сказал, что беспокоился о нем. Дерсу ничего не ответил мне на это. Я сел против него у огня. Минут пять сидели мы молча. В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотки грусти,

страха и радости. Затем все стихло. Дерсу тихонько опустился на свое место и стал поправлять огонь. Накалившаяся докрасна бутылка растрескалась и стала плавиться.

Я не расспрашивал его, что все это значит, я знал, что он сам поделится со мною, — и не ошибся.

— Там люди много, — начал он. — Китайцы, солдаты... Понимай нету, смеяться будут, — мешай.

Я не прерывал его. Тогда он рассказал мне, что прошлой ночью он видел тяжелый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и были голодны. Они просили его принести им дрова и прислать теплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом. Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

— Это ханяла [11], — ответил Дерсу. — Моя думай, это была жена. Теперь она все получила. Наша можно в фанзу ходи.

Дерсу встал и разбросал в стороны костер. Стало вдвое темнее. Через несколько минут мы шли назад по тропе. Дерсу молчал, и я молчал тоже.

Кругом было тихо. Сонный воздух точно застыл. Густой туман спустился в самую долину, и начало моросить. При нашем приближении к фанзам собаки подняли громкий лай.

Дерсу, по обыкновению, остался ночевать снаружи, а я вошел в фанзу, растянулся на теплом кане и начал дремать. Рядом за стеной слышно было, как мулы ели сено. Собаки долго не могли успокоиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ГОРАХ

Река Дунгоу. — Непогода. — Медведь, добывающий мед. — Встреча с Чжан-Бао. — Река Бея. — Зоогеографическая граница горалов. — Река Кудя-хе. — Фанза Дун-Тавайза. — Реки Фату и Адимил. — Осыпи в горах. — Мелкие речки, текущие в море. — Береговая тропа. — Дикая кошка. — Нападение жуков.

На другой день погода была пасмурная; по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и самый воздух казался потемневшим. Точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. В 8 часов утра, расплатившись с китайцами, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки Дунгоу к бухте Терней.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и, в особенности, царившая кругом тишина — все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большею силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки Дунгоу и сделали привал. В то время когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственице и стал оглядываться. Захаров выстрелил в него и промахнулся. Испуганная птица торопливо снялась с места и полетела к лесу.

— Худо, — сказал Дерсу, — будет большой дождь.

На задаваемые вопросы он объяснил, что если в тихую погоду туман подымается кверху и если при этом бывает сильное эхо, непременно надо ждать затяжного дождя.

Около часу дня я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков пошли вперед, а стрелки начали вьючить мулов. К трем часам мы взошли на перевал, откуда начинался сток воды в реку Наимбе. Надо было бы здесь стать на бивак, но я уступил просьбам своих товарищей, и мы пошли дальше. Не успели мы спуститься с водораздела, как начался дождь, скоро превратившийся в настоящий ливень. Мы развели большой огонь — мокли и сушились в одно и то же время. К сумеркам подошли мулы, только тогда мы начали переодеваться и ставить палатки. Вечером дождь пошел еще сильнее, и так — до самого рассвета. Мы не спали всю ночь, зябли, подкладывали дрова в костер, несколько раз принимались пить чай и в промежутках между чаепитиями дремали.

Утром Н. А. Десулави хотел было подняться на гору Хунтами для сбора растений около гольцов, но это ему не удалось. Вершина горы была окутана туманом, а в два часа дня опять пошел дождь мелкий и частый. Днем мы успели как следует обсушиться, оправить палатки и хорошо выспаться.

На следующий день, 29 июля, опять дождь. Нельзя разобраться, где кончается туман и где начинаются тучи. Этот мелкий, частый дождь шел подряд трое суток с удивительным постоянством.

Терпение наше истощилось. Н. А. Десулави не мог больше ждать. Отпуск его кончался, и ему надлежало возвратиться в Хабаровск.

Несмотря на непогоду, он решил ехать в залив Джигит и там дожидаться парохода. Я дал ему двух мулов и двух провожатых. Часов в одиннадцать утра мы расстались, пожелав друг другу счастливого пути и успехов.

В полдень погода не изменилась. Ее можно было бы описать в двух словах: туман и дождь. Мы опять просидели весь день в палатках. Я перечитывал свои дневники, а стрелки спали и пили чай. К вечеру поднялся сильный ветер. Царствовавшая дотоле тишина в природе вдруг нарушилась. Застывший воздух пришел в движение и одним могучим порывом сбросил с себя апатию.

Сорванная с деревьев листва закружилась в вихре и стала подниматься кверху. Порывы ветра были так сильны, что ломали

сучья, пригибали к земле молодняк и опрокидывали сухие деревья.

— Кончай есть, — сказал Дерсу довольным тоном. — Сегодня ночью наша звезды посмотри. Завтра — посмотри солнце.

И действительно, часов в десять вечера темный небесный свод, усеянный миллионами звезд, совершенно освободился от туч. Сияющие ночные светила словно вымылись в дожде и приветливо смотрели на землю. К утру стало прохладно.

Следующий день был последним днем июля. Когда занялась заря, стало видно, что погода будет хорошая. В горах еще кое-где ключьями держался туман. Он словно чувствовал, что доживает последние часы, и прятался в глубокие распадки. Природа ликовала: все живое приветствовало всесильное солнце, как бы сознавая, что только одно оно может прекратить ненастье.

Этот день мы употребили на переход к знакомой нам грибной фанзе, около озера Благодати. Опять нам пришлось мучиться в болотах, которые после дождей стали еще непроходимее. Чтобы миновать их, мы сделали большой обход, но и это не помогло. Мы рубили деревья, кусты, устраивали гати, и все-таки наши ьючные животные вязли на каждом шагу чуть не по брюхо. Большого труда стоило нам перейти через зыбуны и только к сумеркам удалось выбраться на твердую почву.

На другой день мы выступили рано. Путь предстоял длинный, и хотелось поскорее добраться до реки Санхобе, откуда, собственно, и должны были начаться мои работы. П. П. Бордаков взял ружье и пошел стороною, я с Дерсу по обыкновению отправился вперед, а А. И. Мераляков с мулами остался сзади.

Около второго распадка я присел отдохнуть, а Дерсу стал переобуваться. Вдруг до нас донеслись какие-то странные звуки, похожие нето на вой, нето на визг, нето на ворчание. Дерсу придержал меня за рукав, прислушался и сказал:

— Медведь!

Мы встали и тихонько пошли вперед. Скоро мы увидели виновника шума. Медведь средней величины возился около большой липы. Дерево росло почти вплотную около скалы. С лицевой стороны на нем была сделана заметка топором, что указывало на то, что рой этот раньше нас и раньше медведя нашел кто-то из людей.

С первого взгляда я понял, в чем дело: медведь добывал мед. Он стоял на задних ногах и куда-то тянулся. Протиснуть лапу в дупло ему мешали камни. Медведь был из числа терпеливых. Он ворчал и тряс дерево изо всей силы. Вокруг вились пчелы и жалили его в голову. Медведь тер морду лапами, кричал тоненьким голосом, валялся по земле и затем вновь принимался за ту же работу. Его уловки были очень комичны. Наконец он утомился, сел на землю по-человечески и, раскрыв рот, стал смотреть на дерево, видимо что-то соображая. Так просидел

ся минуты две. Затем вдруг поднялся, быстро подбежал к липе и полез на ее вершину. Взобравшись наверх, он протиснулся между скалой и деревом и, упершись передними и задними лапами в камни, начал сильно давить спиной дерево. Дерево подалось немного. Но, видимо, медведю было больно спину. Тогда он переменил положение и, упершись спиной в скалу, стал лапами давить на дерево. Липа затрещала и рухнула на землю.

Этого и надо было медведю. Теперь оставалось только разобрать заболонь и добыть соты.

— Его шибко хитрый люди, — сказал Дерсу. — Надо его гоняй, а то скоро весь мед кушай. — Сказав это, он крикнул: — Тебе какой люди, тебе как чужой мед карабчи [12]!

Медведь оглянулся. Увидев нас, он побежал и быстро исчез за скалою.

— Надо его пугай, — сказал Дерсу и выстрелил в воздух.

В это время подошли кони. Услышав наш выстрел, А. И. Мерзляков остановил отряд и пришел узнать, в чем дело. Решено было для добычи меда оставить двух стрелков. Надо было сперва дать пчелам успокоиться, а затем морить их дымом и собрать мед. Если бы это не сделали мы, то все равно весь мед съел бы медведь.

Минут через пять мы тронулись дальше.

По мере того как продвигаешься на север по побережью моря, замечаешь, что представители маньчжурской флоры один за другим остаются сзади. Первая отстала груша. Я видел ее последний раз на реке Подзыхе. Потом — акация Маака. Бухта Терней, повидимому, является для нее северной границей. Дальше всех на север проникает монгольский дуб. Зато лиственница появилась на берегу моря небольшими группами. Кроме растущей здесь в изобилии калины, орешника и леспедецы, мы заметили перистые пятерные листочки и характерные бледно-желтые цветы лапчатки, затем кустарниковую низкорослую рябину, дающую мелкие и почти безвкусные светлокрасные плоды, а рядом с ней даурский можжевельник, стелющийся по земле и подымающий кверху свои густые зеленые ветви с матово-синим оттенком и прошлогодними сухими ягодами.

Дальнейшее путешествие наше до реки Санхобе прошло без всяких приключений. К бухте Терней мы прибыли в четыре часа дня, а через час прибыли и охотники за пчелами и принесли с собой 9 килограммов хорошего сотового меду. Вечером казаки ловили рыбу в реке. Кроме горбуши, в неводок попалось несколько гольянов, мясо которых имело горьковатый привкус.

Здесь мы расстались с П. П. Бордаковым. Он тоже решил возвратиться в Джигит с намерением догнать Н. А. Десулави и с ним доехать до Владивостока. Жаль мне было потерять хорошего товарища, но ничего не поделаешь. Мы расстались искренними друзьями. На другой день П. П. Бордаков отпра-

вился обратно, а еще через сутки (3 августа) снялся с якоря и я со своим отрядом.

На реке Санхобе мы опять встретились с начальником охотничьей дружины Чжан-Бао и провели вместе целый день. Оказалось, что многое из того, что случилось с нами в прошлом году на Имане, ему было известно. От него я узнал, что зимой он ходил разбирать спорный земельный вопрос между тазами и китайцами, а весной был на реке Ното, где уничтожил шайку хунхузов.

Я чрезвычайно обрадовался, когда услышал, что он хочет итти со мной на север. Это было вдвойне выгодно. Во-первых, потому, что он хорошо знал географию прибрежного района, во-вторых, его авторитет среди китайцев и влияние на туземцев значительно способствовали выполнению моих заданий.

Небольшая речка Бея[13] (по-удэхейски Иеля), по которой я пошел от бухты Терней, впадает в реку Санхобе в двух километрах от устья. Она длиною около двенадцати километров и течет по заболоченной долине, расположенной параллельно берегу моря. С правой стороны ее тянутся пологие увалы, с левой — скалистые сопки, состоящие из кварцевого порфира, диабаза и диорита.

В истоках река Бея поворачивает на восток и доходит почти до самого моря. Тропа проложена китайцами по увалам с правой стороны долины. Окрестные горы, о которых идет здесь речь, покрыты весьма редким лесом, состоящим преимущественно из клена, бархата, ореха, липы и черной березы. По берегам речки густо растут ивняк и ольха. Открытые места заросли леспедецей, таволожником, шиповником и калиной. Внизу, по низинам — царство тростника, подмаренника и полыни. Местами эти травы положительно глушат все другие растения. Только полевой горошек, пользуясь способностью цепляться за них, мог еще оспаривать свое право на существование.

Следуя за рекой, тропа уклоняется на восток, но не доходит до истоков, а поворачивает опять на север и взбирается на перевал Кудя-лин[14], высота которого определяется в 260 метров. Подъем на него с юга и спуск на противоположную сторону — крутые. Куполообразную гору с левой стороны перевала китайцы называют Цзун-ган-шань[15]. Она состоит главным образом из авгитового андезита.

За перевалом мы нашли маленькую горную речку Кудя-хе[16], которая на морских картах называется Кудия, а у тазов Кудя-Бязани. Она не имеет выхода в море: устье ее занесено песком и галькой. Вследствие этого здесь образовалась болотина. По словам тазов, это лучшие солонцы во всем прибрежном районе. Действительно, около болота виднелось множество звериных следов. От моря Кудя-хе отделяется высокими скалистыми горами, покрытыми с подветренной стороны хвойным лесом. В зоогеографическом отношении это очень интересное место.

Здесь проходит северная граница распространения горалов.

Небольшие долинки, обставленные невысокими остроконечными сопками, покрытые лиственным редколесьем, весьма удобны для поселений небольшими хуторами. Прибрежные возвышенности состоят из фельзитовых порфиритов, поверх которых лежат слои вулканических туфов.

За рекой Кудя-хе тропа переваливает через небольшой мысок и спускается в долину другой горной речки Тавайзы[17] (по-удэхейски Омуски), длиною 7—8 километров. Спуск в долину Тавайзы крутой, почти обрывистый. Еще один перевал, и мы попали в великолепную плодородную долину небольшой реки Адимил, которая на картах обозначена Акмой и которую удэхейцы называют Агама. Собственно говоря, здесь две речки сходятся вместе в одном километре от моря. При устье их углубление береговой линии образовало небольшую, весьма живописную бухточку. Здесь мы нашли хорошенькую китайскую фанзу с названием Дун-Тавайза[18]. От бухты Терней до этого места 27 километров.

Из фанзы навстречу нам вышли два китайца. Они приняли мулов от людей, помогли нам раздеться и пригласили к себе в жилище. Более радушного приема я нигде не встречал. У этих китайцев не было и тени раболепства—они просто были гостеприимны и караулили каждое наше желание. Впоследствии от староверов я слышал о них именно такие же отзывы. Где они теперь? Один из них был старик; быть может, его теперь уже нет в живых. Во всяком случае у всех нас об этих людях сохранились самые хорошие воспоминания. Здесь было так хорошо и уютно, жизнь китайцев казалась такой тихой и мирной, что я решил остаться у них на дневку. Вечером, сидя у жаровни с угольями, я пил чай с солеными лепешками и расспрашивал старика о путях, ведущих на север.

Река Фату (по-удэхейски Фарту) впадает в реку Санхобе с левой стороны, в однодневном пути от устья, и течет с северо-востока параллельно берегу моря. Горный хребет, отделяющий бассейн ее от речек, текущих непосредственно в море, имеет в среднем высоту в 600 метров. Следующая большая река, которая берет начало с Сихотэ-Алиня, будет река Билимбе, впадающая в море около горы Железняк, немного южнее мыса Шанца.

Я рассчитывал часть людей и мулов направить по тропе вдоль берега моря, а сам с Чжан-Бао, Дерсу и тремя стрелками пойти по реке Адимил к ее истокам, затем подняться по реке Билимбе до Сихотэ-Алиня и обратно спуститься по ней же к морю.

Утром 4 августа мы стали собираться в путь. Китайцы не отпустили нас до тех пор, пока не накормили как следует. Мало того, они щедро снабдили нас на дорогу продовольствием. Я хотел было рассчитаться с ними, но они наотрез отказались от

денег. Тогда я положил им деньги на стол. Они тихонько передали их стрелкам. Я тоже тихонько положил деньги под посуду. Китайцы заметили это и, когда мы выходили из фанзы, побросали их под ноги мулам. Пришлось уступить и взять деньги обратно.

Река Адимил в верховьях слагается из двух ручьев, текущих навстречу друг другу. Километрах в пяти от земледельческой фанзы находится другая, лудевая фанза, в которой живут три китайца-охотника, занимающиеся ловлей оленей ямами.

В долине реки Адимил произрастают лиственные леса дровяного и поделочного характера; в горах всюду видны следы пожарищ. На релках и по увалам — густые заросли таволги, орешника и леспедецы. Дальше в горах есть немного кедра и пихты. Широкие полосы гальки по сторонам реки и измочаленный колодник в русле указывают на то, что хотя здесь больших наводнений и не бывает, но все же в дождливое время года вода идет очень стремительно и сильно размывает берега.

Так как отряд выступил от фанзы Дун-Тавайза довольно поздно, то пришлось итти почти до сумерек. К вечеру мы дошли до истоков реки Адимил и стали биваком близ перевала на реку Фату. В этот день погода стояла, хотя пасмурная и туманная, но было душно и сильно парило. Я опасался дождя и спросил мнения Дерсу насчет погоды. Он сказал, что сейчас состояние погоды таково, что «туман сам еще не знает, превратиться ему в тучи или рассеяться». Сказал это он по-своему и опять назвал туман «люди». У него это вышло так, как будто туман рассуждал, превратиться ли ему в дождь или подождать немного.

Часов в семь вечера вдруг туман быстро начал подниматься кверху. Одновременно с этим стал накрапывать дождь, который минут через пятнадцать перестал, а вместе с ним рассеялся и туман. На небе выглянули звезды.

Наутро мы поднялись довольно рано, напились чаю и стали подыматься на гору Тигровую (595 метров), сплошь покрытую осыпями.

Надо сказать, что в прибрежном районе осыпи больше развиты, чем к западу от Сихотэ-Алиня. Одни из них состоят из обломков в метр величиною, другие из камней с конскую голову, третьи — с голову человека. Обломки в большинстве случаев угловатые и так плотно уложены, что по ним свободно можно итти, как по лестнице. Осыпи древнего происхождения всегда скрыты под мощным покровом растительности. Впрочем, мне часто приходилось видеть старые осыпи, покрытые одними только лишайниками. Они чаще всего располагаются по вершине гор и издали кажутся в виде серых пятен. Иногда осыпи эти занимают большую часть горы. Тогда, обратно, участки с растительностью на общем сером фоне осыпей кажутся зелеными пятнами.

Как произошли осыпи? Кажется, будто здесь были землетрясения и целые утесы распались на обломки. На самом деле

это работа медленная, вековая и незаметная для глаза. Сначала в каменной породе появляются трещины; они увеличиваются в размерах, сила сцепления уступает силе тяжести, один за другим камни обрываются, падают, и мало-помалу на месте прежней скалы получается осыпь. Обломки скатываются вниз до тех пор, пока какое-либо препятствие их не задержит.

Движение по осыпям, покрытым мхом, всегда довольно затруднительно: то ставишь ногу на ребро, то попадаешь в щели между камнями. Внизу осыпи покрыты землей и травой настолько густо, что их не замечаешь вовсе, но по мере того как взбираешься выше, растительность постепенно исчезает.

Летом, в жаркие дни, багульник выделяет такое обилие эфирных масел, что у непривычного человека может вызвать обморочное состояние. За багульником идут мхи и лишайники. Осыпи для людей не составляют помехи, но для коней и мулов они являются серьезным препятствием. Приходится обходить их далеко стороною.

Поднявшись на хребет, мы повернули на север и некоторое время шли по его гребню. Теперь слева от нас была лесистая долина реки Фату, а справа — мелкие речки, текущие в море: Секуму, Одега Первая, Одега Вторая, Тания, Вязтыгни, Хотзе, Иеля и Шакира.

Вдоль берега моря проложена пешеходная тропа. Она пересекает все упомянутые речки в трех-пяти километрах от их устьев. Твердый грунт тропы допускает движение вьючных обозов. Перевалы через горные отроги между речками не превышают 125 метров.

На всем протяжении от реки Секуму до реки Шакиры в последовательном порядке располагаются следующие горные породы: известняки, известковые песчаники, граниты, гнейсы и кристаллические сланцы.

Часа в четыре дня пошел дождь. Мы спустились с хребта и, как только нашли в ручье воду, тотчас стали биваком. Стрелки принялись развьючивать мулов, а мы с Дерсу, по обыкновению, отправились на разведку. Я пошел вверх, а он вниз по ключу.

Дождь в лесу — это двойной дождь. Каждый куст и каждое дерево при малейшем сотрясении обдают путника водою. В особенности много дождевой воды задерживается на листве лespедецы. Через пять минут я был таким же мокрым, как если бы окунулся с головой в реку.

Я хотел было уже повернуть назад, как вдруг увидел какое-то странное животное. Оно спускалось с дерева на землю. Я прицелился и выстрелил. Животное стало биться на земле. Вторым выстрелом я прекратил его мучения. Это оказалась дикая кошка (по-китайски — елиза). Меня поразили ее размеры. Сначала я думал, что это рысь, но отсутствие кисточек на ушах и длинный хвост убедили меня, что это кошка. Длина ее равнялась 1 метру 9 сантиметрам; окраска — буровато-желтовато-серая с сала

заметными пятнами по всему телу, брюхо и внутренняя сторона ног — грязноватобелые. Хвост короче, чем у домашней кошки, и не имеет поперечных темных полос. От домашней кошки она отличается не только своими крупными размерами, но и другими признаками: более сильными зубами, длинными усами и густой шерстью.

Дикая кошка ведет одинокий образ жизни и держится в густых сумрачных лесах, где есть скалистые утесы и дуплистые деревья. Это весьма осторожное и трусливое животное становится способным на яростное нападение при самозащите. Охотники делали опыты приручения молодых котят, но всегда неудачно. Удэхейцы говорят, что котята дикой кошки, даже будучи взяты совсем малыми, никогда не ручнеют.

Специально за дикой кошкой никто не охотится, и убой ее — дело случайное. Местные китайцы из кошачьего меха делают зимние воротники и шапки.

В Уссурийском крае дикая кошка распространена повсеместно, но чаще встречается около Владивостока — на Русском острове.

Забрав свой трофей, я возвратился на бивак. Там все уже были в сборе, палатки поставлены, горели костры, варился ужин. Вскоре возвратился и Дерсу. Он сообщил, что видел несколько свежих тигровых следов и один из них недалеко от нашего бивака.

Часов в восемь вечера дождь перестал, хотя небо было по-прежнему хмурое. До полуночи вызвался караулить Дерсу. Он надел унты, поправил костер и, став спиной к огню, стал что-то по-своему громко кричать в лес.

— Кому ты кричишь, с кем говоришь? — спросили его стрелки.

— Амба, — отвечал он. — Моя говори ему: на биваке много солдат есть. Солдаты стреляй, тогда моя виноват нету.

И он опять принялся кричать протяжно и громко: «А-та-та-ай, а-та-та-ай». Ему вторило эхо, словно кто перекликался в лесу, повторяя на разные голоса последний слог — «ай». Крики уносились все дальше и дальше и замирали вдали.

Вдруг какой-то сильный шум, похожий на стрекотание, окружил нас. Что-то больно ударило меня в лицо, и в то же время я почувствовал посторонний предмет у себя на шее. Я быстро поднял руку и схватил что-то жесткое, колючее и испуганно сбросил на землю. Это был огромных размеров жук, похожий на оленя, но только без рогов. Другого такого жука я смахнул с руки и вдруг увидел еще трех жуков у себя на рубашке и двух на одеяле. Их было много. Они ползали около костра и падали в горящие угольи. Особенно страшными казались те, что летали и старались сесть на голову. Я вскочил с постели и отбежал в сторону. Жуки долго еще попадались то на одеяле, то на шинели, то у кого-нибудь в сумке, то в головном уборе.

Дерсу объяснил:

— Моя раньше такой люди, — он указал на жука, — много посмотри нету; один-один каждый год найди... Как его там много собрался?

Я поймал одного жука и впоследствии узнал его научное название — гигантский усач. Он является представителем фауны, оставшейся в Уссурийском крае в наследие от третичного периода. Жук был коричневого цвета, с пушком на спине, с сильными челюстями, загнутыми кверху, и очень напоминал жука-дровосека, только усы у него были покороче. Длина тела его равнялась $9^1/_2$ сантиметрам, а ширина — 3 сантиметрам. Небольшие глаза, треугольной формы, были расположены по сторонам головы; они были темного цвета и как бы прикрыты мелкой сеткой.

Долго мы провозились с жуками и успокоились только после полуночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НАВОДНЕНИЕ

Река Билимбе. — Плохие приметы. — Чортово место. — Ночная тревога. — Сихотэ-Алинь. — Непогода. — Зверовая фанза. — Тайфун. Трехдневный ливень. — Разбушевавшиеся стихии. — Затопленный лес.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север по хребту и часов в десять утра дошли до горы Острой, высотою в 678 метров. Осмотревшись, мы спустились в один из ключиков, который привел нас к реке Билимбе.

Погода все эти дни стояла хмурая; несколько раз начинал моросить дождь; отдаленные горы были задернуты нето туманом, нето какою-то мглою. По небу, покрытому тучами, на восточном горизонте протянулись светлые полосы, и это давало надежду, что погода разгуляется.

Выкормив мулов на подножном корму, мы пошли вверх по реке Билимбе, которую удэхейцы называют Били, а китайцы Бинь-лянь-бэй[19]. Она длиною около 90 километров и берет начало с Сихотэ-Алиня. Перевалов с Билимбе будет три: один влево (если стоять лицом к истокам), на реку Санхобе, другой вправо на реку Такему, и третий прямо на Иман. Билимбе течет по сравнительно узкой долине и на всем протяжении принимает в себя только четыре более или менее значительных притока, по два с каждой стороны. Самый большой из них будет река

Забытая. Она впадает в Билимбе слева (по течению), в 26 километрах от устья. Истоки ее находятся в горном узле, откуда берут начало реки Амагу и Кулумбе, о которых речь будет ниже.

В то время реку Билимбе можно было назвать пустынною. В нижней половине река шириной около 20 метров, глубиной до $1^1/_2$ метров и имеет скорость течения от 8 до 10 километров в час. В верховьях реки есть несколько зверовых фанз. Китайцы приходили сюда с Санхобе зимою лишь на время соболевания.

В этот день нам удалось пройти километров тридцать; до Сихотэ-Алиня оставалось еще столько же.

Билимбе — царство растений. По обоим берегам реки лес растет так густо, что кажется, будто река течет в коридоре. Наклонившиеся деревья во многих местах перепутались ветвями и образовали живописные арки.

По берегам протока растут кустарники, любящие свет и влагу. В собранном мною гербарии имеются: даурский шиповник, лишенный шипов, с опущенными мелкими листочками и с цветами средней величины; розовая иволистная таволожка, образующая вместе с леспедецей густые заросли. Тут же можно было видеть серебристобелые пушки ломоноса с мелкими листьями на длинных черешках, отходящих в сторону от стебля; крупный раскидистый гречишник, обладающий изумительной способностью приспосабливаться и процветать во всякой обстановке, изменяя иногда свой внешний вид до неузнаваемости; особый вид астры, растущей всегда быстро, и высокую вероннку, выдающую себя большим ростом и соцветием из белых колосовидных кистей.

Часа в четыре дня мы стали высматривать место для бивака. Здесь река делала большой изгиб. Наш берег был пологий, а противоположный — обрывистый. Тут мы и остановились. Стрелки принялись ставить палатки, а Дерсу взял котелок и пошел за водой. Через минуту он возвратился, крайне недовольный.

— Что случилось? — спросил я гольда.

— Моя думай, это место худое, — отвечал он на мой вопрос.— Моя река ходи, хочу вода бери, рыба ругается.

— Как ругается? — изумились солдаты и покатились со смеху.

— Чего ваша смеется? — сердился Дерсу. — Плакать скоро будете.

Наконец я узнал, в чем дело. В тот момент, когда он хотел зачерпнуть котелком воды, из реки выставилась голова рыбы. Она смотрела на Дерсу и то открывала, то закрывала рот.

— Рыба тоже люди, — закончил Дерсу свой рассказ. — Его тоже могу говори, только тихо. Наша его понимай нету.

Только что чайник повесили над огнем, как вдруг один камень накалился и лопнул с такой силой, что разбросал угли во все стороны. Точно ружейный выстрел. Один уголь попал к Дерсу на колени.

— Тьфу! — сказал он всердцах. — Моя хорошо понимай, это место худое.

Стрелки опять стали смеяться.

После ужина я взял ружье и пошел прогуляться вблизи бивака. Отойдя с полкилометра, я сел на бурелом и стал слушать. Кругом царила тишина, только вверху, на перекатах, глухо шумела вода. На противоположном берегу, как исполинские часовые, стояли могучие кедры. Они глядели сурово, точно им известна была какая-то тайна, которую во что бы то ни стало надо было скрыть от людей. После теплого дождя от земли стали подниматься тяжелые испарения. Они сгущались все более и более, и вскоре вся река утонула в тумане. Порой легкое дуновение ветерка приводило туман в движение, и тогда сквозь него неясно вырисовывались очертания противоположного берега, покрытого хвойным лесом.

В это время я увидел в тумане что-то громоздкое и большое. Оно двигалось по реке мне навстречу медленно и совершенно бесшумно. Я замер на месте, сердце мое усиленно забилось. Но я еще больше изумился, когда увидел, что темный предмет остановился, потом начал подаваться назад и через несколько минут так же таинственно исчез, как и появился. Был ли это зверь какой-нибудь, или это плыл бурелом по реке, не знаю. Сумерки, угрюмый лес, густой туман и главным образом эта мертвящая тишина создавали картину невыразимо жуткую и тоскливую. Мне стало страшно. Я встал и поспешно пошел назад. Минут через десять я подходил к биваку.

Люди двигались около огня и казались длинными привидениями. Они тянулись куда-то кверху, потом вдруг сокращались и припадали к земле. Я спросил Захарова, не проплыло ли мимо что-нибудь по реке. Он ответил отрицательно.

Тогда я рассказал им о видении и пробовал объяснить это явление игрою тумана.

— Гм, какое худое место; — услышал я голос Дерсу.

Я обернулся. Он сидел у огня и качал головой.

— Надо его гоняй, — сказал он и вслед за тем взялся за топор.

— Кого? — спросил я.

— Чорта, — отвечал гольд самым серьезным образом.

Затем он пошел в лес и принялся рубить сырую ель, осину, сирень и т. п., то-есть такие породы, которые трещат в огне. Когда дров набралось много, он сложил их в большой костер и поджег. Яркое пламя взвилось кверху, тысячи искр закружились в воздухе. Когда дрова достаточно обуглились, Дерсу с криками стал разбрасывать их во все стороны. Стрелки обрадовались случаю и прибежали ему помогать. Они крутили горящими головешками и бросали их кверху. Красивую картину представляет собою такая вертящаяся ракета, разбрасывающая во все стороны искры. Два полена упали в воду. Они сразу

потухли, но долго еще дымились. Наконец костер был уничтожен. Разбросанные в лесу головешки медленно гасли одна за другой.

После этого мы принялись за чаепитие, а затем стали укладываться на ночь. Я хотел было почитать немного, но не мог бороться со сном и незаметно для себя заснул. Мне показалось, что я спал долго. Вдруг я почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо.

— Вставайте скорее!

— Что случилось? — спросил я и открыл глаза.

Было темно — темнее, чем раньше. Густой туман, точно вата, лежал по всему лесу. Моросило.

— Какой-то зверь с того берега в воду прыгнул, — ответил испуганно караульный.

Я вскочил на ноги и взял ружье. Через минуту я услышал, что кто-то действительно вышел из воды на берег и сильно встряхивался. В это время ко мне подошли Дерсу и Чжан-Бао. Мы стали спиной к огню и старались рассмотреть, что делается на реке, но туман был такой густой и ночь так темна, что в двух шагах решительно ничего не было видно.

— Ходи есть, — тихо сказал Дерсу.

Действительно, кто-то тихонько шел по гальке. Через минуту мы услышали, как зверь опять встряхнулся. Должно быть, животное услышало нас и остановилось. Я взглянул на мулов. Они жались друг к другу и, насторожив уши, смотрели по направлению к реке. Собаки тоже выражали беспокойство. Альпа забилась в самый угол палатки и дрожала, а Леший поджал хвост, прижал уши и боязливо поглядывал по сторонам.

Но вот опять стала бренчать галька.

Я велел разбудить остальных людей и выстрелил. Звук моего выстрела всколыхнул сонный воздух. Гулкое эхо подхватило его и далеко разнесло по лесу. Послышалось быстрое бренчанье гальки и всплеск воды в реке. Испуганные собаки сорвались со своих мест и подняли лай.

— Кто это был? — обратился я к гольду. — Изюбр?

Он отрицательно покачал головой.

— Может быть, медведь?

— Нет, — отвечал Дерсу.

Так кто же? — спросил я нетерпеливо.

— Не знаю, — ответил он. — Ночь кончай, след посмотри, тогда понимай.

После переполоха сна как не бывало. Все говорили, все высказывали свои догадки и постоянно обращались к Дерсу с расспросами. Гольд говорил, что это не мог быть изюбр, потому что он сильнее стучит копытами по гальке; это не мог быть и медведь, потому что он пыхтел бы.

Посидели мы еще немного и наконец стали дремать. Остаток ночи взялись окарауливать я и Чжан-Бао. Через полчаса все

уже опять спали крепким сном, как будто ничего и не случилось.

Наконец появились предрассветные сумерки. Туман сделался серовато-синим и хмурым. Деревья, кусты и трава на земле покрылись каплями росы. Угрюмый лес дремал. Река казалась неподвижной и сонной. Тогда я залез в свой комарник и крепко заснул.

Проснулся я в восемь часов утра. Попрежнему моросило. Дерсу ходил на разведки, но ничего не нашел. Животное, подходившее ночью к нашему биваку, после выстрела бросилось назад через реку. Если бы на отмели был песок, можно было бы увидеть его следы. Теперь остались для нас только одни предположения. Если это был не лось, не изюбр и не медведь, то, вероятно, тигр.

Но у Дерсу на этот счет были свои соображения.

— Рыба говори, камень стреляй, тебе, капитан, в тумане худо посмотри, ночью какой-то худой люди ходи... Моя думай, в этом месте чорт живи. Другой раз тут моя спи не хочу!

Часов в девять утра мы снялись с бивака и пошли вверх по реке Билимбе. Погода не изменилась к лучшему. Деревья словно плакали: с ветвей их на землю все время падали крупные капли; даже стволы были мокрые.

Чем дальше, тем долина становилась все у́же и у́же. На пути нам повстречалось несколько пустых зверовых фанз. В них я увидел только то, что заметил бы и всякий другой наблюдатель, но Дерсу увидел еще многое другое. Так, например, осматривая кожи, он сказал, что у человека нож был тупой и что он, когда резал их, то за один край держал зубами. Беличья шкурка, брошенная звероловами, рассказала ему, что животное было задавлено бревном. В третьем месте Дерсу увидел, что в фанзе было много мышей и хозяин ее вел немилосердную войну с ними, и т. д.

Мы немного задержались в последней фанзе и к полудню достигли верховьев реки. Тропа давно кончилась, и мы шли некоторое время целиною, часто переходя с одного берега реки на другой.

По мере приближения к Сихотэ-Алиню лес становился гуще и больше был завален колодником. Дуб, тополь и липа остались позади, и место черной березы заняла белая.

Под ногами появились мхи, на которых обильно произрастали плаун, папоротник, мелкая лесная осока и заячья кислица.

В верховьях река Билимбе разбивается на две речки. Если пойти по правой, то можно перевалить на реку Кулумбе (верхний приток Имана), если же итти по левой (к северо-западу), то выйдешь в один из верхних притоков реки Арму. Мы пошли по правой речке, которая скоро привела нас к подножью Сихотэ-Алиня. Теперь Билимбе имела вид горного ручья с руслом, заваленным большими камнями. Вода маленькими струйками

сбегала по ним вниз, пряталась в траве и вдруг неожиданно вновь появлялась где-нибудь в стороне около бурелома.

Подъем на перевал со стороны моря довольно крутой. В этих местах гребень Сихотэ-Алиня голый. Не без труда взобрались мы на хребет. Я хотел остановиться здесь и осмотреться, но за туманом ничего не было видно. Дав отдохнуть мулам, мы тронулись дальше. Редкий замшистый хвойный лес, заросли багульника и густой ковер мхов покрывают западные склоны Сихотэ-Алиня.

Спустившись немного с водораздела, мы стали биваком у первого же попавшегося ручья.

К вечеру погода не изменилась: земля попрежнему, словно саваном, была покрыта густым туманом. Этот туман с изморосью начинал надоедать. Итти по лесу в такую погоду все равно, что во время дождя. Каждый куст, каждое дерево, которые нечаянно задеваешь плечом, обдают тысячами крупных капель.

После ужина, протерев ружья, стрелки сейчас же легли спать. Я хотел было заняться съемками, но работа у меня как-то не клеилась. Я завернулся в бурку, лег к огню и тоже уснул.

Следующий день был посвящен осмотру западных склонов Сихотэ-Алиня. Здесь нет настоящих горных ручьев. Вода бесшумно просачивается под мхом. Речки текут спокойно среди невысоких берегов, заросших елью, пихтой, лиственицей и ольхою.

Я хотел спуститься по реке Кулумбе до того места, где в прошлом году нашел удэхейцев, но Дерсу и Чжан-Бао не советовали уходить далеко от водораздела. Они говорили, что надо ждать сильных дождей, и в подтверждение своих слов указывали на небо. Теперь туман поднялся выше и имел вид дождевых туч. Оба мои проводника объяснили мне, что если во время штиля туман вдруг перестает моросить и начинает подниматься кверху и если при этом раскатистое эхо исчезает, надо ждать весьма сильного дождя. Действительно, все эти дни земля точно старалась покрыться туманом, спрятаться от чего-то угрожающего, и вдруг туман изменил ей и, как бы войдя в соглашение с небом, отошел в сторону, предоставляя небесным стихиям разделаться с землею по своему усмотрению.

Чжан-Бао советовал вернуться назад на Билимбе и постараться дойти до зверовых фанз. Совет его был весьма резонным, и потому мы в тот же день пошли обратно. Еще утром на перевале красовалось облако тумана. Теперь вместо него через хребет ползли тяжелые тучи. Дерсу и Чжан-Бао шли впереди. Они часто поглядывали на небо и о чем-то говорили между собою. По опыту я знал, что Дерсу редко ошибается, и если он беспокоится, то, значит, тому были серьезные основания.

Часа в четыре дня мы дошли до первой зверовой фанзы. Вдруг опять появился туман и такой густой, что казалось, чтобы пройти сквозь него, нужно употребить усилие. Дерсу

выстрелил в воздух. Гулкое эхо с перекатами разнеслось по лесу. После этого я совсем запутался в метеорологии и попросил у Дерсу объяснений. Он остался доволен. По его словам выходило, что повторное появление тумана с изморосью и гулкое эхо указывали на то, что дождь отодвигается по крайней мере до рассвета. Значит, можно итти дальше. Мы пошли скорее и к сумеркам добрались до второй фанзы. Она была уютнее и больше размерами.

В несколько минут фанза была приведена в жилой вид. Разбросанное имущество мы сложили в один угол, подмели пол и затопили печь. Вследствие тумана, а может быть и оттого, что печь давно уже не топилась, в трубе не было тяги, и вся фанза наполнилась дымом. Пришлось прогревать печь горячими углями. Только вечером, когда было уже совсем темно, тяга установилась и каны стали нагреваться. Стрелки развели снаружи большой костер, варили чай и что-то со смехом рассказывали друг другу. У другого огня сидели Дерсу и Чжан-Бао. Оба они молчали и курили трубки. Посоветовавшись с ними, я решил, что если завтра большого дождя не будет, пойдем дальше. Надо было во что бы то ни стало пройти «щеки», иначе, если станет прибывать вода в реке, мы будем вынуждены совершить большое обходное движение через скалистые сопки Онку, Чжугдыни, что по-удэхейски значит «Чортово жилище».

Ночь прошла благополучно.

Было еще темно, когда всех нас разбудил Чжан-Бао. Этот человек без часов ухитрялся точно угадывать время. Спешно мы напились чаю и, не дожидаясь восхода солнца, тронулись в путь. Судя по времени, солнце давно взошло, но небо было серое и пасмурное. Горы тоже были окутаны нето туманом, нето дождевой пылью. Скоро начал накрапывать дождь, а вслед за тем к шуму дождя стал примешиваться еще какой-то шум. Это был ветер.

— Начинай есть, — сказал Дерсу, указывая на небо.

Действительно, сквозь разорвавшуюся завесу тумана совершенно явственно обозначилось движение облаков. Они быстро бежали к северо-западу. Мы очень скоро вымокли до последней нитки. Теперь нам было все равно. Дождь не мог явиться помехой. Чтобы не обходить утесы, мы спустились в реку и пошли по галечниковой отмели. Все были в бодром настроении духа; стрелки смеялись и толкали друг друга в воду. Наконец, в три часа дня мы прошли теснины. Опасные места остались позади.

В лесу мы не страдали от ветра, но каждый раз, как только выходили на реку, начинали зябнуть. В пять часов пополудни мы дошли до четвертой зверовой фанзы. Она была построена на берегу небольшой протоки с левой стороны реки. Перейдя реку вброд, мы стали устраиваться на ночь. Развьючив мулов, стрелки принялись таскать дрова и приводить фанзу в жилой вид.

Кому приходилось странствовать по тайге, тот знает, что значит во время непогоды найти звероную фанзу. Во-первых, не надо заготовлять много дров, а во-вторых, фанза все же теплее, суше и надежнее, чем палатка. Пока стрелки возились около фанзы, я вместе с Чжан-Бао поднялся на ближайшую сопку. Оттуда сверху можно было видеть, что делалось в долине реки Билимбе.

Сильный порывистый ветер клубами гнал с моря туман. Точно гигантские волны, катился он по земле и смешивался в горах с дождевыми тучами.

В сумерки мы возвратились назад. В фанзе уже горел огонь. Я лег на кан, но долго не мог уснуть. Дождь хлестал по окнам; вверху, должно быть на крыше, хлопало корье; где-то завывал ветер, и не разберешь, шумел ли то дождь или стонали озябшие кусты и деревья. Буря бушевала всю ночь.

Наутро, 10 августа, я проснулся от сильного шума. Не надо было выходить из фанзы, чтобы понять, в чем дело. Дождь лил как из ведра. Сильные порывы ветра потрясали фанзу до основания.

Я спешно оделся и вышел наружу. В природе творилось что-то невероятное. И дождь, и туман, и тучи — все это перемешалось между собою. Огромные кедры качались из стороны в сторону, сердито шумели и словно жаловались на свою судьбу.

На берегу реки я заметил Дерсу. Он ходил и внимательно смотрел на воду.

— Ты что делаешь? — спросил я его.

— Камни смотрю: вода прибавляй, — отвечал он и стал ругать китайца, который построил фанзу так близко от реки.

Тут только я обратил внимание, что фанза действительно стояла на низком берегу и в случае наводнения могла быть легко затоплена.

Около полудня Дерсу и Чжан-Бао, поговорив о чем-то между собою, пошли в лес. Накинув на себя дождевик, я пошел следом за ними и увидел их около той сопки, на которую подымался накануне. Они таскали дрова и складывали их в кучу. Меня удивило, почему они складывают их так далеко от фанзы. Я не стал мешать им и поднялся на горку. Напрасно я рассчитывал увидеть долину Билимбе: я ничего не видел, кроме дождя и тумана. Полосы дождя, точно волны, двигались по воздуху и проходили сквозь лес. Вслед за моментами затишья буря как будто хотела наверстать потерянное и неистовствовала еще сильнее.

Изможденный и озябший, я возвратился в фанзу и послал Сабитова к Дерсу за дровами. Он возвратился и доложил, что Дерсу и Чжан-Бао дров не дают. Зная, что Дерсу никогда ничего не делает зря, я пошел вместе со стрелками собирать дрова вверх по протоке.

Часа через два возвратились в фанзу Дерсу и Чжан-Бао. На них не было сухой нитки. Они разделись и стали сушиться у огня.

Перед сумерками я еще раз сходил посмотреть на воду. Она прибывала медленно, и, повидимому, до утра не было опасения, что река выйдет из берегов. Тем не менее я приказал уложить все имущество и заседлать мулов. Дерсу одобрил эту меру предосторожности. Вечером, когда стемнело, с сильным шумом хлынул страшный ливень. Стало жутко.

Вдруг в фанзе на мгновение все осветилось. Сверкнула яркая молния, и вслед за тем послышался резкий удар грома. Гулким эхом он широко прокатился по всему небу. Мулы стали рваться на привязи, собаки подняли вой.

Дерсу не спал, он лежал на кане и прислушивался к тому, что происходило снаружи. Чжан-Бао сидел у дверей и время от времени перебрасывался с ним короткими фразами. Я что-то сказал, но Чжан-Бао сделал мне знак молчать. Затаив дыхание, я стал тоже слушать. Ухо мое уловило за стеной слабый звук, похожий на журчанье. Дерсу вскочил со своего места и быстро выбежал из фанзы. Через минуту он вернулся и сообщил, что надо скорее будить людей, так как река вышла из берегов и вода кругом обходит фанзу. Стрелки вскочили и быстро стали одеваться. При этом Турчыгин и Калиновский перепутали обувь и начали смеяться.

— Чего смеетесь? — закричал сердито Дерсу. — Скоро будете плакать.

Пока мы обувались, вода успела просочиться сквозь стену и залила очаг. Угли в нем зашипели и погасли. Чжан-Бао зажег смолье. При свете его мы собрали свои постели и пошли к мулам. Они стояли уже по колено в воде и испуганно озирались по сторонам. При свете бересты и смолья мы стали вьючить коней,— и было пора. За фанзой вода успела уже промыть глубокую протоку, и опоздай мы еще немного, то не переправились бы вовсе. Дерсу и Чжан-Бао куда-то убежали, и я, признаться, испугался изрядно. Приказав людям держаться ближе друг к другу, я направился к той горке, на которую взбирался днем. Тьма, ветер и дождь встретили нас сразу, как только мы завернули за угол фанзы.

Ливень хлестал по лицу и не позволял открыть глаз. Не было видно ни зги. В абсолютной тьме казалось, будто вместе с ветром неслись в бездну деревья, сопки и вода в реке и все это вместе с дождем образовало одну сплошную, с чудовищной быстротой движущуюся массу.

Среди стрелков произошло замешательство.

В это время я увидел впереди небольшой огонек и догадался, что его разложили Дерсу и Чжан-Бао. За фанзой образовалась глубокая протока. Я велел стрелкам держаться за мулов со стороны, противоположной течению. До костра было не больше

полутораста шагов, но, чтобы пройти их, потребовалось много времени. В темноте мы залезли в бурелом, запутались в кустах, потом опять попали в воду. Она быстро бежала вниз по долине, из чего я заключил, что к утру, вероятно, будет затоплен весь лес. Наконец, мы добрались до сопки. Тут только я увидел, до какой степени были предусмотрительны Дерсу и Чжан-Бао. Теперь только мне стало ясно, зачем они собирали дрова. На жердях были укреплены два куска кедрового корья. Под этой-то защитой они и развели огонь. Не теряя времени, мы стали ставить палатку. Высокая скала, у подножья которой мы расположились, защищала нас от ветра. О сне нечего было и думать. Долго мы сидели у огня и сушились, а погода бушевала все неистовее, шум реки становился все сильнее.

Наконец, стало светать. При дневном свете мы не узнали того места, где была фанза: от нее не осталось и следа. Весь лес был в воде; вода подходила уже к нашему биваку, и пора было позаботиться перенести его выше. С одного слова люди поняли, что надо делать. Одни принялись переносить палатки, другие — рубить хвою и устилать ею сырую землю. Дерсу и Чжан-Бао опять принялись таскать дрова. Перенос бивака и заготовка дров длились часа полтора. В это время дождь как будто немного стих. Но это был только небольшой перерыв. Опять появился густой туман; он быстро поднялся кверху, и вслед за тем снова хлынул сильнейший ливень. Такого дождя я не помню ни до, ни после этого. Ближайшие горы и лес скрылись за стеной воды. Мы снова забились в палатки.

Вдруг раздались крики. Опасность появилась с той стороны, откуда мы ее вовсе не ожидали. По ущелью, при устье которого мы расположились, шла вода. На наше счастье, одна сторона распадка была глубже. Вода устремилась туда и очень скоро промыла глубокую рытвину. Мы с Чжан-Бао защищали огонь от дождя, а Дерсу и стрелки боролись с водой. Никто не думал о том, чтобы обсушиться, — хорошо, если удавалось согреться.

Порой сквозь туман было видно темное небо, покрытое тучами. Они шли совсем не в ту сторону, куда дул ветер, а к юго-западу.

— Худо, — говорил Дерсу, — скоро кончай нету.

По его словам, такой тайфун был в 1895 году. Наводнение застало его на реке Даубихе, около урочища Анучино. Тогда на маленькой лодочке он спас заведующего почтово-телеграфной конторой, двух солдаток с детьми и четырех китайцев. Два дня и две ночи он разъезжал на оморочке и снимал людей с крыш домов и с деревьев. Сделав это доброе дело, Дерсу ушел из Анучина, не дожидаясь полного спада воды. Его потом хотели наградить, но никак не могли разыскать в тайге.

Перед сумерками мы все еще раз сбегали за дровами, дабы обеспечить себя на ночь.

Утром 12 августа, на рассвете, подул сильный северо-восточный ветер, но скоро стих. Дождь лил попрежнему без перерыва. Все страшно измучились и от усталости еле стояли на ногах. То надо было держать палатку, чтобы ее не сорвало ветром, то укрывать огонь, то таскать дрова. Ручей, бегущий по ущелью, доставлял нам немало хлопот. Вода часто прорывалась к палаткам; надо было устраивать плотины и отводить ее в сторону. Намокшие дрова горели плохо и сильно дымили. От бессонницы и от дыма у всех болели глаза. Ощущение было такое, как будто в них насыпали песок. Несчастные собаки лежали под скалой и не подымали голов.

На реку было страшно смотреть. От быстро бегущей воды кружилась голова. Казалось, что берег с такой же быстротой двигался в противоположную сторону. Вся долина от гор и до гор была залита водою. Русло реки определялось только стремительным течением. По воде плыл мелкий мусор и крупные коряжины; они словно спасались бегством от того ничем не поправимого несчастья, которое случилось там, где-то в горах. Подмытые в корнях лесные великаны падали в реку, увлекая за собою глыбы земли и растущий на ней молодняк. Тотчас этот бурелом подхватывался водою и уносился дальше. Словно разъяренный зверь, река металась в своих берегах. Бешеными прыжками стремилась вода по долине. Там, где ее задерживал плавник, образовывались клубы желтой пены. По лужам прыгали пузыри. Они плыли по ветру, лопались и появлялись вновь.

Миновал еще один день. Вечером дождь пошел с новой силой. Вместе с тем усилился и ветер. Эту ночь мы провели в состоянии какой-то полудремоты. Один подымался, а другие валились с ног.

Природа словно хотела показать, до какой степени она способна обессилить человека в борьбе со стихиями. Так прошла четвертая бурная ночь.

На рассвете то же, что и вчера. Невозможно разобрать, отчего происходит такой шум: от ветра, от дождя или от воды в реке. Часов в девять утра ветер переменился еще раз и подул с юго-востока. Стрелки забились в палатки и, прикрывшись шинелями, лежали неподвижно. У огня оставались только Дерсу и Чжан-Бао, но и они, видимо, начали уставать. Что же касается меня, то я чувствовал себя совершенно разбитым. Мне не хотелось ни есть, ни пить, ни спать, — мне просто хотелось лежать, не шевелиться. Около полудня небо как будто просветлело, но дождь не уменьшился.

Вдруг появились короткие, но сильные вихри. После каждого такого порыва наступал штиль. Вихри эти становились реже, но зато каждый последующий был сильнее предыдущего.

— Скоро кончай есть, — сказал Дерсу.

Слова старика сразу согнали с людей апатию. Все оживились, поднялись на ноги. Дождь утратил постоянство и шел

порывами, переходя то в ливень, то в изморось. Это вносило уже некоторое разнообразие и давало надежду на перемену погоды. В сумерки он начал заметно стихать и вечером прекратился совсем. Мало-помалу небо стало очищаться, кое-где проглянули звёзды...

С каким удовольствием мы обсушились, напились чаю и легли на сухую подстилку! Это был настоящий отдых.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К МОРЮ

Переправа через реку Билимбе. — Встреча с А. И. Мерзляковым. — Доставка продовольствия китайцами. — Устье реки Билимбе. — Олений хвост. — Птицы. — Тигр, убитый Дерсу. — Свечение моря.

На следующий день мы проснулись поздно. Сквозь прорывы в облаках виднелось солнце. Оно пряталось в тучах, точно не желало смотреть на землю и видеть, что натворил тайфун. Мутная вода шумящими каскадами сбегала с гор; листва на деревьях и трава на земле еще не успели обсохнуть и блестели, как лакированные; в каплях воды отражалось солнце и переливалось всеми цветами радуги. Природа снова возвращалась к жизни. Тучи ушли к востоку. Теперь буря свирепствовала где-нибудь у берегов Японии или южной оконечности острова Сахалина.

Весь этот день мы простояли на месте: сушили имущество и отдыхали. Человек скоро забывает невзгоды. Стрелки стали смеяться и подтрунивать друг над другом.

Вечерняя заря была багрово-красная и сумерки длинные. В этот день мы улеглись спать рано. Нужно было отоспаться и за прошедшее и на будущее.

Следующий день был 16 августа. Все поднялись рано, с зарей. На восточном горизонте темной полосой все еще лежали

тучи. По моим расчетам, А. Н. Мерзляков с другой частью отряда не мог уйти далеко. Наводнение должно было задержать его где-нибудь около реки Билимбе. Для того, чтобы соединиться с ним, следовало переправиться на правый берег реки. Сделать это надо было как можно скорей, потому что ниже в реке воды будет больше и переправа труднее.

Для исполнения этого плана мы пошли сначала вниз по долине, но вскоре должны были остановиться: река подмывала скалы. Вода нанесла сюда много бурелома и сложила его в большую плотину. По ту сторону виднелся небольшой холмик, не покрытый водою. Надо было обследовать это место. Первым перешел Чжан-Бао. По пояс в воде, с палкой в руках он бродил около противоположного берега и ощупывал дно. Исследования показали, что река здесь разбивается на два рукава, находящиеся один от другого в расстоянии тридцати метров. Второй рукав был шире и глубже первого и не был занесен плавником. Шестом достать дна нельзя было, потому что течение относило его в сторону. Дерсу и Чжан-Бао принялись рубить большой тополь. Скоро на помощь им пришли стрелки с поперечной пилою. Стоя больше чем по колено в воде, они работали очень усердно. Минут через пятнадцать дерево затрещало и с грохотом упало в воду. Комель тополя сначала было подался вниз по течению, но вскоре за что-то зацепился, и дерево осталось на месте. По этому мосту мы перешли через вторую протоку. Оставалось пройти затопленным лесом еще метров пятьдесят.

Убедившись, что больше проток нет, мы вернулись назад.

Люди перейдут, имущество и седла тоже можно перенести, но как быть с мулами? Если их пустить вплавь, то силой течения их снесет под бурелом раньше, чем они достигнут противоположного берега. Тогда решено было переправить их на веревке. Выбрав самый крепкий недоуздок, мы привязали к нему веревку и перетащили конец ее через завалы. Когда все было готово, первого мула осторожно спустили в реку. В мутной воде он оступился и окунулся с головой. Сильное течение тотчас подхватило его и понесло к завалу. Вода пошла через голову мула. Бедное животное оскалило зубы и начало задыхаться. В этот момент его подтащили к берегу.

Первый опыт был не совсем удачен. Тогда мы выбрали другое место, где спуск в реку был пологий. Тут дело пошло успешнее.

Немало трудностей доставил нам переход по затопленному лесу. В наносной илистой почве мулы вязли, падали и выбивались из сил. Только к сумеркам нам удалось подойти к горам с правой стороны долины. Вьючные животные страшно измучились, но еще больше устали люди. К усталости присоединился озноб, и мы долго не могли согреться.

Но самое главное было сделано: мы переправились через реку.

Когда стемнело, пошел дождь мелкий и частый. Всю ночь моросило.

От места нашей переправы через реку Билимбе до моря оставалось еще километров сорок. Это расстояние мы прошли в два дня (16 и 17 августа) без всяких приключений. Как и надо было ожидать, чем ниже, тем воды в реке было больше. В тех местах где маленькие распадки выходили в долину, около устья их была нагромождена масса песку и глины. Завалы эти надо исчислять тысячами тонн. И все это образовалось в течение каких-нибудь трех суток. Кое-где вода промыла глубокие овраги, по сторонам их произошли огромные оползни, но от обвалившейся земли не осталось и следа — бешеный поток все унес и разметал по долине. Маленькие, ничтожные ручейки превратились теперь в бурные многоводные потоки, переправа через которые отняла у нас много времени. Волей-неволей пришлось придерживаться возвышенного края долины, следуя всем ее изгибам.

По мере того как мы приближались к морю, лес становился хуже и однообразнее. Иногда встречались группами береза и лиственица, клен, липа и дуб кустарного характера.

Около речки на галечниковых наносах в изобилии растут: корзиночная ива и пирамидальная ива, из ствола которой туземцы выдалбливают челноки. Среди ивняков на затопляемой гальке мы видим особое сообщество растений. Чаще всего (и в данном случае) здесь можно видеть: довольно высокую охотскую хохлатку с мелкими желтыми цветами, нежные розовые цветы донтостемона, у которого и стебель и верхние листья покрыты тонким пушком, и цепляющийся за ивняки схизопепон переступенелистный с выемчатыми сердцевидными листьями; затем звездчатку водяную с характерными для нее бледною листвою и узловатым стебельком и пышный белокопытник, образующий большие заросли громадных жирных листьев, напоминающих лопасти рогов сохатого.

Недолго нас баловала хорошая погода. Вечером 16 августа опять появился туман и опять начало моросить. Эта изморось продолжалась всю ночь и весь следующий день. Мы шли целый день чуть ли не по колено в воде. Наконец, начало темнеть, и я уже терял надежду дойти сегодня до устья реки Билимбе, как вдруг услышал шум моря. Оказалось, что в тумане мы внезапно вышли на берег и заметили это только тогда, когда у ног своих увидели окатанную гальку и белую пену прибойных волн. Я хотел было итти налево, но Дерсу советовал повернуть направо. Свои соображения он основал на том, что видел на песке человеческие следы. Они шли от реки Шакиры к реке Билимбе и обратно. Поэтому гольд и заключил, что бивак А. И. Мерзлякова был в правой стороне.

Я сделал два выстрела в воздух, и тотчас же со стороны реки Шакиры последовал ответ. Через несколько минут мы

были у своих. Начались обоюдные расспросы: с кем что случилось и кто что видел.

Вечером мы долго сидели у костра и делились впечатлениями.

Странно устроен человек... Бивак этот ничем не отличался от других биваков. Так же он был под открытым небом, так же около односкатной палатки горел костер, так же кругом было мокро и сыро, но тем не менее все чувствовали себя так, как будто вернулись домой.

Часов в девять вечера прошел короткий, но сильный дождь, после которого туман сразу исчез, и мы увидели красивое звездное небо. И это небо, по которому широкою полосою протянулся Млечный путь, и темный океан, в котором разом отражались все светила небесные, одинаково казались беспредельно глубокими.

Ночью было холодно. Стрелки часто вставали и грелись у огня. На рассвете термометр показывал + 7° С. Когда солнышко пригрело землю, все снова уснули и проспали до девяти часов утра.

Переправляться через реку Билимбе, пока не спадет вода, нечего было и думать. Нет худа без добра. Мы все нуждались в отдыхе: мулы имели измученный вид; надо было починить одежду и обувь, справить седла, почистить ружья. Кроме того, у нас начали иссякать запасы продовольствия.

Я решил заняться охотой и послал двух стрелков к китайцам на реку Адимил за покупками. За последние пять дней я запустил свою работу, и нужно было заполнить пробелы.

Стрелки Сабитов и Аринин стали собираться в дорогу, а я отправился на реку Билимбе, чтобы посмотреть, насколько спала вода за ночь. Не успел я отойти и ста шагов, как меня окликнули. Я возвратился назад и увидел подходящих к биваку двух китайцев с вьючными конями. Это были рабочие из фанзы Дун-Тавайза, куда я хотел посылать за продовольствием. Китайцы сказали, что хозяева их, зная, что перейти теперь через Билимбе нам не удастся, решили послать четыре кулька муки, 10 килограммов свиного сала, 16 килограммов рису, 4 килограмма бобового масла, 4 килограмма сахару и плитку кирпичного чаю. При этом они заявили, что им воспрещено брать с нас деньги. Я был тронут таким вниманием китайцев и предложил им подарки, но они отказались их принять.

Китайцы остались у нас ночевать. От них я узнал, что большое наводнение было на реке Иодзыхе, где утонуло несколько человек. На реке Санхобе снесло водой несколько фанз; с людьми несчастий не было, но зато там погибло много лошадей и рогатого скота.

На другой день китайцы, уходя, сказали, что если у нас опять нехватит продовольствия, то чтобы присылали к ним без стеснения.

Отпустив их, мы с А. И. Мерзляковым пошли к устью реки Билимбе. Море имело необыкновенный вид: на расстоянии двух или трех километров от берега оно было грязножелтого цвета, и по всему этому пространству плавало множество буреломного леса. Издали этот плавник казался лодками, парусами, шаландами и т. д. Некоторые деревья были еще с зеленою листвою. Как только переменился ветер, плавник погнало обратно к берегу. Море стало выбрасывать назад все лишнее, все мертвое и все, что чуждо было его свободной и живой стихии.

Устье реки Билимбе находится около горы Железняк (460 метров), состоящей из кварцевого порфирита, прорезанного в разных местах жилами глубинной зеленокаменной породы, дающей при разрушении охристо-желтый дресвяник. Недалеко от устья, с левой стороны реки, высится небольшая береговая терраса с основанием из мелкозернистого туфа, а с правой — расстилается заболоченная низина. Раньше здесь проходила река Билимбе. Устье ее было в том месте, где теперь находится река Шакира. Со временем морским прибоем заметало старое русло; тогда река проложила себе выход в море около горы Железняк.

В нижнем течении река Билимбе в малую воду имеет в ширину двадцать пять метров. Желтая грязная вода шла сильной струей, и казалось, будто и в море еще продолжала течь Билимбе.

Продукты разрушения горы в виде мелкого песка, выносимого рекою, отлагаются там, где течение пресной воды ослабляется морским прибоем. Вследствие этого около устья реки Билимбе образовалась полоса мелководья — бар, которая, как барьером, преграждает доступ к реке.

С 19 по 21 августа мы простояли на месте. Стрелки по очереди ходили на охоту и очень удачно. Они убили козулю и двух кабанов, а Дерсу убил оленя. Из голеней и берцовых костей изюбра он вынул костный жир, подогрел его немного на огне и слил в баночку. Жир этот у туземцев предназначается для смазки ружей. После кипячения он остается жидким и не застывает на морозе.

Вечером Дерсу угостил меня оленьим хвостом. Он насадил его на палочку и стал жарить на углях, не снимая кожи. Олений хвост (по-китайски — лу-пба) представляет собою небольшой мешок, внутри которого проходит тонкий стержень. Все остальное пространство наполнено буровато-белой массой, по вкусу напоминающей не то мозги, не то печенку. Китайцы ценят олений хвост как гастрономическое лакомство.

Целые дни я проводил в палатке, вычерчивал маршруты, делал записи в дневниках и писал письма. В перерывах между этими занятиями я гулял на берегу моря и наблюдал птиц.

Один раз из болот, заросших тростниками, я выгнал камышевку. Отлетев немного, она сейчас же спустилась в осоку,

и после, сколько я ни искал ее, не мог уже найти вторично. Тут же были и кулики средней величины, с загнутыми кверху носами, должно быть улиты; вероятно, уже началось перекочевывание их к югу. По берегу моря, по песку, у самой воды, бегали грациозные кулички-песочники; они тоже готовились к перелету. В море на воде держались нырковые утки и белые и сизые чайки. Около устья Билимбе по воздуху с быстротой молнии носились какие-то темные длиннокрылые птички, похожие на ласточек. Я с трудом убил одну из них. Это оказался иглохвостый стриж. Около береговых обрывов можно было усмотреть каменных дроздов с темнобурой окраской, с белыми крапинками на спине. Они весьма подходили под цвет окружающей обстановки и ловко прятались в камнях.

В ручьях, среди кустарников, и в ямках с водою около реки держались чирки-клокгупы [20].

Эти доверчивые и смирные уточки при приближении человека не выказывали испуга и не улетали прочь, а старались лишь немного отплыть в сторону, точно так, как это делают домашние утки.

Вечером мы с Дерсу долго разговаривали об охоте, о зверях, о лесных пожарах и т. д. У него были интересные и тонкие наблюдения. Так, по его словам, лет двадцать тому назад две зимы подряд тигры двигались от запада к востоку. Заметил это не он один, а также и другие охотники. Все тигровые следы шли в этом направлении. По его мнению, это был массовый переход тигров из Сунгарийского края в Сихотэ-Алинь. Затем он припомнил, что в 1886 году был общий падеж зверя. Летом гибли пятнистые олени, потом стали падать изюбры, а зимой — кабаны.

Раньше я несколько раз пытался расспрашивать Дерсу, при каких обстоятельствах он убил тигра, но гольд упорно отмалчивался или старался перевести разговор на другую тему, но сегодня мне удалось выпытать от него, как это случилось.

Дело было на реке Фудзине, в мае месяце. Дерсу шел по долине среди дубового редколесья. При нем была маленькая собачонка. Сначала она весело бежала вперед, но потом стала выказывать признаки беспокойства.

Не видя ничего подозрительного, Дерсу решил, что собака боится медвежьего следа, и без опаски пошел дальше.

Но собака не унималась и жалась к нему так, что положительно мешала итти. Оказалось, что поблизости был тигр. Увидев человека, он спрятался за дерево. По совершенной случайности вышло так, что Дерсу направился именно к тому же дереву.

Чем ближе подходил человек, тем больше прятался тигр; он совсем сжался в комок. Не замечая опасности, Дерсу толкнул собаку ногой, но в это время выскочил тигр. Сделав

большой прыжок в сторону, он начал бить себя хвостом и яростно реветь.

— Что ревешь? — закричал ему Дерсу. — Моя тебя трогай нету. Зачем сердишься?

Тогда тигр отпрыгнул на несколько шагов и остановился, продолжая реветь. Гольд опять закричал ему, чтобы он уходил прочь. Тигр сделал еще несколько прыжков и снова заревел.

Видя, что страшный зверь не хочет уходить, Дерсу крикнул ему.

— Ну, хорошо! Тебе ходи не хочу — моя стреляй, тогда виноват не буду.

Он поднял ружье и стал целиться, но в это время тигр перестал реветь и шагом пошел на увал в кусты. Надо было воздержаться от выстрела, но Дерсу не сделал этого. В тот момент, когда тигр был на вершине увала, Дерсу спустил курок. Тигр бросился в заросли. После этого Дерсу продолжал свой путь. Дня через четыре ему случилось возвращаться той же дорогой. Проходя около увала, он увидел на дереве трех ворон, из которых одна чистила нос о ветку.

«Неужели я убил тигра?!» мелькнуло у него в голове.

Едва он перешел на другую сторону увала, как наткнулся на мертвого зверя. Весь бок у него был в червях. Дерсу сильно испугался. Ведь тигр уходил, зачем он стрелял?.. Дерсу убежал. С той поры мысль, что он напрасно убил тигра, не давала ему покоя. Она преследовала его повсюду. Ему казалось, что рано или поздно, а он поплатится за это и даже по ту сторону смерти должен дать ответ.

— Моя теперь шибко боится, — закончил он свой рассказ. — Раньше моя постоянно один ходи, ничего бойся нету, а теперь чего-чего посмотри — думай, след посмотри — думай, один тайга спи — думай...

Он замолчал и сосредоточенно стал смотреть на огонь. Я почувствовал усталость и пошел спать.

Дня через два вода в реке начала спадать и можно было попытаться переправиться на другую ее сторону. Буреломный лес хотя и продолжал еще плыть, но не уносился в море, а застревал на баре.

Приказ выступать назавтра обрадовал моих спутников. Все стали суетиться, разбирать имущество и укладывать его по местам. После бури атмосфера пришла в равновесие и во всей природе воцарилось спокойствие. Особенно тихими были вечера. Ночи стали прохладными.

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чаю и ждали только меня. Быстро я собрал свою постель, взял в карман кусок хлеба и, пока солдаты вьючили мулов, пошел вместе с Дерсу, Чжан-Бао и А. И. Мерзляковым к реке Билимбе.

Собаки тотчас переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было поискать брод. С той и с другой стороны тянулись отмели. Одна из них была выше по течению, а другая ниже. Очевидно, брод шел наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть, но как перетащить грузы? Оставалось только одно средство — сделать плот и на нем переправиться. Эта работа отняла у нас почти целый день. Часов в семь вечера мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели итти в воду. Дьяков переплыл с одним из них, и тогда остальные без всяких заминок пошли сзади. На другом берегу высилась большая терраса. Тут мы и остановились.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг разом вспыхивало все море, точно молния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось одною сплошною туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный путь. Играла ли тут роль прозрачность воздуха или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями, — боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЭКСКУРСИЯ НА СЯО-КЕМУ

Мелкие речки, текущие в море. — Кости оленей. — Комета. — Что такое солнце? — Река Конор. — Староверы. — Непогода. — Река Сакхома. — Недоразумение с условными знаками. — Река Угрюмая. — Жаренье мяса в земле. — Горы в истоках реки Горелой. — Звезды. — Суеверие дикаря и образованного человека. — Красные волки. — Возвращение.

Двадцать четвертого августа мы распрощались с рекой Билимбе и пошли вдоль берега моря. Продолжением берегового хребта, отделяющего реку Фату и реку Бейцу (притоки Сапхобе) от моря, будет гора Узловая. Далее, на север за ней в море впадают следующие мелкие речки: Кольгатео (по-удэхейски Куалигаса), Хаома (Хома), Сюригчи (Сюликси), Гипироза, Вестыгни, Ойоиктого (по-китайски Куандол и по-удэхейски — Куанда), Ада, Чуркан (по-китайски Чаан-уоза и по-удэхейски — Анкуга) и Конор. На этом протяжении в обнажениях на берегу моря встречаются слюдистые сланцы, известковые и глинистые песчаники, окрашенные окисью железа, затем известняки, сланцевая глина, мелафиры, базальты и андезиты. Гора Железняк падает к морю обрывистыми утесами, у подножия которых тянется узкая, местами совсем исчезающая полоса прибоя. Во время волнения итти здесь совсем нельзя. Около реки Кольгатео есть скала, удивительно похожая на голову человека. Удэхейцы называют ее Када-ни,

то-есть «Каменный человек». По их преданию, это был великан. Один раз он вошел в воду и стал кричать, что никого не боится. В этот момент властитель морей — Тэму — превратил его в камень. От тяжести он стал увязать в земле и опускаться все ниже и ниже. Лет пятьдесят тому назад еще были видны его плечи, а теперь над водной поверхностью осталась только одна голова. Иногда великан шевелится; тогда содрогаются и стонут прибрежные сопки.

От устья реки Билимбе до Конора двенадцать километров по прямой линии. В этот день, несмотря на хорошую погоду, нам удалось пройти немного. На бивак мы стали около небольшой речки Сюригчи. Нижняя часть ее заболочена, а верхняя покрыта гарью. Здесь был когда-то хороший лес. Недавнее наводнение размыло оба берега речки.

Невдалеке от бивака Дьяков нашел скелеты двух оленей, спутавшихся рогами. Я отправился по указанному направлению и вскоре, действительно, увидел на земле изюбровые кости. Видно было, что над уборкой трупов потрудились и птицы, и хищные звери. Особенный интерес представляли головы животных. Во время драки они так сцепились рогами, что уже не могли разойтись и погибли от голода. Стрелки пробовали разнять рога: шесть человек (по три с каждой стороны) не могли этого сделать. Можно представить себе, с какой силой бились изюбры! Очевидно, при ударе рога раздались и приняли животных в смертельные объятия. Хотя мулы наши были перегружены, тем не менее я решил дотащить эту редкую находку до первого жилого пункта и там оставить ее на хранение у китайцев.

Ночью, перед рассветом, меня разбудил караульный и доложил, что на небе видна «звезда с хвостом». Спать мне не хотелось, и потому я охотно оделся и вышел из палатки. Чуть светало. Ночной туман исчез, и только на вершине горы Железняк держалось белое облачко. Прилив был в полном разгаре. Вода в море поднялась и затопила значительную часть берега. До восхода солнца было еще далеко, но звезды стали уже меркнуть. На востоке, низко под горизонтом, была видна комета. Она имела длинный хвост.

Скоро проснулись остальные люди и принялись рассуждать о том, что предвещает эта небесная странница. Решили, что земля обязана ей своим недавним наводнением, а Чжан-Бао сказал, что в той стороне, куда направляется комета, будет война. Видя, что Дерсу ничего не говорит, я спросил его, что думает он об этом явлении.

— Его так сам постоянно по небу ходи, людям никогда мешай нету, — отвечал гольд равнодушно.

При всем своем антропоморфизме он был прав и судил о вещах так, каковы они есть на самом деле.

Но вот на востоке стала разгораться заря, и комета пропала.

Ночные тени в лесу исчезли; по всей земле разлился серовато-синий свет утра. И вдруг яркие солнечные лучи вырвались из-под горизонта и разом осветили все море.

— Дерсу, — спросил я его, — что такое солнце?

Он посмотрел на меня недоумевающе и, в свою очередь, задал вопрос:

— Разве ты никогда его не видал? Посмотри! — сказал он и указал рукой на солнечный диск, который в это время поднялся над горизонтом.

Все засмеялись. Дерсу остался недоволен: как можно спрашивать человека, что такое солнце, когда это самое солнце находится перед глазами? Он принял это за насмешку.

Вследствие того, что мы рано встали, мы рано выступили и с бивака. Тропа попрежнему шла по берегу моря. После реки Сюригчи на значительном протяжении идут метаморфические глинистые сланцы.

Из мелких речек здесь наиболее интересна река Конор. Она длиною около десяти километров и состоит из слияния двух речек: Большой — Левой и меньшей — Правой. Истоки реки Конор находятся в том же горном узле (горы Туманная и Дромацер), где истоки реки Забытой (приток реки Билимбе). Долина Конор большей частью болотистая, покрыта лиственным редколесьем; река маловодная, но имеет довольно быстрое течение. Около устья она разделяется на два рукава, текущие по глубоким расщелинам. По сторонам их возвышаются морские береговые террасы как результат отрицательного движения береговой линии.

Отдохнув немного на Коноре, мы снова тронулись в путь.

Тут тропа составляет берег моря и по ключику Ада поднимается в горы, затем пересекает речку Чуриги и тогда выходит в долину реки Сяо-Кемы, которая на морских картах названа Сахомой.

На Сяо-Кеме, в полутора километрах от моря, жил старообрядец Иван Бортников. Семья его состояла из него самого, его жены, двух взрослых сыновей и двух дочерей. Надо было видеть, какой испуг произвело на них наше появление! Захватив детей, женщины убежали в избу и заперлись на засовы. Когда мы проходили мимо, они испуганно выглядывали в окна и тотчас прятались, как только встречались с кем-нибудь глазами. Пройдя еще с полкилометра, мы стали биваком на берегу реки, в старой липовой роще.

Сегодня весь день стояла в воздухе какая-то мгла. Она медленно сгущалась. После полудня в ней потонули дальние горы. Барометр стоял на 757 мм при + 14,5° С. На западной части неба все время держалась темная туча с резко очерченными краями. Характер ветра был неровный: то он становился порывистым, то спадал до полного штиля. В тот момент, когда солнце скрылось за облаками, края последних стали светиться,

как будто были из расплавленного металла. Прошло несколько минут, и вдруг из-за туч по желто-зеленому фону неба веером поднялись три пурпуровых луча. Явление это продолжалось не более двух минут. Затем оно начало блекнуть, и вместе с тем туча стала быстро застилать небо.

Я думал, что на другой день, 26 августа, будет непогода. Но опасения мои оказались напрасными. Наутро небо очистилось, и день был совершенно ясный.

Староверы Бортниковы жили зажиточно, повинностей государственных не несли, земли распахивали мало, занимались рыболовством и соболеванием и на свое пребывание здесь смотрели как на временное. Они не хотели, чтобы мы отправились в горы, и неохотно делились с нами сведениями об окрестностях.

Река Сяо-Кема состоит из слияния двух рек: Горелой, длиною в пятнадцать, и Сакхомы, длиной двадцать — двадцать пять километров. Слияние их происходит недалеко от моря. Здесь долина становится шире и по сторонам окаймляется невысокими сопками, состоящими главным образом из базальтов, с резко выраженной флюидальной структурой и листоватою сфероидальною отдельностью.

Во время недавнего наводнения вода сильно размыла русло реки и всюду проложила новые протоки. Местами видно было, что она шла прямо по долине и плодородную землю занесла песком и галькой. Около устья все протоки снова собираются в одно место и образуют нечто вроде длинной заводи.

Сегодняшняя вечерняя заря была опять очень интересной и поражала разнообразием красок. Крайний горизонт был багровый, небосклон оранжевый, затем желтый, зеленый и в зените мутнобледный. Это была паутина перистых облаков. Малопомалу она сгущалась и, наконец, превратилась в слоистые тучи. Часов в десять вечера за ней скрылись последние звезды. Началось падение барометра.

Утром меня разбудил шум дождя. Одевшись, я вышел на улицу. Низко бегущие над землей тучи, порывистый ветер и дождь живо напомнили мне бурю на реке Биллимбе. За ночь барометр упал на 17 мм. Ветер несколько раз менял свое направление и к вечеру превратился в настоящий шторм.

В этот день работать не удалось. Палатку так сильно трепало, что казалось, вот-вот ее сорвет ветром и унесет в море. Часов в десять вечера непогода стала стихать. На рассвете дождь перестал, и небо очистилось.

28, 29 и 30 августа были посвящены осмотру реки Соя-Кемы. На эту экскурсию я взял с собою Дерсу, Арсеньева, Сабитова и одного мула. Маршрут я наметил по реке Сакхоме до истоков и назад к морю по реке Горелой. Стрелки с вьючным мулом должны были итти с нами до тех пор, пока будет тропа. Дальше мы идем сами с котомками, а они тою же дорогою возвращаются обратно.

Часов в восемь утра мы выступили с бивака.

Тропа начинается от самого дома старовера и идет по левому берегу реки. Здесь рельеф представляется в виде холмов с длинными пологими скатами. Разбросанные по долине реки, густо поросшие орешником холмы чередуются с болотцами и каменистыми участками, лишенными растительности. Между ними река проложила себе много протоков. После недавнего дождя они все были переполнены водою. Эти пологие увалы есть не что иное, как размытые речные террасы, покрытые редколесьем из дуба, бархата, клена, черной березы, тополя, вяза и липы в возрасте от 150 до 200 лет.

Как и везде, густое подлесье в долине Сакхомы состояло из зарослей калины, таволожки и леспедецы. Среди кустарников нашел себе приют охотский хмель с зимующим одеревянелым стеблем, повесивший на близрастущее деревцо свои цепкие плети с белыми пушками, как у одуванчика. В другом месте тонкие длинные ветви ломоноса с мелкими белыми цветами совсем опутали куст шиповника. Тут же из зарослей подымала свою красивую головку пышная ятрышниковая любка, а рядом с ней — ядовитая чемерица, которую легко узнать по плойчатым грубым листьям и шапке белых цветов, теперь уже побуревших и засохших.

По дну длинных балок, прорезывающих террасы в направлении, перпендикулярном к линии тальвега долины, текут небольшие извилистые ручейки. Около их устьев кустарники прерываются, и их места занимают тростники и обыкновенная полынь саженной высоты, оспаривающие друг у друга открытые и сухие места.

Мул, которого взяли с собою Аринин и Сабитов, оказался с ленцой, вследствие чего стрелки постоянно от нас отставали. Из-за этого мы с Дерсу должны были часто останавливаться и поджидать их. На одном из привалов мы условились с ними, что в тех местах, где тропы будут разделяться, мы будем ставить сигналы. Они укажут им направление, которого надо держаться. Стрелки остались поправлять седловку, а мы пошли дальше.

Река Сакхома около устья шириною шесть-восемь и глубиною не более одного-полутора метров. Немного выше того места, где она соединяется с рекой Горелой, долина суживается. С правой стороны подымаются высокие горы, поросшие густым смешанным лесом, а слева тянутся размытые террасы с лиственным редколесьем.

Здесь тропы первый раз разделились: одна пошла вверх по реке, другая куда-то вправо. Надо было поставить условленный сигнал. Дерсу взял палочку, застругал ее и воткнул в землю; рядом с ней он воткнул прутик, согнул его и надломленный конец направил в ту сторону, куда надо итти. Установив сигналы, мы отправились дальше в уверенности, что стрел-

ки поймут наши знаки и пойдут, как следует. Пройдя километра два, мы остановились. Не помню, мне что-то понадобилось во вьюках. Мы стали ждать стрелков, но не дождались и пошли назад к ним навстречу. Минут через двадцать мы были у места разветвления троп. С первого же взгляда стало ясно, что стрелки не заметили нашего сигнала и пошли по другой дороге. Дерсу начал ругаться.

— Какой народ! — говорил он всердцах. — Так ходи, головой качай, все равно, как дети. Глаза есть — посмотри нету. Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади.

Его удивляло не то, что Арнини и Сабитов ошиблись. Это не беда! Но как они, идя по тропе и видя, что на ней нет следов, все-таки продолжают итти вперед. Мало того, они столкнули оструганную палочку. Он усмотрел, что сигнал был опрокинут не копытом мула, а ногой человека.

Однако разговором дела не поправишь. Я взял свое ружье и два раза выстрелил в воздух. Через минуту откуда-то издалека послышался ответный выстрел. Тогда я выстрелил еще два раза. После этого мы развели огонь и стали ждать. Через полчаса стрелки возвратились. Они оправдывались тем, что Дерсу поставил такие маленькие сигналы, что их легко было не заметить. Гольд не возражал и не спорил. Он понял, что то, что ясно для него, совершенно неясно для других.

Напившись чаю, мы опять пошли вперед. Уходя, я велел людям внимательно смотреть под ноги, чтобы не повторить ошибки. Часа через два мы достигли того места, где в Сакхому с правой стороны впадает река Угрюмая.

Тут тропы опять разделились. Первая ведет на перевал к реке Илимо (приток Такемы), а по второй нам следовало итти, чтобы попасть в истоки реки Горелой. Дерсу снял котомку и стал таскать бурелом.

— Рано делать бивак, — сказал я ему. — Пойдем дальше.

— Моя дрова таскай нету. Моя дорога закрывай, — ответил он серьезным тоном.

Тогда я понял его. Стрелки бросили ему укор в том, что оставляемые им сигналы незаметны. Теперь он решил устроить такую преграду, чтобы они уперлись в нее и остановились. Меня это очень рассмешило. Дерсу навалил на тропе множество бурелома, нарубил кустов, подрубил и согнул соседние деревья — словом, создал целую баррикаду. Завал этот подействовал. Натолкнувшись на него, Сабитов и Арнини осмотрелись и пошли, как следует.

Река Угрюмая течет в широтном направлении. Узкая долина ее покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Следы разрушительного действия воды видны на каждом шагу. Лежащие на земле деревья, занесенные галькою и песком, служат запрудами, пока какое-нибудь новое большое наводнение не перенесет их в другое место.

По дороге мы несколько раз видели козуль. Я стрелял и убил одну из них. В сумерки мы дошли до верховьев реки и стали биваком.

Вечером Дерсу особым способом жарил козулятину. Он выкопал в земле яму размерами 40 сантиметров в кубе и в ней развел большой огонь. Когда стенки ямы достаточно прогрелись, жар из ямы был выпут. После этого гольд взял кусок мяса, завернул его в листья подбела и опустил в яму. Сверху он прикрыл ее плоским камнем, на котором снова развел большой огонь на полтора часа. Приготовленное таким образом мясо было удивительно вкусно. Ни в одном первоклассном ресторане не сумели бы так хорошо его зажарить: снаружи козулятина покрылась красновато-бурой пленкой, но внутри была сочная. С той поры при каждом удобном случае мы жарили мясо именно таким способом.

Отсюда на другой день стрелки Арнини и Сабитов с мулом пошли обратно, а мы с Дерсу продолжали маршрут дальше.

В верховьях река Угрюмая разбивается на две речки, расходящиеся под углом градусов в тридцать. Мы пошли влево и стали взбираться на хребет, который здесь описывает большую дугу, охватывая со всех сторон истоки реки Горелой (река Угрюмая огибает его с запада). С этих гор берут начало и другие реки. На запад течет река Сяо-Кунчи (приток Такемы), на юг — один из притоков реки Билимбе, на юго-восток — Конор. Если стоять лицом вверх по реке Горелой, а спиною к морю, то вершины, составляющие упомянутый горный хребет, располагаются справа налево в следующем порядке: гора Голиаф (960), Туманная (970), Шпиц (940), Шанц (1 000), Дромадер (1 060), Облачная (980) и Алмазная (900 метров). Последняя состоит из крупнозернистого кварцевого порфира. Здесь в жилах часто находили друзы горного хрусталя. Это обстоятельство, вероятно, и послужило поводом для того, чтобы окрестить ее Алмазной горой.

Все окрестные сопки обезлесены пожарами: дожди смыли всю землю и оголили старые осыпи, среди которых кое-где сохранились одинокие скалы с весьма причудливыми очертаниями. Одни из них похожи на людей, другие — на колонны, третьи — на наковальни и т. д.

Мы с Дерсу прошли вдоль по хребту. Отсюда сверху было видно далеко во все стороны. На юге, в глубоком распадке, светлой змейкой извивалась какая-то река; на западе в синеве тумана высилась высокая гряда Сихотэ-Алиня; на севере тоже тянулись горные хребты; на восток они шли уступами, а дальше за ними виднелось темносинее море. Картина была величественная и суровая.

Когда начало смеркаться, мы немного спустились с гребня хребта в сторону реки Горелой. После недавних дождей ручьи

были полны водою. Очень скоро мы нашли удобное место и расположились биваком высоко над уровнем моря.

С утра день был облачный, но к вечеру небо очистилось. Золотисто-розовые лучи заходящего солнца некоторое время скользили по склонам гор и взбирались все выше и выше. Потом они оставили скалы и стали играть с облаками на небе, потом угасло и это явление: вечерняя заря стала медленно замирать. Дромадер, Шанц и Алмазная гора резко вырисовывались на светлом фоне неба и казались теперь еще сумрачнее и выше. По мере того как пропадал свет солнца на небе, по земле разливался другой, бледноголубой свет луны. Тени стали резче и темнее. Кругом пала обильная роса. Ночь обещала быть холодной, и потому мы постарались собрать побольше дров, благо в них здесь не было недостатка.

Лежа у костра, я любовался звездами. Дерсу сидел против меня и прислушивался к ночным звукам. Он понимал эти звуки, понимал что бормочет ручей и о чем шепчется ветер с засохшей травою.

Одна половина была освещена красным светом костра, а другая — бледными лучами месяца: точно рядом, прижавшись друг к другу сидели два человека — красный и голубой.

Мы разговаривали: говорили о небе, о луне, о звездах. Мне интересно было узнать, как объясняет все небесные явления человек, проведший всю жизнь среди природы, ум которого не был заполнен книжными аксиомами.

Оказалось, что он никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звезды. Объяснял он все удивительно просто. Звезда — звезда и есть; луна — каждый ее видел, значит, и описывать нечего; небо — синее днем, темное ночью и пасмурное во время ненастья. Дерсу удивился, что я расспрашиваю его о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребенку.

— Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан, посмотри нету? — спрашивал он меня, в свою очередь.

Я так увлекся созерцанием звездного неба, что совершенно забыл о том, где я нахожусь. Вдруг голос Дерсу вывел меня из задумчивости.

— Посмотри, капитан, — сказал он, — это маленькая уикта (звезда).

Я долго не мог разобраться, на какое светило он указывал, и, наконец, после разъяснений понял, что он говорил про Полярную звезду.

— Это самый главный люди, — продолжал гольд. — Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда черкнула по небу.

— Что это такое, Дерсу? Как ты думаешь? — спросил я его.

— Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

— Китайские люди говорят, — добавил он, — там, где упала звезда, надо искать женьшень.

Для образованного человека это явление сложное: осколок астероида, случайно вошедший в сферу земного притяжения, раскалившийся от трения о воздух, горящий за счет кислорода воздуха, метеорное железо, космическая пыль... Падение их на землю в течение многих веков должно влиять на объем, вес и плотность земли, а всякое малейшее изменение в этом направлении влечет изменение в движении ее и рефлектирует на движении других планет и т. д.

Я очнулся от своих дум. Костер угасал. Дерсу сидел, опустив голову на грудь, и думал. Я подбросил дров в огонь и стал устраиваться на ночь.

На другое утро мы проснулись от холода. Роса, выпавшая с вечера на землю, замерзла и превратилась в иней. Согревшись чаем, мы одели свои котомки и стали спускаться в реку Горелую. Долина ее шире, чем долина реки Сакхомы, и имеет явно выраженный характер размыва. Другой отличительной чертой ее будет отсутствие лесов, большею частью уничтоженных пожарами. Все склоны гор, обращенные к реке Горелой, сплошь покрыты осыпями, заросшими травой, кустарниками и завалены буреломом. Река имеет порожистый характер. Долина ее длиною в четырнадцать километров, ширина около устья четыре-шесть и глубина не более 0,6—0,9 метра.

По мере того как мы подвигались книзу, ручей становился многоводнее. Справа и слева в него впадали такие же ручьи, и скоро наш ручей стал довольно большою горною речкой. Вода с шумом стремилась по камням, но этот шум до того однообразен, что забываешь о нем, и кажется, будто в долине царит полная тишина.

Пробираться сквозь заросли горелого леса всегда трудно. Оголенные от коры стволы деревьев с заостренными сучками в беспорядке лежат на земле. В густой траве их не видно, и потому часто спотыкаешься и падаешь. Обыкновенно после однодневного пути по такому горелому колоднику ноги у лошадей изранены, у людей одежда изорвана, а лица и руки исцарапаны в кровь. Зная по опыту, что гарь выгоднее обойти стороною, хотя бы и с затратой времени, мы спустились в ручей и пошли по гальке.

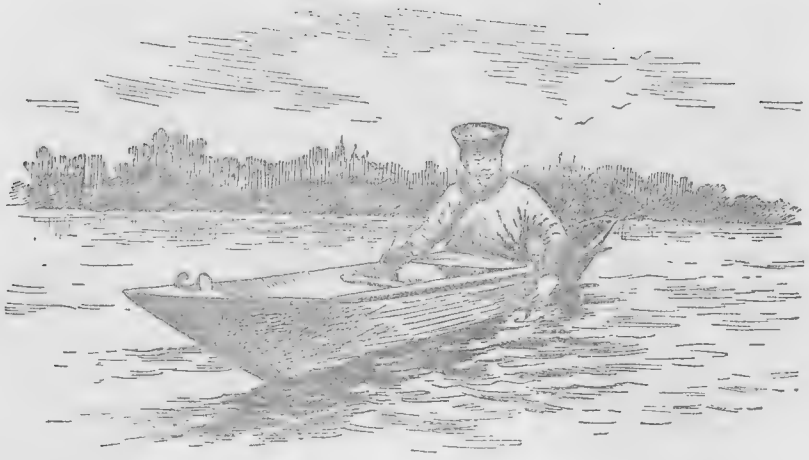
Вдруг за поворотом речки я увидел какое-то животное, похожее на собаку, только выше ростом. Широкая голова, небольшие мохнатые, стоячие уши, притупленная морда, сухое сложение и длинный, пушистый хвост изобличали в нем красного волка или шакалоподобную дикую собаку. Цвет волка действительно был красный, темный на спине и светлый на брюхе.

Животное лакало воду. Когда мы вышли на гальку, оно перестало пить и большими прыжками побежало к лесу. Вслед за ним из прибрежных кустов выскочили еще два волка, из которых один был такой же окраски, как и первый, а другой темнее, и еще несколько животных промелькнуло мимо нас по кустам. Я стрелял и ранил одного из них. В это время подошел Дерсу. Узнав, в чем дело, он направился в заросли и стал что-то искать. Минуты через две я услышал его оклик и повернул в ту сторону. Гольд стоял около большого кедра и махал мне рукою. Подойдя к нему, я увидел на земле большое кровавое пятно и кое-где клочки оленьей шерсти. Дерсу сообщил мне, что красные волки всегда бродят по тайге стаями и охотятся за козами сообща, причем одни играют роль загонщиков, а другие устраивают засаду. Когда они бросаются на животное, то растаскивают его на части, оставляя на месте, как и в данном случае, только кровавое пятно и клочки шерсти. Охотники говорят, что бывали случаи нападения их на человека.

Область распространения красных волков обнимает долину реки Уссури, Южно-Уссурийский край и прибрежный район к северу от залива Ольги до мыса Плитняк. Другими словами, северная граница их обитания совпадает с границей распространения диких коз и пятнистых оленей. Чаще всего животное это встречается в Посьетском, Барабашском и Суйфунском районах.

Отдохнув немного около речки, мы пошли дальше и к вечеру дошли до берега моря.

Следующий день, 31 августа, мы провели на реке Сяо-Кеме, отдыхали и собирались с силами. Староверы, убедившись, что мы не вмешиваемся в их жизнь, изменили свое отношение к нам. Они принесли нам молока, масла, творогу, яиц и хлеба, расспрашивали, куда мы идем, что делаем и будут ли около них сажать переселенцев.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ТАКЕМА

Птицы на берегу моря. — Население. Дугообразно расположенные горные складки. — Река Илимо. — Старуха с внучатами. — Река Цимухе. — Леший и следы тигра. — Изюбр. — Пороги. — Переправа вброд. — Бивак старика-китайца.

Сегодня первый день осени (1 сентября). После полудня мы оставили реку Сяо-Кему и перешли на Такему. Расстояние это небольшое — всего только семь километров при хорошей тропе, проложенной параллельно берегу моря.

Окрестные горы состоят из метаморфизированных базальтов, авгитового андезита и туфов и имеют вид размытых невысоких холмов с пологими скатами. На Такему мы пришли рано, но долго не могли переправиться через реку. На правом ее берегу, около устья, паслись лошади под наблюдением старика-китайца и хромого Тазы. Последний, по словам старика, поехал на лодке в деревню за продуктами и должен был скоро возвратиться обратно. Пришлось его дожидаться. Пока стрелки варили чай, я от нечего делать пошел к берегу моря посмотреть птиц.

Перелет только что начался. Прежде всего я заметил серых уток и узконосых чирков. Тех и других было очень много. Первые очень пугливы. Они не подпускали к себе человека и взлетали тотчас, как только слышали шум шагов. Вторые —

маленькие серые уточки с синими зеркальцами на крыльях — смирные и доверчивые, старались только немного отплыть в сторону. В другом месте я увидел нескольких чернетей. Черные, с синим отливом и с белыми пятнами на спине, они быстро плавали по лагуне и часто ныряли. Я убил двух птиц, но есть их было нельзя, потому что мясо сильно пахло рыбой. На противоположном берегу стайками ходило много куличков. Некоторые из них перелетели на нашу сторону. Это были красноногие щеголи. Около воды суетились камнешарки — красивые пестренькие птички, тоже с красными ногами. Они бегали по воде и каждый раз, когда отходила волна, заглядывали под камни, переворачивали травинки и выискивали корм. Ближе к морю держались самые крупные и красивые кулики-сороки, с красными клювами и ногами серо-фиолетового цвета. Они подпускали человека не более как на сто пятьдесят — двести шагов, затем снимались по очереди и, отлетев шагов на четыреста, снова садились у воды, озираясь по сторонам. Около устья реки в одиночку бегали по камням, помахивая хвостиками, грациозные трясогузки и нисколько не боялись присутствия человека. В море плавали обычные каменушки, которые, видимо, были совершенно равнодушны к перелету. Их не беспокоили надвигавшиеся холода.

Приближалось время хода кеты, и потому в море перед устьем Такемы держалось множество чаек. Уже несколько дней птицы эти в одиночку летели куда-то к югу. Потом они пропали и вот теперь неожиданно появились снова, но уже стаями. Иногда чайки разом снимались с воды, перелетали через бар и опускались в заводь реки. Я убил двух птиц. Это оказались тихоокеанские клуши.

На Такеме фазанов нет вовсе, несмотря на то, что китайцы возделывают землю здесь более десяти лет. Это объясняется тем, что между реками Санхобе и Такемой лежит пустынная область, без пашен и огородов. Повидимому, река Такема в Зауссурийском крае является северной границей распространения обыкновенной белобокой сороки, столь обычной для Ольгинского района и быстро сокращающейся в числе по мере продвижения на север по побережью моря.

Наконец, хромой таза вернулся, и мы стали готовиться к переправе. Это было не так просто и легко, как казалось с берега. Течение в реке было весьма быстрое, перевозчик-таза каждый раз поднимался вверх по воде метров на триста и затем уже пускался к противоположному берегу, упираясь изо всех сил шестом в дно реки, и все же течением его сносило к самому устью.

В низовьях река Такема разбивается на три рукава. Они все впадают в длинную заводь, которая тянется вдоль берега моря и отделена от него песчаным валом. Раньше устье Такемы было в двенадцати километрах от моря, там, где долина

суживается и образует «щеки». Об этом красноречиво говорят следы коррозии [21] с левой стороны долины, у подножия отодвинутых ныне в глубь страны береговых обрывов, состоящих из аклиногидного гранита.

Километрах в десяти от моря правый берег реки скалистый и состоит из крепкого, не поддающегося разрушению гранита, с многочисленными жилами из афанита и скилита.

Переправившись на другую сторону реки, мы пошли к фанзам, видневшимся вдали. Население Такемы смешанное и состоит из китайцев и тазов. Китайских фанз 23, тазовских 11.

В горах с правой стороны реки, против фанзы Сиу-Фу, китайцы мыли золото, но бросили это дело вследствие того, что добыча драгоценного металла не оправдывала затрачиваемых на него усилий.

Тазы на реке Такеме те же, что и в Южно-Уссурийском крае, только менее подвергшиеся влиянию китайцев. Жили они в фанзах, умели делать лодки и лыжи, летом занимались земледелием, а зимой соболеванием. Говорили они по-китайски, а по-удэхейски знали только счет да отдельные слова. Китайцы на Такеме являлись полными хозяевами реки; туземцы забиты и, как везде, находились в неоплатных долгах.

Когда мы подходили к поселку, навстречу нам вышел старшина Сю-Кай. Это был благообразный старик с седой бородою. Местом стоянки я выбрал фанзу таза Сиу-Фу, одиноко стоящую за протокой.

На следующий день, 2 сентября, была назначена дневка. Любители ловить рыбу ходили на реку. Они поймали три штуки кеты, одну горбушу и двух бычков-подкаменщиков с пестрой окраской и оранжевой каймой на темнооливковом спинном плавнике. Остальные люди приводили в порядок одежду и чистили оружие.

Посоветовавшись с тазами, я решил вверх по реке Такеме итти с Дерсу, Чжан-Бао, Арининым и Чан-Лином, племянником горбатого таза, убежавшего с реки Подзыхе. А. И. Мерзлякову с остальными мулами я велел отправиться на реку Амагу, где и ждать моего возвращения.

Выступление было назначено на другой день, но осуществить его не удалось, вследствие весьма ненастной погоды. Наконец, 4 сентября дождь перестал. Тогда мы собрали свои котомки и после полудня вчетвером выступили в дальний путь.

К северу от мыса Видного прибрежная полоса в географическом отношении представляет область, совершенно не похожую на то, что мы видели южнее.

Интересной особенностью этой части Зауссурийского края являются дугообразно расположенные горные складки. В связи с этим и направление течения рек к морю дугообразное. Такими именно реками будут Такема, Кусун, Кулумбе и Амагу. Первые две являются объемлющими, а вторые — объемлемыми,

причем верховья Такемы заходят за верховья Кусуна. Кулумбе и Амагу, в свою очередь, охватывают реки Вандагоу, Найну и Момокчи. Река Такема длиною более ста двадцати километров. Течет она по продольной долине и в нижнем течении прорывает горный хребет. Такема — река быстрая, многоводная и чрезвычайно порожистая. Ширина ее в нижнем течении шестьдесят и глубина до полутора метров.

От тазовских фанз вверх по долине идет пешеходная тропа. Она придерживается левого берега реки и всячески избегает бродов. Там, где долина суживается, приходится карабкаться по скалам и даже итти вброд по воде. Первые «щеки» (из кварцепорфирового туфа) находятся в двенадцати километрах от моря, вторые будут на два с половиной километра выше. Здесь в обнажениях можно видеть диабазовый и сильно хлоритизированный порфирит. В углублении одной из скал китайцы устроили кумирню, посвященную божеству, охраняющему леса и горы.

За «щеками» долина опять расширяется. Эта местность называется Илимо, по имени реки, впадающей в Такему с правой стороны. Длина ее тридцать пять километров, и в истоках она состоит из трех горных ручьев. Наиболее интересный — левый ее приток Чаку, с перевалом на Такунчи (приток Такемы). По словам туземцев, в верховьях Чаку есть высокая скалистая сопка, которую китайцы называют Ян-Лаза (то-есть «Трубчатая скала»). Средний безыменный ключик приведет путника на реку Билимбе, а правый — на реку Сяо-Кему.

Долина реки Илимо прямая, в нижней части открытая и каменистая. С левой стороны ее тянутся террасы, местами болотистые и заросшие редколесьем из черной березы, липы и лиственицы.

Около устья реки Илимо мы нашли две маленьких полуразрушенных фанзочки. В одной из них жила старуха с внучатами: мальчиком девяти и девочкой семи лет. У этих детей отец и мать умерли от оспы два года тому назад. Китайцы воспользовались беззащитностью старухи и обобрали ее дочиста: отняли жилище, огороды, кур, свиней и даже собак. Несчастной старухе ничего не осталось, как перекочевать на Илимо и поселиться здесь в одиночестве. Я застал семью в ужасной бедности. Мальчик ловил рыбу и тем кормил старуху и свою сестренку.

Нигде потеря мужа не является таким несчастьем, как у тазов. Со смертью кормильца семьи являются кредиторы. Как хищные птицы, они набрасываются на имущество покойного и буквально начисто обирают вдову. К ее душевным страданиям присоединяется еще страх перед изгнанием из жилища, нищетой и разлукой с детьми, которых китайцы обыкновенно продают как рабов на сторону.

Мне стало жаль старуху, и я ей дал три рубля. Она растерялась, заплакала и просила меня не говорить об этом

китайцам. Простившись с нею, мы отправились дальше. Мальчик пошел проводить нас до реки Цимухе.

От устья реки Ипимо Такема поворачивает на север и идет в этом направлении километров шесть или семь. Она все время придерживается правой стороны долины и протекает у подножья гор, покрытых осыпями и почти совершенно лишенных растительности. Горы эти состоят из глинисто-кремнистых сланцев и гранитного порфира. С левой стороны реки тянется широкая полоса земли, свободная от леса. Здесь можно видеть хорошо сохранившиеся двойные террасы. Деревья, разбросанные в одиночку и небольшими группами, придают им живописный вид.

Долина Цимухе кажется как бы продолжением долины Такемы. Из зелени леса около ее устья подымается одинокая скала без названия, которая может служить прекрасным ориентировочным пунктом. Вдали виднеется высокий горный хребет, окаймляющий бассейн реки Такемы с северо-восточной стороны и совершенно оголенный от леса.

От реки Цимухе Такема делает крутой поворот на запад и проходит по ущелью между гор, состоящих из полевошпатового порфира с включениями хлорита; с правой стороны наблюдаются обнажения фельзитов и кварцевого порфира с эпидотом. Тут много скал, от действия воды принявших причудливые очертания. Некоторые из них похожи на ворота, другие — на допотопных животных с маленькими головами, третьи — на фигурные столбы, и т. д. Они тянутся на протяжении двух или трех километров. Затем долина опять расширяется. Во время дождей здесь всегда скопляется много воды. Тогда река выходит из берегов и затопляет весь лес.

В долине Такемы произрастают могучие девственные леса, которых ни разу еще не касалась рука человека. Казалось, природа нарочно избрала эти места для того, чтобы показать, какова может быть производительная сила земли.

Кедр, тополь, клен, ольха, черемуха Максимовича, шиповник, рябина бузинолистная, амурский барбарис и чортово дерево, опутанные виноградником, актинидиями и лимонником, образуют здесь такую непролазную чащу, что пробраться через нее можно только с ножом в руке, с затратой больших усилий и с риском оставить одежду свою в кустах.

Мы шли довольно шумно. Дерсу что-то рассказывал. Чжан-Бао и Чан-Лин смеялись. Вдруг Леший остановился, поджал под себя хвост, сгорбился и, прижав уши, со страхом стал озираться по сторонам. Пропустив мимо себя людей, он тихонько поплелся сзади. Причина его страха скоро разъяснилась. Впереди на илистой почве были видны отпечатки тигровых лап. Зверь только что бродил здесь, но, услышав наши голоса, скрылся в зарослях. В это время моя Альпа, понимающая толк только в пернатой дичи, отстала немного и затем

бросилась нас догонять. Услышав, что сзади кто-то бежит, Леший с визгом бросился вперед и так ударил под ноги Дерсу, что опрокинул его на землю. Мы тоже сначала испугались и приготовились к обороне. Дерсу поднялся с земли и сказал, обращаясь к Лешему:

— Нет, тебе вместе с людьми ходи не могу. Моя тебе товарищ нету. С такой собакой в компании ходи — скоро пропади.

В заключение своей фразы он плюнул в ее сторону. И действительно, с такой собакой очень опасно ходить на охоту. Она может привлечь зверя на охотника, и в то время, когда последний целится из ружья, сбить его с ног.

Часа в четыре или в пять пополудни мы стали биваком. Котомки наши были тяжелы, и потому все сильно устали. Кругом было много травы и сухостоя для дров. Чтобы не зажечь лес, мы устроились на галыке около реки.

Приближалась осень. Сумерки стали наступать раньше, ночи сделались длиннее, начала выпадать обильная роса. Это природа оплакивала весну и лето, когда все было молодо и наслаждалось жизнью.

Вечером, после ужина, я пошел немного побродить по галечниковой отмели. Дойдя до конца ее, я сел на пень, принесенный водою, и стал смотреть на реку.

Ночь была ясная. Одна сторона реки была освещена, другая—в тени. При лунном свете листва деревьев казалась посеребренной, стволы белесовато-голубыми, а тени черными. Кусты тальника низко склонились над водою, точно они хотели скрыть что-то около своих берегов. Кругом было тихо, безмолвно, только река слабо шумела на перекатах.

Вдруг до слуха моего донесся шорох. Он исходил из кустов. Я вспомнил встречу с тигром и немного испугался. По опыту я знал, что шорох еще не означает опасности. Сплошь и рядом его причиной является какое-нибудь мелкое животное, вроде мыши или лягушки. Я взял себя в руки и остался на месте. Через минуту шорох повторился, потом послышался треск сучьев, и вслед за тем на галечниковую отмель, освещенную луной, вышел олень. Он подошел к реке и жадно стал пить воду. Я не смел шевельнуться и минуты две любовался прекрасным животным. В это время наши собаки почуяли зверя и подняли лай. Изюбр встрепенулся, рысью выбежал из реки, положив рога на спину, прыгнул на берег и скрылся в лесу. Я поднялся с пня и возвратился на бивак.

Вечером мы долго еще сидели у огня и говорили об охоте.

На другой день все поднялись рано; первые утренние лучи застали нас уже в дороге.

Теперь река повернула на запад. В этих местах она шириной от 60 до 80 и глубиной $1^1/_2$—2 метра. Река Такема в прибрежном районе считается самой бурной. И, действительно,

быстрота течения ее в среднем из четырех измерений дала 10 километров в час.

Благодаря тому, что в долине Такемы хорошие леса, сохранились и звери. Здесь можно найти всех представителей четвероногих, начиная с белки и кончая тигром. В особенности много изюбров. Всюду по пути нам встречались китайские охотничьи шалаши и соболиные ловушки.

Все время мы шли левым берегом, по звероной тропе. Таких троп здесь довольно много. Они слабо протоптаны и часто теряются в кустах. Четвероногие по ним идут свободно, но для человека движение затруднительно. Надо иметь большую сноровку, чтобы с ношей за плечами прыгать с камня на камень и карабкаться по уклону более чем в 40 градусов.

По мере того как мы подвигались вперед, издали доносился какой-то шум. Чан-Лин сказал нам, что это пороги. На реке Такеме их шесть. Самый большой около реки Такунчи, а меньшие — близ устьев Охотхе и Чан-дингоуза. Здесь нам надлежало переправиться на другую сторону Такемы.

Перейти вброд глубокую и быструю реку не так-то просто. Если вода низкая, то об этом разговаривать не стоит, но если вода доходит до пояса, то переходить ее надо с большой осторожностью.

Я уже говорил, что отличительной чертой здешних рек будет низкая температура воды, поэтому переходить вброд надо одетым. Голое тело зябнет, в особенности голени. Затем надо итти не по прямой линии и отнюдь не против воды, а наискось, по течению. Ни в каком случае не следует поворачиваться к воде лицом или спиной, иначе течение собьет с ног. Для того чтобы вода не снесла с намеченного пути, надо крепко держаться на ногах, что возможно сделать только при условии, если ноги будут обуты. Для большей устойчивости люди одевают на себя котомки и даже накладывают в них камней. Вместе с тем котомки являются и опасными. В случае падения в воду груз не позволит подняться на ноги: о плавании тогда нечего и думать.

Решено было итти всем сразу, на тот случай, что если кто ослабеет, то другие его поддержат. Впереди пошел Чан-Лин, за ним Чжан-Бао, меня поставили в середину, а Дерсу замыкал шествие. Собаки поплыли рядом, но течением отнесло их в сторону. Когда мы входили в воду, они уже были на противоположном берегу и отряхивались.

С первых же шагов я почувствовал, что не будь у меня котомки за плечами и в руках крепкой палки, я не мог бы справиться с течением. От быстро бегущей воды закружилась голова, я покачнулся и едва не упал, но сильною рукой меня поддержал Чжан-Бао. В это время палкой я сбил у себя с головы фуражку; о ней некогда было думать. Через минуту я оправился и пошел дальше. Скоро я заметил, что итти стало

легко. Еще несколько шагов, и мы вышли на мелководье. По вздоху, вырвавшемуся у моих спутников, я понял, что мы, действительно, подвергались серьезной опасности.

Выйдя на берег, я стал торопливо одеваться, но Чан-Лин сказал, что сегодня дальше мы не пойдем и останемся здесь ночевать.

На самом берегу был след костра. Зола, угли и обгоревшие головешки — вот все, что я заметил, но Дерсу увидел больше. Прежде всего он заметил, что огонь зажигался на одном и том же месте много раз. Значит, здесь был постоянный брод через реку. Затем Дерсу сказал, что последний раз, три дня тому назад, у огня ночевал человек. Это был старик, китаец, зверолов, он всю ночь не спал, а утром не решился переходить реку и возвратился назад. То, что здесь ночевал один человек, положим, можно было усмотреть по единственному следу на песке; что он не спал, видно было по отсутствию лежки около огня; что это был зверолов, Дерсу вывел заключение по деревянной палочке с зазубринками, которую употребляют обыкновенно для устройства западней на мелких четвероногих; что это был китаец, он узнал по брошенным улам и по манере устраивать бивак. Все это было понятно. Но как Дерсу узнал, что человек этот был старик? Не находя разгадки, я обратился к нему за разъяснениями.

— Как тебе столько лет в сопках ходи, понимай нету? — обратился он ко мне, в свою очередь, с вопросом.

И он поднял с земли улы. Они были старые, много раз чиненные, дыроваты. Для меня ясно было только то, что китаец бросил их за негодностью и пошел назад.

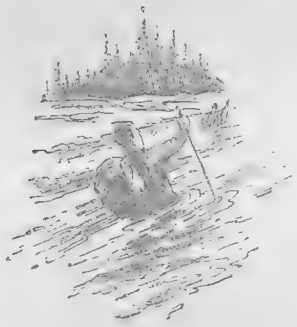
— Неужели понимай нету? — продолжал удивляться Дерсу. — Молодой человек сперва проносит носок, а старик непременно протопчет пятку.

Как это было просто! В самом деле, стоит только присмотреться к походке молодого человека и старого, чтобы увидеть, что молодой ходит легко, почти на носках, а старый ставит ногу на всю ступню и больше надавливает пятку. Пока мы с Дерсу осматривали покинутый бивак, Чжан-Бао и Чан-Лин развели огонь и поставили палатку.

Обсушившись немного, я пошел вниз по реке со слабой надеждой найти фуражку. Течением могло прибить ее где-нибудь около берега. Так я проходил до самых сумерек, но фуражки не нашел и должен был взамен ее повязать голову платком. В этом своеобразном уборе я продолжал уже весь дальнейший путь.

Когда я шел назад, на землю спустилась ночь. Всходила луна, и от этого за сопками, по ту сторону реки, стало светлее. Лес на гребне горы выделялся так резко, что можно было рассмотреть каждое отдельное дерево. При этом освещении тени в лесу казались глубокими ямами, а огонь — краснее,

чем он есть на самом деле. Где-то в стороне заревел изюбр, но вяло, и, не дотянув до конца, оборвал последние ноты. Ответа ему не последовало. Над рекой появился туман. Он тянулся над водой и принимал странные очертания. Мне не хотелось итти на бивак. Я сел на берегу и долго следил, как лунные лучи играли с ночными тенями. Чжан-Бао и Дерсу, обеспокоенные моим отсутствием, стали звать меня голосом. Минут через пятнадцать я был вместе с ними.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЛИ ЦУН-БИН

Выдра. — Острога удэхейцев. — Долина Такунчи. — Лесные птицы. — Одинокая фанза. — Старик-китаец. — Маленькая услуга. — История одной жизни. — Тяжелые воспоминания. — Исповедь. — Душевный переворот. — Решение и прощание. — Амулет.

Чуть свет мы снялись с бивака и пошли по правому берегу Такемы. Река опять повернула на север. Между притоками ее Хумо, Сяо-Кунчи и Такунчи от гор в долину выдвигаются отроги, которые ближе к реке переходят в высокие речные террасы с массивным основанием, состоящим из кварцевого порфира и витрофирового липарита. В тех местах, где отроги пересекают реку, образовались пороги, из которых последний имеет вид настоящего водопада. Вода с шумом стремится в узкий проход и с пеной бьется о камни. Около самого порога образовалась глубокая выбоина. Здесь вода идет тихо и при солнечном освещении имеет изумрудный цвет. Я долго любовался бы порогом, если бы внимание мое не было отвлечено в другую сторону.

Невдалеке от нас на поверхности спокойной воды вдруг появился какой-то предмет. Это оказалась голова выдры, которую крестьяне в России называют «порешней». Она имеет длинное тело (1 метр 20 см), длинный хвост (40 см) и короткие

ноги, круглую голову с выразительными черными глазами, темнобурую блестящую шерсть на спине и с боков и серебристо-серую на нижней стороне шеи и на брюхе. Когда животное двигается по суше, оно сближает передние и задние ноги, отчего тело его выгибается дугою кверху.

В Уссурийском крае выдра распространена равномерно и повсеместно. Любимое местопребывание ее — это реки, обильные рыбой, и в особенности такие места, которые не замерзают и где есть около берегов пустоты подо льдом. Замечено, что для отправления естественной надобности выдра выходит из воды постоянно на одно и то же место, хотя бы для этого ей пришлось проплыть значительное расстояние. Тут в песке обыкновенно охотники ставят капканы. Уничтожив рыбу в одном каком-нибудь районе, выдра передвигается вверх или вниз по реке, для чего идет по берегу. У нее прекрасно развито чутье ориентировки. В тех местах, где река делает петлю, она пересекает полуостров в наиболее узком его месте. Иногда выдра перекочевывает из одной речки в другую; гольдам случалось убивать их в горах, далеко от реки. Пугливое, хитрое и осторожное животное это любит совершать свои охотничьи экскурсии в лунные ночи и редко показывается днем.

Выдра, которую я наблюдал, держала в зубах рыбу и плыла к противоположному берегу. Через минуту она вылезла на мокрый камень. Мокрое тело ее блестело на солнце. В это время она оглянулась и, увидев меня, бросила рыбу и снова проворно нырнула в воду. Я уговорил своих спутников скрыться в кустах в надежде, что животное покажется опять, но выдра не появлялась. Я уже хотел было встать, как вдруг какая-то тень мелькнула в воздухе, и вслед за тем что-то большое и грузное опустилось на камень. Это был белохвостый орлан. Схватив рыбу, он снова легко поднялся на воздух. В это время на воде появилась выдра, но уже значительно дальше по реке. Она, видимо, поднялась только для того, чтобы набрать в легкие воздуха, и затем скрылась совсем.

Километра через три мы достигли устья реки Такунчи и здесь стали биваком. Чжан-Бао и Дерсу занялись рубкой дров, а Чан-Лин отправился острогой ловить рыбу.

Походная острога удэхейцев имеет вид маленького гарпуна с ремнем. Носится она у пояса и надевается на древко в минуту необходимости. Обыкновенно рыбу бьют с берега. Для этого к ней надо осторожно подкрасться. После удара наконечник соскакивает с древка, и рыба увлекает его с собою, но так как он привязан к ремню, то и рыба оказывается привязанною.

Чан-Лин ловко владел острогой и убил шесть больших форелей, которые составили великолепный ужин.

На следующий день, 8 сентября, мы распрощались с Такемой и пошли вверх по реке Такунчи. Река эта длиною немного более сорока километров и течет по кривой с северо-запада

к востоку. Около устья она шириною до 6 и глубиною от 1 до 1,2 метра по руслу. Вода в ней мутная, с синим опаловым оттенком.

Такунчи — типичная долина размыва, суженная около устья и расширяющаяся вверху. Остроконечные, как бы стоящие одиноко, сопки со сглаженными контурами и пологими склонами указывают на постоянные денудационные процессы.

Геология Такунчи такова: около устья река подмывает высокую террасу, основание которой слагается из красивых глинистых сланцев с тонкими прослойками серых песчаников. Немного выше с правой стороны видны обнажения весьма древних конгломератов, которые имеют такой вид, как будто они побывали в огне. Далее, с левой стороны, идет акмуровидный гранит с плитняковой отдельностью, а выше — опять глинистые сланцы, с весьма интенсивной складчатостью.

Из притоков Такунчи самые интересные в среднем течении: два малых безыменных справа и один большой (река Талда) — с левой стороны. Первый приведет к перевалу на Илимо, второй — на реку Сакхому (Сяо-Кема) и третий — опять на реку Такему. Около устья каждого из притоков есть по одной зверовой фанзе.

До первой фанзы мы дошли очень скоро. Отдохнув немного и напившись чаю с сухарями, мы пошли дальше. Вся долина реки Такунчи, равно как и долина Такемы, покрыта густым хвойно-смешанным лесом. Сильно размытое русло реки и завалы бурелома указывают на то, что во время дождей Такунчи знакомы наводнения.

Вторую половину пути мы сделали легко, без всяких приключений, и, дойдя до другой зверовой фанзы, расположились в ней на ночь, как дома.

Что-то сделалось с солнцем. Оно уже не так светило, как летом, вставало позже и рано торопилось уйти на покой. Трава на земле начала сохнуть и желтеть. Листва на деревьях тоже стала блекнуть. Первыми почувствовали приближение зимы виноградники и клены. Они разукрасились в оранжевые, пурпуровые и фиолетовые тона.

В сумерки мы с Дерсу пошли на охоту за изюбрами. Они уже отбунились. Самцы не хотели вступать в борьбу и хотя и отвечали на зов друг другу, но держались позади стада и рогами угоняли маток от места, куда мог явиться соперник.

После ужина мы все расположились на теплом кане. Дерсу стал рассказывать об одном из своих приключений. Около него сидели Чжан-Бао и Чан-Лин и внимательно слушали. По их коротким возгласам я понял, что гольд рассказывал что-то интересное, но сон так овладел мною, что я совершенно не мог бороться с ним и уснул, как убитый.

9 сентября мы продолжали наше движение к Сихотэ-Алиню. В хороших лесах всегда много пернатых. Кроме обычных

для Уссурийской тайги желны, орехотворок, соек, пестрых дятлов, диких голубей, ворон, орлов и поползней, здесь, близ реки, на старых горелых местах, уже успевших зарасти лиственным молодняком, в одиночку держались седоголовые дятлы. Удэхейцы называют их «земляными» дятлами, потому что они кормятся на земле, а не на деревьях. Эти птицы каждый раз при приближении людей поднимали пестовый крик и старались как можно скорее укрыться в чаще леса.

В другом месте в траве я увидел краснобрюхих дроздов. Заслышав шум наших шагов, они вдруг все сразу поднимались на воздух и садились на ветви ближайших деревьев, щебеча так, как будто бы обменивались мнениями о происшедшем. По кустарникам шныряли маленькие симпатичные птички с полосатой спиной и белой головкой. Это были касатки-мухоловки. С исчезновением насекомых должны улететь и они в более теплые страны. Время это было уже близко. Недаром мухоловки стали собираться в стайки. Над осыпями кружились два ястреба. Сеноставцы-пищухи служили им лакомой приманкой. Но эти грызуны очень осторожны. Далеко от нор они не отходили и при малейшем намеке на опасность проворно скрывались в камнях. Но все же при умелом маневрировании пернатые хищники не оставались без добычи.

За работой незаметно прошел день. Солнце уже готовилось уйти на покой. Золотистые лучи его глубоко проникали в лес и придавали ему особенную привлекательность.

Мы прибавили шагу.

Маленькая, едва заметная тропинка, служившая нам путеводной нитью, все время кружила: то она переходила на один берег реки, то на другой. Долина становилась все у́же и у́же и вдруг сразу расширилась. Рельеф принял неясный, расплывчатый характер. Это были верховья реки Такунчи. Здесь три ручья стекались в одно место. Я понял, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня.

Отроги хребта, сильно размытые и прорезанные горными ключами, казались сопками, разобщенными друг от друга. Дальше за ними виднелся гребень водораздела; точно высокой стеной окаймлял он истоки Такунчи. Природа словно хотела резко отграничить здесь прибрежный район от бассейна реки Имана. В том же месте, где соединялись три ручья, была небольшая полянка, и на ней стояла маленькая фанзочка, крытая корьем и сухой травою.

Около фанзочки мы застали одинокого старика-китайца. Когда мы вышли из кустов, первым движением его было бежать. Но, видимо, самолюбие, преклонный возраст и обычай гостеприимства принудили его остаться. Старик растерялся и не знал, что делать.

В то время уже начались преследования браконьеров и выселение их из пределов края. Китаец, вероятно, думал, что

его сейчас арестуют и отправят в залив Ольги под конвоем. От волнения он сел на пень и долго не мог успокоиться. Он тяжело и порывисто дышал, лицо его покрылось потом.

В это время солнце скрылось за горами. Волшебный свет в лесу погас; кругом сразу стало сумрачно и прохладно.

Место, где стояла фанзочка, показалось мне таким уютным, что я решился здесь ночевать.

Дерсу и Чжан-Бао приветствовали старика по-своему, а затем принялись раскладывать огонь и готовить ужин. Я сел в стороне и долго рассматривал китайца.

Он был высокого роста, немного сутуловат, с черными помутневшими глазами и с длинною редкою седою бородой. Жилистая шея, темное морщинистое лицо и заострившийся нос делали его похожим на мумию. Одет он был в старую, уже давно выцветшую и грубо заплатанную рубашку из синей дабы, подпоясанную таким же старым шарфом, к которому сбоку привязаны были охотничий нож, лопаточка для выкапывания женьшеня и сумочка для кремня и огнива. На ногах у него были надеты синие штаны и низенькая самодельная обувь из лосиной кожи с ременными перетяжками, а на голове простая тряпица, почерневшая от копоти и грязи.

Старик-китаец не был похож на обыкновенных рабочих китайцев. Эти руки с длинными пальцами, этот профиль и нос с горбинкой и какое-то особенное выражение лица говорили за то, что он попал в тайгу случайно.

«Вероятно, беглый политический», подумал я про себя.

У меня мелькнула мысль, что я и являюсь причиной его страха. Мне стало неловко. В это время Аринин принес мне кружку чая и два куска сахара. Я встал, подошел к китайцу и все это подал ему. Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю и разлил чай. Руки у него затряслись, на глазах показались слезы. Он опустился на колени и вскрикнул сдавленным голосом.

— Тау-се-ба, та-лай-я! (Спасибо, капитан!)

Я поднял его и сказал:

— Бупа, бэ-хай-па, латурл! (Ничего не бойся, старик!)

Мы все занялись своими делами. Я принялся вычерчивать дневной маршрут, а Дерсу и Чжан-Бао стали готовить ужин. Мало-помалу старик успокоился. После чая, сидя у костра, я начал расспрашивать его о том, как он попал на Такучи.

Китаец рассказал мне, что зовут его Ли Цун-бин, отроду ему семьдесят четыре года, что родом он из Тяньцзина и происходит из богатой китайской фамилии. Еще будучи молодым человеком, он поссорился с родными. Младший брат нанес ему кровную обиду. В деле этом была замешана женщина. Отец принял сторону брата. Тогда он оставил родительский дом и ушел на Сунгари, а оттуда перебрался в Уссурийский

край и поселился на реке Даубихе. Впоследствии, с приходом на Даубихе русских переселенцев, он перешел на реку Улахе, затем жил на реках Судзухе, Пхусуне и Вай-Фудзине и наконец добрался до реки Такемы, где и прожил подряд тридцать четыре года. Раньше он занимался охотой. Первое ружье у него было фитильное, за которое он заплатил тридцать отборных соболей. Потом он искал дорогой корень женьшень. Под старость он уже не мог заниматься охотой и стал звероловом. Это понудило его сесть на одном месте, подальше от людей. Он облюбовал реку Такунчи и пришел сюда уже много лет тому назад. Жил здесь Ли Цун-бин один-одинешенек. Изредка кто-нибудь из туземцев заходил к нему случайно, и сам он раз или два в год спускался к устью Такемы. Потом старик вспомнил свою мать, детство, сад и дом на берегу реки.

Наконец он замолк, опустил голову на грудь и глубоко задумался.

Я оглянулся. У огня мы сидели только вдвоем. Дерсу и Чжан-Бао ушли за дровами.

Ночь обещала быть холодной. По небу, усеянному звездами, широкой полосой протянулся Млечный путь. Резкий, холодный ветер тянул с северо-запада. Я озяб и пошел в фанзу, а китаец остался один у огня.

Я заметил, что Дерсу проходил мимо старика на носках, говорил шопотом и вообще старался не шуметь.

Время от времени я выглядывал в дверь и видел старика, сидевшего на том же месте, в одной и той же позе. Пламя костра освещало его старческое лицо. По нему прыгали красные и черные тени. При этом освещении он казался выходцем с того света, железным человеком, раскаленным докрасна. Китаец так ушел в свои мысли, что, казалось, совершенно забыл о нашем присутствии.

О чем думал он? Вероятно о своей молодости, о том, что он мог бы устроить свою жизнь иначе, о своих родных, о любимой женщине, о жизни, проведенной в тайге, в одиночестве...

Поздно вечером я снова выглянул в окно. Ветер раздувал потухший костер. На минуту вспыхивало тусклое пламя и на мгновенье освещало худую фигуру старика.

Он сидел все на том же месте, подперев голову руками, смотрел на угли и вспоминал далекое прошлое. Я хотел было его окликнуть, но почему-то не решился этого сделать.

Наконец, покончив свою работу, я закрыл тетрадь и хотел было лечь спать, но вспомнил про старика и вышел из фанзы. На месте костра осталось только несколько угольков. Ветер рвал их и разносил по земле искры. А китаец сидел на пне так же, как и час тому назад, и напряженно о чем-то думал.

Я сказал Дерсу, чтобы он позвал его в фанзу.

— Не надо, капитан,— ответил мне тихонько гольд, усиленно подчеркивая слово «не надо», и при этом сказал, что

в таких случаях, когда человек вспоминает свою жизнь, его нельзя беспокоить.

Я понял, что в это время беспокоить человека действительно нельзя, вернулся в фанзу и лег на кан.

Тоскливо завывал ветер в трубе и шелестел сухой травой на крыше. Снаружи что-то царапало по стене, — должно быть, качалась сухая ветка растущего поблизости куста или дерева. Убаюкиваемый этими звуками, я сладко уснул.

На другое утро, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Я поспешно оделся и вышел из фанзы.

Кругом все белело от инея. Вода в лужах замерзла. Под тонким слоем льда стояли воздушные пузыри. Засохшая желто-бурая трава искрилась такими яркими блестками, что больно было на нее смотреть. Сучья деревьев, камни и утоптанная земля на тропе покрылись холодным матовым налетом.

Осмотревшись кругом, я заметил, что все вещи, которые еще вчера валялись около фанзы в беспорядке, теперь были прибраны и сложены под навес. Около огня сидели Чжан-Бао, Дерсу и Чан-Лин и о чем-то тихонько говорили между собою.

— А где старик? — спросил я их.

Чжан-Бао указал мне рукой в лес. Тут только я заметил на краю полянки маленькую кумирню, сложенную из накатника и крытую кедровым корьем. Около нее на коленях стоял старик и молился. Я не стал ему мешать и пошел к ручью мыться. Минут через пятнадцать старик возвратился в фанзу и стал укладывать свою котомку.

— Куда он собирается? — спросил я своих спутников.

Тогда Чжан-Бао сказал мне, что старик решил вернуться на родину, примириться со своим братом, если он жив, и там окончить дни свои.

Уложив котомку, старик снял с левой руки деревянный браслет и, подавая его мне, сказал:

— Возьми, капитан, береги, он принесет тебе счастье!

Я поблагодарил его за подарок и тут же надел браслет на руку.

После этого старик сделал земные поклоны на все четыре стороны и стал прощаться с сопками, с фанзой и с ручьем, который утолял его жажду.

Около фанзы росли две лиственицы. Под ними стояла маленькая скамеечка. Ли Цун-бин обратился к лиственицам с трогательной речью. Он говорил, что посадил их собственными руками и они выросли большими деревьями. Здесь много лет он отдыхал на скамейке в часы вечерней прохлады и вот теперь должен расстаться с ними навсегда. Старик прослезился и снова сделал земные поклоны.

Затем он попрощался с моими спутниками. Они, в свою очередь, поклонились ему до земли, помогли ему надеть котомку, дали в руки палку и пошли провожать до опушки леса.

На краю полянки старик обернулся и еще раз посмотрел на место, где столько лет он провел в одиночестве. Увидев меня, он махнул мне рукой, я ответил ему тем же и почувствовал на руке своей браслет.

Когда возвратились Дерсу, Чжан-Бао и Чан-Лин, мы собрали котомки и пошли своей дорогой. Дойдя до опушки леса, я, так же, как и старик, оглянулся назад.

Словно что оборвалось! Эта полянка и эта фанзочка, которые еще вчера казались мне такими уютными, сразу сделались чуждыми, пустыми.

Брошенный дом! Душа улетела, остался один труп!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СТРАШНАЯ НАХОДКА

Пологий склон Сихотэ-Алиня. — Верховья реки Арму. — Скелеты. — Лунное световое явление. — Тянь-чин-лаза. — Сихотэ-Алинь. — Кедровый стланец.

От фанзочки сразу начался подъем на Сихотэ-Алинь, сначала пологий, а потом все круче и круче. На восточном склоне хребта растет хвойно-смешанный лес; главную массу его составляют кедр, ель, пихта, лиственица, клен и береза с мохнатою желтою корою. Травяная растительность состоит из папоротников, чемерицы, ландышей, царского скипетра, трилистника, заячьей кислицы и различных мелких осок.

Подъем на гребень Сихотэ-Алиня был настолько крут, что пришлось хвататься руками за камни и корни деревьев. Высота перевала над уровнем моря, по показаниям анероида, 875 метров. На западном склоне хребта растительность более однообразна, чем на восточном. Разница в характере лесов очень резкая. Я ожидал увидеть на вершине Сихотэ-Алиня гольцы. Ничего подобного: передо мной была возвышенная равнина вроде плоскогорья, покрытая редкой замшистой лиственицей, без всякого подлесья. Нигде ни кустов, ни травы — всюду один мох. Чтобы добыть кусок горной породы, пришлось глубоко копаться во мху. Взятые образцы оказались кварцевым порфиром и липаритом.

В собранном мною здесь гербарии отмечены: стелющийся по мху дерен канадский с розеткой из шести листочков и с красными ягодами; потом тоже канадский майник, имеющий два сердцевидных, ярко блестящих сочных листа; затем особый вид плауна. Первый по внешнему виду несколько напоминает низкорослый орляк, который имеет довольно простой перистый лист.

Отдохнув немного на перевале, мы пошли дальше. Я решил пересечь плато и спуститься к воде по другую его сторону. Но сколько мы ни шли, конца его не было видно. Перед нами расстилалась пустынная болотистая равнина, покрытая чахлым лесом. Хоть бы одна сопка, хоть бы какой-нибудь бугор или углубление! Я думал, что мы попали на плоскогорье, и не знал, идем ли мы вдоль или пересекаем его по кратчайшему направлению. Вдруг я услышал шум воды. Это обстоятельство еще больше меня удивило. Скоро все разъяснилось: западные склоны Сихотэ-Алиня в этих местах оказались настолько пологими, что понижение их совершенно незаметно для глаза. Перед нами была река Арму — самый большой приток Имана, впадающий в него в среднем течении, с правой стороны. Я взглянул на барометр. Стрелка показывала 697 миллиметров, что, по приведению к уровню моря, давало абсолютную высоту 770 метров. Значит, с вершины мы спустились только на 105 метров, что, в среднем, на один километр составляет 10 метров. Уровень воды в реке на западной стороне Сихотэ-Алиня оказался на 225 метров выше, чем на восточной.

В верховьях река Арму состоит из двух речек одинаковой величины. Мы попали как раз к месту их слияния. Чан-Лин измерял каждую из них двумя днями пути.

Посоветовавшись с ним, я решил отправиться по левой речке (ближайшей к Сихотэ-Алиню), затем подняться на водораздел, пройти немного по хребту, и выйти к истокам реки Такемы.

Здесь река Арму имеет до 6 метров ширины и около 45 сантиметров глубины. Вода в ней красноватого цвета и не имеет той низкой температуры, которая свойственна быстрым горным речкам. Русло Арму завалено колодником, что при сравнительно тихом течении вполне понятно: дерево остается лежать там, где оно упало.

Около реки лес значительно гуще и состоит из ольхи, белой березы, ели и пихты; особенно много растет лиственицы. Это в полном смысле слова тайга: дикая, пустынная и неприветливая. Все живое ее избегает; нигде не видно звериных следов, и за двое суток мы не встретили ни одной птицы. Такая тайга влияет на психику людей, что заметно было и по моим спутникам. Они шли молча и почти не разговаривали между собою.

По обыкновению, около трех часов пополудни мы стали выбирать место для бивака. Дерсу и Чжан-Бао зачем-то отошли вправо, а я, Чан-Лин и Аринин пошли по берегу речки. Вдруг мы услышали позади себя крик: Дерсу звал нас к себе. Мы тотчас вернулись. Пробираясь сквозь чащу леса, я увидел маленькую полянку, а на ней что-то белело. Около этих предметов стояли Дерсу и Чжан-Бао и внимательно их рассматривали. Сначала я думал, что это кочки, но уже по лицам своих спутников понял, что это было что-то посерьезнее простых кочек. Подойдя поближе, я увидел человеческие черепа. Их было шесть; тут же по сторонам валялись и другие кости.

Шесть скелетов! Как погибли эти люди? Суровая тайга хранит такие тайны.

Дерсу долго рассматривал кости и что-то говорил с Чжан-Бао. По его мнению, эти люди не были убиты, потому что ни на одном из черепов не было проломов. Они умерли и не от болезней. От болезней все сразу не умирают, а гибнут поодиночке: один умрет, а остальные плетутся дальше. Дерсу стал осматривать стволы деревьев. По ожогам на коре он установил время последнего пала. Это было два года тому назад. А так как кости тоже носили на себе следы огня, то, очевидно, в то время, когда шел огонь по лесу, трупы были уже скелетами. Пал сжег остатки одежды. Однако около костей должны были остаться такие предметы, которые не могли сгореть и по которым можно было бы установить национальность умерших. Дерсу и Чжан-Бао принялись копаться во мху и скоро нашли железный котелок, топор, заржавленный нож, шило, ручка которого была сделана из ружейной гильзы, огниво, трубку, жестяную баночку и серебряное кольцо. По этим предметам Дерсу узнал, что погибшие люди были корейцы-золотоискатели. Они, видимо, хотели пробраться на берег моря, но заблудились в тайге и погибли от голода.

А спасение было так близко: один переход — и они были бы в фанзе отшельника-китайца, у которого мы провели прошлую ночь.

Окаймляющие полянку деревья, эти безмолвные свидетели гибели шестерых людей, молчаливо стояли и теперь. Тайга показалась мне еще угрюмее.

Как бы сговорившись, мы все разом сняли с себя котомки. Чжан-Бао и Чан-Лин выворотили пень, выбросили из под него камни и землю, а мы с Дерсу стащили туда кости. Затем прикрыли их мхом, а сверху наложили тот же пень и пошли к реке мыться.

Была пора устраиваться на ночь. Чжан-Бао и Чан-Лин не хотели располагаться рядом с мертвецами. Взяв свои котомки мы отошли еще полкилометра и, выбрав на берегу речки место поровнее, стали биваком.

В сумерки появился туман. Он перешел через водораздел и распространился по всему западному склону Сихотэ-Алиня.

Вечером я имел случай наблюдать интересное метеорологическое явление. Около десяти часов взошла луна, тусклая, почти не дающая света. Вслед за тем туман рассеялся, и тогда от лунного диска вверх и вниз протянулись два длинных луча, заострившихся к концам. Явление это продолжалось минут пятнадцать, затем опять надвинулся туман, и луна снова сделалась расплывчатой и неясной; пошел мелкий дождь, который продолжался всю ночь до рассвета.

Утром 11 сентября погода как будто немного изменилась к лучшему. Чтобы не терять напрасно времени, мы собрали свои котомки и пошли вверх по реке Арму. Местность была настолько ровная и однообразная, что я совершенно забыл, что нахожусь у подножия Сихотэ-Алиня. Здешний хвойный лес, плохого дровяного качества, растет весьма неравномерно: болотистые поляны отделяются друг от друга небольшими перелесками; деревья имеют отмершие вершины и множество сухих ветвей.

Часов в 11 утра мы распрощались с Арму и круто повернули к востоку. Здесь был такой же пологий подъем, как и против реки Такунчи. Совершенно незаметно мы поднялись на Сихотэ-Алинь и подошли к восточному его обрыву. В это время туман рассеялся, и мы могли ориентироваться.

Слева от нас, километрах в пятнадцати, высилась какая-то большая гора. Чан-Лин, хорошо знающий эти места, сказал, что сопка эта не имеет названия и находится в истоках реки Синцы. Мы были как раз против долины реки Тянь-чин-гоуза[22], впадающей в Такему с правой стороны, выше Такунчи. По размерам первая немного меньше второй. Березняки в ее истоках указывают на то, что здесь был когда-то большой пожар, уничтоживший весь хвойный лес. Прилегающая часть Сихотэ-Алиня со стороны Такемы имеет вид длинной столовой горы. Китайцы называют ее Тянь-чин-лаза[23].

Нам не суждено было долго любоваться красивой панорамой. Надвинувшиеся тучи снова окутали Сихотэ-Алинь, снова пошел дождь мелкий и частый.

Производить съемку во время ненастья трудно. Бумага становится дряблой, намокшие рукава размазывают карандаш. Зонтика у меня с собой не было, о чем я искренно жалел. Чтобы защитить планшет от дождя, каждый раз, как только я открывал его, Чан-Лин развертывал над ним носовой платок. Но скоро и это оказалось недостаточным: платок намок и стал сочить воду.

— Погоди, капитан, — сказал мне Дерсу и, отбежав в сторону, начал снимать с дерева бересту, затем срезал несколько прутьев и быстро смастерил зонтик.

Меня всегда удивляла находчивость гольда. Кажется, не было такого затруднительного положения, из которого он не сумел бы выйти. Все, что ему было нужно, он находил тут же, около себя, под рукою.

Выполняя намеченный маршрут, мы повернули на север и пошли вдоль по Сихотэ-Алиню к большой куполообразной горе, которую видели на северо-востоке.

Пройти нам удалось немного. Опасаясь во время тумана заблудиться в горах, я решил рано стать на бивак. На счастье, Чжан-Бао нашел между камней яму, наполненную дождевой водою и поблизости ее сухой кедровый стланец. Мы поставили односкатную палатку, развели огонь и стали сушиться.

Перед вечером Дерсу ходил на охоту и убил кабаргу. Это двукопытное животное, похожее на антилопу, высотою в полметра, а длиною в метр. Задние ноги ее немного длиннее передних, отчего, когда животное стоит на всех четырех ногах, зад его немного приподнят. Шея у кабарги длинная, голова небольшая, стройная, с темными выразительными глазами и подвижным носом. Она не имеет рогов и слезных ямок. Зато природа наградила ее клыками: у самок клыки маленькие и не выходят изо рта, а у самцов длинные, острые и торчат книзу на 5—6 сантиметров. Во время гона самцы дерутся между собою, нанося друг другу довольно опасные раны. В отличие от прочих двукопытных кабарга имеет желчный пузырь и мускусный мешок. Общая окраска животных пестро-темно-бурая; шерсть грубая и ломкая; движения порывистые и неуверенные; крик пронзительный и тоскливый. Во время гона самцы распространяют вокруг себя сильный запах.

На ужин варили мясо кабарги; оно чем-то припахивало. Чан-Лин сказал, что оно пахнет мхом. Чжан-Бао высказался за запах смолы, а Дерсу указал на багульник. В местах обитания кабарги всегда есть и то, и другое, и третье; вероятно, это был запах мускуса.

Весь следующий день, 12 сентября, мы простояли на месте из-за дождя. Надо было переждать непогоду. Осенние дожди в Уссурийском крае никогда не бывают продолжительны, но зато очень сильны. Целый день я сидел в палатке и вычерчивал свои съемки. Ночью поднялся сильный порывистый ветер. Кое-где показались звезды, и, как всегда в таких случаях бывает, перед рассветом ударил крепкий мороз. Кругом опять все забелело, от инея сырой мох замерз и хрустел под ногами. От наших ног на нем оставались глубокие следы, чем очень были недовольны Дерсу и Чжан-Бао. Эта осторожность красной нитью проходила во всех их действиях, даже в тех случаях, когда мы находились очень далеко от жилья и трудно было рассчитывать на встречу с человеком.

Осмотревшись, мы увидели, что находимся как раз против истоков реки Синцы[24].

От столовой горы Тян-чин-лаза Сихотэ-Алинь идет сначала к северо-востоку, а затем поворачивает на северо-запад. В этом углу высится острая коническая сопка. Высота сопки, по барометрическим измерениям, равняется 1 230 метрам. Дальше Сихотэ-Алинь тянется на север. Километрах в пяти от сопки он поворачивает к востоку, образуя двугорбую сопку, названную нами Верблюдом (1 100 метров). Потом хребет изгибается еще раз на запад. Отсюда он берет старое направление и подходит к самой высокой горе, которую мы вчера видели издали.

Вся описываемая часть Сихотэ-Алиня совершенно голая; здесь, видимо, и раньше не было лесов. Если смотреть на вершины гор снизу (из долин), то кажется, что около гольцов зеленеет травка. Неопытный путник торопится пройти лесную зону, чтобы поскорее выйти к альпийским лугам. Но велико бывает его разочарование, когда вместо травки он попадает в пояс кедрового стланца. Корни этого древесного растения находятся вверху, а ствол и ветви его стелются по склону, как раз навстречу человеку, подымающемуся в гору. Пробираться сквозь кедровый стланец очень трудно: без топора тут ничего не сделать. Нога часто соскальзывает с сучьев; при падении то и дело садишься верхом на ветви, причем ноги не достают до земли, и обойти стланцы тоже нельзя, потому что они кольцом опоясывают вершину. Выше их на Сихотэ-Алине растут низкорослые багульники, брусника, рододендрон, мхи, еще выше — лишаи, и наконец начинаются гольцы.

В этот день мы дошли до подножия куполообразной горы и остановились около нее в седловине.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ОПАСНАЯ ПЕРЕПРАВА

Гора Шайтан. — Река Сица. — Истоки реки Такемы. — Прибыль воды. — Переправа на плоту. — Дерсу в опасности. — Привязанное дерево. — Спасение. — Возвращение к морю. — Смешное недоразумение. — Прибрежные горные речки. — Скала Ван-Синлаза. — Кольчатый тюлень. — Бивак около устья реки Кулумбе. — Тень и душа. — Пятнистый олень.

Ночью мы мало спали, зябли и очень обрадовались, когда на востоке появились признаки зари. Солнце еще пряталось за горизонтом, а на земле было уже все видно.

Горная страна с птичьего полета! Какая красота! Куда ни глянешь — всюду горы, вершины их, то остроконечные, как петушиные гребни, то ровные, как плато, то куполообразные, словно морская зыбь, прятались друг за друга, уходили вдаль и как будто растворялись во мгле.

Но вот взошло солнышко и пригрело землю. Иней исчез, и трава из пепельно-серебристой снова сделалась буро-желтою и сухою.

Собрав свои котомки, мы стали взбираться на самую высокую гору. Много раз мы садились отдыхать, затем опять карабкались вверх и только к полудню достигли ее вершины. По барометрическим измерениям высота горы оказалась равной 1 570 метрам. Я назвал ее Шайтаном. Это самая высокая точка в центральной части Сихотэ-Алиня. Восточные склоны —

каменистые и крутые, западные — пологие. Камни, покрывающие вершину Шайтана, были так плотно уложены, что можно подумать, будто их кто-нибудь нарочно утрамбовывал и пригонял друг к другу.

Спуск с горы отнял у нас тоже много времени. В следующей, соседней седловине барометр показывал 1 066 метров. Отсюда Сихотэ-Алинь поворачивает на северо-восток.

Дальше мы по нему не пошли и начали спуск в долину реки Сицы. С большой горы всегда надо спускаться осторожно, не торопясь, иногда останавливаться отдыхать и осматриваться.

Осины, мхи и кедровые стланцы теперь остались позади. Здесь я нашел мохнатую черную смородину. Ниже росла рябина, мелкая лиственница и низкорослая береза; еще ниже — кедр, потом — черная береза, дуб и все прочие деревья.

В полдень мы остановились на привал. Пока варился чай, я успел сделать несколько фотографических снимков.

Река Сица в верховьях состоит из двух речек, каждая из них в свою очередь разбивается на два ручья, потом еще и еще. Все ручьи сбегают в обширную котловину, изрезанную оврагами.

Нигде хребет Сихотэ-Алинь не выступает так величественно и резко, как в истоках Сицы. Здесь он действительно кажется высоким горным хребтом.

Всюду в обнажениях я видел кристаллические сланцы и кварцы, окрашенные окисью меди. Китайцы говорят, что на реке Сице есть золото, а в горах — горный хрусталь. В долине реки Сицы раньше были хорошие хвойные смешанные леса, впоследствии выгоревшие. Теперь на месте пожарища выросли березняки двадцатипятилетнего возраста.

Река Сица считается хорошим охотничьим местом, и действительно, следы изюбров встречались чуть ли не на каждом шагу. Избитая земля, истрепанные кусты, клочья шерсти и обломки рогов говорили о том, что здесь происходят главные бои.

К вечеру мы дошли до маленькой зверовой фанзы, которую, по словам Чан-Лина, выстроил кореец-золотоискатель. Золота он не нашел, но соболей в тот год поймал много. Тут мы остановились. В сумерки Чан-Лин и Дерсу ходили на охоту и убили сайка [25]. Ночью они по очереди сушили мясо.

Дальнейший путь лежал вниз по реке Сице. Она шириною около четырех, глубиною 0,6 метра и в нижнем течении очень порожиста и бурлива. По мере того как мы отходили от водораздела, долина суживалась все более и более и наконец превратилась в глубокое ущелье. Здесь с обеих сторон высятся мощные древнеречные террасы, состоящие из глинистых сланцев с прослойками желтого мелкозернистого песчаника и молочно-белого кварца. Сланцы сильно перемяты и кажутся плойчатыми.

С левой стороны террасы стоит одинокая скала, похожая на старинную башню. Вместе с Чан-Лином мы поднялись наверх, чтобы с высоты ее посмотреть на верховья Такемы. До истоков было еще далеко. Река загибается на север и охватывает истоки Кусуна. В самых верховьях Такема принимает в себя справа и слева еще по одному притоку. Правый называется Чон-Шонза [26], левый — Сяодунца [27]. Немного выше устья последней, на левом берегу Такемы, по словам Чан-Лина, есть скалистая сопка, куда удэхейцы боятся ходить: там с гор всегда сыплются камни, там — обиталище злого духа Кактаму.

Из всего изложенного выше явствует, что хребет Сихотэ-Алинь по отношению к Такеме идет под углом, сначала небольшим, а затем, по мере отклонения реки к югу, увеличивающимся все больше и больше.

Спустившись с Сихотэ-Алиня в долину реки Сицы, мы заночевали в зверовой фанзочке Чан-Лина, где он в два года поймал 86 соболей.

На следующий день к полудню мы дошли до реки Такемы и направились вниз по ее течению, придерживаясь правого края долины.

По пути мы видели одного медведя и нескольких изюбров.

Полюбовавшись красивой горной панорамой, мы пошли вниз по правому берегу Такемы и, немного не доходя до реки Сяо-Дунанцы [28], стали биваком.

С утра хмурившаяся погода к вечеру разразилась сильным дождем. С первых же капель стало видно, что дождь будет затяжной. Палатки мы поставили хорошо, натаскали сухих дров и потому ночь провели спокойно. Утром дождь пошел еще сильнее. Пришлось продневать. Мои спутники убивали время разговорами, спали или варили чай, а я занимался своей обычной работой. Часов в одиннадцать утра была короткая гроза. Молнии не было видно; гром грохотал где-то вверху, в облаках, тучи шли вразброд, и ветер часто менял направление. Целый день и всю ночь шел дождь с удивительным постоянством. На рассвете 17 сентября тучи рассеялись, и опять ударил мороз. Вершины гор забелели от снега и в этом уборе приняли праздничный вид. Земля, пригретая солнечными лучами, стала оттаивать; онемевшая было вода ожила и тонкими струйками стала сбегать по скатам, и чем ниже, тем бег ее становился стремительнее; это подбодрило всех. Словно сговорившись, мы проворно собрали свои котомки и бодро пошли дальше и около полудня были близ реки Ыоготхо (Агато), впадающей в Такему с левой стороны. По ней можно перевалить в реку Чеэ-Бязани (приток Кусуна). Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до устья реки Тянь-чин-гоуза. Небольшая тропка привела нас к фанзочке, построенной среди густого леса, в расстоянии одного километра от Такемы; тут

мы заночевали, а утром снова продолжали свой путь вниз по долине реки Такемы.

После грозы погода установилась хорошая, и мы подвигались довольно быстро.

Я заметил, что каждый раз, когда тропа приближалась к реке, спутники мои о чем-то тревожно говорили между собой. Скоро все разъяснилось: от последних дождей вода в Такеме поднялась выше своего уровня, и это было достаточно, чтобы воспрепятствовать нам перейти вброд. Оставалось или продолжать путь по правому берегу до реки Сяо-Кунчи и затем через перевал выйти в долину реки Илимо, или же переправиться через Такему где-нибудь выше Такунчи. Путь через реку Илимо был длинный и кружный. Посоветовавшись между собой, мы решили попытаться переправиться через реку на плоту и только в случае неудачи итти к верховьям реки Илимо и по ней к устью Такемы.

Для этого надо было найти плес, где вода шла тихо и где было достаточно глубоко. Такое место скоро было найдено немного выше последнего порога. Русло проходило здесь около противоположного берега, а с нашей стороны тянулась длинная отмель, теперь покрытая водою. Свалив три большие ели, мы очистили их от сучьев, разрубили пополам и связали в довольно прочный плот. Работу эту мы закончили перед сумерками и потому переправу через реку отложили до утра.

Вечером мы еще раз совещались. Решено было, что, когда плот понесет вдоль берега, Аринин и Чжан-Бао должны будут соскочить с него первыми; а я стану сбрасывать вещи. Чан-Лин и Дерсу будут управлять плотом. Затем спрыгиваю я, за мной Дерсу, последним оставляет плот Чан-Лин.

На другой день мы так и сделали. Котомки положили посредине плота, поверх них ружья, а сами распределились по концам. Едва мы оттолкнули плот от берега, как его сразу подхватило течение и, несмотря на наши усилия, отнесло далеко ниже того места, где мы рассчитывали высадиться. Как только плот подошел к противоположному берегу, Чжан-Бао и Аринин, захватив с собой по два ружья, прыгнули на землю. От этого толчка плот немного отошел к середине реки. Пока его несло вдоль берега, я принялся сбрасывать вещи. Дерсу и Чан-Лин употребляли все усилия подвести плот возможно ближе к берегу, дабы дать возможность мне высадиться. Я уже собрался было это сделать, как вдруг у Чан-Лина сломался шест, и он полетел головой в воду. Вынырнув, он поплыл к берегу. Тогда я схватил запасный шест и бросился помогать Дерсу. Немного дальше виднелся каменный выступ. Дерсу закричал мне, чтобы я прыгал как можно скорее. Не зная его плана, я продолжал работать шестом. Не успел я опомниться, как он поднял меня на руки и бросил в воду. Я ухватился руками за куст и выбрался на берег. В это мгновение плот

ударился о камень, завертелся и опять отошел на середину реки. На плоту остался один Дерсу.

Мы бросились бегом по берегу с намерением протянуть гольду шест, но река здесь делала изгиб, и мы не могли догнать плота. Дерсу делал отчаянные усилия, чтобы снова приблизить его к берегу. Но что значила его сила в сравнении с течением реки! Впереди, метрах в тридцати, шумел порог. Стало ясно, что Дерсу не справится с плотом и течение непременно увлечет его к водопаду. Недалеко от порога из воды торчал сук утонувшего тополя. Чем ближе приближался плот к водопаду, тем быстрее несло его течением. Гибель Дерсу казалась неизбежной. Я бежал вдоль берега и что-то кричал. Сквозь чащу леса я видел, что он бросил шест, стал на край плота, и в тот момент, когда плот проносился мимо тополя, он, как кошка, прыгнул на сук и ухватился за него руками.

Через минуту плот достиг порога. Два раза из воды показались концы бревен, и затем их разметало на части. Крик радости вырвался из моей груди. Но тотчас же появился новый тревожный вопрос: как теперь снять Дерсу с дерева и надолго ли у него хватит сил? Сук торчал из воды наклонно по течению, под углом градусов в тридцать. Дерсу держался крепко, обхватив его руками и ногами. К несчастью, у нас не было ни одной веревки. Они все ушли на увязку плота и теперь погибли с ним вместе. Что делать? Медлить было нельзя. Руки у Дерсу могли озябнуть, устать и тогда... Мы стали совещаться. В то время Чан-Лин обратил внимание на Дерсу, который делал нам рукой какие-то знаки. За шумом воды в реке нельзя было расслышать, что он кричал. Наконец мы поняли его: он просил рубить дерево. Валить дерево в реку против самого Дерсу было опасно, потому что оно могло сбить его с сука, за который он держался. Значит, надо было рубить дерево выше. Выбрав большой тополь, мы начали его было рубить, но увидели, что Дерсу отрицательно замахал рукой. Тогда мы подошли к липе, — Дерсу замахал снова. Наконец мы остановились около большой ели... Дерсу дал утвердительный знак. Теперь мы поняли его. Ель не имеет толстых ветвей, и потому она не застрянет в реке, а поплывет. В это время я заметил, что Дерсу показывает нам ремень. Чжан-Бао понял этот знак. Дерсу указывал, что ель надо привязать. Я спешно стал развязывать котомки и собирать все, что было подходящего и что могло хоть как-нибудь заменить веревки. Для этого пошли ружейные, поясные ремни и ремни от обуви. В котомке Дерсу оказался еще один запасной ремень. Мы все их связали вместе и одним концом привязали ель за основание.

После этого мы дружно взялись за топоры. Подрубленная ель покачнулась. Еще маленькое усилие, и она стала падать в воду. В это время Чжан-Бао и Чан-Лин схватили концы ремней и закрутили их за пень. Течение тотчас же начало откло-

пять ель к порогу, она стала описывать кривую от середины реки к берегу, и в тот момент, когда вершина проходила мимо Дерсу, он ухватился за хвою руками. Затем я подал ему палку, и мы без труда вытащили его на берег.

Первое, что я сделал, — поблагодарил гольда за то, что он во-время столкнул меня с плота. Дерсу смутился и стал говорить, что так и надо было, потому что если бы он соскочил, а я остался на плоту, то погиб бы наверное, а теперь мы все опять вместе. Он был прав, но тем не менее он рисковал жизнью ради того, чтобы не рисковал ею я.

Человек скоро забывает опасность. Едва она минует, сейчас же он начинает шутить. Чан-Лин хохотал во все горло и кривлялся, изображая, как Дерсу сидел на суку. Чжан-Бао говорил, что Дерсу так крепко ухватился за сук, что он подумал, не приходится ли он сродни медведю? Смеялся и сам Дерсу тому, как Чан-Лин упал в воду; посмеялся и надо мной, как я очутился на берегу, сам того не помня, и т. д. Вслед за тем мы принялись собирать разбросанные вещи. Когда работы были кончены, солнце уже скрылось за лесом. Вечером мы долго сидели у огня. Чжан-Бао и Чан-Лин рассказывали о том, как каждый из них тонул и как они спасались от гибели. Мало-помалу разговоры на биваке начали стихать. Рассказчики молча еще покурили трубки и затем стали укладываться спать, а я взялся за дневник.

Кругом было темно. Вода в реке казалась бездонною пропастью. В ней отражались звезды. Там, наверху, они были неподвижны, а внизу плыли с водой, дрожали и вдруг вновь появлялись на прежнем месте. Мне было особенно приятно, что ни с кем ничего не случилось. С этими радостными мыслями я задремал.

На другой день мы продолжали наш путь вниз по долине реки Такемы и в три с половиною дня дошли до моря уже без всяких приключений. Это было 22 сентября. С каким удовольствием я растянулся на чистой циновке в фанзе у тазов! Гостеприимные удэхейцы окружили нас всяческим вниманием: одни принесли мясо, другие—чай, третьи—сухую рыбу. Я вымылся, надел чистое белье и занялся работой.

Следующие два дня были дождливые, в особенности последний. Лежа на кане, я нежился под одеялом. Вечером перед сном тазы последний раз вынули жар из печей и положили его посредине фанзы в котел с золой. Ночью я проснулся от сильного шума. На дворе неистовствовала буря, дождь хлестал по окнам. Я совершенно забыл, где мы находимся; мне казалось, что я сплю в лесу, около костра, под открытым небом. Сквозь темноту я чуть-чуть увидел свет потухающих углей и испугался.

— Дерсу, Дерсу! — закричал я. — Вставай скорей. Дождь сейчас зальет огонь.

Дерсу поднялся со своего ложа.

— Ничего, ничего, капитан! Сейчас мы кладем огонь поближе, — сказал он и начал искать топор.

— Тьфу! — вдруг услышал я его голос. — Как так обманш? Наша в фанзе спи. Тебе капитан играй.

Тут только я спохватился, что сплю не в лесу, а в фанзе, на кане и под теплым одеялом. Со сладостным сознанием я лег опять на свое ложе и под шум дождя уснул крепким-крепким сном.

Утром 25 сентября мы распрощались с Такемой и пошли далее на север. Я звал Чан-Лина с собою, но он отказался. Приближалось время соболевания; ему надо было приготовить сетку, инструменты и вообще собраться на охоту на всю зиму. Я подарил ему маленькую берданку, и мы расстались друзьями[29].

От Такемы на север идут два пути: один — горами, вдали от моря, другой —по намывной полосе прибоя. А. И. Мерзляков с лошадьми пошел первым, а я — вторым.

Путь А. И. Мерзлякова начинался от фанзы удэхейца Спу-Ху и шел прямо на восток, пересекая несколько маленьких перевальчиков. Перейдя речку Хуля, он повернул к северо-востоку, затем пересек еще одну реку — Шооми (в верховьях) — и через трое суток вышел на реку Кулумбе. Здесь, около скалы Мафа, он где-то видел выходы каменного угля на поверхность. После перевала по другой безыменной горной речке он пришел на реку Найну, прямо к корейским фанзам.

Как я уже сказал, я избрал второй путь — по берегу моря.

Подойдя к устью Такемы, я увидел, что, пока мы ходили в горы, река успела переменить свое устье. Теперь оно было у левого края долины, а там, где мы переезжали реку на лодке, образовался высокий вал из песка и гальки. Такие перемещения устьев рек в прибрежном районе происходят очень часто, в зависимости от наводнений и от деятельности морского прибоя.

Большие обнажения на берегу моря к северу от реки Такемы состоят главным образом из лав и их туфов (биолитовый дацит), дальше тянутся полевошпатовые сланцевые породы и диорит. Тип берега кулисный. Действительно, мысы выступают один за другим наподобие кулис в театре. Вблизи берега нигде нет островов. Около мысов, разрушенных морским прибоем, кое-где образовались береговые ворота. Впоследствии своды их обрушились, остались только столбы — любимые места отдыха птиц.

После Такемы в последовательном порядке идут горные речки: Коами (по-удэхейски Агана, а на морских картах Лоаенгоу), потом около мыса Большева будет речка Шооми (по-китайски Сеами, по-удэхейски Соми). Долины их близ моря слились вместе и образовали обширную низину, покрытую редколесьем. Шооми длиною двенадцать километров. Истоки ее находятся около горы Туманной с перевалом на реку Такему, к местности Илимо.

Долина последней речки непропорционально широка, в особенности в верхней части. Горы с левой стороны так размыты, что можно совершенно незаметно перейти в соседнюю с ней реку Кулумбе. Здесь я наблюдал такие же каменные россыпи, как и на реке Аохобе. Воронки среди них, диаметром около двух метров и глубиною в полтора метра, служат водоприемниками. Через них вода уходит в землю и вновь появляется на поверхности около устья.

К северу от реки Шооми характер горной страны выражен очень резко. Быть может, это только так кажется вследствие контраста остроконечных сопок с ровной поверхностью моря.

Редколесье, покрывающее склоны гор, состоит преимущественно из монгольского дуба, амурской липы и даурской березы. Главную массу кустарников составляют калина, таволга, леспедеца, шиповник и лещина. Здесь, на каменистых склонах, попутно я собрал колокольчик (платикодон крупноцветный), одно из самых обычных и красивых растений формации орешников и лугов на местах выгоревшего леса. Видовое название этого колокольчика показывает, что цветы его крупной величины: потом я заметил тимьян с уже поблекшими жесткими фиолетовыми цветами; крупную вероннку, имеющую бархатисто-опушенные стебли и короткие, остроконечные зубчатые листья. Каков цветок у нее — сказать не могу. Судя по увядшим венчикам, мне показалось, что у нее были не белые, а синие цветы. Затем борец — пышное высокое растение с мелким пушком в верхней части стебля и с бархатистыми большими листьями; засохшие цветы его, расположенные крупной кистью, вероятно, были темноголубые. И наконец — мелколистную смолевку; цветы ее уже опали, остались только бокалообразные чашечки с выдающимися наружу длинными тычинками.

Осмотр реки Шооми отнял довольно много времени. После полудня мы повернули назад к морю и направились к горам, расположенным с левой стороны долины. Удэхейцы называют их Саха-дуони и Канда-дуони (мыс Чорта Канда). Каждая из них высотою около 240 метров.

Часа через два с половиной мы подошли к реке Кулумбе. Южный мыс с правой стороны заслуживает особого внимания. Здесь можно наблюдать великолепные образцы столбчатого распадения базальтов. С левой стороны реки подымается высокая терраса, свидетельствующая об отрицательном движении береговой линии.

По берегам реки и на островах растет тонкоствольный ивняк, а на террасе — редкий липовый и дубовый лес. За ним высится высокий утес, которому местные китайцы дали название Янтун-лаза [39].

Переправившись через Кулумбе вброд, мы взобрались на террасу, развели огонь и начали сушиться. Отсюда сверху хорошо было видно все, что делается в воде.

Только что начался осенний ход кеты. Тысячи тысяч рыб закрывали дно реки. Иногда кета стояла неподвижно, но вдруг, словно испугавшись чего-то, бросалась в сторону и затем медленно подавалась назад. Чжан-Бао стрелял и убил двух рыб. Этого вполне было достаточно для нашего ужина.

У северного края долины, в том месте, где береговая терраса примыкает к горам, путь преграждается высокой скалой, состоящей из роговообманкового андезита. Тут надо карабкаться вверх, за камни хвататься нельзя — они качаются и вываливаются из своих гнезд. По ту сторону утеса тропа лепится по карнизу на высоте двадцати метров над морем. Итти прямо по тропе опасно потому, что карниз узок — можно подвигаться только боком, оборотясь лицом к стене и держась руками за выступы скалы. Самый карниз неровный и имеет наклон к морю. Здесь погибло много людей. Удэхейцы скалу эту называют Куле-Рапани, а китайцы Ван-Син-лаза, по имени китайца Ван-Сина — первой жертвы неосторожности. В сапогах по карнизу итти рискованно: люди обыкновенно идут босые или надевают обувь мягкую и сухую. Ван-Син-лаза нельзя переходить в дождливую погоду, утром после росы и во время гололедицы.

После перехода вброд реки Кулумбе наша обувь была мокрая, и потому переход через скалу Ван-Син-лаза был отложен до другого дня. Тогда мы стали высматривать место для бивака. В это время из воды показалось какое-то животное. Подняв голову, оно с видимым любопытством рассматривало нас. Это была нерпа.

Кольчатый тюлень, или нерпа, относится к отряду ластоногих. Тело ее длиною более двух метров и весит около восьмидесяти килограммов. По берегам Уссурийского края нерпы встречаются повсеместно, но чем севернее, тем больше, что объясняется безлюдностью побережья. Окраска тела животного светлосерая с серебристым оттенком и с ясно выраженными темными кольцевыми пятнами. Животное большую часть времени проводит в воде, но иногда для отдыха вылезает на прибрежные камни. Сон нерпы тревожен: она часто просыпается и оглядывается по сторонам. Слух и зрение у нее развиты лучше других чувств. Насколько она неповоротлива на суше, настолько проворна в воде. В своей родной стихии она становится смелой до дерзости и даже нападает на человека. Отличительной чертой характера нерпы является любопытство и любовь к музыке. Охотники подзывают ее свистом или ударами палки по какому-нибудь металлическому предмету.

Дерсу что-то закричал нерпе. Она нырнула, но через минуту опять появилась. Тогда он бросил в нее камень. Нерпа погрузилась в воду, но вскоре поднялась снова и, задрав голову, усиленно смотрела в нашу сторону. Это вывело гольда из терпения. Он схватил первую попавшуюся ему под руку винтовку и выстрелил. Пуля всплеснула совсем близко от животного.

— Эх, брат, промазал ты, — сказал я ему.

— Моя его пугай, — ответил он. — Убей не хочу.

Я спросил, зачем он прогнал нерпу. Дерсу сказал, что она считала, сколько сюда на берег пришло людей. Человек может считать животных, но нерпа?! Это очень задевало его охотничье самолюбие.

Остаток дня мы распределили следующим образом: Чжан-Бао и Дерсу пошли осматривать скалу — они хотели обвалить непрочные камни и, где можно, устроить ступеньки, а я почти до самых сумерек вычерчивал маршруты.

Покончив работу, я окликнул свою собаку и, взяв ружье, пошел немного побродить по берегу.

Дойдя до реки Кулумбе, я сел на камень и стал вслушиваться в тихие, как шопот, звуки, которыми всегда наполняется тайга в часы сумерек. Безбрежный океан, сонная земля и глубокое темное небо с миллионами неведомых светил одинаково казались величественными.

Собака моя сидела рядом со мной и, насторожив уши, тоже внимательно прислушивалась к лесным звукам. Вдруг она встрепенулась и стала смотреть вверх по реке. Вслед за тем позади себя я услышал сопение. Я быстро обернулся. Какая-то темная масса двигалась около реки. Это был большой медведь. Урок, данный мне в прошлом году на реке Мутухе, был еще памятен, и я воздержался от выстрела. Но Альпа не выдержала и стала лаять. Медведь остановился, понюхал воздух, затем повернул назад и с ворчаньем пошел опять в тальники.

Я встал и поспешно направился к биваку. Костер на таборе горел ярким пламенем, освещая красным светом скалу Ван-Син-лаза. Около огня двигались люди; я узнал Дерсу — он поправлял дрова. Искры, точно фейерверк, вздымались кверху, рассыпались дождем и медленно гасли в воздухе.

Через четверть часа я был вместе со своими товарищами. После ужина мы долго сидели у огня и разговаривали: говорили больше Дерсу и Чжан-Бао, а я слушал. Время летело незаметно. Когда мы кончили беседу, созвездие Близнецов уже показывало полночь. Подбросив еще раз дров в огонь, мы завернулись в одеяла и легли спать. Бивак этот почему-то оставил во мне неизгладимое впечатление.

На другой день, 26 сентября, вышло как-то так, что мы все встали очень рано. Утренняя заря была багровая, солнце взошло деформированное; барометр показывал 758 и температура + 6° С.

Греясь у костра, мы пили чай. Вдруг Чжан-Бао что-то закричал. Я обернулся и увидел мираж. В воздухе, немного выше поверхности воды, виднелся пароход, две парусные шхуны, а за ними горы, потом появилась постройка, совершенно непохожая ни на русский дом, ни на китайскую фанзу. Явле-

ние продолжалось несколько минут, затем оно начало блекнуть и мало-помалу рассеялось в воздухе.

Все принялись обсуждать. Чжан-Бао сказал, что явления миража в прибрежном районе происходят осенью и большею частью именно в утренние часы. Я пытался объяснить моим спутникам, что это такое, но видел, что они меня не понимают. По выражению лица Дерсу я видел, что он со мной не согласен, но из деликатности не хочет делать возражений. Я решил об этом поговорить с ним в дороге.

Когда мы выступили с бивака, я стал его расспрашивать. Сначала он уклонялся от ответов, и я уже терял надежду узнать от него что-нибудь, но одно слово, сказанное мною, дало толчок. Я сказал «тень» и попал как раз в точку. Однако слово «тень» он понимал в смысле тени астральной, в смысле души. После этого Дерсу принялся мне объяснять явление миража очень сложно. По его представлению, душу — тень (ханя) — имеют не только люди, животные, птицы, рыбы, насекомые, но и растения, и камни, и вообще все неодушевленные предметы.

— Люди спи, — говорил Дерсу, — ханя ходи; ханя назад ходи — люди проснулся.

Душа оставляет тело, странствует и многое видит в то время, когда человек спит. Этим объясняются сны. Душа неодушевленных предметов тоже может оставлять свою материю. Виденный нами мираж, с точки зрения Дерсу, был тенью (ханя) тех предметов, которые в это время находились в состоянии покоя. Так первобытный человек, одушевляя природу, просто объясняет такое сложное оптическое явление, как мираж.

Переправа через скалу Ван-Син-лаза действительно была очень опасна. Я старался не глядеть вниз и осторожно переносил ногу с одного места на другое. Последним шел Дерсу. Когда он спустился к берегу моря, я облегченно вздохнул.

Сейчас же за скалой течет маленький ключ Дзаляпкуни (на картах Талянкуни), рядом с ним гора Уонгу и затем две речки: Момокчи и Асектани (на картах Остегни). От устья Кулумбе до Асектани десять километров.

Места эти очень интересны в зоогеографическом отношении. Здесь находится последний естественный питомник пятнистых оленей. Животное это по своим размерам занимает промежуточное место между козулей и изюбром и является единственным представителем хвостатых оленей. Летняя окраска его весьма пестрая: общий тон шерсти красно-кирпичный; по сторонам тела расположено семь рядов белых пятен величиной с яблоко; по спине проходит черный ремень; хвост животного, которым он постоянно помахивает, украшен длинными черными волосами. Зимой олень становится буро-серым, и пятна почти совсем исчезают. Мускулистая шея его покрыта довольно длинной шерстью, которая спереди и на груди

несколько темнее, чем на остальных частях тела. Рога самцов не имеют нижних глазных отростков, как у изюбров; панты ценятся китайцами очень высоко (от 800 до 1 200 рублей пара).

В Уссурийском крае пятнистый олень обитает в южной части страны. Северной границей его распространения в бассейне Уссури можно считать реку Иман и на берегу моря реку Амагу (мыс Арка). За последние двадцать лет площадь обитания оленей сократилась раз в десять. В тех местах, где раньше они бродили стадами, поселились корейцы и начали уничтожать леса. Бедные животные стали отходить на север, но не могли выдержать жизни в хвойных лесах и погибли очень скоро. В настоящее время во всем Уссурийском крае есть только три естественных питомника: 1) остров Аскольд, в заливе Петра Великого; 2) горная область с правой стороны в верховьях реки Судзухе (местность Юм-бей-си) и 3) небольшой участок на побережье Японского моря, между реками Кулумбе и Найной (мыс Арка). Как только зверопромышленники пронюхают об этом, они быстро перебьют всех оленей. Местным властям в крае следовало бы позаботиться об охране этих питомников теперь же, пока еще не поздно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КОРЕЙЦЫ-СОБОЛЕВЩИКИ

Мелкие речки прибрежного района. — Корейская фанза. — Водяная толчея. — Река Найна. — Корейская соболиная ловушка. — Влияние колонизации на край. — Мыс Арка. — Река Квандагоу. — Река Кудя-хе. — Старообрядческая деревня. — Удэхейцы. — Климат прибрежного района. — Фенология. — Ботанические и зоогеографические границы. — Река Амагу. — Лось.

Чем дальше на север, тем террасы на берегу моря становятся все выше и выше. Особенно сильно они развиты около устьев горных речек: Гаппакси, Була (по-китайски Ядиоза), Толомги, Кулумбе, Момокчи и Найны, где достигают высоты до 15 метров. Около Момокчи они углубляются в долину и идут по сторонам ее в виде ясно выраженных карнизов. Основание террас массивное, а верхняя часть состоит из угловатых обломков вперемежку с глиной, вследствие чего сверху они всегда заболочены. Здесь на берегу моря впервые встречается лиственница, растущая группами.

География части побережья между Момокчи и Найной такова: высокий горный хребет Габади тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие только удэхейские названия: Яшу (на картах Ячасу), Уяхги-Бязани, Санкэ, Капуты, Янужа и другие. Между ними следует

отметить три горные вершины: Габади, Дюхане и гору Яидоюза, а около устья реки Яшу одинокую скалу Када-Буди-дуони. На морских картах она названа горой Ожидания.

От реки Кулумбе на север до реки Найны горные породы располагаются следующим образом: сперва идет андезит со столбчатым, несколько веерообразным распадением, дальше будет дацит с тридимитом и кремнистые сланцы. Близ устья реки Момокчи (мыс Александра) горы состоят из сильно изменившегося кварцевого порфирита и весьма плотной грейзеноподобной породы. В ней, в виде редких шлир, встречается серный блеск. Между реками Яшу и Момокчи от массы горы в море выдвигаются два мыса, имеющие удэхейские названия: Уха-дуони и Копочи-дуони.

Наконец около реки Найны в береговых обнажениях видна какая-то бурая, сильно метаморфизированная сложная порода.

У подножья найнинских террас, на самом берегу моря, мы нашли корейскую фанзу. Обитатели ее занимались ловлей крабов и соболеванием. В фанзе жило девять холостых корейцев. Среди них двое одетых по-китайски и один по-удэхейски. Они носили косы и имели подбритые лбы. Я долго их принимал за то, чем они казались, и только впоследствии узнал, кто они на самом деле.

Подходя к фанзе, я услышал шум воды и затем звук от падения чего-то тяжелого. Сначала я не обратил на это внимания, но когда звук повторился во второй, третий и десятый раз, я спросил, что это значит. Чжан-Бао сказал, что это корейская толчея, приводимая в движение водою.

Такая толчея устраивается около ручья следующим образом: на двух упорах лежит свободно вращающийся валик, проходящий сквозь длинное коромысло с неравными плечами. К короткому плечу прикреплен тяжелый пест, под которым поставлена большая деревянная ступа. Другое (длинное) плечо коромысла оканчивается ковшом. Стекающая по жолобу вода наполняет ковш. Получив значительный вес, он опускается вниз, подымая пест кверху. Как только ковш наклонится, из него разом выливается вода, тогда перетягивает пест и падает в ступу.

Из всех восточных народов на материке Азии корейцы первые додумались до использования живой силы воды. У китайцев таких машин нет. Иногда толчеи устраиваются дома или в самой фанзе. В последнем случае, вместо ковша, коромысло кончается плоской лопатой, а машина приводится в движение давлением ноги. Эту работу обыкновенно исполняют женщины.

На возвратном пути в фанзу я услышал еще какой-то шум в сарае — это корейцы мололи муку при помощи ручных жерновов, наложенных один на другой. К верхнему прикреплен короткий рычаг, при помощи которого он и приводится в дви-

жение. Зерно насыпается в деревянный ящик, откуда оно течет в отверстие верхнего камня и затем к зазорам между жерновами.

Как и надо было ожидать, наше появление вызвало беспокойство среди корейцев. В фанзе было свободно, и потому мы разместились на одном из канов. Дерсу сделал вид, что не понимает их языка, и внимательно стал прислушиваться к тому, что они говорили между собою.

Из этого разговора он узнал, что среди корейцев есть несколько искателей руд, остальные — охотники, пришедшие за провизией с реки Кулумбе, где у них имеются звероные фанзы.

27 сентября было посвящено осмотру реки Найны, почему-то названной на морских картах Яходен-Санка. Река эта длиною 20 километров; истоки ее находятся в горах Карту, о которых будет сказано ниже. Сначала Найна течет с севера на юг, потом поворачивает к юго-востоку и последние 10 километров течет к морю в широтном направлении. В углу, где река делает поворот, находится звероная фанза. Отсюда прямо на запад идет та тропа, по которой прошел А. И. Мерзляков со своим отрядом.

Корейская звероная фанза — это небольшая постройка, сложенная из бревен, с пологой двускатной крышей из кедрового корья. Она имеет два или три окна, по одному с каждой стороны, и две двери, всегда обращенные к речке. Внутреннее устройство ее такое же, как и в китайских фанзах. Тут есть очаг с железным котлом и кан для спанья, нагреваемый дымовыми ходами. Вся внутренняя обстановка сделана грубо, топорно, чтобы не жаль было бросить ее в случае, если придется переходить на другое место. И снаружи, по типу постройки, и по внутренней обстановке всегда можно отличить корейскую звероную фанзу от китайской.

Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя, так называемые «мосты». Для устройства их корейцы пользуются буреломным лесом, переброшенным с одного берега реки на другой. Иногда они нарочно для этого валят деревья, если место кажется подходящим, а валежника вблизи нет. Посредине бревна из мелких прутиков сделана изгородь, в которой оставлен узкий проход, а в нем в вертикальном положении укреплена волосяная петля. По бокам бревно отесано так, чтобы соболь не мог обойти изгородь стороною. Петля одним концом привязана к деревянной палочке, которая небольшим выступом чуть только держится на маленьком упорце. К этой палочке привязан груз (камень), весом в 3—4 килограмма. Когда соболь бежит по такому «мосту», он натыкается на изгородь, старается ее обойти, но гладкие затески мешают ему; тогда он пробует перескочить через петлю, запутывается, тянет ее за собою и срывает палочку с упорца. Груз падает в воду и увлекает за собой дорогого хищника.

Корейцы считают, что их способ соболевания самый лучший, потому что ловушка действует наверняка, и случаев, чтобы соболь ушел, не бывает. Кроме того, под водой соболь находится в сохранности и не может быть испорчен воронами или сойками. В корейские ловушки также, как и в китайские, часто попадают белки, рябчики и другие мелкие птицы.

Вся долина реки Найны покрыта горелым лесом — пожар был здесь несколько лет тому назад. Ныне на месте хвойного леса вырос молодняк, состоящий из березы, лиственицы и осины.

К вечеру мы вернулись назад.

Дерсу недолюбливал корейцев и, несмотря на то, что на дворе было холодно и ветрено, отказался ночевать в фанзе. Он устроил себе бивак на берегу моря, под защитой террасы.

Вечером, после ужина, я пошел посмотреть, что он делает. Дерсу сидел, поджав под себя ноги, и курил трубку. Мне показалось у него так уютно, что я не мог отказать себе в удовольствии погреться у огня и поговорить с ним за кружкой чая.

— Дерсу, — сказал я ему, — я о тебе соскучился. Как только тебя нет около меня, чувствую, что чего-то нехватает.

— Спасибо, капитан, — ответил он с улыбкой, — спасибо! Моя тоже так. Тебе сопка один ходи — моя шибко боится.

Он подвинулся. Я сел рядом с ним и спросил его, почему он не любит корейцев.

Дерсу стал вспоминать дни своего детства, когда, кроме гольдов и удэхе, других людей не было вовсе. Но вот появились китайцы, а за ними — русские. Жить становилось с каждым годом все труднее и труднее. Потом пришли корейцы. Леса начали гореть; соболь отдалился, и всякого другого зверя стало меньше. А теперь на берегу моря появились еще и японцы. Как дальше жить?

Дерсу замолк и задумался. Перед ним воскресло далекое прошлое. Он весь ушел в эти воспоминания. Задумался и я. Действительно, Приморье быстро колонизировалось. Недалеко уже то время, когда от первобытной, девственной тайги и следа не остается. Исчезнут и звери.

Мы сидели молча, и каждый по-своему думал об одном и том же.

— Как дальше жить? — вдруг опять проговорил Дерсу и глубоко вздохнул.

— Ничего, старик—ответил я ему,—на наш с тобой век хватит.

В это время подошел к нам Чжан-Бао и, смеясь стал рассказывать, как кореец впотьмах наступил на голову другому корейцу, как тот, в отместку, вымазал ему физиономию чумизной кашей. Разговор наш переменился.

На другой день мы продолжали наш путь далее на север.

Погода стояла пасмурная, но дождя не было.

К северу от реки Найны до реки Амагу тянутся андезиты и кварцево-порфировый туф. Особенного внимания заслужи-

вают обнажения около реки Амагу (мысы Белкина и Арка). Здесь в пестрых слоях туфа можно видеть пустоты с конкрециями из известкового шпата и из какой-то мягкой зеленокаменной породы.

На морских картах в этих местах показаны двое береговых ворот. Один малые — у самого берега, другие большие — в воде. Ныне сохранились только те, что ближе к берегу. Удэхейцы называют их Сангасу, что значит Дыроватые камни, а китайцы — Кулунзуйза [31].

Об этих Дыроватых камнях у туземцев есть такое сказание. Одни люди жили на реке Нахтоху, а другие — на реке Шооми. Последние взяли себе жен с реки Нахтоху, но, согласно обычаю, сами им в обмен дочерей своих не дали. Нахтохуские удэхейцы отправились на Шооми и, воспользовавшись отсутствием мужчин, силою забрали столько девушек, сколько им было нужно. Шоомийцы погнались за ними на лодках. Когда они достигли мыса Сангасу, то не помолились, а, наоборот, с криками и руганью вошли под свод береговых ворот. Здесь, наверху, они увидели гагару, но птица эта была не простая, а Тэму (Касатка — властительница морей). Один удэхеец выстрелил в нее и не попал. Тогда каменный свод обрушился и потопил обе лодки с двадцатью двумя человеками.

Немного дальше камней Сангасу тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реке Квандагоу (приток р. Амагу). Эта река длиной около 30 километров. Истоки ее находятся там же, где и истоки р. Найны. Квандагоу течет сначала тоже в глубоком ущелье, заваленном каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем Чанготыкалани.

Следующие два мыса называются Нюммый-дуони и Лаамчидуони, и, наконец, самый последний мыс около Амагу имеет русское название — Белкина, а рядом небольшая бухточка — Разочарования.

По выходе из гор течение реки Квандагоу становится тихим и спокойным. Река блуждает от одного края долины к другому, рано начинает разбиваться на пороги и соединяется с рекой Амагу почти у самого моря.

После перевала тропа идет сначала правым берегом реки, потом переходит через топкое болото на левый берег, затем снова возвращается на правую сторону, каковой и придерживается уже до самого устья. В верхней половине река Квандагоу заросла хвойным лесом, а в нижней — исключительно лиственными породами: тополем, дубом, березой, осокорем, осиной, кленом и т. д.

Путь по реке Квандагоу показался мне очень длинным. Раза два мы отдыхали, потом опять шли, в надежде, что вот-

вот покажется море. Наконец лес начал редеть; тропа поднялась на невысокую сопку, и перед нами развернулась широкая и живописная долина реки Амагу со старообрядческой деревней по ту сторону реки. Мы покричали. Ребятишки подали нам лодку. Наше долгое отсутствие вызвало у Мерзлякова тревогу. Стрелки хотели уже было итти нам навстречу, но их отговорили староверы.

Через несколько минут я сидел в избе за столом, пил молоко и слушал доклад А. И. Мерзлякова. Весть о том, что я пришел на Амагу, быстро пронеслась по всей деревне.

Староверы встретили меня очень приветливо. Пришлось принимать гостей и отвечать им тем же.

Следующие три дня были дневки. Мы отдыхали и собирались с силами. Каждый день я ходил к морю и осматривал ближайшие окрестности. Река Амагу (по-удэхейски Амули, а по-китайски Ама-гоу) образуется из слияния трех рек: самой Амагу, Квандагоу, по которой мы прошли, и Кудя-хе, впадающей в Амагу тоже с правой стороны, немного выше Квандагоу. Поэтому, когда смотришь со стороны моря, то невольно принимаешь Кудя-хе за главную реку, которая, на самом деле, течет с севера, и потому долины ее из-за гор не видно.

Кудя-хе — быстрая и порожистая речка, длиною около двадцати километров. Она протекает по широкой долине и тоже берет начало с хребта Карту. Верхняя часть долины покрыта горелым сухостоем. Вновь появившийся молодняк состоит главным образом из осины, лиственицы и белой березы; ближе к морю, в горах, преобладают хвойные породы.

Видно, что нижняя часть долины Амагу, где поселились староверы, раньше была морским заливом. Реки Кудя-хе и Квандагоу некогда впадали в море самостоятельно. Затем произошел обычный процесс заполнения бухты наносами реки и отступления моря. С левой стороны еще и теперь сохранилось длинное торфяное болото, но и оно уже находится в периоде усыхания. Ныне река Амагу впадает в море близ мыса Белкина и около устья образует небольшую заводь, которая сообщается с морем узкою протокою.

Старообрядческая деревня Амагу состояла из восемнадцати дворов. Первые переселенцы (семь семейств) перекочевали сюда в 1900 году с реки Даубихе. Живя далеко в горах, старообрядцы сохранили облик чистых великороссов. Патриархальность семьи, костюмы, утварь, вышивки на одежде, резьба по дереву и т. д. — все это напоминало древнюю Русь. У меня создалось впечатление, как будто я перенесся сразу на несколько столетий назад. Интересно было наблюдать, как они жили «задним числом»: для них сенсационным событием было то, что уже прошло, чем в России давно уже перестали интересоваться.

К ним заходили японские суда и очень редко — русские.

Поэтому всё свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия. Средствами к жизни их были земледелие и соболевание. Соболей они ловили всеми способами: и китайским, и корейским, и удэхейским. Занимались также охотой на оленей, били лосей, ловили рыбу. Ни в одежде их, ни в домашней обстановке, ни в чем другом не было заметно роскоши, но тем не менее все указывало на то, что это народ зажиточный. Особенно много у них было коней и рогатого скота. Я насчитал 82 лошади и 84 коровы.

Кроме старообрядцев на Амагу жила еще одна семья удэхейцев, состоящая из старика-мужа, его жены и трех взрослых сыновей. К чести старообрядцев нужно сказать, что, придя на Амагу, они не стали притеснять туземцев, а, наоборот, помогли им и начали учить земледелию и скотоводству: удэхейцы научились говорить по-русски, завели лошадей, рогатый скот и построили баню.

На опушке лиственного леса, что около болота, староверы часто находили неглубоко в земле бусы, серьги, браслеты, пуговицы, стрелы, копья и человеческие кости. Я осмотрел это место и нашел следы жилищ. На старинных морских картах при устье Амагу показаны многочисленные туземные юрты. Старик рассказывал мне, что лет тридцать тому назад здесь действительно жило много удэхейцев, но все они погибли от оспы. В 1870 году, по словам Боголюбского, на берегу моря, около реки Амагу, жило много туземцев.

В климатическом отношении эта часть побережья резко отличается от мест, находящихся к западу от Сихотэ-Алиня. Лето здесь сырое и прохладное, осень долгая и теплая, зима сухая, холодная, а весна поздняя. Первая половина зимы бесснежная, снега выпадают только в феврале и марте. Зато ноябрь и декабрь страшно ветреные. Обыкновенно ветры дуют со стороны хребта Карту. По наблюдениям староверов, если на западе в горах небо чистое — погода будет тихая, но если с утра там подымаются кучевые облака—это верный признак сильного северо-западного ветра. Из тридцати дней бывает приблизительно дней пять тихих, «морочных», десять с сильными ветрами, а остальные пятнадцать дней с ветрами, которые можно просто назвать свежими. На рассвете обыкновенно всегда бывает тихо; ветер начинает дуть с восхода солнца, постепенно усиливаясь, и достигает наибольшего напряжения к двум часам пополудни. Затем ветер начинает спадать и совсем стихает после полуночи.

В Южно-Уссурийском крае опилки, зарытые в землю, быстро сгнивают и превращаются в удобрение, но на побережье моря они не гниют в течение трех лет. Это можно объяснить тем, что летом, вследствие холодных туманов, земля никогда не бывает парная.

Первое выпадение снегов около Амагу происходит около половины декабря. Осень стоит долгая и теплая, вследствие этого травы не сохнут, а вянут. В сырых местах, где трава растет кочками, нижняя часть ее долго еще остается зеленой. Это дает возможность рогатому скоту большую часть года держаться на подножном корму. Лошадей приходится подкармливать только весною. Старообрядцы говорят, что в год своего переселения они совершенно не имели сухого фуража и держали коров и лошадей на подножном корму всю зиму, и, по их наблюдениям, животные нисколько не похудели.

Вследствие того, что весна здесь наступает поздно, староверы пашут только в мае, а косят в августе. Так как лето туманное и холодное, то хлеба созревают тоже поздно. Уборка их производится в конце сентября, а иногда затягивается и до половины октября месяца. Все овощи, в особенности картофель, растут хорошо; не созревают только дыни и арбузы. Период цветения растений и созревания плодов, по сравнению с бассейном Уссури, на одной и той же широте, отстает почти на целый месяц.

В флористическом отношении река Амагу не менее интересна, чем в климатическом. В горах растет довольно много тису. Любопытно, что дерево это в прибрежном районе встречается небольшими группами и не повсеместно. Южнее реки Мутухе его можно найти в лесу только одиночными деревьями. Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае, но зато ствол ее массивный и не имеет дупла. В районе верховьев Уссури и южнее наблюдается обратное явление: там липа хотя и растет в виде большого дерева, но почти всегда внутри полая. Ольха на Амагу имеет тоже очень крупные размеры и встречается не только по берегам рек, но и по теневым склонам гор. Дуб растет небольшой, с белесоватою корою (на юг кора у дуба темная). Хотя жолуди и созревают, но сами не спадают на землю, а их сбивают сильные осенние ветры. Заметно, что в здешних лесах болезненных наростов на деревьях меньше, чем к западу от Сихотэ-Алиня, и притом они встречаются только в верховьях рек. В Южно-Уссурийском крае такие наплывы достигают чрезвычайно больших размеров. Около Амагу кедр, лиственница, ель, пихта, береза, осина произрастают хорошо, зато ясень, клен и вообще все твердые породы растут плохо. Чортово дерево попадается редко и имеет чахлый вид и отмершие вершины. Реку Амагу можно считать северной границей дикого винограда и маньчжурского ореха. Первый — низкорослый, растет исключительно только на солнцепеке и с подветренной стороны, но не вызревает. Уже на реке Кусуне (немного севернее) его совсем нет. Ореха крестьяне на Амагу не видели, но однажды во время наводнения по реке плыла к ним ветка со свежею листвою. Из этого они заключили, что где то по реке есть одно такое дерево.

Крайне интересно влияние моря на растительность. Например, яд зверобоя, борца, чемерицы у моря несравненно слабее, чем в горах. То же самое можно сказать и относительно укусов змей, шершней и ос.

Около реки Амагу домашние пчелы могут еще жить, но требуют за собой большого ухода. На зиму их надо тщательно прикрывать и оставлять больше корму. Завезенным сюда пчелам трудно собирать мед. В поисках за медоносными травами им приходится совершать большие полеты. Старообрядцы заметили, что если настоящих медоносов бывает мало, то пчелы собирают мед с других растений, иногда даже и с чемерицы. От этого меда пчелы болеют, и если им дать хорошего меду, то они тотчас выбрасывают из улья мед отравленный. Дальше на север опыты разведения староверами домашних пчел кончились неудачей.

Амагинский район заслуживает внимания натуралиста и в зоогеографическом отношении. Например, белогрудый медведь с юга доходит только до реки Кулумбе. Тигры появляются периодически. Пантер никто не встречал, и за семь лет староверы только один раз видели следы ее на скалах, но они не уверены, была ли то пантера или молодой тигр. Шакалоподобные «дикие собаки» встречаются весьма редко.

Так как на западе раньше наступают холода, то и опушение соболя и белки происходит там раньше, чем на берегу моря (разница равна почти месяцу). По словам староверов, когда они первый раз прибыли на Амагу, то застали здесь дроф. В 1904—1905 годах дрофы еще изредка появлялись, но затем перелеты их совсем прекратились. Как-то раз, года два тому назад, вдруг на пашнях появилось несколько фазанов. Откуда они взялись—не известно; на другой год фазаны исчезли. Однажды на падали около моря видели большого темнобурого орла с длинной голой шеей. Судя по описаниям, это был гриф. Вероятно, он залетел сюда из Центральной Азии случайно. Река Амагу является южной границей распространения глухаря и северной — для зеленого дятла.

4 октября был отдан приказ приготовляться к походу. Теперь я хотел подняться по реке Амагу до истоков, затем перевалить через хребет Карту — по реке Кулумбе спуститься к берегу моря.

Староверы говорили мне, что обе упомянутые реки очень порожисты и в горах много осыпей. Они советовали оставить мулов у них в деревне и итти пешком с котомками. Тогда я решил отправиться в поход только с Дерсу.

По моим расчетам, у нас должно было хватить продовольствия на две трети пути. Поэтому я условился с А. И. Мерзляковым, что он командирует удэхейца Сале с двумя стрелками к скале Ван-Син-лаза, где они должны будут положить продовольствие на видном месте.

На следующий день, 5 октября, в 2 часа дня, с тяжелыми котомками мы выступили в дорогу.

Река Амагу длиною около пятидесяти километров. Начало она берет с хребта Карту и огибает его с западной стороны. Амагу течет сначала на северо-восток, потом принимает широтное направление и только вблизи моря немного склоняется к югу. Из притоков ее следует указать только на Дунанцу, длиною в девятнадцать километров. По ней можно перевалить на реку Кусун. Вся долина Амагу и окаймляющие ее горы покрыты густым хвойно-смешанным лесом строевого и поделочного характера.

Вегетационный период почти что кончился. Большинство цветковых растений завяло, и только в некоторых еще теплилась жизнь. К числу последних относились: анафалис жемчужный, у которого листья с исподней стороны войлочные; особый вид астры, с темным пушистым стеблем и с чешуйчатой фиолетовой корзинкой; затем заячье ушко — зонтичное растение, имеющее на листьях выпуклые дугообразные жилки, и, наконец, черемша с листьями, как у ландыша.

Едва заметная тропинка привела нас к тому месту, где река Дунанца впадает в Амагу. Это будет километрах в десяти от моря. Близ ее устья есть утес, который староверы по-китайски называют Лаза[32] и производят от глагола «лазить». Действительно, через эту «лазу» приходится перелезать на животе, хватаясь руками за камни.

Пройдя еще с километр, мы стали биваком на галечниковой отмели.

До заката было еще более часа. Я воспользовался этим временем и пошел на охоту вверх по реке Дунанце. Поднявшись на первую попавшуюся сопку, я сел на валежник и стал осматриваться. Отсюда сверху были видны Амагу, Кудя-хе, Квандагоу и побережье моря. Листопад был в полном разгаре. Лес с каждым днем все более и более принимал монотонно-серую безжизненную окраску, знаменующую приближение зимы. Только дубняки сохранили еще листву, но и она пожелтела и от этого казалась еще печальнее. Кусты, лишенные пышных нарядов, стали удивительно похожи друг на друга. Черная, похолодевшая земля, прикрытая опавшею листвою, погружалась в летаргический сон; растения покорно, без протестов, готовились к смерти.

Я так ушел в свои думы, что совершенно забыл, зачем пришел сюда в этот час сумерек. Вдруг сильный шум послышался сзади меня. Я обернулся и увидел какое-то несуразное и горбатое животное с белыми ногами. Вытянув вперед свою большую голову, оно рысью бежало по лесу. Я поднял ружье и стал целиться, но кто-то опередил меня. Раздался выстрел, и животное упало, сраженное пулей. Через минуту я увидел Дерсу, спускавшегося по кручам к тому месту, где упал зверь.

Убитое им животное оказалось лосем.

Это был молодой самец лет трех. Длина зверя от верхней губы до конца хвоста равнялась 2 метрам 20 сантиметрам, высота от подошвы копыта до холки — 1 метру 70 сантиметрам, общий вес — около 240 килограммов.

Это на вид неуклюжее животное имеет мощную шею и большую вытянутую голову с толстой, загнутой книзу мордой. Шерсть длинная, блестящая, гладко прилегающая к телу; окраска темнобурая, почти черная; ноги белесоватые. Лось — очень строгий зверь: достаточно один раз его побеспокоить, чтобы он надолго оставил облюбованное место. Спасаясь от преследования охотника, он идет рысью и иногда галопом. Лось очень любит купаться в болотистых озерках. Раненый, он убегает, но во время течки становится злым и не только защищается, но и сам нападает на человека. При этом он поднимается на задние ноги и, скрестив передние, старается ими сбить врага, и тогда топчет его с ожесточением.

Амагу будет южной границей, где лось выходит к берегу моря. С наступлением холодов он начинает перекочевывать к западу. В ноябре его еще можно застать около Сихотэ-Алиня, а в декабре он совсем уходит в бассейн реки Бикина. Там, в густых лесах, где не бывает наста, он находит достаточно корма и благоприятные условия для своего существования. По внешнему своему виду уссурийский лось мало чем отличается от своего европейского собрата, но зато рога его иные: они вовсе не имеют лопастей и скорее похожи на изюбровые, чем на лосиные.

Дерсу принялся снимать шкуру и делить мясо на части. Неприятная картина, но тем не менее я не мог не любоваться работой своего приятеля. Он отлично владел ножом: ни одного лишнего пореза, ни одного лишнего движения. Видно, что рука у него на этом деле хорошо была набита. Мы условились, что немного мяса возьмем с собою; Чжан-Бао и Фокин примут меры доставить остальное староверам и для команды.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВОДОПАД

Случай с тигром. — Запретное место. — Дерсу и ворона. — Верховья реки Амагу. — Водопад. — Жертвоприношение. — Хребет Карту. — Брусника. — Ночлег в горах. — Спуск в долину реки Кулумбе. — Забота о животных.

Вечером, после ужина, зашел разговор об охоте. Говорил Дерсу, а мы его слушали. Жизнь этого человека была полна интереснейших приключений. Гольд рассказывал, как однажды, десять лет тому назад, он охотился за изюбрами в самый разгар пантовки. Дело было на реке Эрлдагоу (приток Даубихе), в самых ее истоках. Здесь, в горах, вода промыла длинные и глубокие овраги; крутые склоны их поросли лесом. Дерсу имел при себе винтовку, охотничий нож и шесть патронов. Недалеко от бивака он увидел пантача, стрелял и ранил слабо. Изюбр упал было, но скоро оправился и побежал в лес. Гольд догнал его там, опять стрелял четыре раза, но все раны были не убойные, и изюбр уходил дальше. Тогда Дерсу выстрелил в шестой и последний раз. После этого олень забился в овраг, который соединялся с другим таким же оврагом. Олень лежал как раз у места их соединения в воде, и только плечо, шея и голова его были на камнях. Раненое животное подымало голову и, видимо, кончало расчеты с жизнью. Гольд сел на камень и стал курить в ожидании, когда изюбр подохнет.

Пришлось выкурить две трубки, прежде чем олень испустил последний вздох. Тогда Дерсу подошел к нему, чтобы отрезать голову с пантами. Место было неудобное: у самой воды росла толстая ольха. Как ни приспособлялся Дерсу, он мог устроиться только в одном положении. Он опустился на правое колено, а левой ногой уперся в один из камней в ручье. Винтовку он забросил себе на спину и начал было свежевать оленя. Не успел он два раза резануть ножом, как вдруг за шумом воды позади себя услышал шорох. Он хотел было оглянуться, но в это мгновение совсем рядом с собой увидел тигра. Зверь хотел было наступить на камень, но оступился и попал лапой в воду. Гольд знал, что если он сделает хоть малейшее движение, то погибнет. Он замер на месте и притаил дыхание. Тигр покосился на него и, видя неподвижную фигуру, двинулся было дальше. Однако он почувствовал, что это неподвижное — не пень и не камень, а что-то живое. Два раза он оборачивался назад и усиленно нюхал воздух, но, на счастье Дерсу, ветер тянул не от него, а от тигра. Не уловив запаха оленьей крови, страшный зверь полез на кручу. Камни и песок из-под его лап посыпались в ручей. Но вот он взобрался наверх. Тут он вдруг почуял запах человека. Шерсть на спине у него поднялась дыбом, он сильно заревел и стал бить себя хвостом по телу. Тогда Дерсу громко закричал и пустился бежать по оврагу. Тигр бросился вниз к оленю и стал его обнюхивать. Это и спасло Дерсу. Он выбрался из ущелья и бежал долго, бежал, как козуля, преследуемая волками.

Тогда он понял, что убитый олень принадлежал не ему, а тигру. Вот почему он и не мог его убить, несмотря на то, что стрелял шесть раз. Дерсу удивился, как он об этом не догадался сразу. С той поры он не ходил больше в эти овраги. Место это стало для него раз навсегда запретным. Он получил предупреждение...

После ужина я и стрелок Фокин улеглись спать, а гольд и Чжан-Бао устроились в сторонке. Они взяли на себя заботу об огне.

Ночью я проснулся. Вокруг луны было матовое пятно — верный признак, что утром будет мороз. Так оно и случилось, перед рассветом температура быстро понизилась, и вода в лужах замерзла.

Первыми проснулись Чжан-Бао и Дерсу. Они подбросили дров в огонь, согрели чай и тогда только разбудили меня и Фокина.

Удивительные птицы вороны: как скоро они узнают, где есть мясо! Едва солнечные лучи озолотили вершины гор, как несколько их появилось уже около нашего бивака. Они громко перекликались между собою и перелетали с одного дерева на другое. Одна из ворон села очень близко от нас и стала каркать.

— Ишь, проклятая! Погоди, я тебя сейчас ссажу, — сказал стрелок Фокин и потянулся за винтовкой.

— Не надо, не надо стрелять, — остановил его Дерсу. — Его мешай нету. Ворона тоже хочу кушай. Его пришел посмотреть, люди есть или нет. Нельзя — его улетит. Наша ходи, его тогда на землю прыгай, чего-чего остался — кушай.

Как бы в подтверждение его слов ворона снялась с дерева и улетела. Доводы эти Фокину показались убедительными; он положил ружье на место и уже больше не ругал ворон, хотя они подлетали к нему еще ближе, чем в первый раз.

Дерсу был безусловно прав. Обычай «ссаживать» ворон с деревьев — жестокая забава охотников. Стрельбой по воронам забавляются иногда даже образованные люди. Стреляют так же, как в бутылку, только потому, что черная ворона представляет из себя хорошую цель.

Ворон скорее следует отнести к полезным птицам, чем к вредным. Убирая в тайге трупы павших животных, дохлых рыб по берегам рек, моллюсков, выброшенных морским прибоем, и в особенности разные отбросы человеческих жилищ, они являются незаменимыми санитарами и играют огромную роль в экономии природы. Вред, причиняемый воронами хозяйству, по сравнению с той пользой, которую они приносят, невелик.

С этого бивака мы расстались. Чжан-Бао и стрелок Фокин вернулись назад, а мы с Дерсу пошли дальше.

Отсюда долина Амагу начала суживаться, и река сделалась порожистой; в горах появились осыпи и целые площади, обезлесенные пожарами; зато внизу, в долине, лес стал гуще; к лиственным породам примешалось много хвои. Километрах в двадцати от моря река снова разделилась надвое. Одна речка (большая) огибает хребет Карту с запада, а другая (меньшая) течет с юга. От места слияния их потянулись сплошные гари. Два раза мы переходили речку вброд и в конце концов снова очутились на правом берегу. Еще дальше долина становится похожей на ущелье. Некоторые утесы имеют весьма причудливые очертания. Они постепенно разрушаются и превращаются в осыпи. Иногда сорвавшаяся сверху глыба увлекает за собою другие камни. Тогда в долину свергается целый поток щебня и поломанных сухостойных деревьев. Немудрено, что удэхейцы боятся этих мест: здесь, по их мнению, обиталище злого духа. Мы шли с Дерсу и говорили об охоте. Вдруг он сделал мне знак, чтобы я остановился. Мы стали слушать. Издали доносился какой-то шум, похожий нето на подземный гул, нето на отдаленные раскаты грома.

— Водопад, — сказал Дерсу и указал рукой на реку.

Я взглянул и увидел плывшую по воде пену.

Мы прибавили шагу и через полчаса действительно подошли к водопаду.

Из всех водопадов, которые мне приходилось видеть, Амагинский водопад был самым красивым. Представьте себе узкий коридор, верхние края которого немного загнуты внутрь так, что вода идет как бы в трубе. В одном месте труба эта обрывается. Здесь образовался водопад высотою в восемь метров. Однако верхние края коридора продолжаются и далее. Из этого можно заключить, что первоначально водопад был ниже по течению, и если бы удалось определить, сколько вода стирает ложе водопада в течение года, то можно было бы сказать, когда он начал свою работу, сколько ему лет и сколько еще осталось существовать на свете. Порода, сквозь которую вода пробила себе дорогу, — буро-красный глауконитовый песчаник с весьма плотным цементом. Цвет воды в массе изумрудный. При ярком солнечном освещении белая пена с зеленовато-синим цветом воды и с красно-бурыми скалами, по которым разрослись пестрые лишайники и светлозеленые мхи, создавала картину чрезвычайно эффектную. Под водопадом вода имеет вращательное движение. В течение многих лет она сточила породу по сторонам и образовала «исполиновый котел». Я подошел к краю обрыва, и мне показалось, что от массы падающей воды порой содрогается земля.

В это время обоняние мое уловило запах дыма. Я обернулся и увидел Дерсу, разжигающего костер. Потом он начал развязывать котомку. Я думал, что он хочет остановиться на бивак, и стал убеждать его пройти еще немного. Гольд соглашался со мной, но продолжал развязывать котомку. Он достал из нее кусок сахару, две спички, ломтик хлеба и листочек табаку. Все это он взял в одну руку, в другую — маленький горящий уголек и что-то стал говорить. Лицо его было серьезно, глаза опущены в землю. Что именно он говорил, я не мог расслышать за шумом водопада. Потом он подошел к обрыву и все бросил в воду.

— Что ты сделал? — спросил я его.

— Наша постоянно так, — отвечал он. — Его, — он указал на водопад, — все равно гром, чорта гоняй.

Водопад и на меня произвел жуткое и чарующее впечатление. Что-то в нем было живое, стихийное. Какое же впечатление он мог произвести на душу человека, который все считал живым и человекоподобным!

Дерсу молча начал укладывать свою котомку. Желая показать ему, что я разделяю его мысли, я взял то, что первое мне попало под руку — кусок сухой рыбы и большую головешку, и подошел к водопаду.

Увидев, что я хочу бросить их в воду, Дерсу подбежал ко мне, махая руками; вид у него был встревоженный. Я понял, что он меня останавливает.

— Не надо, не надо, капитан! — говорил он испуганно и торопливо.

Я отдал ему головешку и юколу. Он бросил головешку в огонь, а юколу в лес. После этого он надел котомку, и мы пошли дальше. По дороге я стал расспрашивать его, почему он не хотел, чтобы я бросил в воду огонь и рыбу. Дерсу тотчас мне объяснил: в воду бросают только то, чего в ней нет, в лес можно бросать только то, чего нет на земле. Табак можно бросать в воду, а рыбу на землю. В воду можно бросать немного огня — только один уголек, но нельзя воду лить в огонь; также нельзя в воду бросать большую головешку, иначе рассердятся огонь и вода. Тогда я твердо решил более не вмешиваться в дела такого рода, чтобы нам обоим, как он выразился, не было худо.

Отойдя еще с полкилометра, мы стали биваком.

Когда на другой день, 7 октября, я проснулся, Дерсу был уже на ногах. Должно быть, я спал очень долго, потому что котомка его была уже увязана, и он терпеливо ожидал моего пробуждения.

— Отчего ты меня не разбудил? — спросил я его.

Он ответил, что сегодня мы пойдем на высокие горы, и потому необходимо набраться побольше сил и выспаться как следует.

Перед выступлением я посмотрел на свой барометр: он показывал 458 метров. День обещал быть тихим и теплым. Прямо от бивака мы начали восхождение на хребет Карту, главная ось которого располагается от северо-востока к юго-западу. Чем выше мы поднимались, тем больше перед нами раскрывался горизонт. Кругом, насколько хватал глаз, нигде не было леса: нигде ни одного деревца, даже сухостойного. Чрезвычайно тоскливый вид имеют такие горы. С исчезновением лесов исчезло и подлесье, исчезли мхи; дожди смыли тонкий растительный слой земли и оголили материковую почву. Куда ни посмотришь — всюду одна и та же однообразная, тусклая картина: серые утесы и серые осыпи. Хребет Карту — это безжизненная и безводная пустыня.

Первая сопка, на которую мы поднялись, имела высоту 900 метров. Отдохнув немного на ее вершине, мы пошли дальше. Вторая гора почти такой же величины, но вследствие того, что перед ней мы спустились в седловину, она показалась гораздо выше. На третьей вершине барометр показал 1 016 метров.

Я взглянул на часы: обе стрелки показывали полдень. Значит, за три с половиной часа мы успели «взять» только три вершины, а главный хребет был еще впереди.

Меня сильно мучила жажда. Вдруг я увидел бруснику; она была мороженая. Я начал ее есть с жадностью. Дерсу смотрел на меня с любопытством.

— Как его фамилия? — спросил он, держа на ладони несколько ягод.

— Брусника, — отвечал я.

— Тебе понимай, — спросил он опять, — его можно кушать?

— Можно, — отвечал я. — Разве ты не знаешь эту ягоду?

Дерсу ответил, что видел ее часто, но не знал, что она съедобна.

Местами брусники было так много, что целые площади казались как будто окрашенными в бордовый цвет. Подбирая ягоды, мы понемногу подвигались вперед и незаметно поднялись на вершину, высота которой равнялась 1 290 метрам. Здесь мы впервые вступили в снег, он был глубиною около пятнадцати сантиметров.

По наблюдениям старообрядцев, первый снег на Сихотэ-Алине в 1907 году выпал 20 сентября, а на хребте Карту — 3 октября и уже более не таял. 7 октября снеговая линия опустилась до 900 метров над уровнем моря.

Отсюда мы повернули к югу и стали взбираться на четвертую высоту (1510 метров). Этот подъем был особенно трудным. Мы часто глотали снег, чтобы утолить мучившую нас жажду.

Хребет Карту с восточной стороны очень крут, с западной — пологий. Здесь можно наблюдать, как происходит разрушение гор. Сверху все время сыплются мелкие камни; они постепенно засыпают долины, погребая под собою участки плодородной земли и молодую растительность. Таковы результаты лесных пожаров.

Как ни старались мы добраться в этот день до самой высокой горы, нам сделать этого не удалось. С закатом солнца должен опять подуть холодный северо-западный ветер. Пора было подумать о биваке. Поэтому мы спустились немного с гребня и стали искать место для ночлега на западном склоне. Теперь у нас были три заботы: первая — найти воду, вторая — найти топливо и третья — найти защиту от ветра. Нам посчастливилось найти все это сразу в одном месте. В километре от седловины виднелся кедровый стланец. Мы забрались в самую середину его и устроились даже с некоторыми удобствами. Снег заменил нам воду. Среди живого стланца было много сушняка. Мы с Дерсу натаскали побольше дров и развели жаркий огонь. С подветренной стороны мы натянули полотнище палатки, хвои наложили себе под бок, а сверху покрыли их козьими шкурками.

Ночь была лунная и холодная. Предположения Дерсу оправдались. Лишь только солнце скрылось за горизонтом, сразу подул резкий, холодный ветер. Он трепал ветви кедровых стланцев и раздувал пламя костра. Палатка парусила, и я очень боялся, чтобы ее не сорвало со стоек. Полная луна ярко светила на землю; снег блестел и искрился. Голый хребет Карту имел теперь еще более пустынный вид.

Утомленные дневным переходом, мы недолго сидели у огня и рано легли спать.

Утром, когда я проснулся, первое, что бросилось мне в глаза, был туман. Скоро все разъяснилось—шел снег. Хорошо, что мы ориентировались вчера, и потому сегодня с бивака могли сразу взять верное направление.

Напившись чаю с сухарями, мы опять стали подниматься на хребет Карту. Теперь нам предстояло взобраться на самую высокую сопку, которую моряки называют Амагунскими гольцами. Потому ли, что мы были со свежими силами, или снег нас принуждал торопиться, но только на эту гору мы взошли довольно скоро. Высота ее равна 1 660 метрам. Отсюда берет начало река Кулумбе (по-удэхейски Куле); староверы измеряют ее в 50—60 километров. Течет она по кривой так же, как и Амагу, но только в другую сторону, а именно — к югу и юго-востоку. Когда мы спустились до 1 200 метров, снег сменился дождем, что было весьма неприятно; но делать было нечего — приходилось терпеть.

Километров пять мы шли гарью и только тогда нашли живой лес, когда снизились до 680 метров. Это была узкая полоса растительности около речки, состоящая преимущественно из березы, пихты и лиственицы.

К полудню дождь усилился. Осенний дождь — это не то, что летний дождь; легко можно простудиться. Мы сильно прозябли, и потому пришлось рано стать на бивак. Скоро нам удалось найти балаган из корья. Способ постройки его и кое-какие брошенные вещи указывали на то, что он был сделан корейцами. Оправив его немного, мы натаскали дров и принялись сушить одежду. Часа в четыре дня дождь прекратился. Тяжелая завеса туч разорвалась, и мы увидели хребет Карту, весь покрытый снегом.

Когда солнце скрылось за горизонтом, по всему западному небосклону широко разлилась багровая заря. Потом взошла луна; вокруг нее опять было густое матовое пятно и большой венец — верный признак, что завтра снова будет дождь.

Вечером я записывал свои наблюдения, а Дерсу жарил на вертеле сохатину. Во время ужина я бросил кусочек мяса в костер. Увидев это, Дерсу поспешно вытащил его из огня и швырнул в сторону.

— Зачем бросаешь мясо в огонь? — спросил он меня недовольным тоном. — Как можно его напрасно жечь! Наша завтра уехали, сюда другой люди ходи — кушай. В огонь мясо бросай, его так пропади.

— Кто сюда другой придет? — спросил я его, в свою очередь.

— Как кто? — удивился он. — Енот ходи, барсук ходи или ворона; ворона нет — мышь ходи, мышь нет — муравей ходи. В тайге много разный люди есть.

Мне стало ясно: Дерсу заботился не только о людях, но и о животных, хотя бы даже и о таких мелких, как муравей. Он любил тайгу с ее населением и всячески заботился о ней.

Разговор наш перешел на охоту, на браконьеров, на лесные пожары.

Незаметно мы досидели с ним до полуночи. Наконец Дерсу начал дремать. Я закрыл свою тетрадь, завернулся в одеяло, лег поближе к огню и скоро заснул. Ночью сквозь сон я слышал, как он поправлял огонь и прикрывал меня своей палаткой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ТЯЖЕЛЫЙ ПЕРЕХОД

Денудационная долина реки Кулумбе. — Броды. — Скала Мафа. — Упадок сил. — Гололедица. — Лес, поваленный бурею. — Лихорадка. — Кошмар. — Голод. — Берег моря. — Ван-Син-лаза. — Разочарование. — Миноносец «Грозный». — Спасение. — Возвращение на Амагу. — Отъезд А. И. Мерзлякова.

С рассветом опять ударил мороз; мокрая земля замерзла так, что хрустела под ногами. От реки подымался пар. Значит, температура воды была значительно выше температуры воздуха. Перед выступлением мы проверили свои продовольственные запасы. Хлеба у нас осталось еще на двое суток. Это не особенно меня беспокоило. По моим соображениям, до моря было не особенно далеко, а там к скале Ван-Син-лаза продовольствие должен принести удэхеец Сале со стрелками.

За ночь обувь наша просохла. Когда солнышко взошло, мы с Дерсу оделись и бодро пошли вперед.

Более характерной денудационной долины, чем Кулумбе, я не видывал. Река, стесненная горами, все время извивается между утесами. Можно подумать, что горные хребты здесь старались на каждом шагу создать препятствия для воды, но последняя взяла верх и силою проложила себе дорогу к морю.

Окрестные горы, можно сказать, совершенно оголены от древесной растительности; лес растет только около реки, окай-

мляя ее по обеим сторонам, как бордюром. Преобладающие породы здесь: лиственница, ель, береза и ольха. Ближе к горам, на местах открытых, приютились: даурский шиповник, обыкновенная рябина, а около нее — каменная полынь с листвой, расположенной у основания стебля. С первого взгляда никто не угадал бы в ней родную сестру луговой полыни. В другом месте мы наткнулись на багульник и множество папоротников. У первого — лист ажурный, небольшой по размерам; второй вид имел буровато-зеленые листья с красноватым оттенком с исподней стороны; у третьего — хотя лист и простой, но ему нельзя было отказать в изяществе.

По долине реки Кулумбе никакой тропы нет. Поэтому нам пришлось итти целиной. Не желая переходить реку вброд, мы пробовали было итти берегом, но скоро убедились, что это невозможно: первая же скала принудила нас перейти на другую сторону реки. Я хотел было переобуваться, но Дерсу посоветовал итти в мокрой обуви и согреваться усиленною ходьбою. Не прошли мы и полкилометра, как пришлось снова переходить на правый берег реки, потом на левый, затем опять на правый и т. д. Вода была холодная; голени сильно ломило — точно их сжимали в тисках.

По сторонам высились крутые горы: они обрывались в долину утесами. Обходить их было нельзя. Это отняло бы у нас много времени и затянуло бы путь лишних дня на четыре, что при ограниченности наших запасов продовольствия было совершенно нежелательно. Мы с Дерсу решили итти напрямик, в надежде, что за утесами будет открытая долина. Вскоре нам пришлось убедиться в противном: впереди опять были скалы и опять пришлось переходить с одного берега на другой.

— Тьфу! — ворчал Дерсу. — Мы идем — все равно выдры. Маленько по берегу ходи, посмотри, вода есть — ныряй, потом опять на берег и опять ныряй...

Сравнение было весьма удачное. Выдры именно так и ходят.

Или мы привыкли к воде, или солнце пригрело нас, а может быть, то и другое вместе, только броды стали казаться не такими уж страшными и вода не такой холодной. Я перестал ругаться, а Дерсу перестал ворчать. Вместо прямой линии, наш путь изображал собою зигзаги. Так мы пробились до полудня, но под вечер попали в настоящее ущелье. Оно тянулось более, чем на четыреста метров. Пришлось итти прямо по руслу реки. Иногда мы взбирались на отмель и грелись на солнце, а затем снова опускались в воду. Наконец я почувствовал, что устал.

День кончился, и в воздухе стало холодать. Тогда я предложил своему спутнику остановиться. В одном месте между утесами был плоский берег, куда водой нанесло много плавника.

Мы взобрались на него и первым делом развели большой костер, а затем принялись готовить ужин.

Вечером я подсчитал броды. На протяжении пятнадцати километров мы сделали тридцать два брода, не считая сплошного хода по ущелью. Ночью небо опять затянуло тучами, а перед рассветом пошел мелкий и частый дождь. Утром мы встали раньше обыкновенного, поели немного, напились чаю и тронулись в путь. Первые шесть километров мы шли больше по воде, чем по суше.

В среднем течении река Кулумбе очень извилиста. Она все время жмется к утесам и у подножья их образует глубокие ямы. Во многих местах русло ее завалено камнями и занесено буреломом. Можно представить себе, что здесь делается во время наводнений! Один раз я, другой раз Дерсу оборвались в ямы и вымокли как следует.

Наконец узкая и скалистая часть долины была пройдена. Горы как будто стали отходить в стороны. Я обрадовался, полагая, что море недалеко, но Дерсу указал на какую-то птицу, которая, по его словам, живет только в глухих лесах, вдали от моря. В справедливости его доводов я сейчас же убедился. Опять пошли броды, и чем дальше, тем глубже. Раза два мы разжигали костры, главным образом для того, чтобы погреться.

Часов в двенадцать дня мы были около большой скалы Мафа, что по-удэхейски значит медведь. Действительно, своими формами она очень его напоминает и состоит из плотного песчаника, с прослойками кварца и известкового шпата. У подножья ее шла свежепротоптанная тропа; она пересекала реку Кулумбе и направлялась на север. Дерсу за скалой нашел бивак. По оставленным на нем следам он узнал, что здесь ночевал Мерзляков с командой, когда шел с Такемы на Амагу.

Мы рассчитали, что если пойдем по тропе, то выйдем на реку Найну к корейцам, а если пойдем прямо, то придем на берег моря к скале Ван-Син-лаза. Путь на Найну нам был совершенно неизвестен, и к тому же мы совершенно не знали, сколько времени может занять этот переход. До моря же мы рассчитывали дойти если не сегодня, то во всяком случае завтра к полудню.

Закусив остатками мяса, мы пошли далее. Часа в два дня мелкий дождь превратился в ливень. Это заставило нас остановиться раньше времени и искать спасения в палатке. Я страшно прозяб, руки мои закоченели, пальцы не гнулись, зубы выбивали дробь. Дрова, как на грех, попались сырые и плохо горели. Наконец все было налажено. Тогда мы принялись сушить свою одежду. Я чувствовал упадок сил и озноб. Дерсу достал из котомки последний сухарь и советовал поесть. Но мне было не до еды. Напившись чаю, я лег к огню, но никак не мог согреться.

Около полуночи дождь прекратился, но изморось продолжала падать на землю. Дерсу ночью не спал и все время поддерживал костер.

Часа в три утра в природе совершилось что-то необычайное. Небо вдруг сразу очистилось. Началось такое быстрое понижение температуры воздуха, что дождевая вода, не успевшая стечь с ветвей деревьев, замерзла на них в виде сосулек. Воздух стал чистым и прозрачным. Луна, посеребренная лучами восходящего солнца, была такой ясной, точно она вымылась и приготовилась к празднику. Солнце взошло багровое и холодное.

Утром я встал с головной болью. Попрежнему чувствовался озноб и ломота в костях. Дерсу тоже жаловался на упадок сил. Есть было нечего, да и не хотелось. Мы выпили немного горячей воды и пошли в путь.

Скоро нам опять пришлось лезть в воду. Сегодня она показалась мне особенно холодной. Выйдя на противоположный берег, мы долго не могли согреться. Но вот солнышко поднялось из-за гор и под его живительными лучами начал согреваться озябший воздух.

Как ни старались мы избежать бродов, нам не удалось от них отделаться. Но все же заметно было, что они становились реже. Через несколько километров река разбилась на протоки, между которыми образовались острова, поросшие тальниками. Тут было много рябчиков. Мы стреляли, но ни одного не могли убить: руки дрожали, не было сил прицеливаться как следует. Понуро мы шли друг за другом и почти не говорили между собой.

Вдруг впереди показался какой-то просвет. Я думал, что это море. Но большое разочарование ждало нас, когда мы подошли поближе. Весь лес лежал на земле. Он был повален бурею в прошлом году. Это была та самая пурга, которая захватила нас 20, 21 и 22 октября при перевале через Сихотэ-Алинь. Очевидно, центр тайфуна прошел именно здесь.

Надо было обойти бурелом стороной или итти по островам, среди тальников. Не зная какой длины и ширины будет площадь поваленного леса, мы предпочли последнее. Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой. Такой сплошной завал тянулся километров шесть, если не больше. Наше движение было довольно медленно. Мы часто останавливались и отдыхали. Но вот завалы кончились и опять началась вода. Я насчитал еще 23 брода, затем сбился со счета и шел без разбора.

После полудня мы еле-еле тащили ноги. Я чувствовал себя совершенно разбитым; Дерсу тоже был болен. Один раз мы видели кабана, но нам было не до охоты. Сегодня мы рано стали на бивак.

Здесь я окончательно свалился с ног: меня трясла сильная лихорадка, и почему-то опухли лицо, ноги и руки. Дерсу

весь вечер работал один. Потом я впал в забытье. Мне все время грезилась какая-то тоненькая паутина. Она извивалась вокруг меня и постепенно становилась все толще и толще и, наконец, принимала чудовищные размеры. Мне казалось, что горный хребет Карту движется с ужасающей быстротой и давит меня своей тяжестью. В ужасе я вскакивал и кричал. Хребет Карту сразу пропадал, и вместо него опять появлялась паутина, и опять она начинала увеличиваться, приобретая в то же время быстрое вращательное движение. Смутно я чувствовал у себя на голове холодную воду.

Сколько продолжалось такое состояние, не знаю. Когда я пришел в себя, то увидел, что покрыт кожаной курткой гольда.

Был вечер; на небе блестели яркие звезды. У огня сидел Дерсу; вид у него был изнуренный, усталый.

Оказалось, что в бреду я провалялся более двенадцати часов. Дерсу за это время не ложился спать и ухаживал за мною. Он клал мне на голову мокрую тряпку, а ноги грел у костра. Я попросил пить. Дерсу подал мне отвар какой-то травы противного сладковатого вкуса. Дерсу настаивал, чтобы я выпил его как можно больше. Затем мы легли спать вместе и, покрывшись одной палаткой, оба уснули.

Следующий день был 13 октября. Сон немного подкрепил Дерсу, но я чувствовал себя совершенно разбитым. Однако дневать здесь было нельзя. Продовольствия у нас не было ни крошки. Через силу мы поднялись и пошли дальше вниз по реке.

Долина становилась все шире и шире. Буреломы и гарь остались позади; вместо ели, кедра и пихты, чаще стали попадаться березняки, тальники и лиственицы, имеющие вид строевых деревьев.

Я шел как пьяный. Дерсу тоже перемогал себя и еле-еле волочил ноги. Заметив впереди, с левой стороны, высокие утесы, мы заблаговременно перешли на правый берег реки. Здесь Кулумбе сразу разбилась на восемь рукавов. Это в значительной степени облегчило нашу переправу. Дерсу всячески старался меня подбодрить. Иногда он принимался шутить, но по его лицу я видел, что он тоже страдает.

— Каза, каза! (то есть чайка) — закричал он вдруг, указывая на белую птицу, мелькавшую в воздухе. — Море далеко нету.

И как бы в подтверждение его слов из-за поворота с левой стороны выглянула скала Ян-Тун-лаза — та самая скала, которую мы видели около устья Кулумбе, когда шли с реки Такемы на Амагу. Надежда на то, что близок конец нашим страданиям, придала мне силы. Но теперь опять предстояло переправляться на левый берег Кулумбе, которая текла здесь одним руслом и имела быстрое течение. Поперек реки лежала длинная лиственица. Она сильно качалась. Эта переправа

отняла у нас много времени. Дерсу сначала перенес через реку ружья и котомки, а затем помог переправиться мне.

Наконец мы подошли к скале Ян-Тун-лаза. Тут на опушке дубовой рощи мы немного отдохнули. До моря оставалось еще километра полтора. Долина здесь делает крутой поворот к юго-востоку. Собрав остаток сил, мы поплелись дальше. Скоро дубняки стали редеть, и вот перед нами сверкнуло море.

Наш трудный путь был кончен. Сюда стрелки должны были доставить продовольствие, здесь мы могли оставаться на месте до тех пор, пока окончательно не выздоровеем.

В шесть часов пополудни мы подошли к скале Ван-Син-лаза. Еще более горькое разочарование ждало нас здесь: продовольствия не было. Мы обшарили все уголки, засматривали за бурелом, за большие камни, но нигде ничего не нашли. Оставалась еще одна надежда: быть может, стрелки оставили продовольствие по ту сторону скалы Ван-Син-лаза. Гольд вызвался слазить туда. Поднявшись на ее гребень, он увидел, что карниз, по которому идет тропа, покрыт льдом. Дерсу не решился итти дальше. Сверху он осмотрел весь берег и ничего там не заметил. Спустившись назад, он сообщил мне эту печальную весть и сейчас же постарался утешить.

— Ничего, капитан, — сказал он, — около моря можно всегда найти кушать.

Потом мы пошли к берегу и отворотили один камень. Из-под него выбежало множество мелких крабов. Они бросились врассыпную и проворно спрятались под другие камни. Мы стали ловить их руками и скоро собрали десятка два. Тут же мы нашли еще двух протомоллюсков и около сотни раковин береговичков. После этого мы выбрали место для бивака и развели большой огонь. Протомоллюсков и береговичков мы съели сырыми, а крабов сварили. Правда, это дало нам немного, но все же первые приступы голода были утолены.

Зная исполнительность своих людей, я никак не мог понять, почему они не доставили продовольствия на указанное место. Завтра надо перейти через скалу Ван-Син-лаза и попытаться берегом дойти до корейцев на реке Найпе.

Лихорадка моя прошла, но слабость еще осталась. Дерсу хотел завтра рано утром сбегать на охоту и потому лег спать пораньше. Я долго сидел у огня и грелся.

Ночь была ясная и холодная. Звезды ярко горели на небе; мерцание их отражалось в воде. Кругом было тихо и безлюдно; не было слышно даже всплесков прибоя. Красный полумесяц взошел поздно и задумчиво глядел на уснувшую землю. Высокие горы, беспредельный океан и глубокое темносинее небо — все было так величественно, грандиозно. Шопот Дерсу вывел меня из задумчивости: он о чем-то бредил во сне.

Утомленный тяжелой дорогой, измученный лихорадкой, я лег рядом с ним и уснул,

Чуть брезжило. Сумрак ночи еще боролся с рассветом, но уже видно было, что он не в силах остановить занимавшейся зари. Неясным светом освещала она тихое море и пустынный берег.

Наш костер почти совсем угас. Я разбудил Дерсу, и мы оба принялись раздувать угли. В это время до слуха моего донеслись два каких-то отрывистых звука, похожие на вой.

— Это изюбр ревет, — сказал я своему приятелю. — Иди поскорей: быть может, ты убьешь его.

Дерсу стал молча собираться, но затем остановился, подумал немного и сказал:

— Нет, это не изюбр. Теперь его кричи не могу.

В это время звуки опять повторились, и мы ясно разобрали, что исходят они со стороны моря. Они показались мне знакомыми, но я никак не мог припомнить, где раньше их слышал.

Я сидел у огня, спиною к морю, а Дерсу против меня.

Вдруг он вскочил на ноги и, протянув руку, сказал:

— Смотри, капитан!

Я оглянулся и увидел миноносец «Грозный», выходящий из-за мыса.

Точно сговорившись, мы сделали в воздух два выстрела, затем бросились к огню и стали бросать в него водоросли. От костра поднялся белый дым. «Грозный» издал несколько пронзительных свистков и повернул в нашу сторону. Нас заметили... Сразу точно гора свалилась с плеч. Мы оба повеселели.

Через несколько минут мы были на борту миноносца, где нас радушно встретил П. Г. Тигерстедт.

Оказалось, что он, возвращаясь с Шантарских островов, зашел на Амагу и здесь узнал от А. И. Мерзлякова, что я ушел в горы и должен выйти к морю где-нибудь около реки Кулумбе. Староверы ему рассказали, что удэхеец Сале и двое стрелков должны были доставить к скале Ван-Син-лаза продовольствие, но по пути, во время бури, лодку их разбило о камни, и все то, что они везли с собой, утонуло. Они сейчас же вернулись обратно на Амагу, чтобы с новыми запасами продовольствия пойти вторично нам навстречу. Тогда П. Г. Тигерстедт решил итти на поиски. Ночью он дошел до Такемы и повернул обратно, а на рассвете подошел к реке Кулумбе, подавая сиреной сигналы, которые я и принял за рев изюбра.

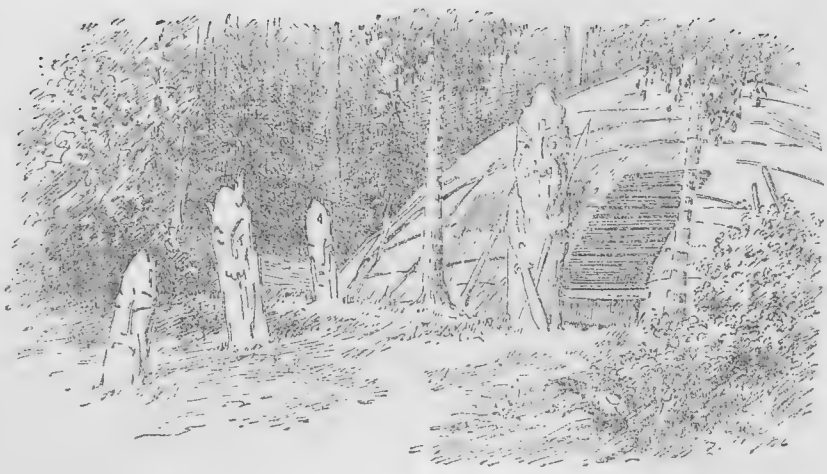
П. Г. Тигерстедт взялся доставить меня к отряду. За обильным яствами столом и за стаканом чая мы и не заметили, как дошли до Амагу.

Здесь А. И. Мерзляков, ссылаясь на ревматизм, стал просить позволения уехать в город Владивосток, на что я охотно согласился. Вместе с ним я отпустил также стрелков Дьякова и Фокина и велел ему с запасами продовольствия и с теплой одеждой выйти навстречу мне по реке Бикину.

Через час «Грозный» стал сниматься с якоря.

Мое прощание с моряками носило более чем дружеский характер. Стоя на берегу, я увидел на мостике миноносца командира судна. Он посылал мне приветствия, махая фуражкой. Когда «Грозный» отошел настолько далеко, что нельзя уже было разобрать на нем людей, я вернулся в старообрядческую деревню.

Теперь в отряде осталось только семь человек: я, Дерсу, Чжан-Бао, Захаров, Арнини, Туртыгин и Сабитов. Последние не пожелали возвращаться во Владивосток и добровольно остались со мной до конца экспедиции. Это были самые преданные и самые лучшие люди в отряде.



ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

НИЗОВЬЯ РЕКИ КУСУНА

Хребет Карамынский. — Зыбучий песок. — Река Соен. — Мелкие горные ручьи. — Река Витухэ. — Последние перелетные птицы. — Летающие куры. — Туземцы на реке Кусуне. — Священное дерево. — Жилище шамана. — Морской старшина. — Расставание с Чжан-Бао. — Выступление.

Следующие пять дней я отдыхал и готовился к походу на север вдоль берега моря.

Приближалась зима. Голые скелеты деревьев имели безжизненный вид. Красивая летняя листва их, теперь пожелтевшая и побуревшая, в виде мусора валялась на земле. Куда девались те красочно-разнообразные тона, которыми ранней осенью так богата растительность в Уссурийском крае?

Кормить мулов становилось все труднее и труднее, и я решил оставить их до весны у староверов.

20 октября, утром, мы тронулись в путь. Старообрядец Нефед Черепанов вызвался проводить нас до реки Соена. На этом пути в море впадает несколько мелких речек, имеющих только туземные названия. Это будут: Мяяку (по-китайски Михейзуйза), Найна, Калама, Гнанкуни и Лоси.

Горный хребет, с которого они берут начало, называемый староверами Карамынским, тянется параллельно берегу моря и является водоразделом между рекой Амагу и вышеперечислен-

ными речками. Наивысшие точки Карамнского хребта будут: Киганкуни, Лысуха, Водолей и Три Брата. Все они имеют сглаженные контуры и состоят из мелафиров, базальтов и их туфов.

Растительность на горах как травяная, так и кустарниковая, пышная; зато древесная, как и везде по морскому побережью, очень бедна. Редколесье состоит главным образом из лиственицы, ольхи, дуба, черной и белой березы.

С реки Амагу мы выступили довольно поздно, поэтому не могли уйти далеко и заночевали на реке Соене.

Река эта (по-удэхейски Суа или Соага) состоит из двух речек — Гага и Огоми, длиною каждая в 7—8 километров, сливающихся в $1^1/_2$ километрах от моря. Речка Гага имеет три притока: справа Нунги с притоком Дагдасу и Дуни, а слева — один только ключ Ада, с перевалом на Кусун. Речка Огоми имеет два притока: Канходя и Цагдаму. Около устья Соен образует небольшую, но глубокую заводь, соединяющуюся с морем узкою протокою. Эта заводь и зыбучее болото рядом с ним — остатки бывшей ранее лагуны.

Когда мы подошли к реке, было уже около двух часов пополудни. Со стороны моря дул сильный ветер. Волны с шумом бились о берег и с пеной разбегались по песку. От реки в море тянулась отмель. Я без опаски пошел по ней и вдруг почувствовал тяжесть в ногах. Хотел было я отступить назад, но, к ужасу своему, почувствовал, что не могу двинуться с места. Я медленно погружался в воду.

— Зыбучий песок! — закричал я не своим голосом и оперся ружьем в землю, но и его стало засасывать.

Стрелки не поняли, в чем дело, и в недоумении смотрели на мои движения. Но в это время подошли Дерсу и Чжан-Бао. Они бросились ко мне на помощь: Дерсу протянул сошки, а Чжан-Бао стал бросать мне под ноги плавник. Ухватившись рукой за валежину, я высвободил сначала одну ногу, потом другую и не без труда выбрался на твердую землю.

Зыбуны на берегу моря, по словам Черепанова и Чжан-Бао, явление довольно обычное. Морской прибой взрыхляет песок и делает его опасным для пешеходов. Когда же волнение успокаивается, тогда по нему свободно может пройти не только человек, но и лошадь с полным вьюком. Делать нечего, пришлось остановиться и, в буквальном смысле, ждать у моря погоды.

На реке Гага, как раз против притока Ада, в пяти километрах от моря, есть теплый ключ. Окружающая его порода — диабаз. Здесь, собственно говоря, два ключа: горячий и холодный. Оба они имеют выходы на дне небольшого водоема, длина которого равна 2, ширина 5 и глубина 0,6 метра. Со дна с шипением выделяется сероводород. Температура воды равна +28,1°; на поверхности земли, около резервуара, было + 12°. Температура воздуха + 7,5° С.

Ночью море успокоилось. Черепанов сказал правду: утром песок уплотнился так, что на нем даже не оставалось следов ног.

Около реки Соена Карампинский хребет отходит несколько в глубь материка, постепенно повышаясь на север, а около моря выступает цепь холмов, отмытых водою вдоль оси их простирания.

Из мысов, с которыми у туземцев связаны какие-либо сказания, можно отметить два: Омулен Гахани и Сугдэма Оногони. Здесь морским прибоем в береговых утесах выбило глубокие пещеры, порода обрушилась, и во многих местах образовались одиноко стоящие каменные столбы.

Километрах в десяти от реки Соена тропа оставляет берег и через небольшой перевал, состоящий из роговообманкового андезита, выходит к реке Витухэ — первый правый приток Кусуна. Она течет вдоль берега в направлении с юго-запада к северо-востоку и по пути принимает в себя один только безыменный ключик. Окрестные горы покрыты березняком, порослью дуба и сибирской пихтой.

Время стояло позднее, осеннее, но в воздухе было еще настолько тепло, что люди шли в одних фуфайках. По утрам бывали заморозки, но днем температура опять поднималась до + 4 и 5° С. Длинная и теплая осень является отличительной чертой Зауссурийского края.

Несмотря на столь позднее время, в лесу еще можно было видеть кое-где перелетных и неперелетных птиц. На полях, где паслись лошади староверов, в сухой траве копошились серые скворцы. Вид у них был веселый, игривый. Далее, в редколесье, я заметил большого пестрого дятла, птицу всюду распространенную и действительно пеструю. Тут же с места на место перелетали белобрюхие синицы. К ним присоединились и другие мелкие птицы, в числе которых я узнал белоголовую овсянку. По времени ей надлежало бы уже давно отлететь к югу, но, вероятно, в прибрежном районе, вследствие длинной осени и запаздывания весны, перелеты птиц такие запаздывают. Попадались еще какие-то пестренькие птички с красными пятнами на голове, быть может, чечетки. Столь раннее появление этой северной гостьи можно объяснить тем, что в горах Зауссурийского края после лесных пожаров выросло много березняков, где она и находит для себя обильный корм. Вероятно, река Амагу и Кусун будут южной границей ее распространения в Зауссурийском крае. Эта розовая птичка держится в лесистых горных местах и ведет скрытный образ жизни. Потом я увидел двух азиатских каноков. Эти проворные хищники все время носились по воздуху и описывали большие круги. Завидев подходящих людей, они бросались нам навстречу и, испуская пронзительные крики, кружились над головами. На дереве, на берегу ручья, сидела обыкновенная сорока. Я узнал ее по чекатанию и черному с белым оперению. При приближении

отряда она снялась с дерева и полетела неровным полетом, распустив свой длинный хвост.

За перевалом тропа идет по болотистой долине реки Витухэ. По пути она пересекает четыре сильно заболоченных распадка, поросших редкой лиственницей. На сухих местах царят дуб, липа и черная береза с подлеском из таволги вперемежку с даурской калиной. Тропинка привела нас к краю высокого обрыва. Это была древняя речная терраса. Редколесье и кустарники исчезли, и перед нами развернулась широкая долина реки Кусуна. Вдали виднелись китайские фанзы.

Когда после долгого пути вдруг перед глазами появляются жилые постройки, люди, лошади и собаки начинают итти бодрее. Спустившись с террасы мы прибавили шагу.

Собака моя бежала впереди и старательно осматривала кусты по сторонам дороги. Вскоре мы подошли к полям; хлеб был уже убран и сложен в зароды. Вдруг Альпа сделала стойку. «Неужели фазаны?» — подумал я и приготовил ружье. Я заметил, что Альпа была в сильном смущении: она часто оглядывалась и как будто спрашивала, продолжать работу или нет. Я подал знак: она осторожно двинулась вперед, усиленно нюхая воздух. По стойкам се я видел, что тут были не фазаны, а кто-то другой. Вдруг с шумом поднялись сразу три птицы. Я стрелял и промахнулся. Полет птиц был какой-то тяжелый: они часто махали крыльями и перед спуском на землю неловко спланировали. Я следил за ними глазами и видел, что они спустились во дворе ближайшей к нам фанзы. Это оказались домашние куры. Так как туземцы их не кормят, то они вынуждены сами добывать себе корм на полях. Для этого им приходилось уходить далеко от жилищ. Очевидно, способность летать развилась у них постепенно, вследствие постоянного упражнения. Будучи испуганы какими-либо животными, они должны были спасаться не только бегством, но и при помощи крыльев.

Куры и тропа привели нас к фанзе старика удэхейца Люрл. Семья его состояла из пяти мужчин и четырех женщин.

Удэхейцы на реке Кусуне сами огородничеством не занимаются, а нанимают для этого китайцев. Одеваются они наполовину по-китайски, наполовину по-своему, говорят по-китайски и только в том случае, если хотят посекретничать между собою, говорят на родном языке. Женские костюмы отличаются пестротой вышивок, а на груди, подоле и рукавах украшаются еще светлыми пуговицами, мелкими раковинами, бубенчиками и разными медными побрякушками, отчего всякое движение обладательниц их сопровождается шелестящим звоном.

Мне очень хотелось поближе познакомиться с кусунскими удэхейцами. Поэтому я, несмотря на усиленные приглашения китайцев, остановился у туземцев. Мне скоро удалось заручиться их доверием; они охотно отвечали на мои вопросы и

всячески старались услужить. Особенно же они ухаживали за Дерсу.

Лет сорок тому назад удэхейцев в прибрежном районе было так много, что, как выражался сам Люрл, лебеди, пока летели от реки Самарги до залива Ольги, от дыма, который поднимался от их юрт, из белых становились черными. Больше всего удэхейцев жило на реках Тадушу и Тетюхе. На Кусуне было 22 юрты, на Амагу только 3 и на Такеме — 18. Тогда граница обитания их спускалась до реки Судзухе и к западу от нее.

Как и везде, кусунские удэхейцы находились в неоплатных долгах у китайцев. Первобытная честность их теперь стала падать. Они не говорили, сколько поймали соболей: худших отдавали кредиторам, а лучших оставляли у себя и потом торговали ими тихонько где-нибудь на стороне. Такой обман являлся единственным средством борьбы с китайцами, немилосердно их эксплоатировавшими. Затем они старались набрать в кредит как можно больше, в расчете, что кредитор, опасаясь совсем потерять долг, согласится на уступки и сделает скидку. Иногда это им удавалось, но иногда китайцы выходили из терпения и жестоко расправлялись со своими должниками.

Следующий день я посвятил осмотру окрестностей.

Река Кусун (по-китайски Кусун-гоу и по-удэхейски Куи или Куги) впадает в море немного севернее мыса Максимова. Между устьем Витухэ и устьем Кусуна образовалась длинная заводь, отделенная от моря валом из гальки и песка шириною в 80 метров. Обыкновенно в этой заводи отстаиваются китайские лодки, застигнутые непогодой в море. Раньше здесь также скрывались хищнические японские рыбалки. Несомненно, нижняя часть долины Кусуна раньше была тоже лагуной, как и в других местах побережья, о чем уже неоднократно говорилось.

Река Кусун придерживается левой стороны долины. Она идет одним руслом, образуя по сторонам много сухих рукавов, играющих роль водоотводных каналов, отчего долина Кусуна в дождливое время года не затопляется водой. По показаниям удэхейцев, за последние тридцать лет здесь не было ни одного наводнения.

Левый, возвышенный, террасообразный берег реки имеет высоту около 30 метров и состоит из белой глины, в массе которой можно усмотреть блестки колчедана. Где-то в горах удэхейцы добывают довольно крупные куски обсидиана. Растительность в низовьях Кусуна довольно невзрачная и однообразная. Около реки, на островах и по сухим протокам — густые заросли тальников, имеющих вид высоких пирамидальных тополей, с ветвями, подымающимися кверху чуть ли не от самого корня. Среди них попадается осина, немало ольхи.

Все удобные земли располагаются с правой стороны реки, где почва весьма плодородная и состоит из ила и чернозема

с прослойками гальки и песка, вследствие чего травы развиваются весьма пышно, в особенности тростники, достигающие 2,5—3 метров высоты. В сообществе с ними, а иногда отдельно, целыми площадями растет обыкновенная полынь, а около реки, на галечниковых и песчаных наносах — другая полынь, с ветвистым высоким стеблем и с густой, пышной метелкой. Тут было много и еще каких-то злаков и цветковых растений, но все они настолько завяли, что определить их по внешнему виду даже приблизительно было нельзя. Дальнейший сбор гербарного материала не имел смысла.

Кусунские тазы-удэхейцы находились в переходном состоянии от охотничьего образа жизни к земледельческому. Вследствие отдаленности влияние китайцев сказалось на них неглубоко. Поэтому здесь мне удалось увидеть много того, чего нет на юге Уссурийского края. Так, например, в одном месте, около глубокого пруда, стояло фигурное дерево «Тхун». Оно все было покрыто резьбою, а на главных ветвях его были укреплены идолы, изображающие людей, птиц и животных. Это место запретное: здесь обитает злой дух Огзо. История дерева такова. Несколько лет тому назад около пруда поселилась семья удэхейцев, состоящая из трех мужчин, трех женщин и семерых детей. Однажды ночью один из братьев, выйдя из фанзы, услышал всплески воды в пруде и чье-то сопение. Подойдя поближе, он увидел какое-то большое животное, похожее на сивуча. Пруд не сообщался ни с рекой, ни с морем. В страхе удэхеец убежал домой. Тогда все решили, что это был чорт.

Спустя немного времени один за другим начали умирать дети. Позвали шамана. В конце второго дня камлания он указал место, где надо поставить фигурное дерево, но и это не помогло. Смерть уносила одного человека за другим. Очевидно, чорт поселился в самом жилище. Оставалось последнее средство— уступить ему фанзу. Так и сделали. Забрав все имущество, они перекочевали на реку Уленгоу.

В одном километре от фигурного дерева находилось жилище шамана. Я сразу узнал его по обстановке. Около тропы стояли четыре кола с грубыми изображениями человеческих лиц. Это «цзайгда», охраняющие дорогу. Они имеют на головах ножи, которыми и поражают чорта. На деревьях красовались медвежьи черепа и деревянные бурханы. Тут же стояли древесные пни, вкопанные в землю острыми концами и корнями кверху. На них тоже были сделаны грубые изображения человеческих лиц. Против самого входа в жилище стоял большой деревянный идол Манганн-Севохи, с мечом и копьем в руках, а рядом с ним — две оголенные от сучьев лиственицы с корою, снятою кольцами.

Внутреннее устройство фанзы ничем не отличалось от фанз прочих туземцев. На стене висел бубен с колотушкой, пояс с погремушками, шаманская юбка с рисунками и деревянная

масна, отороченная мехом медведя. Шаман одевает ее во время камлания для того, чтобы страшным видом запугать черта.

От старика Люрл я узнал, что в прибрежном районе Кусуи будет самой южной рекой, по которой можно перевалить на Бикин, а самой северной — река Един (мыс Гладкий). По этой последней можно выйти и на Бикин и на Хор, смотря по тому, по которому из двух верхних притоков итти к перевалу. Он также сообщил мне, что в прибрежном районе Зауссурийского края осень всегда длинная и рекостав наступает на месяц, а иногда и на полтора месяца позже, чем к западу от водораздела. Поэтому я решил итти по берегу моря до тех пор, пока не станут реки, и только тогда направиться к Сихотэ-Алиню.

На заводях Кусуна мы застали старого лодочника, маньчжура Хей-ба-тоу, что в переводе значит морской старшина. Это был опытный мореход, плавающий вдоль берегов Уссурийского края с малых лет. Отец его занимался морскими промыслами и с детства приучил сына к морю. Раньше он плавал у берегов Южно-Уссурийского края, но последние годы, под давлением русских, перекочевал на север.

Хей-ба-тоу хотел еще один раз сходить на реку Самаргу и вернуться обратно. Чжан-Бао уговорил его сопровождать нас вдоль берега моря. Решено было, что завтра удэхейцы доставят наши вещи к устью Кусуна и с вечера перегрузят их в лодку Хей-ба-тоу.

Когда мы вернулись назад, были уже глубокие сумерки. В фанзах засветились огоньки. В наш дом собрались почти все китайцы и удэхейцы. Было людно и тесно. Дерсу сообщил мне, что «все люди» собрались чествовать экспедицию за то, что мы отнеслись к ним дружелюбно. Китайцы принесли водку, свинину, муку, овощи и устроили ужин.

Я не дождался конца пирушки и рано лег спать. Ночью сквозь щели в дверях я видел свет и слышал людские голоса, но пьянства, ссор и ругани не было. Китайцы мирно разговаривали и рассуждали о грядущих событиях.

Утром на другой день я поднялся рано и тотчас же стал собираться в дорогу. Я по опыту знал, что если удэхейцев не торопить, то они долго не соберутся. Так и случилось. Удэхейцы сперва починяли обувь, потом исправляли лодки, и выступить нам удалось только около полудня.

На Кусуне нам пришлось расстаться с Чжан-Бао. Обстоятельства требовали его возвращения на реку Санхобе. Он не хотел взять с меня денег и обещал помочь, если на будущий год я снова приду в прибрежный район. Мы пожали друг другу руки и расстались друзьями.

Переправившись через Кусун, мы поднялись на террасу и пошли к морю. Эта часть побережья до самой реки Тахобе состоит из туфов и базальтовой лавы. Первые, под влиянием

пресной воды и лучей солнца, приняли весьма красивую пеструю окраску.

Утром был довольно сильный мороз (—10° С), но с восходом солнца температура стала повышаться и к часу дня достигла +3° С. Осень на берегу моря именно тем и отличается, что днем настолько тепло, что смело можно итти в одних рубашках, к вечеру приходится одевать фуфайки, а ночью — завертываться в меховые одеяла. Поэтому я распорядился всю теплую одежду отправить морем на лодке, а с собой мы несли только запас продовольствия и оружие. Хей-ба-тоу с лодкой должен был притти к устью реки Тахобе и там нас ожидать.

От реки Кусуна до реки Тахобе семь километров. На этом протяжении в море впадает несколько горных ручьев, которые удэхейцы называют: Догум, Тохонкси, Сюнды, Ампо и Дпенсу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

СОЛОНЫ

Река Тахобе. — Обиженная белка. — Обиталище черта. Грова со снегом. — Аегды. — Лакомство солона. — Снежный перевал. — Стойкость туземцев к холоду. — Река Кумуху. — Лоси. — Возвращение к морю.

Устье реки Тахобе находится между мысами Максимова и Олимпиады. Раньше оно было у левого края долины, но потом переместилось, вследствие чего образовался слепой рукав, впоследствии превратившийся в болото.

В низовьях долина Тахобе покрыта редколесьем из вяза, липы, дуба и черной березы. Места открытые, чистые и годные для поселений находятся немного выше, в двух километрах от моря.

Тут мы нашли маленькую фанзочку. Обитателей ее я принял сначала за удэхейцев и только вечером узнал, что это были солоны.

Наши новые знакомые по внешнему своему виду мало чем отличались от уссурийских туземцев. Они показались мне как будто немного ниже ростом и шире в костях. Кроме того, они более подвижны и более экспансивны. Говорили они по-китайски и затем на каком-то наречии, составляющем смесь солонского языка с гольдским. Одежда их тоже ничем не отличалась от удэхейской, разве только меньше было пестроты и орнаментов.

Вся семья солонов состояла из десяти человек: старика-отца, двух взрослых сыновей с женами и пятерых малых детей.

Как попали они сюда из Маньчжурии? Из расспросов выяснилось следующее. Раньше они жили на реке Сунгари, откуда ради охоты переселились на реку Нор, впадающую в Уссури. Когда там появились многочисленные шайки хунхузов, китайское правительство выслало против них свои войска. Семья солонов попала в положение между двух огней; с одной стороны на них нападали хунхузы, а с другой — правительственные войска, которые избивали всех без разбору. Тогда солоны бежали на Бикин, затем перекочевали через Сихотэ-Алинь и остались на берегу моря.

Следующие четыре дня были посвящены осмотру рек Тахобе и Кумуху. Сопровождать нас вызвался младший из солонов, Да-парл. Это был молодой человек крепкого телосложения, без усов и бороды. Он держал себя гордо и свысока посматривал на стрелков. Я невольно обратил внимание на легкость его походки, ловкость и изящество движений.

Дня через два мы выступили в поход.

Река Тахобе — длиною около 68 километров и имеет течение с запада на восток, с небольшим склонением к югу. По обе стороны ее на ширину до 200 метров тянутся полосы гальки, заваленной корчами и буреломом.

24-го числа мы дошли до реки Бали, а 25-го стали подходить к водоразделу. Горы утратили свои резкие очертания. Места их заняли невысокие сопки с пологими склонами.

В 1907 году в прибрежном районе был урожай кедровых орехов, но к западу от Сихотэ-Алиня их не было вовсе. Зато желудей много уродилось в бассейне Уссури, и, наоборот, в Зауссурийском крае дуб был пустоцветным.

Мы шли по левому берегу реки. Я, Дерсу и Да-парл впереди, а Захаров и Арнини шагах в пятнадцати сзади. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на задних лапках и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посматривала на людей. Солон тихонько подкрался к кедру, крикнул и изо всей силы ударил по стволу палкой. Белка испугалась, выронила свою добычу и забралась еще выше. Этого только и надо было солону. Он поднял шишку и, нимало не обращая внимания на обиженного зверька, пошел дальше. Белка прыгала с ветки на ветку и фырканьем выражала неудовольствие за грабеж среди бела дня. Мы от души смеялись. Дерсу способа этого не знал и в будущем для добычи орехов решил тоже применять солонские приемы.

— Тебе сердись не надо, — сказал он, обращаясь с утешениями к белке. — Наша внизу ходи, как орехи найди? Тебе туда смотри, так много орехов есть. — Он указал рукой на

большой кедр; белка словно поняла его и направилась в ту сторону.

Кстати, два слова о маньчжурской белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка его украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучком длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищею. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняк, то в кедровники или лиственные леса с подлесьем из орешника. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда пробежаться по дереву. Она, можно сказать, положительно не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. Чуть свет — белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

Лет двадцать тому назад беличья шкурка стоила 20 копеек. По мере спроса на ее мех цена на него возрастала и ныне доходит до 3 рублей за штуку.

Главными врагами белки являются куница, соболь и человек.

Весь день в воздухе стояла мгла; небо затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и наконец слились в одно матовое пятно. В лесу было тихо, а по вершинам деревьев уже разгуливал ветер.

Это, видимо, беспокоило Дерсу и солона. Они что-то говорили друг другу и часто поглядывали на небо.

— Плохо, — сказал я, — ветер начинает дуть с юга.

— Нет, — протянул Дерсу. — Его так ходи. — И он указал на северо-восток.

Мне показалось, что он ошибся, и я начал было возражать.

— Посмотри на птицу! — воскликнул Дерсу. — Видишь, она на ветер смотрит.

Действительно, на одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком или задом к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось и температура воздуха повысилась с + 2 до + 10° С. Это был тоже неблагоприятный признак. На всякий

случай мы прочно поставили палатки и натаскали побольше дров.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно.

Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мешкать нельзя было. Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке Тахобе. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы сделались темносиними и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

Надо было остановиться на бивак. Недалеко от реки, с правой стороны, высилась одинокая скала, похожая на развалины замка с башнями по углам. У подножья ее рос мелкий березняк. Место это мне показалось удобным, и я подал знак к остановке.

Стрелки принялись таскать дрова, а солон пошел в лес за сошками для палатки. Через минуту я увидел его бегущим назад. Отойдя от скалы шагов сто, он остановился и посмотрел наверх, потом отбежал еще немного и, возвратившись на бивак, что-то тревожно стал рассказывать Дерсу. Гольд тоже посмотрел на скалу, плюнул и бросил топор на землю.

После этого оба они пришли ко мне и стали просить, чтобы я переменил место бивака. На вопрос, какая тому причина, солон сказал, что, когда под утесом он стал рубить дерево, сверху в него чорт два раза бросил камнями. Дерсу и солон так убедительно просили меня уйти отсюда и на лицах у них написано было столько тревоги, что я уступил им и приказал перенести палатки вниз по реке метров на четыреста. Тут мы нашли место еще более удобное, чем первое.

Дружно все принялись за работу: натаскали дров и развели большие костры. Дерсу и солон долго трудились над устройством какой-то изгороди. Они рубили деревья, втыкали в землю и подпирали сошками. На изгородь они не пожалели даже своих одеял.

На задаваемые вопросы Дерсу объяснил мне, что изгородь эту они сделали для того, чтобы чорт со скал не мог видеть, что делается на биваке. Мне стало смешно, но я не высказывал этого, чтобы не обидеть старого приятеля.

Мои стрелки расположились рядом и мало думали о том, смотрит на них чорт с сопки или нет. Они больше интересовались ужином.

Вечером непогода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в 11 вечера вдруг густо повалил снег и вслед за тем что-то сверкнуло на небе.

— Молния! — воскликнули стрелки в один голос.

Не успел я им ответить, как послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышках молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешался еще какой-то сильный шум; произошел обвал. Надо было видеть, в какое волнение пришел солон! Он решил, что чорт сердится и ломает сопку.

Он развел еще один огонь и спрятался за изгородь. Я взглянул на Дерсу. Он был смущен, удивлен и даже испуган: чорт на скале, бросивший камнями, гроза со снегом и обвал в горах — все это перемешалось у него в голове и, казалось, имело связь друг с другом.

— Эндули[33] чорта гоняй! — сказал он довольным голосом и затем что-то неожиданно стал говорить солону.

Между тем гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем вперемежку со снегом.

Издали долго еще доносились глухие раскаты грома, от которых вздрагивали земля и воздух.

Напившись чаю, стрелки легли спать, а я долго еще сидел с Дерсу у огня и расспрашивал о чертях и о грозе со снегом. Он мне охотно отвечал.

— Гром — это Агды. Когда чорт долго держится в одном месте, то бог Эндули посылает грозу, и Агды гонит чорта. Значит, там, где разразилась гроза, был чорт. После ухода чорта (то-есть после грозы) кругом воцаряется спокойствие: животные, птицы, рыбы, травы и насекомые тоже понимают, что чорт ушел, и становятся жизнерадостными, веселыми...

О грозе со снегом он сказал, что раньше гром и молния были только летом, зимние же грозы принесли с собой русские. Эта гроза была третья, которую он помнил за всю свою жизнь.

За разговором незаметно прошло время.

Начинался рассвет... Из темноты стали выступать сопки, покрытые лесом, Чортова скала и кусты, склонившиеся над рекою. Все предвещало пасмурную погоду... Но вдруг неожи-

данно на востоке, позади гор, появилась багровая заря, окрасившая в пурпур хмурое небо. В этом золотисто-розовом сиянии отчетливо стал виден каждый куст и каждый сучок на дереве. Я смотрел, как очарованный, на светлую игру лучей восходящего солнца.

— Ну, старина, пора и нам соснуть часок, — обратился я к своему спутнику, но Дерсу уже спал, прислонившись к валежине, лежащей на земле около костра.

На другой день мы все проспали и встали очень поздно. По небу все еще ползли тучи, но они не имели уже такого страшного вида, как ночью.

Закусив немного и напившись чаю, мы прошли опять вверх по реке Тахобе, которая должна была привести нас к Сихотэ-Алиню. От места нашего бивака до главного хребта был еще один переход. По словам солона, перевал этот невысок.

По ту сторону его будет река Мыхе (приток Бикина); она течет вдоль Сихотэ-Алиня.

Я не пошел туда, а повернул вправо по ключику Ада, чтобы выйти в один из верхних притоков соседней реки Кумуху, намереваясь по ней спуститься к морю. В сумерки мы немного не дошли до водораздела и стали биваком в густом лесу.

Вечером солон убил белку. Он снял с нее шкуру, затем насадил ее на вертел и стал жарить, для чего палочку воткнул в землю около огня. Потом он взял беличий желудок и положил его на угли. Когда он зарумянился, солон с аппетитом стал есть его содержимое. Стрелки начали плеваться, но это мало смущало солона. Он сказал, что белка — животное чистое, что она ест только орехи да грибки, и предлагал отведать этого лакомого блюда. Все отказались...

В это время Аринин стал поправлять огонь и задел белку. Она упала. Стрелок поставил ее на прежнее место, но не так, как раньше, а головой книзу. Солон засуетился и быстро повернул ее головой кверху. При этом он сказал, что жарить белку можно только таким образом, иначе она обидится, и охотнику не будет удачи, а рыбу, наоборот, надо ставить к огню всегда головой вниз, а хвостом кверху.

28-го числа день был такой же пасмурный, как и накануне. Ручьи еще шумели в горах, но и они уже начали испытывать на себе заморозки. По воде всюду плыла шуга, появились забереги, кое-где стал образовываться донный лед.

Сразу от бивака начинался подъем. Чем выше мы взбирались в гору, тем больше было снега. На самом перевале он был глубиной по колено. Темнозеленый хвойный лес оделся в белый убор и от этого имел праздничный вид. Отяжелевшие от снега ветви елей пригнулись книзу и в таком напряжении находились до тех пор, пока случайно упавшая сверху веточка или еловая шишка не стряхивала пышные белые комья, обдавая проходящих мимо людей холодной снежной пылью.

Являлось полное впечатление зимы. В лесу царила удивительная тишина.

По барометрическим измерениям высота перевала над уровнем моря оказалась равной 880 метрам.

Солон торопил. Он говорил, что скоро должен подуть северо-западный ветер и будет беда, если здесь нас застанет непогода.

Пурга в горах — обычное явление, если вслед за свежевыпавшим снегом подымается ветер. Признаки этого ветра уже налицо: тучи быстро бежали к востоку: они стали тоньше, прозрачнее, и уже можно было указать место, где находится солнце.

Я послушался совета солона и пошел скорее.

Спуск с перевала к реке Кумуху был такой же крутой, как и подъем со стороны Тахобе.

Лес, покрывающий северный склон водораздела между бассейнами обеих упомянутых рек, — хвойно-смешанный, угрюмый, заваленный колодником.

Предсказания солона сбылись. Когда мы были внизу, в горах послышался шум, который постепенно усиливался и спускался в долину. Я оглянулся назад: снежные сопки курились — начиналась пурга.

Маленький ключик привел нас к каменистой, заваленной колодником, речке Цаони, впадающей в Кумуху с правой стороны. После полуденного привала мы выбрались из бурелома и к вечеру достигли реки Кумуху, которая здесь шириной немного превосходит Цаони и мало отличается от нее по характеру. Ширина ее в верховьях не более четырех-пяти метров. Если отсюда итти по ней вверх, к Сихотэ-Алиню, то перевал опять будет на реке Мыхе, но уже в самые ее истоки. От устья реки Цаони до Сихотэ-Алиня туземцы считают один день пути.

Бивак мы устроили, как всегда, на берегу реки.

К вечеру небо очистилось от туч, и ночь обещала быть холодной. Я попадеялся на одеяло и лег в стороне от огня, уступив свое место солону, у которого одежонка была очень плохая. Часа в три утра я проснулся от того, что озяб. Как ни старался я укрыться плотнее, ничего не помогало: холодный воздух находил себе лазейку и сквозил то в плечо, то в ноги. Пришлось встать.

Кругом было темно; огонь наш погас. Я собрал тлеющие головешки и стал их раздувать. Через минуту вспыхнуло пламя, и кругом все стало видно: Захаров и Арпини лежали под защитой палатки, а Дерсу спал сидя, одетый.

Собирая дрова, я увидел совсем в стороне, далеко от костра, спавшего солона. Ни одеяла, ни теплой одежды у него не было. Он лежал на ельнике, покрывшись только одним своим матерчатым кафтаном. Опасаясь, как бы он не простудился, я стал трясти его за плечо, но солон спал так крепко, что я насилу

его добудился. Да-нарл поднялся, почесал голову, зевнул, затем лег опять на прежнее место и громко захрапел.

Удэхейцы с удивительной стойкостью переносят холод. К этому они привыкают с детства, с того момента, как первый раз вдохнут в себя воздух.

Я погрелся немного у огня, затем залез к стрелкам в палатку и тогда хорошо заснул.

На другое утро мы все поднялись очень рано. Взятые с собою запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной белки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего чаю.

Когда мы выступили в путь, солнышко только что всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Река Кумуху (по-удэхейски Кумму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алинь, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады (46°12,5′ с. ш. и 138°20,0′ в. д. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны — реки Яаса-1-я, Яаса-2-я, Усмага, Тапку, Ного, Тагды, Хандями, Дьонго, а с правой — кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще — Лиго, Цаолосо, Бутыче и Амукта. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная Тагды. С последней будет перевал на реку Свани, впадающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэхейцы в лодках подымаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумухе возможно только по льду реки на нартах. В средней части ее, в особенности с левой стороны, между реками Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса по хребтам и сохранились только в долинах.

Река Кумуху интересна еще и в том отношении, что здесь происходят как раз стыки двух флор — маньчжурской и охотской. Проводниками первой служат долины, второй — горные хребты. Создается впечатление, будто одна флора клином входит в другую. Теперь, когда листва опала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты темно-зелеными.

Здесь среди кустарниковой растительности еще можно видеть кое-каких представителей маньчжурской флоры, например: 1) лещину, у которой обертка орехов вытянута в длинную трубку и густо усажена колючими волосками; 2) красноветвистый шиповник, с сильно удлиненными плодиками, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; 3) калину, дающую в изобилии сочные светлокрасные плоды; 4) из касатиковых — вьющуюся диоскорею, мужские и женские

экземпляры, которой разнятся между собою; 5) актинидию, образующую густые заросли по подлесью, и 6) лимонник, с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца.

В среднем течении Кумуху имеет метров 20 ширины и около одного метра глубины по фарватеру. Средняя быстрота течения равна 8 километрам в час, в малую воду. По словам туземцев, недалеко от моря есть выходы углей на дневную поверхность.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки Тагды. До моря оставалось еще километров двадцать.

Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь. В сущности, дойдя до моря, мы ничего не выигрывали. От устья Кумуху мы опять пойдем по какой-нибудь реке в горы; так же будем устраивать биваки, ставить палатки и таскать дрова на ночь; но все же в конце намеченного маршрута всегда есть что-то особенно привлекательное. Поэтому все рано легли спать, чтобы пораньше встать.

На другой день, чуть только заалел восток, все поднялись, как по команде, и стали собираться в дорогу. Я взял полотенце и пошел к реке мыться.

Природа находилась еще в том состоянии покоя, когда все дремлет и наслаждается предрассветным отдыхом. От реки подымались холодные испарения; на землю пала обильная роса... Но вот слабый утренний ветерок пробежал по лесу. Туман тотчас пришел в движение, и показался противоположный берег. На биваке стало тихо — люди начали подкреплять себя пищей. Вдруг до слуха моего донеслось бренчание гальки: кто-то шел по камням. Я оглянулся и увидел две тени: одну высокую, другую пониже. Это были лоси — самка и годовалый телок. Они подошли к реке и начали жадно пить воду. Самка мотнула головой и стала зубами чесать свой бок. Я любовался животными и боялся, чтобы их не заметили стрелки. Вдруг самка почуяла опасность и, насторожив свои большие уши, внимательно стала смотреть в нашу сторону. Вода капала у нее с губ, и от этого расходились круги по спокойной поверхности реки. Лосиха встрепенулась, издала хриплый крик и бросилась к лесу. В это мгновение потянул ветерок, и снова противоположный берег утонул в тумане. Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался.

Наконец взошло солнце. Клубы тумана приняли оранжевые оттенки. Сквозь них стали вырисовываться кусты, деревья, горы...

Через полчаса мы шли по тропинке и весело болтали между собою.

На поляне, ближайшей к морю, поселился старовер Долганов, занимающийся эксплоатацией туземцев, живущих на

соседних с ним реках. Мне не хотелось останавливаться у человека, который устраивал свое благополучие за счет бедняков; поэтому мы прошли прямо к морю и около устья реки нашли Хей-ба-тоу с лодкой. Он прибыл на Кумуху в тот же день, как вышел из Кусуна, и ждал нас здесь около недели.

Вечером стрелки разложили большие костры. У них было веселое настроение, точно они возвратились домой. Люди так привыкли к походной жизни, что совершенно не замечали ее тяготы.

Одни сутки мы простояли на месте. Нужно было отдохнуть, собраться с силами и привести в порядок свои вещи. Наконец наступило 1 ноября — первый день зимнего месяца. Утром был мороз до 10° С при сильном ветре.

В каком бы направлении ветер ни дул — с материка в море или, наоборот, с моря на материк, — движение его всегда происходит по долинам. В тех случаях, если последние имеют северо-западное направление, ветер дует с такой силой, что опрокидывает на землю деревья и снимает с домов крыши. Обыкновенно с восходом солнца ветер стихает, а часа в четыре дня начинает дуть снова.

От реки Тахобе до Кумуху есть пешеходная тропа. Она проложена горами и проходит недалеко от моря. Расстояние это измеряется в 16 километров. В топографическом и геологическом отношении вся местность между двумя упомянутыми реками представляет обширный лавовый покров. Теперь это невысокие холмы, изрезанные большими оврагами. Когда-то тут был хороший лес. Ныне от него остались только пни и редкие сухостои. По оврагам, о которых я упомянул, в море текут ручьи: Цалла, Анкуга, Лолобинга, Тахалун, Калама и Кумолун.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

СЕРДЦЕ ЗАУССУРИЙСКОГО КРАЯ

Мелкие речки на берегу моря. — Сухая мгла и взукопроницаемость воздуха. — Обоняние охотника. — Беспокойство и сомнения. — Перевал на реку Нахтоху. — Следы человека. — Удэхец Янсели. — Притоки реки. — Удэхец Монгули. — Китаец, укравший соболя. — Туземное население. — Кладбище. — Тревожная весть. — Исчезновение Хей-ба-тоу. — Безвыходное положение.

На реке Кузнецова мы распрощались с солоном. Он возвратился к себе на реку Тахобе, а мы пошли дальше на север. Хей-ба-тоу было приказано следовать вдоль берега моря и дожидаться нас в устье реки Холонку.

От выпавшего снега не осталось и следа, несмотря на то, что температура все время стояла довольно низкая. На земле нигде не видно было следов оттепели, а между тем снег куда-то исчез. Это происходит от чрезвычайной сухости зимних северо-западных ветров, которые поглощают всю влагу и делают климат Зауссурийского края в это время года похожим на континентальный.

Здешняя растительность такая же чахлая, как и везде на побережье моря. Заметным становится преобладание хвойных пород; на сцену все больше и больше выступает лиственница, а дубняки отходят на задний план.

Тропа, которая до сего времени вела нас вдоль берега моря, кончилась около реки Кумуху. От мыса Олимпиады

до реки Самарги, на протяжении 150 по прямой линии и 230 километров в действительности, берег горист и совершенно пустынен. На подобие густой корковой щетки, хвойный замшистый лес одевает все горы и доходит вплотную до берега моря. Эта часть пути считается очень трудной. Сюда избегают заходить даже удэхейцы. Расстояние, которое по морю на лодке можно проехать в полдня, пешком по берегу едва ли удастся пройти и в четверо суток.

За день мы прошли немного и стали биваком около реки Бабкова. Здесь можно видеть хорошо выраженные береговые террасы. Они высотою около 12 метров. Река в них промыла узкое ложе, похожее на каньон. По широкому заболоченному плато кое-где растут в одиночку белая береза, лиственница и поросль дуба.

Лодка Хей-ба-тоу могла останавливаться только в устьях таких рек, которые не имели бара и где была хоть небольшая заводь. Река Бабкова достоинствами этими не отличалась, и потому Хей-ба-тоу прошел ее мимо, с намерением остановиться около мыса Сосунова.

С утра погода была удивительно тихая. Весь день в воздухе стояла сухая мгла, которая после полудня начала быстро сгущаться. Солнце из белого стало желтым, потом оранжевым и наконец красным; в таком виде оно и скрылось за горизонтом. Я заметил, что сумерки были короткие: как-то скоро спустилась ночная тьма. Море совершенно успокоилось, нигде не было слышно ни единого всплеска. Казалось, будто оно погрузилось в сон. Часов в 10 вечера взошла луна. Она была очень больших размеров, имела страшный вид и даже в полночь не утратила того красного цвета, который свойствен ей во время низкого стояния над горизонтом. Утесы на берегу моря, лес в горах и одиноко стоящие кусты и деревья казались как бы другими — не такими, как всегда. В полночь мгла сгустилась до того, что ее можно было видеть в непосредственной от себя близости, и это не был дым, потому что гарью не пахло. Вместе с тем воздух приобрел удивительную звукопроницаемость: обыкновенный голос на дальнем расстоянии слышался как громкий и крикливый; шорох мыши в траве казался таким шумом, что невольно заставлял вздрагивать и оборачиваться. Казалось, будто мы перенеслись в другой мир, освещенный не луною, а каким-то неведомым тусклым светилом. Вслед за тем воздух наполнился какими-то звуками, похожими на раскаты грома, глухие взрывы или отдаленную пушечную пальбу залпами. Звуки эти неслись откуда-то со стороны моря. Может быть, единственный раз в жизни мы слышали подземный гул.

Явление это навеяло на всех людей страх; Дерсу говорил, что во всю свою жизнь, он никогда ничего подобного не слышал.

Я счел необходимым адресоваться к инструментам: барометр показывал 759, температура воздуха — 3° С, анемометр — полный штиль. Это интересное явление продолжалось до рассвета. Когда мгла исчезла, снова подул холодный северо-западный ветер.

От реки Бабкова берег делает небольшой изгиб. Чтобы сократить путь, мы поднялись по одному из притоков реки Каменной, перевалили через горный кряж, который здесь достигает высоты 430 метров, и вышли на реку Холонку, невдалеке от ее устья, где застали Хей-ба-тоу с лодкой. За штиль ночью ветер, казалось, хотел наверстать потерянное и дул теперь особенно сильно; анемометр показывал 215.

Остальную часть дня я употребил на осмотр нижней долины Холонку. Здесь мы опять видим лагуну, длиною в пять и шириной в один километр. Она отделена от моря двухъярусным валом. Около устья река Холонку непомерно широка и глубока — это наиболее глубокое место бывшей лагуны. Длина обоих валов около 500 метров: один вал сложен из крупных окатанных валунов, обросших лишайниками, что доказывает, что камни эти давно уже находятся в состоянии покоя. Вал, ближайший к морю, меньше размерами и, видимо, только недавно наметан морским прибоем. Ныне на месте лагуны образовалось мшистое болото, поросшее голубикой, багульником и морошкой.

Вечером я сделал распоряжение: на следующий день Хей-ба-тоу с лодкой должен был перейти на реку Хатоху и там опять ждать нас, а мы пойдем вверх по реке Холонку до Сихотэ-Алиня и затем по реке Нахтоху спустимся обратно к морю.

Я распорядился, чтобы с вечера люди забрали все, что им надо, так как завтра Хей-ба-тоу хотел уйти на рассвете.

На другой день, 3 ноября, я проснулся раньше других, оделся и вышел из палатки.

Картина, которую я увидел, была необычайно красива. На востоке пылала заря. Освещенное лучами восходящего солнца море лежало неподвижно, словно расплавленный металл. От реки подымался легкий туман. Испуганная моими шагами стая уток с шумом снялась с воды и с криком полетела куда-то в сторону за болото.

Когда солнце поднялось над горизонтом, я увидел далеко в море парус Хей-ба-тоу.

Я согрел чай и разбудил своих спутников.

Закусив поплотнее, мы собрали свои котомки и тоже отправились в путь по намеченному маршруту.

Река Холонку (по-удэхейски Халланку) называется на картах рекой Светлой. Длиною она около 90 километров, течет в широтном направлении и начало имеет в горах Сихотэ-Алиня. Если итти вверх по реке, то в нижней половине ее в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки. С пра-

вой стороны — Хунды и Дя. Первая немного больше второй. Лососевые рыбы поднимаются только до реки Дя, но главная масса их сворачивает на Хунды. С левой стороны Холонку принимает в себя только один приток — Тальмакси, по которому можно выйти на реку Пия, впадающую в море на 20 километров выше мыса Плитняк. В долине реки Холонку раньше были хорошие леса, но теперь они все уничтожены пожарами. Лес сохранился одинокими островками только в верхнем течении.

В этот день мы вышли сравнительно поздно, потому и прошли немного. С первых же шагов Дерсу определил, что река Холонку — не жилая, что туземцы заглядывают сюда редко и что года два назад здесь соболевали корейцы.

Перед сумерками Дерсу ходил на охоту. Назад он вернулся с пустыми руками. Повесив ружье на сучок дерева, он сел к огню и заявил, что нашел что-то в лесу, но забыл, как этот предмет называется по-русски.

Так как он долго не мог найти его, то я стал задавать ему наводящие вопросы. Вдруг Дерсу спохватился.

— Дуба сынка! — воскликнул он простодушно и вслед за тем подал мне обыкновенный жолудь.

Потом он сообщил мне, что нашел его на сопке с левой стороны реки, хотя вблизи самого дерева нигде не было видно. Очевидно, этот жолудь занесла сюда какая-нибудь птица или мелкое животное вроде белки или бурундука.

С каждым днем становилось все холоднее и холоднее. Средняя суточная температура понизилась до 6,3° С, и дни заметно сократились. На ночь для защиты от ветра нужно было забираться в самую чащу леса. Для того чтобы заготовить дрова, приходилось рано становиться на биваки. Поэтому за день удавалось пройти мало, и на маршрут, который летом можно было сделать в сутки, теперь приходилось тратить времени вдвое больше.

Утром 4 ноября мы все проснулись от холода. Термометр показывал —11° С при сильном ветре.

Погревшись у огня мы напились горячего чаю и тронулись в путь.

Все время, начиная от самого моря, по сторонам, в горах, тянулись сплошные гари.

Впереди и слева от нас высилась Плоская гора, высотою в 600 метров, которую местные жители называют Кямо. С горного хребта, в состав которого она входит, берут начало три притока Холонку: реки Пуйму, Сололи и Дагды — единственное место в бассейне Холонку, где еще встречаются изюбры и кабаны. Подъем на лодке возможен только до реки Сололи.

Около устья реки Пуйму мы нашли развалившуюся корейскую зверовую фанзу и около нее старую досчатую лодку. Это показало, что наблюдения Дерсу были правильны.

Выбрав место для ночевки, я приказал Захарову и Арпину ставить палатку, а сам с Дерсу пошел на охоту. Здесь по обеим берегам реки кое-где узкой полосой еще сохранился живой лес, состоящий из осины, ольхи, кедра, пихтача, березы, клена и лиственницы. Мы шли и тихонько разговаривали, он — впереди, а я — несколько сзади. Вдруг Дерсу сделал мне знак, чтобы я остановился. Я думал сначала, что он прислушивается, но скоро увидел другое: он подымался на носки, наклонялся в стороны и усиленно нюхал воздух.

— Пахнет, — сказал он шопотом, — люди есть.

— Какие люди?

— Кабаны, — отвечал гольд. — Моя запах найди есть.

Как я ни нюхал воздух, но никакого запаха не ощущал. Дерсу осторожно двинулся вправо и вперед. Он часто останавливался и принюхивался. Так прошли мы шагов полтораста. Вдруг что-то шарахнулось в сторону. Это была дикая свинья и с ней полугодовалый поросенок. Еще несколько кабанов бросилось врассыпную. Я выстрелил и уложил поросенка.

На обратном пути я спросил Дерсу, почему он не стрелял в диких свиней. Гольд ответил, что не видел их, а только слышал шум в чаще, когда они побежали. Дерсу был недоволен: он ругался вслух и потом вдруг снял шапку и стал бить себя кулаком по голове. Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами. Тогда я не знал, что это маленькое происшествие было повесткой к трагическим событиям, разыгравшимся впоследствии.

Поросенок весил около 24 килограммов и был как нельзя более кстати. Вечером мы лакомились свежей дичью; все были веселы, шутили и смеялись. Один Дерсу был не в духе. Он все хмыкал и вслух спрашивал себя, как это он не видел кабанов.

После ужина стрелки разделились на смены и стали сушить мясо на огне, а я занялся путевым дневником.

5 ноября, утром, был опять мороз (—14° С); барометр стоял высоко (757). Небо было чистое; взошедшее солнце не давало тепла, зато давало много света. Холод всех подбадривал, всем придавал энергии. Раза два нам пришлось переходить с одного берега реки на другой. В этих местах Холонку шириною около 6 метров; русло ее загромождено валежником.

Сегодня мы прошли еще два притока, впадающих в реку с левой стороны: Монинги-1-ю, Монинги-2-ю и Тигдамугу. Они также берут начало с горы Кямо. По долинам рек Монинги держатся лоси; свежие следы их попадались часто, но так как мы были вполне обеспечены продовольствием, то не задерживались здесь и прошли мимо. От реки Тигдамугу до реки Олосу (верхний левый приток Холонку) один день ходу. По самой реке Холонку и по Олосу можно в один день дойти до водораздела. Эта часть Сихотэ-Алиня с восточной стороны голая, а с западной покрыта хвойным лесом.

Шли мы теперь без проводника, по приметам, которые нам сообщил солон. Горы и речки так походили друг на друга, что можно было легко сбиться и пойти не по той дороге. Это больше всего меня беспокоило. Дерсу, наоборот, относился ко всему равнодушно. Он так привык к лесу, что другой обстановки, видимо, не мог себе представить. Для него было совершенно безразлично, где ночевать — тут или в ином месте...

Согласно указаниям, данным солоном, после реки Тигдамугу мы отсчитали второй безыменный ключик и около него стали биваком. По этому ключику нам следовало итти к перевалу на реку Нахтоху.

Ночью я плохо спал. Почему-то все время меня беспокоила одна и та же мысль: правильно ли мы идем? А вдруг мы пошли не по тому ключику и заблудились! Я долго ворочался с боку на бок, наконец поднялся и подошел к огню. У костра, сидя, спал Дерсу. Около него лежали две собаки. Одна из них что-то видела во сне и тихонько лаяла. Дерсу тоже о чем-то бредил. Услышав мои шаги, он спросонья громко спросил: «Какой люди ходи?» — и тотчас снова погрузился в сон.

Над землей, погруженной в ночную тьму, раскинулся темный небесный свод с миллионами звезд, переливавшихся цветами радуги. Широкой полосой, от края до края, протянулся Млечный путь. По ту сторону реки стеной стоял молчаливый лес. Кругом было тихо, очень тихо...

С полчаса посидел я у огня. Беспокойство мое исчезло. Я пошел в палатку, завернулся в одеяло, уснул, а утром проснулся лишь тогда, когда все уже собрались в дорогу. Солнце только что поднялось из-за горизонта и посылало лучи свои к вершине гор.

Сразу с бивака начался подъем. С первого же перевала мы увидели долину реки Пия; за ней высился другой горный хребет с гольцами, потом третий, покрытый снегом. За ними, вероятно, должна быть река Нахтоху.

По пути нам встречалось много мелких речек, должно быть притоки реки Пия. Плохо, когда идешь без проводника: все равно как слепой. К вечеру мы дошли до какой-то реки, а на другой день к двум часам пополудни достигли третьего перевала.

Подъем у него был продолжительный, но не крутой. Внизу, у подножья хребта, растет смешанный лес, который по мере приближения к гребню становится жидким и сорным. Лиственные породы скоро уступили место хвойным, и на смену кустарнику и травяному подлесью явились мхи и багульник.

Чем выше мы поднимались, тем больше было снегу. Увидя вверху просвет, я обрадовался, думая, что вершина недалеко, но радость оказалась преждевременной: то были кедровые стланцы. Хорошо, что они не занимали большого пространства. Пробравшись сквозь них, мы вступили на гольцы,

лишенные всякой растительности. Я посмотрел на барометр — стрелка показывала 760 метров.

Отсюда, сверху открывался великолепный вид во все стороны. На северо-западе виднелся низкий и болотистый перевал с реки Нахтоху на Бикин. В другую сторону, насколько хватал глаз, тянулись какие-то другие горы. Словно гигантские волны с белыми гребнями, они шли куда-то на север и пропадали в туманной мгле. На северо-востоке виднелась Нахтоху, а вдали на юге — синее море.

Холодный, пронзительный ветер не позволял нам долго любоваться красивой картиной и принуждал к спуску в долину. С каждым шагом снегу становилось все меньше и меньше. Теперь мы шли по мерзлому мху. Он хрустел под ногами и оставался примятым к земле.

Я шел впереди, а Дерсу сзади. Вдруг он бегом обогнал меня и стал внимательно смотреть на землю. Тут только я заметил человеческие следы; они направлялись в ту же сторону, куда шли и мы.

— Кто здесь шел? — спросил я гольда.

— Маленькая нога; такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету, — отвечал он и затем прибавил: — Это унта [34], носок кверху. Люди совсем недавно ходи. Моя думай наша скоро его догоняй.

Другие признаки, совершенно незаметные для нас, открыли ему, что этот человек был удэхеец, что он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек. Из того, что он шел напрямик по лесу, игнорируя заросли и придерживаясь открытых мест, Дерсу заключил, что удэхеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему бивану. Посоветовавшись, мы решили итти по его следам, тем более, что они шли в желательном для нас направлении.

Лес кончился, и опять потянулась сплошная гарь. Так прошли мы с час. Вдруг Дерсу остановился и сказал, что пахнет дымом. Действительно, минут через десять мы спустились к реке и тут увидели балаган и около него костер. Когда мы были от балагана шагах в ста, из него выскочил человек с ружьем в руках. Это был удэхеец Янсели с реки Нахтоху. Он только что пришел с охоты и готовил себе обед. Котомка его лежала на земле, и к ней были прислонены палка, ружье и топор.

Меня заинтересовало, как Дерсу узнал, что у Янсели должна быть сетка на соболя. Он ответил, что по дороге видел срезанный рябиновый прутик и рядом с ним сломанное кольцо от сетки, брошенное на землю. Ясно, что прутик понадобился для нового кольца. И Дерсу обратился к удэхейцу с вопросом, есть ли у него соболиная сетка. Последний молча развязал котомку и подал то, что у него спросили. Действительно, в сетке одно из средних колец было новое.

От Янсели мы узнали, что находимся на реке Дагды, текущей к Нахтоху. Не без труда удалось нам уговорить его быть нашим проводником. Главной приманкой для него послужили не деньги, а берданковские патроны, которые я обещал дать ему на берегу моря.

По дороге я стал расспрашивать его о тех местах, которые мы проходили.

Река Нахтоху (по-удэхейски Накту или Нактана), названная топографами рекой Лебедева, такой же величины, как и река Холонку, и также имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, который называется здесь Кунка-Киамани. В верхней половине своего течения она состоит из двух рек: Нунгини и Дагды. Обе они сливаются на половине пути между морем и Сихотэ-Алинем. С правой стороны в Нахтоху впадают две реки: Амукты и Хагдыги.

Пространство между Дагды и Нангуни заполнено высокими скалистыми сопками, из которых особенно выделяются вершины Ада и Тыонгони. Река Дагды принимает в себя справа еще две реки: Малу-Сагды, Малу-Наиса и два ключа: Эйфу и Адани, текущие с горы того же имени, а слева — несколько маленьких речек: Джеиджа, Ада 1-я, Ада 2-я и Тыонгони. От устья Дагды в три дня можно дойти до Сихотэ-Алиня.

Вся местность с правой стороны реки Дагды до реки Локтоляги обезлесена пожарами. В горах с левой стороны растут исключительно хвойные леса; внизу, по долине, участки гари чередуются с участками смешанного леса, тоже со значительной примесью хвои.

В начале ноября было особенно холодно. На реке появились забереги, и это значительно облегчило наше путешествие. Все притоки замерзли. Мы пользовались ими для сокращения пути и к вечеру дошли до того места, где Дагды сливается с Нунгини. Отсюда, собственно, и начинается река Нахтоху.

Последние два дня дул сильный северо-западный ветер. Он ломал сучья деревьев и носил их по воздуху, как пылинки. К вечеру 6 ноября ветер вдруг сразу стих. Мы так привыкли к его шуму, что неожиданно наступившая тишина показалась нам даже подозрительной.

В одной из ям в реке Янсели нашел мальму, заменяющую в Зауссурийском крае форель. Рыба эта составила нам превосходный ужин, после которого мы, напившись чаю, рано легли спать, предоставив охрану бивака собакам.

Во вторую половину ночи все небо покрылось тучами. От Дерсу я научился распознавать погоду и приблизительно мог сказать, что предвещают тучи в это время года: тонкие слоистые облака во время штиля, если они лежат полосами на небе, указывают на ветер, и чем дольше стоит такая тишь, тем ветер будет сильнее.

Утром мы плотно закусили, чтобы не останавливаться днем, и часов в девять выступили в поход.

После слияния рек Нунгини и Дагды Нахтоху становится извилистой, но, имея опытного провожатого, мы пересекли «кривуны» напрямик, где можно было, и довольно быстро продвигались вперед.

На этом участке в Нахтоху впадают следующие реки: с левой стороны — Бия и Локтоляги, с перевалами на одну из прибрежных рек — Эхе. Из выдающихся горных вершин тут можно подыматься только до реки Малу-Сагды. На подъем против воды нужно четверо суток, а на сплав по течению один день. Затем он сказал, что по реке Нахтоху идет кета, морская мальма и горбуша. Главная масса кеты направляется по реке Локтоляги, мальма подымается до порогов реки Дагды, а горбуша — до реки Нунгини.

После полудня Янсели вывел нас на тропинку, которая шла вдоль реки, по соболиным ловушкам.

Я спросил нашего провожатого, кто здесь ловит соболей. Он ответил, что место это издавна принадлежит удэхейцу Монгули и, вероятно, мы вскоре встретим его самого. Действительно, не прошли мы и двух километров, как увидели какого-то человека; он стоял около одной из ловушек и что-то внимательно в ней рассматривал. Увидев людей, идущих со стороны Сихотэ-Алиня, он сначала было испугался и хотел бежать, но, когда увидел Янсели, сразу успокоился. Как всегда бывает в таких случаях, все разом остановились. Стрелки стали закуривать, а Дерсу и удэхейцы принялись о чем-то горячо говорить между собою.

— Что случилось? — спросил я Дерсу.

— Манза соболя украл, — отвечал он.

По словам Монгули, китаец, проходивший по тропе дня два тому назад, вынул из ловушки соболя и наладил ее снова. Я высказал предположение, что, может быть, ловушка пустовала. Тогда Монгули указал на кровь — ясное доказательство, что ловушка действовала.

— Может быть, в ловушку попал не соболь, а белка? — спросил я опять.

— Нет, — отвечал Монгули. — Когда бревном придавило соболя, он грыз прикольшики, оставив на них следы зубов.

Тогда я спросил его, почему он думает, что вор был именно китаец. Удэхеец ответил, что человек, укравший соболя, был одет в китайскую обувь и в задке левой ноги у него нехватает одного гвоздя[35].

Доводы эти были вполне убедительны.

Отдохнув немного, мы отправились дальше и часов в пять дошли до устья реки Ходо.

Вечером, у огня, я имел возможность хорошо рассмотреть своих новых знакомых. Нахтохуские удэхейцы невысокого роста,

сухощавы, имеют овальное лицо с выдающимися скулами, вогнутый нос, карие, широко расставленные глаза с небольшою монгольскою складкою век, довольно большой рот, неровные зубы и маленькие руки и ноги.

— Точно детские! — говорили мои спутники, рассматривая их обувь, сшитую из выделанной лосиной кожи в виде олочи, с загнутыми кверху носками.

Цвет кожи удэхейцев можно было назвать оливковым, со слабым оттенком желтизны. Летом они так сильно загорают, что становятся похожими на краснокожих. Впечатление это еще более усугубляется пестротою их костюмов. Длинные, прямые, черные, как смоль, волосы, заплетенные в две короткие косы, были сложены вдвое и туго перетянуты красными шнурами. Косы носятся на груди, около плеч. Чтобы они не мешали, когда человек нагибается, сзади, ниже затылка, они соединены перемычкой, украшенной бисером и ракушками.

Одежда нахтохусских удэхейцев состоит главным образом из трех кафтанов: двух нижних, матерчатых, и одного верхнего, сшитого из тонкой изюбровой кожи, выделанной под замшу. Рубашки застегиваются у правого плеча и сбоку, как поддевки, и одеваются с напуском вокруг талии. Рукава около кистей стягиваются особыми нарукавниками. Затем принадлежностями костюма являются короткие штаны и наколенники, привязываемые ремешками к поясу. Головной убор состоит из белого капюшона, спускающегося на спину и плечи, и маленькой шапочки, на которой в стоячем положении прикреплен беличий хвост и несколько красных шнурков с кисточками.

Весь костюм от головы до ступней ног, спереди и сзади, обшит цветными полосами и обильно украшен красными орнаментами, изображающими спиральные круги, стилизованных рыб, птиц и животных.

Удэхейцы — большие любители металлических украшений, в особенности браслетов и колец. Некоторые старики еще носят в ушах серьги; ныне обычай этот выходит из употребления. Каждый мужчина и даже мальчики носят у пояса два ножа: один обыкновенный охотничий, а другой — маленький кривой, которым владеют очень искусно и который заменяет им шило, струг, буравчик, долото и все прочие инструменты.

Проговорили мы почти до полуночи. Пора было итти на покой. Удэхейцы взялись окарауливать бивак, а я пристроился около Дерсу, лег спиной к огню и скоро уснул.

На другой день с бивака мы снялись рано и пошли по тропе, проложенной у самого берега реки. На этом пути Нахтоху принимает в себя с правой стороны два притока: Хулеми и Гоббиляги, а с левой — одну только маленькую речку Ходо. Нижняя часть долины Нахтоху густо поросла даурской березой и монгольским дубом. Начиная от Локтоляги, она постепенно склоняется к югу и только около Хулеми опять поворачивает на восток.

От Ходэ долина сразу начинает расширяться. По сторонам, в горах, произрастают хвойные леса, а внизу, в долине — смешанные, с преобладанием тополя и каменной березы. Кроме этих пород, мы встречаем здесь мелколистный клен с серой корой и густой кроной, ильм, красивое, стройное дерево с светлосерой корой, и тис — оригинальное хвойное дерево с красными ягодами. Затем идут такие породы, которые не знаешь куда и причислить: к кустарникам или деревьям, например, бересклет широколистный, дающий длиннокрылые плоды, и кустарниковая ольха с блестящей темной корою. Особенно часто на Нахтоху встречаются таволга бузинолистная и жимолость, дающая черные, с сизым налетом, кислые ягоды.

Последние дни были холодные и ветреные. Анемометр показывал 225. Забереги на реке во многих местах соединились и образовали природные мосты. По ним можно было свободно переходить с одной стороны реки на другую.

Километрах в десяти от реки Гоббипяги кончается лес и начинаются открытые места. На последней поляне мы нашли три удэхейские фанзы. Здешние удэхейцы обзавелись китайскими постройками весьма недавно. Несколько лет тому назад они жили еще в юртах. Около каждого домика были небольшие огороды, возделываемые наемным трудом китайцев. Последние являются среди удэхейцев половинщиками в пушных промыслах. Из расспросов выяснилось, что река Нахтоху являлась последним северным пунктом, до которого с юга китайцы распространили свое влияние. Здесь было их только пять человек: четыре постоянных обитателя и один пришлый, с реки Кусуна.

Провожавшие нас удэхейцы бросились к нему и стали осматривать его обувь; в ней нехватало одного гвоздя. Они развязали его котомки, вынули из нее соболя и сообщили все подробности, при которых он совершил кражу. Китаец, полагая, что за ним подсматривали из кустов, сознался.

Удэхейцы удалились, довольные тем, что нашли свою добычу. Но не так отнеслись к этому остальные китайцы. Они пошептались между собою и затем объявили провинившемуся, что он опозорил их всех и потому должен оставить реку Нахтоху навсегда и уйти в другое место. Виновный, стоя с непокрытой головой, выслушал свой приговор и обещал на другой же день уйти из долины, чтобы никогда в нее более не возвращаться.

От туземного поселка до моря не более восьми километров. Недалеко от последней фанзы тропа разделилась надвое. Арпин пошел влево, а мы — прямо к берегу реки. Скоро он возвратился назад и сообщил, что среди тальников в маленькой лодочке лежит «морской бог». Я велел ему принести бурхана к себе, но затем раздумал и пошел туда сам. «Морской бог» в лодке оказался мертвым младенцем в гробу. Трупик засох и превратился в мумию. Рядом с ним оказалось целое кладбище. Одни гробы стояли на коротких сваях под крышей, дру-

гие были засунуты между стволами тальников. Расколотые лодки, поломанные нарты, разорванные рыболовные сети, весла и остроги были брошены тут же около могил.

Я хотел было вскрыть один из гробов, но в это время в стороне услышал голоса и пошел к ним навстречу. Через минуту из кустов вышли два удэхейца, только что прибывшие с реки Едина.

Они сообщили нам крайне неприятную новость: 4 ноября наша лодка вышла с реки Холонку, и с той поры о ней ни слуху, ни духу. Я вспомнил, что в этот день дул особенно сильный ветер. Пугуй (так называли одного из наших новых знакомых) видел, как какая-то лодка в море боролась с ветром, который относил ее от берега все дальше и дальше; но он не знает, была ли то лодка Хей-ба-тоу.

Это было для нас непоправимым несчастьем. В лодке находилось все наше имущество: теплая одежда, обувь и запасы продовольствия. При себе мы имели только то, что могли нести: легкую осеннюю одежду, по одной паре унтов, одеяла, полотнища палаток, ружья, патроны и весьма ограниченный запас продовольствия. Я знал, что к северу на реке Едине еще живут удэхейцы, но до них было так далеко и они были так бедны, что рассчитывать на приют у них всего отряда нечего было и думать.

Что делать?

С такими мыслями мы незаметно подошли к хвойному мелкорослому лесу, который отделяет поляны Нахтоху от моря.

Обыкновенно к лодке мы всегда подходили весело, как будто к дому, но теперь Нахтоху была нам так же чужда, так же пустынна, как и всякая другая речка. Было жалко и Хей-ба-тоу, этого славного моряка, быть может, теперь уже погибшего.

Мы шли молча; у всех была одна и та же мысль: что делать? Стрелки понимали серьезность положения, из которого теперь я должен был их вывести. Наконец, появился просвет; лес сразу кончился, показалось море.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ

Приготовление к зимовке. — Река Един. — Поиски лодки. — Росомаха. — Побережье моря между реками Кумуху и Нахтоху. — Река Пия. — Роковой выстрел. — Испуг Дерсу. — Договор. — Обратный путь.

Раньше около реки Нахтоху была лагуна, отделенная от моря косою. Теперь на ее месте — большое моховое болото, поросшее багульником с ветвями, одетыми густым железистым войлоком яркоржавого цвета; голубикой и сизыми листочками; шикшей, с густо облиственными ветвями, причем листья очень мелки и свернуты в трубочки. Среди этих кустарников еще можно было усмотреть отцветшие и увядшие: сабельник с ползучим корневищем; морошку с колючими полулежащими стеблями и желтыми плодами; болотную чину, по внешнему виду похожую на полевой горошек и имеющую крылатый стебель и плоские бобы; затем ирис-касатик с грубыми сухими и серыми листьями; и, наконец, обычную в болотах пушицу — высокое и красивое белое растение.

Мысы, окаймляющие маленькую бухточку, в которую впадает река Нахтоху, слагаются из пестрых вулканических туфов и называются по-удэхейски северный — Чжаали-дуони и южный — Маас-дуони. Здесь, у подножья береговых обрывов, мы устроили свой бивак.

Вечером мы с Дерсу сидели у огня и совещались. Со времени исчезновения лодки прошло четверо суток. Если она была где-нибудь поблизости, то давно возвратилась бы назад. Я говорил, что надо идти на реку Амагу и зазимовать у староверов, но Дерсу не соглашался со мной. Он советовал остаться на Нахтоху, заняться охотой, добыть кож и сшить новую обувь. У туземцев, по его мнению, можно было получить сухую юколу и чумизу. Но тут возникли другие затруднения: морозы с каждым днем становились сильнее; недели через две в легкой осенней одежде идти будет уже невозможно. Все-таки проект Дерсу был наиболее разумным, и мы на нем остановились.

После ужина стрелки легли спать, а мы с Дерсу долго сидели у огня и обсуждали наше положение.

Я полагал было пойти в фанзы к удэхейцам, но Дерсу советовал остаться на берегу моря. Во-первых, потому, что здесь легче было найти пропитание, а во-вторых, он не терял надежды на возвращение Хой-ба-тоу. Если последний жив, он непременно возвратится назад, будет искать нас на берегу моря, и если не найдет, то может пройти мимо. Тогда мы опять останемся ни с чем. С его доводами нельзя было не согласиться.

Мысли одна другой мрачнее лезли мне в голову и не давали покоя.

Порывистый и холодный ветер шумел сухой травою и неистово трепал растущее вблизи одинокое молодое деревцо. Откуда-то из темноты, с той стороны, где были прибрежные утесы, неслись странные звуки, похожие на вой.

Беспокойство мучило меня всю ночь.

Возвращаться назад, не доведя дело до конца, было до слез обидно. С другой стороны, идти в зимний поход, не снарядившись как следует — безрассудно. Будь я один с Дерсу, я не задумался бы и пошел вперед, но со мной были люди, моральная ответственность за которых лежала на мне. Под утро я немного уснул.

На другой день ветер был особенно силен: анемометр давал показания 242 при температуре воздуха — 6° С и при барометрическом давлении в 766 мм.

Стрелки, узнав о том, что мы остаемся здесь надолго и даже, быть может, зазимуем, принялись таскать плавник, выброшенный волнением на берег, и устраивать землянку. Это была остроумная мысль. Печи они сложили из плитнякового камня, а трубу устроили по-корейски, из дуплистого дерева. Входы завесили полотнищами палаток, а на крышу наложили мох с дерном. Внутри землянки настлали ельнику и сухой травы. В общем помещение получилось довольно удобное.

10 ноября к нам на бивак приходили удэхейцы с мыса Сосунова. Один из них взял палочку и ловко начертил на песке план. Когда я развернул перед ним сорокаверстную карту, он быстро сориентировался и сам стал указывать на ней

реки, горы и мысы, правильно их называя. Я поразился, до какой степени быстро он освоился с масштабом и сразу понял, что такое проекция. Помню, как меня учили читать топографические карты и как долго не мог я к этому привыкнуть, а тут простой дикарь, отроду никогда не видевший их, разбирается так свободно, как будто он всю жизнь только этим и занимался. Я объясняю это тем, что люди, которым приходится бродить по горам, привыкают сверху видеть поверхность земли в проекции. Вместе с тем у них развивается и чутье масштаба.

На следующий день мы с Дерсу вдвоем решили итти к югу по берегу моря и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов пребывания Хей-ба-тоу, и кстати поохотиться.

Захаров и Аринин пошли на север, имея то же задание, а Сабитов и Туртыгин — вверх по реке, к устью реки Ходэ.

Выступили мы с реки Нахтоху рано и пошли по намывной полосе прибоя.

С утра погода стояла хмурая; небо было: туман или тучи. Один раз сквозь них прорвался было солнечный луч, скользнул по воде, словно прожектором осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошел мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома, но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу тоже так думал, и мы бодро пошли вперед. Через часа два снег перестал итти, мгла рассеялась и день выпал наславу — теплый и тихий.

Вода в горных ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму уже заметно, что скоро и она должна будет покрыться ледяной корой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелин в камнях сочилась вода и где раньше ее не было видно, теперь образовались большие ледяные натеки; они постоянно увеличивались в размерах и казались замерзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали о том, как могло случиться, что Хей-ба-тоу пропал без вести. Этот вопрос мы подымали уже сотый раз и всегда приходили к одному и тому же выводу: надо шить обувь и возвращаться к староверам на Амагу.

Впереди, шагах в полутораста от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, но темной окраски, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поровнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху, самого крупного представителя из семейства хорьковых. Максимальные размеры этого стопоходящего, косматого и неуклюжего животного достигают одного метра длины и 45 сантиметров высоты. Общая окраска темнобурая, спина черного цвета, от каждого плеча к заду по бокам тянется по широкой светлосерой полосе.

Шерсть на нижней части тела и на верхней половине ног значительно длиннее, чем на остальном теле. Шея у росомахи короткая, голова толстая, удлиненная, ноги вооружены крепкими, сильными когтями.

Росомаха обитает в горных лесах, где есть козули и, в особенности, кабарга. Целыми часами она сидит неподвижно на дереве или на камне кабарожьей тропы, выжидая добычу. Она отлично изучила нрав своей жертвы, знает излюбленные пути ее и повадки; например, она хорошо знает, что по глубокому снегу кабарга бегает все по одному и тому же кругу, чтобы не протаптывать новой дороги. Поэтому, спугнув кабаргу, она гонится за ней до тех пор, пока последняя не замкнет полный круг. Тогда росомаха влезет на дерево и ждет, когда кабарга вновь пойдет мимо. Если это не удается, она берет кабаргу измором, для чего преследует ее до тех пор, пока та от усталости не упадет; при этом, если на пути она увидит другую кабаргу, то не бросается за ней, а будет продолжать преследование первой, хотя бы эта последняя и не находилась у ней в поле зрения. Росомаха — вредное животное: забравшись в амбары, она начинает с остервенением рвать все, что ей попадется на глаза. Сухое мясо, юколу и прочее продовольствие она непременно огадит и тогда уйдет. Раньше туземцы ценили мех росомахи выше соболиного и только с появлением китайцев и русских поняли свою ошибку. Лет двадцать тому назад мех росомахи ценился не более трех рублей. Специально за ней не охотятся, бьют только, если она случайно попадает под выстрел.

Росомаха распространена по всему Уссурийскому краю, примерно к югу до 44° широты. Ее нет в Посьетском, Барабашском, Суйфунском районах и около Никольска-Уссурийского. В горах Сихотэ-Алиня она встречается довольно часто.

Альпа остановилась и с любопытством стала рассматривать свою случайную спутницу. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня и сказал, что надо беречь патроны. Замечание его было вполне резонно. Тогда я отозвал Альпу. Росомаха бросилась бежать и скрылась в одном из оврагов.

Прибрежная линия между реками Холонку и Нахтоху представляет собою несколько изогнутую линию, отмеченную мысами Плитняка, Банлаиным и Сосунова (по-удэхейски Хуо-ло-дуони, Ленкто-дуони и Хорло-дуони). Мысы эти заметно выдаются в море. За ними берег опять выгибается к северо-западу и вновь выдается около мыса Олимпиады.

По побережью моря, в направлении от реки Нахтоху к Унтугу, горные породы располагаются в таком порядке: сначала идет кремнистый сланец, затем андезит и местами стекловатый базальт. Еще южнее тянутся какие-то глубинные зеленокаменные породы, а выше их — базальтовый андезит и еще дальше порфирит. Кроющие пласты состоят из цветных чередующихся

слоев туфа. Здесь особенно интересен утес Хадко с плитняковой вертикальной и дуговой отдельностью.

Около реки Пия есть два утеса, Сидэсу-мамаса-ни, имеющие человекоподобные формы. Удэхейцы говорят, что раньше это были люди, но всесильный Тему (хозяин рыб и морских животных) превратил их в скалы и заставил охранять береговые сопки.

Здесь, на берегу, валялось много сухого плавника. Выбрав место для бивака, мы сложили свои вещи и разошлись в разные стороны на охоту.

Чрезвычайно извилистое русло реки Пия блуждает по долине, и, если смотреть на реку с высоты птичьего полета, получается впечатление кружев. В нижней части долины почва исключительно наносная: ил и полосы свежего песку, придавившего траву и кусты, свидетельствуют о том, что в конце лета места эти заливались водой два раза. Близ моря растет кустарниковая ольха и высокоствольный тальник, выше по долине — лиственница, белая береза, осина и тополь, а еще дальше — клен, осокорь, ясень и кое-где ель и кедр. Склоны гор, окаймляющие долину, поросли с солнечной стороны низкорослым дубняком, а с северной — старым замшистым хвойным лесом.

Охотиться нам долго не пришлось. Когда мы снова сошлись, день был на исходе. Солнце уже заглядывало за горы, лучи его пробрались в самую глубь леса и золотистым сиянием осветили стволы тополей, остроконечные вершины елей и мохнатые шапки кедровников. Где-то в стороне от нас раздался пронзительный крик.

— Кабарга! — шепнул Дерсу на мой вопросительный взгляд.

Минуты через две я увидел животное, похожее на козулю, только значительно меньше ростом и темнее окраской. Изо рта ее книзу торчали два тонких клыка. Отбежав шагов сто, кабарга остановилась, повернула в нашу сторону свою грациозную головку и замерла в выжидательной позе.

— Где она? — спросил меня Дерсу.

Я указал ему рукой.

— Где? — опять переспросил он.

Я стал направлять его взгляд рукой по линии выдающихся и заметных предметов, но, как я ни старался, он ничего не видел. Дерсу тихонько поднял ружье, еще раз внимательно всмотрелся в то место, где было животное, выпалил и — промахнулся. Звук выстрела широко прокатился по всему лесу и замер в отдалении. Испуганная кабарга шарахнулась в сторону и скрылась в чаще.

— Попал? — спросил меня Дерсу, и по его глазам я увидел, что он не заметил результатов своего выстрела.

— На этот раз ты промазал, — отвечал я ему. — Кабарга убежала.

— Неужели моя попади нету? — спросил он испуганно.

Мы пошли к тому месту, где стояла кабарга. На земле не было крови. Сомнений не было: Дерсу промахнулся. Я начал подшучивать над своим приятелем, а Дерсу сел на землю, положил ружье на колени и задумался. Вдруг он быстро вскочил на ноги и сделал на дереве ножом большую затеску, затем схватил ружье и отбежал назад шагов на полтораста. Я думал, что он хочет оправдаться передо мною и доказать, что его промах по кабарге был случайным. Однако с этого расстояния пятно на дереве было видно плохо, и он должен был подойти ближе. Наконец, он выбрал место, поставил сошки и стал целиться. Целился Дерсу долго, два раза отнимал голову от приклада и, казалось, не решался спустить курок. Наконец, он выстрелил и побежал к дереву. Из того, как у него сразу опустились руки, я понял, что в пятнышко он не попал. Когда я подошел к нему, то увидел, что шапка его валялась на земле, ружье тоже; растерянный взгляд его широко раскрытых глаз был направлен куда-то в пространство. Я дотронулся до его плеча, Дерсу вздрогнул и быстро-быстро заговорил.

— Раньше никакой люди первый зверя найти не могу. Постоянно моя первый его посмотри. Моя стреляй — всегда в его рубашке дырку делай. Моя пуля никогда ходи нету. Теперь моя пятьдесят восемь лет. Глаз худой стал, посмотри не могу. Кабарга стреляй — не попал, дерево стреляй, тоже не попал. К китайцам ходи не хочу — их работу моя понимай нету. Как теперь моя дальше живи?

Тут только я понял неуместность моих шуток. Для него, добывающего себе средства к жизни охотой, ослабление зрения было равносильно гибели. Трагизм увеличивался еще и тем обстоятельством, что Дерсу был совершенно одинок. Куда итти? Что делать? Где склонить на старости лет свою седую голову?

Мне нестерпимо стало жаль старика.

— Ничего, — сказал я ему, — не бойся. Ты мне много помогал, много раз выручал меня из беды. Я у тебя в долгу. Ты всегда найдешь у меня крышу и кусок хлеба. Будем жить вместе.

Дерсу засуетился и стал собирать свои вещи. Он поднял ружье и посмотрел на него, как на вещь, которая теперь была ему более совсем не нужна.

В это время солнце только что скрылось за горизонтом. От гор к востоку потянулись длинные тени. Еще не успевшая замерзнуть вода в реке блестела, как зеркало; в ней отражались кусты и прибрежные деревья. Казалось, что там внизу, под водой, был такой же мир, как и здесь, и такое же светлое небо...

Около речки мы разделились: Дерсу воротился на бивак, а я решил еще поохотиться. Долго я бродил по лесу и ничего не видел. Наконец, я устал и повернул назад.

На западе медленно угасала заря. Посиневший воздух приобрел сонную неподвижность; долина приняла угрюмый вид и казалась глубокой трещиной на горах.

Вдруг в кустах что-то зашевелилось. Я замер на месте и приготовил ружье. Снова легкий треск, и из ольшаников тихонько на поляну вышла козуля. Она стала щипать траву и, видимо, совсем меня не замечала. Я быстро прицелился и выстрелил. Несчастное животное рванулось вперед и сунулось мордой в землю. Через минуту жизнь оставила его. Я взял свой ремень, связал козуле ноги и взвалил ее на плечи. Что-то теплое потекло мне за шею: это была кровь. Тогда я опустил свой охотничий трофей на землю и принялся кричать. Скоро я услышал ответные крики Дерсу. Он пришел без ружья, и мы вместе с ним потащили козулю на палке.

Когда мы подходили к биваку, был уже полный вечер. Взошла луна и своими фосфорическими лучами осветила море, прибрежные камни, лес и воду в реке. Кругом было тихо, только легкий ночной ветер слабо шелестел травою. Шум этот был так однообразен, что привыкшее к нему ухо совершенно его не замечало. На нашем биваке горел огонь; свет от него ложился по земле красными бликами и перемешивался с черными тенями и с бледными лучами месяца, украдкой пробивавшимися сквозь ветви кустарников. Вдали виднелся высокий Бакланий мыс, окутанный морскими испарениями.

После охоты я чувствовал усталость. За ужином я рассказывал Дерсу о России, советовал ему бросить жизнь в тайге, полную опасности и лишений, и поселиться вместе со мной в городе, но он попрежнему молчал и о чем-то крепко думал.

Наконец, я почувствовал, что веки мои слипаются. Я завернулся в одеяло и погрузился в сон.

Ночью я проснулся. Луна стояла высоко на небе; те звезды, которые были ближе к горизонту, блистали, как бриллианты. Было за полночь. Казалось, что вся природа погрузилась в дремотное состояние. Ничего нет прекраснее беспредельного широкого моря, залитого лунным светом, и глубокого неба, полного тихих сияющих звезд. Темная вода, громады утесов на берегу и молчаливый лес в горах так гармонировали друг с другом и создавали картину, полную величественной красоты.

Около огня сидел Дерсу. С первого же взгляда я понял, что он еще не ложился спать. Он обрадовался, что я проснулся, и стал греть чай. Я заметил, что старик волнуется, усиленно ухаживает за мной и всячески старается, чтобы я опять не заснул. Я уступил ему и сказал, что спать мне более не хочется. Дерсу подбросил дров в костер и, когда огонь разгорелся, встал с своего места и начал говорить торжественным тоном.

— Капитан! Теперь моя буду говори. Тебе надо слушай.

Он начал с того, как он жил раньше, как стал одинок и как

добывал себе пропитание охотой. Ружье всегда его выручало. Он продавал панты и взамен их приобретал у китайцев патроны, табак и материал для одежды. Он никогда не думал о том, что глаза могут ему изменить и купить их нельзя будет уже ни за какие деньги. Вот уже с полгода, как он стал ощущать ослабление зрения, думал, что это пройдет, но сегодня убедился, что охоте его пришел конец. Это его напугало. Потом он вспомнил мои слова, что у меня он всегда найдет приют и кусок хлеба.

— Спасибо, капитан, — сказал он. — Шибко спасибо! — И вдруг он опустился на колени и поклонился в землю. Я бросился поднимать его и стал говорить, что, наоборот, я обязан ему жизнью и если он будет жить со мною, то этим только доставит мне удовольствие. Чтобы отвлечь его от грустных мыслей, я предложил ему заняться чаепитием.

— Погоди, капитан, — сказал Дерсу. — Моя еще говорить кончай нету.

После этого он продолжал рассказывать про свою жизнь. Он говорил о том, что, будучи еще молодым, от одного старика-китайца научился искать женьшень и изучил его приметы. Он никогда не продавал корней, а в живом виде переносил их в верховья реки Лефу и там сажал в землю. Последний раз на плантации женьшеня он был лет пятнадцать тому назад. Корни все росли хорошо: всего там было двадцать два растения. Не знает он теперь, сохранились они или нет, — вероятно, сохранились, потому что посажены были в глухом месте и поблизости следов человеческих не замечалось.

— Это все тебе! — закончил он свою длинную речь.

Меня это поразило; я стал уговаривать продать корни китайцам, а деньги взять себе, но Дерсу настаивал на своем.

— Моя не надо, — говорил он. — Мне маленько осталось жить. Скоро помирай. Моя шибко хочу панцуй [36] тебе подарить.

В глазах его было такое просительное выражение, что я не мог противиться. Отказ мой обидел бы его. Я согласился, но взял с него слово, что по окончании экспедиции он поедет со мной в Хабаровск. Дерсу согласился тоже.

Мы порешили весной отправиться на реку Лефу в поиски за дорогими корнями.

Посеребренная луна склонилась к западу. С восточной стороны на небе появились новые созвездия. Находящаяся в воздухе влага опустилась на землю и тонким серебристым инеем покрыла все предметы. Это были верные признаки приближения рассвета.

Дерсу еще раз подбросил дров в огонь. Яркое трепещущее пламя взвилось кверху и красноватым заревом осветило кусты и прибрежные утесы — эти безмолвные свидетели нашего договора и обязательств по отношению друг к другу.

Но вот на востоке появилась розовая полоска: занималась заря. Звезды быстро начали меркнуть; волшебная картина

ночи пропало, и в потемневшем серо-синем воздухе разлился неясный свет утра. Красные угли костра потускнели и покрылись золой; головешки дымились, — казалось, огонь уходил внутрь их.

— Давай-ка соснем немного, — предложил я своему спутнику. Он встал и поправил палатку, затем мы оба легли и, прикрывшись одним одеялом, уснули, как убитые.

Когда мы проснулись, солнце стояло уже высоко. Утро было морозное, ясное. Вода в озерках покрылась блестящим тонким слоем льда, и только полыньи казались темными пятнами.

На скорую руку мы закусили холодным мясом, напились чаю и, собрав котомки, пошли назад к реке Нахтоху.

Там мы застали всех в сборе. Аршкин убил сивуча, а Захаров — нерпу. Таким образом, у нас получился значительный запас кожи и вдоволь мяса.

С 12 по 16 ноября мы простояли на месте. За это время стрелки ходили за брусникой и собирали кедровые орехи. Дерсу выменял у удэхейцев обе сырые кожи на одну сохатиную выделанную. Туземных женщин он заставил накроить унты, а шили их мы сами, каждый по своей ноге.

17-го утром мы распрощались с рекой Нахтоху и тронулись в обратный путь, к староверам. Уходя, я еще раз посмотрел на море с надеждой, не покажется ли где-нибудь лодка Хейба-тоу. Но море было пустынно. Ветер дул с материка, и потому у берега было тихо, но вдали ходили большие волны. Я махнул рукой и подал сигнал к выступлению. Тоскливо было возвращаться назад, но больше ничего не оставалось делать. Обратный путь наш прошел без всяких приключений.

22-го ноября мы достигли Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ХЕЙ-БА-ТОУ

Сильный ветер. — Приключения Хей-ба-тоу. — Снаряжение в зимний путь. — Устройство нарт. — Рыбная ловля. — Привычка удэхейцев к холоду. — Саджи. — Зимний поход. — Накануне выступления. — Нартовый обоз. — Река Кусун с притоками. — Тигровая скала. — Горные породы. — Выгоревшие леса. — Зимняя палатка. — Лесные птицы. — Национализация чертей. — Удэхеец Сунцай.

В геологическом отношении эта часть побережья мало интересна. Между Унтугу и рекой Кузнецова горные породы располагаются в следующем порядке: около ручья Унтугу Сагды с правой стороны виднеются выходы конгломератов из мелкой окатанной гальки, имеющие протяжение от северо-востока к юго-западу — 51°, с углом падения в 18°; далее, у мыса Хорлодуони, — красные метаморфизованные лавы; еще южнее, около реки Каньчжоу, цветные чередующиеся слои базальтового туфа мощностью около 120—130 метров, и еще дальше — какая-то изверженная зеленокаменная порода со шлирами. Около ключика Куа — высокие береговые террасы с массивным основанием из какой-то темной горной породы с неправильной трещиноватостью и, наконец, близ утеса Ха-дио — та же неизвестная порода, но с плитняковой вертикальной отдельностью.

22 ноября мы достигли реки Тахобе, а 23-го утром пришли на Кусун.

Еще со вчерашнего дня погода начала хмуриться. Барометр стоял на 756 при 10°. Небо было покрыто тучами. Около десяти часов утра пошел небольшой снег, продолжавшийся до полудня.

После короткого отдыха у туземцев на Кусуне я хотел было итти дальше, но они посоветовали мне остаться у них еще на день. Удэхейцы говорили, что после долгого затишья и морочной погоды надо непременно ждать очень сильного ветра. Местные китайцы тоже были встревожены. Они часто посматривали на запад. Я спросил, в чем дело. Они указали на хребет Кямо, покрытый снегом.

Тут только я заметил, что гребень хребта, видимый дотоле отчетливо и ясно, теперь имел контуры неопределенные, расплывчатые; горы точно дымились. По их словам, ветер от хребта Кямо до моря доходит через два часа.

Китайцы привязывали крыши фанз к ближайшим пням и деревьям, а зароды с хлебом прикрывали сетями, сплетенными из травы. Действительно, часов около двух пополудни начал дуть ветер, сначала тихий и ровный, а затем все усиливающийся. Вместе с ветром шла какая-то мгла. Это были снег, пыль и сухая листва, поднятая с земли вихрем. К вечеру ветер достиг наивысшего напряжения. Я вышел с анемометром, чтобы смерить его силу, но порывом его сломало колесо прибора, а самого меня едва не опрокинуло на землю. Мельком я видел, как по воздуху летели доска и кусок древесной коры, сорванные с какой-то крыши. Около фанзы стояла двухколесная китайская арба. Ветром ее перекатило через весь двор и прижало к забору. Один стог с сеном был плохо увязан, и в несколько минут от него не осталось и следа.

К утру ветер начал стихать. Сильные порывы сменялись периодами затишья. Когда рассвело, я не узнал места: одна фанза была разрушена до основания, у другой выдавило стену; много деревьев, вывороченных с корнями, лежало на земле. С восходом солнца ветер упал до штиля; через полчаса он снова начал дуть, но уже с южной стороны.

Надо было итти дальше, но как-то не хотелось: спутники мои устали, а китайцы были так гостеприимны. Я решил продневать у них еще одни сутки — и хорошо сделал. Вечером в этот день с моря прибежал молодой удэхеец и сообщил радостную весть: Хей-ба-тоу с лодкой возвратился назад, и все имущество наше цело. Мои спутники кричали «ура» и радостно пожимали друг другу руки. И, действительно, было чему радоваться: я сам был готов пуститься в пляс.

На другой день, чуть свет, мы все были на берегу. Хей-ба-тоу радовался не меньше нас. Стрелки теснились к нему и засыпали вопросами. Оказалось, что сильный ветер под-

хватил его около реки Каньчжу и отнес к острову Сахалину. Хей-ба-тоу не растерялся и всячески старался держаться ближе к берегу, зная, что иначе его отнесет в Японию. С острова Сахалина он перебрался в Советскую (бывшую Императорскую) гавань и уже оттуда спустился на юг вдоль берега моря. На реке Нахтоху он узнал от удэхейцев, что мы пошли на Амагу, тогда и он отправился за нами вдогонку. Вчерашнюю бурю он пережил на реке Холонку и затем в один день дошел до Кусуна.

Тотчас у меня в голове созрел новый план: я решил подняться по реке Кусуну до Сихотэ-Алиня и выйти на Бикин. Продовольствие, инструменты, теплая одежда, обувь, снаряжение и патроны — все это было теперь с нами.

Хей-ба-тоу тоже решил зазимовать на Кусуне. Плавание по морю стало затруднительным; у берегов появилось много плавающего льда; устья рек замерзали.

Не мешкая, стрелки стали разгружать лодку. Когда с нее были сняты мачты, руль и паруса, они вытащили ее на берег и поставили на деревянные катки, подперев с обеих сторон кольями.

На другой день мы принялись за устройство шести нарт[37]. Три мы достали у удэхейцев, а три приходилось сделать самим. Захаров и Аринин умели плотничать. В помощь им были приставлены еще два удэхейца. На Дерсу было возложено общее руководство работами. Всякие замечания его были всегда кстати, стрелки привыкли, не спорили с ним и не приступали к работе до тех пор, пока не получали его одобрения.

На эту работу ушло десять суток. Временами мои спутники ходили на охоту, иногда удачно, но часто возвращались ни с чем. С кусунскими удэхейцами мы подружились и всех наперечет знали в лицо и по именам.

25 ноября я, Дерсу и Аринин вместе с туземцами отправились на рыбную ловлю к устью Кусуна. Удэхейцы захватили с собой тростниковые факелы и тяжелые деревянные колотушки.

Между протоками, на одном из островов заросших осиной, ольхой и тальниками, мы нашли какие-то странные постройки, крытые травою. Я сразу узнал работу японцев. Это были хищнические рыбалки, совершенно незаметные как с суши, так и со стороны моря. Один из таких шалашей мы использовали для себя.

Вода в заводи хорошо замерзла. Лед был гладкий, как зеркало, чистый и прозрачный; сквозь него хорошо были видны мели, глубокие места, водоросли, камни и утонувший плавник. Удэхейцы сделали несколько прорубей и спустили в них двойную сеть. Когда стемнело, они зажгли тростниковые факелы и затем побежали по направлению к прорубям, время от времени с силою бросая на лед колотушки. Испуганная светом

и шумом рыба, как шальная, бросалась вперед и путалась в сетях. Улов был удачный. За один раз они поймали одного морского тайменя, трех морских мальм, четырех кунж и одиннадцать красноперок. Потом удэхейцы снова опустили сети в прорубь и погнали рыбу с другой стороны, потом перешли на озеро, оттуда в протоку, на реку и опять в заводь.

Часов в десять вечера мы окончили ловлю. Часть туземцев пошла домой, остальные остались ночевать на рыбалке. Среди последних был удэхеец Логада, знакомый мне еще с прошлого года. Ночь была морозная и ветреная. Даже у огня холод давал себя чувствовать. Около полуночи я спохватился Логада и спросил, где он. Один из его товарищей ответил, что Логада спит снаружи. Я оделся и вышел из балагана. Было темно, холодным ветром, как ножом, резало лицо. Я походил немного по реке и возвратился назад, сказал, что нигде костра не видел. Удэхейцы ответили, мне, что Логада спит без огня.

— Как, без огня? — спросил я с изумлением.

— Так, — ответили они равнодушно.

Опасаясь, чтобы с Логада чего-нибудь не случилось, я зажег свой маленький фонарик и снова пошел его искать. Два удэхейца вызвались меня провожать. Под берегом, шагах в пятидесяти от балагана, мы нашли Логада спящим на охапке сухой травы.

Одет он был в куртку и штаны из выделанной изюбровой кожи и сохатиные унты, на голове имел белый капюшон и маленькую шапочку с соболиным хвостиком. Волосы на голове у него заиндевели, спина тоже покрылась белым налетом. Я стал усиленно трясти его за плечо. Он поднялся и стал руками снимать с ресниц иней. Из того, что он не дрожал и не подергивал плечами, было ясно, что он не озяб.

— Тебе не холодно? — спросил я его удивленно.

— Нет, — отвечал он и тотчас спросил: — Что случилось?

Удэхейцы сказали ему, что я беспокоился о нем и долго искал в темноте. Логада ответил, что в балагане людно и тесно и потому он решил спать снаружи. Затем он поплотнее завернулся в свою куртку, лег на траву и снова уснул. Я вернулся назад в балаган и рассказал Дерсу о случившемся.

— Ничего, капитан, — отвечал мне гольд. — Эти люди холода не боятся. Его постоянно сопка живи, соболя гоняй. Где застанет ночь, там и спи. Его постоянно спину на месяце грест.

Когда рассвело, удэхейцы опять пошли ловить рыбу. Теперь они применяли другой способ. Над прорубью была поставлена небольшая кожаная палатка, со всех сторон закрытая от света. Солнечные лучи проникали под лед и освещали дно реки. Ясно, отчетливо были видны галька, ракушки, песок и водоросли. Спущенная в воду острога немного не доставала дна. Таких палаток было поставлено четыре, вплотную друг к

другу. В каждой палатке село по одному человеку; все другие пошли в разные стороны и стали тихонько гнать рыбу. Когда она подходила близко к проруби, охотники кололи ее острогами. Охота эта была еще добычливее, чем предыдущая. За ночь и за день удэхейцы поймали 22 тайменя, 136 кунж, 240 морских форелей и очень много красноперки.

На возвратном пути от моря к фанзам моя собака выгнала каких-то четырех птиц. Они держались преимущественно на песке и по окраске так подходили к окружающей обстановке, что их совершенно нельзя было заметить даже на близком расстоянии; вторично я увидел птиц только тогда, когда они поднялись на воздух. Я стрелял и убил одну из них. Это оказалась саджа, вероятно, случайно занесенная сюда ветром из Восточной Монголии. В Зауссурийском крае птица эта появилась впервые. Когда я показал ее туземцам, они стали шумно высказывать свое удивление и говорили, что никогда такой птицы не видели. Они сейчас же окрестили ее по-своему: «мафа» (медведь). Такое название они дали потому, что ноги ее напоминали ступню медведя.

Вскоре я убедился, что виденные мною птицы не были единственными. По дороге мы встретили их еще несколько стаек. Впоследствии я узнал, что в конце ноября того же года саджи видели около залива Ольги и около реки Самарги. Птицы эти продержались с неделю, затем исчезли так же неожиданно, как и появились.

Пока делались нарты и лыжи, я экскурсировал по окрестностям, но бо́льшую часть времени проводил дома. Надо было все проверить, предусмотреть. Из личного опыта я знал, что нельзя игнорировать многовековой опыт туземцев. Впоследствии я имел много случаев благодарить удэхейцев за то, что слушался их советов и делал так, как они говорили.

2 декабря стрелки закончили все работы. Для окончательных сборов им дан был еще один день. На Бикин до первого китайского поселка с нами решил итти старик-маньчжур Чи-ши-у. 4-го числа после пополудня мы занялись укладкой грузов на нарты. На утро оставалось собрать только свои постели и напиться чаю.

Вечером удэхейцы камланили[38]. Они просили духов дать нам хорошую дорогу и счастливую охоту в пути. В фанзу набралось много народу. Китайцы опять принесли ханшин и сласти. Вино подействовало на удэхейцев возбуждающим образом. Всю ночь они плясали около огней и под звуки бубнов пели песни.

Перед рассветом я ушел в самую дальнюю китайскую фанзу и там немного соснул.

Утро 4 декабря было морозное: —19° С. Барометр стоял на высоте 756 мм. Легкий ветерок тянул с запада. Небо было безоблачное, глубокое и голубое. В горах белел снег.

Первое выступление в поход всегда бывает с опозданием. Обыкновенно задержка происходит у провожатых: то у них обувь не готова, то они еще не поели, то на дорогу нет табаку и т. д. Только к 11 часам утра, после бесконечных понуканий, нам удалось-таки, наконец, тронуться в путь. Китайцы вышли провожать нас с флагами, трещотками и ракетами.

За последние четыре дня река хорошо замерзла. Лед был ровный, гладкий и блестел, как зеркало. Вследствие образования донного льда и во время рекостава вода в реке поднялась выше своего уровня и заполнила все протоки. Это позволило нам сокращать путь и итти напрямик, минуя извилины реки и такие места, где лед стал торосом.

Наш обоз состоял из восьми нарт[39]. В каждой нарте было по 30 килограммов полезного груза. Ездовых собак мы не имели, потому что у меня не было денег, да и едва ли на Кусуне нашлось бы их столько, сколько надо. Поэтому нарты нам пришлось тащить самим.

Удэхейский способ перевозки грузов зимою заключается в следующем. К передней части нарты привязывается веревка или ремень, которые оканчиваются лямкой, одеваемой через плечо. Сбоку, к ближайшей стойке у полоза, прикрепляется длинная жердь, называемая правилом. Человек держит правило правой рукой, направляет нарту и поддерживает ее при крутых поворотах.

Погода нам благоприятствовала. Нарты бежали по льду легко. Люди шли весело, шутили и смеялись.

Между реками Че и Цзава, посреди реки Кусуна, высится одинокая скала, которую туземцы называют Чжеле-Кадани. Старик Люрл рассказывал мне, что однажды он с другими охотниками долгое время стоял биваком около этой скалы. Один из удэхейцев заметил на вершине ее тигра. Он лежал на боку без движения. Удэхейцы простояли здесь несколько суток. За это время два раза шел снег. Он совершенно закрыл зверя. Вдруг, к удивлению их, на утро шестого дня зверь поднялся, встряхнулся и стал спускаться к реке. Тогда они поняли, что тигр был мертвым только на время (он может всегда делать это по своему желанию). Душа его (хапя) оставила тело и странствовала где-то далеко, потом вернулась назад и тигр ожил снова. Удэхейцы испугались и убежали. С этой поры скала Чжеле-Кадани стала запретной. Другим таинственным местом в нижнем течении, с левой стороны Кусуна, будет скала, похожая на человеческое лицо. Удэхейцы называют ее Када-Дэлин, то-есть Каменная голова.

По наблюдениям туземцев, лососевые рыбы идут по реке Кусуну неодинаково: кета идет до реки Сололи, горбуша до Бягаму и, как всегда, дальше всех забирается мальма. Особенно много ее бывает на реке Агдыне.

Река Кусун длиной около ста километров. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой к северо-востоку. По характеру Кусун будет такая же быстрая и порожистая река, как и Такема.

С реки Кусуна видны ближайшие отроги Сихотэ-Алиня. В истоках Иоця 1-я, Иоця 2-я, Иоця 3-я и Олосо находятся высокие горы Иоця-Кямони; их хорошо видно с моря. По словам удэхейцев, в котловине между тремя их вершинами есть озеро с пресной водой.

Породы, из которых слагаются ближайшие горы, в последовательном порядке от моря вверх по течению реки располагаются так: сначала базальты, потом андезиты и порфириты, затем какая-то темная лава с пустотами, выполненными ярко-зелеными конкрециями; далее следует мелкозернистый базальт и около реки Буй авгитовый андезит. Выше реки Буй километров на десять есть каменный уголь. Лет тридцать тому назад, во время пала, он загорелся и с той поры все время тлеет под землею. Другие выходы каменного угля на дневную поверхность находятся по ключику Необе, с левой стороны Кусуна, в 25 километрах от моря.

Еще недавно вся долина Кусуна была покрыта густыми смешанными лесами. Два больших пожара, следовавших один за другим, уничтожили их совершенно. Теперь Кусунская долина представляет собою сплошную гарь. Особенно сильно выгорели леса на реках Буй, Холосу, Фу, Бягаму, Сололи и Цзава 3-я. Живой лес сохранился еще только по рекам Одо, Агдыне и Сидэкси (она же Сиденгей).

Из животных в долине Кусуна обитают: изюбр, дикая коза, кабарга, куница, хорек, соболь, росомаха, красный волк, лисица, бурый медведь, рысь и тигр. Последнего чаще видят на реках Сиденгей 2-я и Оддэгэ.

В этот день мы прошли мало и рано стали биваком. На первом биваке места в палатке мы заняли случайно, кто куда попал. Я, Дерсу и маньчжур Чи-шп-у разместились по одну сторону огня, а стрелки — по другую. Этот порядок соблюдался уже всю дорогу.

Зимой, в особенности во время сильных ветров, надо умело ставить двускатную палатку. Остов ее складывается из тальниковых жердей, всегда растущих около реки в изобилии, и со всех сторон обтягивается полотнищами; вверху оставляется отверстие для выхода дыма. Для того чтобы в палатке была тяга, надо немного приподнять одно из полотнищ (обыкновенно это делается со стороны входа). Но зато внутрь палатки вместе с чистым воздухом входит и холод. В этом случае опять-таки нам помог находчивый Дерсу. Он принес дуплистое дерево и положил его на землю так, что один конец его пришелся около костра, а другой остался снаружи. Это дуплистое дерево было отличным поддувалом. Сразу установилась тяга, и

воздух в палатке очистился. На постели стрелки нарезали ельника и сверху прикрыли его сухой травою. Ночью все спали очень хорошо.

На другой день (5 декабря) я проснулся раньше всех, оделся и вышел из палатки. Предрассветные сумерки оттесняли ночную тьму на запад. Занималась заря. Мороз звонко пощелкивал по лесу; термометр показывал — 20° С. От полыней на реке подымался пар. Деревья, растущие вблизи их, убрались инеем и стали похожими на белые кораллы. Около проруби играли две выдры. Они двигались как-то странно, извиваясь, как змеи, и издавали звуки, похожие на свист и хихиканье. Иногда одна из них подымалась на задние ноги и озиралась по сторонам. Я наблюдал за выдрами из кустов, но все же они учуяли меня и нырнули в воду.

На обратном пути я занялся охотой на рябчиков и подошел к биваку с другой стороны. Дым от костра, смешанный с паром, густыми клубами валил из палатки. Там шевелились люди, вероятно, их разбудили мои выстрелы.

Напившись чаю и обувшись потеплее, стрелки весьма быстро сняли палатки и увязали нарты. Через какие-нибудь полчаса мы были уже в дороге. Солнце взошло в туманной мгле и багровое. Начался очередной день.

По тем островкам живого леса, которые в виде оазисов сохранились по сторонам реки, можно было судить о том, какая в этих местах была растительность. Здесь в изобилии росли кедр и тополь, там и сям виднелись буро-серые ветки кустарникового клена, с сухими розоватыми плодами, а рядом с ним—амурская сирень, которую теперь можно было узнать только по пучкам засохших плодов на вершинах голых ветвей с темносерою корою. Ближе удалось рассмотреть куст жасмина и амурский барбарис, с сохранившимися замерзшими плодами.

К зиме в Зауссурийском крае количество пернатых сильно сократилось. Чаще всего встречались клесты — пестрые миловидные птички с клювами, половинки которых заходят друг за друга. Они собирались в маленькие стайки, причем красного цвета самцы держались особняком от желто-серых самок. Клесты часто спускались вниз, что-то клевали на земле и подпускали к себе так близко, что можно было в деталях рассмотреть их оперение. Даже будучи вспугнуты, они не отлетали далеко, а садились тут же, где-нибудь поблизости. Затем в порядке уменьшения особей следует указать на поползней. Я узнал их по окраске и по голосу, похожему на тихий писк. В одном месте я заметил двух японских корольков — маленьких птичек, прятавшихся от ветра в словых ветвях. Там и сям мелькали пестрые дятлы с белым и черным оперением с красным надхвостием. Для этих задорных и крикливых птиц, казалось, не страшны были холод и ветер. Рыжие сойки, крик-

ливые летом и молчаливые зимой, тоже забились в самую чащу леса. Увидя нас, они принимались пронзительно кричать, извещая своих товарок о грозящей опасности. Попадались также большеклювые вороны и какие-то дневные хищники, которых за дальностью расстояния рассмотреть не удалось. По проталинам, на притоках реки, раза два мы спугнули белых крохалей. Они держались парами, — вероятно, самцы и самки. Сабитов убил одного крохаля из винтовки. Пуля разорвала его на части, и я очень сожалел, что с птицы нельзя было снять шкуру для определения.

Часа в четыре мы дошли до ключика Олосо. Отсюда начались гари.

Дальше в этот день мы не пошли; выбрав небольшой островок, мы залезли в самую чащу и там уютно устроились на биваке.

Вечером стрелки рассказывали друг другу разные страхи, говорили о привидениях, домовых, с кем что случилось и кто что видел.

Странное дело: стрелки верили в существование своих чертей, но в то же время с недоверием и с насмешками относились к чертям удэхейцев. То же самое и в отношении религии; я неоднократно замечал, что удэхейцы к чужой религии относятся гораздо терпимее, чем европейцы. У первых невнимание к чужой религии никогда не заходит дальше равнодушия. Это можно было наблюдать и у Дерсу. Когда стрелки рассказывали разные диковинки, он слушал, спокойно курил трубку и на лице его нельзя было заметить ни улыбки, ни веры, ни сомнения.

Утром 6 декабря мы встали до света. Термометр показывал —21° С. С восходом солнца ночной ветер начал стихать, и от этого как будто стало теплее.

Раньше, когда долина Кусуна была покрыта лесом, здесь водилось много соболей. Теперь это пустыня. На горах выросли осинники и березняки, а места поемных лесов заняли тонкоствольные тальники, ольшанники и молодая лиственница.

В этот день мы дошли до устья реки Буй, которую китайцы называют Уленгоу[40]. Тут мы должны были расстаться с Кусуном и повернуть к Сихотэ-Алиню.

Около устья Уленгоу жил удэхеец Сунцай. Это был типичный представитель своего народа. Он унаследовал от отца шаманство. Жилище его было обставлено множеством бурханов. Кроме того, он славился как хороший охотник и ловкий, энергичный и сильный плаватель на лодках по быстринам реки. На мое предложение проводить нас до Сихотэ-Алиня Сунцай охотно согласился, но при условии, если я у него простою один день. Он говорил, что ему нужно отправить своего брата на охоту, излечить больную старуху-мать и снарядиться самому в далекий путь.

Этой женщине было шестьдесят. Она являлась хранительницей древних традиций, обычаев и обрядов, знала много сказаний, знала, в каких случаях какой налагается штраф (байта), и считалась авторитетной в решении спорных вопросов о калыме при заключении или расторжении браков.

Я согласился пробыть в доме Сунцая весь следующий день и не раскаялся. Сам хозяин и его мать оказались довольно общительными, и потому мне удалось узнать много интересного о шаманстве и записать несколько сказок.

Вечером он угостил нас струганиной. На стол была подана целая замороженная рыба. Это оказался ленок (по размерам немного уступающий молодой горбуше). Мы отбросили предубеждения европейцев к сырой рыбе и оказали ей должную честь.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ЧЕРЕЗ СИХОТЭ-АЛИНЬ

Река Уленгоу. — Гарь. — Наледи. — Труп китайца. — Сбросовый выступ. — Перевал Маака. — Облака и снег. — Западный склон Сихотэ-Алиня. — Дикушка. — Чортова юрта. — Реки Мыге и Бягаму. — Метель. — Бикин в верхнем течении. — Брошенная юрта. — Изгнание чорта. — Страхи. — Ночные звуки.

Следующие четыре дня (с 9 по 12 декабря) мы употребили на переход по реке Уленгоу. Река эта берет начало с хребта Сихотэ-Алиня и течет сначала к юго-востоку, потом к югу, километров тридцать опять на юго-восток и последние пять километров снова на юг. В средней части Уленгоу разбивается на множество мелких ручьев, теряющихся в лесу среди камней и бурелома. Вследствие из года в год не прекращающихся пожаров, лес на горах совершенно уничтожен. Он сохранился только по обоим берегам реки и на островах между протоками.

Глядя на замерзшие протоки, можно подумать, что Уленгоу и летом богата водою. На самом деле это не так. Сбегающая с гор вода быстро скатывается вниз, не оставляя позади себя особенно заметных следов. Зимой же совсем другое дело. Вода заполняет ямы, рытвины, протоки и замерзает. Поверх льда появляются новые наледи, которые все увеличиваются и разрастаются вширь, что в значительной степени облегчало наше продвижение. На больших реках буреломный

лес уносится водою, в малых же речках он остается лежать там, где упал. Зная это, мы захватили с собою несколько топоров и две поперечные пилы. При помощи их стрелки быстро разбирали завалы и прокладывали дорогу.

После 1 декабря сильные северо-западные ветры стали стихать. Иногда выпадали совершенно тихие дни. Показания анемометра колебались теперь в пределах от 60 до 75, но вместе с тем стали увеличиваться морозы.

Чем ближе мы подвигались к перевалу, тем больше становилось наледей. Такие места видны издали по поднимающимся от них испарениям. Чтобы обойти наледи, надо взбираться на косогоры. На это приходится тратить много сил и времени. Особенно надо остерегаться, чтобы не промочить ног. В этих случаях незаменимой является удэхейская обувь из рысьей кожи, сшитая жильными нитками.

Здесь случилось маленькое происшествие, которое задержало нас почти на целый день. Ночью мы не заметили, как вода подошла к биваку. Одна нарта вмерзла в лед. Пришлось ее вырубить топорами, потом оттаивать полозья на огне и исправлять поломки. Наученные опытом, дальше на бивуаках мы уже не оставляли нарты на льду, а ставили их на деревянные катки.

С каждым днем итти становилось все труднее и труднее. Мы часто попадали то в густой лес, то в каменистые россыпи, заваленные буреломом. Впереди с топором в руках шли Дерсу и Сунцай. Они рубили кусты и мелкие деревья там, где они мешали проходу нарт, или клали их около рытвин и косогоров в таких местах, где нарты могли опрокинуться. Чем дальше мы углублялись в горы, тем снега было больше. Всюду, куда ни глянешь, чернели лишенные коры и ветвей обгоревшие стволы деревьев. Весьма печальный вид имеют эти гари. Нигде ни единого следа, ни одной птицы...

Я, Сунцай и Дерсу шли впереди; стрелки подвигались медленно. Сзади слышались их голоса. В одном месте я остановился для того, чтобы осмотреть горные породы, выступающие из-под снега. Через несколько минут, догоняя своих приятелей, я увидел, что они идут нагнувшись и что-то внимательно рассматривают у себя под ногами.

— Что такое? — спросил я Сунцая.

— Один китайский люди три дня назад ходи, — отвечал Дерсу. — Наша след его найди.

Действительно, кое-где чуть-чуть виднелся человеческий след, совсем почти запорошенный снегом. Дерсу и Сунцай заметили еще одно обстоятельство; они заметили, что след шел неровно, зигзагами, что китаец часто садился на землю и два бивака его были совсем близко один от другого.

— Больной, — решили они.

Мы прибавили шагу.

Следы все время шли по реке. По ним видно было, что китаец уже не пытался перелезать через бурелом, а обходил его стороною. Так прошли мы еще с полчаса. Но вот следы круто повернули в сторону. Мы направились по ним. Вдруг с соседнего дерева слетели две вороны.

— А-ai — сказал, остановившись, Дерсу, — люди помирай есть.

Действительно, шагах в пятидесяти от речки мы увидели китайца. Он сидел на земле, прислонившись к дереву, локоть правой руки его покоился на камне, а голова склонилась на левую сторону. На правом плече сидела ворона. При нашем появлении она испуганно снялась с покойника.

Глаза умершего были открыты и запорошены снегом. Из осмотра места вокруг усопшего мои спутники выяснили, что когда китаец почувствовал себя дурно, то решил стать на бивак, снял котомку и хотел было ставить палатку, но силы оставили его; он сел под дерево и так скончался. Маньчжур Чиши-у, Сунцай и Дерсу остались хоронить китайца, а мы пошли дальше.

Целый день мы работали не покладая рук, даже не останавливаясь на обед, и все же прошли не больше десяти километров. Бурелом, наледи, кочковатые болота, провалы между камней, занесенные снегом, создавали такие препятствия, что за восемь часов пути нам удалось сделать только $4^1/_4$ километра, что составляет в среднем 560 метров в час. К вечеру мы подошли к гребню Сихотэ-Алиня. Барометр показывал 700 метров.

Следующий день был 14 декабря. Утро было тихое и морозное. Солнце взошло красное и долго не давало тепла. На вершинах гор снег окрасился в нежнорозовый цвет, а в теневых местах имел синеватый оттенок.

Осматривая окрестности, я заметил в стороне клубы пара, подымавшегося с земли.

Я кликнул Дерсу и Сунцая и отправился туда узнать, в чем дело. Это оказался железисто-сернисто-водородный теплый ключ. Окружающая его порода красного цвета; накипь белая, известковая; температура воды + 27° С. Удэхейцам хорошо известен теплый ключ на Уленгоу, как место, где всегда держатся лоси, но от русских они его тщательно скрывают.

От горячих испарений, кроме источника, все заиндевело; камни, кусты лозняка и лежащий на земле валежник покрылись причудливыми узорами, блиставшими на солнце, словно алмазы. К сожалению, из-за холода я не мог взять с собою воды для химического анализа.

Пока мы ходили по теплому источнику, стрелки успели снять палатку и связать спальные мешки.

Сразу с бивака начался подъем на Сихотэ-Алинь. Сначала мы перенесли на вершину все грузы, а затем втащили пустые нарты.

На самом перевале стояла маленькая китайская кумирня со следующей надписью: «Сп-жи Циго вей-дассуай. Цзинь цзай да цин чжей шай линь». (В древности в государстве Ци был главнокомандующим; теперь при Да-циньской династии охраняет леса и горы.)

В проекции положение этой части Сихотэ-Алиня представляется ломаной линией. Она идет сначала на северо-восток, потом делает изгиб к востоку и затем опять на северо-северо-восток. Здесь Сихотэ-Алинь представляет собою как бы сбросовый выступ (горст). Впоследствии во многих местах произошли повторные обвалы, позади сползшей земли скопилась вода и образовались водоемы. С восточной стороны подъем на Сихотэ-Алинь очень крутой. Истоки реки Буй (Уленгоу) представляют собою несколько мелких ручьев, сливающихся в одно место. Эти овраги делают местность чрезвычайно пересеченной. По барометрическим измерениям, приведенным к уровню моря, абсолютная высота перевала измеряется в 860 метров. Я назвал его именем Маака, работавшего в 1855 году в Амурском крае. Две высоты по сторонам перевала имеют туземные названия: правая — Атаксеони, высотой в 1 120, и левая — Адахуналянгзянь, высотою в 1 000 метров. Мои спутники окрестили их Горелым конусом и горой Гребенчатой.

Восточный склон Сихотэ-Алиня совершенно голый. Трудно представить себе местность, более неприветливую, чем истоки реки Уленгоу. Даже не верится, чтобы здесь был когда-нибудь живой лес. Немногие деревья остались стоять на своих корнях. Сунцай говорил, что раньше здесь держалось много лосей, отчего и река получила название Буй, что значит сохатый; но с тех пор, как выгорели леса, все звери ушли, и вся долина Уленгоу превратилась в пустыню.

Солнце прошло по небу уже большую часть своего пути, когда стрелки втащили на перевал последнюю нарту.

Весь день стояла хорошая, ясная и солнечная погода. Термометр показывал — 17,5° С. Барометр стоял на 685. Легкий ветер гнал с востока небольшие кучевые облака. Издали они казались идущими высоко по небу, но по мере приближения к Сихотэ-Алиню как будто опускались к земле. Над водоразделом облака проходили совсем низко и принимали какой-то серовато-желтый оттенок. Каждое облачко разряжалось тончайшею искрящейся снежною пылью. Тогда вокруг солнца появлялись радужные венцы, но, как только облако проходило мимо, световое явление исчезало.

Западный склон Сихотэ-Алиня пологий, но круче, чем в истоках Арму. За перевалом сразу начинается лес, состоящий из ели, пихты и лиственицы. По берегам речек растет береза с желтою мохнатою корою, горный клен и ольха.

Обилие мхов и влаги не позволило пожарам распространиться дальше водораздела, хотя и с этой стороны, кое-где выделялись

выгоревшие плешины; в бинокль ясно было видно, что это не осыпи, а места пожарищ.

Увязав нарты, мы тотчас тронулись в путь.

Лес, покрывающий Сихотэ-Алинь, мелкий, старый, дровяного характера. Выбор места для бивака в таком лесу всегда доставляет много затруднений: попадешь или на камни, опутанные корнями деревьев, или на валежник, скрытый под мхом. Еще больше забот бывает с дровами. Для горожанина покажется странным, как можно итти по лесу и не найти дров... А между тем это так. Ель, пихта и лиственица бросают искры; от них горят палатки, одежда и одеяла. Ольха — дерево мозглое, содержит много воды и дает больше дыму, чем огня. Остается только каменная береза. Но среди хвойного леса на Сихотэ-Алине она попадается одиночными экземплярами. Сунцай, знавший хорошо эти места, скоро нашел все, что нужно было для бивака. Тогда я подал сигнал к остановке.

Стрелки стали ставить палатки, а я с Дерсу пошел на охоту в надежде, не удастся ли где-нибудь подстрелить сохатого. Недалеко от бивака я увидел трех рябчиков. Они ходили по снегу и мало обращали на нас внимания. Я хотел было стрелять, но Дерсу остановил меня.

— Не надо, не надо, — сказал он торопливо. — Их можно так бери.

Меня удивило то, что он подходил к птицам без опаски, но я еще более удивился, когда увидел, что птицы не боялись его и, словно домашние куры, тихонько, не торопясь, отходили в сторону. Наконец, мы подошли к ним метра на четыре. Тогда Дерсу взял нож и, нимало не обращая на них внимания, начал рубить молоденькую елочку, потом очистил ее от сучков и к концу привязал веревочную петлю. Затем он подошел к птицам и надел петлю на шею одной из них. Пойманная птица забилась и стала махать крыльями. Тогда две другие птицы, соображая, что надо лететь, поднялись с земли и сели на растущую вблизи лиственицу: одна на нижнюю ветку, другая у самой вершины. Полагая, что птицы теперь сильно напуганы, я хотел было стрелять, но Дерсу опять остановил меня, сказав, что на дереве их ловить еще удобнее, чем на земле. Он подошел к лиственице и тихонько поднял палку, стараясь не шуметь. Надевая петлю на шею нижней птице, он по неосторожности задел ее палкой по клюву. Птица мотнула головой, поправилась и опять стала смотреть в нашу сторону. Через минуту она беспомощно билась на земле. Третья птица сидела так высоко, что достать ее с земли было нельзя. Дерсу полез на дерево. Лиственица была тонкая, жидкая. Она сильно качалась. Глупая птица, вместо того чтобы улететь, продолжала сидеть на месте, крепко ухватясь за ветку своими ногами, и балансировала, чтобы не потерять равновесия. Как только Дерсу мог достать ее палкой, он накинул ей петлю на шею и стащил

вниз. Таким образом мы поймали всех трех птиц, не сделав ни одного выстрела. Тут только я заметил, что они были крупнее рябчиков и имели более темное оперение. Кроме того, у самца были еще красные брови над глазами, как у тетеревов. Это оказался черный рябчик, или «дикушка», обитающий в Уссурийском крае исключительно только в хвойных лесах Сихотэ-Алиня, к югу до истоков Арму. Он совершенно не оправдывает названия «дикушки», данного ему староверами. Быть может, они окрестили его так потому, что он живет в самых диких и глухих местах. Китайцы называют его «дашугирл» (то-есть большой рябчик). Исследования зоба дикушки показали, что она питается еловыми иглами и брусникой.

Когда мы подходили к биваку, были уже глубокие сумерки. Внутри палатки горел огонь, и от этого она походила на большой фонарь, в котором зажгли свечу. Дым и пар, освещенный пламенем костра, густыми клубами взвивались кверху. В палатке двигались черные тени: я узнал Захарова с чайником в руках и маньчжура Чи-ши-у с трубкой во рту. Собаки, услышав, что кто-то идет, с лаем бросились к нам навстречу, но, узнав своих, начали ласкаться. В палатке все работы были уже закончены; стрелки пили чай. Сунцай назвал дикушек по-своему и сказал, что бог Эндури[41] нарочно создал непугливую птицу и велел ей жить в самых пустынных местах для того, чтобы случайно заблудившийся охотник не погиб с голоду.

Вечером мы отпраздновали переход через Сихотэ-Алинь. На ужин были поданы дикушки, потом сварили шоколад, пили чай с ромом, а перед сном я рассказал стрелкам одну из страшных повестей Гоголя.

Утром мы сразу почувствовали, что Сихотэ-Алинь отделил нас от моря: термометр на рассвете показывал —20° С. Здесь мы расстались с Сунцаем. Дальше мы могли итти сами; течение воды в реке должно было привести нас к Бикину. Тем не менее Дерсу обстоятельно расспросил его о дороге.

Когда взошло солнце, мы сняли палатки, уложили нарты, оделись потеплее и пошли вниз по реке Ляоленгоузе, имеющей вид порожистой горной речки с руслом, заваленным колодником и камнями. Километрах в пятнадцати от перевала Маака Ляоленгоуза соединяется с другой речкой, которая течет с северо-востока и которую удэхейцы называют Мыге. По ней можно выйти на реку Тахобе, где живут солоны. По словам Сунцая, перевал там через Сихотэ-Алинь низкий, подъем и спуск длинные, пологие.

Река Мыге очень извилистая и измеряется пятью десятками километров. Окружающие леса дровяного характера и состоят исключительно из хвойных пород.

С утра погода хмурилась. Воздух был наполнен снежной пылью. С восходом солнца поднялся ветер, который к полудню

сделался порывистым и сильным. По реке кружились снежные вихри; они зарождались неожиданно, словно сговорившись, бежали в одну сторону и так же неожиданно пропадали. Могучие кедры глядели сурово и, раскачиваясь из стороны в сторону, гулко шумели, словно роптали на непогоду.

При морозе итти против ветра очень трудно. Мы часто останавливались и грелись у огня. В результате за целый день нам удалось пройти не более десяти километров. Заночевали мы в том месте, где река разбивается сразу на три протоки. Вследствие ветреной погоды в палатке было дымно. Это принудило нас рано лечь спать.

Ночью вокруг луны появилось матовое пятно, неясное и расплывчатое.

Утром 17 декабря состояние погоды не изменилось к лучшему. Ветер дул с прежнею силою: анемометр показывал 220; термометр — 30° С. Несмотря на это, мы все-таки пошли дальше. Заметно, что к западу от Сихотэ-Алиня снегу было значительно больше, чем в прибрежном районе.

Река Мыге в среднем течении имеет 6—7 метров ширины. Во многих местах около берегов видны тонкие ледяные карнизы. Они получились вследствие убыли воды в реке после того, как она сверху замерзла.

В среднем течении река Мыге протекает по широкой долине, покрытой густым хвойно-смешанным лесом. Из лиственных пород здесь произрастают ольха, черемуха, тальники, осина, осокорь и береза. Судя по следам, которые мы видели в пути, можно заключить, что на Мыге водятся лось, кабарга, волк, выдра, белка, соболь и, вероятно, медведь.

19 декабря наш отряд достиг реки Бягаму, текущей с юго-востока, по которой можно выйти на реку Кусун. Эта река и по величине, и по обилию воды раза в два больше Мыге. Близ своего устья она около 20 метров ширины и 1—$1^1/_2$ метра глубиною. По словам удэхейцев, вся долина Бягаму покрыта гарью; лес сохранился только около Бикина. Раньше Бягаму было одно из самых зверовых мест; особенно много было здесь лосей. Ныне — это пустыня. После пожаров все звери ушли на Арму и Кулумбе, притоки Имана.

Пройдя по Бягаму еще два километра, мы стали биваком на левом ее берегу в густом ельнике. По счету это был наш двенадцатый бивак от моря.

В сумерки Захаров ходил на охоту, но вместо дичи принес рыбу, которую он нашел в яме подо льдом. Это были красноперка, затем толпыга и ленок — всего девять рыб.

20 декабря мы употребили на переход до Бикина. Правый берег Бягаму нагорный, левый — низменный и лесистый. Горы носят китайское название Бэй-си-лаза и Данцанза. Голые вершины их теперь были покрыты снегом и своей белизной резко выделялись из темной зелени хвои.

Бягаму огибает Бей-си-лаза с юга и затем поворачивает на запад.

В нижнем течении река разбивается на протоки попарно, образуя острова, покрытые лесом. В верховьях ее растут лиственницы, ель и пихта, в среднем течении встречается кедр, а внизу по долине растут хорошие смешанные леса, состоящие из ясеня, ильма, тополя, осокоря, ольхи, черемухи, сирени, бересклета, липы и тонкоствольного тальника.

Я измерил несколько елей. Из сорока измерений в четырех местах (по 10 измерений в каждом) я получил следующие цифры: 44, 80, 103 и 140 сантиметров. Цифры эти указывают на лучшие качества леса по мере удаления от Сихотэ-Алиня.

Из крупных млекопитающих в верховьях Бягаму встречаются лось, рысь, бурый медведь и росомаха; ниже по течению — изюбр, кабан и тигр. Из царства пернатых я встретил на снегу следы глухарей, затем несколько раз видел большеклювых ворон, сорок, ореховок, роняк, пестрых дятлов, желн, поползней, и снегирей. Дерсу сообщил мне, что зимой, когда начинают замерзать реки, все крупные пернатые хищники спускаются к низовьям рек, где им легче найти себе пропитание.

Бягаму встречает Бикин рекою шириною около 100 и глубиною в 2—$2^1/_2$ метра.

Бикин (по-удэхейски Бики и по-китайски Дизинхе) — одна из самых больших рек Уссурийского края. Она длиною около 500 километров, истоки ее находятся в горах Сихотэ-Алиня на широте мыса Гладкого.

Невдалеке от устья реки Бягаму стояла одинокая удэхейская юрта. Видно было, что в ней давно уже никто не жил. Такие брошенные юрты в представлении туземцев всегда служат обиталищем злых духов.

По времени нам пора было устраивать бивак. Я хотел было войти в юрту, но Дерсу просил меня подождать немного. Он накрутил на палку бересту, зажег ее и, просунув факел в юрту, с криками стал махать им во все стороны. Захаров и Аринин смеялись, а он пресерьезно говорил им, что, как только огонь вносится в юрту, чорт вместе с дымом вылетает через отверстие в крыше. Только тогда человек может войти в нее без опаски.

Стрелки вымели из юрты мусор, полотнищем палатки завесили вход и развели огонь. Сразу стало уютно. Кругом разлилась приятная теплота.

Поздно вечером солдаты опять рассказывали друг другу страшные истории: говорили про мертвецов, кладбища, пустые дома и приведения. Вдруг что-то сильно бухнуло на реке — точно выстрел из пушки. Рассказчик прервал свою речь на полуслове. Все испуганно переглянулись.

— Лед треснул, — сказал Захаров.

Дерсу повернул голову в сторону шума и громко закричал что-то на своем языке.

— Кому ты кричишь? — спросил я его.

— Наша прогнал чорта из юрты, теперь его сердится — лед ломает, — отвечал гольд.

И, высунув голову за полотнища палатки, он опять стал громко говорить кому-то в пространство.

— Все равно, наша не боится. Тебе надо другой место ходи. Там, выше, есть еще одна пустая юрта.

Когда Дерсу вернулся на свое место, лицо его было опять равнодушно-сосредоточенное. Солдаты фыркали в кулак, а между тем со своими домовыми они также были наивны, как и Дерсу со своим чортом.

В это время где-то далеко снова треснул лед.

— Уехал, — сказал Дерсу довольным тоном и махнул рукой в сторону шума.

Я оделся и вышел из юрты. Ночь была ясная. По чистому безоблачному небу плыла полная луна. Снег искрился на льду, и от этого казалось еще светлее. В ночном воздухе опять воцарилось спокойствие.

Покончив с работой, я еще раз напился чаю, завернулся в одеяло и, повернувшись спиной к огню, сладко уснул.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ЗИМНИЕ ПРАЗДНИКИ

Река Бикин в среднем течении. — Зимняя охота на кабанов. — Вечеринка в юрте. — Недоразумение с разменом денег. — Представление туземцев о расстояниях. — Елка в лесу. — Игры на льду. — Лотерея.

Как надо было ожидать, к рассвету мороз усилился до 32° С. Чем дальше мы отходили от Сихотэ-Алиня, тем ниже падала температура. Известно, что в прибрежных странах очень часто на вершинах гор бывает теплее, чем в долинах. Очевидно, с удалением от моря мы вступили в «озеро холодного воздуха», наполнявшего долину реки Уссури.

С восходом солнца мы тронулись в путь.

От устья Бягаму Бикин, если не считать его частичные изгибы, течет все время на запад. С правой стороны на значительном протяжении тянется высокий террасообразный берег, похожий на плоскогорье и известный у китайцев под названием Лао-бей-лаза[42]. Это — мощный лавовый покров. Верхний слой базальта превратился в глину, что и послужило причиной заболачивания террасы, а это, в свою очередь, повлияло на растительность. Поэтому мы видим здесь только березняки, осинники и тощую лиственницу.

С плоскогорья Лао-бей-лаза стекают два ключа: Кямту и Сигими Бяса. Далее с правой стороны, в Бикин впадают:

река Бей-си-лаза, стекающая с горы того же имени, маленький ключик Музейза[43] и река Лаохозен[44], получившая свое название от слова «лахоу», что значит тигр. По рассказам удэхейцев, несколько лет тому назад здесь появился тигр, который постоянно ходил по соболиным ловушкам, ломал западни и пожирал все, что в них попадалось.

Ни одна река так сильно не разбивается на протоки, как Бикин. Удэхейцы говорят, что есть места, где можно насчитать двадцать две протоки. Течение Бикина гораздо спокойнее, чем течение Имана, но русло его завалено топлым лесом, что очень затрудняет плавание на лодках. От устья Бигаму до железной дороги около 350 километров.

Немного ниже Лаохозена находится небольшое удэхейское стойбище, носящее то же название и состоящее из трех юрт.

Мы подошли к нему в сумерки. Появление неизвестных людей откуда-то «сверху» напугало удэхейцев, но, узнав, что в отряде есть Дерсу, они сразу успокоились и приняли нас очень радушно. На этот раз палаток мы не ставили и разместились в юртах.

Вечером я расспрашивал удэхейцев об их жизни на Бикине и об отношениях их к китайцам.

М. Венюков, путешествовавший в Уссурийском крае в 1857 году, говорит, что тогда на реке Бикин китайцев не было вовсе, а жили только одни удэхейцы (он называет их орочонами). Сыны Поднебесной империи появились значительно позже. Они занесли сюда оспу, которая свирепствовала так сильно, что от некоторых стойбищ не осталось ни одного человека. В 1895 году на Бикине население состояло только из 306 душ обоего пола. Прибывшие на Бикин китайцы скоро превысили в численности удэхейцев, подчинили их себе и сделались полными хозяевами реки. Тогда удэхейцы впали в неоплатные долги и очутились в положении рабов. Рассказы о бесчеловечном обращении с ними китайцев полны ужаса: людей убивали, продавали, как скотину, избивали палками... Чтобы узнать о числе пойманных соболей, китайцы нередко прибегали к пыткам. Так продолжалось до тех пор, пока на помощь удэхейцам не пришел начальник Ястребов. С воинской командой он поднялся по реке и выселил с Бикина всех китайцев, оставив только стариков и калек. Эта мера помогла, удэхейцы вздохнули свободнее, но в последние годы опять начался наплыв китайцев на Бикин. На этот раз они колонизировались в местности Сигоу.

Уже две недели, как мы шли по тайге. По тому, как стрелки и казаки стремились к жилым местам, я видел, что они нуждаются в более продолжительном отдыхе, чем обыкновенная ночевка. Поэтому я решил сделать дневку в Лаохозенском стойбище. Узнав об этом, стрелки в юртах стали соответственно располагаться. Бивачные работы отпадали: не нужно было

рубить хвою, таскать дрова и т. д. Они разулись и сразу приступили к варке ужина.

В сумерки возвратились с охоты два юноши-удэхейца и сообщили, что недалеко от стойбища они нашли следы кабанов и завтра намерены устроить на них облаву. Охота обещала быть интересной, и я решил пойти вместе с ними.

Зимой, если снега выпадут глубокие, амурские туземцы охотятся за кабанами на лыжах. Дикие свиньи убегают далеко, но скоро устают. Тогда охотники догоняют их и бьют копьями. Ружей на такую охоту не берут ради экономии патронов, которые в тайге всегда очень дороги. Кроме того, охота с копьем нравится удэхейцам как спорт. Здесь молодые люди имеют случай показать свою силу и ловкость.

С вечера они стали готовиться: перетянули ремни у лыж и подточили копья. Так как завтра выступление было назначено до восхода солнца, то после ужина все рано легли спать.

Было еще темно, когда я почувствовал, что меня кто-то трясет за плечо. Я проснулся. В юрте ярко горел огонь. Удэхейцы уже приготовились; задержка была только за мной. Я быстро оделся, сунул два сухаря в карман и вышел на берег реки.

Чуть брезжилось; звезды погасли одна за другою; побледневший месяц медленно двигался навстречу легким воздушным облачкам. На другой стороне неба занималась заря. Утро было холодное. В термометре ртуть опустилась до — 39° С. Кругом царила торжественная тишина; ни единая былинка не шевелилась. Темный лес стоял стеной и, казалось, прислушивался, как трещат от мороза деревья. Словно щелканье бича, звуки эти звонко разносились в застывшем утреннем воздухе.

Удэхейцы шли впереди, а я следовал за ними. Пройдя немного по реке Лаохозен, они свернули в сторону, затем поднялись на небольшой хребет и спустились с него в соседний распадок. Тут охотники стали совещаться. Поговорив немного, они снова пошли вперед, но уже тихо, без разговоров.

Через полчаса стало совсем светло. Солнечные лучи, осветившие вершины гор, известили обитателей леса о наступлении дня.

В это время мы как раз дошли до того места, где юноши накануне видели следы кабанов.

Надо заметить, что летом дикие свиньи отдыхают днем, а ночью кормятся. Зимой обратное; днем они бодрствуют, а на ночь ложатся. Значит, вчерашние кабаны не могли уйти далеко. Началось преследование.

Я первый раз в жизни видел, как быстро удэхейцы ходят по лесу на лыжах. Вскоре я начал отставать от удэхейцев и затем потерял их из виду совсем. Бежать за ними вдогонку не имело смысла, и потому я пошел по их лыжнице, не торопясь. Так прошел я, вероятно, с полчаса; наконец, устал и сел отдох-

нуть. Вдруг позади меня раздался какой-то шум. Я обернулся и увидел двух кабанов, мелкой рысцой перебегавших мне дорогу. Я быстро поднял ружье и выстрелил, но промахнулся. Испуганные кабаны бросились в сторону. Не найдя крови на следах, я решил их преследовать. Минут через пятнадцать или двадцать я снова догнал кабанов. Они, видимо, устали и шли с трудом по глубокому снегу. Вдруг животные почуяли опасность и, словно солдаты по команде, быстро повернулись ко мне головами. По тому, как они двигали челюстями, и по звуку, который долетал до меня, я понял, что они подтачивали клыки. Глаза животных горели, ноздри были раздуты, уши насторожены. Будь один кабан, я, может быть, стрелял бы, но передо мной были два секача. Несомненно, они бросятся мне навстречу. Я воздержался от выстрела и решил подождать другого, более удобного случая. Кабаны перестали щелкать клыками; они подняли кверху свои морды и стали усиленно нюхать воздух, затем медленно повернулись и пошли дальше. Тогда я обошел стороною и снова догнал их. Кабаны остановились опять. Один из них клыками стал рвать кору на валежнике. Вдруг животные насторожились, затем издали короткий рев и пошли прокладывать дорогу влево от меня. В это время я увидел четырех удэхейцев. По выражению их лиц я понял, что они заметили кабанов. Я присоединился к ним и пошел сзади. Дикие свиньи далеко уйти не могли. Они остановились и приготовились к обороне. Удэхейцы обошли их кругом и стали сходиться к центру. Это заставило кабанов вертеться то в одну, то в другую сторону. Наконец, они не выдержали и бросились вправо. С удивительной ловкостью удэхейцы ударили их копьями. Одному кабану удар пришелся прямо под лопатку, а другой был ранен в шею. Этот последний ринулся вперед. Молодой удэхеец старался сдержать его копьем, но в это время послышался короткий сухой треск. Древко копья было перерезано клыками кабана, как тонкая хворостинка. Охотник потерял равновесие и упал вперед. Кабан метнулся в мою сторону. Инстинктивно я поднял ружье и выстрелил почти в упор. Случайно пуля попала прямо в голову зверя. Тут только я заметил, что удэхеец, у которого кабан сломал копье, сидел на снегу и зажимал рукой на ноге рану, из которой обильно текла кровь. Когда кабан успел царапнуть его клыком, не заметил и сам пострадавший. Я сделал ему перевязку, а удэхейцы наскоро устроили бивак и натаскали дров. Один человек остался с больным, другой отправился за нартами, а остальные снова пошли на охоту.

Поранение охотника не вызвало на стойбище тревоги: жена смеялась и подшучивала над мужем. Случаи эти так часты, что на них никто не обращал внимания. На теле каждого мужчины всегда можно найти следы кабаньих клыков и когтей медведя.

За день стрелки исправили поломки у нарт, удэхейские женщины починили унты и одежду. Чтобы облегчить людей, я нанял двух человек с нартами и собаками проводить нас до следующего стойбища.

На другой день, 23 декабря, мы продолжали наш путь.

Дальше река Бикин течет поперечному на северо-запад. Долина ее то сужинается до 200 метров, то расширяется до трех и более километров.

Здесь, в горах, растет преимущественно хвойный строевой лес, а внизу, в долине — смешанный, состоящий из ясеня, тополя, вяза, ильма, клена, дуба, липы и бархата.

После Лаохозена Бикин принимает в себя справа следующие речки: Сагде-ула, Кангату и Хабагоу, а слева — Чугулянкуни, Давасигчи и Сагде-гэ (по-китайски Ситцихе). С Давасигчи перевал будет опять-таки на реку Арму, в среднем ее течении. Две высокие сопки с правой стороны реки носят название Лао-бей-лаза и Сыфантай.

Около устья реки Давасигчи было удэхейское стойбище, состоящее из четырех юрт. Мужчины все были на охоте, дома остались только женщины и дети. Я рассчитывал сменить тут проводников и нанять других, но из-за отсутствия мужчин это оказалось невозможным. К моей радости, лаохозенские удэхейцы согласились итти с нами дальше.

После полудня мы миновали еще одно стойбище — Канготу. Здесь мы расстались с маньчжуром Чи-ши-у. Я снабдил его деньгами и продовольствием.

Незадолго до сумерек, немного не доходя реки Хабагоу, мы нашли еще одну жилую юрту и около нее стали биваком. В юрте была молодая женщина с двумя малыми детьми; муж ее тоже был на охоте. На этот раз я остался со стрелками в палатке. Вечером за мной пришел Дерсу и сказал, что женщина просит меня пожаловать к ней в гости. Обыкновенно удэхейские женщины до крайности молчаливы. Они всегда смотрят угрюмо, недоверчиво, не разговаривают с посторонними и часто даже лаконически не отвечают на задаваемые вопросы. В противоположность им наша новая знакомая была очень приветлива, держала себя просто и непринужденно. Она расспрашивала нас о кусунских тазах, о жизни в городе, о железной дороге и т. д. После ужина я попросил ее разменять мне десять рублей. Женщина стала тихонько о чем-то шептаться с Дерсу. Он что-то отвечал ей и громко смеялся. Потом я узнал, что она не понимает толку в деньгах, и спрашивала его, не обману ли я ее, если она принесет деньги и предоставит мне самому в них разобраться. Получив успокоительный ответ, она отправилась в амбар и принесла оттуда небольшую берестяную коробочку, украшенную орнаментами. В этой коробочке бумажных денег было рублей сорок. Подавая мне коробку, она сказала, что муж ее предпочитает серебряные деньги бумажным, потому что их

можно прятать в земле, а она — потому, что их можно нашивать на одежду.

Я хотел разменять деньги немельче и, положив десятирублевую бумажку ей на колени, стал отбирать из коробки рублевки. Вдруг я увидел на глазах ее слезы.

— Что такое? — спросил я гольда.

— Она говорит, — ответил мне Дерсу, — что ты дал ей одну бумажку, а из коробки взял десять.

Я сказал ей, чтобы она не беспокоилась, что я ее не обману и, когда муж ее придет, то увидит, что я поступил правильно. Но удэхейка отвечала, что муж ее тоже не понимает счета в деньгах, и продолжала заливаться слезами. Чтобы успокоить ее, я отказался от размена денег, положил рублевые бумажки обратно, взял назад свою десятирублевку и подарил ей новенький серебряный полтинник. Тревога мигом сбежала с ее лица; сквозь слезы она улыбнулась, затем принялась нас угощать чумизной кашей с рыбьей икрой и снова стала расспрашивать о жизни удэхейцев, живущих по ту сторону Сихотэ-Алиня.

Часов в девять вечера я вышел из юрты и невольно обратил внимание на небо. Вследствие ли особенной чистоты воздуха или каких-либо иных причин, звезды по величине и яркости лучей казались крупнее, и от этого на небе было светлее, чем на земле. Контур соседних гор и остроконечные вершины елей были видны отчетливо, ясно, зато внизу все утопало во тьме. Неясные, почти неуловимые ухом звуки наполняли сонный воздух; шум от полета ночной птицы, падения снега с ветки на ветку, шелест колеблемой легким дуновением слабого ветерка засохшей былинки — все это вместе не могло нарушить тишины, царившей в природе.

Я подошел к палатке. Стрелки давно уже спали. Я посидел немного у огня, затем снял обувь, пробрался на свое место и тотчас уснул.

На следующий день мы пошли дальше. В горах видны превосходные кедровые леса, зато в долине хвойные деревья постепенно исчезают, а на смену им выступают широколиственные породы, любящие илистую почву и обилие влаги.

Животное население этих лесов весьма разнообразно. Тут водятся тигр, рысь, дикая кошка, белка, бурундук, изюбр, козуля, кабарга, росомаха, соболь, хорек и летяга. Белогрудый медведь встречается по нижнему течению Бикина только до реки Хабагоу; выше будут владения бурого медведя. Когда бывает урожай кедровых орехов, то кабаны подымаются до реки Бягаму, если же кедровых орехов уродится мало, то они спускаются книзу, за скалы Сигонку-Гулиши. Бикин по справедливости считается одною из самых рыбных рек в крае. В нем во множестве водятся: вверху — харпус и ленок, по протокам в тинистых водах — сазан, налим и щука, а внизу, ближе к

устью — таймень и сом. Кета поднимается почти до самых истоков.

Около скал Сигонку стояли удэхейцы. От них я узнал, что на Бикине кого-то разыскивают и что на розыски пропавших выезжал пристав, но вследствие глубокого снега возвратился обратно. Я тогда еще не знал, что это касалось меня. По рассказам удэхейцев, дальше были еще две пустые юрты. В этом покинутом стойбище я решил в первый предпраздничный день устроить дневку.

— В каком это месте? — спросил я удэхейцев.

— Бей-си-лаза-датани, — отвечал один из них.

— Сколько верст? — спросил его Захаров.

— Две, — отвечал удэхеец уверенно.

Я попросил его проводить нас, на что он охотно согласился. Мы купили у них сохатиного мяса, рыбы, медвежьего сала и пошли дальше. Пройдя три километра, я спросил проводника, далеко ли до юрты.

— Недалеко, — отвечал он.

Однако мы прошли еще четыре километра, а стойбище, как заколдованное, уходило от нас все дальше и дальше. Пора было становиться на бивак, но обидно было копаться в снегу и ночевать по соседству с юртами. На все вопросы, далеко ли еще, удэхеец отвечал коротко:

— Близко.

За каждым изгибом реки я думал, что увижу юрты, но поворот следовал за поворотом, мыс за мысом, а стойбища нигде не видно было. Так прошли мы еще километров восемь. Вдруг меня надоумило спросить проводника, сколько верст еще осталось до Бей-си-лаза-датани.

— Семь, — отвечал он тем же уверенным тоном.

Стрелки так и сели, и начали ругаться. Оказалось, что наш проводник не имел никакого понятия о верстах. Об этом удэхейцев никогда не следует спрашивать. Они меряют расстояние временем: полдня пути, один день, двое суток и т. д.

Тогда я подал сигнал к остановке. Удэхеец говорил, что юрты совсем близко, но никто ему уже не верил. Стрелки принялись спешно разгребать снег, таскать дрова и ставить палатки. Мы сильно запоздали: глубокие сумерки застали нас за работой. Несмотря на это, бивак вышел очень удобный.

Вечером я угостил своих спутников шоколадом и ромом. Потом я рассказал им о жизни в древнем Риме, о Колизее и гладиаторах, которые своими страданиями должны были увеселять развращенную аристократию.

Стрелки слушали меня с глубоким вниманием.

Потом я показывал им созвездия на небе. Днем, при солнечном свете, мы видим только землю, ночью мы видим весь мир. Словно блестящая световая пыль была рассыпана по всему небосклону. От тихих сияющих звезд, казалось, исхо-

дал на землю покой, и потому в природе было все так торжественно и тихо.

Следующий день мы простояли на месте.

Еще при отъезде из Владивостока я захватил с собой елочные украшения: хлопушки, золоченые орехи, подсвечники с зажимами, золотой дождь, парафиновые свечи, фигурные пряники и тому подобные подарки: серебряную рюмку, перочинный нож в перламутровой оправе, янтарный мундштук и т. д. Все это я хранил в коллекционных ящиках и берег для праздника.

Около нашей палатки росла небольшая елочка. Мы украсили ее бонбоньерками и ледяными сосульками.

Днем на реке были устроены игры. К вбитому в лед колу привязали две веревки, концы их прикрепили к поясам двух человек и завязали им глаза. Одному в руки был дан колокольчик, а другому — жгут из полотенца. Сущность игры заключалась в том, что один должен был звонить в колокольчик и уходить, а другой подкрадываться на звук и бить звонаря жгутом. Игра эта увлекала всех. Туземцы смеялись до упаду и катались по земле так, что я не на шутку стал опасаться за их здоровье. Когда стемнело, я велел зажечь бенгальские огни. Вечер был ясный и тихий.

При розыгрыше подарков Дерсу выиграл трубку, это вышло как раз кстати. Затем были розданы сласти. Все были довольны и веселы. Пение стрелков далеко разносилось по реке, будило эхо и лесных зверей.

Около полуночи стрелки ушли в палатки и, лежа на сухой траве, рассказывали друг другу анекдоты, острили и смеялись. Мало-помалу голоса их стали затихать, реплики становились все реже и реже. Стрелок Турыгин пробовал было возобновить разговор, но ему уже никто не отвечал.

Скоро дружный храп возвестил о том, что все уснули.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

НАПАДЕНИЕ ТИГРА

Размен денег. — Замерзание реки. — Тава Китенбу. — Река Катэтабуни. — Перевал на Хор. — Непогода. — Бивак в снегу. — Дерсу и Альпа. — Буря. — Кабаны. — Тревожная ночь. — Тигр. — Рассвет. — Преследование зверя. — Следы. — Возвращение на бивак. — Росомахи.

Утром я отпустил обоих проводников. Тут случилось довольно забавное происшествие. Я дал им каждому по десять рублей: одному десять рублей бумажкой, а другому две пятирублевых. Тогда первый обиделся. Я думал, что он недоволен платой, и указал ему на товарища, который явно выказывал удовлетворение. Оказалось совсем иное: удэхеец обиделся на то, что я дал ему одну бумажку, а товарищу две. Я забыл, что они не разбираются в деньгах. Желая доставить удовольствие второму, я дал ему взамен десятирублевой бумажки три трехрублевых и одну рублевую. Тогда обиделся тот, у которого были две пятирублевые бумажки.

Чтобы помирить их, пришлось дать тому и другому бумажки одинакового достоинства. Надо было видеть, с каким довольным видом они отправились во-свояси.

После дневки у всех было хорошее настроение; люди шли бодро и весело.

От удэхейцев я узнал, что гроза со снегом, которую мы наблюдали 26 ноября на реке Нахтоху, была одновременно и на

Бикине. Первый снег выпал здесь 11 ноября, когда река только что начала замерзать. Лед, прикрытый снегом, уже не утолщался более. Наоборот, там, где снег сдуло ветрами, река промерзла глубоко. Вот почему замерзание местных рек отличается такой неравномерностью. Толщина льда часто колеблется от 1 до 70 сантиметров. Поэтому, если снег выпал рано, то по реке надо ходить осторожно, все время пробуя лед толстой палкой. В этом случае незаменимыми являются лыжи. Если лед выдерживает удары палки, можно итти свободно без лыж. Стрелки с недоверием отнеслись к словам удэхейцев и шли, не разбирая, но после одного-двух купаний убедились, что такими советами пренебрегать нельзя.

За день мы прошли километров восемнадцать и стали биваком около речки Катэтабауни.

Здесь оказались три юрты и одна фанза, называемая Спдунгоу [45]. В ней жили два старика; один из них был таза, другой — китаец-соболевщик. Хозяева фанзочки оказались очень гостеприимными и всячески старались нам услужить.

Мне очень хотелось подняться на Хорский перевал. Я стал расспрашивать о дороге. Таза Китенбу (так звали нашего нового знакомого) изъявил согласие быть проводником. Ему, вероятно, было около шестидесяти лет. В волосах на голове у него уже показались серебряные нити и лицо покрылось морщинами. По внешнему виду он нисколько не отличался от китайцев. Единственным доказательством его туземного происхождения было его собственное заявление. Он рассказывал, что ранее жил на Уссури, но, потесненный русскими переселенцами, перекочевал на реку Бикин, где и живет уже более десяти лет.

Китенбу тотчас же стал собираться. Он взял с собою заплатанное одеяло, козью шкуру и старую, много раз чиненную берданку; я взял чайник, записную книжку и спальный мешок, а Дерсу — полотнище палатки, трубку и продовольствие.

Кроме нас троих, в отряде было еще два живых существа: моя Альпа и другая, принадлежащая тазе, серенькая остромордая собачка со стоячими ушами, с кличкой Кады.

Катэ-Табань (Катэтабауни) — маленькая горная речка, протекающая по долине, суженной близ устья и несколько расширяющейся к истокам. Окружающие ее горы покрыты старым хвойно-смешанным лесом.

С утра стояла хорошая погода. Мы рассчитывали, что к вечеру успеем дойти до зверовой фанзы по ту сторону водораздела. Однако нашим мечтаниям не суждено было сбыться. После полудня небо стало заволакиваться слоистыми облаками; вокруг солнца появились круги, и вместе с тем начал подыматься ветер. Я хотел уже было повернуть назад, но Дерсу успокоил меня, сказав, что пурги не будет, будет только сильный ветер, который назавтра прекратится. Так оно и случилось. Часа в

четыре пополудни солнце скрылось, и не разберешь, в тучах или в тумане. Воздух был наполнен сухой снежной пылью.

Поднявшийся ветер дул нам навстречу и, как ножом, резал лицо. Когда начало смеркаться, мы были как раз на водоразделе. Здесь Дерсу остановился и стал о чем-то совещаться со стариком-тазом. Подойдя к ним, я узнал, что старик-таза немного сбился с дороги.

Из опасения заблудиться они решили заночевать под открытым небом.

— Капитан, — обратился ко мне Дерсу, — сегодня наша фанза найди нету, надо бивак делай.

— Хорошо, — сказал я, — давайте выбирать место.

Оба моих спутника еще поговорили между собою и, отойдя в сторону шагов двадцать, начали снимать котомки.

Место для бивака было выбрано, нельзя сказать чтобы удачное. Это была плоская седловина, поросшая густым лесом. В сторону от нее тянулся длинный отрог, оканчивающийся небольшою коническою сопкою. По обеим сторонам седловины были густые заросли кедровника и еще какого-то кустарника с неопавшею сухою листвой. Мы нарочно зашли в самую чащу его, чтобы укрыться от ветра, и расположились у подножья огромного кедра высотой, вероятно, метров в двадцать.

Дерсу взял топор и пошел за дровами, старик-таза начал резать хвою для подстилки, а я принялся раскладывать костер.

Только к шести с половиною часам мы окончили бивачные работы и сильно устали. Когда вспыхнул огонь, на биваке стало сразу уютнее. Теперь можно было переобуться, обсушиться и подумать об ужине. Через полчаса мы пили чай и толковали о погоде.

Моя Альпа не имела такой теплой шубы, какая была у Кады. Она прозябла и, утомленная дорогой, сидела у огня, зажмурив глаза, и, казалось, дремала. Тазовская собака, с малолетства привыкшая к разного рода лишениям, мало обращала внимания на невзгоды походной жизни. Свернувшись калачиком, она легла в стороне и тотчас уснула. Снегом всю ее запорошило. Иногда она вставала, чтобы встряхнуться, затем, потоптавшись немного на месте, ложилась на другой бок и, уткнув нос под брюхо, старалась согреть себя дыханием.

Дерсу всегда жалел Альпу и каждый раз, прежде чем разуться, делал ей из еловых ветвей и сухой травы подстилку. Если поблизости не было ни того, ни другого, он уступал ей свою куртку, и Альпа понимала это. На привалах она разыскивала Дерсу, прыгала около него, трогала его лапами и всячески старалась обратить на себя внимание. И как только Дерсу брался за топор, она успокаивалась и уже терпеливо дожидалась его возвращения с охапкой еловых веток.

Сами мы были утомлены не меньше, чем собаки, и потому тотчас после чая, подложив побольше дров в костер, стали устраиваться на ночь.

Расположились мы у огня каждый в отдельности. С подветренной стороны расположился я, Дерсу поместился сбоку. Он устроил себе нечто вроде палатки, а на плечи набросил пихель. Старик-таза поместился у подножья кедра, прикрывшись одеялом. Он взялся охарауливать бивак и поддерживать огонь всю ночь. Нарубив еловых веток, я разостлал на них свой мешок и устроился очень удобно. С одной стороны от ветра меня защищала валежина, а с другой — горел огонь.

В большом лесу во время непогоды всегда жутко. Так и кажется, что именно то дерево, под которым спишь, упадет на тебя и раздавит. Несмотря на усталость, я долго не мог уснуть.

Кто-то привел ветер в такое яростное состояние, что он, как бешеный зверь, бросался на все, что попадалось ему на пути. Особенно сильно доставалось деревьям. Это была настоящая борьба лесных великанов с обезумевшей воздушной стихией. Ветер налетал порывами, рвал, потом убегал прочь и жалобно выл в стороне. Являлось впечатление, будто мы попали в самую середину гигантского вихря. Ветер описывал большой круг, возвращался на наш бивак и нападал на кедр, стараясь во что бы то ни стало опрокинуть его на землю. Но это не удавалось.

Лесной великан хмурился и только солидно покачивался из стороны в сторону. Я вспомнил пургу около озера Ханка и снежную бурю при переходе через Сихотэ-Алинь. Я слышал, как таза подкладывал дрова в огонь и как шумело пламя костра, раздуваемое ветром. Потом все перепуталось, и я задремал. Около полуночи я проснулся. Дерсу и Китенбу не спали и о чем-то говорили между собою. По интонации голосов я догадался, что они чем-то встревожены.

«Должно быть, кедр качается и грозит падением», мелькнуло у меня в голове.

Я быстро сбросил с головы покрышку спального мешка и спросил, что случилось.

— Ничего, ничего, капитан, — отвечал мне Дерсу; но я заметил, что говорил он неискренно. Ему просто не хотелось меня беспокоить.

На биваке костер горел ярким пламенем. Дерсу сидел у огня и, заслонив рукой лицо от жара, поправлял дрова, собирая уголья в одно место; старик Китенбу гладил свою собаку. Альпа сидела рядом со мной и, видимо, дрожала от холода.

Казалось, что все злые духи собрались в одно место и с воем и плачем носились по тайге друг за другом. Точно они хотели разрушить порядок, данный природе, и создать снова хаос на земле. То слышались исступленный плач и стенания, то дикий

хохот и вой; вдруг на мгновение наступала тишина, и тогда можно было разобрать, что происходит поблизости. Но уже по этим перерывам было видно, что ветер скоро станет стихать.

Дрова в костре горели ярко. Черные тени и красные блики двигались по земле, сменяя друг друга; они то удалялись от костра, то приближались к нему вплотную и прыгали по кустам и снежным сугробам.

— Ничего, капитан, — сказал мне опять Дерсу. — Твоя можно спи. Наша так, сам говори.

Я не заставил себя упрашивать, закрылся опять с головою и заснул. Приблизительно через полчаса я снова проснулся. Меня разбудили голоса.

«Что-то неладное», подумал я и вылез из мешка.

Буря понемногу стихала. На небе кое-где показались звезды. Каждый порыв ветра сыпал на землю сухой снег с таким шумом, точно это был песок. Около огня я увидел своих приятелей. Таза был на ногах и к чему-то прислушивался. Дерсу стоял боком и, заслонив ладонью свет от костра, всматривался в темноту ночи. Собаки тоже не спали; они жались к огню, пробовали было ложиться, но тотчас же вскакивали и переходили на другое место. Они что-то чуяли и смотрели в ту же сторону, куда направлены были взоры Дерсу и старика-тазы.

Ветер сильно раздувал огонь, вздымая тысячи искр кверху, кружил их в воздухе и уносил куда-то в глубь леса.

— Что такое, Дерсу?! — спросил я гольда.

— Кабаны ходи, — отвечал он.

— Ну так что же?

Кабаны в лесу — это так естественно: животные шли, наткнулись на наш бивак и теперь шумно выражали свое неудовольствие.

Дерсу сделал рукой досадливый жест и сказал:

— Как тебе столько тайга ходи — понимай нету!.. Зимой ночью кабаны ходи не хочу.

В той стороне, куда смотрели Дерсу и Китенбу, слышался треск ломаемых сучьев и характерное «чиханье» диких свиней.

Немного не доходя до нашего бивака, кабаны спустились с седловины и обошли коническую сопку стороной.

Я размялся, и спать мне уже не хотелось.

— А почему эти кабаны идут ночью? — спросил я Дерсу.

— Его напрасно ходи нету, — отвечал он. — Его другой люди гоняй.

Я подумал было, что он говорит про удэхейцев, и мысленно удивился, как ночью они ходят по тайге на лыжах. Но вспомнил, что Дерсу «людьми» называл не одних только людей, и сразу все понял: кабанов преследовал тигр. Значит, хищник был где-то поблизости от нас.

Понемногу в природе стал водворяться порядок. Какая-то другая сила начала брать верх над ветром и заставляла его

успокаиваться. Но, судя по тому, как качались старые кедры, видно было, что там, вверху, не все еще благополучно.

Я не стал дожидаться чая, подтащил свой мешок поближе к огню, залез в него и опять заснул. Мне показалось, что я спал очень долго. Вдруг что-то тяжелое навалилось мне на грудь и одновременно с этим я услышал визг собаки и отчаянный крик Дерсу:

— Скорей!

Быстро сбросил я с себя верхний клапан мехового мешка. Снег и сухие листья обдали мне лицо. В то же мгновение я увидел, как какая-то длинная тень скользнула наискось к лесу. На груди у меня лежала Альпа.

Костер почти что совсем угас: в нем тлели только две головешки. Ветер раздувал угольи и разносил искры по снегу. Дерсу сидел на земле, упершись ногами в снег. Левою рукою он держался за грудь и, казалось, хотел остановить биение сердца. Старик-таза лежал ничком в снегу и не шевелился.

Несколько мгновений я не мог сообразить, что случилось, и что мне надо делать. С трудом я согнал с себя собаку, вылез из мешка и подошел к Дерсу.

— Что случилось? — спросил я его, тряся за плечо.

— Амба, Амба! — испуганно закричал он. — Амба совсем наша бивак ходи! Один собака таскай!

Тут только я заметил, что нет тазовской собаки.

Дерсу поднялся с земли и стал приводить в порядок костер.

Как только появился огонь, таза тоже пришел в себя; он испуганно озирался по сторонам и имел вид сумасшедшего. В другое время он показался бы смешным.

На этот раз больше всего самообладания сохранил я. Это потому, что я спал и не видел того, что тут произошло. Однако скоро мы поменялись ролями: когда Дерсу успокоился, испугался я. Кто поручится, что тигр снова не придет на бивак, не бросится на человека? Как все это случилось и как это никто не стрелял?

Оказалось, что первым проснулся Дерсу; его разбудили собаки. Они все время прыгали то на одну, то на другую сторону костра. Спасаясь от тигра, Альпа бросилась прямо на голову Дерсу. Спросонья он толкнул ее и в это время увидел совсем близко от себя тигра. Страшный зверь схватил тазовскую собаку и медленно, не торопясь, точно понимая, что ему никто помешать не может, понес ее в лес. Испуганная толчком, Альпа бросилась через огонь и попала ко мне на грудь. В это самое время я услышал крик Дерсу.

Инстинктивно я схватил ружье, но не знал, куда стрелять.

Вдруг в зарослях позади меня раздался шорох.

— Здесь! — сказал шопотом таза, указывая рукою вправо от кедра.

— Нет, тут, — ответил Дерсу, указывая в сторону, совершенно противоположную.

Шорох повторился, но на этот раз с обеих сторон одновременно. Ветер шумел вверху по деревьям и мешал слушать. Порой мне казалось, что я как будто действительно слышу треск сучков и вижу даже самого зверя, но вскоре убеждался, что это совсем не то: это был или колодник, или молодой ельник.

Кругом была такая чаща, сквозь которую и днем-то ничего нельзя было бы рассмотреть.

— Дерсу, — сказал я гольду, — полезай на дерево. Тебе сверху хорошо будет видно.

— Нет, — отвечал он, — моя не могу. Моя старый люди: теперь дерево ходи — совсем понимай нету.

Старик таза тоже отказался лезть на дерево. Тогда я решил взобраться на кедр сам. Ствол его был ровный, гладкий и с подветренной стороны запорошенный снегом. С большими усилиями я поднялся не более как на три метра. У меня скоро озябли руки, и я должен был спуститься обратно на землю.

— Не надо, — сказал Дерсу, поглядывая на небо. — Скоро ночь кончай.

Он взял винтовку и выстрелил в воздух. Как раз в это время налетел сильный порыв ветра. Звук выстрела затерялся где-то поблизости.

Мы разложили большой огонь и принялись варить чай. Альпа все время жалась то ко мне, то к Дерсу и при малейшем шуме вздрагивала и испуганно озиралась по сторонам.

Минут сорок мы еще сидели у огня и делились впечатлениями.

Наконец, начало светать. Воздух наполнился неясными сумеречными тенями, звезды стали гаснуть, точно они уходили куда-то в глубь неба. Еще немного времени — и кроваво-красная заря показалась на востоке. Ветер стал быстро стихать, а мороз — усиливаться. Тогда Дерсу и Китенбу пошли к кустам. По следам они установили, что мимо нас прошло девять кабанов и что тигр был большой и старый. Он долго ходил около бивака и тогда только напал на собак, когда костер совсем угас.

Я предложил Дерсу оставить вещи в таборе и пойти по тигровому следу. Я думал, что он откажется, и был удивлен, узнав, что Дерсу согласен отнять у тигра задавленную собаку.

Гольд стал говорить о том, что тигру дано в тайге много корма и запрещено нападать на человека. Этот тигр следил кабанов, но по пути увидел людей, напал на наш бивак и украл собаку.

— Такой Амба можно стреляй, греха нет, — закончил он свою длинную речь.

Закусив наскоро холодным мясом и напившись горячего чаю, мы надели лыжи и пошли по тигровому следу.

Непогода совсем почти стихла. Вековые ели и кедры утратили свой белый наряд, зато на земле во многих местах намело большие сугробы. По ним скользили солнечные лучи, и от этого в лесу было светло по-праздничному.

От нашего бивака тигр шел обратно старым следом и привел нас к валежнику. Следы шли прямо под бурелом.

— Не торопись, капитан, — сказал мне Дерсу. — Прямо ходи не надо; надо кругом ходи, хорошо посмотри.

Мы стали обходить бурелом стороною.

— Уехали! — вдруг закричал Дерсу и быстро повернул в направлении нового следа.

Тут ясно было видно, что тигр долго сидел на одном месте. Под ним подтаял снег. Собаку он положил перед собою и слушал, нет ли сзади погони. Потом он понес ее дальше.

Так мы прошли еще три часа.

Тигр не шел прямо, а выбирал такие места, где было меньше снегу, где гуще были заросли и больше бурелома. В одном месте он взобрался на поваленное дерево и долго стоял на нем, но вдруг чего-то испугался, прыгнул на землю и несколько метров полз на животе. Время от времени он останавливался и прислушивался: когда мы приближались, то уходил сперва прыжками, а потом шагом и рысью.

Наконец, Дерсу остановился и стал совещаться со стариком-тазом. По его мнению, надо было возвратиться назад, потому что тигр не был ранен, снег недостаточно глубок и преследование являлось бесполезной тратой времени.

Мне казалось странным и совершенно непонятным, почему тигр не ест собаку, а тащит ее с собой. Как бы в ответ на мои мысли, Дерсу сказал, что это не тигр, а тигрица и что у нее есть тигрята; к ним-то она и несет собаку. К своему логовищу она нас не поведет, а будет водить по сопкам до тех пор, пока мы от нее не отстанем. С этими доводами нельзя было не согласиться.

Когда было решено возвращаться на бивак, Дерсу повернулся в ту сторону, куда ушел тигр, и закричал:

— Амба! Твоя лицо нету. Ты вор, хуже собаки. Моя тебя не боится. Другой раз тебя посмотри — стреляй.

После этого он закурил свою трубку и пошел назад по протоптанной лыжнице.

Немного не доходя до бивака, как-то случилось так, что я ушел вперед, а таза и Дерсу отстали. Когда я поднялся на перевал, мне показалось, что кто-то с нашего бивака бросился под гору. Через минуту мы подходили к табору.

Все наши вещи были разбросаны и изорваны. От моего спального мешка остались только одни клочки. Следы по снегу указывали, что такой разгром произвели две росомахи. Их-то, вероятно, я и видел при приближении к биваку.

Собрав, что можно было, мы быстро спустились с перевала и пошли назад к биваку.

Идти под гору было легко, потому что старая лыжница, хотя и была запорошена снегом, но крепко заметелилась. Мы не шли, а просто бежали и к вечеру присоединились к своему отряду.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЁТЬЯ

КОНЕЦ ПУТЕШЕСТВИЮ

Река Бикин в нижнем течении. — Ночевка в покинутом жилище. — Грязная вода. — Местность Сигоу. — Новый год. — Прием у китайцев. — Встреча с Мерзляковым. — Олон. — Порочное население. — Табандо. — Река Амчан. — Железнодорожная станция.

Двадцать девятого декабря мы выступили в дальнейший поход вниз по реке Бикину, которая здесь течет строго на запад. Чем ниже, тем река больше разбивается на протоки. При умении можно ими пользоваться и значительно сокращать дорогу.

На островах между протоками, в местностях Хойтун и Митахеза, мы встречаем туземцев, происшедших от брака китайцев с удэхейскими женщинами. Это те же «чжагубай»[46] (по-китайски «кровосмешение»), что и в прибрежном районе на реках Тадушу, Тетюхе и Санхобе. Они живут в фанзах китайского типа и занимаются рыболовством, охотой и огородничеством. Насколько недавно люди эти занялись земледелием, видно из того, что на возделываемой ими земле сохранились пни, которые они не успели еще выкорчевать.

Река Бикин считается самою лесистою рекою. Лесом покрыто все: горы, долины и острова. Бесконечная тайга тянется во все стороны на сотни километров. Немудрено, что места эти в бассейне Уссури считаются самыми зверовыми.

Около горы Бомбдиниза, с правой стороны Бикина, мы нашли одну пустую удэхейскую юрту. Из осмотра ее Дерсу выяснил, почему люди покинули жилище, — черт мешал им жить и строил разные козни: кто-то умер, кто-то сломал ногу, приходил тигр и таскал собак. Мы воспользовались этой юртой и весьма удобно расположились в ней на ночлег.

Стрелки пошли за дровами, а Дерсу опять принялся дымом выгонять черта из юрты. Я взял ружье и пошел вниз по реке на разведки.

С утра хмурившаяся погода разразилась крупным мокрым снегом при полном безветрии.

Громадные кедры, словно исполинские часовые, стояли теперь неподвижно и не шептались между собой.

Вечерние сумерки, хлопья снега, лениво падающего с неба, и угрюмый, молчаливый лес — все это вместе создавало картину бесконечно тоскливую...

Мимо меня бесшумно пролетела сова, испуганный заяц шарахнулся в кусты, и сова тотчас свернула в его сторону. Я посидел немного на вершине и пошел назад. Через несколько минут я подходил к юрте. Из отверстия ее в крыше клубами вырывался дым с искрами, из чего я заключил, что мои спутники устроились и варили уху.

За чаем стали опять говорить о привидениях и злых духах.

Захаров все домогался, какой черт у гольдов. Дерсу сказал, что черт не имеет постоянного облика и часто меняет «рубашку», а на вопрос, дерется ли черт с добрым богом Эндури, гольд пресерьезно ответил:

— Не знаю! Моя никогда это не видел.

После чая, когда все полегли на свои места, я еще с час работал, приводил в порядок свой дневник и затем все покончил сном.

30 декабря наш отряд дошел до местности Тугулу с населением, состоящим из «кровосмешанных» туземцев. Чем ближе мы подвигались к Уссури, тем больше и больше встречалось китайцев и тем больше утрачивался тип удэхейцев.

В этих местах Бикин принимает в себя следующие маленькие речки: Амба, Фунзилаза[47], Уголикоколи, Рохоло и Тугулу. Из возвышенностей в этом районе следует отметить с правой стороны гранитные сопки: Фунзилаза, Рохоло, Джара-Хонкони, местность Ваизиками, а с левой стороны: Вамбабоза с вершинами Амбань, Уголи и Лансогой со скалой Банга, состоящей из мелафира.

Ниже Сыфантая Бикин достигает ширины до двухсот метров при глубине около двух метров и быстроте течения четыре километра в час.

Потому ли, что земля переместилась в плоскости эклиптики по отношению к солнцу, или потому, что мы все более и более удалялись от моря (вероятно, имело место и то и дру-

гое), но только заметно день удлинился и климат сделался ровнее. Сильные ветры остались позади. Барометр медленно поднимался, приближаясь к 760. Утром температура стояла низкая (—30° С), днем немного повышалась, но к вечеру опять падала до —25° С.

Сегодня случилось маленькое событие, опечалившее Дерсу и очень меня насмешившее.

В моей сумочке было много всякой мелочи: цветные карандаши, перочинный ножик, резина, игольник с нитками, шило, часы, секундомер и пр. Часть этих предметов, в том числе и роговую чернильницу с завинчивающейся пробкой и наполненную чернилами, я дал нести Дерсу. После полудня он вдруг подбежал ко мне и тревожным голосом сообщил, что потерял...

— Что? — спросил я его.

Он мялся и не знал, что ответить. Я видел, что он находился в затруднительном положении и мысленно перебирал в памяти все известные русские слова.

— Что ты потерял? — переспросил я его вторично.

— Грязную воду, — ответил он сконфуженно.

В лексиконе его не было слова «чернила», и он не знал, как назвать жидкость, которая все так пачкает.

Мои спутники рассмеялись, а он обиделся. Он понял, что мы смеемся над его оплошностью, и стал говорить о том, что «грязную воду» он очень берег. Одни слова, говорил он, выходят из уст человека и распространяются вблизи по воздуху. Другие закупорены в бутылку. Они садятся на бумагу и уходят далеко. Первые пропадают скоро, вторые могут жить сто годов и больше. Эту чудесную «грязную воду» он, Дерсу, не должен был носить вовсе, потому что не знал, как с ней надо обращаться.

Последний день 1907 года мы посвятили переходу к местности Сигоу (Западная долина), самому населенному пункту на Бикине. Здесь живут исключительно китайцы. В 1882 году селение это называлось Сиа-моу-дпуза[48], в 1894 году в нем насчитывалось 70 человек. Немного выше Сигоу (километра на два) есть еще два поселка, Цамодынза[49] и Дафазигоу (последний ныне заброшен). Обитатели Сигоу занимаются поисканием женьшеня, охотой, соболеванием, выгонкой спирта и эксплоатацией удэхейцев. С большим трудом они очищают от леса участки земли и засевают их пшеницей и кукурузой.

Горный хребет с правой стороны реки называется Олонцынза и имеет две видные вершины: Дангова и Цамодынза. Отроги последних оканчиваются около реки скалистыми обрывами Чжагали, Хонкони и Дайгу[50].

Рядом с Бикином и почти параллельно ему течет большая река Алчан. На перевале между этими двумя реками, на горе

Новосидьцам, есть естественный водоем овальной формы, около 150 метров в окружности.

То обстоятельство, что навстречу нам выезжал пристав, поднято мой престиж в глазах китайцев. Вероятно, поэтому они устроили нам торжественную встречу с флагами, трещотками, ракетами и бумажными фонарями. С большой помпой мы вступили в селение Сигоу.

Китайцы зарезали свинью и убедительно просили меня провести у них завтрашний день. Наши продовольственные запасы истощились совсем, а перспектива встретить новый год в более культурной обстановке, чем обыкновенный бивак, улыбалась моим стрелкам. Я согласился принять приглашение китайцев, но взял со своих спутников обещание, что пить много вина они не будут. Мои спутники сдержали данное слово, и я ни одного из них не видел в нетрезвом состоянии.

Следующий день был солнечный и морозный. Утром я построил свою команду, провозгласил тост за всех, кто содействовал снаряжению нашей экспедиции. В заключение я сказал людям приветственное слово и благодарил их за примерную службу. Крики «ура» разнеслись по лесу.

Из соседних фанз выбежали китайцы и, узнав в чем дело, опять пустили в ход трещотки.

Только что мы разошлись по фанзам и принялись за обед, как вдруг снаружи донесся звон колокольчика. Китайцы прибежали с известием, что приехал пристав. Через несколько минут кто-то в шубе ввалился в фанзу. И вдруг пристав этот превратился в А. И. Мерзлякова. Мы поздоровались. Начались расспросы. Оказалось, что он (а вовсе не пристав) хотел было итти мне навстречу, но отложил свою поездку вследствие глубокого снега.

Мой путь приближался к концу. Из Сигоу мы поехали на лошадях, пришедших вместе с А. И. Мерзляковым. Всего саней было трое.

От Сигоу до станции Бикин на протяжении 160 километров идет хорошая санная дорога, проложенная лесорубами. Это расстояние мы проехали в трое суток.

Сказать, какой ширины здесь река, нельзя, равно не поддается исчислению и быстрота движения воды по руслу. В разных протоках течение различное. По Бикину (в нижнем течении) сплавляется много леса, поэтому русло его ежегодно очищают от бурелома, но, несмотря на это, плавание плотов не всегда бывает благополучным. Много их разбивается около утесов Чикагали, Хонкони и Дайгу.

Высокий горный хребет, протянувшийся с правой стороны Бикина, называется Олонцыиза. Он выдвигает от себя на юг мощный отрог, оканчивающийся сопкой Олонгу-Уони. Бикин обходит ее с юга и затем вновь поворачивает на запад. В этом

горном кряже есть несколько приметных вершин со следующими названиями: Богоулаза[51], Чжунтайза и Госкондза[52], обрывающаяся к реке утесами Синдафу и Гсанза. Около Чжунтайзы есть выходы бурого угля на дневную поверхность.

Километрах в пятнадцати от Сигоу, вниз по реке Бикину, встречается местность, свободная от леса и с землею, годною для обработки. Тут жили окитаившиеся гольды.

Здешние китайцы в большинстве случаев разные бродяги, проведшие жизнь в грабежах и разбоях. Любители легкой наживы, они предавались курению опиума и азартным играм, во время которых дело часто доходило до кровопролития. Весь беспокойный, порочный элемент китайского населения Уссурийского края избрал низовья Бикина своим постоянным местопребыванием. Здесь по островам, в лабиринте потоков, в юртах из корья, построенных по туземному образцу, они находили условия, весьма удобные для своего существования.

Местное туземное население должно было подчиниться и доставлять им продовольствие. Мало того, китайцы потребовали, чтобы мясо и рыбу приносили к ним женщины. Запуганные тазы все это исполняли. Невольно поражаешься тому, как русские власти мирились с таким положением вещей и не принимали никаких мер к облегчению участи закабаленных туземцев.

От Сигоу вниз по реке Бикину часто встречались зимовья, построенные русскими лесопромышленниками. Зимовье от зимовья находилось на расстоянии 25 километров. За день мы проехали километров пятьдесят и заночевали около устья реки Гоголауза.

3 января мы выехали еще задолго до восхода солнца. Возчики-казаки поторапливали нас, да и всем нам одинаково хотелось поскорее добраться до железной дороги.

Когда еще далеко, то обыкновению идешь не торопясь, но чем ближе приближаешься к концу, тем больше волнуешься, начинаешь торопиться, делать промахи и часто попадаешь впросак. В таких случаях надо взять себя в руки и терпеливо подвигаться, не ускоряя шага.

От Олона до Табандо около 40 километров. Здесь река прижимается к правому краю долины, а слева тянется огромное болото. Горы отходят далеко в сторону и теряются в туманной дали на юго-западе.

Река Алчан будет правым, самым большим и последним притоком Бикина. Верховья ее находятся в горах Оло (по-китайски Олонцзиза[53]).

Длина реки около ста километров и в истоках слагается из двух рек: Санго (что по-удэхейски значит медведь) и самого Алчана, который в верхней части имеет широтное направление.

Дальше направление течения Алчана определяет невысокий, расплывшийся в ширину горный кряж, идущий в направ-

лении с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Оконечность его подходит к Бикину и называется Даютай [54].

Место это называется Банадо, что значит «переволок». Обыкновенно здесь перетаскивают лодки из одной реки в другую, что значительно сокращает дорогу и дает выигрыш во времени.

У казаков про Табандо ходят нехорошие слухи. Это постоянный притон хунхузов. Они поджидают тут китайцев, направляющихся на Уссури, и обирают их дочиста. Хунхузы не дают спуска и русским, если судьба случайно занесет их сюда без охраны.

Широкая долина Алчана с правой стороны нагорная, с левой — пологая. Около переволока она суживается до одного километра. Это будет как раз место его прежнего впадения в Бикин. Отсюда Алчан течет уже большой рекой, шириною в 60—80 и глубиною 2—2½ метра. По долине в среднем его течении наблюдается развитие диоритов, малафитов, базальтов, андезитов и их туфов.

Обогнув гору Даютай, Алчан, как уже выше было сказано, входит в старое русло Бикина и по пути принимает в себя с правой стороны еще три обильных водой притока: Ольду (по-китайски Култухе), Таудахе[55] и Малую Култухе. Алчан впадает в Бикин в десяти километрах к югу от станции железной дороги того же имени. Долина его издавна славится как хорошее охотничье угодье и как место женьшеневого промысла.

Из животных здесь держатся: изюбр, дикая козуля, кабарга, кабан, тигр, росомаха, енотовидная собака, соболь и рысь. Последняя чаще всего встречается по реке Култухе. С 1904 года по реке Алчану стали производиться большие порубки и сплав леса. Это в значительной степени разогнало зверей, но все же и теперь еще казаки, по старой памяти, ходят на Алчан и никогда не возвращаются с пустыми руками.

В селение Табандо мы приехали в сумерки. Здесь было восемь фанз, в которых жило до семидесяти человек китайцев.

4 января было последним днем нашего путешествия. Казаки разбудили меня очень рано.

Было темно, но звезды на небе уже говорили, что солнце приближается к горизонту. Морозило... Термометр показывал —34° С. Гривы, спины и морды у лошадей заиндевели. Когда мы тронулись в дорогу, только что начинало светать.

На переволоке было так мало снегу, что пришлось вылезти из саней и переносить на себе грузы.

Дно низового Бикина илистое и песчаное. Около берегов часто попадаются сухие релки и между ними маленькие озерки, а дальше в стороны — болота, поросшие редкой лиственницей и тощею белой березой.

Вскоре после полудня мы прибыли в казачий поселок Георгиевский, немного здесь отдохнули и отправились на станцию Уссурийской железной дороги.

Красота жизни заключается в резких контрастах. Как было бы приятно из удэхейской юрты сразу попасть в богатый городской дом! К сожалению, переход этот бывает всегда постепенным: сначала юрта, потом китайская фанза, за ней крестьянская изба, затем уже город.

После долгого питья из кружки дешевого кирпичного чая с привкусом дыма с каким удовольствием я пил хороший чай из стакана! С каким удовольствием я сходил в парикмахерскую, вымылся в бане и затем лег в чистую постель с мягкой подушкой!..

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

СМЕРТЬ ДЕРСУ

Приехали мы в Хабаровск 7 января вечером. Стрелки пошли в свои роты, а я вместе с Дерсу отправился к себе на квартиру, где собрались близкие мне друзья.

На Дерсу все поглядывали изумленно и с любопытством. Он тоже чувствовал себя не в своей тарелке и долго не мог освоиться с новыми условиями жизни.

Я отвел ему маленькую комнату, в которой поставил кровать, деревянный стол и два табурета. Последние ему, видимо, совсем были не нужны, так как он предпочитал сидеть на полу или чаще на кровати, поджав под себя ноги по-турецки. В этом виде он напоминал бурхана из буддийской кумирни. Ложась спать, он, по старой привычке, поверх сенного тюфяка и ватного одеяла каждый раз подстилал под себя козью шкурку.

Любимым местом Дерсу был уголок около печки. Он садился на дрова и подолгу смотрел на огонь. В комнате для него все было чуждо, и только горящие дрова напоминали тайгу. Когда дрова горели плохо, он сердился на печь и говорил:

— Плохой люди, его совсем не хочу горп.

Иногда я подсаживался к нему, и мы вспоминали все пережитое во время путешествий. Эти беседы обоим нам доставляли большое удовольствие.

Однажды мне пришла мысль записать речь Дерсу фонографом. Он вскоре понял, что от него требовалось, и произнес в трубку длинную сказку, которая заняла почти весь валик. Затем я переменил мембрану на воспроизводящую и завел машину снова. Дерсу, услышав свою речь, переданную ему обратно машиной, нисколько не удивился, ни один мускул на лице его не шевельнулся. Он внимательно прослушал конец и затем сказал:

— Его, — он указал на фонограф, — говорит верно, ни одного слова пропускай нету.

Дерсу оказался неисправимым анимистом: он очеловечил и фонограф.

По возвращении из экспедиции всегда бывает много работы: составление денежных и служебных отчетов, вычерчивание маршрутов, разборка коллекций и т. п. Дерсу заметил, что я целые дни сидел за столом и писал.

— Моя раньше думай, — сказал он, — капитан так сиди, — он показал, как сидит капитан, — кушает, людей судит, другой работы нету. Теперь моя понимай: капитан сопка ходи — работай, назад город ходи — работай. Совсем гуляй не могу.

Такое представление у туземцев о начальствующих лицах вполне естественно. В словах Дерсу мы узнаем китайских чиновников, которые главным образом несут обязанности судей, милуют и наказывают по своему усмотрению. Дерсу, быть может, сам и не видел их, но, вероятно, много слышал от тех гольдов, которые бывали в Сан-Сине.

Однажды войдя к нему в комнату, я застал его одетым. В руках у него было ружье.

— Ты куда? спросил я.

— Стрелять, — отвечал он просто, и, заметив в моих глазах удивление, стал говорить о том, что в стволе ружья накопилось много грязи. При выстреле пули пройдет по нарезам и очистит их; после этого канал ствола останется только протереть тряпкой.

Запрещение стрельбы в городе было для него неприятным открытием. Он повертел ружье в руках и, вздохнув, поставил его назад в угол. Почему-то это обстоятельство особенно сильно его взволновало.

На другой день, проходя мимо комнаты Дерсу, я увидел, что дверь в нее притворена. Случилось как-то так, что я вошел тихо. Дерсу стоял у окна и что-то вполголоса говорил сам с собою. Замечено, что люди, которые подолгу живут одинокими в тайге, привыкают вслух выражать свои мысли.

— Дерсу! — окликнул я его.

Он обернулся. На лице его мелькнула горькая усмешка.

— Ты что? — обратился я к нему с вопросом.

— Так, — отвечал он. — Моя здесь сиди все равно утка. Как можно люди в ящике сидеть? — Он указал на потолок и стены комнаты. — Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй.

Дерсу замолчал, повернулся к окну и опять стал смотреть на улицу. Он тосковал об утраченной свободе. «Ничего, — подумал я. — Обживется и привыкнет к дому».

Случилось как-то раз, что в его комнате нужно было сделать небольшой ремонт: исправить печь и побелить стены. Я сказал ему, чтобы он дня на два перебрался ко мне в кабинет, а затем, когда комната будет готова, он снова в нее вернется.

— Ничего, капитан, — сказал он мне. — Моя можно на улице спи: палатку делай, огонь клади, мешай нету.

Ему казалось все так просто, и мне стоило больших трудов отговорить его от этой затеи. Он не был обижен, но был недоволен тем, что в городе много стеснений: нельзя стрелять, потому что все это будет мешать прохожим.

Однажды Дерсу присутствовал при покупке дров; его поразило то, что я заплатил за них деньги.

— Как! — закричал он. — В лесу много дров есть, зачем напрасно деньги давай?

Он ругал подрядчика, назвав его «плохой люди», и всячески старался убедить меня, что я обманут. Я пытался было объяснить ему, что плачу деньги не столько за дрова, сколько за труд, но напрасно. Дерсу долго не мог успокоиться и в этот вечер не топил печь. На другой день, чтобы не вводить меня в расход, он сам пошел в лес за дровами. Его задержали и составили протокол. Дерсу по-своему протестовал, шумел. Тогда его препроводили в полицейское управление. Когда мне сообщили об этом по телефону, я постарался уладить дело.

Сколько потом я ни объяснял ему, почему нельзя рубить деревьев около города, он меня так и не понял.

Случай этот произвел на него сильное впечатление. Он понял, что в городе надо жить не так, как хочет он сам, а как этого хотят другие. Чужие люди окружали его со всех сторон и стесняли на каждом шагу. Старик начал задумываться, уединяться; он похудел, осунулся и даже как будто еще более постарел.

Следующее маленькое событие окончательно нарушило его душевное равновесие, он увидел, что я заплатил деньги за воду.

— Как! — опять закричал он. — За воду тоже надо деньги плати? Посмотри на реку, — он указал на Амур, — воды много есть. Землю, воду, воздух бог даром давал. Как можно?

Он не договорил, закрыл лицо руками и ушел в свою комнату.

Вечером я сидел в кабинете и что-то писал. Вдруг я услышал, что дверь тихонько скрипнула. Я обернулся: на пороге стоял Дерсу. С первого взгляда я увидел, что он хочет меня о чем-то просить. Лицо его выражало смущение и тревогу. Не успел я задать вопрос, как вдруг он опустился на колени и заговорил:

— Капитан! Пожалуйста, пусти меня в сопки. Моя совсем не могу в городе жить: дрова купи, воду тоже надо купи, дерево руби — другой люди ругается.

Я поднял его и посадил на стул.

— Куда же ты пойдешь? — спросил я.

— Туда! — он указал рукой на синеющий вдали хребет Хехцир.

Жаль мне было с ним расставаться, но жаль было и задерживать. Пришлось уступить. Я взял с него слово, что через месяц он вернется обратно, и тогда мы вместе поедем на реку Уссури. Там я хотел устроить его на житье у знакомых мне тазов.

Я полагал, что Дерсу дня два еще пробудет у меня, и хотел снабдить его деньгами, продовольствием и одеждой.

Но вышло иначе.

На другой день, утром, проходя мимо его комнаты, я увидел, что дверь в нее открыта. Я заглянул туда — комната была пуста.

Уход Дерсу произвел на меня тягостное впечатление, словно что-то оборвалось в груди, закралось какое-то нехорошее предчувствие; я чего-то боялся, что-то говорило мне, что я больше его не увижу. Я был расстроен на весь день; работа валилась у меня из рук. Наконец, я бросил перо, оделся и вышел.

На дворе была уже весна: снег быстро таял. Из белого он сделался грязным, точно его посыпали сажей. В сугробах в направлении солнечных лучей появились тонкие ледяные перегородки; днем они рушились, а за ночь опять замерзали. По канавам бежала вода. Она весело журчала и словно каждой сухой былинке торопилась сообщить радостную весть о том, что она проснулась и теперь позаботится оживить природу.

Возвращающиеся с полевых работ стрелки говорили, что видели на дороге какого-то человека с котомкой за плечами и с ружьем в руках. Он шел радостный, веселый и напевал песню. Судя по описаниям, это был Дерсу.

Недели через две после его ухода от своего приятеля И. А. Дзюль я получил телеграмму следующего содержания.

«Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым».

«Дерсу!» — мелькнуло у меня в голове. И вспомнил, что для того, чтобы в городе его не задерживала полиция, я выдал ему

свою визитную карточку с надписью на оборотной стороне, кто он, и что жительство имеет у меня. Вероятно, эту карточку нашли и дали мне знать по телеграфу.

На другой день я выехал на станцию Корфовскую, расположенную с южной стороны хребта Хехцира. Там я узнал, что рабочие видели Дерсу в лесу на дороге. Он шел с ружьем в руках и разговаривал с вороной, сидевшей на дереве. Из этого они заключили, что, вероятно, он был пьян.

На станцию Корфовскую поезд пришел почти в сумерки.

Было уже поздно, и поэтому мы с П. А. Дзюлем решили итти к месту происшествия на другой день утром.

Всю ночь я не спал. Смертельная тоска щемила мне сердце.

Я чувствовал, что потерял близкого человека. Как много мы с ним пережили! Сколько раз он выручал меня в то время, когда сам находился на краю гибели!

Чтобы рассеяться, я принимался читать книгу, но это не помогало. Глаза механически перебирали буквы, а в мозгу в это время рисовался образ Дерсу, того Дерсу, который последний раз просил меня, чтобы я отпустил его на волю.

Я обвинял себя в том, что привез его в город. Но кто бы мог подумать, что все это так кончится!

Под утро я немного задремал, и тотчас мне приснился страшный сон: мы — я и Дерсу — были на каком-то биваке в лесу. Дерсу увязывал свою котомку и собирался куда-то итти, а я уговаривал его остаться со мною. Когда все было готово, он сказал, что идет к жене, и вслед за этим быстро направился к лесу. Мне стало страшно; я побежал за ним и запутался в багульнике. Появились пятипальчатые листья женьшеня. Они превратились в руки, схватили меня и повалили на землю.

Я слабо вскрикнул и сбросил с головы одеяло. Яркий свет ударил мне в глаза. Передо мной стоял П. А. Дзюль и тряс за плечо.

— Здорово же вы заспались! — сказал он. — Пора вставать.

Часов в девять утра мы вышли из дому.

Был конец марта. Солнышко стояло высоко на небе и посылало на землю яркие лучи. В воздухе чувствовалась еще свежесть ночных заморозков, в особенности в теневых местах, но уже по талому снегу, по воде в ручьях и по веселому, праздничному виду деревьев видно было, что ночной холод никого уже запугать не может.

Маленькая тропка повела нас в тайгу. Мы шли по ней долго и почти не говорили между собою. Километра через полтора справа от дорожки я увидел костер и около него три фигуры. В одной из них я узнал полицейского пристава. Двое рабочих копали могилу, а рядом с ней на земле лежало что-то

тело, покрытое рогожей. По знакомой мне обуви на ногах я узнал покойника.

— Дерсу! Дерсу! — невольно вырвалось у меня из груди.

Рабочие изумленно посмотрели на меня. Мне не хотелось при посторонних давать волю своим чувствам; я отошел в сторону, сел на пень и отдался своей печали.

Земля была мерзлая; рабочие оттаивали ее огнем и выбирали то, что можно было захватить лопатой. Минут через пять ко мне подошел пристав. Он имел такой радостный и веселый вид, точно приехал на праздник. Потому ли, что на своей жизни ему много приходилось убирать брошенных трупов, и он привык относиться к этой работе равнодушно, или потому, что хоронили какого-то безвестного «инородца», только по выражению лица его я понял, что особенно заниматься розысками убийц он не будет и намерен ограничиться одним протоколом. Он рассказал мне, что Дерсу нашли мертвым около костра. Судя по обстановке, его, видимо, убили сонным. Грабители искали у него денег и унесли винтовку.

Часа через полтора могила была готова. Рабочие подошли к Дерсу и сняли с него рогожку. Прорвавшийся сквозь густую хвою солнечный луч упал на землю и озарил лицо покойника. Оно почти не изменилось. Раскрытые глаза смотрели в небо; выражение их было такое, как будто Дерсу что-то забыл и теперь силился вспомнить. Рабочие перенесли его в могилу и стали засыпать землею.

— Прощай, Дерсу! — сказал я тихо. — В лесу ты родился, в лесу и покончил расчеты с жизнью.

Минут через двадцать над тем местом, где опустили тело гольда, возвышался небольшой бугорок земли.

Покончив со своим делом, рабочие закурили трубки, и, разобрав инструменты, пошли на станцию вслед за приставом. Я сел на землю около дороги и долго думал об усопшем друге.

Как в кинематографе, передо мною одна за другой вставали картины прошлого: первая встреча с Дерсу на реке Лефу, озеро Ханка, встреча с тигром на Ли-Фудзине, лесной пожар на реке Санхобе, наводнение на Билимбе, переправа на плоте через реку Такему, маршрут по реке Иману, голодовка на Кулумбе, путь по Бикину и т. д.

В это время прилетел поползень. Он сел на куст около могилы, доверчиво посмотрел на меня и защебетал.

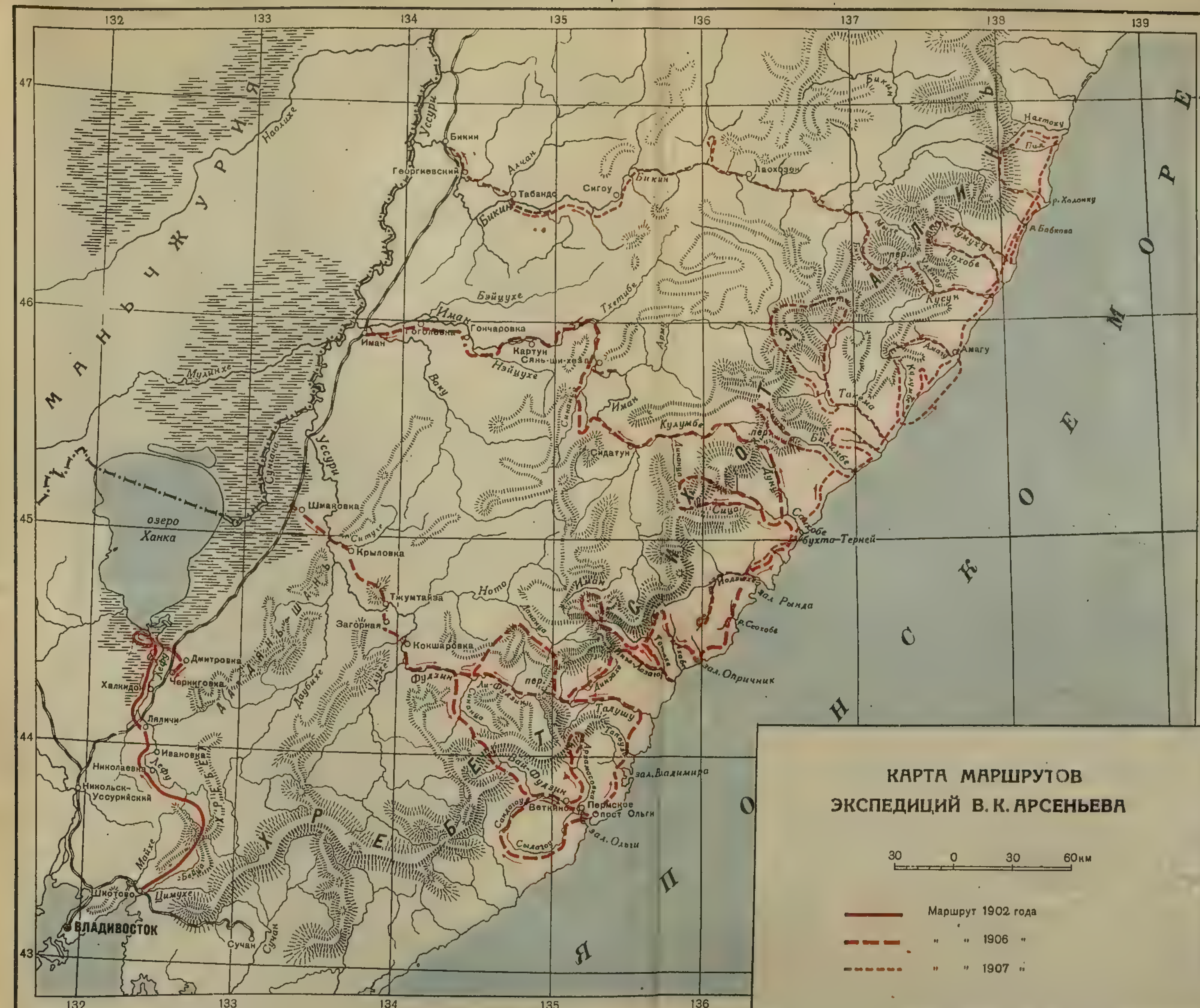
«Смирный люди» — вспомнилось мне, как Дерсу называл этих пернатых обитателей тайги. Вдруг птичка вспорхнула и полетела в кусты. И снова тоска защемила мне сердце.

— Прощай, Дерсу! — сказал я в последний раз и пошел по дороге.

Летом 1908 года я отправился в третье путешествие, которое длилось два года.

В 1910 году, зимой, я вернулся в Хабаровск и тотчас поехал на станцию Корфовскую, чтобы навестить дорогую могилку. Я не узнал места — все изменилось: около станции возник целый поселок, в пригорьях Хехцира отрыли ломки гранита, начались порубки леса, заготовка шпал. Мы с А. И. Дзюль несколько раз принимались искать могилу Дерсу, но напрасно. Приметные кедры исчезли, появились новые дороги, насыпи, выемки, бугры, рытвины и ямы...

Прощай, Дерсу!


КАРТА МАРШРУТОВ
ЭКСПЕДИЦИЙ В. К. АРСЕНЬЕВА
30 0 30 60км
Маршрут 1902 года
" " 1906 "
" " 1907 "
МАНЬЧЖУРИЯ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
озеро Ханка
ВЛАДИВОСТОК
Никольск-Уссурийский
Николаевка
Ивановка
Ляличи
Халкидон
Черниговка
Дмитровка
Шкотово
Цимухе
Сучан
Шмаковка
Крыловка
Тжумтайза
Загорная
Кокшаровка
Иман
Гончаровка
Картун
Сянь-ши-хеза
Бикин
Георгиевский
Табандо
Сигоу
Лаохозен
Сидатун
бухта Терней
зал. Рында
р. Сеохобе
зал. Опричник
зал. Владимира
Пермское
пост Ольги
зал. Ольги
Ветикино
Амагу
р. Холонку
Нахтоху
Уссури
Сунгача
Лефу
Майхе
Даубихе
Фудзин
Талушу
Кулумбе
Такема
Кусун
Тахобе
Кумуху
Бэйцухе
Тхетибе
Нэйцухе
Алчан
Наолихе
Мулинхе
Вангоу
Ното
Сица
Сихотэ-Алинь

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мой спутник П. П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Юная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П. П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучине (стр. 1256).
2. Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозный», «Гремящий», «Стерегущий», «Бесшумный» и «Бойкий».
3. А. Мичи, «Путешествие по Восточной Сибири», 1868 г., стр. 350.
4. Синь-пань-ча — юго-западное разветвление.
5. Ли-тянь-гоу — внутренняя желобчатая долина.
6. Ио-цзы-хе — река с ямами (омутами).
7. Ханьда — лось (маньчжурское слово), хе-цзы — речка (китайское).
8. Да-Си-пань-ча — большой юго-западный приток (развилина).
9. Сяо-Си-пань-ча — малый юго-западный приток.
10. Пянь-эр-гоу — покатая долина. Лаза-гоу — скалистая долина. Хун-га-ляп-гоу — долина красного гаолина.
11. Тень, душа.
12. Т. е. украл.
13. Бэй-я — северное разветвление.
14. Фу-цзя-лин — перевал (или хребет) семьи Фу.
15. Цзунь-гань-шань — гора, от которой отходят главные дороги.
16. Фу-цзя-хе — речка семьи Фу.
17. Да-вай-цзы — большой заливчик.
18. Дун-да-вай-цзы — восточная большая бухточка.
19. Бинь-ляп-бэй — холодный, как каменотесный памятник. Вероятно, сильно искаженное туземное слово.
20. Определения иглохвостого стриж и чирка-клоктуна сделаны С. А. Батурлиным.
21. Углубления, проделанные морским прибоем в горной породе.
22. Тянь-цин-гоу-цзы — долина небесного цвета.
23. Тянь-цин-лаза — небесного цвета скала.
24. И-ча — западное ответвление.
25. Годовалый телок-изюбр, оставивший матку.

26. Чань-шэнь-гоу — долина, сделавшаяся святой.
27. Сяо-дун-ча — малое восточное разветвление.
28. Сяо-дун-нань-ча — малое юго-восточное разветвление.
29. В 1925 году Чан-Лин трагически погиб там же, на реке Такеме в местности Илимо.
30. Янь-дун-ла-цзы — опасная восточная скала.
31. Кулунь-цзуй-цзы — конец, дыра (отверстие).
32. В переводе на русский язык значит скала.
33. Бог неба.
34. Туземная обувь.
35. Китайская обувь (улы) имеет на пятках по два гвоздя с большими плоскими шляпками.
36. Женьшень.
37. Легкие сани на трех стойках длиною 3,6, шириною 0,7 и высотою 0,6 метра с полозьями, загнутыми кверху, спереди и сзади, чтобы они могли въезжать на колодник, запорошенный снегом, и плавно съезжать на землю.
38. То-есть шаманили.
39. Две парты принадлежали сопровождавшим нас туземцам.
40. У-ляпь-гоу — пять сходящихся (связанных) долин.
41. Божество, сотворившее мир.
42. Лао-бей-ла-цзы — старая северная скала.
43. У-цзей (хе) — речка сепий.
44. Лао-ху-цзен — опасающийся (этого места) тигр.
45. Шп-дун-гоу — каменистая восточная долина.
46. Цза-гу-бай — наполовину смешанная каста.
47. Фып-цзы-ла-цзы — скала сумасшедшего.
48. Сяо-мао-дин-цзы — вершина в виде маленькой шапки.
49. Цяо-ма-тп-гоу-цзы — высота, покрытая дубовыми деревьями.
50. Да-я-гоу — большая разветвляющаяся долина.
51. Бэй-гао-ла-цзы — северная высота скалы.
52. Гао-янь-хан-цзы — проход между высокими пиками.
53. Олонь-чунь-динь-цзы — орочонская вершина.
54. Да-ю-тай — большая старинная башня.
55. Тау-да-хе — первая большая река.

К главе III

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа — Сяо-Иодзыхе (малая река с омутами), длиною в 16 километров, и слева—Дангоу (восточная долина), с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь итти А. И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописна. Узенькая извилистая долинка обставлена по краям сравнительно высокими горами. По словам китайцев, в вершине ее есть мощные жилы серебро-свинцовой руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная — нето поперечная, нето продольная. Местами она расширяется до $1^1/_2$ километров, местами суживается до 200 метров. В нижней части долины есть много полян, засоренных камнями и не пригодных для земледелия. Здесь часто встречаются гари, и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подыматься по долине, тем чаще начинают мелькать темные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть китайская звероваи фанза. От нее тропа поворачивает налево в горы и идет на Иман. Подъем на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен; в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

К главе IV

Первая Секуму (по-удэхейски Сектозу) — представляет собою небольшой ручей (5 километров), протекающий между отрогами горного хребта, идущего параллельно берегу моря. Две реки Одега (что значит по-удэхейски «девица») — по-китайски Одегоу — имеют общее устье. Одна Одега равна 12, другая — 15 километрам. Небольшой горный хребет, разделяющий их, носит то же название и определяется в среднем в 150 метров высоты. К востоку он спускается полого и у моря кончается высокою террасою, поросшей редкой лиственницей и тощим березняком. В долине Одега лес смешанный, дровяного характера, и только в истоках кое-где попадаются в одиночку кедр, ель и пихта. Большая часть окрестных гор совершенно оголена от лесов пожарами.

Одега 2-я (по-удэхейски Одэхе) с левой стороны принимает в себя ключ Луговой. Раньше, по рассказам китайцев, здесь была небольшая лудева, но она сгорела. Китайцы ее возобновлять не стали и ушли на реку Пхусун.

Речки: Таиня (по-китайски Седонерл и по-удэхейски Дана), Вязтыгин, Хоома. Хотэ и Опектого (по-удэхейски Опекгозо, а по-китайски Милапзуай) — горные ручьи, текущие к морю по небольшим распадкам. Далее будет река Таэле (по-удэхейски Таэ) длиною в 12 километров. Около устья долина ее суживается, и река течет как бы в ущелье. В истоках Таэле находится горный узел, откуда берут начало и другие реки: к северо-востоку течет река Билимбе, к югу — маленький ручей Иеля.

Речка Шакира — также небольшая. Устье ее находится по соседству с рекой Билимбе. Собственно говоря, устья у этой реки нет вовсе, — вода разливается по низине и просачивается в море сквозь прибрежную гальку. Долина реки Шакира довольно узкая, расширяющаяся к истокам; почва в ней каменистая; в горах всюду виднеются осыпи. Травяная растительность состоит главным образом из полыни, орляка и полевого горошка; на речках — заросли орешника, шиповника, таволги и леспедецы. Редколесье около моря состоит из дуба и лиственницы, но, по мере того как подымаешься вверх по реке, лес становится крупнее и разнообразнее.

К главе XII

География части побережья между Мамокчи и Найпа такова. Высокий горный хребет Габаци тянется под острым углом по отношению к берегу моря. По ту сторону его будет бассейн реки Кулумбе, по эту — мелкие речки, имеющие только удэхейские названия: Яшу (на картах Ягасу), Уяхги-бязани, Санкэ, Капуты, Япужа и другие. Между ними можно отметить три горные вершины: Габади Дюханэ и гору Яндоюза, а около устья реки Яшу — одинокую скалу Када-Дудидуони. На морских картах она названа горой Ожидания и помечена цифрой 603.

Следующая речка после Найпы была Тыченга (по-удэхейски Тэенга). Она длиной около 20 километров и также берет начало с хребта Карту. В верховьях Тыченга протекает по узкому и глубокому ущелью, края которого падают к реке под углом чуть ли не в 60 или 70°, и сплошь покрыты осыпями.

После Тыченги идет ряд мелких ключей: Ватенга (на картах Батунча), Чапп, Кальма (по-удэхейски Калама, что значит «кит») и Анчи. Далее будут речки Куа, Сангасу, Чангоми и Ламукси. Здесь тропа оставляет морское побережье и идет вверх через перевал на реку Квандагоу (большая извилистая падь)—приток реки Амагу. Эта последняя длиною около тридцати километров. Истоки ее находятся там же, где и истоки реки Кудяхе и реки Найпы. Квандагоу течет

сначала тоже в глубоком ущелье, завалепной каменными глыбами, но потом долина ее расширяется. Верхняя половина течения имеет направление с северо-запада, а затем река круто поворачивает к северо-востоку и течет вдоль берега моря, будучи отделена от него горным кряжем Чанготыкалани. От реки Апчи до Амагу — пятнадцать километров.

К главе XVI

В Тахобе впадают следующие горные речки: справа Коде с притоками Хуаты, Бопоксе и Булапя. Затем будут реки: Хулялипги, Бали, Опохи, Анмали и Таха. Между ними есть высокая гора Ангухи с приметным камнем на вершине, которую солоны населяют чудесами своего воображения. Дальше идут: Опохи, Анмали, Дадаву и Та-а. Левыми притоками Тахобе будут: Каньчжу, Агдыхе 1-я и Агдыхе 2-я. Леса по долинам последних двух рек совершенно выгорели.

Река Кумуху (по-удэхейски Куму), названная русскими рекой Кузнецова, берет начало с хребта Сихотэ-Алиня, течет в широтном направлении, только в нижней своей части склоняется к югу и в море впадает около мыса Олимпиады (46° 12,5′ сев. шир. и 138° 20,0′ вост. долг. от Гринвича). По пути Кумуху принимает в себя следующие притоки: с левой стороны реки Яаса 1-я, Яаса 2-я, Усмага, Танку, Иого, Тагды, Хандями, Дьонго, а с правой — кроме Цыгони, по которой мы пришли, еще Лиго, Цаолосо, Будыге и Амукта. Из них самая быстрая Лиго, а самая спокойная — Тагды. С последней будет перевал на реку Свани, падающую в море севернее реки Кузнецова.

Удэхейцы в лодках подымаются до реки Тагды; дальше движение вверх по Кумуху возможно только по льду реки на партах. В средней части ее, в особенности с левой стороны, между рекой Тагды и Яаса, видны следы давнишних пожарищ. Как и везде, наиболее выгорели леса на хребтам и сохранились только в долинах.

К главе XVII

После реки Свани будет еще несколько горных ручьев: Юкса, Геу, Суня (Суперл), Сигбали, Бален и Бизису. Последний по-русски называется Каменной речкой.

После Кумуху в последовательном порядке идет опять ряд мелких горных речек с удэхейскими названиями: Сюэи (по-русски Свани, на картах — река Бабкова), потом Омосо, Илянту и Яктыга. В истоках Омосо имеется гора с голой вершиной, которая поэтому и названа Голой. Другая гора, Высокая, находится недалеко от моря, между реками Омосо и Илянту. Участок берега моря от реки Кумуху к северу до мыса Сосунова занят выходами гранитов, гнейсов и сиенитов.

К главе XVIII

Из слов удэхейцев я понял, что далее на север в море впадает несколько мелких горных речек: Кюмо, Найна, Эгей-бе, Бяпу и река Един. Последняя находится в двадцати километрах к северу от реки Нахтоху. Горный хребет, разделяющий их бассейны, называется Матамай. Немного дальше, несколько под углом к берегу моря, тянется другой горный хребет — Камурап с высотами Курхай и Уо. Еще дальше будет большая река Самарга, на которой живет много туземцев.

Река Един (по-удэхейски Иди-бе) названа на картах рекой Перетычина. Она длиною около 150 километров и начинается в горах Сихотэ-Алиня. Един имеет много притоков. Если итти от истоков к морю, то

в последовательном порядке они будут располагаться так: справа по течению — Дака и Тунга с перевалами на Бикин, затем — Баня, Июгота, Амдасу, Сологойе, Очжура с притоком Хунимшчи и с перевалом на реку Эхе.

Следующей (ниже по течению) будет река Улиха с притоком Янго и с перевалом к морю. С левой стороны в Един впадают: Тали и Бя с притоком Чокчи и с перевалом на реку Ян (приток Хора), затем река Цзагдасу с притоком Хоймо, потом Оло и Югихе (с притоками Дюго-Югихе 1-я и Дюго-Югихе 2-я) и, наконец, Есын-гу и Ада с притоком Кю.

Начиная от реки Цзагдасу, все перевалы на север ведут в бассейн реки Самарги.

Течение Едина широтное; только между устьями рек Талма, Ада и Улиха оно делает довольно большой изгиб к северу, но затем опять выпрямляется. По словам удэхейцев, по этой реке на лодках можно подыматься далеко — до реки Тунга. Расчет маршрутов будет такой, по одному дню пути: 1) от моря до реки Улиха, 2) от реки Улиха до реки Сесынгу, 3) от этой последней до Цзагдасу, 4) от Цзагдасу до реки Бя и 5) от Бя до реки Тунга. Далее, пешком, один переход до Сихотэ-Алиня.

Самыми быстрыми реками Единского бассейна будут Тали и Тунка, самой тихой — Талма. Около Тали есть скалистые горы с утесами, напоминающими фигуры людей и животных. На реках Бя, Андасу, Оло, Дгихе и Цзагдасу леса выгорели совсем. Кета подымается по Едину до реки Тали, а горбуша — до реки Амдасу; дальше всех пробирается мальма и красная рыба «чумо».

На этом протяжении в море впадают следующие речки: Нианса и Эхе, названная на картах рекою Сковородкина; в десяти километрах от нее будет река Пия (по-русски Башкирка), потом Унтугу, Сэен, Кансу (по-китайски Каньчжу) и Огоми.

Между Нахтоху и рекой Пия, параллельно берегу моря, километрах в пяти от него, протянулся небольшой горный кряж Гарасун высотою в среднем около 275 метров.

К главе XIX

Река Кусун (по-удэхейски Куи, по-китайски Кусунгоу) длиною около 120 километров. Начало она берет с Сихотэ-Алиня и течет по кривой, как Такема, только в другую сторону (к северо-востоку). По характеру Кусун — такая же быстрая и порожистая река, как и Такема. Если итти вверх по реке, то в последовательном порядке будут встречаться следующие притоки: справа (по течению) — реки Эге и Тыанга с притоками Куансу, Цзагдай 1-я, Цзагдай 2-я, Одо, Баланты, Агдыня (с притоками Тагдыни 1-я и Тагдыни 2-я), Чжоля 1-я и Чжоля 2-я, Сидэкси 1-я, Сидэкси 2-я, Оддэге, Цзагда (с притоком Хойма и Няобязани). С левой стороны Кусун принимает в себя: Иоию 1-ю, Иоию 2-ю (она же Бохте), Иоию 3-ю, Олосо, Болуня, Буй, Хазасо, Фугу, Бягаму, Сололи, Бяя, Чигали, Че (с притоком Холонку), Цзава 1-ю, Цзава 2-ю, Цзава 3-ю и Цзава 4-ю. Из них река Че будет самая большая. Дальше идут мелкие ручьи, составляющие истоки Кусуна и не имеющие названий. Удэхейцы называют их одним словом — «Доопи-Куи», то-есть истоки Кусуна. Самой верхней речкой, по которой можно перевалить на Бикин, будет река Сололи и, вероятно, река Че. Со всех четырех речек Цзава будут перевалы в истоки реки Такемы. Ближайшей к морю рекой, по которой можно выйти на Бикин, будет река Буй. По ней-то я и наметил свой маршрут. Из притоков Кусуна наиболее тихая — река Бягаму. Удэхейцы на лодках подымаются до реки Че. На подъем против воды нужно 4—5 суток. Маршрут рассчитывается так: первый день — от моря до реки Иоия 3-я, второй — от

реки Июня 3-я до реки Буй, третий — от реки Буй до реки Бягаму, четвертый — от реки Бягаму до реки Цзагды и пятый — до перевала. Выше устья реки Че Кусун становится весьма порожистым, русло его завалено большими камнями и буреломным лесом. Отсюда надо итти пешком с котомками. Зимой по льду реки можно дойти до перевала в двое суток. В скалистых горах, окаймляющих долину реки Че, часто происходят обвалы. Удэхейцы считают эти места обиталищем злого духа Казаму.

К главе XX

Верхний Бикин состоит из двух рек: Бикин-Июньи и Бикин-Чжафа. Первая течет с северо-востока (вдоль Сихотэ-Алиня), вторая — с востока, под углом градусов в тридцать. Слияние их происходит в пятидесяти пяти километрах от реки Бягаму. Если подыматься по реке Бикин-Июньи, то можно перевалить на реку Един, а с Бикин-Чжафа — на реки Нахтоху, Холонку, Кумуху и Тахобе.

С левой стороны Бикин принимает в себя речки: Яупга, Имагасичи, Хутунге и Хованда (по-китайски Хандагоу — лосиная долина). С этой последней будет перевал на реку Арму. Немного не доходя местности Лаохозен, река Бикин с правой стороны подмывает скалистую сопку Няпкулакчи, а с левой — Танцанзу.

К главе XXI

От стойбища Хабагоу Бикин все еще придерживается северо-западного направления и на пути принимает в себя притоки Гапу, Сагды-ула (по-маньчжурски Большая речка), Сашкэри, Мудяи, Сумугэ, Хаатанге и Дунгоуза. Около местности Танцаза долина Бикина сильно сужается, оставляя только узкий проход для стока воды. Горы здесь подходят к реке вплотную и оканчиваются высокими обрывами, которые удэхейцы называют Сигонку-Гуляни.

К главе XXII

На этом протяжении Бикин имеет направление к западо-северо-западу и принимает в себя справа речки: Мангу, Дунги (по-китайски Дундегоу; надь семьи Дун) с притоком Ябкэ, Нуньето и вышеупомянутую Катэтабауни. Последняя длиною километров десять. Здесь будет самый близкий перевал на реку Хор. Немного выше речки Гуньето можно видеть скалы Сигонку-Гуляни — излюбленное место удэхейских шаманов. Слева Бикин принимает в себя речку Дунгоузу (восточная долина) и ключи Кайлю и Суйдагоу (долины выдр).

Дальше Бикин становится очень извилистым и образует длинные слепые рукава. Из притоков его нижнего течения замечательны: справа — Чжапьжигоуза (прямая долина) и Улема, а слева — ключ Хаккэ и реки Митахеза (по-китайски Мутагоуза — дровяная долина) и Буйдихеза (большая северная река). Первая — длиной в 45 километров, с перевалом на Тайцзибери (левый приток Имана), вторая немного длиннее и многоводнее, но плавание по ней сопряжено с большими трудностями, вследствие множества порогов и буреломных завалов.

Из гор по сторонам долины Бикина обращают на себя внимание: Хойтун, Тайчин, Джогдай, а слева Чугунтай, Сюгдонтай (по-китайски Сыфонтай) и Бомыдинза (кукурузная вершина).

К главе XXIII

От Тугулу Бикин делает довольно большой изгиб к югу, затем поднимается к северо-западу и потом уже все время течет на запад. Ниже Тугулу в Бикин впадают: справа — речки Дзахали, Дзамацигоуза (где отпечатки лошадиных копыт на грязи), Мадагоу (большая надь семьи Да), Саенгоу (Шапьянь-гоу) (козья долина), Дагоу (большая

долина), Рхауза и Цамондыпза; слева—Хубпаса (Чубгу-цзай—место, где появляются черви) и Дауден (по-китайски Даянгоу — большая солнечная долина).

На карте крупного масштаба река Бикин рисуется в виде сплошного лабиринта проток. Некоторые из них имеют по нескольку километров длины и далеко отходят в сторону, образуя огромные острова, покрытые лесом из ясеня, бархата, липы, тополя, клена, ореха и т. д. Одни протоки имеют удэхейские названия, другие — китайские, третьи — русские. Например, Маумаса, Агаму, Кагалатун, Чинталу (большое чистое место), Затяжная и другие.

Следуя вниз по реке от Сигоу, с правой стороны мы встречаем следующие притоки: реку Олон, имеющую устье около горы того же названия, затем Чинтафу, Чинтансу и Гаану (по-китайски Гонголадзи — огурцовая скала), а с левой стороны: Саласу-мангу, Мамубясани, Чамбана (она же Потамчи), Сиата-Бпасани (она же Чембен), потом Ситухе (каменная речка), затем горные ключи: Чжумтайза, Ляпсипгоу, Сантун и Фундасу — среднее место, башня; Лянь-синь-гоу душуй — ветер гонит воду (по-удэхейски Хундали). Река Ситухе длиною около 25 километров. Перевал с нее будет на реку Тайцзи-бери (приток Имана).

После принятия в себя с правой стороны горной речки Даянгу, Алчан становится уже большой рекой, разбивается на протоки и склоняется к югу. Верхними притоками его будут слева быстрая речка Люсу или Лисухе (ивовая речка), а справа Бенедзе (или Бенихеза). В этих местах Алчан достигает пятидесятиметровой ширины и становится очень извилистым.

На этом участке Бикин принимает в себя справа: Алайчи, Ланжихезу 1-ю (хлебная речка), Ланжихезу 2-ю, Мажичжуйзу (агатовый рот, пещера, грот) и Наминял с притоками Хояки, берущую начало с горы Чомуынза (вершина с гречихой), а слева: Гохсан-зафар (гольдское название), Ханихезу (глинистая речка), Нюдергу (по-китайски Нюонихеза — речка, где в грязи залегают коровы) и Шаньзягаму (высокое пастбище семьи Шань).

Река Алчан, как уже было сказано выше, раньше имела устье около Табандо. В нижнем течении оно проходит по старому руслу Бикина. Последний во время какого-то большого наводнения (которое было так давно, что о нем не помнят даже старожилы) отклонился в сторону и, дойдя до реки Силана, текущей с юга, воспользовался ее руслом, и таким образом получился новый Бикин.

Река Силан, о которой я только что упомянул, состоит из слияния трех рек: Силан-шаня (западная голубая горка), Большого Силана и Малого Силана. Прямая по реке Дзягомбо от Табандо к верховьям Большого Силана является границей, где кончаются горы и начинается широкая долина реки Уссури. Местность эта представляет равнину, по которой кое-где возвышаются одинокие небольшие конические сопки, имеющие названия Тянь-шан-цзы (небесные горки). Тощий лиственный лес, исключительно дровяного характера, растет группами по релкам, все остальное пространство представляет заболоченную низину. Особенно непривлекательный вид имеют эти места зимою.

От Табандо по обе стороны Бикина до Тянь-шан-цзы все время тянутся диориты, диабазы, порфириты, туфы и брекчии.

От устья Силана Бикин вбирает в себя все притоки и далее течет в виде одного русла, достигая ширины от 240 до 300 метров. Как и все реки, на равнинных местах Бикин сильно извивается. Он долгое время течет к северу, потом на северо-запад и, обойдя справа невысокий, сильно размытый хребет Самур (имея слева гранитные горы Гуми и Бакумана с вершиной Десидинза — большая западная вершина), круто поворачивает на запад. От Силана до устья Бикина (по определению астронома Гамова, 46° 51′ сев. широты и 8°56′ вост. долготы от

Гринвича) — около 75 километров. На этом протяжении слева он принимает в себя еще один приток, Хондервезу (по-русски реку Самбурова).

Далее будет река Таэле (по-удэхейски Таэ) длиною в 12 километров. Около устья долина ее суживается, и река течет как бы в ущелье. В истоках Таэле находится горный узел, откуда берут начало и другие реки: к северо-востоку течет река Билимбе, к югу — маленький ручей Иеля.

Речка Шакира — также небольшая. Устье ее находится по соседству с рекой Билимбе. Собственно говоря, устья у этой реки нет вовсе — вода разливается по низине и просачивается в море сквозь прибрежную гальку. Долина реки Шакира довольно узкая, расширяющаяся к истокам; почва в ней каменистая; в горах всюду виднеются осыпи. Травяная растительность состоит главным образом из полыни, орляка и полевого горошка; на речках — заросли орешника, шиповника, таволги и лесподецы.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ И ЛАТИНСКИХ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ И ЖИВОТНЫХ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

а) Ботанические названия

Проверены по «Определителю растений Дальневосточного края» акад. В. Л. Комарова и Е. Н. Клобуковой-Алисовой

Акация	см. Маакия амурская
Актинидия коломикта	Actinidia kolomikta Max.
Аралия маньчжурская	Aralia manshurica Rupr. et Max.
Астра татарская	Aster tataricus L.
Астра трехнервная	Aster trinervius Roxb.
Астра шероховатая	Aster scaber Thunb.
Астрагал перепончатый	Astragalus membranaceus Fisch.
Багульник болотный	Ledum palustre L.
Барбарис амурский	Berberis amurensis Max.
Бархат	см. Бархатное дерево
Бархатное дерево	Phellodendron amurense Rupr.
Береза белая	Betula manshurica [Rgl.] Nakai
Береза кустарниковая	Betula ovalifolia Rupr.
Береза торфяниковая	см. Береза кустарниковая
Береза черная	Betula dahurica Pall.
Береза Эрмана	Betula Ermani Cham.
Бересклет широколистный	Euonymus macroptera Rupr.
Борец Фишера	Aconitum Fischeri Rchnb.
Боярышник Максимовича	Crataegus Maximoviczii C. Schn.
Брусника	Vaccinium vitis idaea L.
Белокопытник лапчевидный	Petasites palmata Asa Gray
Вероника крупная	Veronica grandis Fisch.
Вика уссурийская	Vicia ussuriensis Oett.
Виноградник	см. Виноград амурский
Виноград амурский	Vitis amurensis Rupr.
Володушка длинноцветная	Bupleurum longiradiatum Turcz.
Вяз	см. Ильм белокорый
Герань Власова	Geranium Wlasovianum Fisch.
Гнездовка настоящая	Neottia nidus avis Rich.
Голубика	Vaccinium uliginosum L.
Горечавка крупнолистная	Gentiana macrophylla Pall.
Горец раскидистый	Polygonum divaricatum L.
Горошек полевой	см. Вика уссурийская

Гречишник раскидистый	см. Горец раскидистый
Груша уссурийская	Pirus ussuriensis Max.
Дерен канадский	Cornus canadensis L.
Диоскорея Жиральди	Dioscorea Giraldii R. Kunth.
Донтостемон шершавый	Dontostemon hispidus Max.
Дуб монгольский	Quercus mongolica Fisch.
Ель аянская	Picea ajanensis Fisch.
Жасмин тонколистный	Philadelphus tenuifolius Rupr. et Max.
Живокость Маака	Delphinium Maacklanum Rgl.
Жимолость съедобная	Lonicera edulis Turcz.
Журавельник волосистый	см. Герань Власова
Заячье ушко	см. Володушка длиннолучевая
Звездчатка водяная	см. Звездчатка лучистая
Звездчатка лучистая	Stellaria radians L.
Ива корзиночная	Salix viminalis L.
Ива пирамидальная	см. Ива росистая
Ива росистая	Salix rorida Laksch.
Ильм белокорый	Ulmus japonica Sarg.
Ильм горный	Ulmus montana Wither v. heterophylla Max.
Ирис-касатик	см. Касатик гладкий
Калина даурская	см. Калина Саржента
Калина Саржента	Viburnum Sargenti Koehne
Касатик гладкий	Iris laevigata Fisch.
Кедр корейский	Pinus koraiensis S. et Z.
Кислица заячья	см. Кислица обыкновенная
Кислица обыкновенная	Oxalis acetosella L.
Клен желтый	Aser ukurunduense Tr. et Mey.
Клен кустарниковый	см. Клен приречный
Клен мелколистный	Acer mono Max.
Клен приречный	Acer ginnala Max.
Клинтония удская	Clintonia udensis Tr. et Mey.
Княжник охотский	Atragene ochotensis Pall.
Козелец белостебельный	Scorzonera albicaulis Bge.
Кровохлебка аптечная	Sanguisorba officinalis L.
Колокольчик	см. Платикодон крупноцветный
Крыжовник буреинский	Ribes burejense Fr. Schmidt
Крыжовник колючий	см. Крыжовник буреинский
Крыжовник оригинальный	см. Смородина ощетиненная
Курильский чай	Dasiphora fruticosa [L.] Rydb.
Лапчатка	см. Курильский чай
Леспедеца двуцветная	Lespedeza bicolor Turcz.
Лещина колючая	см. Лещина маньчжурская
Лещина разнолистная	Corylus heterophylla Fisch.
Лещина маньчжурская	Corylus manshurica Max.
Липа Такета	Tilia Taqetii C. Schn.
Лиственица даурская	Larix dahurica Turcz.
Лимонник китайский	Schizandra chinensis Baill.
Ломонос маньчжурский	Clematis manshurica Rupr.
Любка зеленоцветная	Platanthera chlorantha Custor.
Любка ятрышниковая	см. Любка зеленоцветная
Маакия амурская	Maackia amurensis Rupr. et Max.

Майник камчатский	Majanthemum kamtschaticum (Gmel.) Kom.
Можжевельник даурский	Juniperus dahurica Pall.
Морошка	Rubus chamaemorus L.
Ольха кустарниковая	Alnus fruticosa Rupr. v. manshurica Call.
Ольха пушистая	Alnus hirsuta Turcz.
Орляк	Pteridium aquilinum Kuhn.
Орех маньчжурский	Juglans manshurica Max.
Орешник	см. Лещина
Осина	Populus tremula L. v. Davidiana Schn.
Осока лесная (волосистая)	Carex pilosa Scop.
Осокорь	см. Тополь
Папоротник кочедыжник женский	Athyrium filix femina [L.] Roth.
Папоротник игольчатый	Athyrium spinulosum [Max.] Milde
Папоротник широкий	Dryopteris dilatata A. Gray
Пихта белокорая	Abies nephrolepis Max.
Платикодон крупноцветный	Platycodon grandiflorus A. DC.
Подбел	см. Белоконытник
Полынь обыкновенная	Artemisia vulgaris L.
Полынь каменная	см. Полынь Кейске
Полынь Кейске	Artemisia Keiskeana Miq.
Плаун кольчатый	Lycopodium annotinum L.
Пробковое дерево	см. Бархатное дерево
Пушица широколистная	Eriophorum latifolium Hoppe
Рододендрон даурский	Rhododendron dahuricum L.
Роза даурская	Rosa dahurica Pall.
Роза иглистая	Rosa acicularis Lindl.
Рябина двуцветная	Sorbus discolor Max.
Рябина кустарниковая	см. Рябина бузинолистная
Рябина бузинолистная	Sorbus sambucifolia Tr.
Рябина обыкновенная	см. Рябина двуцветная
Рябинолистник обыкновенный	Sorbaria sorbifolia A. Br.
Сабельник болотный	Comarum palustre L.
Сирень амурская	Syringa amurensis Rupr.
Смолевка листовая	Silene foliosa Max.
Смородина ощетиненная	Ribes horridum Rupr.
Соссюрея Максимовича	Saussurea Maximowiczii Herder
Стланец кедровый	Pinus pumila Rgl.
Схизопепон	Schizopepon bryoniifolius Max.
Таволга иволистная	Spiraea salicifolia L.
Таволожник	см. Рябинолистник обыкновенный
Таволожка иволистная	см. Таволга иволистная
Тимьян боровой	Thymus serpyllum L.
Тис	Taxus cuspidata S. et Z.
Тополь душистый	Populus suaveolens Fisch.
Тростник обыкновенный	Phragmites communis Trin.
Хохлатка охотская	Corydalis ochotensis Turcz.
Хмель охотский	см. Княжник охотский
Чемерица зеленая	Veratrum Lobelianum Bernh.
Черемуха Маака	Padus Maackii Rupr.
Чина болотная	Lathyrus palustris L. v. pilosus Ldb.
Чортово дерево	см. Аралия маньчжурская

Шиповник даурский	см. Роза даурская
Шиповник красноветвистый	см. Роза иглистая
Шикша	Empetrum nigrum L.
Ясень китайский	см. Ясень носолистный
Ясень маньчжурский	Fraxinus manshurica Rupr.
Ясень обыкновенный	см. Ясень маньчжурский
Ясень носолистный	Fraxinus rhynchophylla Hance

б) Зоологические названия

Бурундук	Eutamiac sibiricus orientalis Bonh.
Бычок-подкаменщик	Cottus poecilopus Heckel
Белка	Sciurus vulgaris mantchuricus Thos.
Береговичок	Littorina littorea
Ворона большеклювая	Corvus levaillanti mandshuricus But.
Волк красный	Cyon alpinus Pall.
Выдра	Lutra lutra L.
Глухарь	Tetrao urogalioides Midd.
Гольян	Phoxinus lagowskii Dyb.
Горбуша	Oncorhynchus gorbuscha W.
Гриф	Aegipius monachus L.
Дикуша	Falcipennis falcipennis [Hartl.]
Дрозд каменный	Monticola solitarius magnus La Touche
Дрозд краснобрюхий	Turdus naumanni Temm.?
Дятел пестрый уссурийский	Dryobates japonicus tscherskii [But.]
Дятел седоголовый	Picus canus jessoensis Stejn.
Дятел зеленый	Picus viridis viridis L.
Желна	Dryocopus martius martius [L.]
Изюбр	Cervus elaphus xanthopigus M. E.
Кабан	Sus scrofa continentalis Nehr.
Кабарга	Moschus moschiferus parvipes Holl.
Касатка-мухоловка	Muscicapa sibirica Gmelin
Камнешарка	Arenaria interpres L.
Каменушка	Clangula histrionica pacifica (Brooks)
Кета	Oncorhynchus keta Walb.
Кит-полосатик	Balaenoptera sp.?
Клест	Loxia sp.?
Коза дикая	Capreolus capreolus bedfordi Thos.
Колюшка	Pygosteus sinensis Guich.
Королек японский	Regulus regulus japonensis Blak.
Кошка дикая	Felis euptilura Elliot
Краб	Hemigrapsus penicillatus [de Haan]
Красноперка	Leuciscus brandti [Dyb.]
Крохаль белый	Mergus sp.?
Кулик-песочник	Erolia sp.?
Кулик-сорока	Haematopus ostralegus osculans Sw.
Кунжа	Salvelinus leucomaenis [Pall.]
Куница (харза)	Martes flavigula Bodd.
Ленок	Brachymystax lenok [Pall.]
Летяга	Pteromys volans arsenjevi Oz.
Лисица	Vulpes vulpes L.

Лось	Alces alces bedfordi Lyd.
Мальма	Salvelinus alpinus malma [Walb.]
Махаон	Papilio maacki Mén.
Медведь белогрудый	Ursus tibetanus ussuricus Heude
Медведь бурый	Ursus arctos L.
Налим	Lota lota [L.]
Нерпа	Phoca hispida Schr.?
Овсянка белоголовая	Emberiza sp.?
Огуречник	Osmerus eperlanus dentex Stn.
Олень пятнистый	Cervus nippon hortulorum Swinhoe
Ореховка	Nucifraga caryocatactes macro rhynchos Brehm
Пантера	Felis pardus orientalis Schleg.
Поползень	Sitta europaea amurensis Sw.
Протомоллюск	Cryptochiton stelleri?
Ронжа	Cractes infaustus maritimus But.
Росомаха	Gulo gulo L.
Рысь	Felis lynx L.
Рябчик	Tetrastes bonasia ussuriensis But.
Саджа	Syrrhaptes paradoxus [Pall.]
Сазан	Cyprinus carpio
Сизоворонка	Eurystomus orientalis calonyx Sharpe
Сокол-сапсан	Falco peregrinus brevirostris Menz.
Сорокопут	Lanius sp.?
Соболь	Martes zibellina arsenjevi B. Kuzn.
Синица белобрюхая	Parus sp.?
Сивуч	Eumetopias jubatus Schr.
Скворец серый	Spodiopsar cineraceus Temm.
Сом	Parasilurus asotus [L.]
Сорока	Pica pica jankowskii Steg.
Сойка рыжая	Garrulus glandarius brandtii Ev.
Снегирь	Pyrrhula pyrrhula griseiventris Laf.
Стриж иглохвостый	Hirundapus caudacutus [Lath.]
Сеноставец-пищуха	Ochotona hyperborea Pall.
Таймень морской	Salvelinus perryi Brev.
Тигр	Felis tigris longipillis Fitz.
Толпыга	Hypophthalmichthys molitrix [Val.]
Улит	Tringa sp.?
Утка серая	Anas platyrhyncha L.?
Фазан	Phasianus mongolicus Pall.
Хариус	Thymallus arcticus grubel Dyb
Хорек	Mustela sibirica Pall.
Чайка белая	Pagophila eburnea [Phipps]?
Чайка сизая	Larus canus major Midd?
Чечетка	Acanthis flammea L.
Чирок-клоктун	Querquedula formosa [Georg.]
Щука	Esox reicherti Dyb.
Ястреб	Accipiter virgatus gularis [Temm et Schleg.].

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Клавдиевич Арсеньев — *Н. Е. Кабанов* 3
Письмо А. М. Горького 9

ПО УССУРИЙСКОМУ КРАЮ

Глава первая — Стеклянная падь 13
Глава вторая — Дерсу Узала . . . . . 1[illegible]
Глава третья — Охота на кабанов 25
Глава четвертая — Происшествие в корейской деревне 33
Глава пятая — Нижнее течение р. Лефу 38
Глава шестая — Пурга на озере Ханка 49
Глава седьмая — Сборы в дорогу и снаряжение экспедиции (1906 г.) 58
Глава восьмая — Вверх по Уссури 73
Глава девятая — Маршрут через горы к деревне Кокшаровке . . 81
Глава десятая — Долина р. Фудзина 91
Глава одиннадцатая — Сквозь тайгу 101
Глава двенадцатая — Великий лес 109
Глава тринадцатая — Через Сихотэ-Алинь к морю 117
Глава четырнадцатая — Залив Ольги 131
Глава пятнадцатая — Приключение на реке Арзамасовке 147
Глава шестнадцатая — Залив Владимира 157
Глава семнадцатая — Дерсу Узала 165
Глава восемнадцатая — Амба 176
Глава девятнадцатая — Ли-Фудзин 184
Глава двадцатая — Проклятое место 192
Глава двадцать первая — Возвращение к морю 206
Глава двадцать вторая — Рев изюбров 218
Глава двадцать третья — Охота на медведя 229
Глава двадцать четвертая — Встреча с хунхузами 242
Глава двадцать пятая — Пожар в лесу 250
Глава двадцать шестая — Зимний поход 259
Глава двадцать седьмая — К Иману 267
Глава двадцать восьмая — Тяжелое положение 277
Глава двадцать девятая — От Вагунбе до Паровози 287

Примечания 298
Алфавитный указатель русских и латинских названий растений и животных, упомянутых в тексте 303

ДЕРСУ УЗАЛА

Глава первая — Отъезд 313
Глава вторая — Пребывание в заливе 319
Глава третья — Первый поход 328
Глава четвертая — В горах 338
Глава пятая — Наводнение 348
Глава шестая — Возвращение к морю 360
Глава седьмая — Экскурсия на Сяо-Кему 368
Глава восьмая — Такема 378
Глава девятая — Ли Цун-бин 387
Глава десятая — Страшная находка 395
Глава одиннадцатая — Опасная переправа 401
Глава двенадцатая — Корейцы-соболевщики 413
Глава тринадцатая — Водопад 424
Глава четырнадцатая — Тяжелый переход 432
Глава пятнадцатая — Низовья реки Кусуна 440
Глава шестнадцатая — Солоны 448
Глава семнадцатая — Сердце Зауссурийского края 458
Глава восемнадцатая — Завещание 470
Глава девятнадцатая — Возвращение Хей-ба-тоу 479
Глава двадцатая — Через Сихотэ-Алинь 489
Глава двадцать первая — Зимние праздники 498
Глава двадцать вторая — Нападение тигра 506
Глава двадцать третья — Конец путешествию 515
Глава двадцать четвертая — Смерть Дерсу 522
Примечания 529
Алфавитный указатель русских и латинских названий растений и животных, упомянутых в тексте 537

Редактор *С. Н. Кумкес.*
Художеств. редактор *В. В. Осокин*
Техн. редактор *И. Н. Ривина*
Обложка и рисунки худ. *Ю. Г. Макарова*

Сдано в производство 26/XI—49 г. Подписано к печати 13/II 50 г. Т 01736. Формат $60\times92^1/_{16}$. Тираж 75 000. Печ. л. 34 + 0,625 вкл. Уч.-изд. л. 36,5 л. Цена 14 р. 60 к. Переплет 1 р. 50 к. Заказ 2010.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

16 руб. 10 коп.

ГЕОГРАФГИЗ · 1950